

Д. А. Милютин
ДНЕВНИК

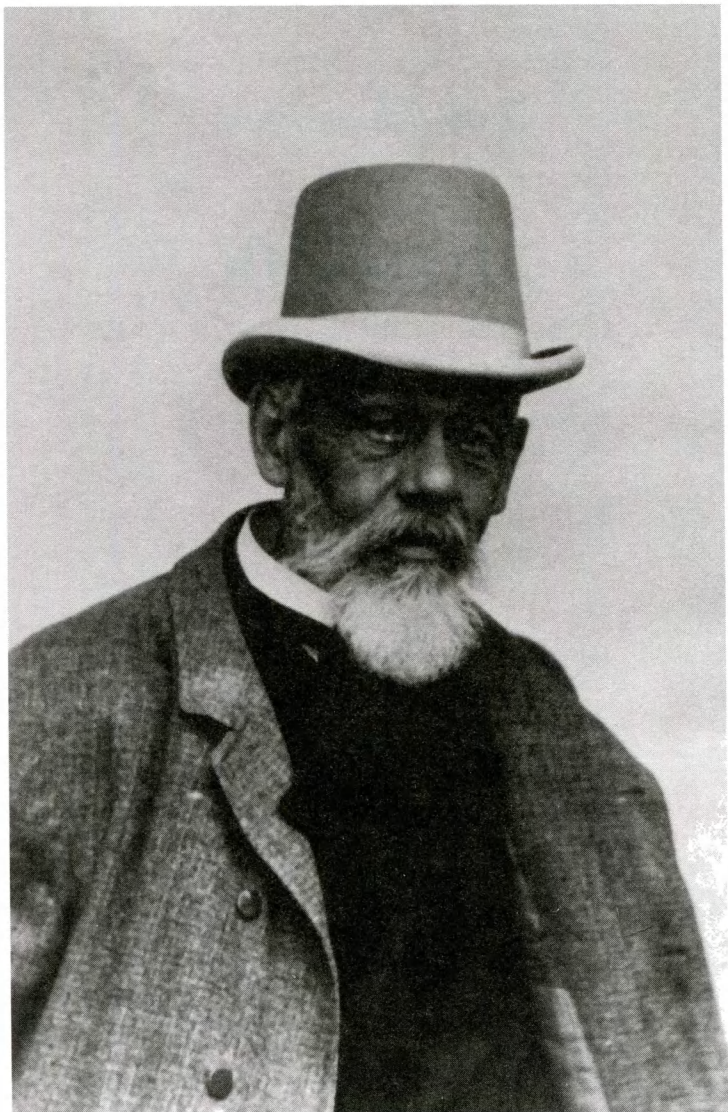

1882 — 1890

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

Д.А. Милютин

ДНЕВНИК

генерал-фельдмаршала

графа

Дмитрия Алексеевича

Милютина

1882–1890

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2010

ББК 63.3(2)51

М60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а и 09-01-16133д

Предисловие *Л. Г. Захаровой*

Подготовка текста, комментарии и указатели *М. А. Волхонского,*
Л. Г. Захаровой, Т. А. Медовичевой, Л. И. Тютюнник

Подбор иллюстраций *А. А. Комзоловой, С. А. Экишута*

Милютин Д. А.

М60 **Дневник. 1882—1890** / под ред. Л. Г. Захаровой. — М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. — 584 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1454-0

Настоящий четвертый том «Дневника» Д. А. Милютина, в отличие от предыдущих, публикуется впервые. Он охватывает 1880-е гг., время, когда Д. А. Милютин, выдающийся государственный деятель, реформатор, бывший в течение 20-ти лет военным министром Александра II, после его трагической смерти вышел в отставку, поселившись в Крыму, в «своем любезном приюте» в Симеизе. Навсегда покинув Петербург и официальное поприще деятельности, он, однако, не оказался в изоляции. Из многочисленных писем по почте, но в основном с оказией (от К. Д. Кавелина, А. В. Головнина, П. А. Сабурова и др.), из газет и журналов, из почти ежедневных посещений друзей и бывших, а также продолжавших свою деятельность коллег (военных, дипломатов, литераторов, художников, путешественников), Дмитрий Алексеевич узнавал о современной ситуации в России и в мире и записывал свои впечатления. В 1889 г. он совершил 6-месячное путешествие в Палестину, Египет, Грецию, Италию, Францию, Швейцарию, что красочно и ярко отразил в своем «Дневнике». Эта книга, как ни одна другая из многотомного мемуарного наследия Милютина, познакомит читателя с личностью Д. А. Милютина как человека, в его повседневном бытии, в его отношениях с людьми, в его заботах о семье, в его ежедневных трудах, благодаря которым сохранились для потомков бесценные воспоминания о России XIX в.

Текст публикуется без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями, указателями имен и географических названий. Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-8243-1454-0

© Волхонский М. А., Захарова Л. Г., Медовичева Т. А.,
Тютюнник Л. И., составление, предисловие, коммен-
татории, указатели, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта четвертая книга «Дневника» Д.А. Милютина (1882–1890 гг.) отличается от предыдущих трех. И потому, что она издается впервые, и потому, что автор ее, Д.А. Милютин, навсегда покинул Петербург и официальную государственную службу. Еще в мае 1881 г. он вышел в отставку вместе с другими деятелями Великих реформ, не приняв провозглашенный Манифестом 29 апреля 1881 г. курс на «незыблемость самодержавия». Уединившись с семьей в своем имении Симеиз, он старался «по возможности замкнуться в тесную рамку своего домашнего очага» (с. 117). Сомнения в целесообразности продолжения «Дневника», который он систематически вел с начала 1873 г., в пору наиболее интенсивной деятельности на посту военного министра, не раз посещали Дмитрия Алексеевича. Пропуски записей за две недели частые, реже за месяц, но иногда и более двух. Вопрос, стоит ли вести дневник, «на который я до сих пор (до отставки в мае 1881 г. — Л.З.) смотрел, как на сборник показаний свидетеля на допросе будущего историка», и «будет ли историк дорожить показаниями старика, удалившегося от дел государственных», возникает в первой же записи 1882 г. и потом повторяется неоднократно. Но именно благодаря этим сомнениям мы узнаем об отношении Милютина к труду мемуариста и ценности мемуаров. «Поразмыслив ближе, прихожу к тому заключению, что и заметки отшельника бывают не бесполезны», — заключал он в надежде, что не раз представится случай занести в дневник «какую-либо черточку, пригодную для будущего летописца».

Разбирая через несколько лет архив своего дяди, выдающегося государственного деятеля XIX в. графа П.Д. Киселева, Милютин очень осторожно и внимательно отбирал все заслуживающее внимания. Как профессиональный историк¹ он уверенно утверждал, что «для историка может иногда пригодиться и даже сможет быть ценным материалом какой-нибудь мелкий клочок, кажущийся с первого взгляда ничтожным» (с. 206). Неслучайно он так бережно собирал свой архив. Другое не менее важное соображение мемуариста — требовательность к достоверности дневниковых записей и воспоминаний. Повествуя о беседе с «экс-послом в Константинополе и экс-министром внутренних дел» Н.П. Игнатьевым, посетившим Симеиз в сентябре 1886 г., Милютин воздерживается от записи в дневнике услышанных интересных сведений, т. к. не убежден в их достоверности.

Сам же стремится быть точным в передаче фактов и оценке людей, для чего привлекает документальные материалы и сопоставляет свидетельства разных лиц.

Именно в этой книге «Дневника» мы видим Милютина за созданием мемуаров: «Работал усидчиво над своими “воспоминаниями”; я живу в прошедшем». Об этом он упоминает неоднократно, иногда признавая усталость от предпринятого труда или недостаток некоторых ценных материалов (с. 148).

Высказывал Милютин и свое отношение к изданию личных архивных материалов. В связи с намерением П.П. Семенова передать некоторые письма П.Д. Киселева в «Русскую старину» Милютин, при всем уважении к самому изданию, отверг такое намерение. Он считал, что редакция этого периодического органа (как и других подобных) «не отличается строгою разборчивостью, печатая все, что попадает в ее руки» (с. 205).

В мемуаристике Милютина всегда чувствуется многогранность его личности: основательность и разнообразие знаний и способностей, богатство опыта, приобретенного в различных сферах деятельности и в течение долгой жизни. Выдающийся государственный деятель, военный историк (известный в России и Европе), профессор Николаевской военной академии, редактор газеты «Инвалид», человек высокой нравственности и достоинства, чувства долга перед современниками и потомками, ответственный перед страной, которой служил, пока его понятия и принципы не разошлись с политикой верховной власти — такому человеку было что сказать в своих мемуарах. Осуществлению колоссального мемуарного труда способствовали и условия — богатый личный архив, собиравшийся с молодых лет, отставка, освободившая Милютина от безмерной занятости, душевное спокойствие, обеспеченное надежным тылом — дружной семьей и единственной спутницей жизни, женой Натальей Михайловной Понсе. Даже внезапная смерть двух взрослых дочерей (Маруси и Лёли) в Оренбурге в течение одного месяца — в декабре 1882 г. — не сломила Дмитрия Алексеевича Милютина. Не сетуя на удары судьбы, он сохранял налаженный уклад жизни, продолжал начатое дело (создание мемуаров), по-прежнему с интересом реагировал на все происходившее в стране и мире, как всегда оставался отзывчивым и открытым для общения со множеством людей.

Напрасно Дмитрий Алексеевич тревожился, что с отставкой и уединением в Крыму не будет интересного материала для «Дневника». Стоило ему поселиться в Симеизе, как стала регулярно поступать почта от многочисленных корреспондентов, письма которых (особенно с оказией от А.В. Головнина, К.Д. Кавелина, П.А. Сабурова) бесценны для комментирования «Дневника»; и потянулись бесконечные посетители, среди которых великие князья, действующие и вышедшие в отставку министры, послы, губернаторы, военные, адмиралы, художники, писатели, ученые, журналисты, издатели, путешественники, друзья раз-

ных лет, родственники. Милютина помнили, ценили, его мнением дорожили, многие его любили. Когда в 1883 г. наступила юбилейная дата — 50-летие службы (в XIX в. официально юбилеи дней рождений не отмечались), Дмитрий Алексеевич, никогда не любивший шумных празднеств (или, как он выражался, «манifestаций»), отправился в путешествие по кавказскому побережью. Это бегство от поздравлений не остановило их потока. Еще на обратном пути из Батуми на пароходе ему подали 100 поздравительных телеграмм и писем, а по прибытии в Крым — более 200. Значительное число поздравлений поступило от целых учреждений и ведомств: от Военного совета, Академии наук, от отдельных частей войск — полков, батарей и т. д. В телеграмме от Общества русских врачей за подписью С.П. Боткина сообщалось об избрании Милютина его почетным членом. «Особенно лестная» телеграмма поступила от Генерального штаба. Одна телеграмма была подписана бывшими «сотоварищами» по Комитету министров — «и в числе их даже Победоносцев». Были и адреса в красивых футлярах, например, от Петербургского университета. Получен был и подлинный царский рескрипт, отличавшийся «лаконизмом и жидкостью содержания». Из газет узнал Милютин о назначении почетным президентом Академии Генерального штаба. Прибыла в Симеиз и посылка из Петербурга, от бывших при Милютине в разное время адъютантов — «великолепная серебряная чернильница с двумя подсвечниками» и с причудливым, художественно выполненным изображением основных этапов карьеры Милютина. В тот же день получено письмо от бакинского городского головы, извещавшего, что одна из новых улиц города названа «Милютинскою» и так далее (с. 114, 115).

«...Это выражение сочувствия со стороны столь многих лиц глубоко тронуло меня; скажу более — оно подняло мое душевное настроение», — признается Милютин, несмотря на свою нелюбовь к юбилеям. А читатель «Дневника» может убедиться, как известен и признан был Д.А. Милютин современниками, каким уважением и почетом он пользовался, даже покинув официальное поприще. Его личность притягивала людей. Из бесед с многочисленными посетителями, из писем корреспондентов, из газет и журналов Милютин, находясь в уединении, черпал информацию о прошлом и настоящем, заносил ее в свой «Дневник» и дополнял собственными впечатлениями и наблюдениями.

В этом прошлом судьба Великих реформ была самой близкой и дорогой уму и сердцу темой. Восприятие Милютиным и его коллегами-единомышленниками реформ Александра II под непосредственным впечатлением от событий 1 марта, затем в течение 1880-х гг., а также оценка этих реформ и отношение к ним в реальной политике оппонентов сошедших со сцены реформаторов не может оставить равнодушным историка и любознательного читателя вообще, современных политиков в частности.

1-е марта спустя год, в 1882 г., представляется Милютину «каким-то чудовищным кошмаром». «Только год и сколько уже перемен с тех пор, сколько тяжелых, трудных впечатлений, какое изменение в общем настроении и духе времени», — писал он, и, подводя итог, заключал: «Что может значить в судьбах многих миллионов исчезновение одной личности и появление другой на ее месте». В этот день Милютин с семьей отправился в Алупку, где в церкви служили панихиду по «царю-освободителю», «царю-мученику». Церковь была полна. «Много было простого народа, рабочих», — замечал Милютин, отдавая предпочтение этой «простой, скромной обстановке» «пышным официальным церемониям при дворе» (с. 29).

Назначение в мае 1882 г. министром внутренних дел Д.А. Толстого, о котором сообщается в «Дневнике», Милютин называет «чудовищным!!!» (с тремя восклицательными знаками), считая, что он «сделался ненавистным для всей России». В этой оценке Милютин расходится со своими единомышленниками — великим князем Константином Николаевичем и А.В. Головинным, которые ожидали полезных для дела результатов от твердого характера и самостоятельности нового министра в противоположность «шаткости» прежнего — Н.П. Игнатьева. Но и великий князь, полемизировавший с Милютинным, вынужден был согласиться с ним, что «граф Толстой всегда выказывал пренебрежение к общественному мнению и ставил себе в достоинство идти наперекор ему». Прозорливо заглядывая в будущее, как бы пронизывая взглядом грядущие годы, Милютин заключал эту запись вопросом: «Что же можно ожидать хорошего от такого министра?» (с. 47).

В следующем году Головинн уже не заступался за Толстого, которого Милютин продолжал считать «зловреднейшим для России человеком» (с. 100). А 31 декабря 1883 г., подводя итог первым годам нового царствования, Милютин задается вопросом: «Верно ли мое мрачное воззрение на современное положение?». Ответ его, «с точки зрения исторической, или пожалуй, философической», пространен и заслуживает особого внимания читателя. Однако краткое резюме мемуариста уместно здесь процитировать: «Последние два, три года тем в особенности грустны, что они обнаружили всю слабость убеждений и взглядов в так называемой интеллигенции нашей, выказали всю нашу незрелость. Сказать ли по-просту? — мы оказались стадом баранов, которое бежит туда, куда бежит передний козел. Вот что грустно».

Совершенно очевидно, что 1 марта 1881 г. — для Милютина роковой рубеж в истории России: Великие реформы «канули в вечность», а сами реформаторы — это «инвалиды эпохи». В 1883 г. и Головинн уже воспринимал время Великих реформ как «минувшую эпоху, отошедшую в вечность»². Несмотря на категоричность своих оценок, Милютин старался оставаться беспристрастным и корректировать свои взгляды. Он соглашался со своим собеседником бароном А.Г. Жомини и со своим «неутомимым корреспондентом» Головинным, которые весной 1884 г.

утверждали, что со времени воцарения Александра III «действительно совершались в нем значительные перемены к лучшему, нет прежней легкомысленности, самонадеянности, нет резких и безапелляционных суждений». Милютин добавлял от себя, что еще на коронации в мае 1883 г. сам имел случай подметить в нем эту перемену: «Государь показался мне совсем другим человеком, не тем, с каким я расстался в мае 1881 года. Спокойствие, даже некоторое благодушие, простота и вместе с тем рассудительность составляли совершенную противоположность прежним его правилам». Однако в отличие от Жомини и Головнина он не останавливается на этом наблюдении и продолжает: «Жаль только, что общее направление, общий взгляд политический, как кажется, остаются неизменными. По-прежнему его идеалы выражаются в статьях Каткова; по-прежнему он признает главной задачей своей — напоминать о своем самодержавии, обуздывать всякие поползновения к поступательному движению по пути прогресса в европейском смысле слова» (с. 131–132).

Реальная политика различных министерств уже к 1884 г. не оставляла сомнений, как был уверен Милютин, в намерениях правительственной власти пересмотреть наследие прошлого царствования. «Теперь реформаторы, — писал он, — задались только желанием переломать все, что было совершено в царствование покойного Государя, без ясного сознания цели предпринятой ломки и без нового идеала в будущем» (с. 145). Эта оценка политики власти сохранялась и в дальнейшем. Так, по поводу принятия закона о земских начальниках 1889 г. Милютин, в отличие от великого князя Константина Николаевича, отмечал опасность соединения административной и судебной властей.

Иногда критическая оценка политики власти распространяется не только на царствование Александра III, но относится и к предшествовавшим временам. Говоря об упорстве немецких баронов и бюргеров, отстаивавших «свою германскую средневековую автономию» в Остзейском крае, Милютин отмечал вялость, уступчивость, слабость, которую «выказывало до сих пор русское правительство в отношении к этому завоеванному краю» (с. 165)³.

Еще более пристальное внимание проявлял Милютин к проблемам внешней политики. Информацию он черпал не только из газет, но также из непосредственного общения с министром иностранных дел Н.К. Гирсом и сотрудниками его ведомства (например, директором канцелярии министра иностранных дел В.Н. Ламздорфом), с дипломатами, военными, посещавшими Симеиз. После одного из разговоров с Гирсом он записывает в дневник 3 апреля 1886 г.: «...Вся наша политика носит характер случайности и неожиданности. Руководит нашими судьбами Русский Бог». Спустя три недели из другой беседы с Гирсом он узнает о некоторых интересных подробностях и действиях внешнеполитического ведомства в конце русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Рассказ Гирса о

миссии Н.П. Игнатьева в Константинополь в 1878 г. для заключения Сан-Стефанского договора «выказывает наглядно, — записывает мемуарист, — что в то время князь А.М. Горчаков впал уже в совершенное расслабление ума, что благодаря ему мы сами подали повод к невыгодному для нас обороту дел после войны». Содержание рассказа Гирса Милютин намеревался записать особо, чтобы «сохранить драгоценный материал для истории этой войны, Берлинского конгресса и последствий его» (с. 181)⁴. О последствиях, о положении России на Балканах, о восточном вопросе в правление Александра III в дневнике много интересных записей.

Еще во время коронации в Москве в мае 1883 г. в общении с дипломатами за обедом у министра иностранных дел, а затем на совещании в его кабинете вместе с послом в Берлине П.А. Сабуровым, послом в Вене А.Б. Лобановым и бароном Жомини, Милютин получил представление о состоянии дел в сфере внешней политики России. Речь шла о главном — продлении секретного договора 1881 г. с Германией и Австро-Венгрией и в связи с этим о восточном вопросе. При общем согласии о необходимости продления договора оказалось, что «мысли по этому предмету вовсе еще не установились». Сабуров написал преимущественно на изменения статьи 1-й договора 1881 г. в том смысле, чтобы договор этот, развязывая Германию руки против Франции, в то же время налагал бы на нее и некоторую узду в отношении окончательного исхода возможной в будущем войны. Что особенно интересно — это запись в дневнике о позиции Александра III: «Гирс и Сабуров заметили, что Государь не сочувствует вообще возобновлению договора 1881 года, что он поддался мечтательным фантазиям Нелидова о завладении Босфором с согласия самого султана (?!), что, наконец, Государь возлагает большие надежды на личное свое соглашение с нынешним наследным принцем Германии в случае смерти императора Вильгельма. Все это нахожу я иллюзиями», — заключал эту запись Милютин и высказывал свое понимание ситуации. «В настоящее время, — считал он, — интересы наши в восточном вопросе имеют характер чисто отрицательный». И пояснял, что Россия была заинтересована не допускать «ничьего чужого влияния на Балканском полуострове» и не впускать «ничьего военного флота в Черное море». Исходя из этого задача российской дипломатии должна была сводиться к сохранению status quo на Балканах, закрепленному договором трех сторон (с. 90). Спустя три года от того же Жомини Милютин узнал, что посланник в Константинополе А.И. Нелидов вел переговоры с Портой о заключении оборонительного союза с условием, чтобы защита проливов лежала совместно на Турции и России. Но переговоры были расстроены разными случайностями, как объяснял Жомини. Однако Милютин с уверенностью повторяет свое мнение, что «задуманное дело» все равно не удалось бы уладить — англичане не допустили бы заключения такого союза (с. 185).

С большим вниманием следил Милютин за информацией о политике Военного министерства, одобрял сообщения начальника Главного штаба Н.Н. Обручева о снабжении русской армии современным оружием, укреплении ее боевых сил. Однако выражал сомнение, что в полтора-два года будет достигнута поставленная цель и «мы не будем уступать нашим западным соседям ни в количестве боевых сил, ни в готовности к войне». А то, что возможность «грозной европейской войны» должна учитываться — в этом Милютин и Обручев были едины. Милютин был уверен, что Россия будет иметь дело с коалицией и тогда ее силы вряд ли окажутся достаточными, чтобы вести войну без союзников; Обручев же не касался этого вопроса вовсе (с. 186). Имея возможность встретиться с Обручевым через 4 месяца, Милютин в беседе «глаз на глаз» узнает о секретных мерах Военного министерства на случай войны и расчетах относительно решения восточного вопроса. Он убеждается, что все еще преобладают надежды на возможность соглашения с Турцией о совместном занятии проливов; более того, разработан уже подробный план десанта и оборонительной позиции на Босфоре. «В соображениях этих я нахожу некоторую дозу оптимизма и иллюзий», — повторяет свое мнение Милютин (с. 196).

Однако параллельно этим планам верховная власть в лице самого Александра III проявила выдержку и отказалась от каких-либо насильственных мер во время крайнего обострения отношений с Болгарией и ее переориентации на Запад. Милютин имел случай лично убедиться в этом при беседе с Александром III в октябре 1886 г., когда император сам заговорил с ним о Болгарии: «Он смотрит спокойно на будущее и твердо решил воздержаться от всяких военных предприятий». Вместе с тем Милютин отмечал, что Жомини и посол в Берлине П.А. Шувалов оценивали внешнеполитические дела России «не в розовом цвете», более пессимистично, чем Александр III (с. 191, 194).

Еще раз возвращаясь к этой теме в своем дневнике 10 мая 1887 г., Милютин передает содержание беседы с тремя генералами Генерального штаба, один из которых (Протопопов) долго занимался изучением Босфора и Дарданелл. Все трое сообщили, что укрепления, сооруженные турками в проливах, не остановят прохода английского флота, даже если Порта захочет этому воспрепятствовать. Но «наши специалисты» и в этом случае рассчитывали на возможность преграждения иностранным судам входа в Черное море посредством современных мин. Милютин выражал сомнения в реальности такого плана и в очередной раз утверждал, что «пока нет у нас в Черном море сильного флота, едва ли можем мы воспрепятствовать вторжению англичан». Восточный вопрос так волновал Милютина, что решение его приснилось «и очень подробно», с чего и начинается первая запись за 1888 год.

Вообще деятельность военного ведомства, проблемы вооружения армии, укрепления обороноспособности страны очень волновали Милюти-

на. Так, в самом начале 1889 г., отвечая на очередное письмо Н.Н. Обручева и в частности на сетования о незначительности финансирования министерства, Милютин писал: «Поправить наши финансы... конечно, дело весьма важное, но ведь обеспечить самое существование государства еще важнее. Благодаря господину Бисмарку и прусскому милитаризму — вся Европа вынуждена истощать свои силы и жить в долг, на счет будущих поколений. Очень прискорбно... но едва ли может одна Россия составить исключение и фактически ожидать решения своей судьбы, предоставляя другим разоряться» (с. 239).

«Дневник» Милютина ценен не только своей информативностью, наблюдениями, оценками много знавшего и много повидавшего за свою жизнь выдающегося государственного деятеля. Именно потому, что дневник писался в отставке, вдали от Петербурга и Москвы, в уединении, он дает представление о повседневности быта, укладе жизни, и не только самого Милютина, но также и членов императорской фамилии — великих князей Константина и Михаила Николаевичей, самого Александра III с Марией Федоровной и многих русских, осевших в Крыму или наезжающих периодически, таких как Н.Я. Данилевский, И.К. Айвазовский, Б.Н. Чичерин, Н.Н. Миклухо-Маклай и многие другие. Среди россыпи интереснейших фактов мы узнаем, что Симеиз посетил И.И. Иванюков — автор первого исследования об отмене крепостного права в России — с намерением получить материалы для биографии Н.А. Милютина, хотя так и не осуществил, к сожалению, свой замысел. Приезжал и М.И. Семейский с целью узнать лично от Милютина как можно больше о недавнем прошлом для «Русской старины». Приезжал не раз и генерал М.А. Домантович, чтобы получить сведения и материалы для составления истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по поручению начальства. Почти неделю читал Милютин ему свой дневник, а Домантович — первые главы своей работы. В январе 1889 г. посетил Симеиз Б.Н. Чичерин, с которым Дмитрий Алексеевич говорил о замечательном его труде «Исследование химических элементов» и вообще о его занятиях математическими и естественными науками. Милютин поражался, как успел Борис Николаевич в короткое время так основательно усвоить весь обширный цикл новых для него наук — математику, физику, химию, до последних лет занимаясь науками политическими и социальными. Вместе с Милютиным удивимся и мы масштабу личности людей XIX в.

Вообще память об этой войне Милютин бережно хранил. Когда он получил приглашение от высочайшего имени прибыть на открытие памятника войны 1877—1878 гг., то не смог отказаться. «Надежда, которую я лелеял, что больше никогда не увижу Петербург — не осуществилась», — отмечал он, и далее уже в Петербурге: «Глазам не верю, что попал сюда наяву, а не во сне». Эти две записи от 1 и 8 октября 1887 г. передают всю силу перенесенного в марте 1881 г.

потрясения. Рубеж в истории России стал рубежом не только карьеры, но всей жизни Д.А. Милютина. Какая удивительно цельная личность!

Записи «Дневника» сохранили для нас множество интересных, ярких образных характеристик деятелей Великих реформ и тех, кто взялся их пересматривать; людей, олицетворявших власть и в той или иной степени повлиявших на ход истории России. Среди них Александр II и Александр III, как люди и как властители, очень живые в повествовании Милютина, о которых читатель узнает что-то новое и важное для понимания их царствования, их эпохи.

Совсем особый, отдельный сюжет этой книги «Дневника» Милютина — путешествие в чужие страны в 1889 г. Запись в дневнике 4 мая: «Давнишние мои мечты о путешествии за границу... наконец осуществляются. Решаюсь предпринять странствие до поздней осени — начав с востока и кончая западом». Отправляется Дмитрий Алексеевич «просто туристом, без спутников, даже без прислуги, с единственной целью — развлечься, стряхнуть с себя умственную дремоту» (с. 244).

Путешествие начинается с Константинополя, где до того Милютин был в 1870 г. Ежедневные записи «Дневника» воспроизводят яркую картину всего увиденного по пути. Прогулка по Босфору и Дарданеллам позволяет осмотреть построенные турками новые укрепления. Смирна и Александрия удивляют путешественника благоустройством, чистотой, архитектурой, широкими тротуарами, сделанными по «образцу парижских». Но вместе с тем на улицах Александрии ездят богатые люди, сановники, сыновья хедива в колясках с впереди бегущими скороходами с длинными палками в руках, разгоняя народ. «Вот еще один из тех остатков старого быта, которые бросаются в глаза своим резким контрастом с новыми европейскими формами», — заключал Милютин запись 20 мая / 1 июня. И то же в Каире. Железная дорога «в большом порядке», «великолепный» мост из Каира на один из островов Нила — Гезирет, центральная часть города отстроена «в европейском характере»; поля рисовые и хлопковые старательно обработаны «неутомимыми тружениками феллахами». А водоподъемные колеса совершенно примитивного устройства, даже вплоть до переливания воды людьми посредством коромысла. «Так и кажется, что видишь картину первобытного Египта», — еще раз отмечает Милютин контрастность увиденного. А сам впервые в жизни ездит на ослах, что очень принято в Египте, причем «за каждым всадником бежит владелец осла, подгоняя его когда нужно». В Иерусалиме Милютин также перемещается на ослах, отмечая, однако, их отличие от египетских. Именно во время его пребывания в Иерусалиме была получена зашифрованная телеграмма из Петербурга об образовании Палестинского общества под покровительством великого князя Сергея Александровича. Здесь Дмитрий Алексеевич с большим интересом и чувством посещает

святые места, но в его религиозности не ощущается никакой чрезмерности, тем более фанатизма. Если можно так сказать, его вера, его поклонение святыням, его православие уравновешиваются здравым умом и душевным спокойствием.

Везде на пути следования Милютину оказывались знаки внимания, более того, почитание и уважение со стороны российских дипломатических миссий. В Константинополе посол А.И. Нелидов часто посещал его, в Яффе на встречу с ним отправился на лодке тамошний вице-консул В.Н. Тимофеев, в Иерусалиме русский консул В.А. Максимов проявлял заботу о почтенном путешественнике. И так повсюду.

Переместившись с востока на запад и попав в Грецию, Милютин отмечал в этой стране «самое счастливое очертание берегов» — везде бесчисленные гавани, бухты, заливы, что способствовало раннему развитию мореходства и торговли. С замиранием сердца приближался Милютин к Греции, где «каждая точка связана с каким-нибудь классическим воспоминанием». Подходя к Пирею, он уже «не спускал глаз с показавшегося еще издали афинского Акрополя». Осмотр «массы любопытнейших в высшей степени развалин» («величественный храм Юпитера Олимпийского», Арка Адрианова, Пропилеи и др.) привел к такому нервному напряжению, что путешественник не сомкнул глаз всю ночь. Однако встав утром 14/26 июня в пятом часу, Милютин смог осмотреть все, что оставалось после проведенной накануне экскурсии по древностям, и проделал за день пешком 11 верст по Афинам. В результате, как итог его сильных впечатлений, восклицание: «Но как далеко уступает новая греческая архитектура древней!». Говоря о строительстве здания Академии, которое отличается наибольшей претензией, Милютин замечает, что «в строящемся еще здании Музея уже заметны и трещины». Опять приходится удивляться, как актуальны наблюдения Милютина для сегодняшнего дня.

И в Египте Милютин восторгается древними памятниками, например, мавзолеями калифов, которые стоят 600—700 лет, но составляют «неисчерпаемый источник», из которого «нынешние художники» заимствуют образцы для своих рисунков в «арабском вкусе». А свое впечатление от египетских пирамид — «циклопических построек», «диких древних памятников глубокой древности» — Милютин передает так: «Меня охватило глубокое изумление. Что за громадные труды человеческих рук! Как ничтожны кажутся в сравнении с ними все строительные работы, произведенные в наше время» (с. 265).

Для Милютина-путешественника, туриста характерна широта кругозора. В его поле зрения не только древности, история, современная политическая ситуация, но все интересное. Он посещает серные бани, базары, парки; описывает людей разных социальных слоев — знать и народ, их одежду и обычаи; конечно, часто бывает в музеях, например,

в Турции осматривает «любопытные вещи из недавних раскопок Шлимана». Нельзя не сказать и об отношении Милютина к природе. Оно какое-то особенное. Он отмечает оттенки моря: «Любуюсь синим, блестящим отливом воды»; фиксирует в дневнике великолепные виды, например, в Турции с вершин гор, называя их «эффектными». Всегда пишет о погоде, о горах, реках, растительности, сравнивая породы деревьев в Турции и Крыму. Обращает внимание на дерево, которое имело такой ствол, что «пятеро человек едва могли обхватить его растянутыми руками». Однажды Милютин специально оставался у пирамид до заката солнца, чтобы любоваться видом на Каир и Нил, «освещенные последними лучами дневного светила». В этом редко употребляемом слове «светило» чувствуется восприятие окружающей человека жизни как мироздания.

Но вернемся к путешествию. Из Греции Милютин направляется в Венецию на итальянском пароходе и мельком замечает, что русские пароходы гораздо комфортабельнее, чище и удобнее (с. 294, 295). И тут же признается: «Мне было как-то приятно после странствий на Востоке почувствовать себя опять в Европе» (с. 296), — которую он хорошо знал с молодых лет, добавим от себя. А дальше последуем за Дмитрием Алексеевичем по дорогам, городам, музеям, историческим памятникам и местам Европы, вне которой Милютин не видел Россию.

В Италии всего более впечатлила Милютина многочисленность городов, городков и местечек, опрятных, красивых, в самом близком соседстве один с другим. «На протяжении менее 800 километров пути от Бриндизи до Венеции насчитал я более 20 городов, в том числе несколько таких, какова Анкона, Болонья, Феррара, Римини, Ровиго, Падуа, богатых своими историческими воспоминаниями, старинными капитальными постройками, замечательными произведениями искусства, иные с университетами и все прекрасно построены. Так и видно, — заключал свои наблюдения Дмитрий Алексеевич, — что в этой стране основою всего исторического развития гражданской жизни было городское самоуправление, муниципия» (с. 296). Это умозаключение Милютина, сделанное более века назад, остается вполне актуальным и сегодня.

Внимание Милютина привлекает и оживленная городская жизнь. На улицах городов Италии, Швейцарии, Франции он встречает «толпы туристов», «караван туристов» — англичан, немцев, австрийцев, мужчин и женщин, «иногда с грудными детьми». На Всемирной выставке в Париже Милютин обращает внимание на присутствие «массы народа» и, хотя многие смотрят экспонаты, ничего не понимая, а толкаются как на гулянии, для развлечения, «тем не менее на каждом шагу бросается в глаза развитость этой толпы», — отмечает русский путешественник. И продолжает: с выставки к шести часам вечера «большая часть публики» расходится по ресторанам, кафе и дожидается, когда начнется электрическое

освещение фонтанов и Эйфелевой башни, что составляет одну из главных приманок выставки (с. 329, 330).

И то же в Италии. В Генуе центральные части города «кишат народом живым и шумным, почти как в Неаполе». В Мессине по случаю воскресенья «масса людей» («простого народа» — поясняет мемуарист) слушает чтеца, который декламирует пьесу. То же в Швейцарии — «езде кишит публика», а отели везде не уступают перворазрядным больших городов. В Женеве для привлечения публики в кафе и ресторанах «езде музыка и пение», иллюминации, уличные представления. На праздник виноделов устремилась масса любопытных, для которых приготовлено 40000 мест для зрителей. Этот колорит городской жизни воспринимался Милютиным как характерная черта сложившегося на Западе уклада повседневности, быта горожан, не исключая и «простой народ».

Но еще больше впечатляет Дмитрия Алексеевича прогресс технический, экономический, особенно в сравнении с увиденным полвека назад — во время первого путешествия в Европу. Железнодорожная служба в Италии «замечательно усовершенствовалась»: от Венеции до Милана 265 километров дороги занимает 6 $\frac{1}{2}$ часов, а скорый поезд из Женевы в Париж пробегает 625 километров в 12 $\frac{1}{2}$ часов, включая остановки на пограничной таможене. Из Генуи во Флоренцию, через Пизу, переезд в 1841 г. тянулся несколько дней, с остановками и ночлегами, «теперь поезд пролетал то же расстояние в несколько часов». Еще более поразила железная дорога, идущая из Италии в Швейцарию, через тоннели, особенно главный — под Сен-Готардом, длиною около 14 верст. «Это сооружение поразило меня смелостью и изобретательностью составителя проекта», — не удерживается от восторженной реакции уравновешенный и сдержанный по характеру Милютин (с. 309). В Люцерне другое новшество — наткнулся на фуникулерную (канатную) железную дорогу. Цюрих еще более, чем Люцерн, «принял новый вид и совершенно неузнаваем».

Вообще «чудесные дороги», вся Швейцария покрыта сетью («ветвью») железных дорог. Не менее восторженно писал Милютин и о столице Франции: «Припоминая Париж 1840 года, я не узнаю многих его местностей: проложено много новых улиц, выстроены великолепные здания, разведены скверы. Особенно поражает меня местность прежнего Тюльерийского дворца» (с. 333). И то же о Риме. В общем виде города Милютин нашел «громадную перемену против прежнего: можно сказать, что Рим перестраивается заново, по образцу Парижа и других столиц европейских; проложены и пролагаются новые широкие улицы, с хорошими мостовыми, асфальтовыми тротуарами...». Но это признание бурного прогресса вызывает одновременно шемящее чувство сожаления, что через несколько лет «от прежней физиономии Вечного города не останется ни малейшего следа» (с. 350). Описывая те

же характерные процессы в облике Неаполя, Милютин вместе с тем констатирует, что «замечается разительная перемена в самой физиономии населения» (с. 360).

В целом, обобщая свои впечатления от всего увиденного и от посещения Всемирной выставки в Париже, Милютин приходил к грустным мыслям: «Как далеко наша Россия во всем отстала от Запада и как продолжает все более отставать, вместо того, чтобы догонять, как утешали мы себя в былое время» (с. 331). Это запись от 3/15 августа, а по прибытии в Севастополь, после полугодового странствия, 19/31 октября 1889 г., еще одно, не менее грустное признание: «Неприятное впечатление при первом шаге на русскую землю» — «безобразные порядки таможенные и полицейские», «ни в одной из посещенных мною стран нет таких формальностей и задержек» (с. 395). И даже сравнение благодатной природы Крыма с культурой садоводства в странах Западной Европы вызывает огорчение. Посетив озеро Комо и его окрестности, Милютин писал: «Должен признаться, что, вспомнив о нашем южном берегу Крыма, я позавидовал виденным сегодня прекрасным садам с роскошною их растительностью, яркою зеленью, обилием цветов. Содержатся эти сады в замечательном порядке» (с. 305).

Любознательный читатель найдет много интересного и познавательного в «Дневнике» Милютина о культуре Западной Европы — ее музеях, архитектуре, живописи, театрах, концертах, исторических памятниках. На его страницах можно увидеть описание площади Святого Марка и Дворца дождей в Венеции, Колизея, Форума, Капитолия, Ватикана в Риме («посетил все древности Рима по заранее составленной программе», — отмечал хорошо подготовленный и много знающий путешественник); Герколанума, Помпей и Везувия (где в молодости, полвека назад, он познакомился со своей будущей женой), мгновенные, отрывистые вспышки вулканической деятельности которого Милютин сравнивал с «тяжелыми вздохами запыхавшегося человека»; знаменитые церкви и соборы Милана, Генуи, Неаполя, Парижа с их фресками; картины эпохи Возрождения в галереях Уффици и Питти во Флоренции и много других шедевров европейской культуры. А еще лаконичные и меткие характеристики городов: Париж — «новый Вавилон», Женева — «небольшой международный культурный центр», Генуя — «хранилище остатков былого величия, богатства, роскоши». И неожиданные встречи: с племянником Юрием Милютиным (сыном Николая Алексеевича) среди молодых дипломатов в Константинополе, с Анатолием Федоровичем Кони, которого на склоне жизни он назовет одним из возможных редакторов своих мемуаров. И впечатление от игры Сары Бернар, которая «является истинною артисткой». И удивительное прозрение Д.А. Милютина — беспокойство и забота об исторической памяти народа. 26 июня / 8 июля запись в «Дневнике»: в Милане, как и в Венеции, «заметил я весьма похвальный обычай — ставить памятники не только государственным людям., но и писателям, художникам и дру-

гим личностям, чем-либо знаменитым. Чрез это имена исторические сохраняются в памяти народной» (с. 301). Эти мысли и наблюдения Милютина, как и многие другие, очень понятны, созвучны настроению его читателей сегодня.

Всего богатства «Дневника» Милютина за 1882–1890 гг. не пересказать, да и не надо, тем более, что впереди еще один том и продолжение путешествий в 1891 году.

Л.Г. Захарова

-
- ¹ См.: *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 8.
 - ² См. комментарий 73 настоящего издания (письмо А.В. Головнина к Д.А. Милютину от 20 мая 1883 г.).
 - ³ Аналогичное наблюдение по отношению к другим окраинам империи, т. е. умение завоевывать и неумение управлять, не раз встречается в мемуарах Милютина. См., например: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 459.
 - ⁴ Эта записка в фонде Д.А. Милютина отсутствует.

ОТ РЕДАКТОРА

Большая часть «Дневника» Д.А. Милютина за 1882–1890 гг. издается впервые (т. е. с 1883 г.). Только «Дневник» за 1882 г. был опубликован под редакцией профессора П.А. Зайончковского более полувека назад¹. В основу данного издания положен список, выполненный А.М. Перцовым еще при жизни Д.А. Милютина и под его наблюдением, который составляет 2 единицы хранения в фонде 169 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Карт. 6. Ед. хр. 5; Карт. 7. Ед. хр. 1). Список сверен с автографом, составляющим за эти годы 9 единиц хранения (Там же. Карт. 4. Ед. хр. 1–9). Наиболее существенные фрагменты первоначального текста (автографа), зачеркнутые или исправленные затем Милютиным, приводятся в подстрочнике, а также перевод иностранных слов и выражений. В угловых скобках воспроизводятся отдельные слова и фразы, зачеркнутые или исправленные Милютиным при редактировании первоначального текста. Авторская правка Милютина, имеющая сугубо стилистический характер, не оговаривается.

Текст «Дневника» печатается в соответствии с современной орфографией, знаки препинания, в случае их ошибочной расстановки или отсутствия, ставятся в соответствии с правилами. Абзацы даны согласно оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором, передаются курсивом. Сохраняются присущие эпохе и самому автору особенности написания отдельных слов и словосочетаний, а также географических названий (нумера, воксал, пред, экскурсии, арестование, фуникулярный, глаз на глаз, Симеис, Орианда, Урзуф и т. п.). Все сокращения, сделанные автором в тексте, раскрываются без оговорок. Не оговариваются также исправления явных опечаток.

Комментарии П.А. Зайончковского к «Дневнику» за 1882 г. особо отмечены и вместе с тем существенно расширены.

Для комментариев к впервые публикуемому «Дневнику» за 1883–1890 гг. был привлечен очень ценный эпистолярный материал, хранящийся в фонде Д.А. Милютина. Издание снабжено аннотированным указателем имен, указателем географических названий, а также иллюстрациями.

Публикаторы выражают глубокую благодарность за поддержку и содействие изданию Российскому государственному научному фонду (РГНФ), за помощь в иллюстрировании издания Государственному архиву Российской Федерации, лично его директору д. и. н. С.В. Миро-

ненко и сотрудникам архива А.А. Литвину, к. и. н. М.В. Сидоровой, И.С. Тихонову, а также д. и. н. Ф.А. Петрову, к. и. н. К.А. Цыковой, главному специалисту Российского государственного исторического архива к. и. н. Н.М. Корневой, директору Центрального государственного исторического архива г. Москвы Е.Г. Болдиной, историку-краеведу М.А. Земляниченко, В.А. Астанкову. Особую благодарность приносим сотрудникам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, в котором бережно хранится фонд Д.А. Милютина.

¹ Дневник Д.А. Милютина. Т. 1–4: (1873–1882). М., 1947–1950. См. также первое полное издание «Дневника» Д.А. Милютина в 5-ти томах под ред. проф. Л.Г. Захаровой: От редактора // Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 17–18.

1882-й год

1-го февраля. Понедельник. — Прошел целый месяц нового года, и мне ни разу не вздумалось раскрыть свой дневник. Приходила даже мысль — не прекратить ли его совсем? Не следовало ли прекратить 8 месяцев тому назад, когда я сошел с официального поприща? И в самом деле: стоит ли вести дневник, в который нечего вносить, кроме домашних мелочей и личных впечатлений*. Так, за весь истекший месяц я мог бы только записать, например, что 5-го января жена моя отправилась в Петербург и потом в Чернигов для свидания с двумя замужними дочерьми, самую старшую и самую младшую¹; что последняя переехала на жительство в Оренбург, где муж ее получил место начальника юнкерского училища; что почти все время мы пользовались здесь на южном берегу прелестною погодой^{**}; наконец, что на днях мы были встревожены чуть не вспыхнувшим в доме пожаром, вследствие неисправности камина. Все это, конечно, не стоило бы занесения в дневник, на который я до сих пор смотрел, как на сборник показаний свидетеля на допросе будущего историка. А будет ли историк дорожить показаниями старика, удалившегося от дел государственных в уединенный уголок, чтобы любоваться только морем, голубым небом, прелестью вечнозеленой растительности, человека, поставившего себе целью отрешиться от всего, что происходит в официальном мире?^{***}

Однако ж, поразмыслив ближе, прихожу к тому заключению, что и заметки отшельника бывают бесполезны; а тот, кто был многие годы близким очевидцем и отчасти действующим лицом в событиях государственных, не может разом оторваться от своего прошлого и безусловно стереть в своей памяти все следы минув-

* Случаев, которые никого, кроме меня самого, не могут интересовать? Или, пожалуй, не вести ли метеорологические наблюдения, так интересующие сельского жителя и хозяина?

** и что лишь три или четыре дня (именно с 27 по 29) термометр спустился ниже нуля.

*** и что может составлять материал для истории?

шей деятельности. Вот почему мне кажется, что и в теперешнем моем положении, как бы ни старался я уединиться, не раз представится мне случай занести в свой дневник какую-либо черточку, пригодную для будущего летописца.

На этот раз могу сказать, что, несмотря на всю сдержанность моих петербургских корреспондентов (опасающихся писать по почте что-либо нецензурное), во всех письмах, во всех доходящих разными путями известиях проглядывает общее неудовольствие в обществе, какое-то тяжелое чувство неизвестности, недоверия к нынешнему правительству, опасения неожиданных, крутых мер². Желание во что бы ни стало все сокращать и уничтожать под предлогом уменьшения расходов угрожает приведением в расстройство существующих учреждений без замены их чем-либо новым, обдуманым и обсужденным в узаконенном порядке*. Большое число лиц, оставляемых за штатом или лишаемых средств существования, плодит число недовольных и держит всех в тревожном ожидании.

Преобладание в настоящее время в высших сферах партии катковской** также имеет весьма невыгодное влияние на общее настроение. Так называемая «либеральная» часть печати подвергается систематическому преследованию; лучшие органы этого оттенка прекращаются на более или менее продолжительное время. Так, до 9-го января прекращено было издание «Голоса», а с 9-го января прекратилось издание «Порядка»; обе эти газеты были противниками московских газет. Вот уже две недели, что я не получаю ни одной газеты, кроме «Инвалида». «Голос», только что воскреснувший, уже получил предостережение. Министерство как будто задалось целью убить всякую конкуренцию «Московским ведомостям»³. В то же время разнеслись слухи, будто бы Катков назначается членом Государственного совета, по примеру

* Первоначальный текст после слов «какое-то тяжелое чувство неизвестности»: «опасение чего-то недоброго. В чем именно заключается причина к этому, конечно, никто не высказывает; по крайней мере, до сих пор мне не удалось ни от кого слышать. Но сколько могу догадываться, никто не доверяет разумности и последовательности нынешнего правительства; опасаются неожиданных, крутых мер. Желание во что бы ни стало все сокращать и уничтожать в видах сбережения финансов угрожает приведением в полное расстройство существующих учреждений без замены их чем-нибудь новым, обдуманым и обсужденным в законном порядке. Заметно стремление ломать все существующее без определенного плана и ясно сознанный цели».

** и аксаковской

нигде не служившего Галагана. По этому случаю явилось в «Московских ведомостях» комичное объявление, что «Каткову никогда не предлагали (sic) быть членом Государственного совета»; но в то же время читаю в газетах о производстве его «за отличие» из статских советников прямо в тайные советники. За какие же это «отличия»?* Не напоминает ли подобная странность времена императора Павла?

В первой книжке «Вестника Европы» нынешнего года напечатана моя статья, озаглавленная редакцией: «Военные реформы императора Александра II». Головнин пишет мне, что об этой статье много говорят и, как кажется, догадываются, кто автор ее⁴. На днях получил я от самого издателя «Вестника Европы» Стасюлевича письмо, в котором он выражает свое сожаление о том, что я отказываюсь продолжать свою статью, и рассказывает слышанное им в самом Управлении по делам печати, будто высшим начальством было поручено специальному военному цензору генерал-майору Мацневу представить свое заключение о том, не вредна ли моя статья, на что Мацнев ответил, что «ему не известно имя автора, но что он может, судя по содержанию, сказать, что автор ее непременно человек, близко знающий дело, о котором говорит вполне добросовестно, и что такие статьи могут быть только в высшей степени полезны»⁵. Вот все, что по сие время известно мне относительно последствий напечатанной статьи моей.

В числе газетных статей, касающихся военного ведомства, являются снова нападки на военно-учебные заведения и в особенности на военные гимназии, которые давно уже ненавистны г. Каткову. На днях получил я письмо от одного из лучших педагогов, инспектора классов 1-й петербургской военной гимназии Рогова, который высказывает отчаяние свое и всех своих сослуживцев по поводу слухов о готовящихся преобразованиях в военно-учебных заведениях, и с негодованием спрашивает, неужели уничтожат военные гимназии в угоду Каткову?⁶ Да, если осуществляются дикие замыслы, о которых толкуют, если в самом деле уничтожат или искажут лучшие из имеющихся у нас средних учебных и воспитательных заведений, то это будет преступление, святотатство. Меня глубоко огорчает самая возможность такого посягательства**. Я написал об этом Н.В. Исакову в надежде, что, быть может, он найдет возможность вызвать на защиту военно-учебных заведений быв-

* Первоначальный текст этой фразы: «Что это за такие заслуги, “отличия” издателя газеты?»

** В своем бессилии я ничего не придумал другого

шего некогда главным начальником их великого князя Михаила Николаевича⁷.

Вопрос кавказский разрешен, наконец, в том смысле, в каком имелось в виду еще в бытность мою в Петербурге: князь Дондуков-Корсаков назначен *командующим* войсками (а не главнокомандующим) Кавказского округа и *главноначальствующим* гражданской частью, с предоставлением ему самому входить с представлениями о тех изменениях, которые он найдет возможным постепенно вводить в гражданском управлении края, в видах объединения его с общим управлением в других частях империи. Такое решение вопроса самое разумное; но я не могу не припомнить, как Государь отозвался о князе Дондукове-Корсакове, когда при последнем разговоре о Кавказе я назвал его в числе кандидатов для замещения великого князя Михаила Николаевича.

В числе разных известий из Петербурга А.В. Головнин сообщает мне о случившемся с князем Суворовым в самом заседании Государственного совета нервном ударе и об ожидаемой смерти графа Литке⁸. По поводу последнего этого известия А.В. Головнин, в беседе с бароном Николаи, возымел странную мысль предложить меня в кандидаты на должность президента Академии наук. Я немедленно отклонил эту^{*} честь, снова заявив положительно, что при настоящих обстоятельствах я не приму *никакой* должности и более всего желаю оставаться в настоящем своем спокойном и уединенном положении.

6-го февраля. Суббота. — Из полученных сегодня газет узнаю о кончине князя Суворова. Он умер 31-го января, на 79-м году жизни. Если следовать латинской поговорке: *de mortui aut bene, aut nihil*^{**}, то пришлось бы мне ничего не сказать о покойнике. Но с такою поговоркой была бы невозможна история. Поэтому я выскажу в коротких словах мое мнение о внуке знаменитого нашего полководца: это был человек крайне тщеславный и, в сущности, пустой. Он очень дорожил популярностью и для того брал под свое покровительство без разбора всякого, кто только обращался к^{***} нему. При дворе он разыгрывал роль Баярда, а, вместе с тем, заискивал в каждом лакее и конюхе. При покойном Государе, и особенно при императрице, Суворов держал себя как друг семейства, сиживал в детской великих князей с няньками и ревновал каждого, кто мог с ним конкурировать на этом пути. Он был завистлив до

* мысль

** О мертвых говорят только хорошее, или же не говорят вовсе (*лат.*).

*** его защите

смешного в отношении наград и почестей. Беспреданно чем-нибудь обижался, и достаточно было самого пустого случая, чтоб он рассорился с человеком, с которым находился в лучших отношениях. Но, к чести его, он был не злопамятен; так же легко мирился, как и ссорился. Мне случалось попеременно то пользоваться его особенным расположением, то навлекать его гнев, и всегда по самым пустым поводам. Впрочем, узнав близко этот характер, я не придавал никакого значения ни его благосклонности, ни его гневу, и в этом отношении обращался с ним, как с балованным ребенком. К тому же нельзя было не смотреть на него с некоторым состраданием, зная, сколько горя перенес он от своей семьи. В последние годы он жил даже в нужде, но никогда не давал заметить это и не жаловался.

13-го февраля. Суббота. — Получил от Н.В. Исакова ответ на мой вопрос относительно слухов о переменах в военно-учебных заведениях⁹. Ответ — в успокоительном смысле; однако ж, оказывается все-таки, что слухи не лишены основания: все, что сообщал мне Рогов, заключается в ряде вопросов, заданных Ванновским начальству военно-учебных заведений. Исаков надеется, что объяснения, которые будут даны по каждому пункту, убедят военного министра в неосновательности поднимаемых им предположений*. Увидим, возьмет ли верх благоразумие и правда или самодурство. Во всяком случае, я доволен уже тем, что письмо мое к Исакову было не лишним: никто не может лучше его помешать какому-нибудь нелепому распоряжению по военно-учебным заведениям.

Сегодня вечером жена возвратилась из своей поездки в Петербург и Чернигов.

14-го февраля. Воскресенье. — Получил два любопытные письма от генерала Баранцова и К.Д. Кавелина. Оба они воспользовались случаем (поездкою моей жены), чтобы сообщить мне такие сведения, о которых писать по почте невозможно. Баранцов пишет о каком-то странно составленном комитете под председательством генерал-адъютанта Баранова, для проверки за прежние годы расходов Военного министерства. Комиссия, как кажется, имеет целью расследовать, не было ли излишних и напрасных расходов, и приступила для первого раза к разбору смет артиллерийского ведомства. Баранцов полагает, что комиссия не нашла и не найдет ничего, что могло бы оправдать распускаемые гнусные клеветы насчет этого управления¹⁰.

* и обещает, со своей стороны, следить за этим делом.

Кавелин же в длинном письме изображает настоящее хаотическое положение России, самодурство* теперешних заправил, общее неудовольствие; но, в конце концов, приходит к тому заключению, что настоящий момент есть эпоха нашего перерождения; что русское общество будто бы приучается самостоятельно мыслить и ни на кого, кроме самого себя, не надеяться и не рассчитывать. «Почти все убеждены, — говорит он, — что самодержавие кончило свои дни». Сам Кавелин не разделяет этого мнения; он, как и прежде, убежден в возможности и даже необходимости сохранения в России самодержавия, но в другой, более разумной обстановке. «Так или иначе, при нас или после нас, а правда возьмет свое. Я не верю в попечительное, отечески о нас пекущееся провидение; но твердо верю в логику фактов, которая с железною, беспощадною последовательностью проводит в жизнь законы явлений и выводы из данных, не останавливаясь ни пред чем в мире».

В этих строках высказывается Кавелин во всем его свете, как идеалист, вечно юный умом и сердцем¹¹.

19-го февраля. Пятница. — Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева — петербургской и парижской¹². Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы тут была простая невоздержанность на язык, необдуманная, безрассудная болтовня; с другой же стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собою внимание на несколько дней. Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может встревожить ни берлинское, ни венское правительства при существующих отношениях между тремя империями; тем не менее, самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, выказывает большое место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надобно опасаться в будущем. Любопытно знать, как отнесутся к выходкам Скобелева в Петербурге.

В «Инвалиде» продолжают появляться приказы о переменах в формах обмундирования. Теперь дошла очередь и до нас — свиты государевой. Нас, генерал-адъютантов, также переодевают** по образцу кучерскому.

25-го февраля. Четверг. — Несколько дней тому назад А.В. Голловнин прислал мне целую коллекцию печатных записок по

* правительства

** по-мужичьему

вопросу о преобразовании реальных училищ¹³ и просил меня сообщить ему мое мнение по этому предмету. Дело это мне близкое и всегда меня интересовало; поэтому я охотно и добросовестно исполнил желание моего корреспондента. Рассмотрев внимательно присланные записки, в которых изложены собранные Министерством народного просвещения отзывы разных лиц, я с удовольствием нашел в них почти единогласное подтверждение моего мнения, высказанного при самом рассмотрении проекта графа Толстого десять лет тому назад¹⁴, а именно, что сочиненные им тогда реальные училища никуда негодны ради того, что им придан характер специально-прикладной, или профессиональный. Граф Толстой и компания имели главною целью унижить реальное образование и не допустить, чтоб оно могло стать в конкуренцию с излюбленным им классическим курсом гимназий. Надо отдать справедливость — цель эта достигнута вполне. Напечатанные теперь мнения о том, в чем именно должно заключаться преобразование реальных училищ, отличаются крайним разнообразием; но огромное большинство голосов находит необходимым дать этим заведениям характер общеобразовательный, а не профессиональный. Исходя из того же начала, я изложил свои предположения по этому вопросу, с приложением даже расписания уроков; сегодня отправил длинное письмо к А.В. Головнину*. Полагаю, что оно будет показано барону Николаи¹⁵.

1-го марта. Понедельник. — Вот минул ровно год со времени страшного события, которое до сих пор представляется в памяти каким-то чудовищным кошмаром¹⁶. Только год, и сколько уже перемен с тех пор, сколько тяжелых, грустных впечатлений, какое изменение в общем настроении и духе времени. Что может значить в судьбах многих миллионов исчезновение одной личности и появление другой на ее месте!..**

В эту первую годовщину несчастного события я со своею семьею ходил утром в Алупку к обедне, после которой была панихида. Церковь была полна; много было простого народа, рабочих; и в этой простой, скромной обстановке молитва об успокоении души царя-освободителя, царя-мученика отзывалась в сердце несравненно глубже, чем пышные, официальные церемонии при дворе.

* *Первоначальный текст после слов «с приложением даже»: «своих таблиц расписания учебных предметов и сегодня отправил длинное письмо к А.В. Головнину».*

** *Многоточие в тексте дневника. — Прим. публ.*

П.С. Ванновский

6-го марта. Суббота. — Генерал-адъютант Ванновский прислал мне при письме печатный экземпляр справки, составленной по его приказанию по поводу печатавшихся газетных статей о чрезвычайном будто бы увеличении в течение последнего двадцатилетия в военном ведомстве личного состава управлений и переписки¹⁷. В письме упомянуто, что Государь, по представлении ему этой справки, повелел разослать экземпляры членам бывшей под председательством генерал-адъютанта графа Коцебу комиссии и напечатать в «Инвалиде». Справка эта, разумеется, приводит к выводу, совершенно противоположному тем нареканиям, которые столько раз уже поднимались на Военное министерство (т. е. против меня) относительно мнимого усложнения администрации, развития бюрократизма, распложения переписки, централизации...* и т. д. и т. д. На поверку выходит совершенно наоборот: в центральных управлениях (т. е. в министерстве) за означенный период число чинов убавилось с 1575 до 1266,

* *Многоточие в тексте дневника. — Прим. публ.*

а число бумаг, входящих и исходящих вместе, — с 633887 до 517414 (в 1875 г., т. е. пред последней войной, было даже всего 454072). В военно-окружных же управлениях сравнительно с управленными управлениями, существовавшими в 1861 году, число чинов убавилось с 4202 до 2890. Все эти цифры не новость для меня; они приводились и прежде в разных случаях. Но странно, что военному министру не пришла ранее мысль о собрании этих данных прежде заседаний комиссии графа Коцебу, в которой столько было говорено о необходимости преобразования всего военного управления, под впечатлением печатавшихся в то время недобросовестных и тенденциозных газетных статей. Присылка мне настоящей справки есть первое проявление внимания и любезности ко мне со стороны моего преемника в должности военного министра, и, конечно, я буду благодарить его за эту любезность; но хотелось бы высказать ему при этом, что не худо было бы поручить кому следует составить и представить выше подобные же фактические справки и по* другим, столь же голословным и несправедливым нареканиям на Военное министерство за тот же двадцатилетний период. По всем вероятностям, эти справки во многом повлияли бы на прения в комиссии графа Коцебу и ускромнили бы газетных борзописцев.

Сегодня же получил длинное письмо от брата Бориса¹⁸, который сообщает мне подробные сведения о ходе дел в военно-судном ведомстве со времени назначения генерал-адъютанта князя Имеретинского на пост главного военного прокурора. Сведения эти весьма характеристично изображают личность самого князя Имеретинского и существующие ныне, по-видимому, во всех частях управления тенденции. Прискорбно личное положение моего брата, который считает себя так непрочным в должности своей (помощника главного военного прокурора), что готовится подать в отставку, и, стало быть, остаться почти без средств существования.

22-го марта. Понедельник. — Только что отправил письмо к А. В. Головнину с дополнительными моими соображениями по вопросу о реальных училищах, в ответ на сообщенный мне при последнем его письме отзыв барона Николаи на мое мнение о лучшем решении этого вопроса¹⁹. Я писал Головнину, что, понимая вполне шаткое положение барона Николаи и необходимость осторожности в этом деле, я думаю, что при таких условиях лучше бы и не возбуждать вопроса о преобразовании реальных училищ до тех

* многим

пор, пока не переменятся обстоятельства в смысле благоприятном для* дела. Иначе всякая теперешняя полумера отсрочила бы надолго полную реформу.

Едва письмо мое было сдано на почту, как получаю № газеты и, к ужасу своему, узнаю, что барон Николай уже уволен от должности министра и что на место его назначен — Делянов!! Это почти то же, что если б назначен был Катков; это восстановление ненавистного для всей России министерства графа Толстого. Между прежним режимом и будущим будет различие только в подкладке: у Толстого подкладкою была желчь; у Делянова будет идиотизм. Бедная Россия!

1-го апреля. Четверг. — После довольно продолжительного перерыва корреспонденции с А.В. Головниным (последнее письмо его было от 12 марта) получил от него письмо, в котором (как и следовало ожидать) упоминается об увольнении от должности барона Николаи, а вместе с тем и об удалении К.К. Грота от заведывания тюремным делом²⁰. Оба они вынуждены были сами просить об увольнении, выведенные из терпения графом Игнатьевым, о котором Головнин отзывается как о первом министре, всемогущем в настоящее время. Головнин удивляется, как Игнатьев, слышущий умным человеком, лишил себя таких полезных и надежных «орудий» в настоящее трудное время. Я же нисколько тому не удивляюсь: Игнатьев — человек хитрый, а не умный**; человек с понятиями узкими, односторонними; такие люди, каковы Грот и барон Николаи, не могли быть ему по душе. Это — не поклонники Каткова и Аксакова.

Получил от генерала Ванновского письмо с приложением экземпляра печатной записки князя Имеретинского о предполагаемых изменениях в устройстве военно-судной части²¹: записка очень коротенькая и недостаточно определительно высказывает, в чем именно предполагается изменить существующий состав военных судов и порядок их делопроизводства; намечены только желания, задачи. Многое можно было бы сказать и против этих общих мыслей; но я полагаю не отвечать и не сообщать Ванновскому моего мнения, во-первых, потому, что мое мнение будет глас вопиющего в пустыне, а во-вторых, потому, что я нахожу обращение Ванновского ко мне несколько бесцеремонным по форме: письмо его, очевидно, написано в виде циркуляра ко всем тем начальствующим лицам, от которых требуется заключение по озна-

* истинно разумного, рационального преобразования.

** в обширном смысле этого слова

А.Д. Милютин

ченной записке; притом, с назначением даже месячного срока для ответа и с оговоркой, что и впредь должен быть соблюден тот же срок для отзывов по тем запискам, которые будут сообщаемы по частным вопросам предположенного преобразования. Бесцеремонно!

10-го апреля. Суббота. — В прошлую ночь приехал в Симеис мой сын, пробывший около 6 недель в Петербурге. Поездка его не осталась без результата: ему удалось отстоять Крымский дивизион, которому угрожало упразднение из видов экономии. Представленные им объяснения, подкрепленные моим письмом к генералу Обручеву, убедили военного министра и самого Государя в том, что нерасчетливо из-за ничтожного сбережения в расходах возбуждать в здешнем татарском населении неудовольствие и недоверие к данному еще так недавно царскому слову. Рассказы сына о том, как идут дела в Петербурге, также и привезенные им любопытные письма от А.В. Головнина²² и брата Бориса раскрывают жалкую

картину неспособности нынешнего правительства и угнетенного настроения общества. Интриги, отсутствие мысли и знания дела, какая-то безнадежность в будущем — вот отличительные черты настоящего времени. Во всех головах — сумбур.

Сын привез дорогие для меня вещи, назначенные мне на память о покойном императоре: его мундир (гвардейской артиллерии) с каской и карманные английские часы.

21-го апреля. Среда. — Общество наше в Симеисе временно умножилось: на прошлой неделе (14-го числа) приехали из Москвы граф Олсуфьев (Адам Васильевич) с женой и дочерью, а вчера — племянница Анна Евгеньевна Понсэ из Бессарабии, где она провела всю зиму у отца в деревне.

22-го апреля. Четверг. — Олсуфьевы, получив сегодня утром по телеграфу известие, что сыновья, оставшиеся в Москве, заболели оба тифом, немедленно решили выехать отсюда обратно в Москву, отказавшись от предполагавшихся поездок по южному берегу Крыма. Они уехали крайне встревоженные и огорченные.

6-го мая. Четверг. — Сегодня получил из Ташкента печальное известие о смерти Константина Петровича Кауфмана. Он прожил более года после случившегося с ним удара; но во все это время был почти без языка. Жаль этого человека: некогда он был моим близким помощником, занимая должность начальника канцелярии Военного министерства; отношения наши были тогда почти дружеские; они продолжались по назначении его генерал-губернатором в Вильну и командующим войсками Виленского военного округа. Я поддерживал его, сколько мог, против интриганов, старавшихся повредить ему во мнении покойного Государя. Хотя мне не удалось помешать увольнению его от должности виленского генерал-губернатора, однако ж, вскоре после того, по моему же настоянию, он был назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками того округа. На этом poste он оказал немало услуг, которые, однако ж, не вполне были оценены. Константин Петрович был человек деловой, работающий, благонамеренный. Были у него, конечно, и свои слабые стороны, подававшие повод к насмешкам: он был падок на внешние почести, хотел разыгрывать роль царька. В последние годы отношения мои с ним несколько изменились, не знаю, впрочем, почему; переписка наша прекратилась, или, лучше сказать, ограничилась исключительно официальными сношениями.

Почтенный мой корреспондент А.В. Головнин продолжает сообщать мне всякие сведения из Петербурга, снабжать разными записками и газетными вырезками. Сегодня получил я от него

толстый пакет, отправленный им с камердинером великого князя Константина Николаевича. Кроме печатных записок по делам Государственного совета Головнин сообщает мне любопытные сведения о ходе дел в высшей правительственной сфере. В описываемых им прениях в Государственном совете и Комитете министров вполне выказались неспособность и бессилие теперешнего состава министерства*. «Тяжело живется, — пишет Головнин, — река времен несет ладью, именуемую Россией, и нет кормчего, а сидят гребцы неумелые».

Письмо Головнина подтверждает то, что я прочел уже в газетах по поводу бывшего 27-го апреля празднования 25-летнего юбилея деятельности С.П. Боткина; в описании обеда, данного по этому случаю, упоминается о сочувственных выражениях публики при чтении поздравительных телеграмм графа Лорис-Меликова и моей. Головнин дает этим заявлениям такое пояснение: «Весь фестиваль вышел похвалой прошлого царствования и деятелей того времени; Боткин оказался оказией, чтоб высказаться»**²³.

7-го мая. Пятница. — Еще вчера вечером дошли слухи о смерти князя Семена Михайловича Воронцова; сегодня же утром я получил из Алупки письменное извещение о том, что будет в тамошней церкви заупокойная литургия и панихида. Я отправился туда со своею семьей и нашел там приехавших из Кореиса графиню Сумарокову-Эльстон с дочерью и сыном, графиню Клейнмихель, Гончарову. По окончании службы графиня Сумарокова-Эльстон приехала к нам в Симеис и осталась к обеду, а вечером посетила нас другая кореисская соседка, г-жа Абрамова с дочерью. Судя по телеграфным известиям, можно полагать, что смерть князя Воронцова была скоропостижная, как кажется, от разрыва сердца.

13-го мая. Четверг. — В понедельник приехал к нам в Симеис сын мой, только что возвратившийся с Кавказа, а вчера утром он уже отправился на пароходе в Севастополь. Сегодня посетил нас новый губернатор А.Н. Всеволожский, которого мы знавали еще юношей в Тифлисе. Объезжая южный берег, он заехал в Симеис, отобедал у нас и уехал обратно в Ялту.

В среду приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич, проживший всю зиму в Париже.

* Бунге, от которого так много ожидали, оказался плохим администратором, трусливым и угодливым пред сильными; Игнатъев поддерживает свою славу беззастенчивого хвастуна.

** К этому прибавляет он: «Имей уши слышати, да слышат».

14-го мая. Пятница. — Ездил в Ялту и оттуда в Орианду к великому князю Константину Николаевичу. Он показался мне более спокойным, чем был в прошлом году, как будто примирился со своим положением; доволен своим пребыванием в Париже; намерен и впредь проводить там зимы, пока обстоятельства не изменятся, а в Крым приезжать на летнее время. Он говорит, что в Петербурге жить без определенного дела ему невозможно, в чем, конечно, я вполне с ним согласен. Великий князь уже гласно заявляет о своей незаконной семье, которая была все время при нем за границей; даже при выходе на берег в Ялте он был со своею «дамой», к общему скандалу всей ялтинской публики. Я провел у него часа два, и время это пролетело незаметно, так много было о чем нам обменяться мыслями. Впрочем, мне пришлось более слушать, чем говорить*.

На возвратном пути заехал я к графине Тизенгаузен и племяннице ее Нине Карловне Пиллар, приехавшим на днях из Петербурга в Крым.

18-го мая. Вторник. — Сегодня посетил меня великий князь Константин Николаевич с К.П. Голенко, управляющим его именьями.

21-го мая. Пятница. — Ездил в Орианду поздравить именинника великого князя Константина Николаевича, который пригласил меня отобедать запросто в сюртуке. Я нашел там довольно большое общество: из Петербурга приехали к этому дню адмирал Попов и Кази; из Севастополя генералы: Аллер — корпусной командир, и барон Корф — начальник дивизии, адмирал Никонов и полковник Авинов; из Ялты приглашены были адмирал граф Путятин, барон Врангель (городской голова), Зафиропуло (исправник). Обедали под большим навесом. Хозяин был очень любезен; разговор шел без малейшего стеснения, а по окончании обеда великий князь предложил мне зайти к нему в занимаемый им скромный домик. Он прочел мне полученные с адмиралом Поповым весьма любопытные письма Головнина и Сольского, которые откровенно сообщают великому князю современные сведения из петербургской официальной сферы²⁴. Его Высочество пополнил эти известия некоторыми своими рассказами. Вот, между прочим, эпизод, слышанный им от княгини Юрьевской, из последних часов жизни покойного Государя. По ее словам, Государь пред самым выездом своим 1-го марта к

* Для меня были любопытны многие сведения, доходившие до него из Петербурга.

разводу подписал будто бы указ (?) о тех мерах, которые были предположены тогда особою комиссией под председательством наследника цесаревича (нынешнего Государя) по мысли генерала Лорис-Меликова²⁵; совсем уже одетый, в мундире лейб-гвардейского саперного батальона, Государь вошел к ней, княгине Юрьевской, держа в руках бумагу, и сказал ей: «Вот важный шаг для будущности России; этот акт будет завтра опубликован». Затем он приказал камердинеру передать эту бумагу графу Лорис-Меликову, ожидавшему ее внизу в сенях дворца. Означенный акт (формальное значение которого она не могла точно определить) был в тот же день отослан графом Лорис-Меликовым в редакцию «Правительственного вестника» для напечатания. Однако ж после разразившейся вслед за тем катастрофы Лорис-Меликов счел излишним вечером отправиться в Аничковский дворец и спросить приказание нового императора, не следует ли остановить опубликование указа; молодой Государь приказал печатать, сказав, что эта последняя воля покойного императора должна быть приведена в исполнение. Но в 2 часа ночи, к удивлению Лорис-Меликова, получил он из Аничковского дворца повеление приостановить печатание, а затем решено было подвергнуть предположенные и уже утвержденные покойным Государем важные меры новому обсуждению. Таков рассказ княгини Юрьевской; великий князь сомневается в том, что покойным Государем был уже подписан указ, и полагает, что в «Правительственном вестнике» на первый раз имелось в виду напечатать только нечто вроде официальной статьи или объявления о предположенных мерах. Однако ж княгиня Юрьевская положительно утверждает, что видела своими глазами на показанной ей покойным Государем бумаге его подпись чернилами. Очень может быть, что княгиня Юрьевская действительно видела подпись Государя, но не под указом или манифестом, а под резолюцией сверху доклада. Впрочем, сомнение это мог бы разъяснить граф Лорис-Меликов.

Великий князь дал мне для прочтения полученную им только что вышедшую* книжку: «Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, par V. Laferté»²⁶. Говорят, что она написана по рассказам самой княгини Юрьевской.

А. В. Головнин прислал и мне с адмиралом Поповым целую коллекцию вырезок из разных газет, где достается и ему, Головнину, и мне, да и многим другим²⁷.

* в Париже

На возвратном пути из Орианды заехал я к графине Тизенгаузен и графине Сумароковой-Эльстон. Здесь еще слышался разных новостей. Я так привык к уединенной, отшельнической жизни, что видел сегодня множество лиц и слышавшись стольких новостей, чувствую себя, как в чаду. По возвращении домой узнал, что к нам в Симеис заезжали возвращавшиеся в Севастополь ориандские гости: Аллер, барон Корф, Никонов и Авинов.

22-го мая. Суббота. — Сегодня годовщина моего увольнения от должности военного министра. Вот ровно год, что я наслаждаюсь спокойствием и независимостью частного человека, прелестью уединенной сельской жизни; принадлежу, наконец, самому себе и своей семье. Многие предвещали мне, что я соскучусь в бездействии, привыкнув с молодых лет к напряженной служебной деятельности; но так могут судить люди*, мало знающие меня. Постоянную напряженную деятельность поддерживали во мне исключительно чувство долга и желание быть полезным. Лишь только я увидел, что мои взгляды и убеждения уже не согласуются с новою обстановкой, и потому дальнейшая моя деятельность служебная не может приносить пользы, я поспешил удалиться со сцены и с тех пор благословляю свою судьбу. При настоящем ходе дел, при нынешних деятелях в высшем правительстве мое положение в Петербурге, даже и в качестве простого безответственного свидетеля, было бы невыносимо и унижительно. Признаюсь, мне приходилось не раз ставить самому себе вопрос: не поступаю ли я эгоистично? Не упрекнут ли меня в малодушии и отсутствии патриотизма? Но чем более обсуждаю эти вопросы, тем более убеждаюсь, что всякое мое участие в служебных делах при настоящих условиях было бы бесплодно, и совесть моя вполне успокаивается. Предо мною — живые примеры: А.А. Абаза, занявший свое кресло в Государственном совете, принужден сказываться больным для того только, чтобы не присутствовать в заседании при решении дел, направляемых противно его личным убеждениям; граф Лорис-Меликов, теперь возвратившийся в Петербург, уезжает обратно за границу²⁸. Приезд его подал повод к разным толкам, надеждам, предположениям и уже вызвал злые выходки со сторо-

* не понимающие моего характера. На служебное положение свое никогда не смотрел я как на удовлетворение чувства честолюбия или тщеславия; напротив того, я всегда тяготился властью, всякими почестями, внешнею представительностью официального своего положения, а работал сколько было сил только.

ны властвующей партии; тут же приплели и меня, распутив слух также о моем возвращении в Петербург. Упаси бог попасть снова в этот омут.

22-е мая есть также годовщина смерти императрицы Марии Александровны. Всего прошло два года с того времени, как ее не стало, а сколько с тех пор событий и перемен! Кажется, как будто мы пережили десяток лет.

23-го мая. Воскресенье. — На днях получил я по почте из-за границы книжку журнала «La nouvelle revue», 15-го мая. Так как я не абонирован на это издание, то мне показалась странною присылка этой книжки неизвестно от кого. Первая статья, отмеченная большим крестом, карандашом, озаглавлена: «Que faire? Réponse a l'auteur de "la situation en Russie"»^{*29}. Мне не случилось прочесть прежде помещенной в том же журнале статьи, на которую теперь является «ответ», но мне было известно, что статью эту приписывали барону Жомини, чему я не верю, зная, что она написана в смысле славянофильском. Я поспешил прочесть присланную мне теперь статью неизвестного автора и был возмущен до глубины души этим гнусным пасквилом на Россию и, в особенности, на все, что было совершено покойным Государем. Неизвестный автор начинает с того, что не признает славянского происхождения нашего и причисляет русский народ к татарскому племени. Затем все наши теперешние бедствия объясняет преждевременными и неуместными реформами; при этом обвиняет почти всех государственных людей прошлого царствования. Но более всех достается мне: автор взводит на меня тяжкие преступления, приписывая мне содействие нигилизму; мало того, обвиняя меня даже в том, что я, покровительствуя Артиллерийской и Медико-хирургической академиям, чуть не способствовал изобретению тех адских снарядов, которые были орудием цареубийства. Автор увлекается своей злобой до того, что позорит всю русскую армию, будто бы доведенную мною до такого упадка, что в последнюю войну она оказалась во всех отношениях ниже турецкой! Что это за безобразие! Хотелось бы сказать автору: «Ври, да знай же меру». Но кто же может быть творцом такого гнусного пасквиля? Автор говорит в начале статьи, что он уже десять лет оставил служебную деятельность, не имев сил выносить долее то пагубное, по его мнению, направление, которое было дано делам правительственным в последние двадцать лет. Приходит мне на мысль доктор Цион, который был участником в составлении и напечатании в

* «Что делать? Ответ автору "Положения в России"» (фр.).

том же журнале «La nouvelle revue» пресловутой статьи, восхвалявшей подвиги великого князя Николая Николаевича и сваливавшей всю вину наших неудач в последнюю войну на покойного Государя и на Военное министерство. Доктор Цион еще недавно в издаваемой им газете «Le Gaulois» выставял меня покровителем материализма и нигилизма и при этом приводил на мой счет такие анекдотические факты, которых никогда не было в действительности. Так и в появившейся теперь статье приписываются мне снова слова и поступки вовсе не бывалые. Такое сходство в приемах редакции и навело меня на предположение, что автор вновь появившейся статьи не кто другой, как тот же доктор Цион*. Притом кто же, кроме истого еврея, может с таким цинизмом отзываться о русском народе, и с таким желчным негодованием о недавних антиеврейских беспорядках.** Не буду*** оспаривать и того предположения, что главная тема статьи дана была**** из Петербурга.

В письме, отправленном сегодня к А.В. Головнину³⁰, излив все свое негодование на этот гнусный пасквиль, я спрашиваю его, не сочтет ли уместным само правительство возбудить против журнала госпожи Adam судебное преследование за «диффамацию» русских правительственных лиц, так как в статье затрагивается честь не только экс-министров, но и теперешних деятелей: сам граф Игнатъев обвиняется прямо в подстрекательстве антиеврейских побоищ!

Сегодня приезжал ко мне из Орианды адмирал Попов, знаменитый изобретением**** «поповок»*****³¹. В течение последнего года или двух лет Попов страшно постарел, как будто лет на десять. В разговоре его заметны следы случившегося с ним года полтора назад апоплексического удара.

24-го мая. Понедельник. — Прочел данную мне великим князем Константином Николаевичем книжку: «Alexandre II» par V. Laferté. Очевидно, она составлена по рассказам княгини Юрьевской и, вероятно, еще кого-нибудь из близких к ней, притом

* *Далее зачеркнуто:* «тем более, что только еврей притом же только». *Далее в подлиннике следует текст, изъятый в первой публикации «Дневника».*

** Но конечно

*** *Первоначально:* «спорить, если мне скажут, что этот».

**** нашему соотечественнику иудейского [закона]

***** злосчастных

***** Он приезжал сюда только по случаю дня именин великого князя Константина Николаевича, своего неизменного покровителя.

составлена неискусно. Бросается в глаза тщеславное желание женщины выставить себя в роли ангела-хранителя покойного царя-мученика и подготовить une position* своему сыну. Это безусловный панегирик покойному Государю; отзывы о многих из окружавших его — большею частью незаслуженные похвалы; в том числе посвящено и мне несколько страниц. Замечательно, что во всей книжке ни разу не упоминается о покойной императрице.

25-го мая. Вторник. — В печати было много толков о вышедшей недавно в Берлине брошюре: «Les vrais intérêts du monde slave et la paix Européenne. Réponse au gén. Skobelew, par le c-te Pierre Koutousow»³². Экземпляр этой брошюры прислан мне А.В. Головинным. Нельзя не разделять взгляда автора на безумный шовинизм той партии, глашатаем которой вдруг явился Скобелев, хотя русскому человеку и тяжело признаваться самому себе в верности представленной автором брошюры печальной картины приниженого и печального положения России. Особенно обидно провозглашать эти прискорбные истины пред иностранною, европейскою публикой; это нечто вроде всенародной исповеди, самобичевания, покаяния. В некоторых местах этого обличения автор даже чресчур уж строг к своему отечеству, как например, в его обидной выходке против нашей армии: «Il serait de toute nécessité pour l'armée russe de posséder encore un armement pour le moins aussi perfectionné que celui des Turcs dans la dernière guerre, ensuite des stratégestes de talent, comme ceux de l'armée allemande, par exemple, et enfin un minimum indispensable d'honnêteté de l'administration militaire et de l'intendance» (p. 12)**.

Вот такой приговор мы сами, русские, выносим пред всею Европой за последнюю войну, оконченную блистательно под стенами Константинополя! И кто же обвинители нашей чудесной армии? Мы же сами, военные, распустившие несправедливые, преувеличенные слухи о превосходстве над нами противников наших. Если не успели мы до 1876 года перевооружить всю нашу армию новыми усовершенствованными ружьями и круп-

* Положение (фр.).

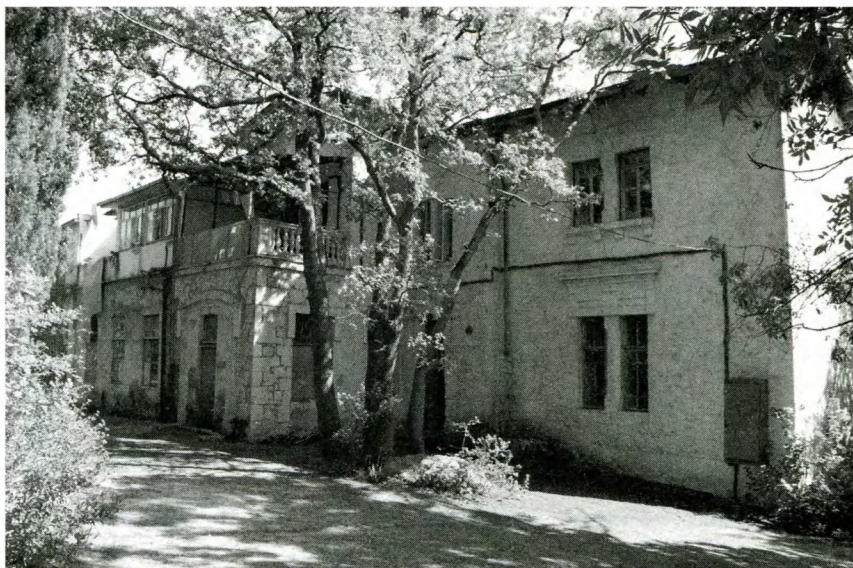
** «Русской армии совершенно необходимо вооружение, по крайней мере, столь же совершенное, как вооружение турок в последнюю войну; ей нужны талантливые стратеги, как например, в германской армии и, наконец, некий минимум честности со стороны военного управления и интендантства» (фр.).

повскими пушками³³, если главнокомандующим нашим были сделаны промахи под Плевной, если по окончании войны пришлось отдать под суд некоторых интендантских чиновников, то разве этого достаточно, чтобы провозгласить пред Европой нашу военную несостоятельность? Если б в армии французской или немецкой, или во всякой другой, оказалось вдвое более неудач и недостатков, чем у нас в последнюю войну, то я уверен, что ни француз, ни немец не стали бы так разглашать о них. «Toute verité n'est pas bonne a dire»*.

28-го мая. Пятница. — В последней книжке «Revue des deux mondes» (15 mai) помещена статья A. Leroy-Beaulieu, под заглавием «La Russie sous le Tsar Alexandre III». Автор известен уже многими своими статьями о России; недавно издал он первый том большого сочинения: «L'Empire des Tsars»³⁴. Он имеет хорошие и верные данные, почерпнутые им во время продолжительных его пребываний в нашем отечестве. Может быть, ему помогают и некоторые из русских. В новой статье своей автор изображает существующую в настоящее время неурядицу в нашем государственном устройстве, и, как ни печальна эта картина, надобно сознаться, что в общих чертах она верна. В ней довольно близко к истине выставлены несообразности и противоречия в реформах прошлого царствования, но без той злой, желчной наглости, которою отличается статья, помещенная в «Nouvelle revue» того же 15-го мая. Leroy-Beaulieu приписывает наши неудачи и бедствия не либеральному духу реформ Александра II, а колебаниям, отступлениям, искажению сделанных реформ во вторую половину его царствования. Ни одна реформа не была добросовестно приведена в исполнение, ни одна не получила полного развития; начатое в первые годы было разрушено и подкопано в последние; деятелям либеральным противопоставлялись ретрограды. Понятно, что статья, написанная в подобном смысле, не понравилась «Московским ведомостям», в которых уже явилась против нее ироническая выходка. Автор отзывается об императоре Александре III и его стремлениях даже с сочувствием; весьма сдержанно упоминает о наших теперешних славянофильских теориях; но, тем не менее, статья эта придется не по вкусу в наших теперешних правительственных сферах.

30-го мая. Воскресенье. — Великий князь Алексей Александрович, объезжая порты Черного моря, не мог миновать Сева-

* «Не всякую правду можно говорить» (фр.).

Дом Д.А. Милютина в Симеизе. Современный вид

стополь и не захватить хоть на несколько часов к своему дяде. Он прибыл в Ялту сегодня утром; отсюда в экипаже отправился в Орианду; затем оба великие князя были у обедни в Ливадии, а после завтрака поехали прокатиться в Симеис. Я был озадачен неожиданным посещением обоих великих князей. Они пробыли у меня более часа; оба были очень любезны, но заметно было, что им как-то неловко одному пред другим. Великий князь Константин Николаевич даже прямо высказал мне а *parte* *, что привез ко мне своего племянника, чтобы целый день не оставаться с ним глаз на глаз. От меня они намеревались ехать чрез Кореис, чтобы навестить старушку графиню Тизенгаузен. Вечером же сегодня Алексей Александрович отправляется далее в Батум.

31-го мая. Понедельник. — И в нашем скромном уголку почти не проходит дня без посетителей. Сегодня опять приезжал из Орианды адмирал Попов; говорил о своих изобретениях; жаловался, что знаменитые его «поповки» не оценены по неразумению и интриге; что надобно умереть, чтобы быть признанным великим человеком и т. д.

* По секрету (*фр.*).

Беседа наша была прервана приездом графини Клейнмихель и соседки ее Гончаровой, урожденной Озеровой*.

2-го июня. Среда. — В Петербурге — перемена декораций: Игнатъев уволен от должности министра внутренних дел; на место его — граф Дмитрий Толстой!!! Что Игнатъев уволен, пробыв ровно год министром и в большой милости, тому нечего удивляться; но такого преемника ему никто, конечно, не ожидал. Назначение это не только странно, оно чудовищно. По всем вероятностям, это опять кунштюк Каткова и Победоносцева; главный мотив их — наложить строгую узду на печать, враждебную Каткову и компании. Граф Дм. Толстой сделался ненавистным для всей России, притом он — олицетворенная неспособность; справиться с таким обширным министерством, каково Министерство внутренних дел, и при настоящих обстоятельствах, он, конечно, не в силах, даже и под руководством Каткова.

10-го июня. Четверг. — Генерал Ванновский прислал мне литографированный экземпляр представленного им краткого отчета (или «всеподданнейшего доклада») за прошедший 1881 год³⁵. В отчете этом не отделены действия Военного министерства за первые 5 месяцев, т. е. за время моего управления, от действий за последующие 7 месяцев управления моего преемника. Весь отчет не отличается от моих отчетов за все предшествующие двадцать лет ни по форме и порядку изложения, ни даже по слогу, так что, очевидно, редакция принадлежит той же руке, которая под моим руководством исполняла эту работу за последние годы (генерал-майор Лобко, заменивший генерал-майора Аничкова). Даже и по содержанию большая часть отделов нового отчета составляет совершенно продолжение прежних отчетов: излагаются действия, начатые или исполненные за мое время, предположения, имевшиеся в виду и при мне, заявляются надобности, о которых и я неоднократно повторял в своих отчетах. Только в первых трех отделах, обнимающих собственно круг действий Главного штаба, и во вступительной статье** заявляются новые виды и предположения, как бы в изменение прежних, и, к сожалению, тут-то во многом и не могу я разделять взгляд моего преемника. Многие из предположенных новых мер или изменений, как в устройстве и

* *Первоначальный текст этой фразы:* «Еще Попов разглагольствовал, когда подъехал другой экипаж, и вошли к нам приехавшие из Корейса графиня Клейнмихель и соседка ее Гончарова, урожденная Озерова».

** выражается как бы начало новой эры, нового взгляда, высказываются суждения о прошлом

организации войск, так и в управлениях, кажутся мне нежелательными, напрасными, шагом назад. Однако ж и в этой части отчета оказывается, что предполагаемые изменения в войсках и управлениях далеко не представляют такой радикальной ломки, о какой была речь первоначально. Система военных округов сохраняется с незначительным только изменением, притом весьма неудачным, в установлении прав главного начальника округа в отношении к расположенным в округе полевым войскам, и с пустою оговоркой о том, что со временем имеется в виду согласовать военно-окружную систему с корпусною, по образцу прусскому. Оговорку эту я считаю пустою потому, что никакого согласования тут быть не может. В устройстве же Военного министерства высказываются предположения, которых я решительно не одобряю: Главный штаб опять рассекается на две части: управление Генерального штаба и инспекторскую часть, с восстановлением и прежних нелепых званий генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Из ведения военного министра изымаются дела по личным вопросам о назначениях на высшие (генеральские) должности: по делам этим докладчиком Государя будет заведывающий Императорскую Главную квартиру, в подражание прусскому образцу. Нововведение это я нахожу нелепым и несообразным. Еще предполагается учредить Главное военно-санитарное управление, взамен теперешнего военно-медицинского и Главного военно-госпитального комитета. Против этого предположения я не стану возражать, тем более что ту же самую мысль и я имел; даже не раз возбуждал вопрос о таком учреждении, в котором сосредоточивались бы дела по устройству и заведыванию всею госпитальною и лазаретною частию; но всякий раз я встречал оппозицию со стороны врачебного персонала, который, естественно, опасался утратить обособленность специального медицинского ведомства. Однако ж эта мысль была уже проведена мною в начатой при мне работе по переделке положения о полевом управлении в армии. Если ж соединение в одном отдельном управлении госпитальной и медицинской части было бы введено в план организации полевого управления армии в военное время, то естественно было потом применить ту же мысль и к организации центрального управления, т. е. в министерстве.

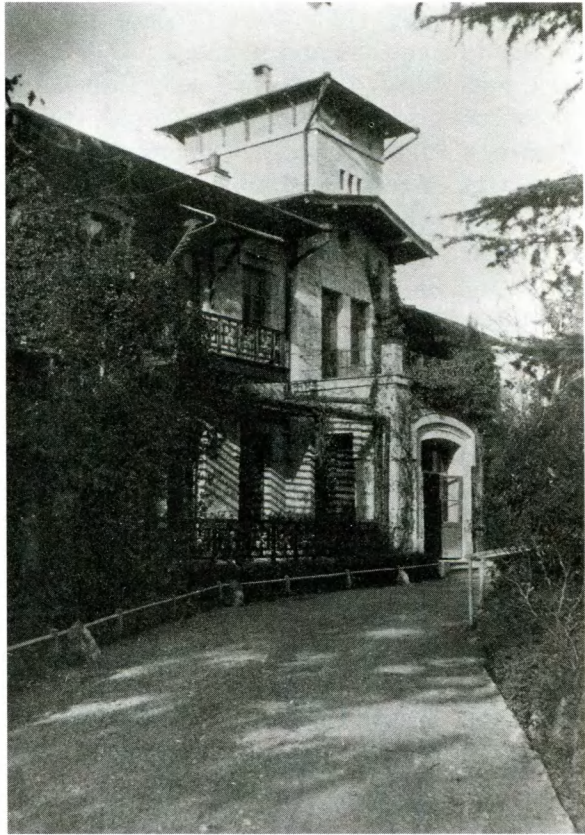
Но что более всего бросается в глаза в отчете генерала Ванновского за 1881 год, это противоречие между выраженной во вступительной статье основною целью его — сократить военную смету, достигнуть всевозможных сбережений в облегчение Государственного казначейства, и всем последующим изложением всех отделов

отчета, в которых заявляется о целом ряде неотложных нужд военного ведомства, требующих весьма крупных добавочных денежных средств и чрезвычайных ассигнований. Даже и за истекший год уже вытребованы из Государственного казначейства такие значительные сверхсметные ассигнования, каких я не решился бы требовать*. Говорю это вовсе не в виде осуждения; напротив того, я остаюсь и теперь в полном убеждении, что без весьма значительных чрезвычайных денежных средств нет возможности достигнуть надлежащего обеспечения внешней безопасности России, ввиду колоссальных вооружений наших соседей; но если убеждение это разделяет и мой преемник, как видно из представленного им отчета, то зачем же отзываться критически о военном бюджете прежних лет и обещать в будущем сбережения и сокращения в расходах. Тут явное противуречие: указывается цель и в то же время дорога в противоположную сторону. Тут, очевидно, нет ни логики, ни искренности**.

12-го июня. Суббота. — Ездил в Орианду повидаться с великим князем Константином Николаевичем; просидел у него более двух часов, которые пролетели незаметно в откровенной беседе, разумеется, преимущественно о полученных известиях из Петербурга. Относительно назначения графа Толстого на место графа Игнатьева мы не сходимся во взглядах. Великий князь, всегда покровительствовавший графу Толстому и давший ему ход в службе, ожидает полезных для дела результатов от твердости характера и самостоятельности нового министра внутренних дел, в противоположность «шатанию» графа Игнатьева, вследствие известной его изворотливости и лживости. Почти в том же смысле высказывается и А.В. Головин в своем письме ко мне, привезенном новым адъютантом великого князя Литвиновым³⁶. Я же высказал Его Высочеству свое откровенное мнение о графе Толстом: «правдивым» я не могу его признать после всей той фальши и умышленного извращения фактов, которые он имел привычку употреблять в своей страстной борьбе как по вопросу о классическом и реальном образовании, так и по другим вопросам, по которым мне случалось быть с ним в антагонизме. Что же касается твердости характера, то качество это иногда трудно разграничить с упрямством, да, во всяком случае, это такого рода качество, которое может иметь и благотворное, и весьма вредное приложение к делу, смотря по тому,

* при настоящих воплях о расстройстве наших финансов.

** Это лицемерие или бессознательная ложь.

*Дом Д.А. Милютина
в Симеизе. Фотогра-
фия начала XX в.*

в какую сторону направлена деятельность человека. Твердость же и самостоятельность графа Толстого доселе выказывались только в том, что он с упрямством и даже злостью настойчиво шел по дороге, указанной Катковым. Если ныне, и в звании министра внутренних дел, пойдет он по тому же катковскому указанию, то едва ли можно будет радоваться его твердости характера и едва ли в его образе действий можно будет видеть благодетельную для России самостоятельность министра. Сам великий князь не отвергал, что граф Толстой всегда выказывал пренебрежение к общественному мнению и ставил себе в достоинство итти наперекор ему. Чего же можно ожидать хорошего от такого министра?

На возвратном пути из Орианды я заехал в Кореис, к графине Тизенгаузен и к Абрамовой. У графини те же разговоры о графе Толстом, которого здесь не шадят, зато отстаивают свергнутого

министра: граф Игнатъев в близком родстве с графинею Тизенгаузен по жене. Возвратившись домой уже вечером, я нашел тут Н.П. Горбунова, только что возвратившегося из Петербурга для сдачи своей должности новому управляющему Ливадией. Бедный Горбунов лишился места и остается без средств существования, благодаря подлой интриге. Рассказы его о всей этой проделке с ним, о порядке дел в теперешнем Министерстве двора истинно возмутительны. Несмотря на сильную поддержку генерала Рихтера и многих других высокопоставленных лиц, вся честная и усердная служба Горбунова запятнана легкомысленными и несправедливыми обвинениями, клеветами и подозрениями. Представленные им оправдания или объяснения, хотя и признаны удовлетворительными, не могут, однако ж, поправить предрешенного над ним заочно приговора. Пожалуй, и тут найдут образец твердого характера в лице графа Воронцова-Дашкова, который, дав водить себя за нос всяким прошелыгам (извиняюсь в выражении) и раз поддавшись гнусной их интриге, настаивает с упрямством на своем несправедливом решении участи честного и усердного труженика**.

18-го июня. Пятница. — Неожиданное посещение Ал[ександра] Дм[итриевича] Галахова, который привез в Крым больного сына. Отобедав у меня в Симеисе, они оба, отец и сын, отправились посоветоваться с доктором Кошлаковым, который поселился в соседнем с нами имении Мальцова.

* этого скромного труженика

** По всем рассказам видно, что граф Воронцов-Дашков ничего не смыслит в делах: не понимает азбуки администрации, а между тем готов переломать все существующее, и худое и хорошее.

В рассказах Горбунова выставляются с хорошей стороны две личности: генерал Рихтер, теперешний начальник Императорской Главной квартиры, и граф Александр Вл[адимирович] Адлерберг. Первый горячо принял к сердцу дело Горбунова и решил прямо стать заступником за него пред Государем. Граф же Адлерберг не только уполномочил Горбунова в объяснениях его по данным ему вопросным пунктам, ссылаясь прямо на полученные им чрез бывшего министра двора высочайшие повеления, но принял на себя лично просить государственного контролера об определении Горбунова на какую-либо должность по контрольному ведомству. Зато бывший непосредственный начальник Горбунова и притом родственник его, П.Г. Редкин, выказал себя в полной мере трусливым эгоистом. Впрочем, таким и считали его всегда в том кружке, в котором и я с покойным братом Николаем вращались в былое время, т. е. в сороковых и пятидесятых годах. Теперь же Редкин, уже дряхлый старик, впавший чуть не в ребяческое слабоумие, дошел до положения невменяемости.

26-го июня. Суббота. — Ездил я в Орианду к великому князю Константину Николаевичу. Ничего нового от него не слышал.

Вчера вечером получил телеграмму из Москвы от бывшего моего адъютанта Лярского о внезапной смерти генерала Скобелева. По всем вероятностям, он приезжал в Москву по случаю выставки. По последним же газетным сведениям, он был в Вильне и исправлял должность командующего войсками округа за отсутствием генерала Тотлебена. Можно пожалеть о преждевременной смерти Скобелева: он был еще молод, кипел деятельностью и честолюбием, обладал, несомненно, блистательными боевыми качествами, хотя и нельзя сочувствовать ему как человеку. У него честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считал все средства и пути позволительными, в чем признавался сам с некоторым цинизмом. Любопытно мнение, высказанное покойным Константином Петровичем Кауфманом в 1870 году, в письме ко мне от 30 сентября, в ответ на мой вопрос о качествах Скобелева, который в то время был еще ротмистром, только что кончил курс в Академии Генерального штаба и состоял в распоряжении командующего войсками Туркестанского округа. Кауфман писал мне: «Скобелев весьма исполнительен и усерден; берется за дело с увлечением, энергически, но не в такой же степени “преследователен”*. Призвание его — полевая служба в войсках; он имеет много данных к успеху в этом роде деятельности; в административной же должности едва ли долго выдержит. Вообще, человек способный, но не довольно еще аккуратен. Непомерное честолюбие, желание выскочить, отличиться от других побуждают его смотреть снисходительно на средства. Он подорвал доверие мое к нему неправдою, которою даже похваляется. Товарищи ненавидят его; у него одна история за другою, и в историях этих он был неправ. Про него распустили слух, что он трус; но это неправда. Последствие этого слуха было то, что Скобелев выдержал дуэль с двумя офицерами, одну за другою, и готов был продолжать с другими, если б не был остановлен»³⁷.

Характеристика эта впоследствии выказалась довольно верною. Скобелев тогда же, в октябре 1870 года, узнав о начавшейся войне между Пруссией и Францией, рвался принять в ней участие и уехал из Туркестанского края. Я был тогда атакован со всех сторон, и матерью Скобелева³⁸, и сестрой ее графиней Е. Н. Адлерберг, и

* Так в подлиннике дневника. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 1. Л. 29; Там же. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 46 (список А. М. Перцовой). — Прим. публ.

самим графом Александром Владимировичем, просившими о командировании пылкого ротмистра в прусскую армию. Но ходатайства эти не могли быть удовлетворены; Скобелев возвратился в Туркестанский край, где оказал многие отличия, получал одну награду за другой до тех пор, пока не свернул ему шею флигель-адъютант князь Долгорукий, командированный в Ташкент по особому высочайшему повелению в 1876 году и привезший оттуда рассказы о предосудительном поведении Скобелева. Князь Долгорукий, брат будущей княгини Юрьевской, пользовался особенным покровительством Государя. Скобелев, занимавший уже в то время пост начальника Ферганской области, в чине генерал-майора свиты Е. В., был смещен с должности, вызван в Петербург и попал в такую немилость, что в начале войны 1877 года не смел даже показываться Государю и скромно состоял вместе со своим отцом³⁹ при штабе главнокомандующего армией. Кампания 1877 года быстро выдвинула его вперед: начав ее с небольшим казачьим отрядом, Скобелев кончил в 1878 году в звании корпусного командира, в чине генерал-лейтенанта и с Георгием 2-й степени. Экспедиция Ахалтекинская 1880—1881 г., закончившаяся блистательно штурмом Геок-Тепе⁴⁰, еще более возвысила боевую славу Скобелева. Тем не менее новый император, выказывавший особенное нерасположение к Скобелеву, принял холодно возвратившегося победителя текинцев. Роль корпусного командира в мирное время и жизнь в захолустье (в Могилеве) мало удовлетворяли воинственные инстинкты Скобелева. Я убежден, что он искал выхода из этого, несвойственного его характеру и честолюбию, положения; по всем вероятностям, ему хотелось чем-нибудь обратить на себя благосклонное внимание императора, и вот чем я объясняю себе последние странные его выходки — речи в Петербурге и Париже, поднявшие такую тревогу в Германии и во всей Европе. Быть может, однако ж, в известной доле следует приписать эти эксцентрические выходки влиянию неумеренных вакханалий, которым он сильно предавался и которые, по всем вероятностям, ускорили его смерть. В полученной вчера телеграмме сказано, что он умер от разрыва сердца.

10-го июля. Суббота. — Газеты наполнены почти исключительно тремя предметами: египетскими делами (которые сильно усложняются, благодаря нерешительности и колебаниям европейской дипломатии), почестями покойному Скобелеву и страшную катастрофой на Московско-Курской железной дороге. Скобелеву воздают почести царские, считают его смерть чуть не народным бедствием; панегиристы ставят его наравне с Цесарем, Наполео-

ном, Суворовым, одним словом, увлечение полное. Это уже известная черта нашего характера: русский человек всегда любит хватить чрез край. А в то же время в публике шепчут на ухо, что ведь, в сущности, покойник как человек был вовсе не идеальная личность; что самая смерть его в публичном доме, после оргии, есть факт мало назидательный. Почитатели Скобелева хранят этот факт в глубокой тайне.

О катастрофе с поездом близ Черни все отзываются с ужасом и негодованием на управление Московско-Курской железной дороги. Пишут, что правлению ее было давно известно ненадежное состояние «Кукуевской» насыпи, под которой проведена труба для пропуска воды, накапливающейся в широком овраге или ложбине. Труба оказалась недостаточною для пропуска воды и была повреждена, а вследствие того, под влиянием случившегося в ночь на 30-е июня сильного ливня, вся насыпь осела, и глинистое ее полотно начало ползти, обратилось в какую-то полужидкую грязь, в которой и были погребены 6 или 7 вагонов поезда с сидевшими в них пассажирами. Страшная смерть быть заживо погребенными в тине! Число погибших еще не приведено в известность: по одним расчетам — около 60, по другим — до 170*⁴¹.

Сегодня же узнали мы о страшном преступлении, совершенном на нашем южном берегу, в 6 верстах от Ялты, близ Магара-ча. В ночь с 8 на 9 июля семейство Сабининых, жившее особняком, зверски умерщвлено, и дом сожжен. Одна из сестер Сабининых, Марфа, проживающая отдельно от семьи вместе с баронессою Марией Петровной Фредерикс (бывшею некогда любимой фрейлиной императриц Александры Федоровны и потом Марии Александровны), в устроенной ими обеими общине для вспомоществования бедным больным, в расстоянии какой-нибудь полуверсты от собственного дома Сабининых, прибежала на место совершившегося преступления, когда все было уже кончено. Она нашла еще в живых одну из сестер, но обгорелую, изуродованную и с веревкой на шее. Уцелела еще одна сестра, Мария, уехавшая недавно в Харьков. Небывалое в здешней стране преступление произвело страшное впечатление в населении; толков много; догадкам разного рода нет конца: кто предполагает просто преступление разбойничье, грабеж; кто — мщение и ненависть к семье Сабининых. Надобно выждать, что покажет следствие⁴².

* После катастрофы правление дороги показывает столь же мало заботливости и распорядительности, как и прежде.

16-го июля. Пятница. — Сегодня ездил в Ялту и оттуда в общину баронессы Фредерикс и Марфы Сабининой. Нашел у них и сестру Марию Сабинину, приехавшую из Харькова. Третья сестра, Александра, найденная еще живую на пожарище, прожила всего 3 дня в страшных страданиях и вчера похоронена. Видел я и самое пепелище; наслушался много рассказов о подробностях преступления. Каждый день на месте происходят допросы чинами прокурорского надзора, в присутствии самого губернатора Всеволожского, прискакавшего из Симферополя немедленно по получении телеграммы о преступлении 9-го числа. Полиция вся на ногах: в одно время со мной приехало в Джемьету (название общины) множество разных лиц судебного ведомства и полиции. Но там не узнал я никаких новых положительных данных, по которым можно было бы напасть на след преступников. По возвращении же оттуда в Ялту я заехал в Эдинбургскую гостиницу, чтоб отдать визит губернатору; застал у него одного из лиц судебного ведомства — Анастасьева, соседа Сабининых, и услышал самые неожиданные сведения, которые дают совершенно новый оборот всему делу, если только приводимые факты подтвердятся на следствии: возникает будто бы страшное подозрение на ту из уцелевших сестер Сабининых, Марию, которая была в отсутствии, в Харькове, да еще на одну темную личность, некоего Пелисье, проживавшего по временам у своего брата, управителя имения того именно Анастасьева, которого я застал у Всеволожского. Я изумился, услышав такое предположение; чтобы женщина решилась так зверски погубить мать и сестер и сжечь их дом только из-за того, чтобы выместить какую-то на них злобу и воспользоваться ничтожным наследством! Просто невероятно. Однако ж губернатор приводит некоторые поразительные факты в подтверждение подозрения и сам до того убежден в действительности предположения, что надеется сегодня же положительно констатировать виновность сестры Марии Сабининой и названного выше орудия ее — Пелисье. Всеволожский уговаривал меня остаться на несколько часов в Ялте, чтоб узнать о результате предстоящего сегодня допроса.

Однако ж я не мог и не желал терять времени, а на возвратном пути из Ялты домой заехал в Ливадию к Горбунову и преемнику его подполковнику Плещу, а потом в Кореис к графине Тизенгаузен. И тут, и там, конечно, один только разговор — о деле Сабининых.

17-го июля. Суббота. — Сегодня весь вечер провели у нас в Симеисе губернатор А. Н. Всеволожский и его жена; они уехали после ужина при свете полной луны. Ночь была великолепная. Разговор,

конечно, более всего вращался около сабининского трагического происшествия; но до сих пор расследование не привело еще к положительным результатам.

28-го июля. Среда. — Прочел в «Инвалиде» приказ по военному ведомству о переименовании военных гимназий в кадетские корпуса⁴³. Хотя с первого взгляда покажется, что перемена названия не имеет никакого существенного значения, однако ж в моих глазах это переименование есть не только первый шаг к замышляемой ломке, но и само по себе может служить признаком взглядов, господствующих ныне в высших сферах. В самом приказе переименование это мотивировано желанием сохранить память о прежних кадетских корпусах, оказавших вековые заслуги и давших России столько доблестных питомцев; стало быть, как бы выражается сожаление об упразднении этих заведений и позабывается все то, что заставило двадцать лет тому назад коренным образом преобразовать их. Притом прямо высказано, что новые кадетские корпуса руководствуются существующими для военных гимназий положениями «впредь до изменения их законодательным порядком». Это уже ясно и положительно. Переименование, во всяком случае, будет приятно Каткову; быть может даже, оно и внушено им: он добился того, чтобы священное в его глазах название «гимназия» не было прилагаяемо к ненавистному для него учебному заведению чисто реального характера. Всего же прискорбнее видеть и в этом частном и, по-видимому, несущественном распоряжении общее стремление к отмене всех реформ предшествующего царствования*.

13-го августа. Пятница. — Ездил я в Орианду и провел около часа в беседе с великим князем Константином Николаевичем.** Говорили более всего о прискорбном направлении нынешнего правительства нашего, поставившего себе задачею во что бы ни стало отменять и переделывать все наповал, что только было совершено в прошлое царствование. Великий князь также порицает переименование военных гимназий в кадетские корпуса. По этому предмету появились уже многие статьи в газетах: есть, конечно, такие, которые восхваляют прежние кадетские корпуса и одобряют настоящее распоряжение; но в изданиях более независимых довольно откровенно напоминается о том, какую славу имели корпуса и почему решено было 20 лет

* Первоначальный текст после слов «по-видимому, несущественном распоряжении»: «систематическое стремление к ниспровержению всего, созданного при покойном Государе».

** Конечно

тому назад их переобразовать. К сожалению, новые поколения не справляются с опытом предшествующих поколений и воображают себе, что улучшают современное, возвращаясь к старому, уже отжившему и признанному в свое время * негодным.

Н.Н. Обручев в длинном письме сообщает мне о некоторых работах, ныне готовящихся в Главном штабе⁴⁴. К сожалению, из всех этих работ я не могу ничего одобрить. Переформирование кавалерии имеет главной целью привести полки в 6-эскадронный состав. Против этого я ничего бы не возражал, тем более, что всегда сознавал недостаточность у нас конницы сравнительно с другими армиями. Если я ничего не предпринимал для увеличения численности нашей кавалерии (за исключением разных мер, принятых в видах улучшения казачьей нашей конницы), то потому именно, что не видел возможности увеличить бюджет Военного министерства, на который и без того уже так сильно вопили. Теперь же задумали достигнуть усиления кавалерии, не прибавляя ни копейки к расходам на ее содержание!! И вот как решается эта неразрешимая задача, эта квадратура круга^{**}: нынешние запасные эскадроны присоединяются к действующим полкам, которые затем рассекаются на 6 эскадронов в каждом, с уменьшением состава их до 12 рядов и без прибавки офицеров; обязанности же запасных эскадронов возлагаются на нынешние ремонтные команды!! Не есть ли это фокус, обман самих себя? Конечно, полки не останутся в 12-рядном составе; через год или два будет, несомненно, заявлена необходимость довести их снова до 16-рядного состава, и тогда потребуют на это новые суммы; точно так же докажут, что нельзя обойтись настоящим ни числом офицеров в полках, ни составом ремонтных команд для исполнения возлагаемых на них обязанностей. Но какое кому дело, что будет чрез год или два; лишь бы теперь вывернуться.

И с предположенным переформированием кавалерийских полков все-таки у нас будет недостаточно кавалерии, а между тем в числе мер к получению денежных средств на покрытие расходов переформирования решено упразднить Башкирский полк, который был так устроен, что в случае войны давал возможность

* никуда

** *Первоначальный текст этой фразы:* «Генерал Обручев думает, что сумеет решить эту неразрешимую задачу, эту квадратуру круга. Но по составленному и уже утвержденному проекту все кавалерийские полки, за исключением гвардейских кирасирских, будут приведены в 6-эскадронный состав без всякого увеличения расхода. Каким же средством совершится такое чудо? Дело решается очень просто:»

быстро сформировать целую дивизию легкой, полурегулярной кавалерии. С упразднением запасных эскадронов мы лишаемся и возможности формировать в военное время резервные полки.

Другая работа, о которой пишет мне Обручев, — еще менее могу я одобрить, — хотят опять разделить Главный штаб на два отдельные управления: Генерального штаба и инспекторское;* восстано-вить прежние нелепые названия генерал-квартирмейстера и де-журного генерала. Какая надобность в этой ломке? И можно ли чем-либо оправдать возвращение к старому, 20 лет тому назад по-хороненному?*

* чуть ли даже не намерены

** И досадно, и грустно.

С назначением графа Толстого министром внутренних дел наступило какое-то затишье в правительственной деятельности; новый министр как будто притаился. Великий князь Константин Николаевич, всегда покрови-тельствующий графу Толстому как своему созданию, и в настоящем случае хвалит его, находит благоразумным, что он дает успокоиться умам и при-мириться с назначением его на пост министра внутренних дел. По моему же мнению, бездействие Толстого объясняется, с одной стороны, свойст-венною его натуре тугостью в работе и летним временем (непомерно жар-ким в нынешнем году), а с другой стороны, готовящимися какими-нибудь новыми сюрпризами, с которыми граф Толстой выступит в свое время в новой своей роли и от которых едва ли можно ожидать чего-либо утеши-тельного. Игнатьев в продолжение целого года паясничал <фиглярничал> пред публикою, развлекая ее целым рядом фарсов <холостых выстре-лов>, от которых не осталось и следов; Толстой же не будет балагурить, а упитавшись [?] внушениями Каткова и его сподвижников, разом хватит медвежьей лапой так, что потом и поправить будет трудно.

Ходят в публике следующие рассказы об Игнатьеве: когда решено было увольнение его от должности министра, приехав «откланяться» Госуда-рю, он будто бы сказал ему в свое оправдание, что полагал сделать угодное Государю, подняв вопрос о земском соборе, так как получил по этому пред-мету записку от графа Воронцова-Дашкова, составленную под его руково-дством — Фадеевым! Другой рассказ — будто бы при объяснениях с Госуда-рем Игнатьев отрекся от приписываемого ему возбуждения в печати толков о земском соборе, тогда как Государь имел уже в руках копию с письма Иг-натьева к Аксакову по этому предмету. Внушенные Игнатьевым статьи «Руси» вызвали громы Каткова в «Московских ведомостях». Наконец, тре-тий рассказ — будто бы после смерти Скобелева при разборке бумаг, остав-шихся в его кабинете в Минске (где корпусная квартира 4-го корпуса), на-шли черновые политических речей, произнесенных Скобелевым в Петер-бурге и Париже, с пометками рукою Игнатьева. Все это странно, но не ли-шено вероятия.

Продолжают много толковать о коронации: одно время полагали, что в нынешнем году она вовсе не состоится; теперь же говорят, что она совер-шится или в сентябре, или в октябре. Я в колебании — ехать или не ехать.

7-го сентября. Среда. — Почти целый месяц не открывал своего дневника. Время бежало незаметно, без всяких выдающихся случаев в моей однообразной деревенской жизни. Однообразие это нарушалось только посещениями некоторых гостей, с которыми приходилось проводить целые дни. Кроме гостившего у нас младшего сына графа Ф.Л. Гейдена⁴⁵ и приехавшей на время племянницы моей Мордвиновой, навестили нас в течение этого месяца Ник[олай] Фед[орович] Козлянинов со своей семьей, А.Ф. Кони, князь Юрий Оболенский с женой, корейские соседки наши: графиня Тизенгаузен с Н.К. Пиллар и графиня Сумарокова-Эльстон с младшею дочерью. Особенно приятно было свидеться с петербургским нашим приятелем Ал[ександром] Ив[ановичем] Лаврентьевым (редактором «Инвалида» и «Военного сборника»), который провел около месяца в своем имении за Ялтой. Он был у нас два раза с женой и сестрой; мы также навестили его в «Наташине»*.

Сегодня же неожиданно приехал капитан 1-го ранга Рогуля, имя которого сделалось довольно известно в последнюю турецкую войну, по поводу действий наших моряков на Дунае. Он привез мне из Орианды несколько объемистых пакетов, присланных моим бесценным корреспондентом А.В. Головниным чрез адмирала Попова⁴⁶, который опять прискакал в Крым по случаю завтрашнего дня рождения великого князя Константина Николаевича. Капитан Рогуля теперь живет в своем имении под Бахчисараем без всяких служебных обязанностей, как и многие другие моряки, считавшиеся на лучшем счету в прежнее время. Во флоте так же много недовольных настоящим порядком дел, как и во всех других ведомствах и родах службы. Присланные мне Головниным разные записки и вырезки из газет я не успел еще рассмотреть.

Вечером же сегодня посетил нас только что приехавший ближайший наш сосед С.Ив. Мальцов, такой же живой, кипящий, как и прежде, несмотря на его восьмой десяток лет.

8-го сентября. Четверг. — Большую часть дня рождения великого князя Константина Николаевича провел я в Орианде. После обедни в Ливадской церкви я, в числе других собравшихся лиц, был приглашен к завтраку в Орианду. Кроме съехавшихся, по обыкновению, моряков (адмиралы Попов, Никонов, Пещуров и проч. и проч.), встретился я со многими из петербургских приез-

* Первоначальный текст этой фразы: «Он был у нас два раза в Симеисе, и мы были у него в “Наташине”, познакомились с его семьей. Это милые, образованные люди, с которыми время проводится приятно».

жих на осенний сезон в Ялту: князем Дмитрием Мирским, министром государственных имуществ Островским, новым товарищем (только что назначенным) министра народного просвещения князем Мих[аилом] Волконским и другими. За завтраком я сидел между хозяином и Островским. Не стесняясь присутствием за столом многочисленных и самых разнородных гостей, великий князь заводил разговоры весьма щекотливые о современном ходе дел*. Мы с Островским старались свести речь на другие предметы**; однако ж и сам Островский сообщил нам при этом некоторые не лишние интереса сведения о закулисных действиях в высшей правительственной среде. Между прочим рассказал он, что Н.П. Игнатъев, представив Государю записку о земском соборе, настаивал на неотлагательном объявлении об этом новом учреждении в день 6-го мая на том будто бы основании, что 6-го же мая был открыт последний из бывших на Руси земских соборов, а, к тому же, и прошлогодний достопамятный циркуляр его, Игнатъева, по вступлении в должность министра внутренних дел, был также помечен днем 6-го мая. Эти ребяческие соображения, как видно из рассказа Островского, не убедили Государя в необходимости торопиться в таком важном деле; он решился собрать совещание для обсуждения его. Тогда Игнатъев стал просить Государя возвратить ему записку и не давать ей хода; однако ж*** совещание состоялось, и неожиданно для самого Игнатъева поднятый им вопрос о земском соборе предложен на обсуждение⁴⁸. Тут Игнатъев начал было вывертываться и хитрить до того, что Государь два раза сказал ему, что он говорит теперь или говорил прежде *неправду*, что его собственные объяснения выказывают крайнее *легкомыслие*. По словам Островского, совещание это произвело на всех присутствовавших самое тяжелое**** впечатление; никогда еще ни один министр не попадал в такое жалкое, унижительное положение пред товарищами своими. Совещание это и решило окончательно удаление Игнатъева.

* и громко выражал свое неодобрение того порядка, которым теперь решаются весьма серьезные законодательные меры по линии Государственного совета. В особенности Его Высочество восставал против новых правил о печати, проведенных графом Толстым чрез Комитет министров⁴⁷. Великий князь осуждал при этом недостаток *coirage civique* (гражданского мужества, — *фр.*) в министрах и отсутствие единства между ними.

** *Первоначальный текст этой фразы:* «Мы с Островским старались смягчить и замаять этот неуместно откровенный разговор».

*** Государь помимо Игнатъева приказал собрать

**** грустное

Сосед наш С.И. Мальцов — дядя Игнатъеву — до сих пор всегда восхищался своим племянником; но теперь и он восстал на него, признает, что он наделал* много глупостей и что ему не следовало вовсе принимать Министерство внутренних дел.

Новое назначение князя Волконского товарищем Делянова не обещает ничего хорошего. Они оба будут заодно послушными орудиями Каткова.

11-го сентября. Суббота. — Вчера утром приехал в свое имение Ай-Тодор великий князь Михаил Николаевич со всею своей семьей, за исключением лишь старшего сына Николая Михайловича, который держит экзамен для поступления в Академию Генерального штаба. Сегодня я был у Их Высочеств. Они приняли меня весьма любезно, удержали меня к завтраку; я провел у них незаметно в разговорах более трех часов. От них только я узнал о** поездке Государя с императрицею в Москву, откуда они должны сегодня же возвратиться в Петергоф. Поездка эта была предпринята совершенно внезапно, так что накануне еще никто не знал о намерении Их Величеств.

18-го сентября. Суббота. — Сегодня случайно съехались у меня великие князья Константин и Михаил Николаевичи; последний приехал с молодым великим князем Михаилом Михайловичем, а первый — с адмиралом Поповым и Голенком. Они застали у меня довольно оживленное общество: сын мой с адъютантом командуемого им Крымского дивизиона князем Тумановым и инженер-капитан Житков собирались уже уехать из Симеиса; дочь графини Сумароковой-Эльстон приехала провести день с моими дочерьми и осталась у нас ночевать. Великие князья были очень любезны и оставались часа два. Константин Николаевич, приехавший несколько позже, оставшись вдвоем со мною после отъезда Михаила Николаевича, передал мне некоторые сведения, вновь полученные им*** из Петербурга.

Вчера получил я при письме управляющего Императорскою Главною квартирой генерал-адъютанта Рихтера картину, изобра-

* поступил, как дурак

** внезапной

*** от Головнина, и рассказал кое-что о своих разговорах с Михаилом Николаевичем по поводу последних перемен в военном ведомстве, особенно относительно возвращения к кадетским корпусам. Оказывается, что последний в разговоре со мною о тех же предметах был не совсем откровенен. Впрочем, я даже этому и не удивляюсь: я всегда <таким> и считал его. Между двумя братьями, видимо, нет сочувствия и доверия.

жающую кабинет покойного императора. В письме сказано, что картина посылается мне по высочайшему повелению. Присылка эта весьма приятна мне: изображение кабинета покойного Государя со всеми подробностями его обстановки оживляет в моей памяти воспоминание о ежедневных, в течение 20 лет, близких отношениях моих к покойному императору*.

20-го сентября. Понедельник. — По приглашению великого князя Михаила Николаевича я сегодня завтракал у него в Ай-Тодоре, а на возвратном пути заехал к больной графине Тизенгаузен. Великий князь и великая княгиня были очень разговорчивы и любезны; пригласили меня и на следующие понедельники завтракать у них.

Вечером посетил меня адмирал Попов. Он передал мне приглашение от великого князя Константина Николаевича на завтрашний обед.

22-го сентября. Среда. — Вчера обедал я в Орианде у великого князя Константина Николаевича с великим князем Михаилом Николаевичем и всею его семьей. Обед начался в 7 часов вечера, а после обеда я должен был занимать великую княгиню беседою, пока остальное общество занялось картами, так что не было возможности уехать из Орианды ранее 10 часов. Ночь была темная, пасмурная; а потому я решил вместо возвращения в Симеис переночевать в Ялте, в гостинице, и воспользоваться случаем, чтобы отдать визит старому моему товарищу Козлянинову и его семье. К тому же на следующее утро, т. е. сегодня, назначен был отъезд племянницы моей Мордвиновой на пароходе, отходящем в 8 часов утра в Севастополь. Проводив ее на пароход, я возвратился к обеду домой.

После тишины и спокойствия, к которым я привык в Симеисе, мне как-то странно очутиться вдруг среди суетливого движения и пестрой толпы ялтинской набережной, особенно в час отправления парохода. Тут наталкиваешься на самые разнообразные личности, знакомые и полузнакомые; услышишь тысячу пустяков, которые впускаешь в одно ухо, чтобы выпустить в другое. Настоящий калейдоскоп. Не менее странно мне кажется снова попасть в

* *Первоначальный текст этой фразы:* «Так ли это действительно или нет, в всяком случае, присылка эта очень приятна мне: изображение кабинета покойного Государя со всеми подробностями его обстановки доставляет мне живое воспоминание о целом 20-летнем периоде моей служебной деятельности и почти ежедневных, в течение всего этого ряда лет, близких отношениях моих к покойному императору».

*Великий князь
Михаил Николаевич*

общество царской семьи. Однако ж я должен отдать справедливость обоим великим князьям Константину и Михаилу Николаевичам, так же как и великой княгине Ольге Федоровне; они держат себя так просто, благодушно, что с ними не чувствую я никакого принуждения или стеснения; в обществе их ничто не напоминает ненавистной для меня придворной атмосферы. Особенно великая княгиня, некогда не жаловавшая меня и не отличающаяся добродушием, теперь чрезвычайно со мною любезна, разговорчива и откровенна. Припоминая прежние натянутые отношения мои к великим князьям и великим княгиням вообще, могу объяснить теперешнюю их благосклонность только разве тем, что они видят во мне человека, сошедшего окончательно со сцены, инвалида эпохи, канувшей в вечность. В глазах их я должен теперь представляться чем-то вроде старого, заброшенного портрета, напоминающего прошлое время.

Газеты* наполнены известиями о пребывании Государя и императрицы в Москве, где, как пишут, внезапный приезд их произвел необычайный энтузиазм. Из частных же писем видно, что во время пребывания Их Величеств в Москве были приняты и необычайные меры для охранения их; пишут и говорят, будто набрано было до 12 тысяч человек, долженствовавших изображать собсю восторженную толпу везде на пути царственной четы.

27-го сентября. Понедельник. — Вчера великий князь Михаил Николаевич с великою княгиней Ольгой Федоровной, катаясь пред обедом, заехали в Симеис, чтобы напомнить мне о приглашении своем на понедельник к их завтраку. Сегодня я приехал к ним несколько ранее назначенного часа; великая княгиня, немедленно приняв меня, предложила мне прочесть у нее же в кабинете только что полученную ею брошюру на французском языке, напечатанную в Баден-Бадене, в виде ответа на вышедшую несколько времени тому назад книжку под заглавием: «*Les dernières heures de l'Empereur Alexandre II*», par Laferté**. Книжка эта, написанная чуть ли не под диктовку княгини Юрьевской с целью прославления ее, возбудила справедливое негодование в неизвестном авторе означенной брошюры. Предполагают, что она написана князем Александром Васильчиковым. (Впоследствии оказалось, что настоящий автор брошюры — графиня Александра Андреевна Толстая). Она состоит всего из 15 страниц, но написана бойко и сильно. После завтрака я провел около часа с великим князем в беседе о разных предметах. Между прочим, говорили мы о так называемой «охранной дружине»⁴⁹, в голове которой, как говорят, стоят великий князь Владимир Александрович и граф Воронцов-Дашков. Я откровенно высказал свое несочувствие к подобному «секретному» обществу, противному даже нашим основным законам***. Великий князь, соглашаясь со мною в принципе, старался, однако ж, оправдать эту странную меру высокою ее целью, на что я возразил, что хорошая цель не оправдывает дурного средства. Говорили мы также о некоторых других возбужденных в последнее время вопросах, о странном способе ведения дел и неопределенности направления в деятель-

* и письма

** «Последние часы императора Александра II», Леферте (*фр.*).

*** *Первоначальный текст этой фразы:* «Я не стеснясь высказал мое мнение о безнравственности и несообразности допущения подобных “секретных” обществ».

ности правительственной. Я не стеснялся высказывать мои мнения со всею откровенностью и не встречал возражений со стороны моего собеседника.

28-го сентября. Вторник. — Получил по телеграфу печальное известие о кончине моего доброго друга Александра Алексеевича Баранцова. Он умер вчера вечером от отека легких. Хотя можно было давно уже ожидать его кончины, однако ж известие это глубоко огорчает меня. Я лишаюсь одного из немногих друзей, с которым был на товарищеской ноге с самого поступления на службу и которого истинно любил и уважал. Это был человек с редким сердцем, деятельный, горячо преданный своему служебному долгу и крайне впечатлительный. Он не мог равнодушно перенести удаления своего от управления возлюбленною артиллерией*. С того времени он впал в хандру и ослабел физически, так что едва мог ходить. Все письма, полученные мною от него в течение года, дышат какою-то безнадежною грустью⁵⁰.

Великий князь Михаил Николаевич известил меня, что завтра утром будет панихида по нашем общем друге. Баранцов был искренно и душевно предан Его Высочеству.

29-го сентября. Среда. — В маленькой домовою церкви в имени великого князя Михаила Николаевича совершена была панихида по нашем добром Александре Алексеевиче Баранцове. Кроме семейства великого князя присутствовали только генерал-майор Петерс, адъютант Баранов и я. По окончании панихиды Его Высочество пригласил меня остаться к завтраку, а потом завязалась довольно продолжительная беседа. Великий князь расспрашивал меня о некоторых подробностях нашей политики пред последнею войной, во время ее и по окончании, т. е. по поводу Берлинского конгресса. Многое из рассказанного мною было совершенно не известно Его Высочеству.

4-го октября. Понедельник. — Приехав сегодня в Ай-Тодор, я неожиданно очутился в многочисленном обществе, съехавшемся по случаю дня рождения великого князя Михаила Михайловича. Кроме великого князя Константина Николаевича, приехавшего со своим адъютантом, баронессы Фредерикс и протоиерея Базарова (проживающего временно в Никите у своего сына⁵¹, директора этого заведения), прибыли из Севастополя и Симферополя корпусный командир генерал Аллер, начальник дивизии генерал-адъютант барон Корф, начальник корпусной артиллерии генерал-лейтенант Филимонов и депутация от Брестского пехот-

* которую любил он, как родное свое, близкое к сердцу.

ного полка, шефом которого состоит великий князь Михаил Михайлович. По окончании обедни все присутствующие были приглашены к завтраку, после которого гости курящие собрались в кабинете великого князя, а я перешел в кабинет великой княгини с великим князем Константином Николаевичем и баронессой Марией Петровной Фредерикс. Завязался довольно занимательный разговор. Великие князья откровенно высказывали свои мнения о настоящем ненормальном положении дел, о стремлении к «ломке» всего существующего в нашем государственном устройстве, не для улучшения и исправления, а для того, чтобы возвратиться к прежним, уже испытанным порядкам, давно признанным несостоятельными. Молодое поколение в императорской фамилии представляет совершенную противоположность предшествующим поколениям: насколько последние отличались привязанностью к традициям и привычкам прежнего времени, напоминавшего их собственную молодость, настолько же новое поколение с каким-то озлоблением вспоминает обо всей обстановке, среди которой оно выросло*. Отсюда безотчетное желание переиначить все существующее, хотя бы для того только, чтобы возвратиться к существовавшему когда-то** и уже забытому. Странное это явление объясняется самым воспитанием, данным нынешнему Государю, так же, как и великим князьям Владимиру и Алексею Александровичам, которые сохранили о годах своей юности впечатления*** тяжелые и безотрадные. Все заботы, вся нежность родительская были сосредоточены на первородном наследнике престола великом князе Николае Александровиче, преждевременная смерть которого была великою, невознаградимую потерю для России.

На возвратном пути из Ай-Тодора я заехал к почтенной старушке графине Тизенгаузен и к баронессе Пиллар, все еще больной, вследствие повреждения ноги.

11-го октября. Понедельник. — Опять ездил в Ай-Тодор к великому князю Михаилу Николаевичу. После завтрака он читал мне письмо, полученное им от генерал-лейтенанта Павлова, начальника штаба Кавказского военного округа. Павлов изображает**** печальную картину теперешнего положения дел в том крае и представляет образ действий князя Дондукова-Корсакова в непригляд-

* и зрело.

** к тому, что было до них, о чем они имеют смутные понятия.

*** самые

**** самую

ном виде⁵². Великий князь также сообщил мне полученное им из Петербурга сведение о сделанном по военному ведомству распоряжении изъять полевую артиллерию из заведывания начальника артиллерии округа. Странное распоряжение это сделано вопреки мнению Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера. Вообще, у великого князя, при всей его сдержанности, все-таки просвечивает неудовольствие теперешним ходом дел в Петербурге.

13-го октября. Среда. — Опять ездил в Ай-Тодор по случаю дня рождения великого князя Михаила Николаевича. Сегодня ему минуло 50 лет и столько же со времени назначения его шефом лейб-гвардейского конно-гренадерского и гренадерского Таврического полков и зачисления в лейб-гвардейский Преображенский полк и в гвардейскую конную артиллерию. От названных полков и артиллерии прибыли депутации. Великий князь принимал их пред обедней; а после обедни все съехавшиеся гости приглашены были к завтраку.

14-го октября. Четверг. — Сегодня посетил меня великий князь Михаил Николаевич со старшим из находящихся здесь сыновей Михаилом Михайловичем. Не могу достаточно нахвалиться его обхождением и любезностью. Вечером ездил я в Кореис проститься с графиней Тизенгаузен и Ниной Карловной Пиллар, которые уезжают в субботу вместе с великим князем и его семейством. Добрая старушка с грустью расстается с Крымом, предчувствуя, что, по всем вероятностям, уже не доживет до будущей весны.

16-го октября. Суббота. — Утром ездил в последний раз в Ай-Тодор проститься с великим князем Михаилом Николаевичем и великою княгиней Ольгой Федоровной, пред самым отъездом их. Пароход «Эльбрус» ожидал их в Ялте и прошел мимо Симеиса около часа пополудни. Их Высочества распростились со мной очень радушно и оставили во мне самое приятное впечатление. В разговоре нашем зашла речь о положении великого князя Константина Николаевича, о раздраженном его настроении в отношении Государя. Великий князь Михаил Николаевич, как мне показалось, несколько обвинял своего брата в том, что он относился к своему племяннику от самого малолетства его и почти до воцарения, «как к мальчишке». Когда я сказал, что это все-таки не оправдывает бесцеремонного устранения великого князя Константина Николаевича от всех должностей, великий князь Михаил Николаевич заметил, что и тут Константин Николаевич с каким-то странным упорством сам настаивал на том, чтобы не быть уволенным по собственной инициативе, а, по его собственному выражению, быть

прогнанным. Великий князь Михаил Николаевич выражал свое прискорбие о том, что старший из членов царской семьи сам себя поставил в положение «изгнанника».

Не принимая на себя оправдывать в чем-либо великого князя Константина Николаевича, я однако ж не мог не заметить, что его настоящее положение действительно тягостно и прискорбно, но что выйти из этого положения зависит уже не от него.

После обеда, когда я с приехавшим ко мне графом Ностицем занят был выбором *point-de-vue** для фотографического снятия видов нашего жилья, приехал ко мне великий князь Константин Николаевич, чтобы проститься пред отъездом его из Крыма, назначенным в будущую среду. От него узнал я, что в Петербурге опять были студенческие волнения по случаю происшедшего на днях торжественного открытия построенного Поляковым дома для общежития студентов, названного «Коллегией императора Александра II». Большинство студентов восстало против тех немногих товарищей, которые участвовали в поднесении Полякову благодарственного адреса. Впрочем, этот адрес, так же как и произнесенная Деляновым по тому же случаю речь, показались мне до такой степени неуместными, даже неприличными, что по прочтении их в газетах я тогда же предсказал неудачу задуманного дела, хотя по существу весьма полезного⁵³.

Великий князь Константин Николаевич из разговоров со своим братом Михаилом Николаевичем вынес то впечатление, что он хотя и признает ненормальность настоящего положения дел в высших сферах, старается, однако же, так сказать, приводить «обстоятельства облегчающие», *attenuer*** , ослабить строгость суждений о правительственных мерах последнего времени. Даже относительно пресловутой «охранной дружины», он находит в ней побуждение похвальное. Таков уже вообще его характер. В этом отношении, так же, как и во многом другом, два брата вовсе не схожи между собою.

Приехавший из Петербурга камердинер великого князя Константина Николаевича привез мне целую кипу любопытных писем, газетных вырезок и записок от А.В. Головина, К.К. Грота, К.Д. Кавелина, П.П. Семенова⁵⁴. В них сообщается многое, о чем немисливо было бы писать по почте. В особенности любопытно длинное письмо Кавелина⁵⁵. Получил я также от графа Эд. Тр. Баранова печатные записки о результате трудов председательстве-

* *Позиции (фр.)*

** *Смягчить (фр.)*

мой им комиссии по исследованию железнодорожного дела при письме, в котором просит о доставлении ему моих замечаний и мнений⁵⁶.

18-го октября. Понедельник. — Ездил я в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который отправляется в будущую среду прямо в Одессу и оттуда в Италию, где проведет зиму с сыном своим Константином. Более часа провел я с великим князем в самой занимательной беседе о настоящем положении дел, о семейных его отношениях, о плане путешествия, и проч. и проч. Прощание наше было самое душевное.

4-го ноября. Четверг. — Сегодня утром уехала из Симеиса жена с двумя младшими дочерьми Надей и Марусей; они едут чрез Москву в Оренбург навестить младшую замужнюю дочь Гершельман по случаю предстоящих ее родов. Симеисский наш дом опустел; я остался вдвоем с Олей. Под вечер посетил нас Н.Я. Данилевский, который остался переночевать.

17-го ноября. Среда. — Получил приятную телеграмму из Оренбурга о благополучном разрешении младшей дочери моей Гершельман*.

28-го ноября. Воскресенье. — Сегодня годовщина памятного для нас дня взятия Плевны. По этому случаю я обменялся телеграммами с графом Адлербергом⁵⁷, который всякий год напоминает мне о данном мною в шутку обещании выкурить в этот день папиросу. Сегодня же Академия Генерального штаба празднует свой 50-летний юбилей. Я поздравил Академию телеграммой и, в свою очередь, получил телеграммы из Харькова и Оренбурга от прежних сотоварищей по Генеральному штабу. Во главе подписавших эти телеграммы стоят генерал-адъютант Радецкий, командующий войсками Харьковского округа, и генерал-лейтенант Астафьев, военный губернатор оренбургский и атаман Оренбургского казачьего войска⁵⁸.

Теперь я редко раскрываю свой дневник, что вполне естественно при моем уединенном и однообразном образе жизни. Почти никого не вижу из посторонних и большую часть времени провожу с рабочими по случаю исправлений и перестроек в доме. От семьи из Оренбурга получаю известия вполне успокоительные.

29-го ноября. Понедельник. — В дополнение к полученным вчера двум телеграммам по случаю юбилея Академии Генерального штаба сегодня получил я еще целый ряд самых сочувственных приветствий от сотоварищей моих по Генеральному штабу, из

* дочерью. Как камень свалился с плеч.

которых некоторые были моими учениками в Академии, а другие в близких со мною служебных отношениях. Наиболее выдающаяся телеграмма — из Петербурга, от Конференции Академии и наличных офицеров Генерального штаба, всего в числе 117 подписей; другие — из Вильны, Киева, Одессы, Тифлиса, Чернигова. Истинно отрадны мне эти, с разных углов России приходящие, заявления внимания и сочувствия к человеку отжившему, сошедшему со сцены, в котором, стало быть, никто уже не имеет нужды заискивать. Это лучшее утешение в старости, среди стольких грустных разочарований.

6-го декабря. Понедельник. — Печальный день: утром получил из Оренбурга телеграмму о неожиданной смерти моей младшей дочери, дорогой Лели. Не могу объяснить себе причину такого внезапного оборота в ее здоровье на 20-й день после совершенно благополучных родов. Последние известия, в письме от 26-го числа, были совершенно благоприятные. Чем неожиданнее удар, тем он тяжелее. Из всех дочерей моих она была самая здоровая и вместе с тем самая счастливая: она была вполне довольна своим семейным положением, нежно любила мужа и была им любима; во всех отношениях это было прелестное существо. И вот ее уж нет!*

7-го декабря. Вторник. — Утром была заупокойная обедня и панихида в церкви Алупки.

23-го декабря. Четверг. — Как будто мало одного горя; надо же было на беду, чтобы в одно время с кончиной одной дочери другая схватила оспу. 9-го числа жена уведомила по телеграфу, что по причине серьезной болезни Маруси отложена до ее выздоровления перевозка тела покойной Лели в Москву, где предположено похоронить ее в Новодевичьем монастыре, близ могил моей матери, брата Николая и других младших моих братьев, умерших в малолетстве. Последующие известия о ходе болезни Маруси были довольно успокоительные; но вдруг сегодня вечером — телеграмма из Оренбурга с новым горестным известием: жена также захворала и лежит уже третий день в постели. Боюсь, чтобы эта болезнь не сделалась серьезной. Заболевшую оспой Марусю отделили от сестры; но жена поместилась с больною и ходила за ней. Страшно подумать, что она могла также заразиться оспой, несмотря на то, что ей (и Наде) в это самое время была сделана операция оспопрививания. Не знаю даже — благоразумно ли было это оспопрививание

* Нет сил даже отдать самому себе отчет в удручающих чувствах тяжкого горя.

в то время? Во всяком случае, сегодняшняя телеграмма была страшным для меня ударом. Не буду спокоен до получения новых известий.

27-го декабря. Понедельник. — В самое Рождество был я обрадован двумя успокоительными телеграммами из Оренбурга насчет болезни жены; как будто тяжелый камень спал с плеч. Но недолго длилось мое душевное успокоение: сегодня утром новая, удручающая телеграмма из Оренбурга, оказывается, что у жены воспаление легких; Федя Гершельман и Надя зовут меня в Оренбург; значит, положение серьезное. Сердце обливается кровью. Завтра же еду с Ольгой в Оренбург.

На этой печальной странице заканчиваю свой дневник 1882-го года.

1883-й год

30-го января. Воскресение. Симеис. — После целого месяца отсутствия, возвращаюсь в свой тихий, уединенный приют. Грустное и тяжелое было путешествие мое. Выехав отсюда с дочерью Ольгой, 28-го декабря, на Севастополь, под гнетом самых тревожных известий из Оренбурга об опасном положении жены, я был* поражен новым горестным известием, переданным мне сыном моим, в проезд мой чрез Симферополь, в ночь на 29-е число: дочь моя Маруся, заболевшая злокачественною оспой, не вынесла тяжелой болезни и скончалась 26-го декабря.

Приехав в Москву несколько позже времени, назначенного по расписанию, мы не могли уже поспеть на отходивший в тот же день поезд Рязанской железной дороги. Пришлось переждать в Москве до следующего дня. Мы переночевали под гостеприимным и радушным кровом семейства Олсуфьевых и в самый новый год выехали из Москвы, а в ночь с 3-го на 4-е января прибыли в Оренбург.

На последней станции встретил нас бедный мой зять Федор Константинович Гершельман, лишившийся так рано и так внезапно своего семейного счастья. До утра оставались мы в вагоне. Город Оренбург с первого же взгляда произвел на меня неприятное впечатление. К тому же в день нашего приезда был сильный мороз, свыше 30°. Квартира Гершельмана (в юнкерском училище), где жила больная жена с дочерью Надеждой, также имела унылый, мрачный вид; часть комнат оставалась еще наглухо запертою и заклееною, как зараженная. Тяжела была встреча с женой и дочерьми: Надеждой, которая во все время ухаживала за больною матерью, и старшею Елизаветой (княгиней Шаховской), приехавшей незадолго до меня с мужем. Жenu нашел я еще в постели; но с каждым днем она заметно поправлялась. Однако ж врачи признавали еще невозможным определить срок, когда

* *Далее зачеркнуто:* «однако ж несколько успокоен на ее счет новыми сведениями».

больная будет в состоянии подняться в дальний путь, несмотря на общее наше желание скорее вывезти ее из злополучного Оренбурга. Таким образом, я должен был пробыть более двух недель в этом неприятном городе, притом в крайне некомфортабельной обстановке. Старшая дочь Шаховская с мужем уехала обратно в Москву в самый день моего приезда; а зато на другой день приехала в Оренбург сестра жены, Дора Михайловна Понсэ, поспешившая из Бессарабии для ухода за больною сестрой, в помощь утомленной уже моей милой Наде. Племянница моя Анна Евгеньевна Понсэ доехала с теткой своей до Москвы и здесь была оставлена из* опасения оспенной заразы.

В течение двухнедельного пребывания в Оренбурге я мало кого видел и сам почти не выезжал из квартиры. Отвыкнув от северной зимы и обыкновенно склонный к простуде, я схватил лихорадку; притом и постоянная моя боль в ноге усилилась до такой степени, что я с трудом ходил даже по комнате. Не в первый раз замечал я, какое влияние имеет настроение духа на физическое здоровье; а в то время мое** настроение не могло не отозваться на здоровье. Проведенные мною в Оренбурге две недели останутся в моих воспоминаниях чем-то вроде черного пятна. Только раз решился я выехать из дому, чтобы поклониться праху дорогих моих дочерей: одна из них (Маруся) была уже предана земле на кладбище монастырском; гроб другой — был поставлен в училищной церкви, в ожидании перевозки в Москву. Впрочем, после короткого совещания решено было перевезти в Москву и тело Маруси.

Из немногих личностей, встреченных мною в Оренбурге, наиболее сочувственные впечатления сохраняю я о майоре Эрдмане — помощнике начальника юнкерского училища, оказывавшем с замечательною любезностию и распорядительностию услуги моей семье в трудных обстоятельствах; также о молодом враче Конопасевиче, который во все время болезни дочери Маруси и жены имел о них обеих самое заботливое, добродушное попечение.

Наконец, с согласия врачей решено было предпринять 19-го января путешествие в Москву. Накануне этого дня, вечером, мы перевезли оба гроба на станцию железной дороги и поместили их в особом вагоне, а в назначенный для отъезда день, также вечером, перевезли туда же и больную жену, конечно со всеми предосторожностями. Путешествие до Москвы совершилось вполне благополучно; больная даже заметно окрепла в пути. 22-го янва-

* напрасного

** нравственное

ря утром в Москве встретили нас на воксале Рязанской железной дороги добрые наши приятели. Квартира для нас была приготовлена в гостинице «Дрезден». Бывший адъютант мой Вонлярлярский, с обычною своею услужливостию, уже приготовил все к предстоявшему печальному обряду погребения, назначенному на 24-е число.

К этому дню приехали из Петербурга семейство Гершельман, брат мой Борис, племянник и племянницы Милютины, графиня Гейден с сыном Дмитрием, две дочери сенатора Арцимовича, бывшие приятельницы обеих покойных дочерей моих. Погребение совершено утром 24-го числа, в Новодевичьем монастыре, где стараниями доброго Лярского был отлично устроен на оба гроба склеп рядом с могилою брата Николая и близ могилы моей матери⁵⁹. Жена, конечно, не могла принять участия в печальной процессии от станции Рязанской железной дороги до Новодевичьего монастыря; но она настойчиво пожелала по крайней мере из закрытого экипажа видеть последний акт погребения. Одно это утешение оставалось для материнского сердца.

Я намеревался уехать из Москвы немедленно после погребения, так тяжел был для меня каждый день жизни в шумном городе и так спешил я возвратиться к себе домой; однако ж пришлось остаться до 26-го числа — годовщины смерти брата Николая. В этот день утром опять собрались в Новодевичий монастырь вся семья наша и несколько близких нам людей, чтивших память покойного моего брата. После заупокойной обедни еще раз мы помолились над дорогами нам могилами.

Сейчас же после того я наскоро собрался в путь, опять с дочерью Ольгой. В 3 1/2 часа мы уже оставили Москву; опять провожали нас на станции многие из наших друзей. Приехал проститься со мной и князь Владимир Андреевич Долгоруков, который присутствовал также и на погребении дочерей моих и вообще выказывал мне самую любезную внимательность.

Обратное путешествие наше из Москвы в Крым было бы вполне благополучно, если б не случилась совершенно неожиданная задержка от снежных заносов на предпоследней станции пред Симферополем. Поезд наш простоял на месте около 20 часов, так что в Симферополь мы прибыли только в 7-м часу вечера 29-го числа, вместо полуночи с 28-го на 29-е. В Севастополе мы переночевали в гостинице Киста и на другой день, 30-го января, благополучно доехали, к 4 часам дня, до нашего возлюбленного Симеиса. Погода сегодня была прекрасная; на южном скате гор ни одной снежинки.

3-го февраля. Четверг. — На другой же день приезда в Симеис принялся я снова за работы в доме и занялся приведением в порядок всего жилья, так чтобы не встретилось препятствия к скорому возвращению жены*. К сожалению, погода** ненастная; утром 31-го числа*** все кругом дома покрылось белым саваном, хотя и ненадолго; на другой же день снег исчез****, но пасмурно и сыро. Сегодня нежданно наехали к нам гости: к обеду князь Юрий Оболенский с ялтинским исправником Зефиropуло****, а вечером управляющий Ливадией полковник Плец. Мы приняли гостей среди полного хаоса. Князь Оболенский привез мне из Петербурга несколько старых писем*****.

4-го февраля. Пятница. — Сегодня сороковой день после смерти Маруси. По этому случаю ездили мы в Алупку на панихиду.

9-го февраля. Среда. — Вчера ездил в Ялту***** по домашним делам, а сегодня в Алупку по случаю празднования 25-тилетия служения иеромонаха Никандра в качестве настоятеля тамошней церкви. После обедни юбиляр пригласил меня в скромную свою квартиру к обеду. Он пользуется общим уважением и любовью прихожан за честную жизнь и***** чистосердечие.

23-го февраля. Среда. — Приехала в Симеис жена с молодой девушкой Полторацкой, сиротой, двоюродной моей племянницей. Дочь же Надя пожелала провести некоторое время со своею кузиной Анной Евг[еньевной] Понсэ в деревне, в Бессарабии, и вместе с нею отправилась из Харькова на Кременчуг и Бендеры.

* и дочери Надежды. В отсутствие мое работы значительно подвинулись вперед, так что я нашел возможным неотлагательно занять комнаты верхнего этажа и очистить внизу те комнаты, где еще не предпринимались работы.

** сырая

*** даже

**** но мокро и грязно, пасмурно и серо — не узнаю южного берега; жду не дождусь его солнца, его живительной теплоты.

Вчера ездил я в Кореис на почтовую станцию, получил несколько посылок, газет, но не нашел именно того, чего ожидал.

***** *Так в тексте. Правильно Зафиropуло. — Прим. публ.*

***** С Племом за ужином пришлось горячо поспорить из-за вопроса об обращении военных гимназий в кадетские корпуса. Не стоило с моей стороны горячиться. Плец сам человек с кадетским образованием и кадетскими понятиями⁶⁰.

***** для домашних закупок

***** и простоту в обращении.

На днях получил от командующего Императорской Главной квартирой генерал-адъютанта Рихтера уведомление, что «Государю императору благоугодно было назначить меня состоять при Его Величестве во время предстоящего священного коронавания»^{*61}. Считаю невозможным уклониться от поездки в Москву; но с ужасом думаю о том, что придется мне вынести** в эту поездку.

9-го марта. Среда. — Давно не получал газет и потому только сегодня узнал о смерти канцлера князя Горчакова и самоубийстве Макова, бывшего министра внутренних дел. Добрейший А.В. Головнин прислал мне целую кипу газетных статей, относящихся к этим двум событиям.

Относительно князя Горчакова самый выдающийся некролог помещен, как и следовало ожидать, в «Journal de St Pétersbourg»⁶²; по словам Головнина, эта статья написана бароном Жомини^{***}. Это чистый панегирик: все, что было удачно и разумно во внешней политике России за 25-летний период министерства князя Горчакова, приписывается исключительно его гениальной прозорливости, опытности, дальновидности; во всех неудачах и прорухах — виноваты другие. Впрочем, во всех появившихся некрологах личность умершего канцлера изображается исключительно с его светлой стороны, что весьма естественно и обыкновенно**** в силу изречения: *de mortui aut bene aut nihil*^{*****}. Но иначе выскажется со временем история: она, конечно, сохранит имя князя Горчакова в числе действительно даровитых деятелей политических, обладавших многими блестящими способностями; но вместе с тем^{*****} не скроет и слабых сторон этой личности: его непомерного самолюбия, тщеславия, самовосхваления; его привычки всегда рисоваться, пускать пыль в глаза и в самых важных делах выставлять на первый план свою личность. История едва ли^{*****} поставит в заслугу князю Горчакову,

* Не знаю еще значения этого назначения и истекающих из него условий, материальной обстановки во время пребывания в Москве; но во всяком случае оно повлияет на мои планы и делает невозможным для меня

** вытерпеть

*** который мог бы ближе всякого другого <конечно> сделать <представить верную> оценку личности нашего маститого канцлера из замечательными качествами и слабостями. Но статья барона Жомини

**** Сочинителям некрологов и надгробных речей не следует забывать <должны помнить> древнее изречение:

***** О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

***** правдивая история должна будет

***** подтвердит мнение панегириста

как полагает барон Жомини, то, что он не хотел оставить своего поста в преклонных летах, когда способности его уже совершенно ослабели; что удерживал за собою номинально звание министра иностранных дел, когда в действительности уже был не в силах нести сопряженные с этим званием обязанности и ответственность. В некрологах князя Горчакова ставятся в похвалу ему даже и все успехи наши в Азии за истекшее 25-летие; между тем известно, что он сам постоянно устранился от дел нашей азиатской политики, открыто говорил, что он Азии не знает и знать не хочет; а в тех случаях, когда вмешивался в эти дела, всегда* действовал наперекор естественному историческому движению нашему в Азию, исключительно в угоду Англии. Несмотря, однако же, на все это, несмотря на особенности на дипломатические наши неудачи последнего времени, имя князя Горчакова сохранило до самой могилы ту популярность, которую посчастливилось ему приобрести в блестящую пору его политической деятельности.

Что касается самоубийства Макова, то газетные статьи, так же как и городские толки в Петербурге, связывают эту трагическую смерть бывшего министра внутренних дел с открытою недавно растратою каких-то сумм бывшим директором канцелярии министерства, а ныне директором почт и телеграфов Перфильевым, который уже и предан суду. Едва ли можно допустить предположение, что человек семейный, занимавший высокое положение члена Государственного совета, притом человек религиозный, решился на самоубийство только из-за** проступка бывшего своего подчиненного; более вероятно, что он и сам признавал себя причастным к обнаружившимся ныне противозаконным делам в подведомом ему министерстве***. Дело это, конечно, разъяснится в свое время, хотя**** и стараются в Петербурге заглушить***** его. Личность Макова можно характеризовать в немногих словах*****: это

* тормозил

** преступного

*** Так говорят, между прочим, что в Министерстве внутренних дел, вопреки существующим положительным <основным> правилам единства кассы, хранились какие-то весьма значительные денежные ценности и капиталы. Но если так, в таком случае, если противозаконное хранение сумм в означенном министерстве открыто только ныне, то почему же Маков счел себя более ответственным в этом беззаконии, чем его предместник и последовавшие за ним министры?

**** по словам моих корреспондентов

***** городские толки об этом деле

***** О личности Макова мало что можно сказать.

был исправный и ловкий чиновник* ; он был главным дельцом, правую руку у Тимашева, сначала в качестве директора его канцелярии, а потом товарища министра. Говорят, что и самое назначение его на пост министра последовало по рекомендации Тимашева. Вступив в должность министра, Маков старался только подделаться под** тогдашнее настроение Государя, сосредоточив все свои заботы на усилении полицейских и репрессивных мер. Однако ж*** чиновничья его угодливость не помогла ему удержаться долго на месте, для которого не был он создан⁶³.

Наконец добились наши «охранители» прекращения ненавистного им издания «Голоса»⁶⁴. За что именно наложена эта кара — неизвестно. Во всяком случае Катков и его приверженцы — торжествуют. Редакция «Голоса» на время 6-месячного перерыва издания его, высылает своим подписчикам «Новости» — газету, издаваемую Нотовичем****⁶⁵.

20-го марта. Воскресение. — В пятницу приехал к нам в Симеис сын мой, только что возвратившийся из Петербурга. Он привез от туда много новостей, поклонов и поручений от разных наших тамошних приятелей. Некоторые из***** них настоятельно убеждают меня ехать на предстоящую коронацию. Пробыв с нами двое суток, сын мой уехал сегодня вечером к себе в Симферополь.

9-го апреля. Суббота. — Вчера ездил я в Ялту по некоторым делам и для встречи дочери Надежды, прибывшей на пароходе из Одессы.

6-го мая. Пятница. Москва. — Почти целый месяц не заглядывал в свой дневник. Нечего было записывать за все это время. Обычная жизнь наша текла своим порядком; спокойствие ее смущалось только мыслью о предстоящей поездке в Москву. Получе-

* Самым назначением своим в министры он обязан исключительно рекомендации Тимашева, <у которого он, как говорят> который, оставляя сам пост министра, рекомендовал Государю на свое место Макова, как наиболее подготовленного и способного кандидата для замещения его должности. Странно только, что подобная рекомендация <имеет значение в глазах Государя> эта могла быть принята Государем, которому, конечно, было известно, как можно полагать, <что Маков был правую руку Тимашева> вся несостоятельность самого Тимашева.

** господствовавшее в то время в высшей нашей администрации и <в> личном настроении самого Государя.

*** мы знаем

**** Но я, по совету Головнина, подписался на «Эхо», издаваемое Старчевским. До сих пор, однако же, я не видел еще этой газеты⁶⁶.

***** друзей моих

ны были официальные извещения, что всем участвующим в коронационных торжествах следует прибыть в Москву к 7-му мая, что по церемониалу в день коронации на меня возлагается роль носителя государственного меча*.

3-го мая выехал я из Симеиса вместе с женой прямо на Симферополь. Здесь я провел несколько часов у постели больного сына и в 3-м часу ночи сел в вагон железной дороги; жена же осталась в Симферополе дня на два. В Москву приехал сегодня в 2 часа дня. На воксале встретил меня бывший адъютант мой полковник Н.М. Вонлярлярский, который и на этот раз** любезно принял на себя все заботы о лучшем устройстве моем на время пребывания в Москве. Его распоряжением приготовлен мне на все это время приличный экипаж; им доставлены мне все нужные справки; он же проводил меня с воксала в «Славянский базар»⁶⁷, где приготовлено для меня помещение***. Вся эта огромная гостиница (на Никольской улице) нанята придворным ведомством для размещения приезжих лиц царской свиты и Двора. Мое помещение весьма удобное, даже прихотливое. Соседние со мною номера назначены генерал-адъютантам графам Баранову, Лорис-Меликову, Гейдену. Более приятных соседей не мог я пожелать. Их ожидают сегодня же с экстренным поездом. Некоторые из особ императорской фамилии уже прибыли в Москву; самого же Государя и императрицу ожидают в Петровский дворец⁶⁸ 8-го числа. Сегодня в самый день приезда успел я уже побывать у Шаховских, Олсуфьевых и Горбуновых.

7-го мая. Суббота. — В первый раз сегодня пришлось мне облечься в парадную форму нового образца. Нахожу ее очень неудобною и некрасивою. Утром объехал находящихся уже в Москве членов императорской фамилии; но никого не застал, кроме одной

* В газетах и письмах сообщались разные слухи и предположения о подробностях предстоящих торжеств; официально же появился до сих пор только церемониал, да и тот прочел я <только в дороге>, уже на пути в Москву.

** как и в других случаях

*** *От слов «жена же осталась в Симферополе дня на два» первоначальный текст:* «Благополучно совершив путь, приехал в Москву сегодня в половине 2-го часа и успел уже не только навести кое-какие справки, но побывать у княгини Александры Павловны Шаховской, у Горбуновых и закончить вечер у добрейшей графини Олсуфьевой. Помещение отведено мне от Двора в «Славянском базаре», весьма удобное, даже прихотливое, карета нанята услужливым Лярским (бывшим моим адъютантом) за 650 р. на все время московских торжеств.

великой княгини Екатерины Михайловны*. В течение дня в «Славянском базаре» число приезжих значительно возросло. Многие из них посетили меня**; в числе их Н.В. Исаков, адмирал Шестаков (управляющий Морским министерством), граф Лорис-Меликов, граф Баранов. С особенным удовольствием свиделся я с приехавшим семейством графа Гейдена, которое застал в радостном настроении: сегодня же решена свадьба одной из дочерей, графини Марии Федоровны с молодым офицером Кавалергардского полка графом Шереметьевым***. К обеду я был приглашен графиней А.М. Олсуфьевой, а после обеда ездил в Новодевичий монастырь на могилы дорогих мне дочерей, брата и матери. Затем заехал к Александру Аггеевичу Абазе и остаток вечера провел дома с графом Лорис-Меликовым. Узнал от него много интересных подробностей недавнего прошлого.

В городе уже большое оживление; в улицах непрерывная скачка; все стараются разузнавать, что и как будет; но с трудом добиваются точных сведений и толковых ответов. От многих приезжих из Петербурга слышал, будто бы в день коронации в числе разных «милостей» готовится и мне производство в фельд-маршалы вместе с графом Тотлебенем!? Слух этот считаю нелепою выдумкой; тем не менее он меня несколько тревожит. Такой почет вовсе не укладывается в мои планы и желания; мне теперь ничего не нужно, кроме спокойствия и независимости. Боюсь всего, что может сколько-нибудь нарушить мой скромный идеал жизни в старости.

8-го мая. Воскресение. — Утром разъезжал с визитами, принимал у себя многих посетителей, а к 6-ти часам был на станции Московско-Брестской железной дороги при встрече Их Величеств. В ожидании приезда их виделся со множеством лиц, принадлежащих преимущественно к свите. Государь, вышед из вагона, прошел вдоль фронта почетного караула от Кавалергардского полка, потом подошел**** к группе членов царской фамилии; увидев меня в толпе генерал-адъютантов, прямо подошел ко мне, дал руку, обнял и сказал весьма любезным тоном: «Как давно мы с вами не видались; вы прямо из Крыма?» Потом подошла Императрица, у которой по

* которая приняла меня настолько любезно, насколько она может быть любезною.

** так что я не мог выехать из дому вторично ранее 3-х часов. Между прочим, виделся с...

*** Так в тексте. Правильно: Шереметев. — Прим. публ.

**** к ожидавшей его толпе, стоявшим великим князем

обычаю я поцеловал руку и поблагодарил ее за участие, принятое Ее Величеством в моих семейных несчастиях, выраженное при представлениях ей сына моего и старшей дочери в Петербурге.

Возвратившись домой, провел весь вечер с Н.П. Горбуновым и Тимашевым, которые оставили меня только около 11 часов. Хотя между этими двумя личностями нет ничего общего, однако ж мы втроем вели очень оживленную беседу, преимущественно о внутренних наших государственных вопросах. Большею же частью, при всех встречах*, разговоры вращаются на подробностях предстоящих торжеств. Из множества лиц, с которыми я уже виделся, более всех интересовали меня граф Лорис-Меликов, граф Ал[ександр] Вл[адимирович] Адлерберг и посол наш в Берлине Сабуров. Последний, к сожалению, был у меня не один, а в присутствии других посетителей, так что мы могли кое-что передать друг другу только шепотом на ухо. Сабуров смотрит успокоительно на теперешние наши отношения с Германией и надеется в переговорах своих с Бисмарком достигнуть успешных результатов, именно: продлить заключенный в 1881 году на 3-летний срок секретный договор с Германией и Австро-Венгрией и даже ввести в него некоторые новые условия в нашу пользу**⁶⁹.

Сегодня же имел я с Н.Н. Обручевым любопытный разговор, конечно, о делах нашего Военного министерства. К сожалению, беседа наша была прервана слишком рано другими

* при всех моих встречах с разными петербуржцами

** договор этот Сабуров считает совершенно необходимым, торопится этим поддерживать в Бисмарке убеждение в нашем твердом желании оставаться и на будущее время в дружественных отношениях с Германией, дабы он не вздумал воспользоваться остающимся еще годом до срока договора 1881 года. Не затеял нового разгрома Франции, пока она еще не успела организовать свои военные силы. Но мне кажется, что в этом соображении есть некоторая натяжка. Сабуров иногда увлекается слишком своими тонкими расчетами, преследуя любимую свою идею <гипотетическими соображениями, не имеющими фактического основания>. Едва ли Германия замышляет теперь что-либо против Франции <в текущем году>. Тройственный союз Германии с Австро-Венгрией и Италией⁷⁰ не может еще быть признаком намерения этих трех держав разгромить Францию; такое намерение было бы совершенно противно собственным интересам как Италии, так и Австро-Венгрии. По моим понятиям, в настоящее время нет и речи об этом. Гораздо более надобно теперь нам <нам следует> заботиться о том, чтобы парализовать всякие затеи на востоке. Если по истечении срока нашего секретного договора с Германией и Австрией мы очутимся в одиночестве (изолированы), то восточный вопрос, пожалуй, может решиться помимо нас и против нас. Вот где можно предвидеть опасность и где мы должны быть на страже⁷¹.

посетителями*. Надеюсь в другой раз разъяснить с почтенным Николаем Николаевичем некоторые вопросы, прямо относящиеся к деятельности Главного штаба за последние два года. На пути из Крыма в Москву я прочел присланный мне литографированный краткий отчет военного министра за прошлый год⁷² — и сделал на полях довольно много отметок, большая часть которых относится именно к делам Главного штаба, а затем — к военно-учебным заведениям и военно-судной части. Вообще отчет этот так редактирован, как будто до 1881 года не предпринималось никаких улучшений, не делалось ничего для развития нашей военной готовности, а вся работа началась только с этого злополучного года. Такое забвение прошлого и намеренное извращение его не приносит чести ни тому, кто подписал отчет, ни тому, кто был редактором его.

9-го мая. Понедельник. — Утро провел в разъездах, расписывался у великих князей, княгинь и принцев, помещенных частью в Кремле, частью же рассеянных по всему городу. Видел только великого князя Константина Николаевича, который принял меня с прежним радушием и с которым беседа всегда занимательна. Он остался доволен своим свиданием с Государем после двух лет отсутствия; находит возможным прожить предстоящее лето в Павловске или Стрельне, а впоследствии даже проводить зиму в Петербурге, с полным устранением от участия в делах государственных⁷³. Еще застал я дома военного министра Ванновского и пробыл у него с четверть часа: говорили о делах Военного министерства, только не касаясь, конечно, вопросов щекотливых, по которым могли бы быть объяснения неприятные для нас обоих.

Вечер провел частью у Олсуфьевых, частью у своих соседей в «Славянском базаре». Разумеется, везде только и толкуют о завтрашней церемонии въезда.

10-го мая. Вторник. — Сегодня первый акт коронационных торжеств⁷⁴. Въезд в первопрестольную столицу совершился вполне благополучно и довольно удачно, несмотря на серенькую погоду и на излишние предосторожности полицейские, благодаря которым некоторые моменты торжества вышли менее эффектными, чем бывали в прежние коронации (как например, вступление царственной четы в Кремль)^{**75}. Полицейские меры, принимаемые из

* при которых нельзя было продолжать.

** и в пространство между соборами) — вышли на этот раз крайне бездушными, холодными.

*Император
Александр III*

опасения каких-нибудь злодейских покушений, доходят до* нелепости, в городе над ними** издеваются. В Кремль не пускают «народа», а набрали из разных уездов Московской губернии несколько тысяч людей, преимущественно старост и старшин, которые и должны представлять «толпу». Эта искусственно составленная «толпа» оказалась слишком малочисленной в Кремле; площадка между соборами была почти пуста. Построенные в разных пунктах

** идиотизма

*** насмеваются.

*Императрица
Мария Федоровна*

«места» для публики также не все были заняты. Тем не менее этим первым днем все довольны. Жаль только, что полиция не позаботилась о порядке при разъезде по окончании церемонии; многие лица не нашли своих экипажей и должны были пробираться пешком*. В числе их были и мы с графом Лорис-Меликовым: прошли пешком до самого «Славянского базара».

Пред началом сегодняшней церемонии в Петровском дворце был приготовлен завтрак, к которому приглашены были и все

* сквозь толпы народа.

генерал-адъютанты. Мне же был назначен пред завтраком прием у Государя. Лишь только я приехал во дворец (несколько ранее назначенного срока), Государь немедленно принял меня и посадил на то самое кресло, на котором не раз приходилось мне сидеть при докладах покойному Государю во время пребывания его в Петровском дворце. Прием продолжался минут двадцать*. Государь благодарил меня за приезд в Москву**; я ответил, что считал своим долгом явиться в такой торжественный момент его царствования. В течение разговора речь коснулась, между прочим, и политического нашего положения; я позволил себе выразить опасение, чтобы европейская коалиция не решила восточного вопроса помимо России и противно ее интересам. Государь высказал мне то же самое, что слышал я от Сабурова, и прибавил, что подробнее объяснит мне Гирс настоящее положение дела относительно продления заключенного в 1881 году секретного договора с Германией и Австрией. Затем говорили о нашей готовности к войне, о новых инженерных работах в западном пограничном пространстве, о новом перевооружении войск, о Кавказе и новых переменах в его управлении. Затронут был и щекотливый вопрос о применении к туземному населению Положения о воинской повинности***76 и т. д. и т. д. Вообще весь разговор Государя отличался непринужденностью и добродушием****.

Я вышел от Государя вполне спокойный духом, убедившись в том, что не имею повода к каким-либо опасениям за дальнейшее продолжение спокойного и независимого положения в Крыму. Вслед за представлением Государю был я принят императрицей, которая также произвела на меня самое***** отрадное впечатление:

* Приемом этим я остался вполне доволен, и что всего для меня было важнее, прием Государя был совершенно <весьма> любезный, и я вышел от Государя вполне довольный и спокойный, как вообще его добрым <любезным> непринужденным обращением <разговором>, так и в особенности некоторыми выражениями, которые вполне успокоили мои опасения <меня> касательно дальнейшего моего пребывания в Крыму. Я убедился, что могу возвратиться в свой благословенный уголок и оставаться там в прежнем своем независимом положении.

** так как будто он и не рассчитывал на мое появление.

*** обратил внимание Государя на опасность слишком крутого решения этого вопроса <этой меры> и на необходимость постепенных мер.

**** *К подлиннику дневника приложена собственноручная записка Д.А. Милютина «Разговор с Государем 10-го мая». С его собственноручными приписками карандашом: «Приложение к дневнику 1883 г.» и на бумажном пояске, опоясывающем записку: «Переписывать не нужно». — Прим. публ.*

***** приятное

она заговорила о моих недавних семейных несчастиях, о своем свидании с моею старшею дочерью и сыном, и все это высказано было с таким милым* добродушием, что я не мог не выразить еще раз Ее Величеству моей признательности за ее сочувствие и внимание⁷⁷.

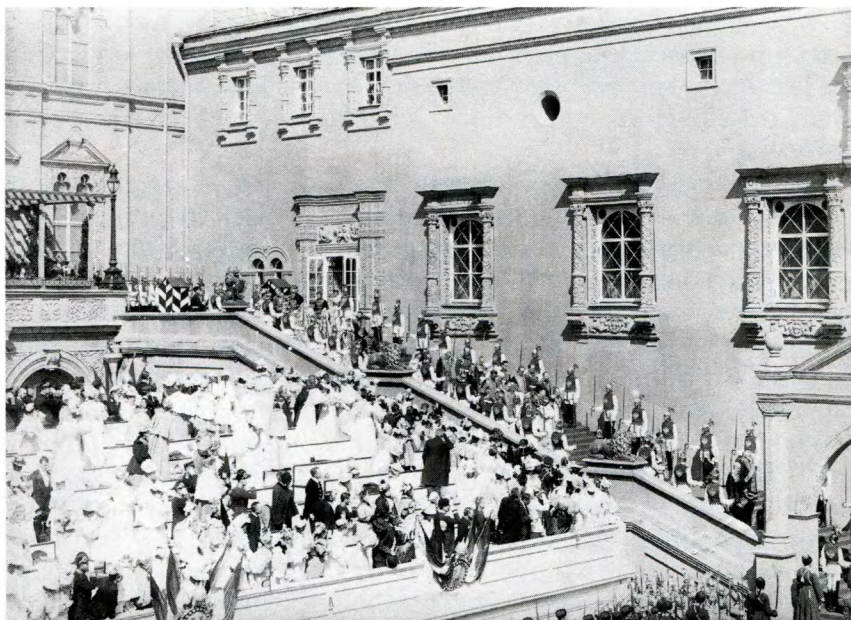
В промежутках между двумя приемами и завтраком залы дворца постепенно наполнялись приезжавшими лицами: особами императорской фамилии, иностранными принцами с их свитами, придворными, военными чинами, дамами. Мне пришлось, после двух лет отсутствия, свидеться снова со множеством лиц, с которыми встреча была то приятна для меня, то противна; едва успевал я пожимать руки, с иными обниматься, отвечать на сыпавшиеся вопросы. Мне казалось, как будто я возвратился на землю с того света, или что вижу сон. Конечно, не все** любезные приветствия при встрече со мной были искренни, однако ж много было и таких лиц, которые непритворно радовались встрече со мной. Между прочим меня тронули некоторые из придворной прислуги, оставшиеся от прежнего времени, некоторые из прежних моих подчиненных, как например, фельдъегерей и другие.

В числе приезжих иностранцев видел я современную знаменитость — английского генерала Welesley of Kair; но я не считал нужным с ним познакомиться. Герцог Монпансье, прибывший представителем Испании, не мог по болезни участвовать в кортеже верхом, а потому уехал до начала шествия и смотрел на церемонию с балкона генерал-губернаторского дома. В многочисленной свите за Государем выделялся своим костюмом князь Николай Черногорский.

11-го мая. Среда. — Сегодня ровно в полдень происходило в Оружейной палате освящение нового государственного знамени с подобающею церковною церемонией, в присутствии Их Величеств, двора и всей свиты⁷⁸. После того я был у князя Николая Черногорского и принца Германа Саксен-Веймарского. Первый говорил откровенно о теперешнем положении дел в Сербии и Болгарии, порицал полное подчинение первой австрийскому влиянию и ненормальное устройство последней. По мнению князя Николая, в Болгарии следовало бы, вместо данной ей конституции по европейскому образцу, перейти к тому же самому режиму, который существует в Черногории, и которым все

* сочувствием

** радостные

Коронация Александра III

довольны. При этом он выразился довольно резко о той категории* туземцев, получивших европейское образование, которая называется «интеллигенцией» и производит всю смуту в Болгарии⁷⁹. Из этого заключаю, что и князь Николай поет в унисон с нашими теперешними «консерваторами» или лучше сказать реакционерами.

Обедал я у Константина Карловича и Александры Николаевны Грот (поместившихся в зданиях Воспитательного дома⁸⁰), а вечер закончил у Олсуфьевых.

Пред обедом посетили меня** граф Александр Владимирович Адлерберг и Александр Аггеевич Абаза. С обоими были разговоры о теперешнем положении дел и*** нынешних главных деятелях. Чем более слышу рассказов от петербургских моих приятелей, тем более прихожу в негодование. У Грота также слышался немало грустного о современных взглядах и направлении, как например, относительно учебной части, в особенности женских

* личностей

** между прочим

*** личностях

врачебных курсов⁸¹. Вместе со мной обедали у Грота сенаторы Любощинский и Домонтович.

12-го мая. Четверг. — Утром сделал несколько визитов. В 5 часов пополудни происходила «репетиция» церемонии, предстоящей 15-го мая, в день коронации. Замечательная бестолковость и немелость распорядителей.

Вечер провел в семье графа Гейдена.

14-го мая. Суббота. — Вчера почувствовал себя не совсем здоровым, а потому не поехал вечером на раут у Н.К. Гирса, устроенный собственно для иностранных дипломатов. Сегодня чувствую себя несколько лучше; принимал участие в церемонии перенесения регалий из Оружейной палаты в тронную залу, а потом опять расписывался у некоторых из приезжих иностранных принцев. К сожалению, погода испортилась; целый день идет дождь, а по временам настоящий ливень с грозой.

Вечером, к удивлению моему, курьер привез мне рескрипт с пожалованными мне бриллиантовыми знаками ордена Св. Андрея. Эта новая неожиданная награда, ничем не заслуженная, несколько смущает меня; опять возникают во мне опасения за свою свободу и независимость, но все-таки я доволен тем, что не оправдались распространявшиеся в публике предсказания. Такие же знаки получили граф Ф.Л. Гейден и некоторые другие, а соседу моему графу Баранову пожалован двойной портрет, так что полученная мною награда не выходит из общей нормы и не может возбуждать зависти в ком-либо из моих сверстников по службе.

Сегодня происходило здесь (в Москве) в здании судебных учреждений (бывшем помещении Сената) заседание Государственного совета, в котором, однако ж, я не счел нужным* участвовать.

15-го мая. Воскресение. — Главный акт коронации совершился** с обычною торжественностью, согласно с церемониалом. Погода благоприятствовала: хотя день был серый и по временам даже накрапывал дождь, однако ж в самые моменты шествия, под откры-

* присутствовать, чтобы показать, что я приехал собственно только на коронацию, а вовсе не отказываясь от прав своих на бессрочный отпуск. При этом же дела, назначенные к слушанию, вообще не имели никакой важности. Заседание происходило в Кремле, в зале бывшего Сената, ныне Судебных учреждений.

** совершенно благополучно и в полном порядке.

тым небом, показалось солнце, и картина получила блестящий вид. С трудом вынес я, со своею больною ногой, этот утомительный день. Участвующие в церемонии собрались во дворце с 7 1/2 часов утра и возвратились домой только около 5 часов пополудни. В шествии я нес государственный меч, с которым стоял и во все продолжение церемонии в Успенском соборе, на одной из ступеней трона⁸². В один из самых важных моментов коронации почувствовал я приближение обморока, которому я подвержен с малолетства; у меня уже помутилось в глазах, я почувствовал холодный пот и на несколько мгновений наступило даже бессознательное состояние; однако ж каким-то чудом я устоял на ногах, опершись только руками и головой на рукоятку меча, и таким образом пересилил самого себя; скандал, которого я с ужасом ожидал, миновал к великой моей радости, и я докончил благополучно свою роль в церемонии, так что никто даже и не заметил моего критического положения*. По возвращении из соборов во дворец, в промежуток времени до обеда, я несколько отдохнул в одном из коридоров. Собравшись около 2 часов пополудни в Грановитой палате⁸³, мы еще дожидались добрый час, стоя на своих местах за столом, прибытия Их Величеств. Обед сопровождался всеми старинными обрядами, существовавшими при наших царях, чрезвычайно странными для нашего времени. Грановитая палата расписана вновь, сходно с бывшею в старину полуцерковною живописью; для этого были вытребованы в Москву суздальские «богомазы», произведения которых вышли довольно карикатурны. Музыка во время обеда, вокальная и инструментальная, была исключительно** национальная. Даже «меню»*** обеда было разрисовано в русском стиле и писано церковным шрифтом.

По случаю сегодняшнего торжества вышло множество наград и милостей; но есть много обиженных и огорченных; таковы, например, все полковники, произведенные в генералы с зачислением в запас. Граф Дм[итрий] Андр[еевич] Толстой и И.Д. Делянов украсились голубыми лентами!!⁸⁴

16-го мая. Понедельник. — Утром Их Величества принимали поздравления от разных deputаций, дипломатического корпуса, духовенства, высших сановников. Я подходил в числе членов Госу-

* Впоследствии узнал, что было не совсем так: заметили стоявшие позади меня великие княгини и некоторые придворные дамы. — Прим. Д.А. Милютина.

** национальных русских композиторов.

*** Меню (фр.).

дарственного совета. Государь подавал всем руку; у императрицы прикладывались к руке. Поздравления начались с 11 часов и кончились в 4-м часу.

19-го мая. Четверг. — До сего времени не могу окончить всех своих визитов; разъезжаю целое утро по городу и большую часть оставляю карточки. Сегодня же был на церемонии перенесения регалий обратно из тронной залы в Оружейную палату, а в 6 1/2 часов — на парадном обеде, в Грановитой палате, для чинов первых двух классов; теснота и духота.

На балах, бывших во дворце и у генерал-губернатора князя Долгорукова, как говорят, также была страшная теснота; в 12-м часу почти все уже разъехались. Вчера был парадный спектакль; сегодня бал в Дворянском собрании. От всех этих вечерних собраний освобождает меня траур. Народ по вечерам толпится вокруг Кремля, глаза на иллюминацию, которая, как говорят, была великолепна. Я видел только освещенную плашками верхушку Ивана Великого⁸⁵.

Как 15-го числа, так и сегодня, ходил слух о смерти императора Германского⁸⁶, вероятно, тут просто биржевая спекуляция. Вчера же получено известие о смерти принцессы, матери находившегося здесь принца Альберта Прусского⁸⁷, который вчера же и уехал в Берлин.

Сегодня узнали о смерти генерала Альбединского после продолжительной, тяжелой болезни и мучительных операций (извлечения камня).

В Петербурге в день коронации произошли беспорядки и буйства в пьяной толпе; рассказывают различно: одни придают этому случаю более значения, чем другие. Вскоре узнаем правду⁸⁸.

Сегодня заезжал ко мне Сабуров; толковали о том, чего мы должны добиваться при предстоящих переговорах о продлении секретного договора с Германией и Австрией. Вчера же говорил мне об этом и Гирс, который пригласил меня отобедать у него завтра вместе с П.А. Сабуровым и князем Лобановым-Ростовским, чтобы вместе потолковать о том же вопросе. От Сабурова узнал я, что у Государя любимая мечта — ознаменовать свое царствование завладением Босфора, и что в этих видах уже производились секретно рекогносцировки нашими офицерами Генерального штаба; что Нелидов (посланник наш в Константинополе) действует в том же смысле и поддерживает в мыслях Государя опасную мечту. Сабуров, хотя и не одобряет этих легкомысленных* затей, однако ж считает для нас желательным раз-

* замыслов

вязать себе руки на востоке и думает, что если б нам удалось нейтрализовать Германию и Австрию, то мы имели бы против себя разве одну только Англию, которой тогда нечего было бы нам бояться. Я не мог* не предостеречь дипломата от таких опасных иллюзий, которые неизбежно приведут нас к** войне, весьма нежелательной при настоящем военном и политическом положении. Любопытно будет услышать завтра суждения других дипломатов.

20-го мая. Пятница. — Обедал у Гирса с дипломатами: послами князем Лобановым и Сабуровым, бароном Жомини, директором Азиатского департамента Зиновьевым, состоящими при Гирсе: графом Капнистом, бароном Фредрихсом, графом Ламсдорфом, князем Оболенским. С удовольствием встретился я с прежними своими ливадскими сотоварищами, которые, как кажется, были также довольны встречей со мной. После обеда Гирс попросил перейти в кабинет князя Лобанова, Сабурова, барона Жомини и меня для продолжительного совещания по вопросу о продлении секретного договора с Германией и Австро-Венгрией. Все мы единогласно признали необходимым приступить к переговорам по этому предмету; но когда зашла речь о желаемых изменениях в договоре 1881 года, то оказалось, что мысли по этому предмету вовсе еще не установились, так что, прежде всего, нужно было поставить вопрос: в чем именно заключаются интересы России, требующие охранения? Кто ставил нашу целью — слияние Болгарии с Румелией, кто — завладение проливами и т. д. Что касается до меня, то я заявил, что в настоящее время интересы наши в восточном вопросе имеют характер чисто отрицательный: 1) *не допускать* ничьего чужого влияния на Балканском полуострове и 2) *не впускать* ничьего военного флота в Черное море. Исходя из этого основного начала, я прихожу к тому заключению, что сущность нашего соглашения с Германией и Австрией должна бы ограничиваться установлением на будущее время незыблемого принципа, что никакое изменение в настоящем status quo*** на Балканском полуострове не может быть допущено без соглашения с Россией. Если б можно было при новой редакции договора достигнуть только этого одного условия, то и того было бы вполне для нас достаточно. Сабуров же напирал преимущественно на желаемое изменение 1-й статьи договора 1881 года в том смысле,

* не возразить на такие ребяческие суждения

** гибельным результатам

*** Существующий порядок вещей (*лат.*).

чтобы договор этот, развязывая Германии руки против Франции, в то же время налагал бы на нее и некоторую узду в отношении окончательного исхода возможной в будущем войны. Гирс и Сабуров* заметили, что Государь не сочувствует вообще возобновлению договора 1881 года, что он поддался мечтательным фантазиям Нелидова о завладении Босфором с согласия самого султана⁸⁹ (?!), что, наконец, Государь возлагает большие надежды на личное свое соглашение с нынешним наследным принцем Германским⁹⁰, в случае смерти императора Вильгельма. Все это** нахожу я иллюзиями. Результатом нашего совещания было, что Гирс представит Государю записку, в которой изложит общее наше мнение о необходимости продления договора с Германией и Австрией в видах поддержания мира, но*** с такими изменениями в редакции 1881 года, которые уравнивали бы русские интересы на востоке с предоставляемыми тем договором выгодами Германии и Австрии.

21-го мая. Суббота. — Сегодня происходил народный праздник на Ходынке. В числе других лиц свиты я получил повестку — прибыть к половине второго часа в царский павильон, построенный против ворот Петровского дворца, по другую сторону шоссе. В павильоне этом я нашел массу дипломатов, придворных дам и военных. В 2 часа прибыли Их Величества со всею царскою семьей и иностранными принцами. Появление их на балконе павильона было приветствовано криками «ура» несметной массы народа, толпившегося на Ходынском поле. На этот раз праздник был устроен так, что можно было подивиться примерному порядку и спокойствию толпы: собравшаяся на праздник масса народа держала себя так чинно, как будто регулярное войско, расставленное для парада. Иностранцы выражали свое удивление при виде этой громадной толпы, державшейся в почтительном расстоянии от царского павильона, правда, за шпалерою солдат. Вид этого праздника в особенности интересовал представителей Азии, которым, вероятно, никогда еще не приходилось видеть что-либо подобное. В числе их были хан Хивинский и наследный принц Бухарский с их свитами, посольства китайское и японское; был даже какой-то господин в одежде европейского покроя, выдающий себя за представителя

* выражали опасение

** конечно, несерьезно

*** *Первоначально:* «Но что желательно, по возможности, ввести в редакцию 1881 года такие изменения, которые более уравнивали бы русские интересы на востоке с теми выгодами, которые предоставляют Германии и Австрии».

Сандвичевых островов*. В начале 4-го часа царский павильон опустел, а праздник продолжался до вечера и окончился фейерверком. Все прошло очень спокойно. Погода была серая, но без дождя, а по временам даже проглядывало солнце.

Так прошел еще один день коронационных празднеств, день, за который в особенности боялись наши робкие охранители. Часто приходится слышать такие речи: «Ну, слава Богу, еще один день прошел благополучно». Иностранцы, напуганные всякими толками об опасностях, ожидавших их в России, наивно говорят, что они совсем не нашли здесь того, чего ожидали.

Вечер провел у графини Блудовой, которая пригласила меня, неизвестно почему, вместе с несколькими, почти незнакомыми мне лицами.

22-го мая. Воскресение. — Сегодня годовщина смерти императрицы Марии Александровны. Их Величества и большая часть царского семейства ездили в Троице-Сергиевскую лавру⁹¹ и слушали там заупокойную обедню. Здесь же в Москве отслужена была панихида в Чудове монастыре⁹², где, впрочем, собралось небольшое число лиц царской свиты и придворных. Из царской семьи присутствовала великая княгиня Ольга Федоровна, отказавшаяся от поездки к Троице по нездоровью. После панихиды Ее Высочество пригласила меня и князя Орлова к себе (в Николаевском дворце)⁹³ завтракать и была чрезвычайно любезна**.

Обедал я у Константина Карловича Грота с графом Лорис-Меликовым и И.П. Арапетовым.

23-го мая. Понедельник. — Празднование 200-летнего юбилея устройства Петром Великим потешных войск, зародыша гвардейских полков Преображенского и Семеновского и гвардейской артиллерии⁹⁴. Торжество происходило в том самом месте***, где было тогда село Преображенское, а теперь почти у самой заставы Преображенской, у церкви во имя Петра и Павла****. Оба первые полка гвардии и 1-я батарея лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады были выстроены вдоль улицы, фронтом к церкви, пред входом в

* В назначенный час прибыли в павильон Государь и царская фамилия. Пробыли в павильоне около часа. Его Величество, заметив меня, подошел ко мне, дал руку и спросил, не слишком ли я устал и как выдерживает мое здоровье весь ряд торжеств.

** Мы пробыли у ней около часа.

*** в самом месте их формирования

**** где находилась церковь во имя Петра и Павла, проходил утром церковный парад со всею возможною торжественностью.

которую был раскинут шатер для дам, а впереди шатра поставлен аналой. В присутствии всей царской фамилии,* иностранных принцев с их свитами и целой толпы военных — совершенно молебствие, после которого войска прошли церемониальным маршем. При этом были освящены вновь пожалованные обоим полкам знамена нового образца. Пред строем полков стояли древние петровские знамена. Вся церемония кончилась около полудня. Государь в сопровождении некоторых из присутствовавших поехал в Измайловский** инвалидный дом⁹⁵, а все прочие покатили в Сокольники, где город угощал войска обедом. Я же, чувствуя боль в ноге и утомленный продолжительным стоянием, уехал прямо домой***.

Пред обедом посетил меня посол наш в Константинополе Нелидов, с которым я несколько сблизился во время последней турецкой войны⁹⁶. Он состоял тогда при великом князе Николае Николаевиче в качестве заведующего дипломатическою канцелярией главнокомандующего. Это человек даровитый, живой, одушевленный патриотическим чувством****, но, как мне кажется, идеалист. Он говорил мне о своей любимой мечте — занятии нами Босфора, как о единственной возможной для нас задаче на востоке. Нелидов совершенно доволен тем положением, которое он занял в Константинополе.

Вечером я заехал к княгине Александре Павловне Шаховской и слышал рассказы князя Льва Владимировича Шаховского о бывшем народном празднике. Он сам был в толпе, с целью наблюдения за настроением ее, и был удивлен серьезным и спокойным отношением народа к настоящим празднествам. Однако ж оказывается, что праздник на Ходынке не совсем обошелся так благополучно, как говорили: были и избитые, и даже убитые до смерти⁹⁷.

* многочисленного сборища

** в Измайловскую богадельню.

*** *Далее следует тщательно вымаранный Д.А. Милутиным абзац: «Я даже пожалел о том, что поехал совсем напрасно на эту церемонию, присутствие мое тут было совершенно лишнее, я чувствовал себя как-то не на своем месте. Даже и прежде обязанный по своей должности частенько присутствовать на подобных военных церемониях, при покойном Государе, я всегда тяготился и чувствовал <...> к ним какое-то <почти> отвращение, теперь же, после двух лет удаления от всех пошлостей нашей военной обстановки (особенно от гвардейской) она произвела на меня какое-то тяжелое и грустное впечатление. Быть может, этому невольному чувству <ощущению> способствовала отчасти <...> действующих ныне личностей. Затрудняясь отдать себе отчет в том, насколько ощущение это объясняется <...>».*

**** Качества эти, как мне кажется, он и ныне вполне сохраняет <в себе>, но мне теперь сдается, что он несколько утопист, человек увлекающийся созданными им самим идеалами.

24-го мая. Вторник. — Большой парадный обед в Кремлевском дворце, в Георгиевском зале, для дипломатического корпуса, Государственного совета, сенаторов и свиты.

25-го мая. Среда. — Великий князь Михаил Николаевич пригласил меня к завтраку; и он, и великая княгиня были очень любезны. В происходившем сегодня вторичном заседании Государственного совета я опять не присутствовал; продолжал разъезжать по городу с бесконечными визитами. Вечер провел у соседей, в семье графа Гейден.

26-го мая. Четверг. — Великолепное торжество освящения храма Спасителя. Оно продолжалось с 10 часов утра до 2 пополудни; программа торжества была выполнена безукоризненно; внутренность храма очень эффектна; крестный ход кругом собора представлял зрелище вполне грандиозное.

Начало постройки этого храма связано с моими юношескими воспоминаниями. Отец мой был членом и управляющим делами Комиссии по постройке храма; в первые годы своего офицерства, приезжая в отпуск в Москву, я проживал в семье моей, в одном из домов, находившихся между местом постройки и улицей Пречистенкой. Дом этот снесен вместе с прочими существовавшими тут строениями. Архитектор Тон был дружен с моим отцом и я видал его в среде моей семьи⁹⁸.

27-го мая. Пятница. — Утром осматривал Политехнический музей, в котором нашел много предметов занимательных. Полезное это учреждение не получило еще полного развития; выстроена только средняя часть здания; на постройку боковых частей пока не имеется денежных средств. Почтенный профессор Щуровский провожал меня по всем отделам музея⁹⁹.

Продолжаю делать визиты. Обедал у Александра Аггеевича Абазы, который живет вместе с П.П. Убри.

От графа и графини Олсуфьевых получил уведомление, что живший у них в доме врач Дуброво, заразившись от одной больной дифтеритом, кончил жизнь в прошлую ночь. Покойник был не только врачом, но и другом дома; смерть его, почти внезапная, есть горе для всей семьи. Хоронят его в воскресенье в деревне Олсуфьевых, Никольском, где я намеревался побывать пред возвращением своим в Крым. План этот уже не может состояться, и мне придется напрасно оставаться в Москве два лишние дня, так как выехать отсюда я должен все-таки 31-го числа, как было условлено со старшею дочерью княгиней Шаховской.

28-го мая. Суббота. — Утром в 11 часов назначен большой парад войскам на Ходынке, а в 7 часов вечера — отъезд Их Вели-

честв из Москвы. Я испросил разрешение откланяться Государю пред парадом. Приехав заблаговременно в Петровский дворец, я стал в одной из зал*, чрез которую должны были пройти Их Величества, так чтобы только поклониться на их пути. Увидев меня, Государь** остановился, подал мне руку и спросил: «Вы также уезжаете сегодня?» — Полагаю выехать дня чрез два. — «Вы едете прямо в Крым?» — В Крым, Государь; позвольте воспользоваться случаем, чтобы еще раз принести благодарность за новый знак Вашего ко мне благоволения. — «Желаю, чтобы ваше здоровье вполне поправилось». — Вашему Величеству надобно пожелать сил и здоровья, чтобы вынести выпавшие на Вашу долю тяжелые заботы. Тем разговор и ограничился; Государь еще раз подал мне руку, затем поцеловал я руку императрицы, которая при этом очень любезно поручила мне передать привет моей жене и дочерям. Таким образом, мое пребывание в Москве закончилось вполне благополучно; не был и затронут вопрос о моем дальнейшем пребывании в Крыму; все опасения мои*** на этот счет оказались напрасными****. Теперь я могу уехать в свой излюбленный приют с полным спокойствием духа*****.

* Я стал таким образом, чтобы Их Величества прошли мимо меня и чтобы чрез это избежать всяких лишних разговоров.

** подошел

*** по этому щекотливому предмету

**** Оказался также без всякого серьезного значения и полученный мною 25-го числа рескрипт, которому в общественном мнении <придается не> подобающий смысл¹⁰⁰.

***** Без всяких угрызений совести я удостоверился в том, что отсутствие мое в Петербурге не только узаконяется, но даже признается <совсем> желательным.

В Петровском дворце я простился с королевой Греческой Ольгой Константиновной, с великими княгинями Александрой Иосифовной, Ольгой Федоровной, герцогиней Эдинбургской Марией Александровной, а также с великими князьями Константином и Михаилом Николаевичами. Все они были любезны и внимательны, <тогда как другие великие князья, как и пр.> Мария Павловна, почему-то делают вид, что не замечают меня. Не могу сказать того же о других членах царской фамилии, потому я и не счел нужным явиться к ним вторично пред отъездом.

Простился я с великим князем Константином Николаевичем; распился у Михаила Николаевича; к прочим же не счел нужным явиться пред отъездом, с их стороны выказано было полное ко мне невнимание, я не остался ни присутствовать на параде, ни на бывшем после него завтраке в Петровском дворце и не был вечером на станции железной дороги при отъезде Их Величеств. Моя роль была <сыграна>, и я вполне счастлив <рад> отойти снова за кулисы.

Возвратившись из Петровского дворца в город, я успел еще сделать несколько прощальных визитов. В виде развлечения сговорились мы с графом Лорис-Меликовым, Ив[аном] Павл[овичем] Арапетовым и племянником моим Юрием Милутиным обедать в ресторане «Эрмитаж». Вечером простился с добрыми соседями моими — семьей графа Гейдена*. «Славянский базар» уже наполовину опустел; завтра уедут и остальные мои соседи.

30-го мая. Понедельник. — Москва видимо пустеет; почти все соседи мои в «Славянском базаре» разъехались. Вчера утром ездил я на Николаевскую дорогу, чтобы проститься с Олсуфьевыми, предполагавшими ехать с утренним поездом в деревню; но они отложили свой отъезд. Утром же принимал я депутацию болгарскую, которая разъяснила мне некоторые темные стороны болгарских дел. Вслед за тем был у меня директор Азиатского департамента Зиновьев, который, как мне кажется, смотрит совершенно правильно на положение Болгарии и образ действий ее князя. Разговор наш от Болгарии перешел к азиатским делам и к некоторым новым предположениям об административном делении наших азиатских владений. Является мысль об образовании нового генерал-губернаторства и военного округа из Закаспийского края до Аму-Дарьи и Аральского моря, со включением Хивинского ханства и Аму-Дарьянского отдела. Проект этот представляет много и pro и contra**, требует всестороннего обсуждения.

Сегодня утром я был в Донском монастыре¹⁰¹, чтобы взглянуть на памятник, поставленный на могиле графа П[етра] Дм[итриевича] Киселева. Потом осматривал Исторический музей по приглашению господина Сизова, который встретил меня при входе и был моим чичероне. Новое это хранилище находится еще в периоде зарождения; открыто пока только несколько зал, посвященных доисторическим древностям и первым временам киевского периода до XI века. На эту старину обращено было до сих пор почти исключительное внимание графа Уварова***. Даже и открытые ныне залы еще не отделаны окончательно и довольно пусты; но можно надеяться, что со временем Московский Исторический музей будет

* выехавшими из Москвы.

** За и против (*лат.*).

*** Си[зов] показывал мне и объяснял все предметы, собранные на первый раз в означенных залах. Господин Сизов, которого я прежде знал и который вчера приехал ко мне нарочно пригласить посетить музеум <музей>.

*Исторический музей
в Москве*

замечательным* памятником русской старины. В самой постройке здания музея имелось в виду воспроизвести образцы русского зодчества разных эпох; однако ж, на мой глаз, здание это кажется какою-то причудливою, тяжелою и пестрою массой**¹⁰².

В 5 часов на станции Николаевской железной дороги простился я с добрыми своими друзьями Олсуфьевыми, глубоко огорченными недавнею потерей близкого им человека***. Вечером простился также с княгиней Ал[ександрой] Павл[овной] Шаховской, с Горбуновыми и тем закончил последний день сво-

* хранилищем

** *От слов «памятником русской старины» первоначальный текст:* «Как наружный вид здания, так и внутренняя орнаментация <отделка> представлял художественное воспроизведение архитектурных стилей разных эпох. Я должен, однако же, сознаться, что, на мой глаз, архитектура наружная этого обширного здания кажется какою-то тяжелою, причудливою, чуть ли не чудовищною массой».

*** доктора Дуброво.

его пребывания в Москве. Завтра с истинным удовольствием и спокойным духом сяду в вагон Московско-Курской дороги и покачу назад, на юг.

3-го июня. Пятница. Симеис. — Вот я снова в своем излюбленном Симеисе; снова дышу свободно, снова чувствую себя спокойным и независимым**.

Выехав из Москвы 31-го мая, во вторник, я был на другой день, в 5 часов пополудни, в Киеве, где с радостью обнял свою дочь Елизавету и мужа ее князя Сергея Шаховского. На станции железной дороги все местные власти военные и гражданские были в сборе для встречи ехавшего в одном со мною поезде генерала Дрентельна. Когда по ошибке, в силу многолетней привычки, объявил он, что с ним приехал и «военный министр», то все военные обратились в царские комнаты, где, к удивлению своему, встретили не нынешнего министра, а меня. Мне было приятно видеть непритворное удовольствие, выразившееся на всех лицах; некоторые бросились даже обниматься со мной; иные высказывали свои сетования на произведенные после меня перемены и нововведения по военному ведомству. Поговорив несколько минут с бывшими моими подчиненными, я распростился с ними и остался с дочерью, мужем ее, Праховыми (мужем и женой) и губернатором Гудимой-Левковичем, давнишним нашим приятелем. В 7 часов вечера выехал я из Киева вместе с дочерью, а на другой день, т. е. вчера, около полудня, мы уже были в Одессе. Часа три спустя отплыли на пароходе «Цесаревна». Капитан его, Ризниченко, оказался старым нашим знакомым. Погода была превосходная. По гладкой поверхности моря пароход плыл не колыхаясь, а сегодня, в 7-м часу вечера, высадились мы в Ялте, откуда скоро доехали до нашей мирной обители. Береговая дорога показалась нам восхитительною; везде густая зелень, благоухание, свежесть после недавно выпавшего летнего дождя. Дома нашел всех своих здоровыми и все в порядке.

5-го июня. Воскресение. — Возвращение мое в Крым тем отраднее для меня, что Симеис понравился и старшей дочери моей, не выдавшей его около 7 лет и в прежнее время как-то не разделявшей с остальною семьей сочувствия к нашему милому уголку. Погода стоит чудесная; зелень пока еще не успела пожелтеть***.

* полечу

** и телом, и духом.

*** К сожалению, в домашней нашей обстановке представляется одно очень неприятное обстоятельство: приходится всю почти прислугу заменить новыми личностями.

29-го июня. Среда. — Вчера приехали к нам два брата Шаховские: Сергей и Лев. К сожалению, первый из них заболел сильным лумбаго.

Со времени приезда моего в Крым я ездил из Симеиса только раз в Ялту, по делу, и раз в Кореис с визитом к графине Тизенгаузен и графине Сумароковой-Эльстон. На прошлой же неделе посетили нас графиня Клейнмихель с Е.Н. Карамзиной и М.А. Гончаровой, Лазаревы, баронесса Пиллар и другие соседи.

11-го июля. Понедельник. — Симеисское наше общество, ожившееся на некоторое время с приездом братьев Шаховских*, снова сократилось: сегодня вечером уехали отсюда** дочь Елизавета с мужем в Чернигов и увезли с собой другую дочь Ольгу, а князь Лев Шаховской отправился с ними до Ялты с намерением пробыть там несколько дней для экскурсий в разные стороны. К сожалению, князь Сергей Шаховской большую часть времени, проведенного в Симеисе, пролежал в постели больной. Погода стоит жаркая. Из Петербурга ничего нет замечательного. Даже верный мой корреспондент А.В. Головнин перестал писать мне. Видно, признал нужным соблюдать осторожность в своей дружеской переписке***.

15-го августа. Понедельник. — Прошло более месяца; нечего было заносить в дневник: все та же спокойная, однообразная жизнь. 12-го числа возвратилась из Чернигова дочь Ольга. На пути она посетила семью графов Гейден в**** их имении, близ станции Гнивань, и свою кузину Аню Понсэ в бессарабском имении ее отца Леонтьева. С дочерью приехала к нам погостить одна из дочерей графа Гейдена (Ольга Федоровна).

Ожидают сегодня приезда в Ай-Тодор великого князя Михаила Николаевича с семьей, а дня чрез два великого князя Константина Николаевича в Орианду.

19-го августа. Пятница. — Сегодня ездил в парадной форме к обоим великим князьям. В Ай-Тодоре у Михаила Николаевича пробыл с полчаса*****; он принял меня с обычным своим радушием,

* (Сергея и Льва)

** в Ялту

*** Видно, признал нужным более остерегаться, чем прежде, в своих дружеских корреспонденциях.

**** деревне

***** Как и прежде, он принял меня очень любезно, во время нашей беседы вошла в кабинет его великая княгиня Ольга Федоровна, но вскоре она вышла, когда ей доложили о приезде к ней Анны Карловны Пиллар. От великого князя я узнал только одну новость, что Государь и императрица отправились в Данию.

сообщил новость, что Государь и императрица отправились в Данию, что при Государе нет никого, кроме двух флигель-адъютантов. На будущей неделе великий князь уезжает на Кавказ и возвратится в Крым ко дню рождения великой княгини. При прощании он пригласил меня бывать запросто, как в прошлом году, к завтраку.

Из Ай-Тодора продолжал я путь в Орианду. По обыкновению, провел у великого князя Константина Николаевича более часа. Время протекло незаметно; беседовали о самых разнообразных предметах*. Великий князь говорил спокойно о положении дел в Петербурге и сказал, что провел лето в любимом своем Павловске очень спокойно, совершенно устранив себя от всего делового мира** ; что предполагает будущую зиму провести в Петербурге. Когда же я выразил опасение, что пребывание там будет для него очень тягостно и даже может ставить его иногда в*** неловкое положение, то он**** ответил, что постарается избегать всего неприятного и посвятит себя***** музыке! Он намерен заняться делами музыкальной консерватории, которая, по его словам, приходит в распадение, благодаря внутренним раздорам между ее членами¹⁰³.

20-го августа. Суббота. — Великий князь Константин Николаевич поспешил отдать мне вчерашний визит. Он приехал с управляющим его частными делами К.П. Голенко и провел у меня около часа времени. Мы сидели на террасе и беседовали о предметах, более всего касающихся нашей крымской жизни. Голенко привез мне толстый пакет от***** А.В. Головнина, который воспользовался верным случаем для доставления мне разных интересных известий, которые не мог бы переслать по почте. Письмо Александра Васильевича и приложения — весьма***** любопытны. Сообщаемые сведения заключают в себе мало утешительного относительно настоящего нашего положения. Кажется, теперь и Головнин уже не заступает за графа Д. Толстого, которого я считаю зловреднейшим для России человеком при нынешних обстоятельствах, под пару с Катковым. Вот одна из самых любопытных страниц письма А.В. Головнина: «Один из друзей Д. Толстого рассказыва-

* так что я затрудняюсь припомнить даже и часть нашей беседы.

** что, впрочем, я уже и знал из писем Головнина.

*** затруднительное

**** с некоторою досадою

***** и посвятит себя — чему же? — музыке!

***** от моего неутомимого верного корреспондента А.В. Головнина.

***** интересны

Б.Н. Чичерин

ет, что когда Государь предложил ему (Толстому) Министерство внутренних дел, Толстой сказал, что затрудняется принять, потому что Государь его не знает. Государь удивился и сказал, что присутствовал при его докладах, читал его отчеты. Толстой объяснил, что он известен Государю как министр народного просвещения, но что убеждения его по делам внутреннего управления Его Величеству неизвестны. Угодно ли будет Государю иметь министром человека, который убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас было население спокойное, зажиточное, жившее под руководством более образованных людей, что разные отрасли правительственной деятельности друг другу не вредили, правили местными делами агенты правительства под контролем других высших агентов той же власти, а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян; разо-

ренное, недовольное дворянство; суды, которые постоянно противодействуют полиции; 600 говорилен земских, оппозиционных правительству. Поэтому задача министра внутренних дел должна состоять в том, чтобы не развивать, а парализовать все оппозиционное правительству. Толстой — умный, образованный человек. Возможно ли так ошибаться!..»¹⁰⁴

* А я, прочитав эти возмутительные строки, скажу: Толстой, может быть, и образованный человек, но только не умный, а тупой, близорукий, притом злой, желчный, мстительный, бессердечный эгоист, истый крепостник. Если ему суждено еще занять влиятельное положение в нашей администрации, то можно ожидать впереди еще более зла, чем то, которое уже нанесено России его управлением Министерством народного просвещения.

В числе приложений к своему письму А.В. Головин доставил мне любопытные выписки из дневника покойного доктора Пирогова, а также наделавшую столько шума, отпечатанную за границей, речь бывшего московского городского головы Б.Н. Чичерина, произнесенную во время празднеств коронации. Вследствие этой речи Чичерин был вынужден оставить должность. Не странно ли? Чичерин до вступления своего в должность московского городского головы отличался консервативными мнениями, горячо спорил со всеми поборниками либеральных реформ в России, так что в последнее время совсем было разошелся с прежними своими приятелями, а сделавшись городским головой, вдруг произносит такие речи, которые навлекают на него гонение со стороны правительства. Очевидно, тут есть какое-то недоразумение¹⁰⁵. По всем вероятностям, увольнению его много помог Катков, личный враг Чичерина по старой университетской истории¹⁰⁶.

21-го августа. Воскресение. — Сегодня приехал к нам в Симеис граф Фед[ор] Лог[гинович] Гейден с сыном. Он поживет у нас дня четыре и потом уедет с дочерью Ольгой Федоровной и сыном в подмосковное имение зятя своего, графа Шереметьева (женатого на другой дочери графа Гейдена, Марии Федоровне).

* А я, прочитав эти грустные <возмутительные> строки, скажу: Толстой, может быть, и образованный человек, но только не умный, а злой, желчный, мстительный, тупой, близорукий. Это истый крепостник. Эгоист бессердечный; это обновленная <продолжение>, отошедшая в вечность серия ненавистных личностей прежних времен: Магницких, Аракчеевых, Клейнмихелей и столько других, о которых история вспоминает с негодованием, как о злодеях, наделавших России более вреда, чем какие-нибудь Пугачевы и Разины...

Далее текст тщательно вымаран Д.А. Милутиным и неразборчив. — Прим. публ.

27-го августа. Суббота. — Граф Гейден уехал 25-го числа, в четверг, с дочерью и сыном. Мы остались вчетвером, в тесном составе семьи, чего давно уже не было*.

Сегодня все мы ездили к Лаврентьевым, в Наташино, в 7 верстах за Ялтой. Добрые эти люди; всегда принимают радушно. После обеда водили нас на горы, чтобы показать замечательное образование горного обвала над их именем.

29-го августа. Понедельник. — Ездил я в Ай-Тодор к великому князю Михаилу Николаевичу; завтракал у него, а потом навестил в Орианде великого князя Константина Николаевича.

Вчера приезжал к нам губернатор А.Н. Всеволожский и сообщил печальное известие о смерти И.С. Тургенева; сегодня же прочли об этом в газетах.

4-го сентября. Воскресение. — Сегодня удостоил меня посещением великий князь Михаил Николаевич; приехал он с адъютантом Толстым. Пред тем посетил меня другой Толстой, гофмейстер** Его Высочества.

5-го сентября. Понедельник. — Дом наш опять оживился: приехала погостить племянница Мордвинова со своей гувернанткой, француженкой; возвратились князь Лев Шаховской и младший граф Гейден (Дмитрий), а вчера приехал еще и старший его брат Николай, бывший мой адъютант.

Вскоре после обеда приехали проститься*** Лаврентьевы; истинно дружески расстались мы с этою добродушною семьей.

На днях посетили нашу сторону (Алупку и Симеис) многие из членов бывшего в Одессе съезда естествоиспытателей¹⁰⁷. Целая вереница экипажей остановилась у въезда в нашу усадьбу с намерением посетить меня; но за отсутствием моим**** только один из посетителей, войдя в дом, передал жене моей, в длинной речи, сочувственное мне приветствие от имени членов съезда.

8-го сентября. Четверг. — Утром ездил с поздравлением к великой княгине Ольге Федоровне. После обедни все съехавшиеся с разных сторон гости были приглашены к завтраку и затем разъехались под проливным дождем. Хозяин и хозяйка были очень любезны. Завтра же день рождения великого князя Константина Николаевича; придется опять ехать с поздравлением; но приглашений нет ни к завтраку, ни к обеду, а потому

* да и не останемся <будем> одни надолго без новых гостей.

** В тексте: «гофмаршал». — Прим. публ.

*** Лаврентьев с женой, сестрой и племянницей.

**** (в то время я был на обычной пешеходной прогулке с дочерьми)

можно будет ограничиться появлением у обедни в Ливадской церкви. Как сегодня, так и завтра разрешено быть запросто, в сюртуках.

19-го сентября. Понедельник. — На прошлой неделе приезжал в Симеис сын мой, по окончании лагерного сбора под Севастополем. Вчера он уехал вместе с молодым графом Гейденем.

Сегодня утром ездил я к великой княгине Ольге Федоровне, завтракал у нее.

Главным предметом разговоров теперь — дела болгарские и опасения новых замыслов князя Бисмарка. Князь Александр Болгарский вдруг изменил круто свой образ действий и выкинул такие неожиданные проделки, что русские министры генералы Соболев и Каульбарс должны были выехать из Болгарии. Предполагают, что он действует по внушениям Германии и Австрии с целью отделаться от русской опеки. Газеты иностранные выставляют последние события в Болгарии как поражение для русского влияния. Досадно и обидно для нас, после стольких жертв, принесенных Россией для поддержания этого влияния на Балканском полуострове! Вся вина лежит на нашей политике: с самого освобождения Болгарии мы наделали целый ряд ошибок, вследствие слепого доверия покойного Государя к коварному, двуличному мальчишке, который прикидывался совершенно преданным России, а между тем действовал по внушениям из Дармштадта, Вены и Берлина. Сколько раз предостерегал я покойного императора насчет неискренности князя Александра Баттенберга и ложного взгляда нашего на положение дел в Болгарии. Государя уверяли, будто князь Александр ведет борьбу с революционной партией, что вся беда в конституции, нами же данной Болгарии, что необходимо поддержать принцип власти против «нигилистов»*. И какой же результат? Немецкий** подпоручик выгоняет одного за другим русских министров, данных ему по его же выбору и с одобрения нашего правительства; выживает двух наших дипломатических представителей (Давыдова и Хитрово) и, наконец, нахально отказывает в приеме присланному для вразумления его третьему дипломату русскому (Ионину). Неужели и после этого будут гладить его по головке?¹⁰⁸

На днях был у меня Хитрово, который испытал на себе коварство князя Александра Баттенберга и вполне раскусил его. Хитрово теперь назначен дипломатическим нашим представителем в Егип-

* Все делалось нами в <этом> смысле.

** прапорщик

*Князь Александр
Баттенбергский*

те; пред отправлением туда он заехал в Крым повидаться со своею теткой графиней Тизенгаузен, у которой он и поселился на несколько дней в Кореисе.

23-го сентября. Пятница. — Сегодня вечером приехали к нам в Симеис Вера Аггеевна Абаза с двумя племянницами Прасковьей и Еленой Милютиными, дочерьми покойного брата Николая.

29-го сентября. Четверг. — Вчера Вера Аггеевна Абаза уехала в Бухарест навестить свою племянницу княгиню Урусову. Жена моя провожает ее чрез Алушту и Симферополь до Севастополя и попутно покажет племянницам южный берег и Бахчисарай. С ними же уехал и князь Лев Влад[имирович] Шаховской до Ялты, откуда он отправится на Кавказ, к новому своему месту службы.

2-го октября. Воскресение. — Жена с двумя племянницами возвратилась из своей экскурсии.

4-го октября. Вторник. — Ездил в Ялту и в Орианду. Провел около часа у великого князя Константина Николаевича в приятной беседе.

11-го октября. Вторник. — Утром уехала племянница Ина Мордвинова, а вслед за ее отъездом приехал племянник Юрий Милютин.

*** 15-го октября. Суббота.** — Великий князь Константин Николаевич посетил меня пред своим отъездом из Крыма **.

28-го октября. Пятница. — Сегодня утром уехали племянницы Милютины со своим братом Юрием*** и с ними же дочь Ольга, которая пожелала повидаться со своими друзьями в Москве и Петербурге. Погода стоит превосходная; по утрам гуляю**** в кителе.

2-го ноября. Среда. — Поездка в Мшатку к Н.Я. Данилевскому. Получил от генерал-адъютанта Обручева телеграмму о том, что Пензенскому полку высочайше разрешено прислать ко мне депутацию в день предстоящего 50-летнего юбилея моего в будущий вторник, 8-го числа¹⁰⁹. Придумываю, как бы уклониться от всех вообще могущих быть по этому случаю***** манифестаций. Всегда имел я отвращение от празднования разных годовщин, от всяких торжеств и оваций, особенно когда мне самому приходилось быть объектом этих оваций; теперь же подавно все это мне крайне претит*****.

4-го ноября. Пятница. — Из разных приходивших мне в голову способов для устранения всяких манифестаций по случаю предстоящего 8-го ноября юбилея останавливаюсь на предположении — предпринять поездку по***** морю до Батума и обратно. План этот особенно мне улыбается, потому что мне давно хотелось взглянуть еще раз на кавказский берег, которого не видел с 1860 года, когда большая часть его протяжения, занятая враждебным нам горским населением, была еще недоступна для нас. Хотелось также посетить вновь приобретенный нами Батум¹¹⁰. Все это

* 12-го октября. Среда. — Получил от председателя Государственного совета уведомление о том, что вследствие моей просьбы высочайше разрешено мне выезжать за границу, когда буду встречать в том надобность.

** Он выезжает из Орианды 19-го числа.

*** Милютиным

**** с дочерью Надей.

***** демонстраций, поздравлений и всяких других крайне для меня нелюбых нарушений моего здешнего спокойно<го>, мирного уединения.

***** Задумываю куда-нибудь уехать на 8 ноября.

***** Черному

может быть исполнено со всеми удобствами в 8 дней, конечно, при одном условии: если погода будет благоприятная, т. е. если не слишком будет качать. Пароход Русского общества пароходства и торговли отходит из Ялты завтра в 9 часов утра. Отправляюсь совершенно налегке.

13-го ноября. Воскресение. — Поездка моя удалась вполне, и, к счастью, погода благоприятствовала плаванию, несмотря на позднее осеннее время года. Только в первый день, в субботу, 5-го числа, нас покачало немного на пространстве между Судаком и Керчью, но и то не сильно. Во все же остальное плавание вдоль кавказских берегов пароход двигался плавно по гладкой поверхности моря, блестящей, как зеркало, освещенное ярким солнцем.

Пришлось мне совершить все путешествие на пароходе «Михаил» — одном из старших и худших пароходов Общества. Однако ж я остался очень доволен и пароходом, и кухней, и прислугой, а в особенности капитаном, которого, впрочем, я уже знал прежде. Ипполит Ильич Чайковский (родной брат композитора)¹¹¹ показался мне очень любезным, образованным и услужливым человеком. Значительную часть времени моего пребывания на его пароходе я провел с ним вдвоем, будучи единственным пассажиром в 1-м классе.

В первый день плавания я предполагал выдти на берег в Феодосии, чтобы посетить Ив[ана] Конст[антиновича] Айвазовского, много раз уже приглашавшего меня к себе¹¹², но мне не удалось это исполнить: волнение не позволило пароходу пристать к берегу, а вышедшую от пристани лодку так сильно подбрасывало, что я не решился спуститься по трапу, в совершенной темноте.

6-го числа, около 8 часов утра, пароход причалил к Керченской пристани. Здесь я вышел на берег и, пользуясь продолжительной стоянкой парохода, успел обойти весь город, подняться на Митридагову гору, осмотреть другие высоты, на которых предполагалось возвести передовые укрепления Керченской крепости. Самую крепость я не посетил, избегая вообще* встреч с местными начальствующими лицами и всякой официальности. Однако ж я не избег посещения на пароходе градоначальника Керчи контр-адмирала Вейсса и полицеймейстера, которые явились в парадной форме. Впрочем, адмирал Вейсс добродушный моряк, с которым я встречался прежде. Керчь — есть торговый городок; но жители жалуются на упадок торговли в последнее время. Слышны толки и споры о проектированном какою-то компанией канале чрез Перекоп-

* всяких

ский перешеек: одни выражают опасение, что предприятие это окончательно убьет Керчь; другие — считают проект неисполнимым, химерическим. Слышал также споры о предполагаемой железной дороге с Кубани в Новороссийск. Что было бы действительно всего необходимее исполнить неотлагательно — это углубление фарватера в Керченском проливе. Об этом толкуют уже давно, но, кажется, до сих пор никаких работ еще не предпринято.

В полдень пароход наш отчалил от Керчи. Нам пророчили сильную качку, но вышло противное: лишь только мы вышли из пролива, волнение совершенно улеглось. Вечером, когда уже совсем стемнело, подошли мы к Анапе. Пароход останавливается довольно далеко от берега; к пароходу подошло несколько лодок, и с полчала продолжались выгрузка и нагрузка, после чего мы тронулись далее.

К Новороссийску пароход подходит ночью. Поэтому я не мог, к большому сожалению моему, видеть этот интересный для меня городок, в котором мне случилось быть в 1860 году. Говорят, с тех пор он мало развился; но вблизи его устроился в последнее время замечательный цементный завод, выделяющий портландский цемент отличного качества. Директор этого завода, молодой техник из Прибалтийского края, ехал с нами на пароходе от Новороссийска до Сочи. Из разговоров с ним я почерпнул некоторые интересные сведения о крае, с которым он успел уже довольно ознакомиться. Редкое население и недостаток путей сообщения — чрезвычайно замедляют развитие здесь культуры. Обширные пространства, покинутые прежним горским населением¹¹³, остаются пустынными, и присутствие кое-где человека обнаруживается, к прискорбию, только лесными пожарами, которые пришлось и нам видеть по всему почти протяжению прибрежных гор. В ночное время тянулась в иных местах непрерывная огненная полоса.

7-го числа, на рассвете, пароход остановился у Джубы; затем у Туапсе, где возникло уже порядочное поселение; далее — у Псеуапе, Сочи, Адлера, Гудаута. У каждого пункта подходила к пароходу лодка, привозила и принимала пассажиров и грузы; но везде заметно было слабое еще развитие населенности и культуры. Более всего поражает здесь разнородный, пестрый состав населения. Среди общей бедности и* дикости, характеризующих все это прибрежье, глаз с каким-то изумлением останавливается на прихотливой и затейливой постройке богатого купца Сибирякова, который возвел близ Псеуапе нечто вроде замка, с каменной лестницей, спускающейся к морскому берегу.

* и простоты

Близ Гудаута в недавнее время основан монастырь, названный Ново-Афонским¹⁴; от него несколько далее в горах находится древний храм, в котором по временам служат монахи. Капитан Чайковский говорил мне с большими похвалами об этом монастыре, о его настоятеле, о живописных видах местности — и предложил мне посетить вместе с ним обитель. Но, к сожалению, это нам не удалось: мы пришли в Гудаут ночью; не было возможности остановить пароход до света. Один из монахов приехал на пароход на лодке с поручением от настоятеля передать мне икону, просфору и некоторые вещицы, работы монахов.

Утром 8-го числа мы остановились у Сухума. Здесь пароход должен был простоять часа три. Я воспользовался этим временем, чтобы съехать на берег и обойти знакомые мне места, посещенные мною в последний раз в 1860 году, когда начальником Сухумского округа был генерал Лорис-Меликов (теперешний граф). С парохода Сухум показался мне отстроившимся после понесенного им в последнюю войну разгрома от турок: на берегу видно несколько чистеньких домов, большая казарма, в глубине — красивая, византийской архитектуры церковь; но когда я вышел на берег и начал бродить по пустынным улицам*, то очутился среди развалин и пепелищ. Особенно грустно было мне увидеть городской сад, где в прежние времена приезжие любовались прекрасными деревьями и великолепною шпалерою из роз; теперь же лучшие деревья срублены; сад совершенно заглох. Не скоро Сухум восстановится в прежнем виде; да едва ли даже и возникнет здесь когда-либо порядочный городок: Абхазия покинута большею частию прежнего своего населения; новые поселенцы приходят неохотно в эту страну, считающуюся лихорадочною; торговли быть не может, пока не будет проложена предполагавшаяся в прежние времена дорога чрез Кавказский хребет на северную его сторону, а теперь об этой дороге и речи нет. Ехавший со мною из Сухума до Очемчир инженер путей сообщения сказывал мне, что ему поручено разработать только вьючную тропу. В довершение всего, и прежнее особое управление этого края, называвшегося до сих пор Сухумским отделом, теперь упразднено; край этот вошел в состав Кутаисской губернии; стало быть, Сухум уже потерял и последнее значение — пункта административного. В городе не заметно никакой жизни; это как будто кладбище, забытое живыми.

Продолжая путь от Сухума к Поти, пароход останавливался только у Очемчир, и за час до захождения солнца мы были у Поти.

* в прежнее время совершенно застроенными.

Пароходы общества боятся входить в новый порт, постройка которого еще не закончена. Из порта высылаются маленький пароход навстречу морскому; в тихую погоду оба парохода сходятся на рейде борт о борт и обмениваются грузами и пассажирами. Но любезный наш капитан, узнав, что мне было желательно взглянуть на сооружения нового порта, начатые еще в мое время, и пользуясь совершенно тихой погодой, решился на этот раз подойти к самому входу в порт, так что я мог вполне отчетливо разглядеть произведенные работы и составить себе более ясное, чем по планам, понятие о том, чего еще не достает для довершения порта. Сильная буря, бывшая в прошлом году*, повредила недостроенные молы, оконечности которых так и остались неисправленными. С приобретением нами Батума Потийский порт, о котором и прежде моряки не иначе отзывались как с презрением, окончательно был заброшен, и работы приостановлены. Естественно, что начинавшееся развитие в Поти населения и торговли также остановилось и даже часть поселившихся уже тут обывателей начала переселяться в Батум. Нельзя не пожалеть о судьбе Поти, тем более, что этот пункт, по моему мнению, мог бы все-таки сохранить за собою значение вспомогательного порта для приорионского края и южной части Абхазии; притом же расстояние от всех частей Закавказского края вообще по железной дороге до Поти короче, чем до Батума, а, наконец, нельзя не принять в соображение, что железный путь в Батум проходит на значительном протяжении по самому берегу моря, а во многих местах у подошвы крутых отрогов гор, где движение может быть прерываемо обвалами, а в военное время — неприятелем. Из расспросов выехавшего к нам на встречу инженер-капитана Мейера, нынешнего производителя работ Потийского порта, я узнал, что есть надежда на возобновление отпуска денежных средств, необходимых для довершения портовых сооружений, но уже не в прежних размерах, а значительно сокращенных, соответствующих лишь потребностям каботажного судоходства.

Пароход наш отплыл от Поти уже по заходе солнца, а к 8 часам вечера пристал в Батуме к набережной. Тут встретил нас давнишний мой знакомец, добродушный контр-адмирал Граве, начальник над портом, приятель нашего капитана парохода; вскоре явились ко мне с почетом и другие власти: полковник князь Эрстов, бывший вице-губернатором Батумской области, а ныне, с низведением области на степень округа Кутаисской губернии, обратившийся в окружного начальника; затем полковник артилле-

* сильно

рийский Колодеев, начальник Батумского артиллерийского склада и вместе с тем исполняющий обязанности воинского начальника; за ним полицеймейстер, агент Русского общества пароходства, и т. д. От этих лиц узнал я не без некоторой досады, что моя стратегия исчезновения из Крыма — удалась не совсем, ибо мне вручено было несколько поздравительных телеграмм из Тифлиса, куда заранее было дано знать об ожидаемом прибытии моем в Батум; другие телеграммы были из Феодосии и, к удивлению моему, из Киева, от достойного Александра Романовича Дрентельна. Мало того, с ночным поездом железной дороги приехал генерал-лейтенант Старосельский, бывший в прежнее время моим адъютантом, а впоследствии достигший высокого поста управляющего гражданской частью на Кавказе. Он намеревался приехать ко дню моего юбилея в Крым, но узнав вовремя о моем выезде оттуда, успел прибыть в Батум несколькими часами позже меня.

В Батуме пароход стоит два дня. Сговорившись с местными властями об удобнейшем распределении этого времени для осмотра всего, что могло здесь интересовать меня, я составил себе план на оба дня. 9-го числа, в среду, с раннего утра ходил я по городу, а потом ездил по железной дороге в артиллерийский склад, или так называемый артиллерийский городок, устроенный еще по моей мысли за городом у подошвы горных высот, на которых тогда же предположено было возвести укрепления для обороны города с сухого пути. Склад нашел я в большом порядке, о чем и заявил гласно в присутствии всех сопровождавших меня властей, чем доставил большое удовольствие полковнику Колодееву. После того по железной же дороге мы посетили нефтяной завод, устроенный на самом берегу Батумской бухты, в недалеком (даже, может быть, слишком близком) расстоянии от города. Завод этот устроен в больших размерах, имеет большие резервуары для хранения керосина и нефти, привозимых из Баку в особых, приспособленных для того вагонах; сам выделяет жестянки, ящики, бочки для отпуска керосина за границу. Операция эта уже теперь производится в обширных размерах, так что значительная часть набережной батумской завалена бочонками и ящиками с керосином и нефтью, распространяющими нефтяной запах по всему городу. Устроенный собственно для меня железнодорожный поезд из одного вагона с паровозом провез нас по железной дороге до первой станции Чурук-су, или Кабулети, где дорога выходит из гористой местности на равнину. Таким образом, я видел туннель, пробитый у Цихидзири; укрепленные позиции, на которых происходили кровопролитные бои в последнюю войну, и, к сожалению, нашел, что

железная дорога сооружена весьма непрочна. Во многих местах она проложена между такими крутыми откосами гор, что уже несколько раз случались обвалы, прерывавшие движение. К тому же здешние горы изобилуют водой; везде, куда ни взглянешь, сочтется ручей, или спадает с высоты струя воды, принимающая после дождя размеры водопада.

Возвратившись на пароход около часа пополудни, мы пообедали с капитаном и с Александром Ивановичем Граве, а после обеда опять отправились осматривать город; посетили военный госпиталь, устроенный почти за городом, в отдельных бараках из желобчатого железа; госпиталь нашел я в большом порядке. Потом добродушный спутник мой Граве показывал мне разводимый им за городом сад; по дороге заходили в учебную команду Гурийской милиции, в некоторые магазины, в новую, роскошно устраиваемую гостиницу и возвратились на пароход уже в сумерки. Таким образом, я провел целый день на ногах.

Батум может назваться пока только зародышем города; но он застраивается быстро. Прежние турецкие грязные кварталы с полуразвалившимися темными лачугами и узкими, извилистыми переулками сносятся; на месте их возникает европейский городок с широкими, прямыми улицами, широкою набережной, большими строениями, блестящими магазинами, полными заграничных товаров. Повторяю, что пока все это только начало, довольно миньютюрное^{*}; но город этот, как кажется, имеет будущность, если только со стороны правительства будут даны некоторые денежные средства для небольших сравнительно сооружений, чтобы предохранить прекрасную натуральную гавань от быстро увеличивающихся наносов из речек и с моря. Гавань эта и без того необширна; и если пройдет еще десяток лет без всяких мер к устранению постоянной работы природы, то Батум утратит значение и для торговли, и в соображениях военных.

Второй день пребывания моего в Батуме, 10-го числа, условлено было посвятить осмотру окрестной местности и в особенности тех мест, где предположено возвести укрепления. Не без труда удалось мне на этот раз освободиться от сопровождения целою свитой начальственных лиц, которые, вопреки всех моих упрашиваний, не покидали меня в первый день во всех моих движениях. Под предлогом необходимого устранения всяких толков о предполагаемом втайне укреплении Батума (что в сущности есть нарушение данного нами на Берлинском конгрессе обещания)¹¹⁵ я добился

^{*} Так в тексте. Имеется в виду «миниатюрное». — Прим. публ.

того, что моими спутниками при объезде окрестностей Батума были только два инженерные офицера и полковник Колодеев. В 9 часов утра мы четвером отправились верхом сперва к стороне реки Чороха, к тому месту, где по последнему проекту должна быть построена крайняя левая береговая батарея, оттуда свернули к горам, поднимались на обе крутые высоты, на которых предполагается возвести два главные форта. На пути к этим высотам мы несколько раз пересекали каналы, прорытые по плану генерала Жилинского, для осушения низменной, болотистой местности, которая была до сих пор причиною лихорадочного батумского климата. Магистральный канал, когда будет dokonчен, перехватит все речки, спускающиеся с гор, разливающиеся на прибрежной равнине и засоряющие самую гавань. Но в настоящем своем виде ближайшая к городу равнина далеко еще не вполне осушена. Особенно болотисты и вязки бесчисленные речки, чрез которые нам часто приходилось переезжать вброд, чтобы не переломать ног наших коней при переездах по полуразрушенным мостам, даже на большой дороге. При переезде чрез одну из таких речек я чуть не утонул: лошадь моя совсем погрузилась до холки, но как-то счастливо выкарабкалась на твердый берег, и я поплатился только совершенно промоченною насквозь и загрязненною одеждой. Возвратился я в город и на пароход в невообразимо безобразном виде, весь мокрый и покрытый слоем глинисто-иловатой грязи.

Несмотря на это приключение, я остался очень доволен своею утренней прогулкой. Погода была прекрасная, какая бывает на севере только летом. Местность вокруг Батума весьма живописная: и горы, и равнина покрыты густою растительностию, еще зеленою в это время года. Говорят, растительность эта сохраняет и во всю зиму этот зеленый, живой колорит. Горы, окружающие Батум почти с трех сторон, возвышаются амфитеатром в несколько рядов: позади ближайших высот, которые предположено занять укреплениями, видны верхушки других более возвышенных хребтов, а позади всех, на фоне картины, возвышается Аджарский хребет, уже покрытый снегом. С высот (также с маяка, на который я влезал) открывается прекрасная панорама всего залива, а в северо-восточном направлении, по окраине горизонта, тянется полоса вечного Кавказского хребта.

Пароход наш должен был отойти от Батума в 8 часов вечера. Пока было светло, я успел еще пройтись с А.И. Граве по некоторым частям города и посетил школу, устроенную * господином

* мастером своего дела

Богдановым, всею душою посвятившим себя этому благому делу. С самыми скудными средствами он умудрился завести учебные мастерские, обучение музыке, садоводству. Посещение мое доставило ему большое удовольствие, и в знак благодарности он поднес мне два горшка с возвращенными в школьном саду красивыми плакучими кипарисами для посадки в моем симеисском саду.

Распростившись с батумским начальством и с Дм[итрием] Сем[еновичем] Старосельским, я выехал из Батума в обратный путь. Пароход возвращается прямым рейсом на Керчь, не заходя уже ни в один пункт кавказского берега. В течение ночи и утром была небольшая качка; но весь остальной день 11-го числа* мы шли опять совершенно покойно. 12-го числа, в субботу, около 8 часов утра причалили опять к Керченской набережной. Здесь нашли мы погоду сырую и холодную. Несмотря на то, я прошелся вторично по городу. Вечером того же дня мы — в Феодосии; погода была такая мрачная, что мне не хотелось сойти с парохода; И.К. Айвазовский сам выехал повидаться со мной на пароход. Сегодня, до рассвета, мы были на Ялтинском рейде. Здесь нашли погоду прекрасную; не было и помина о дожде, которого здешние хозяева так давно ожидают с нетерпением. Несмотря на ранний час дня, на пароход приехал сын мой со своими двумя офицерами князем Тумановым и Киндяковым. Они втроем провели два дня в Симеисе и теперь возвращаются в Симферополь. Вместе с ними я съехал на берег и чрез полчаса, простившись с ними, отправился к себе в Симеис, куда и прибыл около 9 часов утра.

Еще на пароходе подали мне целую пачку полученных 8-го ноября на Ялтинской станции поздравительных телеграмм, числом до ста; но от сына узнал, что гораздо большее число ожидает меня в Алушке и дома. По прибытии домой я приступил к пересмотру полученной первой пачки и нашел в ней телеграмму от самого Государя, весьма благосклонную и любезную; также телеграммы от великих князей. Большая часть дня прошла в чтении телеграмм и присланных из Петербурга газетных статей по поводу моего юбилея. Говорят, что отсутствие мое из Крыма произвело немалый переполох на телеграфных станциях, которые получили строгое приказание из Петербурга переслать телеграммы в место моего пребывания, где бы я ни находился; а между тем место это оставалось неизвестным. Теперь же наступила моя очередь волноваться по поводу этой массы полученных телеграмм. Отвечать на каждую из них нет никакой возможности.

* (пятница)

17-го ноября. Четверг. — С тех пор, как возвратился я к себе, почти исключительно занимался сортировкой полученных поздравительных телеграмм и писем и сочинением ответов. На алушкинской станции нашел без малого до 200 телеграмм, так что с присоединением полученных в Ялте и Батуме, а также присланных на имя жены моей, оказывается всего более 300 поздравлений. В числе их многие телеграммы весьма пространные; есть несколько особенно любезных и задушевных. Из телеграмм от лиц императорской фамилии отличаются благодушием приветы великих князей Константина и Михаила Николаевичей. Значительное число поздравлений получил от имени целых учреждений и ведомств, начиная от Военного совета, Академии наук и доходя до отдельных частей войск: полков и батарей. В телеграмме от Общества русских врачей, за подписью С.П. Боткина, заявлено об избрании меня почетным членом общества. Особенно лестная телеграмма — от Генерального штаба. Одна телеграмма подписана многими из моих бывших сотоварищей по Комитету министров — и в числе их — даже Победоносцевым и Посьетом. Независимо от телеграмм, присланы письменные приветствия в виде адресов, в красивых футлярах — от Военно-медицинской академии и Женских врачебных курсов, также адрес от Петербургского университета¹¹⁶.

Такой массы приветствий я никак не ожидал и должен сознаться, что это выражение сочувствия со стороны стольких лиц — глубоко тронуло меня; скажу более — оно подняло мое душевное настроение. Особенную цену придаю всем этим лестным приветам потому, что в настоящее время, когда я сошел со сцены, не занимаю никакого влиятельного поста и удалился в глушь на покой, нет уже повода усомниться в искренности этих приветствий. Хотелось бы выразить мою глубокую благодарность каждому из вспомнивших старика в его уединении; но я вынужден ограничиться отдельными ответами сравнительно только немногим, частью по телеграфу, частью письмами. Всем же остальным выражена мною признательность огульно посредством газет.

Как ни отраднo мне еще при жизни заслужить такие лестные отзывы о моей деятельности в течение пройденного мною долгого пути, я не могу однако же преодолеть в себе то грустное настроение, которое наводит на меня всякое юбилейное торжество. В моем воображении оно всегда производит впечатление, близкое к тому, какое испытывается при похоронной церемонии. Празднование 50-летия службы, когда юбиляру воздают всякого рода почести, восхваления, судят о его минувшей деятельности — походит

на репетицию погребения, сопровождаемого пышным некрологом. Такое впечатление, произведенное на меня чтением полученных поздравительных телеграмм, адресов и в особенности газетных статей, было так сильно, что в первую ночь по возвращении домой я видел во сне очень живо свои собственные похороны. Мне представилось, будто я ожил в то время, когда уже были сделаны все приготовления к погребению!

18-го ноября. Пятница. — Получил я, наконец, подлинный царский рескрипт по случаю моего юбилея¹¹⁷. Рескрипт сочинен в Государственной канцелярии; несмотря на лаконизм и жидкость его содержания, я все-таки* хвалю сочинителя рескрипта за то, что он не прибег к банальному перечислению всей службы по формулярному списку, как делается в большей части случаев. Да и трудно было сказать что-нибудь новое, что не было бы повторением столько уже раз высказанного в прежних полученных мною по разным случаям рескриптах, в том числе еще так недавно по случаю коронации.

Из газет узнал об оказанной мне по случаю юбилея новой почести — назначении меня почетным президентом Академии Генерального штаба. Это, конечно, большой почет, которым не могу не дорожить¹¹⁸.

На днях приехала к нам в Симеис племянница жены моей Аня Понсэ, чтобы провести с нами недели две. Стоявшая так долго прекрасная погода, как кажется, меняется. Поднялся сильный ветер, и небо заволокло черными тучами.

26-го ноября. Суббота. — Получил из Петербурга посылку с великолепным подарком, поднесенным мне по случаю юбилея бывшими при мне в разное время адъютантами и для поручений. Подарок состоит из серебряной чернильницы с двумя подсвечниками; все части изображают весьма замысловато сгруппированные предметы, напоминающие мою служебную деятельность, и множество надписей, означающих знаменательные моменты моей жизни. Посылка эта прислана при письме, чрезвычайно любезном, за подписью Веймарна, князя Гагарина, Брока, князя Трубецкого, Арапова, Ростовцева, Лаврентьева, Зыкова, Хвошинского и графа Николая Гейдена¹¹⁹. Некоторые другие из участвовавших в приношении не могли подписаться, за отсутствием из Петербурга: граф Апраксин, Вонлярлярский, граф Гендриков, Гернгрос, Горяинов, Евреинов, Миллер, Снесорев, Старосельский, Унковский и барон Фредрихс.

* одобряю

Сегодня же получил от бакинского городского головы Деспот-Зеновича поздравительное письмо по тому же случаю; он извещает меня о том, что одна из новых улиц в городе названа моим именем: «Милютинскою»¹²⁰.

3-го декабря. Суббота. — В прошлую ночь приехал к нам в Симеис брат жены Евгений Михайлович Понсэ за своею дочерью. Он пробудет у нас до следующего пароходного рейса, т. е. до четверга.

Получил еще одно приветствие по случаю бывшего моего юбилея — прекрасный адрес от Николаевской Академии Генерального штаба, за подписью обоих фельдмаршалов — великих князей, как почетных членов Академии, и всего состава Академического совета.

7-го декабря. Среда. — Евгений Михайлович Понсэ со своею дочерью выехал из Симеиса в Ялту с тем, чтобы завтра утром сесть на пароход; но они не могли проехать далее Мисхорской станции по той причине, что временно устроенный в Гаспре мост на почтовой дороге размыло дождем, непрерывно льющим уже несколько дней сряду. Путешественники наши вынуждены переночевать на станции, в 8 верстах от Симеиса, чтобы дожидаться рассвета.

31-го декабря. Суббота. — Заканчивая свой дневник за истекший 1883 год, припоминаю горестный для меня конец прошлого года. На второй день Рождества, 26 декабря, отслужили мы в алупкинской церкви панихиду по Марусе в годовщину ее смерти, так же как служили 5-го числа панихиду по Леле. Тяжело на сердце даже при одном воспоминании об этом злополучном времени.

1883-й год прошел сравнительно благополучно для меня лично и для моей семьи. Оканчиваю его со спокойным духом, в полной тишине, с женою и дочерью Надей. Стараюсь по возможности замкнуться в тесную рамку своего домашнего очага; живу более в прошедшем, чем в настоящем* и будущем.

Однако ж невольно приходит на мысль спросить себя: верно ли мое мрачное воззрение на современное положение?*** Нет ли в этом взгляде излишнего пессимизма, субъективных впечатлений? Наконец, не есть ли этот взгляд просто признак старости, которая всегда склонна порицать настоящее сравнительно с прошедшим.

Нет, я далек от того. Если я называю настоящее наше положение безотрадным, то отнюдь не потому, что мне, как старику, «мило» прошедшее. Напротив того, я говорю: читайте историю

* полном разочарований и безотрадном

** Верен ли этот неутешительный взгляд на современное положение дел не только у нас в России, но вообще в целом в Европе?

прошлых времен, чтобы оценить настоящее и утешиться на счет будущего. История нам указывает, что в жизни народов и государств не бывает постоянного, равномерного движения вперед. Бывают задержки и скачки, бывают даже остановки, как бы отступления вспять, но все-таки в общем результате — народы и государства живут и развиваются; нравы смягчаются, и, несомненно, человечество в общем смысле совершенствуется. Смотри с этой* точки зрения, исторической или, пожалуй, философической, я отношу переживаемую нами эпоху именно к тем историческим моментам, когда в развитии народа и государства происходит почему-либо задержка, остановка. Явление это не может и не должно приводить нас, современников, в отчаяние на счет будущего; перемена нескольких личностей во главе правления, близорукость и заблуждения руководителей государства могут произвести такую задержку, но не в силах остановить или своротить с пути** исторического движения. Повторяю, стоит только читать историю наших прошедших судеб (не говорю уже отдаленных времен, но даже текущего столетия), чтобы оценить громадный успех и преимущество нашего настоящего пред прошлым. Несомненно, что настоящее наше неутешительное положение — есть положение временное, переходное; что все-таки мы выйдем опять на*** predeterminedную нам дорогу. Но тем не менее настоящая эта остановка не может не казаться прискорбною для современников и дает им полное право признавать эту эпоху безотрадною. Всего более в этом отношении прискорбно именно то разочарование, которое овладело всеми нами и даже более всего молодым поколением; какой-то упадок духа, отсутствие всякого идеала, недоверие к будущему и к себе самим. Последние два, три года тем в особенности грустны, что они обнаружили всю слабость**** убеждений и взглядов в так называемой интеллигенции нашей, выказали всю нашу незрелость. Сказать ли попросту? Мы оказались стадом баранов, которое бежит туда, куда бежит передний козел. Вот что грустно.

* общей

** общего исторического движения.

*** предназначенную

**** неустойчивость

1884-й год

14-го февраля. Вторник. — Прошло уже полтора месяца нового года, и во все это время не нашлось ничего стоящего занесения в дневник. Да и в настоящее время представляется очень малозначительный предлог, чтобы возобновить его после долгого перерыва: не более, как поездка в Севастополь для встречи возвращавшейся из Петербурга дочери Ольги. В воскресенье, 12-го числа, прибыв в Севастополь, провел я вечер у генерала Аллера, командира 7-го армейского корпуса, а во 2-м часу ночи отправился на станцию железной дороги. Переночевав в гостинице, утром 13-го числа выехал вместе с дочерью из Севастополя, и к обеду мы уже были в нашем Симеисе.

16-го февраля. Четверг. — Пензенский пехотный полк, которого я имею честь быть шефом, прислал мне в память бывшего моего юбилея большую картину с фотографическими портретами всех наличных офицеров полка. Фельдфебель, которому поручено было привезти это приношение, явился вчера поздно, около полуночи, а сегодня отправлен мною обратно с письмом, в котором я выражаю полковому командиру полковнику Иолшину и господам офицерам мою признательность за оказанный мне знак внимания.

24-го февраля. Пятница. — С приездом во вторник* моего сына с князем Тумановым несколько оживилась наша симеисская уединенная** жизнь, хотя на весьма короткое время. Они пробыли у нас два дня: среду и четверг. Вчера же вечером съехались у нас и дамы, приехавшие также из Симферополя в Ялту: Н.П. Всеволожская, жена губернатора, и баронесса Корф — жена начальника 13-й дивизии. Около 11 часов вечера все наши гости уехали вместе в Ялту и оттуда обратно в Симферополь.

24-го апреля. Вторник. — Ровно два месяца не открывал своего дневника. Думал даже совсем прекратить его: стоит ли в самом

* вечером

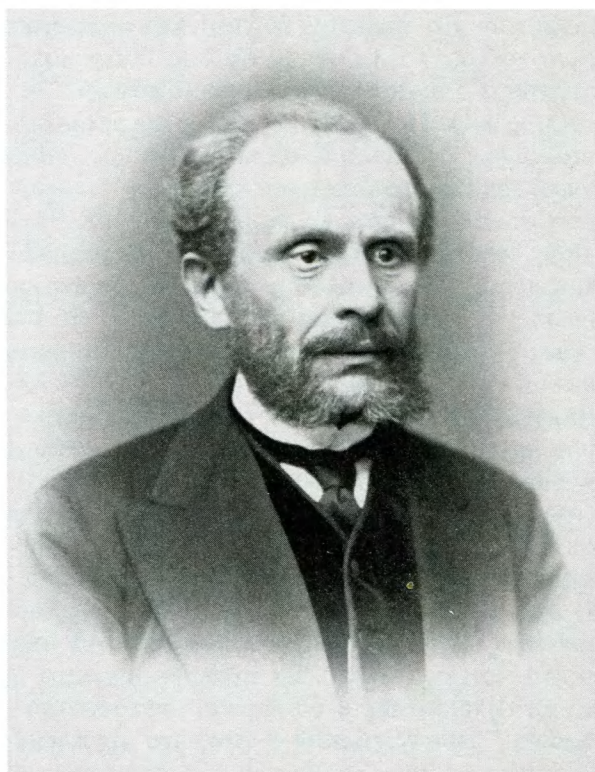
** и однообразная

деле вести дневник при такой однообразной жизни, какую я веду, в удалении от всего остального человечества? Однако ж и при этом образе жизни все-таки выдаются, хотя очень изредка, такие дни, когда случайно узнаешь что-нибудь заслуживающее, как кажется, занесения в дневник, и тогда снова приходит охота раскрыть и продолжить его.

Такой случай представляется мне сегодня. Только что возвратился я из Ялты, куда ездил, чтобы повидаться с бароном Жомини, приехавшим в Крым на короткое время по случаю предпринятой им постройки дачи в Ялте, где он намерен со временем совсем поселиться. Барон привез мне от А. В. Головина любопытное письмо со многими приложениями и в числе их отпечатанную записку Победоносцева касательно перехода эстов и латышей в православную веру¹²¹. В письме Головина заключаются некоторые совершенно новые для меня сведения о положении дел в нашем высшем управлении и, между прочим, лично касающиеся Государя. Если Головин не впадает в оптимизм, то сообщаемые им сведения довольно утешительны, по крайней мере, сравнительно с* тою темною окраской, в которой представлялось до сих пор новое царствование. Мне хотелось проверить эти сведения расспросом барона Жомини, который, стоя близко к центру управления, по крайней мере по внешней нашей политике, должен знать многое, что для публики остается невидимым, закулисным. Кроме того мне хотелось получить от него разъяснение многих непонятных для меня фактов внешней нашей политики за последнее время, т. е. после мая прошлого года, когда я имел случай видеть и говорить и с Гирсом, и с Сабуровым, и с самим Государем. Для меня весьма любопытно узнать, например, причины, по которым вдруг поднялась буря против нас в Германии и в Австрии, почему также вдруг эта буря утихла и заменилась противоположною крайностию — трогательными излияниями дружбы и сочувствия; чем вызвана была смена Сабурова в Берлине после того благоволения, которым он, как прежде полагали, пользовался со стороны германского «железного» канцлера? Все эти вопросы, конечно, мог разъяснить лучше всех барон Жомини.

Я не ошибся в этом. Рассказы его дали мне ключ загадки. Трудно было бы мне записать все, что довелось мне услышать от него; но вот сущность дела.

* с тем неутешительным, глубоко прискорбным положением

Н. К. Гурс

Еще при покойном Государе, в последние годы его жизни, Бисмарк дулся на нас, что, впрочем, и мне было известно, так как одним из поводов к его неудовольствию была принятая по военному ведомству мера — расположение значительной массы кавалерии вдоль наших западных границ. Мера эта была вызвана тем соображением, что русская армия никак не может приготовиться к войне (мобилизоваться и сосредоточиться) так быстро, как германская армия, а потому кавалерия наша, остающаяся и в мирное время в полном военном составе, должна прикрыть мобилизацию и сосредоточение нашей армии по крайней мере на первые дни по объявлении войны. Кажется, дело простое, вполне ясное и законное с нашей стороны. Но в Берлине взглянули с другой точки зрения. Великий стратег Мольтке и ученый Генеральный штаб прусский подняли тревогу; они нашли в дислокации нашей кавалерии *угрозу* (sic!) Германии, намерение расстроить план мобилизации прусских войск в восточных областях Пруссии и даже замысел произвести внезапное нападение на Пруссию. Было ли

искренне это опасение берлинских стратегов, или только напускное, как бы то ни было, но оно послужило* поводом к неоднократным** сетованиям князя Бисмарка и самого императора Вильгельма. По этому случаю я представлял в свое время объяснительные записки, которые, казалось, успокаивали на время императора Вильгельма и его канцлера¹²²; но по прошествии некоторого времени — тот же вопрос опять поднимался, и снова начинались домогательства, чтобы мы изменили дислокацию нашей кавалерии. Покойный Государь твердо держался в этом вопросе и не уступал притязаниям берлинским. Но рядом с этими, можно сказать, ребяческими придирками со стороны Германии не редко покойный Государь получал от своего дядюшки, императора Вильгельма, или прямо от князя Бисмарка чрез посредство тех или других доверенных лиц и более серьезные внушения относительно внутренних дел России, именно об опасности, будто бы угрожающей Германии и всей Европе революционным движением в России, благодаря распушенности в нашей администрации и недостатку энергии в нашем правительстве. Все либеральные реформы прошлого царствования не нравились в Берлине; там хотели бы, чтоб Россия навсегда оставалась государством полуазиатским, которое могло бы служить надолго противовесом потоку конституционных и социально-демократических идей Западной Европы. Нет сомнения в том, что дружеские советы, приходившие по временам из Берлина***, производили впечатление на покойного Государя и косвенно имели немалое влияние на ход наших внутренних дел. Влиянию этому можно приписать в значительной мере реакционное направление, которое приняла наша правительственная деятельность в последние годы царствования императора Александра II.

Все это, конечно, не ново для меня, и приводится мною только в виде вступления в дальнейшее разъяснение последующих обстоятельств. Мне также было известно, какое неблагоприятное влияние имело на отношения наши к берлинскому двору озлобление князя Бисмарка на князя Горчакова. Князь Бисмарк избегал всяких сношений с последним и в то же время с пренебрежением относился к нашему послу в Берлине, простодушному и бесцветному Павлу Петровичу Убри. Это натянутое положение нашей ди-

* предложеном

** заявлениям со стороны князя Бисмарка и самого императора Вильгельма к покойному Государю.

*** имели сильное влияние

пломатии прекратилось на время с переменою русского представителя в Берлине. Назначение П.А. Сабурова на место П.П. Убри объясняется бароном Жомини в таком виде: Сабуров, бывший посланником в Афинах, предназначался на пост русского посла в Константинополе; но прежде чем состоялось это перемещение, он взял отпуск в Германию и в Кисингене* встретился с князем Бисмарком, которому чем-то понравился и с которым так скоро сблизился, что германский канцлер вошел с ним в самые конфиденциальные объяснения, дал ему какие-то секретные поручения прямо к Государю, помимо князя Горчакова. Сабуров счел так важным предложение Бисмарка, что лично поехал в Ливадию, где в то время находился Государь. Полагаю, что поручение, о котором идет речь в рассказе барона Жомини, относилось именно к проекту того секретного тройственного договора, который впоследствии и был заключен¹²³. Дело велось в совершенной тайне, сначала собственноручною перепиской между Государем и германским императором, а потом чрез Сабурова, который и был назначен послом в Берлине именно в качестве «*persona gratissima*»** в отношении германского канцлера***. Весь этот эпизод с Сабуровым подробно заносился в свое время в мой дневник; в самом ведении означенных секретных переговоров, помимо князя Горчакова, я некоторым образом принимал участие до оставления мною поста военного министра. И после того я поддерживал сношения с Сабуровым, который нравился мне тем, что из всех известных мне русских дипломатов — в нем одном находил я то, что называют «инициативой», предприимчивость, энергию; но вместе с тем не мог я не подметить в нем с первого же раза большого честолюбия, склонности к дипломатическим тонкостям и некоторой неустойчивости в соображениях; он часто увлекается легкомысленно до фантазерства и самонадеянности. Сабуров так хвалился доверием к нему Бисмарка, что я, не зная предшествовавших обстоятельств, вообразил себе, что между Бисмарком и Сабуровым существуют давнишние дружеские отношения, подобные тем, которые приписывали себе граф Петр Шувалов и князь Н.А. Орлов. В какой мере серьезно и в отношении этих лиц дружественное доверие германского «железного» канцлера — не знаю; быть может, и с ними он

* познакомился <сошелся> с находившимся там князем Бисмарком.

** Здесь: лицо, пользующееся особым доверием (*лат.*).

*** В Ливадии я познакомился с Сабуровым и был потом в близких с ним сношениях собственно по поводу ведения означенных секретных переговоров, помимо князя Горчакова.

разыгрывает комедию, входя по временам в «откровенности» и в «задушевные беседы». Известно, что Бисмарк прикидывается дипломатом откровенным, ведущим дела напрямик, без утайки, даже грубовато; но в сущности он не далеко ушел от известного изречения, что слово дано человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Другая черта бисмарковского образа действий заключается в том, что в его политике слишком уже большую роль играют субъективные побуждения. Ход дел дипломатических зависит много от того, благоволит ли канцлер или не расположен к лицу, чрез которое ведется дело. Это испытал на себе и Сабуров: в первое время он был в милости у Бисмарка, и дела наши с Берлином пошли было хорошо в то время, когда приключилась вдруг страшная катастрофа 1-го марта¹²⁴.

Событие это произвело удручающее впечатление в Берлине. Оно было там принято как новое разительное подтверждение тех опасений, которые столько раз заявляемы были покойному Государю насчет революционных и социалистических элементов в России, насчет распушенности в нашей администрации и недостатка энергии. Рядом с этим пугалом возникало в глазах берлинского правительства новое тревожное опасение: на престол российский вступил Государь, считавшийся в общем мнении ярым немцефобом, поклонником национальных старорусских традиций. Не изменится ли совершенно направление русской политики? Не увлечется ли молодой император своими антигерманскими чувствами? Наше Министерство иностранных дел, в котором в то время не было настоящей главы, само не знало взгляда нового императора и находилось в тревожном недоумении. Временно заведовавший министерством, в отсутствие князя Горчакова, добродушный и честный Николай Карлович Гирс, державший себя всегда скромно, в пассивной роли докладчика и* секретаря, видел, однако ж, необходимость успокоить Европу и в особенности Германию насчет направления русской политики. Не получая никаких указаний от Государя, Гирс решился, по словам барона Жомини, прямо поднести на утверждение Его Величества составленный в министерстве проект декларации в смысле совершенно миролюбивом, успокоительном. Проект этот возвратился от Государя с полным одобрением. Одобрение это послужило министерству как бы программой, которой оно сочло себя вправе отныне впредь руководствоваться. Без всяких объяснений и разговоров установилась точка зрения, разъяснились все опасения насчет направления

* редактора

нашей дипломатии. Для вящего же успокоения берлинского двора и поддержания с ним традиционного дружества предложено было Государю, в дополнение к официальной декларации, обратиться к императору Вильгельму собственноручным письмом*. Барон Жомини рассказывает, что при редактировании проекта этого письма он умышленно ввел некоторые русицизмы и даже неправильности в оборотах, так чтобы придать ему характер действительно личного, исходящего непосредственно от самого Государя обращения к родственному и дружественному монарху. Невинная эта хитрость, по словам того же барона Жомини, удалась вполне**, письмо произвело в Берлине отличное впечатление, особенно потому, что оно было признано несомненно изливанием личных чувств и воззрений самого царя.

Однако ж благоприятное это впечатление продолжалось не долго. Начавшиеся с первых же дней нового царствования перемены в обмундировании войск и другие нововведения выказывали действительную наклонность Государя к восстановлению национальной русской старины; в то же время немцев пугал образ действий Игнатьева, которого самое назначение министром внутренних дел было принято в Европе чуть ли не за враждебную демонстрацию. К тому же присоединились безрассудные выходки Скобелева¹²⁵, оставленные правительством без видимых последствий, неуместная полемика некоторых газет; все это вместе взятое расшевелило опять желчное настроение германского канцлера. Тогда снова вспомнили о прежнем, оставленном было вопросе касательно дислокации нашей кавалерии и решили принять соответственные военные меры, т. е. усилить прусские войска, расположенные в пограничной с нами полосе; ударили в набат в немецкой журналистике, и заварилась газетная война.

По словам барона Жомини, торжества коронации в Москве произвели на иностранцев сильное впечатление: Европа увидела, что Россия совсем не в том положении, в каком представлялась она издали; что все ходившие толки насчет внутреннего разложения России, анархии, революционного брожения — чистейшая ложь. Этой перемене в мнении европейском барон Жомини придает большое значение и в ходе внешней политики, в связи, конечно, с удалением Игнатьева, с заменою его графом Толстым и с другими обстоятельствами. В отношении

* проект которого был сочинен бароном Жомини.

** В Берлине остались очень довольны письмом.

же берлинского двора, как мне кажется, имело главное значение — окончательное назначение Гирса министром иностранных дел. Продолжительные колебания Государя в замещении этой должности, оставлявшие так долго министерство в неопределенном положении, естественно, порождали в Европе сомнения и недоумения. Назначение Гирса должно было всех успокоить: всем был он известен за человека честного, спокойного, миролюбивого, чуждого всяких односторонних, национальных и тщеславных порывов.

Вскоре после московских торжеств еще один случайный эпизод способствовал успокоению берлинского двора. Государь во время пребывания своего в Копенгагене вызвал туда князя Долгорукова, свиты Е. В. генерал-майора, состоящего «при особе» императора Вильгельма, и поручил ему лично передать последнему самые успокоительные уверения в своем личном желании сближения с Германией. Барон Жомини не мог сказать, в чем именно заключались эти уверения; заключалось ли в них какое-либо сформулированное определительно заявление; но во всяком случае эта миссия князя Долгорукова имела в глазах берлинского двора особенную цену опять-таки именно потому, что была прямым проявлением личной воли Государя, помимо официальной дипломатии, так как при Его Величестве не находилось в то время никого из министров. Государь проживал в датской королевской семье совершенно частным человеком.

Окончательно же привело к успокоению и восстановлению доверия к России как в Берлине, так и в Вене последнее путешествие Гирса. Барон Жомини, который вовсе не приверженец Гирса, а прежде был, как известно, поклонником князя Горчакова, теперь отзывается о Николае Карловиче с большими похвалами. При своей скромности в обращении, даже некоторой застенчивости, простодушии, Гирс внушает доверие своею прямою, честностию, спокойствием, рассудительностию. По словам самого барона Жомини — это совершенная противоположность князю Горчакову, который при несомненной своей даровитости, блестящих способностях не внушал к себе доверия именно потому, что всегда рисовался, выезжал на громких фразах, выказывал прежде всего неограниченное тщеславие и высокомерие. Эти противоположные черты прежнего и нового министра иностранных дел и произвели влияние на наши отношения к Германии. Князь Бисмарк, сам далекий от скромности и прямоты, не мог переварить князя Горчакова, с его пустозвонством и хвастовством. Точно так же и в отношении Сабурова, князь Бисмарк, узнав его ближе и

подметив в нем склонность хитрить, потерял к нему прежнее доверие*. Напротив того Гирс, посетив Бисмарка в Фридрихсруэ, успел сразу приобрести его доверие и расположение. Тут в несколько часов разъяснились все прежние недоразумения и решились все сомнения.

По вопросу о дислокации нашей кавалерии — Гирс передал Бисмарку записку, вновь составленную генералом Обручевым, для разъяснения этого дела¹²⁶. Впрочем, по словам барона Жomini, с нашей стороны было заявлено, что со временем, согласно желанию германского правительства, кавалерия наша будет постепенно отводиться от границы, по мере устройства для полков новых помещений. Если такое обещание было действительно дано, то значит Бисмарк добился от нынешнего Государя, прослывшего немцефобом, того, чего никак не мог добиться от покойного Государя, которому упрекали слабость к немцам.

Другой вопрос, более существенный, касался возобновления заключенного в 1881 году секретного договора между Россией, Германией и Австро-Венгрией. Договору этому истекает срок, и предстоит решение вопроса: прекратить ли этот договор, ввиду изменившихся политических отношений, или продолжить его на новый срок на прежних условиях, или, наконец, стараться заключить новый договор на более выгодных для нас условиях. В прошлом году, в бытность мою в Москве, этот вопрос был уже обсуждаем в моем присутствии, как и было занесено в то время в мой дневник. Тогда, сколько припоминаю, все участвовавшие в совещании признали нужным продлить срок договора и при этом, если окажется возможным, выговорить некоторые изменения в условиях, так чтобы уравновесить выгоды, доставляемые всем трем сторонам. Тогда Сабуров питал самые розовые надежды и считал возможным ввести в новый договор некоторые статьи, которые доставили бы нам положительные гарантии в будущем относительно Балканского полуострова и проливов (Босфора и Дарданелл). Однако ж никто из нас, участвовавших в тогдашнем совещании, не увлекался подобными иллюзиями, а сам Государь, как я слышал от Гирса и как повторил мне теперь барон Жomini, вовсе не считает нужным возобновлять** договор 1881 года. По-видимому, окончательно остановились на том, чтобы продлить срок еще на три года.

Беседа Гирса с Бисмарком в Фридрихсруэ вполне успокоила последнего, рассеяла все его предубеждения против России.

* и даже уважение.

** или продлить срок договора.

Оставалось достигнуть того же и относительно Австро-Венгрии. Гирс успел и в этом: на возвратном пути своем из Ницы он посетил Вену, имел откровенные объяснения с Кальноки и с самим императором Францом Иосифом. И здесь он повел речь прямо, просто-душно и откровенно, указав слабые точки, на которых могут поколебаться дружественные наши отношения к Австро-Венгрии — именно поползновения венского кабинета к господству на Балканском полуострове и образ действий его в Боснии и Герцеговине. Гирс сказал: мы не оспариваем ваших прав на эту область, так как дали свое согласие на то; но примите же в соображение, что согласие это дано секретно, что в России не известно существование такого соглашения, и судите, какое впечатление произведет на русский народ всякий новый шаг ваш к окончательному и формальному утверждению австрийского обладания этою страной, а еще более распространение австрийского владычества на Балканском полуострове. Если вы предпримете что-либо в этом смысле, то в целом русском народе возбудите такое негодование, такое раздражение, что само правительство не в состоянии будет оставаться равнодушным зрителем, и тогда ни за какие последствия ручаться нельзя. Кальноки, как говорит барон Жомини, дал положительное уверение, что венский кабинет не предпримет ничего такого, что изменило бы настоящий *statu quo*. Получив такое обещание, Гирс решился затронуть еще более щекотливую сторону общеевропейской политики — отношения Германии к Франции. В случае какого-либо нового внутреннего переворота* в этой стране, если Германия снова нападет на Францию, то Россия будет поставлена в крайне затруднительное положение**; остаться равнодушною зрительницею она не может. Такое заявление Гирса, конечно, не осталось втуне: Кальноки передал о нем принцу Рейсс, а тот, разумеется, немедленно донес князю Бисмарку, который поспешил дать весьма знаменательный и категоричный ответ — что пока он жив, Германия не нападет на Францию без вызова с ее стороны.

Вот самые любопытные сведения, какие я извлек из беседы с бароном Жомини. Не ручаюсь за совершенную верность своего изложения, а еще менее за полную достоверность*** всего слышанного мною; но если б и вкрались в этот рассказ какие-либо**** неточ-

* во Франции, как например, восстановления монархии, если Германия со своими союзниками снова нападет на Францию.

** трудно будет отвечать за последствия <за последствия нельзя поручиться>.

*** и точность

**** частные

ности, то все-таки в общем смысле считаю* объяснения барона Жомини заслуживающими доверия. Быть может, со временем и откроются еще другие тайны современной дипломатии, которые несколько изменят освещение темных, загадочных сторон совершившихся в последнее время событий; но по крайней мере в настоящее время я не счел возможным пренебречь и теми объяснениями, которые сообщены мне бароном Жомини**.

26-го апреля. Четверг. — Перечитав записанное мною со слов барона Жомини в самый день моего с ним разговора, припоминаю еще кое-что любопытное, пропущенное мною, особенно же относительно личности самого Государя. Жомини вполне подтвердил мне то, что писал А.В. Головин в своем письме от 30 марта¹²⁷. Со времени воцарения Государя действительно совершилась в нем значительная перемена к лучшему. Нет уже и следа того легкомысленного и самонадеянного пренебрежения, с которым он, быв наследником, относился ко всему установившемуся порядку ведения дел государственных; нет уже тех резких, решительных, безапелляционных приговоров *ex abrupto****, которыми он сразу обрывал всякие рассуждения. Впрочем, уже и в прошлом мае месяце я сам имел случай подметить эту перемену: в тогдашней беседе со мной Государь показался мне совершенно другим человеком, не тем, с каким я расстался в мае 1881 года. Спокойствие, даже некоторое благодушие, простота**** и вместе с тем рассудительность составляли совершенную противоположность прежним его приемам. Говорят, он выказывает то же спокойствие, ту же рассудительность в занятиях своих делами: он вникает в дело, усваивает его себе и в случаях сомнительных не торопится решением. Говорят также, что в решениях своих он не поддается влиянию кого бы то ни было. Все это весьма утешительно. Жаль только, что общее направление, общий взгляд политический, как кажется, остаются неизменными. По-прежнему его идеалы выражаются в статьях Каткова; по-прежнему он признает главную задачу своей***** — напоминать о своем самодержавии, обуздывать всякие поползновения к поступательному движению по пути

* рассказ

** Передаю далеко не все, что удалось мне узнать от барона; ограничиваюсь только главным, самыми любопытными сведениями, служащими к объяснению общего хода нашей политики в последнее время.

*** Сразу, внезапно (*лат.*).

**** безыскусственность

***** поддержать самодержавие, править единолично.

прогресса в европейском смысле слова. Можно пожалеть о том, что нет никого близкого к императору, кто пользовался бы его доверием и мог бы разумно выяснить ему односторонность и даже ложность такого воззрения; невозможность* удержания России в застое, в неподвижности азиатской. Напротив того, все, что близко окружает Государя, усердно укрепляет его в тех односторонних убеждениях, да еще в подмогу им, таинственный голос извне, из Берлина, по временам подсказывает те же коварные советы — держать строже бразды правления.

28-го апреля. Суббота. — Прочел в газетах о смерти графа Павла Евстафьевича Коцебу. По преклонности лет и слабости здоровья он уже давно сошел со сцены. Однако ж еще два года тому назад он все-таки сослужил службу в качестве председателя комиссии, образованной вскоре по воцарении нынешнего Государя, с целью разрушить всю созданную в прошлое царствование военную систему. Граф Коцебу стал на сторону тех членов комиссии, которые, несмотря на сильное давление свыше, решились поднять голос против безрассудной ломки** всего сложного механизма военной администрации¹²⁸.

Генерала Коцебу я имел случай лично знать еще с 1839 года, т. е. с первого моего пребывания на Кавказе, когда он был начальником штаба Кавказского корпуса, а я приезжал в Тифлис как молодой офицер, командированный от Гвардейского Генерального штаба, для участия в военных действиях. Коцебу в молодости был на счету лучших офицеров Генерального штаба; человек образованный, благовоспитанный***, но вместе с тем мелочной, осторожный, с сильною дозой остзейского духа****. Как военному генералу, ему ставили в укор крайний недостаток решимости и боязнь ответственности. В должности новороссийского генерал-губернатора он оказал краю многие заслуги, между прочим, горячим участием своим в деле постройки первых железных дорог на юге.

30-го апреля. Понедельник. — В субботу приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич, и сегодня утром я ездил к нему в парадной форме. Я нашел его в весьма грустном настроении

* и бедствие застоя.

** устроенной с такими трудами сложной машины военной администрации.

*** но, кажется, и в молодых годах не был любим товарищами.

**** Однако ж нельзя отнять у него достоинств исполнительного и знавшего дела офицера Генерального штаба. Естественно, что качества эти <полезные> возвышению его в чинах, все более оказывались недостаточными.

по случаю смерти приехавшего вместе с ним из Петербурга Константина Петровича Голенко, управлявшего имениями Его Высочества. Смерть эта тем более поразила великого князя, что была совершенно скоропостижная, мгновенная, можно сказать на руках Его Высочества, в вагоне железной дороги, на последней станции пред Симферополем. В том же поезде ехали три дочери покойного Голенко, из которых две больные и одна из них в последнем периоде чахотки, приговоренная к смерти. Великий князь рассказал мне подробности этого происшествия и не мог воздержаться от слез. Сердечность его тронула меня. Понятно, что никакого другого разговора и быть не могло; великий князь торопился ехать в ливадскую церковь на похороны.

Покойному Голенко было поручено А.В. Головным передать мне лично большой пакет, который и вручил мне сам великий князь. Возвратившись домой, я нашел в этой посылке два длинные и весьма любопытные письма: одно от самого Головнина, другое — от К.Д. Кавелина, и целую пачку печатных записок по трудам Кахановской комиссии¹²⁹ — о преобразовании местного управления. Письмо Головнина, начатое 16-го апреля и законченное 24-го, содержит в себе несколько интересных сведений из петербургских высших сфер; но самое любопытное заключается в последней приписке, как бы дополняющей изложенное мною на днях, со слов барона Жомини, касательно увольнения Сабурова от должности посла в Берлине. Вот что пишет мой дорогой корреспондент:

«Увольнение Сабурова последовало оттого, что он, воображая себе, что угадал интимную волю* и душевное настроение Государя, действовал в воинственном направлении, в противность политике Министерства иностранных дел**. Германский император верит искренности мирного настроения у Гирса, но не уверен в том же dans le fin fond du coeur*** Государя»¹³⁰.

Употребленное в этих строках выражение: «в воинственном направлении», как я думаю, не совсем верно. Сомнительно, чтобы Сабуров предполагал в Государе собственно склонность к войне. Но, быть может, надобно дать этим словам иной смысл: Сабуров, вероятно, зарвался в своих попытках добиться от князя Бисмарка слишком многого, чтобы угодить Государю. Очень может быть, что, полагаясь слишком самоуверенно на свою тон-

* Государя, заднюю мысль, внутреннее настроение Его Величества

** которое есть исполнительница велений монарха.

*** В глубине сердца (*фр.*).

кость дипломатическую и на расположение германского канцлера, Сабуров обнаружил такие желанья (например, относительно Босфора и самого Константинополя), которые могли возбудить подозрения и недоверие к политике самого императора. Я уже упомянул в другом месте о честолюбии Сабурова; одно время он очень рассчитывал на место министра иностранных дел: видя колебания Государя в выборе преемника князю Горчакову, Сабуров дожидался смерти нашего канцлера, считая себя кандидатом на этот пост. Назначение Гирса было ударом для его честолюбивых надежд*.

Письмо Кавелина — есть целая брошюра; на 48-ми страницах мелкого письма он излагает свой взгляд на все наше настоящее положение с политической, социальной и нравственной точек зрения. Во многом нельзя с ним согласиться; как всегда он увлекается в своих суждениях**; тем не менее письмо это во многих отношениях замечательно¹³¹. Между прочим идет речь о выборе лица в попечители к наследнику по случаю предстоящего на днях празднования его совершеннолетия. Кавелин повторяет то, что уже писал мне Головнин о городских толках, будто бы в кандидаты на эту почетную должность прочат меня. Кавелин убеждает меня не отказываться от нее в случае предложения. Надеюсь, что советы эти излишни уже потому, что кандидатура моя неправдоподобна; даже если б и в самом деле Данилович указывал на меня. Выбор остановится на ком-нибудь, более чем я, приятном и симпатичном при дворе. С другой же стороны, и я чувствую себя совершенно*** неподходящим к такому назначению. Возвратиться к какой-либо официальной деятельности, а тем паче к придворному положению было бы для меня истинно ужасно; я уже слишком втянулся в свою теперешнюю уединенную и независимую жизнь, чтобы снова выступить на сцену****, в среду мне враждебную и антипатичную. Нет, было бы с моей стороны великою глупостью променять теперешнюю мою спокойную, можно сказать счастливую жизнь на какое бы то ни было, хотя бы самое блестящее положение в официальной петербургской обстановке. Я не должен забывать, что мне уже скоро наступит 69-й год жизни; искать и желать мне нечего, да и никогда я собственно для себя не искал и

* Дипломатическая карьера закрылась для него.

** излагает в слишком ярких красках.

*** неспособным, неподходящим.

**** пред публикой, чтобы толкаться в среде, которая смотрит на меня враждебно и которая для меня противна.

не желал, а принести пользу общему делу едва ли могу*. Нет, что ни говори добрейший и честнейший Константин Дмитриевич, а «песнь моя спета».

Припоминаю** часто моего покойного дядю графа Павла Дмитриевича Киселева, который в свое время сказал великой княгине Елене Павловне: «Того я сочту истинным моим другом, кто откровенно скажет мне, когда наступит для меня пора сойти со сцены». Он говорил не раз, что государственные люди почти никогда не чувствуют, что им пора удалиться на покой и обыкновенно прицепляются тем крепче к своему*** служебному положению, чем менее пользы может приносить их старческая деятельность. Это замечание графа Павла Дмитриевича совершенно справедливо, и тем не менее он сам не избег участи тех ветхих деньми государственных людей, на которых так мудро указывал. Хотя великая княгиня Елена Павловна, как говорят, и намекала ему о наступлении той поры, когда ему следовало покинуть пост посла в Париже, и хотя он действительно сам решился наконец просить увольнения от этой должности, однако ж нельзя не пожалеть о том, что он не принял этого решения несколькими годами ранее. Самый наглядный пример в подтверждение справедливости суждения графа Киселева показал покойный князь Александр Михайлович Горчаков, которого личность могла бы сохранить в истории**** блестящее значение, если б он решился сложить с себя бремя министра иностранных дел несколькими годами ранее, чем он был фактически устранен от ведения нашей иностранной политики.

1-го мая. Вторник. — Вчера узнал из газет и полученных писем о смерти генералов Гильденштуббе и Черткова (Григория Ивановича). С ними обоими я был в близких служебных сношениях. Александр Иванович Гильденштуббе был уже в таких преклонных летах, что можно было ожидать его конца; к тому же в последние годы он хворал; Чертков же был еще человек нестарый; можно было надеяться на продолжительную деятельность его. Надобно полагать, что у него давно уже крылась хроническая немощь, худосочие, потому что два раза у него появлялся рак на стопе и два раза он вынес ампутации, так что последние годы ходил с помощью механической ноги. А[лександр] Ив[ано-

* в мои лета и при настоящем положении дел.

** всегда

*** общественному или, лучше сказать, служебному положению

**** гораздо более

вич] Гильденштуббе был в свое время хороший гвардейский служака, человек простой, честный, дошел до поста командующего войсками Московского военного округа и, наконец, — члена Государственного совета*. Что касается до Григория Ивановича Черткова, то он с тех пор, как болезнь лишила его возможности продолжать строевую службу, посвятил себя вполне деятельности Главного комитета по устройству и образованию войск¹³², в звании помощника председателя (великого князя Николая Николаевича); надобно отдать ему справедливость, что он предался этому занятию с полным усердием и любовью. Благодаря его ретивости и инициативе, работы Комитета двинулись с замечательною плодотворностью. В какие-нибудь пять, шесть лет Комитетом выработано более разных вопросов по устройству, снаряжению, образованию войск, чем в течение предшествовавших десятков лет существования Комитета (под разными наименованиями). Поэтому нельзя не пожалеть о ранней смерти такого человека**.

6-го мая. Воскресение. — Великий князь Константин Николаевич удостоил меня своим посещением с адъютантом Римским-Корсаковым. Подарил мне прекрасный фотографический портрет свой.

Только теперь наступила теплая погода; становится похоже на лето.

В Петербурге должна происходить сегодня церемония присяги наследника цесаревича¹³³.

Вчера послал я в Ялту к барону Жомини два полновесные письма: одно к А.В. Головнину, другое — к К.Д. Кавелину¹³⁴. Отвечаю им обоим на последние их интересные письма с такою же откровенностью, с какою они писали мне, пользуясь верною «оказией» для доставления помимо почты.

21-го мая. Понедельник. — Ездил в Орианду с поздравлением именинника великого князя Константина Николаевича; по обыкновению был завтрак под вновь устроенным навесом. В разговоре глаз на глаз великий князь высказал грустные мысли о настоящем положении дел.

На возвратном пути заехал в Кореис навестить графиню Сумарокову-Эльстон и ее семью.

* *Первоначально:* «Это был человек не блестящий, не особенно даровитый — простой, дельный человек, служака, но человек вполне хороший, честный».

** Не знаю, вполне ли заменит его тот, кто будет выбран на его место.

22-го мая. Вторник. — Из числа вчерашних гостей в Орианде, прибывших из Севастополя с поздравлением к великому князю, трое* заехали сегодня ко мне к обеду: адмирал Руднев, флигель-адъютант Авинов и севастопольский городской голова Еранцев. Много говорили о настоящем и прошедшем Севастополя. Руднев был одним из деятельных участников севастопольского сидения¹³⁵.

18-го июня. Понедельник. — Сегодня ездил навестить великого князя Константина Николаевича. Как всегда провел с большим удовольствием часа полтора в разнообразной беседе. Он сообщил мне некоторые полученные им из Петербурга известия, между прочим, о результате прений по университетскому вопросу в Общем собрании Государственного совета**. Оказывается, что в Общем собрании большинство высказалось так же, как и в департаментах, против проекта Министерства народного просвещения, или, говоря вернее — проекта Каткова и графа Толстого, но уже далеко не в той же соразмерности. Тогда как в департаментах за проект стояли, кроме самого министра (Делянова), только товарищи министра внутренних дел и государственного контролера (Дурново и Филиппов), а против их троих было 18 или 19 голосов, в Общем собрании соотношение было уже приблизительно как 18 к 26. Распределение личностей при подаче голосов показывает, что многие подавали голос наобум, не дав себе труда изучить дело***. Теперь остается вопрос: которое из двух мнений получит окончательную санкцию¹³⁶.

Нынешний год совершенно ненормальный в метеорологическом отношении. Не было еще никогда такого лета дождливого и холодного. До сих пор редкий день проходит без дождя, и солнце почти постоянно застилается густыми тучами, тогда как обыкновенно в настоящее время года слышатся жалобы на засуху, и вся зелень бывает выжжена солнцем****.

1-го июля. Воскресение. — На днях прочел в газетах о смерти графа Тотлебена. Давно уже болезненное состояние его возбужда-

* напросились

** Дело это меня интересовало, и мне любопытно было узнать, как распределились голоса в Общем собрании по тем основным вопросам, по которым осталось раздвоение голосов в Соединенных департаментах.

*** под случайным или совершенно субъективным побуждением <по внушению>.

**** Действительно можно полагать, согласно с мнением многих ученых, что есть какая-то особая космическая причина, которая нарушила на всей почти поверхности Земного шара нормальное состояние атмосферы.

ло опасения; лечение за границей не принесло ему пользы. Вот еще сошел в могилу человек, имя которого должно остаться в истории прошлого царствования. Но какую оценку получит он в истории? Сколько я могу судить о нем, зная его близко — это был один из тех людей, которые приобретают громкую известность благодаря счастливой случайности. Славу Э.И. Тотлебену доставила замечательная деятельность его при обороне Севастополя: тут действительно он проявил такую энергию, такое знание дела, которые приносят ему великую честь и составляют важную заслугу государственную. При тогдашней обстановке, среди стольких бездарных действующих лиц в скорбной драме Севастополя, Тотлебен выдался заметным образом; он выказал то, что в военном деле называется «инициативой» и что, к сожалению, так редко проявляется в наших генералах. *Активная* оборона, которая, благодаря Тотлебену, дала возможность так долго держаться в Севастополе, составила, можно сказать *, эпоху в истории военного искусства, урок для будущего, и в этом собственно заключается главное право Тотлебена на историческую известность. Затем можно еще поставить ему в похвалу то, что он постоянно и серьезно изучал военное дело, следил за успехами его, не ограничиваясь своею инженерною специальностью; он занимался военным делом с любовью, как искусством, как своим ремеслом; а можно ли тоже сказать о большинстве наших генералов? ** Как применил бы он к делу приобретенные знания, если б судьба дала ему случай командовать армией в действии — это осталось вопросом, хотя и занимал он некоторое время пост командующего; но зная его склад ума и характер, позволил бы пост усомниться в его дарованиях полководца.

12-го июля. Четверг. — Ездил в Орианду и провел весьма приятно часа два в беседе с великим князем Константином Николаевичем

* новый шаг

** И притом Тотлебен занимался не так, как ученый теоретик, а в направлении практическом в видах применения к делу. Вот этими чертами, как мне кажется, следует ограничить права Тотлебена на знаменитость историческую. Черты эти настолько крупны, что нет надобности расширять их далее, придавая ему какие-либо другие достоинства и свойства, которыми он в действительности не обладал. Не говоря уже о некоторых слабых сторонах его характера, о том, как он был иногда тяжел в личных <с ним> деловых отношениях, — позволю себе только выразить мое глубокое сомнение в том, действительно ли он был «великим инженером» в смысле строителя крепостей, а еще более — действительно ли он выказал бы великие <замечательные> дарования как полководец, если б судьба дала ему случай командовать армией в действии.

чем. На будущей неделе он собирается ехать за границу, в Байрейт, * на представления вагнеровские¹³⁷; полагает возвратиться в начале августа. Из Петербурга ничего интересного. Вопрос университетский все еще не решен, хотя Государь уже возвратился из своей прогулки по финляндским шхерам. Из газет видно, что Катков в Петербурге и представлялся Государю: ** прилетел как демон в роковую минуту.

23-го июля. Понедельник. — Получил от А.В. Головнина телеграмму с прискорбным известием о смерти графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Он скончался в Бадене; больше ничего не знаю: вследствие ли тяжкой болезни или внезапно? Он казался человеком здоровым и еще свежим^{***}. Граф Эдуард Баранов был одним из весьма немногих у нас людей честных, правдивых, благонамеренных, сохранивших свои симпатичные качества и в придворной среде, в которой он вырос и вращался всю жизнь. Все семейство Барановых пользовалось особенным расположением двух покойных императоров Николая I и Александра II, относившихся с большим уважением к старушке-матери, воспитательнице императора Николая Павловича¹³⁸. Ей и был пожалован графский титул. Все сыновья ее были люди добрые и честные; но из них более всех выдавался граф Эдуард, которого я начал знать с того времени, когда он был начальником штаба Гвардейского корпуса. В этой должности он оставался довольно долго и умел приобрести общее уважение и сочувствие. Хотя он^{****} не готовился к государственной деятельности и не отличался^{*****} выдающимися дарованиями, однако ж, получив впоследствии высшие назначения на должность виленского генерал-губернатора, а потом члена Государственного совета, он выказал много такта, здравого ума и всегда держался благого пути. Принадлежа вполне к кружку наших ультраконсерваторов, граф Эдуард Баранов, однако же, не поддавался влиянию этой клики и не пугался новых, так называемых «либеральных веяний», но всегда действовал разумно и честно. В последние годы, кроме железнодорожного дела¹³⁹, которое поставило его во враждебные отношения с министром путей сообщения^{*****} Посьетом,

* собственно

** наверное

*** Тем более огорчило меня это известие. Искренно глубоко скорблю об этой новой утрате.

**** никогда

***** никакими

***** тупоумным

граф Баранов занимал в Государственном совете должность председателя Департамента экономии и вел дела весьма разумно. Смерть его — есть чувствительная потеря для Государственного совета, небогатого личностями, заслуживающими такого же доверия, как граф Эдуард Баранов, от людей самых противоположных партий.

26-го июля. Четверг. — Обычная тишина и однообразие нашей симеисской обители нарушилась на два дня приходом всего Крымского татарского дивизиона, которому назначена дневка на соседнем с нами участке Алупки. Сын мой, командир дивизиона, а с ним и все его офицеры поместились у нас в доме. Прибытие таких гостей, разумеется, оживило всю окрестность: с 5 часов вечера вторника и до 5 часов утра нынешнего дня четверга почти не прерывались движение и суета, а вчера вечером — музыка и танцы на террасе нашего дома, при свете полной луны и бенгальских огней, привлекли толпу любопытных*.

Некоторые из вчерашних наших гостей, приехавшие из Ялты и Кореиса, рассказывали, будто в Варшаве открыт значительный заговор, вследствие которого арестовано до 150 человек¹⁴⁰. В какой степени достоверна эта новость — узнаем только со временем. Если она окажется справедливою и если в самом деле открыт новый политический заговор в смысле польском, то это будет новым подтверждением дознанной уже печальной необходимости для русского правительства быть всегда настороже против** польских мечтаний.

7-го августа. Вторник. — Утром ездил в Орианду навестить великого князя Константина Николаевича, возвратившегося на днях из-за границы. Он рассказал мне подробно всю свою поездку, и не столько распространялся о вагнеровской опере, которую выслу-

* Сегодня с раннего утра <с уходом дивизиона в Балаклаву> — все пришло опять в нормальное состояние; восстановилась полная тишина и спокойствие.

** замыслов польских фантазий или мечтаний об отделении Польши от России. Горячие головы польские, особенно пока будет существовать за границею польская эмиграция, никогда не успокоятся и не дадут покоя Польше под русским владычеством. Если мы не сумеем последовать примеру прусского правительства, которое так искусно и незаметно онемечило свои польские области, то мы навсегда останемся в Польше чужими, как в стране завоеванной. Последнее польское восстание 1861–1864 годов — которым я теперь специально занимаюсь, по случаю окончательной обработки моих воспоминаний об этом времени <периоде> — не должно бы оставить никакого сомнения в этом отношении¹⁴¹.

шал в Байрейте, сколько о прелестях Вены и Дрездена. В обоих этих городах он провел по два или по три дня, в совершенном *incognito*, и наслаждался как юноша.

От великого князя я надеялся узнать что-нибудь достоверное о варшавской истории, а также разъяснение загадочных распоряжений берлинской полиции, выпроводившей бесцеремонно из столицы прусской множество проживавших там русских. Однако ж оказалось, что обо всем этом великий князь столько же знал, сколько и я. Впрочем, относительно варшавской истории он слышал, что на этот раз дело вовсе не касалось поляков, а будто все арестованные были русские и почти исключительно из числа молодых людей, назначенных на службу в Царстве Польском по Министерству юстиции. Полагают, что это было одним из эпизодов продолжающегося преследования нигилистических кружков.

Много толков еще о другой истории — с князем Барятинским, командиром Конно-гвардейского полка. Всех удивил появившийся на днях приказ, которым он *отрешен* от командования полком, лишен флигель-адъютантства и зачислен по армейской пехоте. Этот небывалый случай тем более поразил всех, что князю Барятинскому (сыну покойного князя Владимира Ивановича, некогда командовавшего Кавалергардским полком, и внука по матери князя А.И. Чернышева) оказывалось при дворе особенное внимание. В течение прошлой зимы Государь и императрица посещали его балы. Правда, что в прошлом году, во время пребывания Двора в Москве по случаю коронации, тот же князь Барятинский был арестован Государем в один из самых торжественных дней по какому-то самому пустому поводу (неформенное седло); и тогда об этом аресте было много толков; однако ж после того князь Барятинский был назначен командиром такого полка, командовать которым считается большим почетом. Надобно предполагать какой-нибудь очень важный со стороны полкового командира проступок, чтобы оправдать такую суровую кару, как *отрешение* от должности и лишение флигель-адъютантского звания. По слухам, дошедшим сюда чрез приезжих из Петербурга, князь Барятинский будто бы вызвал гнев Государя тем, что откровенно осуждал новую свитскую форму и в день именин императрицы, 22-го июля, явился во дворец с поздравлением, а потом и вечером на бал в полковом мундире. Трудно верить, чтобы ничего не было другого, более серьезного.

Ненормальность нынешнего года в метеорологическом отношении продолжает выказываться повсеместно. После невыноси-

мых, чуть не тропических жаров, как в Западной Европе, так и в России, даже на севере, вдруг наступили небывалые холода. В последние дни в средней России температура понижалась до нуля. Даже у нас, на южном берегу, по ночам бывает не свыше 10° P., тогда как обыкновенно конец июля и август бывают здесь самым знойным временем года*.

13-го августа. Понедельник. — По письмам из Петербурга оказывается, что граф Э.Т. Баранов умер от воспаления мозга; он выехал из Петербурга, по-видимому, здоровым и веселым, вместе с графом Александром Владимировичем и графиней Екатериной Николаевной Адлерберг; уже в пути обнаружилось у Эдуарда Трофимовича психическое расстройство, а по приезде в Баден болезнь дошла до бешенства, так что принуждены были поместить его в психиатрическое заведение и надеть *la camisole de force*** . Умер он в бессознательном состоянии. Грустный конец!

На место графа Баранова председателем Департамента экономики назначен Александр Аггеевич Абаза, занимавший уже эту должность в прежнее время. Признаюсь, я не ожидал, чтобы он когда-либо выдвинулся снова на видный пост. Между тем граф Лорис-Меликов остается в опале и держится в стороне***. Впрочем, здоровье его совершенно расстроено; теперь он за границей.

30-го августа. Четверг. — Вчера великий князь Константин Николаевич удостоил меня своим посещением и пробыл с час времени. Он подтвердил газетные известия о решении Государем университетского вопроса согласно с мнением меньшинства в Общем собрании Государственного совета. Как ни прискорбно такое решение, но еще прискорбнее то, что**** оно постановлено Государем вследствие совещания, к которому были призваны только граф Д.А. Толстой, Делянов, Островский и Победоносцев. Из этих четырех личностей двое первые были главными проводниками катковских измышлений; третий — пристал к ним же из чиновничьей угодливости, и только один Победоносцев принадлежал в Совете к большинству; но и тот не из числа людей, твердо стоящих за свои мнения. Таким образом, в совещании не участвовали ни председатель Государственного совета (только накануне совещания уехавший из Петербурга), ни пред-

* и даже ночи невыносимо душные.

** Смирительная рубашка (*фр.*).

*** от сцены

**** окончательное это решение

седатель департамента (недавно пред тем кончивший жизнь) — и никто из тех членов Государственного совета, которые были главными представителями большинства. Какую же цель могло иметь такое совещание?*

В газетах и в обществе более всего теперь толков о поездке Государя в Варшаву и предполагаемом свидании его с императорами Германским и Австро-Венгерским¹⁴². В настоящее время Государь уже должен быть в Варшаве, где приготовлен ему блестящий прием**. Какое искушение для анархистов и динамитчиков такой съезд трех императоров!

9-го сентября. Воскресение. — Ездил в Орианду для поздравления великого князя Константина Николаевича по случаю дня его рождения. По обыкновению после обедни был*** завтрак, к которому приглашены были почти все приехавшие из разных мест с поздравлением. В числе их были приезжие из Петербурга; но большинство состояло из севастопольских моряков. Пред завтраком великий князь принял меня в своем кабинете и показывал письма Головнина, в которых прочел некоторые интересные места. Головнин теперь сознается в том, что ошибался в своих оптимистических взглядах на начало настоящего царствования, утешая себя мыслью, что наступившая реакция есть переходящая эпоха, которая должна вскоре уступить место естественному ходу вещей и прогрессу. В письме ко мне, привезенном от него же адмиралом Поповым, Головнин высказывается в том же смысле**** и прямо признает, что мой взгляд на положение дел был вернее¹⁴³. Всего безотраднее та апатия, которую выказывает наше русское общественное мнение: оно-то отнимает***** надежду и на будущее.

Из Орианды я возвратился домой с сыном, приехавшим прямо в Ялту с торжества, происходившего вчера по случаю открытия памятника, воздвигнутого на поле сражения на Альме¹⁴⁴. Завтра сын возвращается в Симферополь.

* Последние два дня провел у нас сын, а сегодня <совершенно неожиданно> посетил нас Андрей Александрович Сабуров — бывший министр народного просвещения. Более, чем когда-либо он показался мне человеком бесцветным и безгласным.

** Надобно надеяться, что приняты все меры к охранению императоров от всякой опасности. Но невольно приходит мысль, что этот съезд трех монархов есть великий соблазн для анархистов и динамитчиков.

*** большой

**** разочарования

***** всякую

Свидание трех императоров в Скерневицах совершилось благополучно. О значении этого события еще нельзя судить на основании одних газетных известий, так же, как вообще обо всем эпизоде поездки Государя в Царство Польское. Пока можно сказать только одно: слава Богу, что прошло благополучно*.

20-го сентября. Четверг. — Получил письмо от князя Дондукова-Корсакова с приложением печатной его записки, в которой изложено мнение его по поводу разосланного от Военного министерства на заключение главных начальствующих лиц проекта изменений в Положении о военно-окружном управлении¹⁴⁵. Узнав только из сообщения князя Дондукова о существовании какого-то проекта, не могу пока ничего сказать о нем; что же касается высказанных по этому поводу мнений князя Дондукова и его контрпроекта, то нахожу их вполне несбыточными. Это опять прежние** фантазии о разделении всей Европейской России на большие отделы (по проекту князя Дондукова — на четыре)***, с предоставлением главным начальникам этих отделов такого полномочия, что в каждом из отделов придется, пожалуй, образовать**** особое Военное министерство, а теперешнему, центральному, предоставится только техническая часть, да отчетность за чужие распоряжения*****.

Конечно, нельзя быть судьей в собственном деле. Может быть, я не беспристрастен к своему детищу. Но до сих пор я не слыхал и не читал ни одного указания на действительные и серьезные недостатки, неудобства или невыгоды существующего положения. Все толки сводятся к тому, что будто бы в теперешней системе преобладает бюрократизм, формализм; что начальникам не довольно развязаны руки. Но есть ли возможность устранить бюрократизм в деле управления громадную армией и военными средствами необозримой империи? Уменьшится ли бюрократизм*****, если вместо одного министерства будет четыре, пять или больше? Разумно ли добиваться в управлении армией более широкой децентрализа-

* Первоначально: «Затем имела ли вся эта поездка, со включением и скерневичского свидания, какое-либо серьезное значение — выкажут последствия. Зная личности, окружавшие Государя, как-то не верится тому <позволительно в том усомниться>».

** бессмысленные

*** вместо округов.

**** как бы

***** Просто нелепость.

***** если часть работы министерства перейдет в округа или отделы?

ции, чем та, которая достигнута положением 1864 года?¹⁴⁶ Сомнительно. Во всякой другой сфере государственного управления можно жаловаться на излишнюю централизацию; в военном же управлении излишняя децентрализация не только не желательна, но опасна; ибо *единство* в армии есть существенное и необходимое условие.

Если Военное министерство наше придумает такие дельные поправки в существующем Положении о военно-окружном управлении, которые, не нарушая основных принципов этой системы, дадут возможность только облегчить и сократить канцелярскую работу вообще и в центральных управлениях, и в окружных, и в самых войсках, то я первый буду радоваться тому. Но если оно задумало такие изменения, которые поколеблют самые основы системы, нарушат в ней гармонию и стройность, то я буду глубоко скорбеть о таком безрассудном посягательстве. К сожалению, по всему, что до сих пор делалось в Военном министерстве, так же, как и в других, можно полагать, что теперешние реформаторы задались только желанием переломать все, что было совершено в царствование покойного Государя, без ясного сознания цели предпринятой ломки и без нового идеала в будущем.

4-го сентября. Четверг. — Утром ездил в Орианду. Великий князь Константин Николаевич повел меня на место предпринятой им постройки церкви; уже приступлено к рытью фундамента. Архитектор Авдеев, строивший церковь на Севастопольском кладбище, сам разбил очертание новой постройки. После того я провел часа два вдвоем с великим князем — как всегда — весьма приятно. Разговор как-то зашел о прошлом, и Его Высочество, между прочим, припомнил некоторые факты, которые были мне совершенно не известны, как например, что ему три раза предлагались три разные короны королевские: венгерская в 1848 году, датская в 1852 и греческая в начале Восточной войны 1854—1855 гг. Разумеется, умалчивалось о четвертой короне — польской, в 1863 году. При этом воспоминании великий князь прибавил: «Но слава Богу, что ни одно из этих трех предположений не состоялось; я нахожу, что гораздо лучше жить спокойно в Орианде». Замечательнее всего, что по окончании венгерской войны 1848 года¹⁴⁷ сами мадьяры настоятельно желали иметь великого князя королем, и когда Его Высочество проезжал чрез Венгрию, возвращаясь после похода в Россию, то его везде на пути встречали и чествовали как будущего короля своего. Об этом многие из мадьяр припоминали еще в 1861 году, когда великий князь

ездил в Вену. Как все это кажется странным при теперешнем враждебном к России настроении мадьяр.

18-го октября. Четверг. — Ездил в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который на днях сам был у меня, а завтра уезжает в Севастополь и оттуда в Петербург. Вместе с ним ходили смотреть начатые работы постройки церкви.

2-го ноября. Пятница. — Сегодня посетил меня Дм[итрий] Ник[олаевич] Набоков, министр юстиции, приехавший на несколько дней в Ялту, чтоб отдохнуть после своих разъездов по ревизии судебных учреждений в разных губерниях. Пробыв у меня короткое время и узнав, что я сам собирался выехать* к своим корейским знакомым, Набоков принял мое предложение доехать вместе со мной до почтовой станции, и, таким образом, мы имели возможность во время переезда поговорить о настоящем положении дел в высших правительственных сферах. Конечно, более всего интересовало меня узнать подноготную тех нападков на судебное ведомство, которые позволяет себе с таким азартом и дерзостью Катков, а по следам его и некоторые другие органы ретроградной печати. По словам Набокова, дерзкие и безумные выходки «Московских ведомостей»¹⁴⁸ как против судебных учреждений 1864 года, так и против всех вообще реформ прошлого царствования не имеют никакого соотношения с личными взглядами и настроением самого Государя и допускаются только потому, что те четыре личности, в руках которых, к сожалению, находятся ныне бразды правления: граф Толстой, Победоносцев, Делянов и Островский — *боятся* Каткова и втайне сочувствуют его общей тенденции. Что же касается самого Государя, то Набоков слышал не раз положительные от него заявления, что все толки и предположения о влиянии Каткова не имеют ни малейшего основания; Государь неоднократно высказывал твердое желание поддержать и укрепить существующие основы нашего судебного устройства. Набоков, опять по его же собственным словам, — имел по этому предмету самые откровенные объяснения с Государем и всегда находил в нем благие и вовсе не ретроградные намерения. Он вовсе не разделяет с Катковым ненависти ко всему судебному ведомству. Слава Богу, если действительно** на Государя не имеют влияния*** систематические и

* на почту и

** если в самом деле

*** иступленные

бесперывные* выходки Каткова против всего, что в прошлое царствование было положено в основу дальнейшего развития России**.

Что касается названных выше четырех личностей, то отзывы Набокова вполне сходятся с моими понятиями о них. Граф Толстой по-прежнему мало работает, вовсе не так доступен, как слышал я от некоторых лиц; напротив того, держит себя весьма далеко от всех, ревниво сохраняет за собою только личные доклады Государю, сваливая на своих подчиненных всю тяжесть работы. В особенности полицейскую часть он вполне предоставил генералу Оржевскому, так что в сущности ныне почти восстановлено прежнее III отделение, с тою только разницей, что начальник этого отделения не имеет личных докладов у Государя. Сам граф Толстой, по своему характеру, относится к делам довольно апатично***; это человек без инициативы, а потому**** он менее зловреден, чем можно было бы ожидать при его ретроградных тенденциях. Напротив того, Островский оказывается человеком гораздо более вредным, чем можно было предполагать: это честолюбивый интриган, который лезет в дружбу с Катковым, старается угождать ему и вмешивается во все чужие дела, не касающиеся его министерства. Набоков отзывался с большими похвалами о М.Х. Рейтерне в отношении ведения дел по Комитету министров и с сочувствием о назначении А.А. Абазы на должность председателя Департамента экономии. Назначение это приписывается личной инициативе самого Государя. Александр Аггеевич был весьма доволен благосклонным приемом его Государем. Стало быть — наш царь***** незабываем.

Расставшись с Набоковым у почтовой станции, я потом провел вечер у графини Клейнмихель и графини Тизенгаузен.

15-го декабря. Суббота. — Беру свой дневник только для того, чтобы отметить день отъезда дочери Ольги в Чернигов. Жена провожает ее до Симферополя, где встретит свою сестру Дору Михайловну Понсэ и привезет ее сюда*****.

* фанатические

** на пути цивилизации и гражданственности.

*** и не обнаруживает большой деятельности.

**** именно

***** Первоначально: «он».

***** Она погостит у нас некоторое время. Ничего другого более интересного не нахожу в своей настоящей жизни, что бы стоило внести в дневник. Разве отметить еще наступившую необыкновенно теплую погоду.

После дождливого лета и холодной осени* наступили в декабре прелестные дни. Вчера в полдень термометр показывал в тени + 12° Р., а на солнце поднимался до 24°. Жизнь наша течет** совершенно однообразно; никого почти не видим, кроме соседа нашего, старика Сергея Ивановича Мальцова, посещающего нас довольно часто. Временно проживавший здесь же, в соседстве, зять его князь Урусов уехал на днях***.

31-го декабря. Понедельник. — Еще год канул в вечность. Закрывая свой дневник, невольно перебираю исписанные листы и спрашиваю себя: стоит ли продолжать эту**** однообразную хронику при теперешней моей отшельнической жизни? Работая усидчиво над своими «воспоминаниями», я живу в прошедшем, стою как бы в стороне от современной жизни, за которую слежу только по газетам и журналам. К тому же в этой жизни так мало утешительного, что нет***** желания остановиться на чем-либо, составляющем, как говорится, злобу дня. Поэтому в часы***** досуга я берусь охотнее за какую-нибудь научную или историческую книгу, и благодаря тому дни мои проходят незаметно один за другим, в безмятежном спокойствии духа*****. Вот почему дневник мой и не открывается иногда по целым месяцам.

* теперь

** в Симеисе

*** Несколько дней я не выходил из дому по случаю ревматических болей в ноге, а потом лихорадочного состояния. Теперь снова могу ежедневно доставлять себе удовольствие пешеходной прогулки, хотя уже не такой дальней, какие дельывал прежде. Много сижу и работаю над своими «воспоминаниями».

**** скучную и

***** никакого

***** отдыха от своей работы

***** не приходит и на мысль открывать свой дневник.

1885-й год

7-го января. Понедельник. — В прошлую ночь выпал первый снег; утром все вокруг дома покрылось белой пеленой, но к полудню снег уже стаял.

Сегодня была в Алупке свадьба князя Воронцова графа Шувалова с Елизаветой Карловной Столыпиной, рожденной баронессой Пиллар фон-Пильхау, родной сестрой фрейлины Нины Карловны. Брак этот совершился не совсем в обыкновенном порядке: свадьба разыграна* экспромтом, пока не успели расстроить ее добрые родственники жениха (граф и графиня Воронцовы-Дашковы и Балашовы), весьма нежелающие, чтобы владетель Алупки и прочих наследий светлейшего князя Воронцова обзавелся потомством. Обряд венчания был назначен сегодня вечером в Алупской церкви; я был** приглашен с моею семьей присутствовать при венчании, а потом на ужин в*** принадлежащем англичанину Гарфорту домике, поблизости церкви. Но вместо того обряд совершился утром, так неожиданно, что мы узнали об этом от самих молодых, приехавших к нам в Симеис прямо из церкви, после венчания. По приглашению их мы все-таки приняли участие в ужине, приготовленном в доме Гарфорта. Все происходило в самой простой, деревенской обстановке, в очень малочисленном обществе****; но не обошлось без драматического инцидента. Новобрачные, приехав в назначенный час к ужину, были страшно встревожены неожиданным отказом венчавшего их священника занести их бракосочетание в церковную книгу и

* совершенно.

** в числе немногих.

*** *Первоначально:* «в новоприобретенном князем Воронцовым там же, в Алупке, доме англичанина Гарфорта».

**** ...не обошлось без некоторой драматической обстановки: телеграммы из Петербурга и корыстные гнусные вымогательства алупского священника страшно встревожили новобрачных, особенно новую светлейшую княгиню, на которую жаль было смотреть, пока все дело не было окончательно улажено с нахальным попом. В 11-м часу все разъехались по домам уже более в спокойном настроении.

выдать им формальное свидетельство, вследствие только что полученных из Петербурга угрожающих телеграмм с предостережением о мнимой противозаконности брака. Новобрачный с братом своим и с графом Сумароковым-Эльстон бросились к священнику, чтобы объясниться с ним и устранить возникшее недоразумение. Переговоры длились добрых часа два, и в продолжение всего этого времени бедная новобрачная была в таком волнении, в таком отчаянии, что жаль было видеть ее. Наконец, дело было улажено, ужин прошел в приятном настроении, и разъехались мы уже довольно поздно. Молодые водворятся на несколько дней в Кореисе, на даче графини Тизенгаузен, а затем * уедут за границу.

Для объяснения всех этих свадебных перипетий надобно заметить, что ближайшие родственники двух братьев Шуваловых, из которых старший сделался князем Воронцовым, выдают их за идиотов, не способных не только управлять обширными имениями, но даже иметь потомство. Этих несчастных братьев держат под опекой на положении слабоумных, тогда как в действительности они очень далеки от этой категории больных. По всей справедливости они могут быть причислены разве только к неврастеникам **¹⁴⁹.

12-го января. Суббота. — Вторично выпал ночью снег, и утром все кругом побелело, но вслед за тем начало таять.

Вечером приезжали проститься молодые — князь и княгиня Воронцовы: завтра уезжают в Одессу и оттуда за границу ***.

14-го января. Понедельник. — Свояченица моя Дора Михайловна Понсэ уехала сегодня утром к себе в Бессарабию ****.

24-го февраля. Воскресение. — Вчера узнали мы о смерти Нины Карловны Пиллар, страдавшей уже некоторое время, как говорят, раком в груди. Кто мог думать, что тетка ее, старушка графиня Тизенгаузен, переживет свою племянницу? Для меня баронесса Нина Карловна была как бы звеном, связывавшим мое настоящее с прошедшим ***** и с памятью об императрице Марии Александровне.

* намерены неотлагательно отправиться за границу.

** Первоначально в подлиннике: «Этих несчастных братьев всегда держали на ноге идиотов, хотя в действительности можно разве только назвать их слабоумными, и то далеко не в равной степени обоих братьев».

*** Толкуют о Константинополе и Иерусалиме.

**** Весь день термометр стоит на точке замерзания; однако ж большая часть выпавшего вчера снега уже исчезла.

***** временем

В прошлую ночь было довольно редкое явление для настоящего времени года: молния и гром с юго-западной стороны, после чего поднялся вдруг сильнейший ветер, почти ураган; в полночь была температура + 11° P.*

4-го марта. Понедельник. — Сегодня** посетил меня приехавший из Петербурга флигель-адъютант Горяинов. Он привез мне письмо от П.А. Сабурова, бывшего посла нашего в Берлине. Цель этого письма состояла в том, чтобы объяснить мне повод к оставлению им дипломатического поприща. К сожалению, оно изложено в таких общих выражениях, что самая суть дела остается неразъясненной. По прочтении этого письма рождается в мыслях целый ряд недоумений***¹⁵⁰.

17-го марта. Воскресение. — **** Сегодня посетили нас граф Сиверс, бывший некогда директором Департамента иностранных исповеданий; **** дамы Зиновьевы (мать с дочерью) и сосед наш С.И. Мальцов. Ялта занята приездом министра внутренних дел графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого, который поселился в Ливадии и привез с собой целую ватагу чиновников, жандармов, мушаров¹⁵¹. Говорят, что он серьезно страдает удушьем. Прибыл в Ялту еще другой больной — Иван Сергеевич Аксаков*****. В нашем же соседстве, у Мальцова, поселился знаменитый граф Лев Николаевич Толстой, обратившийся в настоящего юридического. Жаль, что такой блестящий талант***** похоронил сам себя.

Сын мой возвратился из поездки в Петербург и, пробыв у нас два дня, уехал сегодня в Симферополь.

22-го марта. Пятница. — Прочел в газетах о смерти князя Николая Алексеевича Орлова*****. После продолжительных страданий он кончил жизнь в своем имении под Парижем. Жаль хорошего, честного человека.

Недоразумения наши с Англией по поводу разграничения с Афганистаном приняли тревожный характер. Крайне безрассудно

* тогда как все предшествовавшие дни в это время бывало <ниже> + 4° по Р[еомюру].

** неожиданно

*** и даже многое кажется странным. Во всяком случае это любопытный документ.

**** Сегодня у нас в Симеисе были гости из Ялты, что бывает нечасто. К обеду приехал граф Сиверс.

***** а после обеда

***** прервавший ради болезни <должен был прервать> издание «Руси»¹⁵².

***** так рано погиб.

***** нашего посла в Берлине.

будет с обеих сторон, если доведут дело до войны*. На чьей бы стороне ни оказался успех, положение обоих противников в Азии неизбежно поколеблется¹⁵³. Неужели Англия рассчитывает загладить свои неудачи в Судане¹⁵⁴ на счет России?

23-го марта. Суббота. — Вчера вечером возвратилась из Чернигова дочь моя Оля вместе с племянницей Анной Евгениевной Понсэ**.

30-го марта. Суббота. — В Ялте ходит по рукам телеграмма, извещающая о кровопролитной схватке нашего передового отряда на афганской границе с афганскими войсками, выдвинутыми на реку Кушка у Пяндже. Телеграмма начинается словами: «Вследствие вызывательного и враждебного положения афганцев...» и т. д., — и далее повествуется о нападении наших войск на укрепленную позицию, занятую 4-мя тысячами афганцев с 8-ю орудиями, о полном поражении и бегстве противника, потерявшего до 500 убитых (!?), тогда как у нас урон самый незначительный. Притом говорится об английских офицерах, остававшихся безучастными свидетелями боя и просивших у начальника нашего отряда покровительства (?), но потом будто бы увлеченных общим бегством афганцев. Все это как-то странно; невольно родится сомнение — не было ли тут с нашей стороны необдуманного*** увлечения? Последующие известия разъяснят дело. Во всяком случае будет крайне прискорбно, если происшедшая пограничная стычка разрушит и последние надежды на мирное улажение наших**** недоразумений с Англией*****¹⁵⁵.

8-го апреля. Понедельник. — Ездил я в Орианду к великому князю Константину Николаевичу, только что приехавшему в свое возлюбленное летнее местопребывание. Он был любезен как всегда. Узнал я от него, что получены новые телеграфные известия***** , довольно для нас благоприятные: будто бы сами афганцы произвели нападение на английский лагерь полковника Лемсдена и отогнали у него верблюдов; что генерал Комаров, имея положительное приказание не двигаться вперед с войсками, должен был, однако ж, по просьбе самих

* на чьей бы стороне ни был успех, оба противника подвергнутся великой опасности: война эта <может> беда, если по этому поводу разыграется мусульманский фанатизм в Средней Азии: ни Россия, ни Англия не в силах будут справиться с ним.

** за которой она заехала по пути (в имение ее отца близ Бендер).

*** безрассудного

**** столкновений

***** Это пустое дело может иметь такие же роковые последствия, какие имела наша Синопская победа¹⁵⁶.

***** довольно важные и благоприятные, если только подтвердятся, а именно

туземцев устроить временное управление в спорном пункте Пянджде, что в самом Афганистане возникает неудовольствие на эмира Абдурахмана за его заискивания у англичан; наконец — и самое важное — будто правительство английское соглашается на предположенную нами границу, по направлению самому выгодному для нас. Кроме того, великий князь говорил, что Германия и Австро-Венгрия будто бы объявили Порте, что в случае пропуска английского флота в Черное море существующие международные договоры будут признаны нарушенными и необязательными для других государств. Если это правда, то заявлением своим обе названные державы* оказали нам услугу; но, с другой стороны, развязали и себе руки, дабы в случае англо-русской войны свободно распоряжаться на Балканском полуострове, как говорится, в мутной воде рыбу ловить.

После первой, довольно темной телеграммы Комарова, последующие известия как от него, так и английские уже несколько разъяснили дело 18-го марта. Эти дополнительные сведения вполне оправдывают образ действий нашего генерала. Сами англичане после первой вспышки негодования, вследствие ложных донесений английских офицеров, начинают признавать, что вина случившегося столкновения была не с нашей стороны. Вообще положение дел для Англии весьма невыгодное; со всех сторон затруднения и неудачи. Министры английские ведут дело в примирительном смысле; бушевавшие доселе органы печати заметно понизили тон.

Из Парижа получено известие о скоропостижной смерти князя Воронцова графа Шувалова, по-видимому, от разрыва сердца. Трагический конец для новобрачных!

9-го апреля. Вторник. — Сегодня посетил меня** Иван Сергеевич Аксаков. Мы с ним давно знакомы; еще юношей я бывал в доме отца его Сергея Тимофеевича и*** подружился с Константином Сергеевичем Аксаковым, когда ему было лет 14 или 15. В то время Иван Сергеевич был еще 7-летним ребенком. В позднейшие времена Иван Сергеевич посещал покойного моего брата Николая, и мы там иногда встречались. Но мы принадлежим к двум разным лагерям; я вовсе не сочувствую крайнему славянофильству Аксакова и убежден в том, что проповедуемые им туманные, полумистические бредни о «возвращении назад, домой», о «русской самобытности» и т. д. — суть только бесплодные, диалектические упражнения, пока остаются в сфере научных отвлеченностей; но

* конечно

** совершенно неожиданно

*** некоторое время

считаю их весьма вредными в том случае, если б вздумали перенести эти отвлеченные фантазии на реальную почву, искать в них идеал, к которому в действительности следует направлять судьбы России. Во всяком случае эти славянофильские мудрствования уже и теперь многих сбивают с толку, задерживают и замедляют процесс желанного развития государства и народа¹⁵⁷.

Само собою разумеется, что в нашей беседе сегодня мы не затрагивали щекотливых предметов, на которых мы совершенно расходимся. Разговор наш вертелся более на местных условиях Крыма и на современных политических обстоятельствах. Но* между прочим он рассказывал о весьма любопытном факте, о котором до сих пор я не имел ни малейшего сведения: будто бы и в настоящее время в разных заграничных странах на востоке рассеяны** многие тысячи русских искателей приключений, преимущественно из казаков, особенно уральских, терских и кубанских, и притом из раскольников; что некоторые из них даже участвуют в скопищах магди в Судане; что один из них предводительствует шайками курдов, наводящих ужас на армянское население. По словам Аксакова, некоторые из этих беглых казаков присылали депутатов в Петербург просить о водворении их отдельными станицами на Кавказском берегу Черного моря; но заявляли такие условия, которые признаны*** недопустимыми. Другой рассказ Аксакова — о виденных им самим некоторых мужичках из Тульской и других внутренних губерний, промысляющих тем, что ходят по славянским землям Балканского полуострова с кустарными товарами. Так, один из них распродавал до 40 тысяч портретов (вероятно, лубочных) нашего Государя. Австрийские таможенные власти строго следят за нашими русскими ходаками; зато население славянское относится к ним чрезвычайно сочувственно. По рассказу одного из таких отважных пионеров русского влияния, даже разбойники, с которыми он встречался в Македонии, обходились дружественно, лишь только узнавали в нем русского. Рассказ этот дает мне ключ к разъяснению появившегося на днях газетного известия о том, что в числе жертв происходящих ныне в Македонии убийств и насилий попались некоторые русские. По словам Аксакова, это именно некоторые из числа тех предприимчивых русских мужичков, которые сами, без всяких руководителей****, пробрались в славянские зем-

* но из его рассказов открывается странный факт

** несколько

*** несообразными

**** забрели

ли Балканского полуострова и бродят там по всем направлениям, по всем самым глухим местам, находя везде братское сочувствие.

Любопытный рассказ Аксакова о странствованиях простых, темных русских людей далеко за пределами неизмеримого своего отечества, так же, как о казаках, воюющих в скопищах суданского магди или в шайках курдских* — переносят воображение в далекое прошлое нашей истории. Кажется, будто речь идет не о нашем времени, не об исходе XIX столетия, — а о временах Ермака Тимофеевича или о Смутном времени на Руси¹⁵⁸. Подобные факты дают ключ к объяснению многих** загадочных сторон нашей истории.

11-го апреля. Четверг. — Великий князь Константин Николаевич удостоил меня своим посещением. Ничего нового о делах политических не узнал я от него; ему самому известно только то, что печатается в газетах. По газетам же видно, что наши недоразумения с Англией не улаживаются, как одно время казалось, а напротив того, в Англии все более растут озлобление и раздражение; печать английская продолжает подстрекать к войне и поражает своим нахальным тоном. Объяснения, данные генералом Комаровым, признаются неудовлетворительными. Опять приходится вспомнить логику волка в басне о встрече его с овцой на речке¹⁵⁹.

15-го апреля. Понедельник. — Большую часть дня провел с посетившим меня старым товарищем юности — Николаем Ивановичем Свечиным и его сыном, молодым дипломатом, приехавшим из Константинополя на встречу своему отцу, чтобы вместе с ним, на первом же пароходе, отправиться обратно на Босфор. После весьма продолжительной разлуки мне приятно было свидеться с человеком, с которым связаны воспоминания моей юности.

Газетные известия о политических делах, т. е. собственно о русско-английской*** распре — продолжают быть крайне неопределенными: рядом стоят две телеграммы, или две статьи, противоположного содержания: одна успокаивает, возвещая благополучную развязку переговоров, другая — возглашает неминуемую войну.

17-го апреля. Среда. — Сегодня в Орианде происходила закладка новой церкви, сооружаемой великим князем Константином Николаевичем¹⁶⁰. Церемонии закладки предшествовала панихида по покойном Государе Александре Николаевиче, так как это день

* Первоначально: «Слушал рассказы о таких похождениях этих отважных, простых темных людей или о похождениях наших казаков у курдов, у суданского магди и в еще многих других далеких местах».

** для нас мало понятных.

*** о русско-английском разладе

его рождения. После церемонии все присутствовавшие были приглашены к завтраку.

Из Орианды проехал я в Ялту, чтобы отдать визиты некоторым из приезжавших ко мне в последнее время. В числе их распротился со Свечиными; сидел у Чичериных; Аксакова же не застал дома.

19-го апреля. Пятница. — Вчера утром приехал сын с князем Тумановым; завтра утром уезжают обратно в Симферополь.

Сегодня провели у нас большую часть дня Б.Н. Чичерин с женой.

30-го апреля. Вторник. — Целый день провел в Ялте: отдавал визиты приезжим, посетившим меня в Симеисе*. Главною темою всех разговоров — последние успокоительные известия о ходе переговоров с Англией. Считают мир обеспеченным. Можно, конечно, порадоваться, если действительно мы избегнем войны; но удастся ли устранить ее надолго? ** Легко сказать: определить формальным договором границу между Россией и Афганистаном, за которую нам, русским, не дозволялось бы переступать. Но может ли Англия поручиться за афганцев, что с их стороны не будет поводов к нарушению условленной границы, особенно если эта граница будет проведена по голой степи, без всякого естественного, географического рубежа? Можем ли и мы, русские, поручиться, что местное полукочевое население по обеим сторонам границы будет всегда оставаться спокойным и покорным? ***

4-го мая. Суббота. — В четверг, 2-го числа, жена отправилась в Одессу с племянницей Анной Евгениевной Понсе ****.

От старшей дочери Шаховской имею известие о переезде ее в Петербург, откуда она должна окончательно отправиться в Ревель, в новое место службы ее мужа, назначенного эстляндским губернатором. При представлении своем по этому случаю Государю он убедился в твердом намерении Его Величества обуздать немецкие поползновения к господству в Прибалтийских губерниях. Но вопрос: надолго ли выдержим эту политику?

* И.С. Аксакову, Б.Н. Чичерину, А.А. Васильчикову, Н.П. Ренненкампу и другим.

** Удастся ли дипломатам установить такое соглашение с Англией, которое давало бы надежду на <сохранение> прочный мир в будущем.

*** ...будет всегда оставаться спокойным и покорным правительственной власти? Мне кажется, что весьма трудно будет достигнуть желаемой Англией неприкосновенности пограничной линии, и если мир будет заключен на таком условии, то Англия будет иметь всегда предлог, чтоб обвинить нас в нарушении договора, когда только захочет снова пойти на ссору с нами.

**** возвращающейся к себе в бессарабскую деревню. На несколько дней остаюсь здесь втроем с двумя дочерьми.

К.Д. Кавелин

Сегодня был в Орианде; имел продолжительную беседу с великим князем Константином Николаевичем о самых разнообразных предметах*.

От Головнина получил печальную телеграмму о смерти Константина Дмитриевича Кавелина. Это был человек редкой души, благородных, честных правил, с весьма разносторонним образованием. Потеря его будет чувствительна для Военно-юридической академии, в которой он читал гражданское право** и имел превосходное влияние на своих слушателей. Глубоко скорблю о преждевременной его кончине.

Грустно становится на душе, когда подумаешь, сколько уже сошло в могилу из числа близких людей, с которыми связаны воспоминания о прошлом. С К.Д. Кавелиным я сблизился более тридцати лет тому назад. Немного знавал я личностей столько же симпатичных и достойных уважения.

* Это человек, с которым можно с удовольствием говорить обо всем.

** и <занимался> посвящал себя этим лекциям с любовью.

14-го мая. Вторник. — Сегодня посетил меня великий князь Константин Николаевич*, привез мне фотографию строящейся в Орианде церкви в том виде, в каком работы были 2-го мая, т. е. незадолго до последней моей поездки в Орианду**.

Петербургские газеты наполнены статьями по случаю кончины почтенного К.Д. Кавелина. Утешительно, что на этот раз воздается должное хорошему человеку; даже нахальный «Гражданин»¹⁶¹ отозвался о нем сочувственно.

21-го мая. Вторник. — По случаю дня именин великого князя Константина Николаевича я был в Орианде***. В ожидании приезда именинника из Ливадии от обедни я любопытствовал осмотреть работы строящейся церкви в Орианде и здесь на самой постройке встретил великого князя. Он вышел из коляски, и мы вместе еще осмотрели работы, которые подвигаются успешно. Потом зашли**** в скромное жилище великого князя¹⁶² и в ожидании часа завтрака, провели с полчаса в беседе. К завтраку, по заведенному порядку, были приглашены все съехавшиеся***** из Ялты и Севастополя. В числе последних были командир 7-го корпуса генерал-лейтенант Аллер и командир Белостокского полка флигель-адъютант Авинов, которые вчера, проездом, посетили меня в Симеисе. Великий князь, как всегда, был любезен, разговорчив, но жаловался на свои болезненные недуги*****.

7-го июня. Пятница. — Приходится заносить в свой дневник почти исключительно только мои поездки в Орианду. Сегодня я опять навещил великого князя Константина Николаевича, с которым могу хоть изредка отвести душу в разнообразной и занимательной беседе. Ходили мы с ним на постройку церкви; работа эта поглощает все его внимание; он занимается ею с любовью. О политике говорили мало, потому что ему известно не более того, что и я знаю из газет. Разумеется, главный вопрос теперь — как отзовется на афганских наших делах перемена министерства в Англии? Во всяком случае для нас невыгодно падение кабинета Гладстона; но великий князь думает, что при настоящих обстоятельствах, если даже и составится министерство консервативное, то оно будет недолговечно, ибо можно с уверен-

* он оказал мне любезность.

** Он намерен снимать такие же фотографические отчеты каждый месяц, чтобы иметь отчет постепенного успеха работы. Беседа с великим князем всегда занимательна и приятна.

*** По обыкновению съехалось довольно много

**** в маленький домик, в котором живет

***** для поздравления великого князя.

***** (геморрой)

ностию предполагать, что вследствие совершившейся уже реформы в избирательном законе выборы дадут новую палату еще более либеральную, чем прежняя. Падение кабинета Гладстона было последствием лишь случайной стачки консерваторов с крайними либералами и ирландскими депутатами (парнелистами)¹⁶³.

Во всяком случае жаль, что так затянулись переговоры по афганскому вопросу. Такая продолжительная неопределенность* положения между войною и миром уже сама по себе убыточна для нас.

12-го июня. Среда. — Вчера ездил с дочерью Надей в Урзуф. В Ялте виделся с бароном Жомини, от которого надеялся узнать что-нибудь любопытное относительно современных политических вопросов; однако ж все, что он мне рассказывал, особенно по афганскому вопросу, мало прибавило к имевшимся уже сведениям из газет.

Сегодня приехала к нам в Симеис племянница, младшая дочь покойного брата Николая, Елена, на все лето.

****2-го июля. Вторник.** — Утром был в Орианде у великого князя Константина Николаевича. Постройка церкви очень подвинулась; выводятся уже арки и своды***.

******13-го июля. Суббота.** — Сегодня посетил меня великий князь Константин Николаевич.

24-го июля. Среда. — Неожиданное посещение Михаила Петровича Кауфмана доставило мне большое удовольствие: он был много лет моим близким сотрудником, в должности главного интенданта.

2-го августа. Пятница. — Был в Орианде; отвез великому князю вышитые для его церкви одною из моих дочерей «воздухи»¹⁶⁴. По-

* такое продолжительное колебание

** **18 июня. Вторник.** — Ездил в Никитский сад искать садовника и винодела на место жившего у нас в Симеисе около 3-х лет садовника Куца, приискавшего себе какое-то другое место.

*** Неприятности с садовником: вчера, 1-го числа, Куц дерзко объявил, что решил уехать, не дождавшись своего преемника, ожидаемого сегодня же или завтра с Кавказа. Сегодня я посылая за урядником, чтобы принять меры на случай неисправности, которая может оказаться в винном подвале. В ночь Куц уехал, с намерением отправиться на завтрашнем пароходе в Одессу, где он рассчитывает получить выгодное место.

**** **4 июля. Четверг.** — Целое утро возились на винном подвале. Полиция ялтинская заставила садовника Куца возвратиться в Симеис, и сегодня произведена приемка от него подвала целою комиссиею: двумя экспертами в присутствии полицейского урядника. Подвал оказался в исправности, и мы расстались с Куцем миролюбиво. Преемник его до сих пор не прибыл.

5 июля. Пятница. — Наконец явился новый садовник — Борисенко, рекомендованный мне Клаусеном в Никите. Первое впечатление довольно выгодное.

стройка очень подвинулась; вся каменная работа почти окончена; остается — крыша. Великий князь приглашал меня приехать 6-го числа на церемонию водружения креста на купол. Разговор наш вращался почти исключительно на постройке, которую поглощены все мысли Его Высочества.

4-го августа. Воскресение. — *Посещение И.К. Айвазовского. Очень настойчиво приглашает приехать к нему в Феодосию.

6-го августа. Вторник. — По приглашению великого князя Константина Николаевича опять ездил в Орианду: завтракал у Его Высочества и затем присутствовал на церемонии освящения креста (деревянного на первое время), который и был нами собственноручно внесен на самый верх купола и торжественно водружен на место. Все это происходило совершенно просто, в домашней обстановке.

11-го августа. Воскресение. — Нежданное семейное горе. Вчера доктор Ринек, профессор, хирург Киевского университета, приехавший в Крым на несколько дней, был приглашен для совета относительно дочери Нади, у которой** образовался гланд в области груди. До сих пор мы не придавали этому большой важности. Каково же было наше огорчение, когда доктор Ринек объявил, что положение весьма серьезное и что необходимо неотлагательно произвести операцию. Вчера же вечером он ездил в Ялту, в надежде найти там все требуемые для операции средства; но средств этих не оказалось, и потому он советует немедленно ехать в Лейпциг, к какому-то тамошнему знаменитому специалисту***; однако ж доктор Ринек готов и сам произвести операцию, только не иначе, как в Киеве, куда он возвращается на днях. Он увидит еще раз больную пред своим отъездом, и тогда мы сговоримся окончательно. Но уже теперь соображаем подробности поездки в Киев. Неожиданная эта поездка расстраивает многие предположения, в том числе приезд сюда старшей дочери княгини Шаховской, которую мы ожидали к 26-му августа. Притом доктор Ринек не скрывает от нас всей серьезности предстоящей операции, и, признаться, очень встревожил нас, кроме, однако же, самой больной, которая приняла решение хирурга с обычною своею твердостью и спокойствием****.

* неожиданное

** уже несколько месяцев

*** Когда же мы заявили, что предпочли бы его помощь (так как профессор Ринек был нам указан С.П. Боткиным), то он изъявил полную готовность принять на себя операцию, но не иначе как в Киеве, где имеются для того все удобства и помощь опытных специалистов.

**** Правда, она не вполне знает, как серьезно ее положение.

12-го августа. Понедельник. — Почти весь день провели с посетившими нас Лаврентьевыми. Вместе с ними кончили день в Алушке, любуясь лунною ночью с террасы Мавританского дворца¹⁶⁵.

14-го августа. Среда. — Вчера вечером приехал к нам сын, с намерением провести у нас два дня, т. е. до пятницы; но сегодня телеграмма из Балаклавы заставила его поспешить обратно к своему дивизиону, по случаю приезда генерала, инспектирующего стрельбу в войсках.

Сегодня в третий раз доктор Ринек исследовал дочь Надю. Открытие некоторых новых симптомов поколебало его первоначальное, почти положительное мнение о необходимости неотложного оперирования; он заговорил о консультации, о лейпцигском специалисте (кажется, Тишлере), пользующемся европейскою знаменитостию. Когда же мы завели речь о предварительной консультации с С.П. Боткиным, Ринек крепко ухватился за эту мысль и очень советовал предварительно съездить в Петербург к нашей русской медицинской знаменитости. Завтра Ринек уезжает из Симеиса, а в пятницу на пароходе отправится в Киев, откуда обещал сообщить свой диагноз С.П. Боткину.

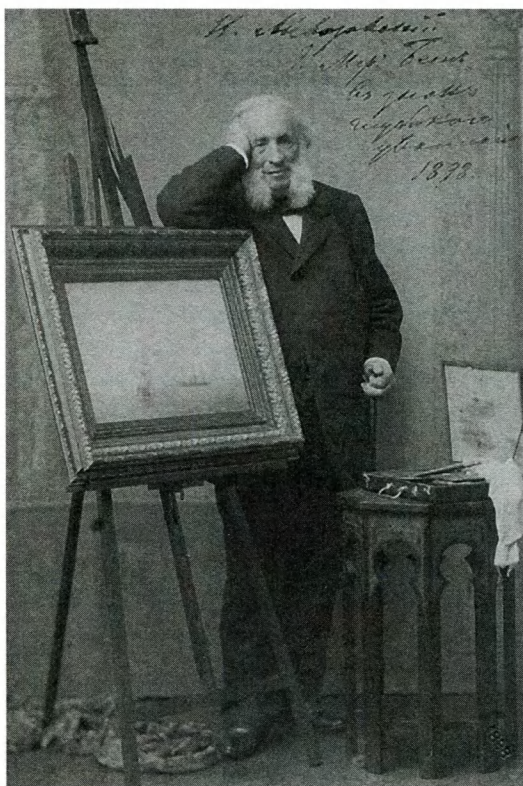
Таким образом, планы наши несколько изменяются. Жена намерена ехать с Надей сперва в Петербург; но предварительно желает списаться с Боткиным, а потому не слишком торопится выездом отсюда.

15-го августа. Четверг. — Сегодня писал С.П. Боткину. Отправлена телеграмма в Ревель к старшей дочери княгине Шаховской с извещением об отсрочке выезда жены и Нади*.

18-го августа. Воскресение. — Только что возвратился в Симеис после двухдневного отсутствия. Выехав в пятницу утром с дочерью Ольгой, провел большую часть дня у Лаврентьевых в имении их «Наташино»; по дороге навестил в Ялте графиню Сумарокову-Эльстон и** Трубецких. В 9 часов вечера дочь уехала из Ялты обратно в Симеис, а я на пароходе «Цесаревна» отправился в Феодосию, куда прибыл на рассвете, часу в пятом. Несмотря на ранний час дня, И.К. Айвазовский встретил меня на пристани, повез к себе, и я провел с ним весь вчерашний день. Утром он показывал мне свои картины, познакомил со второю своею женой (при жизни первой), весьма красивую и молодою женщиной; затем мы ездили в имение его Шах-Мамай, верстах в 25 от Феодосии, в степной местности; по возвращении оттуда показывал он мне на горе выстроенный им, Айвазовским, храм, в древнем греческом стиле, где помещаются музей феодосийских древностей и часовня в память генерала Котляревского. Проездом

* Предполагаем, что она исполнит прежнее свое предположение, приедет сюда в скором времени.

** и князей Трубецких, которым мне следовало давно отдать визит.

И.К. Айвазовский

туда навестили мы инженера путей сообщения С.И. Руденко*. Около 6 часов сели за обед, а в 9 часов вечера гостеприимные хозяева проводили меня на пароход («Ольга»), на котором я и возвратился сегодня, в 5 часов утра, в Ялту; к утреннему чаю был уже дома**.

26-го августа. Понедельник. — В субботу, получив телеграмму от дочери Елизаветы (княгини Шаховской) о приезде ее в Крым, я немедленно же выехал навстречу ей в Севастополь, переночевал там и вчера вместе с нею возвратился в Симеис. Более двух лет я не виделся с нею, и потому приезд ее очень меня радует***.

Много любопытных подробностей рассказывает она о немецких порядках в Остзейском крае. Не знаешь, чему более удивлять-

* который познакомил меня со своею семьей, состоящей из 90-летнего отца, матери, двух братьев и сестры.

** Вся эта поездка была выполнена вполне удачно и удобно; погода весьма благоприятствовала, не чувствую ни малейшей усталости.

*** да и всю семью.

Н.Х. Бунге

ся: упорству ли и дерзости, с которыми тамошние бароны и бюргеры отстаивают свою германскую средневековую автономию, или той уступчивости, той вялости, той слабости, которые выказывало до сих пор русское правительство в отношении к этому завоеванному краю.

31-го августа. Суббота. — Ездил в Орианду повидаться с великим князем Константином Николаевичем, только что возвратившимся из Петербурга, или вернее — из Павловска. Беседа наша почти исключительно касалась постройки церкви*; о Петербурге и делах общих, политических — не было ни слова.

Сегодня получил ответное письмо доктора Боткина, очень любезное. Он советует жене с дочерью Надеждой приехать в Петербург, для консультации, в первых числах октября.

1-го сентября. Воскресение. — Приехала племянница Ина (Александра) Мордвинова с гувернанткой.

4-го сентября. Среда. — Симеисское общество все умножается: вчера приехала графиня Анна Михайловна Олсуфьева с дочерью;

* Кажется, великий князь весь поглощен этою заботой.

она пробудет у нас несколько дней; завтра же ожидаем и самого графа Адама Вас[ильевича] Олсуфьева с двумя его сыновьями; они приедут также дня на два. Сегодня утром навестил меня министр финансов Николай Христианович Бунге; он здесь, в Крыму, проездом в Батум. В Ялте множество приезжих, и в числе их некоторые из «высокопоставленных» лиц*.

5-го сентября. Четверг. — По случаю именин старшей дочери съехалось к нам неожиданно такое многочисленное общество, что трудно было усадить за столом. После обеда** приехал еще великий князь Константин Николаевич с бывшим своим адъютантом, а ныне контр-адмиралом в отставке Лихачевым.

7-го сентября. Суббота. — Наконец, все наши гости разъехались и в нашем захолустье восстановилась обычная тишина; мы снова вошли в рамки нашей нормальной семейной жизни. Даже гувернантка племянницы уехала на несколько дней в Симферополь.

9-го сентября. Понедельник. — По случаю дня рождения великого князя Константина Николаевича ездил в Орианду, на завтрак. Видел многих приезжих: Гурко, Семеку, Манзе, Пещурова, турецкого посла Шакир-пашу, и проч. и проч. Ни Посьета, ни Трепова не было. От великого князя узнал важную политическую новость — о перевороте в Филиппополе, арестовании Гавриила-паши и провозглашении соединения Румелии с Болгарией¹⁶⁶. Сомнительно, чтобы дипломатия допустила исполнение этой заветной мечты болгар, особенно при теперешнем кабинете в Англии. Шакир-паша заметно смущен этою новостью.

12-го сентября. Четверг. — Ездил в Ялту и в Урзуф, чтобы отдать визиты приезжавшим ко мне в последнее время посетителям.

15-го сентября. Воскресение. — Приехали зять мой князь Сергей Шаховской и племянница Анна Евгеньевна Понсэ.

24-го сентября. Вторник. — На прошлой неделе опять гостили у нас Олсуфьевы; дом наш был переполнен, особенно 17-го числа, по случаю именин дочери Нади. В прошлое воскресенье приехал и сын, который провел с нами весь вчерашний день, а сегодня рано утром уехал верхом чрез горы в Бахчисарай. Вчерашний день был одним из весьма редких в нашей семейной жизни: вся семья оказа-

* Этот съезд угрожает нарушением тишины и спокойствия и в нашем безмятежном захолустье.

** вдобавок

лась в сборе. К сожалению, это был один только день, и едва ли такой съезд повторится в скором времени. Уже сегодня дом наш опустел; молодежь уехала в Ялту и Урзуф*.

25-го сентября. Среда. — Сегодня сделал я довольно утомительную поездку верхом в Кастропуло**, имение графини Толь, чтобы отдать визит навестившему меня на днях генералу Роопу, одесскому генерал-губернатору и командующему войсками Одесского округа***.

28-го сентября. Суббота. — Старшая дочь Шаховская со своим мужем уехали сегодня чрез Алушту в Симферополь и далее по железной дороге в Ревель. В доме заметно стало пусто****.

1-го октября. Вторник. — Освящение вновь построенной церкви в Орианде. Погода вполне благоприятствовала торжеству. Великий князь в восторге, что ему удалось***** новую церковь во имя Покрова Богородицы освятить в самый день Покрова. Работы шли изумительно быстро.

После церемонии был завтрак.

2-го октября. Среда. — Отъезд жены с дочерью Надей в Петербург для совещания с тамошними врачами. Провожает их сын, нарочно для того приехавший вчера из Симферополя*****.

11-го октября. Пятница. — Большая радость: получил от жены из Петербурга успокоительную телеграмму о результате консультации врачей (С.П. Боткина и Богдановского) насчет болезни доче-

* Через несколько дней уезжает старшая дочь с мужем, а затем намеревается уехать и жена с дочерью Надей в Петербург, для совещания с врачами. Тогда я останусь здесь вдвоем с Олей!

** Так в подлиннике. Современное название поселка Кастрополь. — Прим. публ.

*** Он нанял на все лето, для своей семьи, дом графини Толь. Решился я ехать верхом в том предположении, что береговой тропинкою могу проехать гораздо скорее, чем кружную дорогой в экипаже, но расчет этот оказался ошибочным: так называемая кордонная дорожка — в некоторых местах совсем неудобна для проезда верхом, так что я должен был слезать с лошади и карабкаться пешком, чуть не на четвереньках. Возвратиться по этой тропинке я уже не мог с наступлением темноты и должен был подняться по другим тропам на шоссе. Так как я давно уже не садился на седло, то порядочно устал и весь разбит.

**** Когда-то мне удастся опять с ним увидеться! [Запись от 28 сентября в подлиннике не вычеркнута, но в копии А.М. Перцовой пропущена. — Прим. публ.].

***** осуществить свой план.

***** Отъезд их оставляет в доме заметную пустоту. Мне было крайне грустно расставаться с ними, под тяжелым впечатлением опасений за судьбу, которая ожидает бедную мою Надю. Что скажут петербургские медицинские авторитеты <знаменитости>? Страшно подумать.

ри: оба признали операцию ненужною; предписано лишь* внутреннее лечение**.

16-го октября. Среда. — Ездил вместе с Олей в Урзуф навестить Олсуфьевых.

17-го октября. Четверг. — Великий князь Константин Николаевич оказал мне любезное внимание — сам привез мне последние фотографии, снятые с построенной им церкви во время освящения ее 1-го октября.

25-го октября. Пятница. — С приездом в прошлую пятницу сына, семьи Олсуфьевых и других гостей — наша тихая, уединенная обитель обратилась в шумный, многолюдный съезд, в котором преобладала молодежь, а потому всю неделю не прерывались движение, суета, шум, смех***. Теперь все гости разъехались, и со вчерашнего вечера восстановилась в доме обычная тишина.

Сегодня ездил я в Орианду навестить великого князя Константина Николаевича. Застал его**** у обедни. Оказывается, что в новой его церкви служат обедню, сверх воскресения, по средам и пятницам, и что великий князь не пропускает ни одной службы. Признаться, я не знал, что он так набожен. После обедни провел я у Его Высочества часа полтора; беседа была весьма занимательная. Хотя великий князь и сказал, что ему опротивело все, что делается в нашем официальном мире, что перестал даже***** читать газеты; однако ж разговор наш все-таки невольно сбился на политику*****: от болгарского вопроса перешли к нашим внутренним делам. Великий князь рассказал мне многое, чего я не знал, относительно образа действий графа Петра Шувалова; между прочим о горячей стычке, которую имел с ним великий князь, при выходе из кабинета Государева, после происшедшего в конце декабря 1873 года совещания по поводу подчинения начальных училищ надзору местного дворянства¹⁶⁷, о происшедшем вследствие того, 25 декабря, объяснении, после которого граф

* домашнее

** Первая консультация Боткина была 8-го числа, во вторник; вторая, с Богдановым — 10-го, в четверг.

*** Не было почти минуты спокойной и отдыха. Во вторник приехал еще мой сын. Но в среду начали разъезжаться; уехала и племянница Анна Понсэ (в Бессарабию); сын отправился обратно в Симферополь, Олсуфьевы возвратились к себе в Урзуф.

**** в своей новой церкви.

***** следить за политическими новостями.

***** ...на политику: и мы оба одинаково излили наше негодование на то направление, которое дано нашей политике в болгарском вопросе, незаметно перешли мы к нашим внутренним делам прошлого и настоящего царствований.

Шувалов, по мнению великого князя, вдруг изменил свой взгляд, «отрезвился» (по выражению Его Высочества), убедившись в том, что шел до тех пор по ложному пути (*qu'il faisait fausse route*)*. По объяснениям великого князя, граф Шувалов сначала взял на себя роль вожака помещицкой и реакционной партии, к которой принадлежали из тогдашних министров: Валуев, Пален, Тимашев; но впоследствии он будто бы сам испугался, увидев, куда завела его эта партия** (*il a été débordé****), и тогда он, не желая открытого разрыва с прежними своими единомышленниками, стал искать благовидного случая *pour tirer son épingle du jeu*****. Случай этот вскоре и представился: Шувалову предложен был пост посла в Лондоне.

Весь этот рассказ не могу признать достоверным. Очевидно, великий князь говорит со слов самого Шувалова, который морочил Его Высочество, чтобы обелить себя в его глазах. Мне даже кажется странным, как великий князь мог быть введен в такое заблуждение*****.

***** **6-го ноября. Среда.** — Опять ездил в Орианду; простился с великим князем Константином Николаевичем, который уезжает завтра в Петербург. При мне происходило освящение вставленных над входом в церковь двух мозаичных икон, недавно полученных из Венеции, где они изготовлялись художником Сальвиати, по рисункам князя Гагарина*****.

Завтра же уезжает племянница моя Елена Милютинна с графиней Тизенгаузен и молодыми Сумароковыми-Эльстон. Поэтому сегодня я отвез ее в Кореис и простился с нашими соседями. Таким образом, с завтрашнего дня в ближайших окрестностях наших

* Он шел по ложному пути (*фр.*).

** помещицкой реакции

*** Перейти через грань, выйти за пределы (*фр.*).

**** Выпутаться из неприятного дела (*фр.*).

***** Затем великий князь рассказал мне некоторые подробности о своем сыне Николае Константиновиче, про его женитьбу, о несообразностях в распоряжениях относительно этого несчастного психопата. При этом Его Высочество отозвался с одобрением о гуманности самого Государя, так же, как об образе действий графа Шувалова и Мезенцова; напротив того, осуждал <негодовал, выразил свое неудовольствие на> действия Потапова; в особенности же говорил с раздражением об <оказанном будто бы> бессердечном влиянии в этом деле покойной императрицы Марии Александровны, как-то не верится, чтобы такая кроткая и благодушная женщина могла заслужить подобный упрек.

***** **26-го октября. Суббота.** — Сегодня рано утром уехала племянница Мордвинова со своею гувернанткой.

***** Образа эти, может быть и верные воспроизведения старинного стиля, но мне они вовсе не нравятся. Великий князь доволен ими, любит своею постройкой; чего же более требовать?

Князь Милан Обренович

не останется никого из близких знакомых, кроме старика Мальцова*. Оставшись вдвоем с дочерью Ольгой, приступил к ремонтным работам в доме**.

***** 15-го ноября. Пятница.** — Ездил в Ялту, чтобы проститься с семейством Олсуфьевых, отъезжающих на днях из Крыма обратно в Москву. В Ялте ходит слух об успехах, одержанных болгарами над сербами, об отречении короля Сербского Милана от престола¹⁶⁹, и проч. и проч. Есть также известие о кончине короля Испанского Альфонса и назначении вдовы его регентшею малолетней дочери. Но долго ли продлится это регентство? Положение

* да разве графини Клейнмихель, которую, впрочем, я перестал посещать.

** к исправлению повреждений. Работы эти вынуждают жену с дочерью Надей отложить на несколько дней свое возвращение из Петербурга. Вот уже несколько дней, как наступила холодная и ненастная погода, заставившая поставить дом на зимнее положение и топить печи.

*** **8 ноября. Пятница.** — Ездил в Ялту. День праздничный¹⁶⁸, работ в доме нет. Погода ясная, хотя свежая, в тени + 6 v [Реомюра].

дел в Испании смутное; можно ожидать новых переворотов и междоусобий^{*170}.

16-го ноября. Суббота. — Ездил с дочерью Олей в Мшатку на похороны Николая Яковлевича Данилевского. Только дня за три узнали мы о кончине его на Кавказе, куда он был командирован Министерством государственных имуществ для каких-то исследований по рыболовству в озере Гокча. По исполнении этого поручения, на возвратном пути, он умер скоропостижно в Тифлисе. При его тучности, можно было всегда ожидать такого конца. Смерть прервала преждевременно ученые его работы по естественным наукам. Николай Яковлевич Данилевский был не только ученый кабинетный; он занимался страстно садоводством; всю жизнь свою посвятил специальным исследованиям природы. В последние годы он работал над крупным сочинением, направленным к опровержению дарвинизма; первые две части уже печатаются; но, к сожалению, этот труд останется недоконченным¹⁷¹. Данилевский также не чужд был публицистике и вопросам экономическим; статьи его появлялись в «Московских ведомостях» и «Руси», а недавно издана им целая книга, под заглавием: «Россия и Европа» — все это в смысле узкого русофильства. В этом отношении можно только пожалеть о том, что он выступил из границ своей специальности**.

Познакомившись с Н.Я. Данилевским еще в то время, когда моя семья проводила лето в Меласе, в близком соседстве с

* О положении дел на Балканском полуострове — не хочется и думать. Возмутительно!

** *От слов «по рыболовству в озере Гокча» первоначальный текст:* «По окончании там работы своей, возвратившись в Тифлис, умер почти внезапно. У него был давно уже какой-то порок сердца, притом он был очень тучен, так что всегда можно было ожидать такого удара. Он был еще в таких летах, что смерть его можно назвать преждевременною; ученые его работы по естественным наукам могли бы принести много полезных плодов. В последние годы он работал над большим сочинением, имевшим целью опровергнуть теорию Дарвина, первые две части этого труда уже печатаются, но осталось еще много незаконченного. Весьма любопытно было бы узнать общие философические воззрения такого дельного ученого, который всю свою жизнь посвятил специальным исследованиям по естествознанию. Данилевский был не кабинетный ученый, он много работал как садовод и ботаник. В последние годы он пустился и в публицистику, помещая разные статьи в «Московских ведомостях» и в «Руси» по вопросам финансовым и другим; но на этом направлении трудно было ему сочувствовать, можно даже пожалеть о том, что он вышел из того круга, в котором он имел полные права авторитета.

О преждевременной смерти Данилевского нельзя не пожалеть и, с другой стороны: это был отличный человек...»

Мшаткой, я ценил его как человека прямого, честного, образованного и примерного семьянина. Он оставил многочисленную семью в положении довольно стесненном. Доходы с имения (Мшатки) почти прекратились с истребления его виноградников, зараженных филлоксерой, благодаря бывшему соседу его Раевскому. Семья Данилевских жила в полном смысле слова патриархально, скромно и гостеприимно. Вдова, предполагая прожить и впредь в своем безмятежном затишье, к которому так был привязан покойный Николай Яковлевич, пожелала и тело его удержать при себе в Мшатке. Оно было погребено сегодня, с обычным обрядом, в саду, посреди площадки, окруженной кипарисами, где покойный намеревался построить небольшую беседку для своих ученых занятий.

1-го декабря. Воскресение. — Жена с дочерью Надей, после двухмесячного отсутствия, сегодня возвратились из Петербурга. Привезли мне интересное письмо от А.В. Головнина¹⁷².

25-го декабря. Среда. — Получил письмо от племянницы Мординовой с извещением о помолвке ее с С.Ф. Саловым.

31-го декабря. Вторник. — В последний день истекшего года, оглядываясь назад, могу отнести этот год к числу благополучных в отношении моей личной и домашней жизни: я провел его мирно и спокойно. В отношении же жизни общественной или государственной можно назвать этот год бесцветным: ничего не дал он утешительного и ничего не сулит отрадного на предстоящий Новый год*.

* *Первоначальная запись от 31 декабря:* «Еще год канул в вечность. Ничего утешительного он нам не принес, да и на предстоящий год едва ли можно ожидать что-нибудь лучшее. Говорю это в отношении дел общественных и политических, которые представляют весьма грустную картину не только у нас в России, но во всей Европе. Кажется, никогда еще не было во взаимных отношениях между государствами и народами столько фальши и нахальства, как в последнее время, и никогда еще не приходилось на долю России такой печальной роли. Что касается до наших дел внутренних, то остается только махнуть рукой.

Если обратюсь к своим личным домашним делам, то я не считаю себя вправе жаловаться на истекший год. Жизнь моя протекла тихо, безмятежно, и единственная забота, которую временно причинил <приговор> киевского хирурга на счет дочери Нади, рассеялась и успокоилась. В течение года я имел возможность много посвящать времени на свою работу и почти окончил редактирование «моих» воспоминаний за 10 лет (1863—1872) <1863 по 1873 год, т. е. до начала моего дневника>. Мне остается обработать лишь предшествовавшие два года 1861 и 1862; когда удастся это исполнить, тогда я оставлю по себе довольно полную картину <полный отчет> того, что я видел и испытал за все двадцатилетнее мое управление военною частью в России».

1886-й год

14-го января. Вторник. — В первый раз в наступившем году открываю свой дневник, чтобы внести в него полученное печальное известие о смерти моего брата Бориса. Он давно уже * хворал; а в последние месяцы болезнь его приняла острый характер **; он выносил боли крайне мучительные, доведившие его до обмороков, так что кончина была для него благодетельным избавлением от тяжких страданий. Скончался он вчера, 13-го числа, в 10 часов вечера. После него осталась вдова, уже пожилая женщина. Она, вероятно, поселится у своего женатого сына Иванова (от первого брака), офицера лейб-гвардии Финляндского полка***.

2-го февраля. — Сегодня, в Петербурге, должна происходить свадьба племянницы моей Мордвиновой с С.Ф. Саловым****, молодым человеком, служащим по судебному ведомству, лично мне вовсе не известным.

3-го февраля. Понедельник. — Еще свежая могила. С почты получил печатное извещение о кончине Ивана Сергеевича Аксакова, последовавшей 27-го января. Обстоятельства этой совершенно неожиданной смерти мне еще не известны; редакция газеты «Русь» обещает сообщить в следующем номере подробные сведения по этому предмету. Полученный мною последний номер «Руси» был от 25-го января еще за подписью Ивана Сергеевича, следовательно, можно полагать, что смерть последовала скоропостижно.

Хотя я не разделяю политических воззрений покойного Ивана Сергеевича и часто его статьи меня раздражали, однако ж не могу не пожалеть искренно о его кончине. Это был чистосердечный и честный патриот, человек с убеждениями и не крививший душой. А такие личности в наше время очень редки.

28-го февраля. Пятница. — В среду утром приехал из Симферополя мой сын и уехал обратно сегодня после обеда. Он приезжал

* страдал каким-то пороком сердца, беспрестанно хворал.

** у него образовались большие отеки.

*** женатого на Бакуниной.

**** сейчас после венчания новобрачные уезжают за границу.

проститься пред отъездом в Петербург, по сдаче своего Крымского дивизиона преемнику своему, полковнику Боборыкину. Сын мой командовал дивизионом около 6 лет; расстроенное здоровье заставляет его покинуть строевую службу и приискать себе другой путь в жизни*.

Сын привез нам новость, несколько смутившую меня: на Страстной неделе приезжает в Ливадию царское семейство; здесь Их Величества намереваются говеть, а 20-го апреля — назначен торжественный спуск нового броненосца в Севастополе. Известие это подтверждается и письмом А.В. Головнина**173.

23-го марта. Воскресение. — Ездил в Ялту по случаю встречи Их Величеств. Государь со всем своим семейством, великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великой княгиней Елизаветой Федоровной прибыл на пароходе около 4-х часов дня. На пристани ожидало все местное начальство, группа дам и небольшое число лиц***, допущенных начальством; но набережная была**** усыпана народом. Везде развевались флаги, кое-где развешаны ковры; вся обстановка напомнила мне живо прежние приезды в Ялту покойного Государя. В царской свите встретил я генерал-адъютантов графа Воронцова-Дашкова, Рихтера, Черевина, Вердера, Даниловича, фрейлину Озерову. Их Величества обошлись приветливо со всеми встречавшими их; меня удостоили несколькими обычными в таких случаях фразами, и вообще казались в хорошем расположении духа; но заметили, что погоду в Крыму нашли совсем не такую, какой ожидали. Действительно, в последние дни наступила погода холодная, пасмурная, а в самый час прибытия высочайших гостей накрапывал маленький дождь с порывами ветра.

Сын мой был задержан сдачею дивизиона несколько долее, чем предполагал; поэтому он отложил свой отъезд в Петербург и по окончании всех проводов в Симферополе приехал в прошлый четверг в Симеис, чтобы здесь дожидаться приезда Государя. Сегодня мы ездим в Ялту, где он остался на несколько дней; я же возвратился восвояси и буду ожидать из Ливадии назначения дня для представления Их Величествам.

* Тем не менее нам грустно думать, что будем видаться с ним еще реже, чем до сих пор.

** Зато великий князь Константин Николаевич, рассчитывавший также говеть на Страстной неделе в своей Орианде, отказывается от этого намерения и, вероятно, приедет позже.

*** «случайных»

**** с самого утра

Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна

На прошлой неделе посетили меня адмирал Шестаков с молодой и красивой его женой и генерал-майор Раевский. Шестаков (управляющий Морским министерством) должен был прервать на некоторое время свои служебные занятия, вследствие случившегося с ним удара; теперь он живет в Ливадии, а после предстоящего спуска новых броненосцев в Севастополе и Николаеве и по отъезде Государя предполагает отправиться в дальнее морское плавание, в Тихий океан.

25-го марта. Вторник. — Сегодня по случаю праздника Благовещения к обедне в ливадской церкви было приглашено Их Величествами довольно много лиц*. После обедни был завтрак; меня посадили с правой стороны императрицы. Их Величества были со всеми любезны; обращение их просто, добродушно**. После завтрака я заходил к великим князьям наследнику цесаревичу, Георгию Александровичу, Сергею и Павлу Александровичам; представился в первый раз великой княгине Елизавете Федоровне. Генерал Данилович — воспитатель и попечитель наследника, отзывается о нем с большими похвалами; очень доволен успехами его в учебном отношении. Воспитание, как кажется, ведется разумно.

* и я в том числе.

** В частном быту <это> они были бы примерными хозяевами.

Вчера навестили меня генералы Рихтер, Вердер, граф Воронцов-Дашков и Черевин. Сегодня я отдал им визит и сверх того навестил адмирала Шестакова и некоторых других из прибывших в Ливадию в свите Их Величеств*.

В Ливадию ожидают приезда Гирса; авось что-нибудь услышу от него, кроме жалоб на дурную погоду.

2-го апреля. Среда. — Посетил меня Николай Карлович Гирс с неотлучным секретарем графом Ламсдорфом. Очень рад был с ним видеться; получил от него несколько любопытных пояснений касательно последних дипломатических отношений. Он сознает невыгодный для нас оборот дел на Балканском полуострове; но по-прежнему полагается на дружбу Германии, то есть собственно Бисмарка, который будто бы вновь оказал нам важную услугу, остановив Австрию в ее замыслах на Балканском полуострове. Гирс не допускает подозрения враждебных против России замыслов со стороны Германии.

На днях приезжали ко мне из Ливадии генерал Данилович и флигель-адъютант граф Олсуфьев.

Вчера приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич; сегодня он завтракал в Ливадии. Очень сожалею, что нездоровье не позволяет мне теперь же съездить в Орианду. На днях ожидают приезда великого князя Михаила Николаевича с его семьей. По словам Гирса, царская фамилия так восхищается Крымом (несмотря на продолжающуюся свежую и ветреную погоду), что решено продлить пребывание в Крыму до начала мая.

3-го апреля. Четверг. — Сегодня совершенно неожиданно удостоил меня посещением сам Государь с великим князем Сергеем Александровичем. Приехав в 4-м часу, они пробыли часа полтора, пили чай и разговаривали с необыкновенным благодушием и простотой. Глубоко тронут я этим высоким вниманием.

10-го апреля. Четверг (страстной). — Расстройство здоровья (простуда, горло, глаза) помешало мне побывать в Ливадии, чтобы принести благодарность Государю за оказанную мне честь; но 8-го числа жена ездила в Ливадию представиться императрице. Сегодня и я выехал в первый раз из дому; попал в Ливадию к тому самому времени, когда императрица с детьми причащалась, так что при выходе ее из церкви я мог заодно и поздравить Ее Величество, и выразить мою признательность Государю. Их Величества были необыкновенно милостивы и любезны ко мне. Чем более случается с ними видеться, тем более поражают в них обоих чрезвычайная простота

* Кроме разговора с Даниловичем, преимущественно по части педагогической, ничего серьезного не слышал.

обращения, естественность и благодущие. В Ливадии встретился я и с великим князем Михаилом Николаевичем, у которого до сих пор не мог быть, так же, как и у Константина Николаевича.

Главный предмет разговора в Ливадии — жалобы на погоду, которая продолжает срамить наш южный берег в глазах приезжих с севера: холодно, постоянный ветер. Только теперь начинают зеленеть деревья; на дубах еле показываются почки.

Заходил к Н.К. Гирсу; ничего нового не узнал от него. Дипломаты наши, очевидно, идут ощупью, как слепые, без всякого плана. Они постоянно заботятся только о том, как бы вывернуться благовиднее из непредвиденных ими политических осложнений. Поэтому вся наша политика носит характер случайности и неожиданности. Руководит нашими судьбами — Русский Бог.

11-го апреля. Пятница. — Облекшись в полную форму*, ездил представиться обоим великим князьям. В Ай-Тодоре великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Федоровна были очень любезны¹⁷⁴; но торопились ехать в Ливадию к церковной службе, и потому я пробыл у них самое короткое время. В Орианде не застал хозяина; он был уже в своей церкви.

Ночью был дождь, от которого вся растительность быстро зазеленела; но все еще свежо**.

14-го апреля. Понедельник. — В прошлый четверг императрица весьма любезно освободила меня от приезда в Ливадию в ночь на Светлое Воскресение; вместе с тем выразила желание иметь мою фотографическую карточку, которую видела у великого князя Константина Николаевича. Поэтому я счел долгом сегодня отправиться в Ливадию, чтобы принести поздравление с праздником и отвезти свою фотографию. Выстояв всю обедню, христосовался с Государем, с великими князьями, получил от императрицы фарфоровое яйцо, а потом зашел к фрейлине Озеровой и передал ей фотографию.

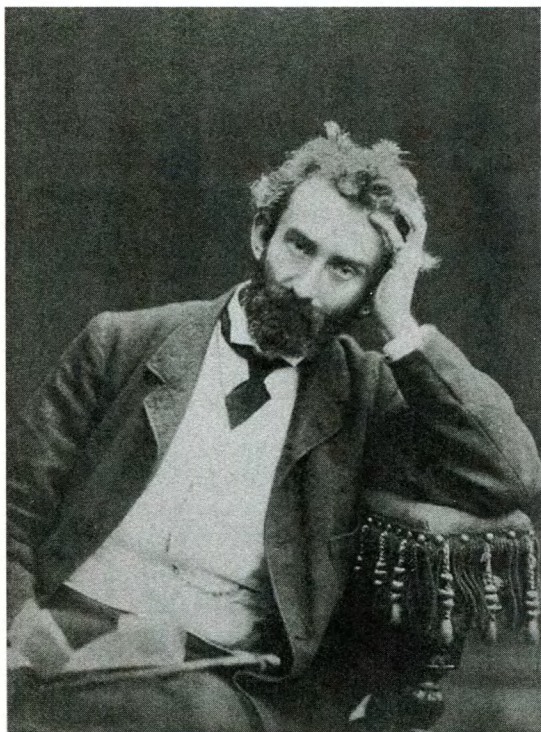
На возвратном пути заехал в Кореис к Сумароковым-Эльстон.

Вчера произошел опасный случай с одной из фрейлин графинь Кутузовых (старшей, Марией Васильевной): обе сестры ехали по дороге из Ливадии в Ай-Тодор; навстречу им неслись на велосипедах какие-то чудачки англичане; лошади испугались, и одна из сестер, выброшенная из экипажа, расшиблась. Говорят, что опасности нет.

Имел я опять разговор с Н.К. Гирсом. Он вполне надеется, что дело турко-греческое уладится миролюбиво¹⁷⁵; сегодня должен быть предъявлен афинскому правительству ультиматум шести

* со всеми своими регалиями

** хотя ветер прекратился.

Н.Н. Миклухо-Маклай

больших держав; соединенный флот подошел к Пирею. Завтра ожидают в Ялту турецкого посла.

16-го апреля. Среда. — Был в Орианде. Как всегда провел приятно часа полтора или два в беседе с великим князем Константином Николаевичем. Он водил меня в свою церковь, чтобы показать сделанные в ней с осени перемены.

19-го апреля. Суббота. — Вчера удостоил меня своим посещением великий князь Константин Николаевич, а сегодня великий князь Михаил Николаевич с Ольгою Федоровной. Оба великие князя и великая княгиня были чрезвычайно любезны.

21-го апреля. Понедельник. — Сегодня ездил вместе с женой к великому князю Михаилу Николаевичу и великой княгине Ольге Федоровне; пробыли у них около часа*.

22-го апреля. Вторник. — **Приезжал ко мне знаменитый наш путешественник-антрополог Миклуха-Маклай. Он провел 16 лет в

* И он, и она были очень любезны.

** Совершенно неожиданно

Тихом океане, частью между дикими папуасами, людоедами, женился в Сиднее на англичанке и почти разучился говорить по-русски. Рассказы его чрезвычайно любопытны. Теперь он приехал в Европу на время, чтобы приступить к изданию своих ученых трудов, а вместе с тем чтобы еще раз попытаться убедить наше правительство принять под свое покровительство северо-восточный берег Новой Гвинеи, названный берегом Маклая, и не допустить присвоения этого берега немцами, уже заявившими себя хозяевами этой части Новой Гвинеи. Миклуха представлялся Государю и имел разговоры с Гирсом и Шестаковым. Но сомнительно, чтобы чего-нибудь добился он от нашего Министерства иностранных дел, которое, конечно, не решится войти в малейший конфликт с германским железным канцлером. Государь же взял с Миклухи обещание, что он издаст свой труд прежде всего на русском языке¹⁷⁶.

23-го апреля. Среда. — Ездил в Ливадию и Ялту, чтобы отдать визиты разным лицам, в том числе и вчерашнему своему посетителю Миклухе-Маклаю, который уезжает завтра. Погода ненастная; опять ветер и дождь.

27-го апреля. Воскресение. — Сегодня по случаю дня рождения великого князя Георгия Александровича был я в Ливадии у обедни в тамошней большой церкви, а потом приглашен к царскому завтраку. Затем часа два пробыл у Н.К. Гирса, который рассказал мне некоторые интересные подробности миссии Игнатьева в Константинополь в 1878 году, для заключения Сан-Стефанского договора. Рассказ этот выказывает наглядно, что в то время князь Горчаков впал уже в совершенное расслабление ума и что благодаря ему мы сами подали повод к невыгодному для нас обороту дел после войны. Сущность этого рассказа постараюсь записать особо, чтобы сохранить драгоценный материал для истории этой войны, Берлинского конгресса и последствий его¹⁷⁷.

От Н.К. Гирса узнал я, что вопрос греко-турецкий опять обострился; что правительство греческое не подчинилось предъявленному пятью державами ультиматуму и что посланникам дано приказание выехать из Афин. Дипломатия в большом затруднении.

29-го апреля. Вторник. — Опять ездил в Ливадию по случаю дня рождения великого князя Сергея Александровича. Погода понравилась, но все еще свежо.

1-го мая. Четверг. — Ездил с женой в Ай-Тодор к великому князю Михаилу Николаевичу и великой княгине Ольге Федоровне, чтобы проститься с ними пред их отъездом. Но оказалось, что великая княгиня заболела, и едва ли сам великий князь решится, оставив ее одну, ехать в Севастополь на предстоящие там празднества.

3-го мая. Суббота. — Сегодня Государь со всем семейством, свитою и многими приглашенными на предстоящие торжества севастопольские отплыл из Ялты в самый полдень. За полчаса до выезда его из Ливадии я простился с Их Величествами и прочими личными членами царского семейства. Все были очень любезны. В числе их виделся я и с вновь прибывшим великим князем Алексеем Александровичем. Погода великолепная. Вся Ялта, как говорят, в суете и движении; но я там не был сегодня; после прощания с отъезжающими я пошел пешком в Орианду, дождался возвращения великого князя Константина Николаевича из Ялты, завтракал у него и возвратился в Симеис только в 5-м часу вечера.

Сын мой также отправился в свите Государя в Севастополь.

Великий князь Константин Николаевич не едет туда под предлогом нездоровья*. Мне вовсе и не предлагалось присутствовать при Севастопольских торжествах**, чему я очень рад; ибо в случае приглашения не было бы возможности уклониться от поездки. При прощании Государь, между прочим, спросил меня, остаюсь ли я безвыездно в своем Симеисе или предполагаю куда-нибудь съездить в течение лета. Такой вопрос равносителен предоставлению мне полной свободы***, за что я глубоко признателен. В мои лета ничего другого мне не нужно.

6-го мая. Вторник. — Сегодня — торжественный день спуска в Севастополе первого броненосца. К сожалению, погода неблагоприятная для торжества: сильный ветер с дождем.

Приехала к нам на некоторое время племянница моя, бывшая Мордвинова (дочь моей покойной сестры), а теперь Салова, с мужем своим****, с которым только теперь я познакомился.

8-го мая. Четверг. — Утром навестил я великого князя Михаила Николаевича, чтобы узнать о здоровье великой княгини. Она поправилась; сегодня в первый раз встала с постели. Великий князь рассказывал мне о своей поездке в Севастополь и бывшей церемонии спуска броненосца. От него же узнал, что великий князь Константин Николаевич опять в большом горе: и старший из его незаконных детей кончил жизнь; обе дочери прибыли в Орианду¹⁷⁸.

* Первоначально: «Великие князья Константин и Михаил Николаевичи не едут туда, первый под предлогом нездоровья, а второй — по болезни великой княгини Ольги Федоровны».

** со стороны Государя не было даже и вопроса о том,

*** Первоначально: «независимости».

**** которого до сих пор мы вовсе не знали. На первый взгляд он показался нам весьма приличным молодым человеком; она же осталась совершенно такою же живою, веселою и забавною, какою была девочкой.

9-го мая. Пятница. — Ездил в Орианду; великого князя видел только одну минуту, застав его уже на пути в церковь, к обедне.

16-го мая. Пятница. — Утром поехал в Ай-Тодор навеститься о здоровье великой княгини Ольги Федоровны и, к немалому удивлению, застал Их Высочества почти в самую минуту отъезда из Крыма. Они собрались в путь почти внезапно, по совету прибывшего вчера из Петербурга врача, который нашел, что великая княгиня скорее поправится в петербургских тундрах, чем на южном берегу Крыма, где наступившее жаркое время она худо переносит. Их Высочества были по обыкновению весьма любезны ко мне. Разговор как-то зашел о том, что по слухам в Петербурге меня прочат на какую-то высокую должность, которая, по мнению Их Высочеств, может быть не иная, как председательство в Государственном совете, чему великий князь со своей стороны был бы весьма рад, потому что тяготится этою должностю. При этом был сделан и намек на появившуюся в «Nouvelle Revue» и возбуждавшую много толков статью: «La société de S. Pétersbourg», под псевдонимом «Le comte Paul Vassily». В ней упоминается и обо мне, с большими похвалами (как говорят) и с замечанием, что, несмотря на мое удаление со служебного поприща, я могу еще быть снова призван к деятельности. На все это я категорически заявил, что в мои лета уже не может быть и речи о возвращении к деятельной службе (Их Высочества несколько удивились, узнав, что на днях мне минет 70 лет); что в такие годы мне следовало бы, если б даже я оставался еще на службе, удалиться на покой. При этом я припомнил покойного моего дядю графа Павла Дмитриевича Киселева, который говаривал, что люди, занимающие высокое служебное положение, достигнув известных преклонных лет, должны сходить со сцены, и что, к сожалению, старики почти никогда сами не замечают наступления той поры, когда для пользы службы им следует очистить место более свежим силам*.

* К этому граф Павел Дмитриевич прибавлял, что сочтет истинным своим другом того, кто решится прямо высказать ему, что пора эта для него наступила. В таком смысле он говорил не раз великой княгине Елене Павловне, которая, как известно, показывала ему самое дружеское расположение. Однако ж никто не решился оказать графу Киселеву эту дружескую услугу, и нельзя не признать, что, оставаясь в должности посла в Париже до 75-го года своей жизни, он несколько переступил эту грань, которую, по его же собственному убеждению, сама природа кладет полезной деятельности человека. Покойный наш канцлер Александр Михайлович Горчаков может служить самым выдающимся <наглядным> примером того, как человек может пережить собственную свою славу и помрачить свои <великие> заслуги <оставаясь лишнее время> продержавшись на своем poste несколько лишних лет.

В заключение я сказал, что независимо от моих старческих лет я сомневаюсь, чтобы мог, при настоящих условиях, в самом деле принести пользу службе. Их Высочества поняли вполне мой намек, и на том разговор наш прервался. Мы распростились весьма дружелюбно и задушевно.

Я рад тому, что имел случай высказать свой взгляд на возникающие по временам толки в публике о возвращении моем к служебной деятельности, хотя в действительности по всем вероятностям и не имеется в виду ничего подобного. Таково впечатление, вынесенное мною из последних свиданий с самим Государем.

21-го мая. Среда. — Ездил в Орианду поздравить именинника*. Большой съезд моряков; из Севастополя пришла целая эскадра адмирала Новикова. Я нашел великого князя в хорошем расположении духа**.

Некоторые из бывших в Орианде севастопольцев потом заехали ко мне: генерал Аллер (корпусной командир), Авинов, только что произведенный в генералы, и Еранцев — севастопольский городской голова.

22-го мая. Четверг. — Гостившие у нас «молодые» — племянница Ина с мужем — уехали в Петербург. В уединенной нашей обители опять полное затишье.

3-го июня. Вторник. — В прошлую субботу посетила нас Юлия Федоровна Абаза — жена Александра Аггеевича. Предприняв поездку по южному берегу Крыма, она провела у нас два дня и вчера уехала*** в Севастополь. Вчера же**** приехала вдова покойного Н.Я. Данилевского. Переночевав у нас, сегодня уехала обратно в свое имение Мшатку*****.

12-го июня. Четверг. —***** Посещение барона Жомини. Он***** сообщил некоторые сведения о последних неудачах нашей дипломатии; впрочем, ничего***** замечательного. Прежнее намерение его — поселиться совсем в Ялте — покинуто; только что выстроенный дом — уже продан.

* выстоял всю обедню и завтракал.

** Какое сильное влияние производит на него присутствие негласной его семьи.

*** далее в Ялту, с тем чтобы проехать далее чрез Алушту в Симферополь и обратно в Севастополь.

**** на смену ей

***** и взяла с собой дочь мою Олю.

***** Неожиданно

***** провел у нас несколько часов, обедал,

***** нового и существенно важного я не узнал.

21-го июня. Суббота.** — Ездил в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, уезжающим в Петербург, к родам великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Был также в Ялте у барона Жомини. Беседовали мы часа два^{**}; вспоминали прошлое и погоревали о многих наших дипломатических ошибках. Барон сообщил мне, между прочим, интересный факт из новейших наших отношений к Турции: Нелидов вел переговоры с Портой о заключении оборонительного союза, с условием, чтобы защита проливов лежала совместно на Турции и России. Нелидов был в полной надежде достигнуть такого соглашения, которое, как мне кажется, удовлетворило бы наши русские интересы^{} и было бы по крайней мере на некоторое время весьма выгодным для нас решением восточного вопроса. Но предположение это не осуществилось; переговоры были расстроены разными^{****} случайностями, поколебавшими доверие Порты к нашей политике. К числу этих случайностей^{*****} Жомини относит наш шовинизм, проявившийся как в Севастополе, при спуске броненосца, так и в Москве, в бестактной речи городского головы¹⁷⁹. Я, со своей стороны, думаю, что и без этих пустых речей не удалось бы нам уладить задуманное дело: англичане непременно пронюхали бы о нем и не допустили бы заключения предполагаемого союза.

Пользуясь верным случаем для доставления письма с адъютантом великого князя Римским-Корсаковым, я написал длинное послание к Н.Н. Обручеву в ответ на полученное на днях его письмо¹⁸⁰. В своем ответе я высказал ему некоторые свои соображения о настоящем нашем военно-политическом положении, требующем, по моему мнению, весьма настоячивых мер со стороны нашего Военного министерства для достижения большей готовности к войне с угрожающе нам колоссальною коалицией. Готовым к войне надобно быть не для того, чтобы затевать войну^{*****}, а напротив того, чтобы избежать ее^{*****}.

* **13 июня. Пятница.** — Приехала племянница Елена Милютина. Намерена провести у нас все лето. До сих пор погода не устанавливается, сильный ветер, солнце показывается изредка вперемежку с дождем. Год совершенно ненормальный.

** конечно, более всего о политике

*** по вопросу о Черном море

**** последовавшими в последнее время

***** расстроивших планы нашей дипломатии

***** или напрашиваться на войну.

***** Приходится невольно возвращаться к древней поговорке: «Si vis pacem para bellum» [«Если хочешь мира, приготовься к войне» (*лат.*)].

16-го июля. Среда.** — Вчера возвратился в Орианду великий князь Константин Николаевич. Он выехал из Павловска на другой же день после крестин новорожденного своего внука Иоанна Константиновича. Приехавший с ним адъютант Римский-Корсаков привез мне два любопытные письма: одно от А.В. Головнина, другое от Н.Н. Обручева¹⁸¹. Последний дал себе труд, на 6 больших листах, рассказать мне все, что сделано в последнее время в Военном министерстве относительно готовности нашей к войне. При огромных занятиях его, удивляюсь, как нашел он время на такое длинное послание; тем более я благодарен ему за сообщение весьма интересных для меня сведений^{**}. Если все перечисленные им меры действительно будут приведены в исполнение так, как рассчитывает министерство, то можно^{} порадоваться сделанному большому успеху и без страха ожидать грозного момента^{****} большой европейской войны. По расчетам Обручева, нужно нам выждать еще^{*****} года полтора или два, чтобы докончить все начатые работы и приготовления; он думает, что по прошествии этого срока мы не будем уступать нашим западным соседям ни в количестве боевых сил, ни в готовности их к войне^{*****}. Это было бы весьма успокоительно; но вот вопрос: в течение этих полутора или двух лет — не успеют ли и наши соседи со своей стороны сделать новые большие шаги в развитии своих сил, так что мы опять окажемся отставшими от них? Притом в письме Обручева остается недосказанным: рассчитывает ли он наши силы соразмерно с силами одной из двух наших соседок или обеих вместе? При настоящей политической обстановке нельзя предположить войну между Россией и одною только из этих держав; несомненно, мы будем иметь дело с коалицией, а на такой случай едва ли наши силы окажутся достаточными, чтобы вести с успехом войну без союзников.

21-го июля. Понедельник. — Несколько дней сряду была такая сильная буря, какой никогда не бывало в эту пору года; термометр опустился до 14° Р; в море температура воды понизилась до 9°. Каменный наш дом буквально дрожал. Ради этой непогоды я не решался съездить в Орианду до нынешнего дня. А сегодня уже жарко, как

* 4 июля. Пятница. — Ездил в Ялту по домашним делам.

** сохраняемых в большой тайне.

*** вполне

**** когда Россия может быть вовлечена в большую европейскую войну.

***** по крайней мере

***** *Первоначально от слов «...этого срока»: «мы будем уже в таком положении, что готовность наша к войне не будет уступать готовности наших западных соседей, и будем в состоянии померяться с ними силами».*

подобаает в июле. С великим князем Константином Николаевичем провел, как обыкновенно, часа полтора в самой приятной беседе.

1-го сентября. Понедельник. — Шесть недель не открывал своего дневника. В этот промежуток времени произошло немало политических новостей, большею частию неожиданных: низвержение князя Александра Болгарского, его возвращение, обмен его телеграммами с русским императором, отречение его, съезды дипломатов в Кисингене, Гастейне, Франценсбаде... Сколько материала для газетных толков!^{*182} Нам почему-то повезло; у нас ликуют, а в Англии злобствуют. Но что будет далее? Какой будет финал всей этой трагикомедии**.

Сегодня посетил меня экс-посол в Константинополе и экс-министр внутренних дел граф Н.П. Игнатъев. Он приехал навестить свою семью, которая проводит лето в ближайшем нашем соседстве, у Мальцова. В одно время с ним посетил нас и генерал Раевский, по случаю открытия филлоксеры вблизи Симеиса, в Лименской долине. Граф Игнатъев пробыл у нас около часа и по своему обыкновению не переставал говорить ни на минуту, конечно, все о себе; коснулся мимоходом обстоятельств смещения его с должности министра, и т. п. Рассказы эти были бы очень интересны, если б могли быть признаны достоверными; не имея в том убеждения, воздержусь от повторения их в своем дневнике.

***** 9-го сентября. Вторник.** — Утром был в Орианде по случаю дня рождения великого князя Константина Николаевича. Как

* *От слов: «отречение его» первоначально: «сколько материала для газетной полемики, для толков и резонерства политиков, не говорю уже о съездах дипломатов в Кисингене, Гастейне, Франценсбаде».*

** Лишь бы нас не провели и не поставили еще в худшее положение, чем прежнее положение.

*** **7 сентября. Воскресение.** — Дописал последнюю главу «моих воспоминаний» за 12-летний период моей жизни: с конца 1860 года до апреля 1873-го, то есть с приезда моего в Петербург и вступления в должность товарища военного министра, до того дня, с которого начал я вести «Дневник».

Пять лет употребил я на работу над этими 12 1/2 годами, и признаюсь, рад, что кончил. Работа эта несколько наскутила мне. Несколько раз хотел было бросить ее, истребить все написанное. Я спрашивал себя: для чего и для кого пишу? Но всякий раз наталкивала меня на продолжение начатого труда привычка к работе, желание не терять этой хорошей привычки, чтобы на старости лет не впасть в полную dolce farniente <обломовщину> в теперешней моей уединенной и однообразной жизни. Вместе с тем подстрекала меня к труду и самонадеянная мысль, что, быть может, набрасывая свои воспоминания, я доставляю <заготавливаю> материал для будущего историка, который скажет мне спасибо за то, что я пояснил ему тот или другой факт теперешней <пережитой> эпохи, помог ему обрисовать ту или другую личность. Вот эта мысль и поддерживает мою бодрость, дает мне

обыкновенно была обедня, съезд моряков, местного начальства и некоторых случайных лиц; завтрак с музыкой. Потом проехал я в Ялту, где дождался прихода одесского парохода, чтобы встретить сына*. Ялта переполнена приезжими из всех углов России**, большое оживление и суета.

15-го сентября. Понедельник. — На прошлой неделе приехала на южный берег великая княгиня Екатерина Михайловна с дочерью и младшим сыном¹⁸³; она поселилась в Ай-Тодоре — имени великого князя Михаила Николаевича и намерена провести здесь недели три или четыре. В субботу приехал ко мне молодой принц, а сегодня я ездил в Ай-Тодор в парадной форме. Великая княгиня была любезна и разговорчива.

Дом наш оживился приездом князя Николая Владимировича Шаховского и графа Дмитрия Федоровича Гейдена***. Оба намерены погостить у нас некоторое время.

17-го сентября. Среда. — Великая княгиня Екатерина Михайловна с дочерью удостоили нас своим посещением.

силу продолжать работу и служит как бы оправданием моего труда <как бы указанием цели труда>.

Теперь, когда работа эта доведена благополучно до конца, уже возникает в голове вопрос: что ж буду я делать завтра, послезавтра и так далее? Начинают бродить новые затеи, хотелось бы предпринять разные <новые> работы, — как будто забываю, что мне уже стукнуло 70 лет, что я вступил в восьмой десяток жизни <лет>. Во всяком случае, на первое время у меня есть занятие: надобно еще кое-что привести в порядок в оконченной работе; не худо теперь пересмотреть мой дневник за первые годы, который писал наскоро. <Дневник мой писал наскоро>, второпях, чаще всего перед сном <по ночам>, когда, утомленный дневною работой и суетой, я урывал несколько минут от сна. Я не имел времени перечитывать написанное и потому имею повод опасаться, что дневник мой испещрен описками, недомолвками, нескладными фразами, промахами; а между тем я смею думать, что в этом дневнике найдется еще более материала, пригодного для будущего историка, чем в написанных теперь <opus coup> «воспоминаниях».

Еще есть в виду одна работа: профессор московский Иванюков собирается писать биографию моего покойного брата Николая и просит у меня материалов: я отвечал ему, что у меня нет ничего, кроме небольшого числа писем его, большую часть совершенно семейного характера. Тем не менее, если намерение Иванюкова состоится, я полагаю, согласно данному ему обещанию, заняться пересмотром означенных писем и выпискою из них всего, что может пригодиться для биографии брата.

* Вместе с ним возвратился домой уже поздно вечером к 10 часам.

** много знакомых.

*** первый приехал вчера, а второй сегодня.

25-го сентября. Четверг. — Посетил меня великий князь Константин Николаевич с новым управляющим Ориандою Лукашевичем.

У меня сегодня был московский профессор Иванюков. Намереваясь писать биографию моего покойного брата Николая¹⁸⁴ и пользуясь своим пребыванием в Алушке, он обратился ко мне с расспросами и с просьбою о доставлении ему материалов для предположенной работы.

26-го сентября. Пятница. — Почти весь день провел в Ялте, чтобы отдать визиты некоторым посетившим меня приезжим, в том числе генералу Радецкому. Утром, по пути, заехал к великой княгине Екатерине Михайловне.

1-го октября. Среда. — Совершенно неожиданное приглашение* от высочайшего имени в Петербург на торжество, имеющее быть 12-го октября, по случаю открытия памятника войны 1877—1878 годов¹⁸⁵. Остается такой короткий срок, что надобно выехать неотлагательно, не позже воскресения. Отклонить такое приглашение считаю невозможным после того милостивого внимания**, которое было мне оказано во время пребывания Их Величеств в Ливадии в прошлую весну. Тяжело, но делать нечего; il faut s'exécuter*** — как выражаются французы. Надежда, которую я лелеял, — что никогда более не увижу Петербурга****, — не осуществится.

4-го октября. Суббота. — Вчера ездил проститься с великою княгиней Екатериной Михайловной, а сегодня с великим князем Константином Николаевичем. Все приготовления к отъезду окончены, и чемодан уложен. Завтра рано утром выезжаю в Ялту, к отходу парохода, с племянницей Анной Евгениевной Понсэ.

8-го октября. Среда. Петербург. — Глазам не верится, что попал сюда наяву, а не во сне.

Путешествие свое совершил вполне благополучно и со всеми удобствами****. В Севастополе расстался с племянницей, продолжавшей путь на пароходе в Одессу; успел я сделать визиты корпусному командиру генералу Аллеру, городскому голове Еранцеву и

* Первоначально: «Совершенно неожиданный и неприятный сюрприз: получил от военного министра письмо с приглашением от высочайшего имени в Петербург».

** после такого милостивого и любезного обхождения.

*** Необходимо покориться (фр.).

**** рассеялась, как облако.

***** На море (в воскресенье) качка была несильная.

градона начальнику адмиралу Кумани. Из Севастополя выехал с курьерским поездом*. На симферопольской станции встретил меня сын; это был первый день тамошних скачек. В поезде ехали семейства Зурова и графа Игнатьева, барон Корф (вновь назначенный генерал-губернатором приамурским)** и некоторые другие знакомые. В Москве на станции встретили меня Федор Константинович Гершельман и Горбуновы; первый сопровождал меня до Твери***. Еще под Москвой застал я ненастную погоду****; а в Петербург выехал под сильным дождем со снегом. Первое впечатление грустное — как и следовало ожидать*****.

В Петербурге поместился я в квартире сына в Машковом переулке.

С 2 часов до 9 вечера был в непрерывных разъездах: записался у военного министра, навестил многих из близких знакомых и провел вечер у Лаврентьевых*****.

9-го октября. Четверг. — Опять провел целый день в разъездах. Утром объехал членов императорской фамилии; но видел только великого князя Николая Николаевича, с которым имел довольно продолжительный разговор; все прочие в отсутствие или не принимали. Пред обедом съехалось ко мне разом несколько посетителей. Длинная беседа с Алексеем Николаевичем Толстым, который живет на одной со мною лестнице. Он намеревается писать дополнение к биографии графа Павла Дмитриевича Киселева, что и было главным предметом нашей беседы. Обедал у Александра Аггеевича Абазы и оставался у него до позднего вечера.

* в 5 1/2 вечера.

** Сизов с женой

*** На Николаевской жел<езной> дороге дали мне купе вместе с бароном Корфом.

**** моросил дождичек, везде слякоть.

***** мрачное, унылое, грустное

***** *От слов «в Машковом переулке»:* «Заехал к Гершельманам, надеясь увидеть внуков своих, но оказалось, что все они еще не возвратились из деревни. Посетил Веру Аггеевну Абазу, Александра Аггеевича, Юлию Фед[оровну] Абазу, графиню Гейден, А.В. Головнина, которого, к сожалению, не застал; обедал в ресторане (Hottel de <?>) с молодым Олсуфьевым (Дмитрием Адамовичем), только что поступившем юнкером в гвардейскую артиллерию, закончил день у Лаврентьевых <и заехал к Головнину, но не застал его дома>. Вот уже в полном смысле слова, une journée bien remplie, как говорят французы [хорошо проведенный день (*фр.*)]. Устал с дороги, пора отдыхать».

10-го октября. Пятница. — Сегодня — приемный день у Их Величеств. Утром отправился я в Гатчину, представился Государю, императрице, наследнику цесаревичу, а на возвратном пути от Гатчины до станции Александровской ехал в вагоне с великою княгиней Александрой Иосифовной. Императрица и великая княгиня были очень любезны со мной; Государь, несмотря на множество представлявшихся* лиц, посадил меня и беседовал около четверти часа. После обычных вопросов о Крыме, о семье моей, о погоде Его Величество заговорил о положении дел в Болгарии. Признавая это положение весьма прискорбным, Государь однако же не тревожится, смотрит спокойно на будущее и твердо решился воздержаться от всяких военных предприятий. Была также речь о Приморской области и нашем положении в отношении Китая, по поводу приезда барона Корфа и поездки в Тихий океан адмирала Шестакова. По мнению Государя, теперь наши военные силы в Приморской области достаточны; но признается нужным усилить наши морские силы. Вообще Государь принял меня милостиво и два раза выразил свое удовольствие видеть меня в Петербурге.

По возвращении домой я нашел у себя множество визитных карточек; придется отдавать визиты бесчисленным лицам; не знаю, как справлюсь. Барон Жомини застал меня дома и просидел у меня с полчаса. Его взгляд на положение наших дел политических более пессимистичный, чем у Государя.

Отобедав у Лаврентьевых, вечер провел в Русской опере. Давали «Руслана и Людмилу»¹⁸⁶; театр был полон, так что я мог попасть только благодаря протекции Василия Савича Абазы, доставшего мне директорское кресло. Появление мое в театре обратило на себя внимание среди публики; для многих оно было совершенною неожиданностью.

11-го октября. Суббота. — Опять целый день в разъездах: продолжал свои визиты все утро и даже отчасти вечером; обедал у молодой четы Саловых. Посетив Константина Ивановича Гершельмана, увидел в первый раз своих двух внуков — сына и дочь покойной моей Лели; первому уже 6-й год, второй — скоро минет 4 года; оба очень милы^{**187}.

12-го октября. Воскресение. — Сегодня утром происходило торжество открытия памятника, сооруженного на площади пред

* сегодня

** Кроме визитов я успел сегодня выполнить почти все поручения, данные мне в Симеисе, т. е. разные покупки и заказы.

*Великий князь
Владимир Александрович*

Троицким собором, в память подвигов, выказанных гвардиею в последнюю войну¹⁸⁸. Погода была довольно благоприятная: не слишком холодная, хотя и пасмурная. Церемония совершилась в полном порядке; но на всех лицах присутствовавших так же, как и в толпе народа, замечалось какое-то холодное равнодушие; ни тени одушевления, живого участия. После церемонии происходило угощение офицеров и солдат от города; а в 6 часов дан был парадный обед в залах Эрмитажа на 900 приглашенных. Государь и императрица удостоили меня несколькими милостивыми словами; но мне не представилось случая* тут же откланяться Их Величествам. Только позже, уже вечером, приехал ко мне генерал-адъютант Рихтер с объявлением мне высочайшего разрешения возвратиться в Крым, когда пожелаю, без вторичной поездки в Гатчину**.

* завести речь о моем отъезде из Петербурга.

** т. е. не откланиваясь.

В промежутке между парадом и обедом расписался я у приехавших только вчера великих князей: Михаила Николаевича, Сергея и Павла Александровичей, а также у Владимира Александровича. В числе посетивших меня сегодня лиц приезжала княгиня Елизавета Павловна Витгенштейн (бывшая Эйлер). Вечер провел у Константина Карловича Грота.

13-го октября. Понедельник. — Утром был у великого князя Михаила Николаевича с поздравлением по случаю дня его рождения. Заехал к военному министру. Затем продолжал свои визиты*. Обедал у А.В. Головнина с некоторыми из общих наших приятелей (К.К. Грот, П.П. Семенов, Н.Х. Бунге, Любошинский, Стояновский, Шумахер). Вечер закончил у княгини Елиз[аветы] Павл[овны] Витгенштейн с Ал[ександром] Ив[ановичем] Лаврентьевым**.

14-го октября. Вторник. — По просьбе художника Дмитриева-Оренбургского я должен был сегодня позировать у него в мастерской для заказанной ему Государем картины, изображающей представление покойному императору Александру Николаевичу Осман-паши по сдаче Плевны. Потом делал опять визиты. Заехав пред обедом домой, удостоен был посещением великого князя Михаила Николаевича; потом посетил меня Серг[ей] Петр[ович] Боткин. Некоторые из бывших моих сослуживцев по Военному министерству чествовали меня обедом в одном из ресторанов; распорядителями обеда были генерал Мордвинов и Семека; участвовали: граф А.В. Адлерберг, В.Д. Философов, М.П. Кауфман, Н.Н. Скворцов, П.К. Волков, А.И. Лаврентьев и К.И. Гершельман.

Вечер провел я у графини Тизенгаузен в многочисленном дамском обществе***.

15-го октября. Среда. — Последние прощальные визиты****; вторично видел своих внуков Гершельман. Заехал я между прочим к посетившему меня вчера послу нашему в Берлине графу Павлу Андреевичу Шувалову; в беседе нашей естественно косну-

* визиты: продолжительная беседа <переговорил> с Ал[...?] Ст[...?] Гур[...?] о наших делах; посетил свою невестку, вдову покойного брата Бориса; прочих никого не застал дома.

** Получил письма от Оли.

*** Получил письма от Нади и Лизы.

**** Первый <самый ранний> мой визит в 10-м часу утра к двум юным барышням, которых чуть не застал в постели: племянницы моей Полторацкой и ее подруги; вторично видел своих внуков Гершельман, привез им игрушек, простился с добродушными Лаврентьевыми, с племянницей Саловой, с графиней Еленой Сергеевной Сумароковой-Эльстон.

лись мы нашего политического положения вообще и болгарских дел в особенности. Граф Шувалов видит их не в розовом цвете; но защищает образ действий Бисмарка в отношении к нам. Разговор наш был прерван входом бывшего нашего посла в Берлине Убри.

Возвратившись домой, зашел к своему соседу Алексею Николаевичу Толстому, который снова рассказывал мне разные черты характера графа П.Д. Киселева, при котором он состоял в Париже.

Обедал у Н.К. Гирса запросто, с А.В. Головниным, князем Дм[итрием] А[лександровичем] Оболенским* и графом Ламсдорфом. Политики коснулись мы только в последнюю минуту: говорили о выборе кандидата в князя Болгарии. Уже вчера я слышал о кандидатуре князя Мингрельского, зятя графа Адлерберга. Гирс не одобряет этой кандидатуры, поддерживаемой самим Государем**¹⁸⁹. Мне кажется, что более неудачного кандидата трудно найти.

16-го октября. Четверг. — Утром сделал еще несколько дополнительных визитов, а затем занялся приготовлениями к отъезду. Завтра еду в Ревель***, дня на два навестить дочь Шаховскую.

19-го октября. Воскресение. Ревель. — В прошлую пятницу выехал утром из Петербурга, а в 10 1/2 часов вечера был уже в Ревеле. На станции железной дороги встретил меня зять князь Сергей Владимирович Шаховской, тамошний губернатор; дочь по нездоровью ожидала меня у себя в доме****. На другой день, в субботу утром, мы с князем Сергеем прошли пешком по городу в помещение «Черноголового братства»¹⁹⁰, где нам показывали разные достопримечательности, как то старинные кубки (XVII и XVIII столетий), папские буллы (с XIV столетия), старинные портреты, иконы и картины. Затем ездил с дочерью в открытом экипаже за город, в Екатериненталь, несмотря на серую, осеннюю погоду*****.

Сегодня рано утром я сделал пешком прогулку по городу; погода еще хуже вчерашней: моросит и ничего не видно вдаль. По случаю воскресного дня, у дочери не прекращался съезд гостей; тут я

* Так в тексте. Видимо, речь идет о Ю.А. Оболенском.

** предпочел бы Лорис-Меликова.

*** в 9 1/2 утра

**** и, разумеется, весьма была обрадована моим приездом.

***** Оставшуюся часть дня провел я дома вдвоем с дочерью; муж ее был занят до поздней ночи служебными делами по поводу открытых пред тем злоупотреблений и растрат в некоторых из управлений губернии.

Ревель

имел случай познакомиться с русскою колониєю в Ревеле*. Вечер провели в Немецком театре.

22-го октября. Среда. — Вместо предположенных двух дней пробыл я в Ревеле целых пять; дочь не хотела отпустить меня ранее нынешнего дня. Ежедневно я ходил пешком по утрам, потом катался с дочерью в открытом экипаже; а вчера вечером был вторично в театре. Выезжаю сегодня вечером.

28-го октября. Вторник. Симеис. — Вот я снова в своем уединенном пристанище, вдали от всяких житейских треволнений. Внезапно предпринятая поездка моя оставила по себе такое впечатление, как после виденного продолжительного сна. Несметное множество встреченных лиц, разнообразие промелькнувших мимо глаз предметов и местностей — составляют поразительный контраст с невозмутимым спокойствием и однообразием здешней моей жизни. Глубоко радуюсь возвращению восвосяи.

Выехав из Ревеля 22-го октября в 10 часов вечера, я прибыл на следующее утро в Петербург и, в ожидании вечернего поезда Николаевской железной дороги, заехал в квартиру сына. Но мне

* то есть с близкими лицами из подчиненных моего зятя <губернатора>.

не довелось повидаться с ним: как назло, он был в этот самый день на дежурстве в Гатчине. Я воспользовался свободным временем, чтобы навестить некоторых из близких лиц, в том числе только что приехавшего из-за границы генерала Обручева; провел у него с час времени в беседе глаз на глаз. Он сообщил мне интересные сведения относительно принимаемых в Военном министерстве секретных мер на случай войны и соображения относительно направления нашей политики по восточному вопросу*. В соображениях этих я нахожу некоторую дозу оптимизма и иллюзий. Все еще преобладает надежда на возможность** соглашения с Портой относительно совместного русско-турецкого занятия проливов; на такой случай разработан уже подробный план десанта и оборонительной позиции на Босфоре***. Однако ж, по мнению самого генерала Обручева, нам нужно еще по крайней мере года два мира, чтобы довести наши военные силы до желанной готовности к войне.

Выехав**** вечером из Петербурга, я на следующее утро, в 9 часов, вышел из поезда на станции Подсолнечной, где ожидал меня экипаж, высланный Олсуфьевыми. Около 11 часов утра я был уже в Никольском (25 верст от Подсолнечной). Здесь я пробыл до 4-х часов следующего дня; любезные хозяева приняли меня с обычным своим радушием; показывали мне свое поместье, хозяйство, школу, лесоводство и т. д. Вечером 25-го числа (в субботу) возвратившись в Подсолнечную, сел я на поезд, приходящий в Москву в 11 часов ночи; переночевал в гостинице «Дрезден»; на другой день утром (26-го, воскресенье) посетил в Новодевичьем монастыре могилы дорогих моих дочерей и матери; заехал к Горбуновым и княгине А.П. Шаховской, а в половине первого часа уже выехал из Москвы на «скором» поезде. Сегодня утром благополучно прибыл в Севастополь****, а в 8 часов вечера был уже дома.

Здесь нашел я приехавшего на короткое время зятя моего Федора Константиновича Гершельмана*****.

* Хотя в общих основных чертах соображения эти кажутся мне дельными, благоразумными, однако ж в частности нахожу некоторую дозу оптимизма и иллюзий.

** при известных благоприятных обстоятельствах

*** Все эти планы, разумеется, готовились лишь *на случай*.

**** в 8 1/2 часов

***** рассчитывал продолжать путь на пароходе до Ялты. Но срочный пароход почему-то запоздал, и потому я доехал до Симеиса на почтовых лошадях.

***** Всех своих застал здоровыми.

30-го октября. Четверг. — Сегодня утром уехал гостивший у нас князь Николай Владимирович Шаховской*.

31-го октября. Пятница. — **Ездил утром в Орианду, чтобы лично вручить великому князю Константину Николаевичу посылку от А.В. Головнина. Главным предметом нашего разговора было, конечно, положение дел в Петербурге.

4-го ноября. Вторник. — Горестное известие из Петербурга — о кончине Александра Васильевича Головнина, вследствие удара, случившегося 2-го числа. Для меня — это потеря очень чувствительная. Головнин был с молодых лет в*** приятельских со мной отношениях, а в последнее время самым постоянным, усердным моим корреспондентом. Один он оставался в непрерывных со мною сношениях и всегда выказывал мне дружеское сочувствие****. Не меньшая***** потеря и для великого князя Константина Николаевича, которому А.В. Головнин был предан всею душой*****. В свое время он имел большое влияние на деятельность***** Его Высочества как по Морскому министерству, так и***** в общих делах государственных. За то и навлек он на себя ненависть и ожесточенные нападки со стороны всей сволочи, враждебной реформам прошлого царствования. Презренный издатель «Гражданина»¹⁹¹

* Дочь моя Оля воспользовалась этим случаем, чтобы доехать до Мшатки и навестить вдову покойного Н.Я. Данилевского.

Какая поразительная разница в местной природе: там на севере давно уже глубокая осень; солнце не показывается; воды покрыты льдом, и дети катаются на коньках; деревья торчат, как черные прутья. Здесь все еще зелено; солнце нагревает воздух днем до 28 и 30° Реомюра, хотя ночью температура спускается ниже 8°.

Несмотря на такую перемену к лучшему в обстановке, я уже успел здесь схватить грипп. Во все время своих странствований при серой, пасмурной и холодной погоде я постоянно чувствовал себя совершенно здоровым, тогда как в первый же день моего пребывания под здешним благодатным солнцем — схватил несносный грипп. Несмотря на то, сегодня же сделал обычную прогулку с большим удовольствием. Какая разница с теми прогулками, которые так недавно еще делал в Ревеле!

** Несмотря на свой грипп

*** близких

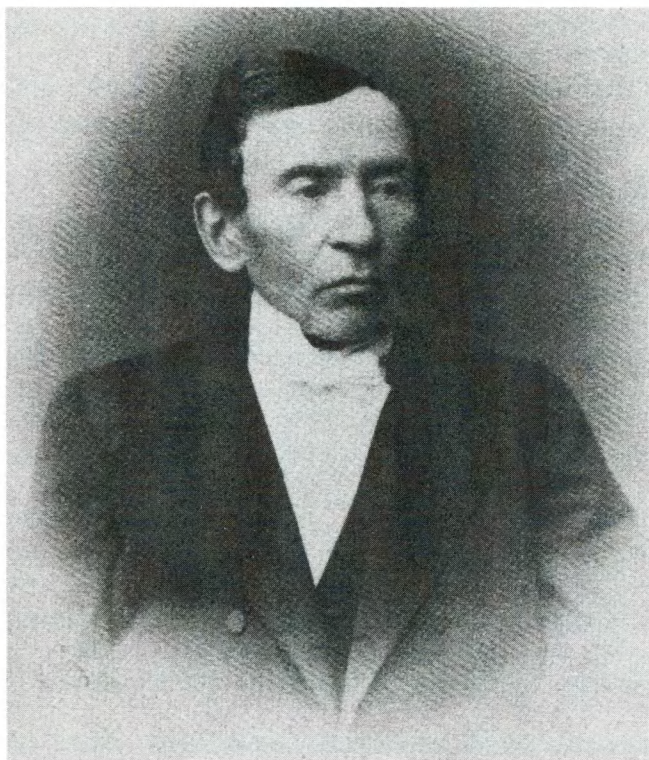
**** дружескую преданность.

***** Еще большая

***** Алексан[др] Вас[ильевич] Головнин был в своем роде человек редкий, в полной мере достойный уважения.

***** великого князя Константина Николаевича

***** потом

А.В. Головнин

окрестил Головнина нелепым прозвищем: «роковой старик», в то время, когда почтенный Александр Васильевич уже совершенно устранился от государственной деятельности и вел жизнь вполне замкнутую, в тяжелой борьбе с болезнями и страданиями.

До последних дней своих Александр Васильевич много занимался, много читал, много знал, вел чрезвычайно обширную переписку со множеством лиц. Полагаю, что он оставил весьма любопытные мемуары. Увидят ли они когда-нибудь свет?¹⁹²

Первые известия о кончине моего друга сообщила мне добрейшая графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон. Две телеграммы ее от вчерашнего дня были принесены мне часов в 10 утра; а позже, после обеда, великий князь Константин Николаевич прислал мне полученные им телеграммы, подписанные врачами: Здекауером и Ланге, которые сообщают более точные сведения о случившемся смертельном поражении.

11-го ноября. Вторник. — Ездил в Орианду навестить великого князя Константина Николаевича. Поделились скорбью о покойном Александре Васильевиче Головнине.

28-го ноября. Пятница. — Сегодня девятая годовщина взятия Плевны. По заведенному обычаю обменялся телеграммами с графом А.В. Адлербергом*. Великий князь Константин Николаевич был так любезен, что выбрал именно этот день для посещения меня.

Давно не заглядывал в свой дневник. Жизнь моя течет** так однообразно, что нечего было записывать. Занимался я во все это время разборкою бумаг графа П[авла] Дм[итриевича] Киселева; а теперь эта работа прервана на время рассмотрением присланного мне Военным министерством проекта нового Положения о полевом управлении армией в военное время¹⁹³. Окончив рассмотрение его, занимаюсь теперь редактированием своих замечаний.

5-го декабря. Пятница. — Заупокойная обедня и панихида в алупской церкви в годовщину кончины бедной моей Лели.

Отправил длинное письмо к генералу Ванновскому с замечаниями на присланный мне проект Положения о полевом управлении армии.

В прошлую субботу посетили нас Чичерины и Василий Аркадьевич Кочубей, а в воскресенье — полковник Плец привез к нам князя Льва Голицына — крымского садовладельца, специалиста по части виноделия.

12-го декабря. Пятница. — Был в Орианде у великого князя Константина Николаевича и оттуда проехал в Ялту***.

Погода стоит превосходная; среди дня даже жарко. Вчера мы с дочерью Надей совершили дальнюю и очень приятную прогулку на горы****.

20-го декабря. Суббота. — Крайне удивлен неожиданным извещением от председателя Ялтинской земской управы о том, что еще 16-го сентября я был избран единогласно земским собранием в почетные мировые судьи. Благодарил за оказанный почет****¹⁹⁴.

* и в точности исполнил данное ему обещание — выкурил папиросу.

** слишком

*** где отдал несколько визитов (Чичерины, Кочубей, барон Врангель).

**** На высоте 700 ме<тров> — 2300 <..?> было так жарко, что я должен был сбросить с себя легкую «тужурку», в которой обыкновенно гуляю, и остался в одном фланелевом жилете. Сегодня же в Ялте густой туман.

***** как ни почетно подобное <как ни ценю такое> внимание земства, однако ж в мои планы вовсе не входит принять на себя какие-либо обязанности по земству <смотрю на его избрание исключительно как на почет>.

31-го декабря. Среда. — Был в Орианде, чтобы пожелать великому князю счастливого года*. Беседа наша** вращалась*** преимущественно на вопросах современного политического положения****. Расстались мы с обоюдным пожеланием, чтобы наступающий год***** был счастливее***** истекшего.

* По обыкновению он был очень любезен.

** продолжалась часа полтора

*** на этот раз

**** Во взглядах и суждениях Его Высочества заметил я некоторую склонность к оптимизму.

***** по крайней мере

***** для нас

1887-й год

10-го января. Суббота. — С началом нового года резкая перемена погоды: после весьма теплых дней наступили холода; на море сильная буря. Жена и дочь Надя, собравшиеся было выехать 4-го числа в Бессарабию, должны были отложить выезд на целую неделю. Они выехали сегодня, сухопутно, кружным путем, чрез Харьков и Кременчуг*.

25-го января. Воскресение. — Великий князь Константин Николаевич пред отъездом своим в Петербург (на короткое время) захал ко мне проститься. Он озабочен мерами предохранения виноградников от распространения филлоксеры**.

* *От слова «сухопутно»:* «им предстоит совершить дальнейшее путешествие по железным дорогам, чрез Харьков и Кременчуг, несмотря на слухи о заносах и метелях. Я же должен был сегодня же съездить в Ялту для приискания прислуги <по домашним делам>. Частая перемена прислуги и неудовлетворительность ее составляют существенное затруднение жизни в здешней глуши. В Ялте виделся с Чичеринами и Кочубеями. Не худо хоть изредка, как говорится, отвести душу беседою с развитыми и умными людьми. На днях подвергся я дерзкой мистификации со стороны одного негодяя — к сожалению, родственника: сына двоюродного моего брата Владимира Полторацкого, проживающего в Алуште. Этот молодой мошенник прошел уже через всякие мытарства, сидел подолгу в тюрьме за воровства и плутовства. Теперь же он явился ко мне под видом лакея <слуги> из гостиницы Алушты с подложным письмом, в котором извещали меня о внезапной кончине двоюродного моего брата, тяжелой болезни его жены <вдовы> и совершенном недостатке денежных средств на погребение. Я послал в пособие 100 рублей. На другой же день получаю письмо за подписью самого плута, объявившего с цинизмом, что он надул меня, что он сам приходил под видом слуги и выманил у меня деньги ложным известием о смерти отца, который благополучно здравствует и поныне. Вот <мерзавец>!».

** На южном берегу.

Продолжаю разборку бумаг графа П.Д. Киселева. Работа <кропотливая> и медленная, потому <главная тому причина состоит в том> что большую часть письма перемешаны и без обозначения числа, месяца и года. Приходится подбирать по догадке, соображаясь с содержанием каждого письма, — что не всегда бывает возможно. Не говоря уже о почерке давних времен.

19-го февраля. Четверг. — Сегодня закончил я работу, над которою провел более трех месяцев — разборку бумаг покойного моего дяди графа Павла Дмитриевича Киселева. По завещанию его, я наследовал, вместе с его библиотекой, и домашний его архив, в котором накопилась значительная масса бумаг и в особенности писем, так как он* сохранял всю свою переписку, не исключая и мелких, ничтожных записочек, которыми обменивался ежедневно с многочисленными своими знакомыми и приятелями. В кипе этих разнообразных писем была не малая доля дамских записочек; при иных сохранялись и черновые его ответы, отличавшиеся всегда** изяществом и изысканною любезностию. Большая часть этих цидул, конечно, на французском языке, которым Павел Дмитриевич владел в совершенстве, хотя и не строго соблюдал установленную орфографию. Впрочем, это было свойственно всему светскому обществу его времени: в первые два, три десятка лет нынешнего столетия никто почти в русском высшем обществе не умел писать по-русски; все говорили и писали исключительно по-французски, и многие писали*** хорошо, тогда как на своем родном языке писали так, как теперь пишут полуграмотные лавочники.

Бумаги моего дяди были вскоре после его смерти переданы мною покойному Андрею Парфеновичу Заблоцкому, который воспользовался ими как материалом для составления жизнеописания графа Киселева. По окончании этой работы я просил Заблоцкого рассортировать прошедшую чрез его руки массу бумаг и писем, дабы определить, что заслуживает хранения в архивах государственных, что должно оставаться в семье, и что затем следует уничтожить****. К сожалению, Заблоцкому не было суждено исполнить эту работу. Едва книга его была отпечатана и поступила в продажу, в конце 1881 года, как внезапная смерть пресекла жизнь труженика. Тогда я обратился к зятю его Петру Петровичу Семенову: несмотря на свои обширные занятия служебные и научные, он принял на себя***** разборку оставшихся у покойного его тестя киселевских бумаг. Работа эта тянулась очень долго; я уже потерял было и надежду когда-либо привести в известность завещанный мне дядею архив и дать хранившимся бумагам то или другое назначение. Несколько раз напоминал об этом деле Петру Петровичу, прибегал и к посредству покойного Александра Васильевича Головни-

* имел обычай сохранять

** необыкновенным <замечательным> изяществом

*** весьма

**** как бесполезный хлам.

***** обязанность разобрать

на¹⁹⁵. Только в исходе 1885 года* получил я, наконец, от П.П. Семенова перечень разобранных бумаг с распределением их на семь отделов и с предположениями его о том, как поступить относительно каждого отдела. Все, что имело характер официальный, как по военной службе (по делам 2-й армии и войне 1828—1829 гг.), так и по управлению Княжествами Дунайскими и по ведомству государственных имуществ, предположено было передать в архивы подлежащих министерств**, на что я вполне соглашался и что было вслед за тем приведено в исполнение. Один из отделов, к которому отнесены были бумаги и счета по управлению имениями Потоцких***, решено было уничтожить. Отнесенные к двум другим отделам (IV и V) письма и бумаги, имевшие характер семейный, интимный, а также дневник, который граф Киселев вел во все время своего пребывания в Париже (в виде продолговатых книжек) — признаны были достоянием семейным. К двум последним отделам (VI и VII) отнесены были переписка с разными деловыми лицами и, наконец, бумаги, случайно сохранившиеся в архиве графа Киселева, не имевшие отношения к его личности и деятельности. Из этих двух отделов П.П. Семенов предполагал большую часть передать в редакцию «Русской старины»¹⁹⁶ (т. е. М.И. Семеvскому), в том соображении, что в этом материале, хотя и исчерпанном уже Заблoцким для составления его книги, все-таки найдется еще немало интересных данных для биографии разных исторических лиц, с которыми граф Киселев был в сношениях. На последнее это предположение я не считал возможным согласиться. При всем уважении к изданию «Русской старины», я нахожу, что редакция этого издания (также как и редакции других подобных сборников исторических) не отличается строгою разборчивостью, печатая все, что попадает в ее руки. Поэтому просил П.П. Семенова**** все отнесенное им к четырем отделам (IV, V, VI, VII) упаковать и прислать ко мне в Крым. Так и было исполнено: в августе прошлого года доставлены были мне два большие ящика, наполненные массой бумаг и писем*****. Один из ящиков оказался разбитым в дороге, так что по снятии рогожной оболочки часть бумаг вывалилась. С первого же взгляда я увидел, что***** мне придется снова приняться

* Наконец моя жена, ездившая в то время в Петербург, привезла мне от П.П. Семенова ведомость — поверхностный перечень разобранных бумаг.

** Военного и Государственных имуществ

*** с общего согласия

**** не передавать ничего в означенную редакцию

***** сложенных без разбора и порядочно <довольно> перемешанных.

***** в таком виде нельзя оставить на хранение эту массу бумаг и что мне самому придется

за кропотливый труд разборки и сортировки этих бумаг. К тому же времени приходила к концу работа моя над составлением «моих воспоминаний»; но неожиданная моя поездка в Петербург* не позволила мне приступить к новому занятию ранее ноября прошлого года. По возвращении из Петербурга занялся я прилежно разборкою сваленных кучею в двух ящиках бумаг. Оказалось, что работа предстояла нелегкая**, письма и бумаги были так перемешаны, что надобно было вновь рассортировать их и подобрать в хронологическом порядке; но так как на большей части писем, особенно дамских, не было выставлено ни числа, ни года, то приходилось распределять их по соображению с содержанием, а для этого перечитывать всю массу этих писем; при неразборчивости почерка и безобразной орфографии труд был довольно тяжелый. Многое из прочитанного оказывалось*** вовсе не заслуживающим хранения; но я не считал себя вправе обрекать на уничтожение какую-либо часть бумаг без внимательного пересмотра содержания их, зная по опыту, что для историка может иногда пригодиться и даже сможет быть ценным материалом какой-нибудь мелкий клочок, кажущийся с первого взгляда ничтожным. Поэтому я предпочел сберечь даже излишний, может быть, и не стоящий внимания хлам, чем истребить что-нибудь, о чем впоследствии пришлось бы пожалеть****. Всем обреченным на уничтожение бумагам составлена мною особая опись*****197. Затем оставленная у меня на хранение часть архива моего

* по случаю торжества открытия памятника войны 1877—1878 гг.

** Первоначально: «Хотя обширная переписка, которую вел граф Киселев в продолжение <около> 60 лет своей жизни, хотя уже была предваритель-но разобрана и распределена по личностям, которым были письма, однако ж распределение это оказалось не совсем тщательным, многое было перемешано, и, главное, не было подобрано в хронологическом порядке, но так как на большей части писем, особенно дамских, не было выставлено года, и потому, чтобы подобрать письма в хронологическом порядке, необходимо было просматривать их и решать вопрос о хронологии по догадке».

*** не только нисколько не занимательным, но даже вовсе пустым, бессодержательным и не заслуживающим хранения; не перечитывая же таких писем, нельзя было и уничтожить их.

**** С этою целью я в некоторых случаях отбирал <иногда> из большой кипы писем бессодержательных некоторую часть таких, которые могли <казались мне> сколько-нибудь заслуживающими сбережения.

***** в дополнение к описи оставленным на хранение бумагам. Из массы мелких писем и записочек, которыми покойный дядя мой ежедневно обменивался с своими знакомыми, в том числе со многими дамами, я сохранил лишь те, при которых оказались черновые ответы его. Таким образом, смею думать, что и за передачу значительной части киселевских бумаг в государственные архивы и за отброскою многого, признанного не заслуживающим сбережения.

дяди* , как полагаю, может послужить нелишним материалом для будущего историка, который вздумал бы когда-нибудь дополнить труд А.П. Заблоцкого более живою обрисовкою современных графу Киселеву деятелей и русского общества. Вот с этой-то точки зрения и кажется мне, что я не бесполезно потратил последние три месяца, исполнив добросовестно и тщательно труд в память замечательного человека, завещавшего мне свой архив.

Теперь замышляю приступить к новой работе — к изложению моих воспоминаний за старое время, предшествующее 1861-му году, с которого начинаются составленные уже записки. Не знаю, удастся ли мне выполнить эту новую задачу при скудости сохранившихся у меня материалов. Попробую.

**** 4-го марта. Среда.** — Жена с дочерью Надей возвратились из Бессарабии***, чрез Одессу морем, выдержав порядочную качку****.

9-го марта. Понедельник. — ***** Несмотря на холодную и бурную погоду, я решился съездить в Орианду и в Ялту. Великий князь Константин Николаевич возвратился 6-го числа из Петербурга, довольный своею поездкой. Он рассказал мне подробности арестования молодых людей, замышлявших 1-го числа новое покушение на жизнь Государя и ввремя захваченных с бывшими при них смертоносными снарядами¹⁹⁹. Великий князь отзывается с одобрением о тепереш-

* составляет ценный материал для будущего историка.

** 4 марта. Среда. — Уже несколько лет получал я по временам из Женевы печатные циркуляры от какой-то «Direction de l'histoire générale des hommes de XIX siècle»¹⁹⁸, вызывавшие меня на сообщение данных для помещения в этом издании моей биографии. До сих пор я <не давал> оставлял все эти приглашения без всякого ответа. Мне как-то претило составление собственной своей биографии, а к тому же циркуляры эти возбуждали во мне некоторое недоверие и опасение попасть в какую-нибудь ловушку аферистов, спекулирующих на людском тщеславии. Однако ж в последнее время при[г]лашения <посланные> одно за другим чрез моего сына (т. е. чрез Петербург) сделались настоятельнее, и в последнем намекалось на то, что статья обо мне будет помещена вскоре, в печатаемом уже 8-м томе издания. Опасаясь появления всякого вранья на мой счет, я решился на этот раз удовлетворить требование редакции и сегодня отправил ей свой curriculum vitae (жизнеописание, — лат.), при письме и с приложением фотографии своей. Посмотрим, что из этого выйдет.

*** на прошлой неделе, во вторник, 24-го февраля. Обратный путь они совершили

**** До сих пор погода была переменчивая, довольно холодная (по ночам даже ниже нуля) и с частыми ветрами. Но со вчерашнего дня стало тепло; сегодня — прекрасная теплая погода.

***** Не долго мы могли хвалить погоду; вчера поднялся сильный северо-западный ветер, от которого дома дрожали, и повалилось несколько деревьев. Сегодня несколько стихло, но холодно; ночью термометр стоял на нуле.

И.А. Вышнеградский

нем устройстве тайной полиции в Петербурге и хвалит нового директора Департамента полиции Дурново, бывшего моряка^{*200}.

В числе новостей была речь о неудачной попытке нового министра финансов Вышнеградского отплатить за оказанную ему Катковым протекцию, представлением доклада о приобретении в казну Катковского лицея за весьма крупную сумму²⁰¹. На докладе этом положена была Государем резолюция в том смысле, что «грустно разочаровываться в мнении о людях»^{**}. По словам великого князя, многие из прежних почитателей Каткова уже отворачиваются от него. Между прочим великий князь Михаил Николаевич высказывает свое него-

* Из рассказов Его Высочества можно заключить, что наше высшее правительство остается твердо в своем намерении воздержаться от вмешательства в дела Балканского полуострова.

Далее текст тщательно вымаран: «что судя [по Гирсу дипломатия наша находится в удручающем настроении].»

** Действительно, это грустно, но вольно же было предаваться очарованию и не уметь правильно судить о человеке.

дование на статьи «Московских ведомостей» за последнее время и перестал читать эту газету, руководившую до сих пор наших консерваторов. Министр внутренних дел граф Дм[итрий] Андр[еевич] Толстой, по словам великого князя, в полном разрыве с Катковым.

В Ялте я навестил княгиню Черкасскую и Чичериных. От них также слышал рассказы о Каткове, об арестованных злоумышленниках, сетования о печальном ходе болгарских дел и прочее.

30-го марта. Понедельник. — Сегодня наш уединенный скит оживился на некоторое время приездом сына из Петербурга; он проведет с нами Страстную и Святую*.

6-го апреля. Понедельник. — Второй день Пасхи. Ездил с сыном в Орианду поздравить великого князя Константина Николаевича; застал его в церкви и потому виделся с ним только несколько минут по окончании обедни.

10-го апреля. Пятница. — Сегодня посетил меня великий князь Константин Николаевич**.

*****25-го апреля. Суббота.** — Ездил я в Орианду; встретил великого князя Константина Николаевича на прогулке, так что не входил даже к нему в дом.

******5-го мая. Вторник.** — Сын уехал в Петербург вместе с дочерью Ольгой, которая проведет несколько времени в Петербурге, в Ревеле и под Москвою у Олсуфьевых. Здесь остались мы втроем с женой и дочерью Надей.

10-го мая. Воскресение. — ***** С наступлением летнего времени появляются приезжие посетители. В пятницу был у нас губернатор Всеволожский, приехавший в Ялту для встречи королевы Сербской Наталии*****, а вчера съехались генерал-майор Ильин (Генерального штаба), известный наш картограф*****, генерал-адъютант М.И. Драгомиров, инженерный генерал-майор Боресков и полковник Гене-

* недели, а затем пробудет недели две в Симферополе по случаю скачек.

Погода по-прежнему холодная; продолжаем топить печи; зелень выпускается медленно, несмотря на частые дожди.

** отдал мой визит.

*** **16 апреля. Четверг.** — Сегодня утром сын уехал в Симферополь на тамошние скачки.

**** **28 апреля. Вторник.** — Ездил в Ялту.

30 апреля. Четверг. — Сын возвратился из Симферополя по окончании скачек.

***** Только сегодня утром получил первую телеграмму от Оли из Москвы, с извещением, что она едет к Олсуфьевым в Никольское.

***** (рожденной Кешко)

***** и издатель, а потом

рального штаба Протопопов. Последние трое составляют комиссию, командированную для устройства минной части в портах Черного моря. Протопопов состоит в должности военного агента в Афинах, долго занимался изучением Босфора и Дарданелл. Для меня было весьма интересно узнать от этих господ кое-что относительно настоящих предположений и мер на случай войны с Англией. Протопопов подтвердил слышанное уже мною от генерал-майора Филиппова мнение, что укрепления, сооружаемые турками в проливах, не остановят прорыва английского флота, даже и в том случае, если б Порта захотела воспретить проход англичанам; но специалисты наши рассчитывают на возможность преграждения им входа в Черное море посредством мин, ныне значительно усовершенствованных. Можно ли положиться на такое средство — вопрос, по моему мнению, проблематичный. Пока нет у нас в Черном море сильного флота*, едва ли можем мы воспрепятствовать вторжению англичан; одними минами можно разве только задержать противника на несколько дней.

22-го мая. Пятница. — Спокойная, однообразная моя жизнь была нарушена на двое суток. На 20-е мая назначен был в Севастополе спуск второго броненосца «Синоп». Управляющий Морским министерством вице-адмирал И.А.** Шестаков пригласил меня на это торжество*** и оказал особенную любезность, прислав за мной военный пароход «Эльборус». 19-го числа, около 3-х часов пополудни, пароход бросил якорь пред самым Симеисом и доставил меня в Севастополь. В тот же вечер я посетил адмиралов Шестакова и Пещурова, находившихся на яхте «Эреклик», а утром 20-го числа они оба приехали ко мне на «Эльборус» также, как и многие другие лица: корпусные командиры генералы Аллер и Рерберг, севастопольский градоначальник Кумани, главный директор Русского общества пароходства и торговли на Черном море Гаевский и**** другие****. В 10 1/2 часов все съехались в собор²⁰² на молебствие по случаю празднования в этот день именин обоих генерал-адмиралов (именины великого князя Константина Николаевича празднуются официально 20-го числа, вместо 21-го). В полдень назначена была самая церемония спуска. Торжество это было обставлено весьма эффектно. Устроенный на воде у самого дока павильон был наполнен дамами, начальством военным и морским и другими почетными лицами; набережные южной бухты кишели народом;

* и не имея на нашей стороне Турции

** Иван Алексеевич

*** великое торжество моряков

**** многие ↴

***** так что едва успел я облечься в парадную форму.

И.А. Шестаков

все суда и береговые постройки разукрашены разноцветными флагами. Адмирал Шестаков настоял, чтобы я, как старший из всех присутствовавших, принял на себя первую роль в церемонии. Все мои отговорки и просьбы остались безуспешными; я должен был, преодолев все свое отвращение от подобных официальных спектаклей, принимать все почести. Обошли сначала новое гигантское сооружение, потом спустились в павильон, и вслед за тем приказано было приступить к спуску. Трудная эта операция исполнена была* совершенно правильно и благополучно. Лишь только колоссальный броненосец нырнул в воду и потом величественно остановился — раздались салюты артиллерии, крики «ура», звуки музыки и начались взаимные поздравления. Некоторые из моряков плакали от умиления²⁰³.

После церемонии спуска я несколько отдохнул на «Эльборусе», а к 3 часам был опять на «Эрекликe», где происходил торжественный обед, с тостами и спичами. Приглашены были, кроме съехавшихся

* хотя наскоро, но зато

на торжество почетных лиц, все командиры судов и все лица, участвовавшие в построике броненосца. Возвратившись на «Эльборус» около 6 часов, я успел в тот же вечер сойти на берег, чтобы отдать визиты генералу Аллеру, адмиралу Попандопуло и генералу Драгомирову*. С наступлением темноты вся бухта и город осветились шкаликами и фонарями; набережные и бульвар были переполнены гуляющими, а в новом морском клубе танцевали до 3-го часа ночи.

В 11 часов вечера адмиралы Шестаков и Пешуров на «Эрекликe» отплыли в Николаев; вслед за тем снялись суда эскадры контр-адмирала Новикова, чтобы идти в Ялту; «Эльборус» тронулся около 4 часов ночи** и в 9 часов утра стал на якорь пред Ялтой; немного спустя вышел я на берег и отправился в Орианду. Здесь по обыкновению собралось довольно много моряков и других лиц из Ялты и окрестностей. Поздравив именинника на пути его в церковь, мы должны были выстоять всю обедню, после которой я пробыл с полчаса у великого князя, а потом вместе с ним пошел к завтраку (или, вернее, обеду), к которому приглашены были все присутствовавшие. В числе их был адъютант сербской королевы, присланный ею с поздравлением и с извинением в том, что по нездоровью не могла сама приехать в Орианду. Великий князь говорил мне о королеве Наталии с большими похвалами; все видевшие ее также восхваляют ее любезность и красоту.

После завтрака возвратился я домой и едва только успел переодеться, как подъехали почти одновременно два экипажа. Приехали генерал Аллер и адмирал Попандопуло***; последний из них старый знакомый моей жены и ее семьи; теперь он совсем в отставке и живет в своем имении на Бельбеке****.

В течение двухдневного моего отсутствия из Симеиса мне пришлось видеть множество лиц, больше чем случается видеть в течение целого года. Как во время севастопольского празднества, так отчасти и на пути из Севастополя до Ялты — общество моряков оживлялось присутствием***** дам. В особенности на «Эрекликe» видное место занимала супруга адмирала Шестакова, родом французенка из Ницы, и сестра ее — девица. Обе были очень милы и держали себя с большим тактом.

* День был очень утомительный. Тем не менее, но я выдержал это испытание очень успешно.

** Я выспался довольно хорошо и, когда проснулся, увидел из окон своей рубки берег нашего Симеиса.

*** Первый пробыл часа два, а последний несколько долее.

**** и живет в достатке. Он показывает к нашей семье большое сочувствие, очень любезен.

***** некоторых

27-го мая. Среда. — Вчера великий князь Константин Николаевич приезжал ко мне с сенатором Марковичем (с которым теперь я только познакомился) и пригласил меня на нынешний день посмотреть привезенную из Венеции мозаику, назначенную для помещения в нише алтаря. Сегодня я был в Орианде и осмотрел подготовленную к постановке на место работу художника Сальвиати*, которого ожидают в Орианду в будущем месяце.

После завтрака** отправился я в Ялту и оттуда в Никитский сад²⁰⁴, с визитом к Базаровым. От них и вместе с ними прошел пешком в Магарач²⁰⁵, навестить Соломона, и возвратился домой уже в 11-м часу вечера. Погода вполне благоприятствовала моей экскурсии.

28-го мая. Четверг. — Утром получил две телеграммы с горестным известием о смерти старого моего друга Ивана Павловича Арапетова, с которым был в самых близких отношениях с детства и который был как бы членом нашей семьи***. Хотя я уже был подготовлен к такому известию последними сведениями о болезни Ивана Павловича, тем не менее тяжелое чувство испытываешь, лишаясь последнего из сверстников — друзей юности. Иван Павлович был человек искренно преданный нашей семье, вообще человек добрый, честный, хотя в то же время казался большим эгоистом и эпикурейцем. В нем замечалось странное**** соединение***** крайностей: резкость на словах, беспощадная строгость в суждениях, безусловность в мнениях — совершенно противоречили его характеру, в существе своем мягкому, податливому. При большой начитанности и знаниях, особенно в области политических и социальных наук, он, однако же, во всю свою жизнь ни к чему не приложил их, не принял никакой ученой или литературной работы.

* *Далее зачеркнуто:* «Меня заинтересовал в особенности вопрос: каким образом мозаичный рисунок, сделанный на плоскости, приложится к сферической поверхности ниши? Отдельные куски мозаики, разложенные присланным мастером (итальянцем) на полу церкви, что картина соображена таким образом, что части ее, хотя и сделанные на плоскости, приурочены именно к данной кривой поверхности, и потому не укладываются в общей своей связи на плоском полу; но все-таки остается недоумение, — какие приемы употребляются художником для того, чтобы, работая на плоскости, рассчитать части рисунка так, чтобы он составлял одно сплошное целое на данной кривой поверхности? Итальянский мастер, конечно, не мог <умел> нам объяснить этого, так же, как и сам Сальвиати, которому великий князь уже прежде сделал этот же вопрос».

** в Орианде

*** более интимным, чем другие самые близкие родственники.

**** непонятное

***** совершенных

Последнюю болезнь его врачи приписывают раку в печени; в телеграмме сказано, что умер он без страданий*.

8-го июня. Понедельник. — По приглашению великого князя Константина Николаевича ездил я в Орианду, чтобы посмотреть, как итальянские мастера укладывают готовые куски мозаики на кривой поверхности церковной ниши и как прицепляют их. По осмотре этой работы великий князь пригласил меня к себе в дом, а потом к завтраку.

14-го июня. Воскресение. — Великий князь Константин Николаевич приезжал со своим адъютантом Рончевским проститься пред отъездом в Петербург. Вместе с тем объявил мне с радостью об окончательной установке мозаики в его церкви и превосходном эффекте, который она производит**.

27-го августа. Четверг. — Совсем забросил свой дневник****. Во все пропущенное время почти не выезжал из Симеиса и мало видел кого-либо из посторонних. Зато значительно подвинулась моя работа: «Воспоминания» мои доведены до 1840 года, т. е. до первой поездки за границу.

Только на последней неделе****, в четверг, поехал я в Орианду, в том предположении, что великий князь Константин Николаевич возвратился уже из Петербурга; оказалось, однако же, что я поторопился: его только еще ожидали. Чтобы выезд мой не остался напрасным, я продолжал путь в Ялту и сделал несколько визитов (в том числе князю Трубецкому в Масандре). В воскресенье же провел весь день в Наташине, у Лаврентьевых, которые пред тем посетили нас в Симеисе*****. Сегодня вторично ездил в Орианду. Великого князя застал в церкви, озабоченным внутреннею отделкою ее; он собственноручно измерял и расчерчивал стены для определения мест мозаичных

* Надобно подождать более обстоятельных сведений в письмах.

** своим точным подражанием старине.

*** **4 июля. Суббота.** — Ездил в Ялту, чтобы совершить у нотариуса доверенность, ежегодно даваемую мною банку. Пользуясь случаем, отдал визиты Василевскому (ревельскому вице-губернатору), на днях приезжавшему ко мне в Симеис, и полковнику Плещу в Ливадии. Остается еще отдать визит в Мисхоре профессору психиатрии Сикорскому, также посетившему меня на прошлой неделе. Он живет с какою-то больною в Мисхоре.

**** не стоит и продолжать его.

***** *Первоначально:* «В последнее время приходилось мне выезжать из своего гнезда несколько раз».

***** и провели у нас целый день.

образов и орнаментов; не желая отрывать его от работы, я даже не вошел к нему в дом*.

6-го сентября. Воскресение. — Вчера ездил я с Надей в «Наташино», проститься с Лаврентьевыми, уезжающими в Петербург.

Сегодня приехал сын из Петербурга.

9-го сентября. Среда. — Был в Орианде, где справлялась обычным порядком годовщина рождения великого князя Константина Николаевича. По этому случаю, как всегда, съехалось много моряков из Севастополя и Николаева и разных лиц: корпусной командир генерал Аллер, губернатор Всеволожский, министр государственных имуществ Островский (из Никиты), член Государственного совета Любошинский (из Урзуфа) и другие**.

10-го сентября. Четверг. — Приехала племянница Елена Милютина.

11-го сентября. Пятница. — Равноденствие проявило свое влияние с примерною исправностию: вчера же вечером поднялся ветер с дождем, а в течение ночи разыгралась настоящая буря; к утру сегодня температура понизилась до 13° Р. (до сих пор постоянно держалась по утрам на 20° и 21°).

17-го сентября. Четверг. — Почти весь день провел с генералом Домонтовичем, который приехал из Петербурга нарочно, чтобы получить от меня сведения и*** материалы для составляемой им, по поручению начальства, истории последней Турецкой войны. Он намерен совсем поселиться на несколько дней в нашем соседстве, в доме Мальцова****. Весьма интересны были его рассказы о болгарских делах за последнее время; он разъяснил многое, что оставалось для меня***** темным.

В прошлый вторник, 15-го числа, приехала из Бессарабии племянница Аня Понсэ*****.

* От слов: «...и орнаментов»: «так что я не смог иметь с ним разговора и даже не вошел к нему в дом, чтобы не помешать его обычному купанью пред завтраком.

Со вчерашнего дня временно поселился у нас садовод Банк (из Мшатики), приглашенный для приведения в порядок нашего винного подвала, вследствие открывшихся злоупотреблений нашего садовника Озолина, которого пришлось удалить».

** В прошлую ночь шел порядочный дождь, первый после продолжительной засухи; но утро было ясное и теплое.

*** замечания

**** и должен завтра туда перебраться из Ялты.

***** неизвестным

***** На приезд старшей дочери Лизы Шаховской перестал рассчитывать по случаю болезни ее.

22-го сентября. Вторник. — Все последние дни занимался исключительно с генералом Домонтовичем. Сначала он прочел мне изготовленные уже первые главы предпринятой истории войны 1877—1878 гг., а потом я читал ему отрывки из моего дневника за те же годы, показал кое-какие* сохранившиеся в моих бумагах письма и записки. Полагаю, что сегодня я покончу с этим занятием, оторвавшим меня почти на целую неделю от постоянной моей работы.

Вчера посетил меня великий князь Константин Николаевич.

1-го октября. Четверг. — Сегодня вечером сын уехал в Симферополь на скачки**.

3-го октября. Суббота. — Посещение генерал-майора Глуховского. Он продолжает настойчиво преследовать свою давнишнюю мечту — о направлении Аму-Дарьи в Каспийское море***.

8-го октября. Четверг. — Ездил в Орианду; опять застал великого князя в церкви, занятого расписыванием ее внутренних стен; потом сидел у него около часа в приятной беседе. Он ожидал сегодня к себе великую княгиню Екатерину Михайловну, которая недавно приехала в Крым и поселилась в Урзуфе, в доме Губонина.

Погода свежая; сбор винограда и виноделие приходят к концу.

14-го октября. Среда. — Вчера был у меня генерал-адъютант Мордвинов (Дмитрий Сергеевич) с женой. Весьма приятно было мне свидание с ним: сколько лет он был одним из ближайших моих помощников, в должности начальника канцелярии Военного министерства. Я воспользовался этим случаем, чтобы чрез него, словесно, передать генералам Обручеву и Лобко, а если окажется удобным, и самому Ванновскому некоторые мои соображения касательно основных начал составляемого теперь в министерстве нового Положения о полевом управлении армии, в дополнение к тем замечаниям на присланный мне проект, которые уже прежде сообщены были мною письменно. Дополнительные эти соображения вызваны теперь присланным мне сводом мнений, высказанных разными лицами по поводу того же проекта. Я счел нужным со своей стороны оказать еще раз содействие в этом деле, в надежде распутать по возможности те сбивчивые понятия, которые замечаются в отзывах некоторых даже весьма

* относящиеся к этой войне

** Сегодня вечером сын уехал из Симеиса в Ялту, откуда завтра отправится в Одессу на короткое время и потом возвратится в Крым к скачкам в Симферополе. Жена поехала с ним в Ялту.

*** Настойчивость эта делает ему честь.

компетентных лиц относительно проектированного устройства полевого управления*.

Сегодня утром уехала племянница Анна Евгениевна Понсэ**.

30-го октября. Пятница. — На днях получил я, чрез посредство добрейшего А.И. Лаврентьева, от генерал-майора Коверского, из военно-топографического отдела Главного штаба, старую мензулу со всеми нужными для съемки принадлежностями. Мне пришла мысль, пользуясь своими досугами, определить геодезически высоты гор (Яйлы), поднимающихся крутою стеной над нашим Симеисом и до Ай-Петри к востоку. Коверский, узнав о моем желании достать инструменты, очень любезно предложил мне взять на время из имеющегося в складе военно-топографического отдела старого хлама. Предложение это принял я с благодарностию, рассчитывая исполнить предположенную работу в короткое время. 17-го и 19-го октября произвел предварительную поверку инструмента (кипрегеля) и вместе с тем поверку собственного своего умения действовать этим инструментом. Приходилось освежить в памяти давно забытое; не брал я в руки мензулы более 40 лет, то есть с того времени, когда учился в Военной академии. Необходимо было, прежде приступа к предпринимаемой работе, хоть несколько освоиться с манипуляциями и самою конструкцией инструмента.

Сегодня же приступил я к самой работе, измерением базиса. Для этого не мог я выбрать другой местности, кроме морского берега, вдоль подошвы берегового обрыва; но и тут оказалось возможным провесить прямую линию длиною не более 164 сажень, и то в некоторых местах приходилось делать промер то по самой воде, то чрез кучи камней***.

8-го ноября. Воскресение. — Во всю неделю с 31-го октября по 7-е ноября**** ежедневно выходил я на работу предпринятой мною triana-

* От слов «...содействие в этом деле»: «для установления более ясного взгляда на основные начала устройства наших армий в случае войны, дабы развеять ту путаницу, которая выказывается в понятиях по этому предмету даже самых компетентных лиц, подавших отзывы о проекте».

** До Ялты провожала ее дочь Надя.

Погода наступила довольно свежая. По утрам всего 10° P., но днем вчера поднималась температура на солнце до 26°.

*** По крутизне нагорного берега можно видеть с обеих оконечностей базиса не более двух точек. Если работа пойдет удачно, то я не ограничусь первоначальным предположением — определить высоты гор, воспользуюсь имеющимся инструментом, чтобы произвести съемку всего нашего небольшого имения, в крупном масштабе.

**** почти

гулянии и занимался усердно с 8 1/2 часа утра до 1 1/2 пополудни. Погода была довольно благоприятная; но пока еще не набил руку, работа идет медленно. В 5 дней работы успел определить только координаты 3-х точек проектированной сети и расставить сверх того 16 вех*.

11-го ноября. Среда. — Ездил в Орианду к великому князю Константину Николаевичу, а потом в Ялту.

28-го ноября. Суббота. — Вот ровно десять лет прошло с того дня, когда мы все, окружавшие покойного императора, были обрадованы взятием Плевны. Всякий год в этот день я обмениваюсь с графом Александром Владимировичем Адлербергом телеграммами и добросовестно исполняю зарок свой — выкурить папироску в память великого события. Так было и сегодня. От него получил очень любезный привет. Вечером же приехал ко мне великий князь Константин Николаевич; он также вспомнил эту знаменательную годовщину и оказал мне свое любезное внимание, выбрав этот день для посещения.

По отъезде его отвез я свою племянницу Елену Милютину в Ко-реис, к Голицыным, с которыми она уезжает завтра в Петербург**.

Топографическая работа моя была прервана с 8-го числа повреждением инструмента (собственно треноги); сегодня, наконец, алупский столяр принес мне исправленный инструмент, и с понедельника надеюсь возобновить работы.

8-го декабря. Вторник. — Ездил в Орианду. Провел часа полтора с великим князем вдвоем. Главным предметом нашей беседы были последние*** политические новости. По поводу обострившихся отношений между Россией и Австро-Венгрией разбирали мы шансы обеих сторон в том случае, если б в действительности разразилась между**** ними война*****²⁰⁶.

Впрочем, разговор с Его Высочеством всегда бывает чрезвычайно разнообразен и занимателен, переходит с одного предмета на другой. По поводу полученной мною от него, для прочтения, книги: *Mémoires*

* сего дня же, едва вышел на работу, должен был прекратить ее по причине случившего в инструменте повреждения: одна из ног треножника оказалась подгнившею в самом шарнире и сломалась. Не знаю, удастся ли исправить эту беду с помощью здешних плохих мастеров, быть может, придется ехать в Ялту. Во всяком случае перерыв в работе будет, вероятно, продолжительный.

** В эти дни погода прекрасная, днем в тени до 15°, на солнце поднимается до 25° и 26°, по ночам спускается до 10° или 9°.

*** воинственные

**** Россию и Австрию

***** Мы разбирали собственно с военной его стороны. Что же касается политической, то мы оба в полном неведении обстоятельств и недоумеваем, какие могут быть поводы или даже предлоги к тому, чтобы решиться на подобное бедствие.

du Pr. Adam Czartorysky²⁰⁷, — мы коснулись многих сторон нашей придворной обстановки, обычаев и привычек царской фамилии и т. п. Замечательно, как при Дворе поддерживаются старые традиции, даже в самых* мелочных подробностях и как повторяются в разные эпохи одни и те же явления.

Еще говорили мы с обоюдным негодованием о возмутительных, можно сказать преступных, распоряжениях Министерства народного просвещения, которое, вопреки всем прошлым усилиям нашего правительства, теперь открыто и с цинизмом стремится к ограничению и** стеснению народного просвещения. Лет 10, 15 тому назад уже проявлялись в высших наших сферах замыслы известной партии (граф Петр Шувалов, граф Дм[итрий] Толстой, Валуев, граф Пален и др.) сделать из *высшего* образования сословную привилегию; но тогда никто не смел открыто признаться в таком стремлении; тайная цель этих господ, считавших себя представителями аристократических начал, по крайней мере прикрывалась разными благовидными побуждениями. Теперь же маска сброшена***, уже не довольствуются стеснением только *высшего* образования, но даже и среднее образование хотят сделать исключительным достоянием крупного (т. е. богатого) дворянства, лишая всю остальную массу всяких средств к приобретению этого образования. И кто же теперь являются такими ярыми, отважными поборниками аристократических фикций?.. «Просвирня» Победоносцев! Армянин Делянов!.. Эти господа займут в истории просвещения России незавидное место — наряду с Магницким, Руничем, князем Алекс[андром] Ник[олаевичем] Голицыным и другими знаменитыми обскурантами²⁰⁸.

24-го декабря. Четверг. — Топографическая моя работа шла успешно с 30-го ноября по 19-е декабря: почти ежедневно, за исключением воскресных и нескольких дождливых дней, я выходил из дому в 9-м часу утра и едва поспевал к обеду. Всего было 11 рабочих дней****. С 20-го числа погода изменилась: пошли ежедневно дожди

* неважных

** подавлению

*** с нахальством

**** но раза два или три дождь заставлял преждевременно прекращать работу ранее обычного часа. Предположенная триангуляция собственно для определения высоты вершин Яйлы — почти окончена; посредством ряда малых <сети> [..?], сеть моя распространена настолько, что я счел возможным уже с 12 декабря брать направление <я имел уже возможность определить вертикальные углы> на самые вершины Яйлы, до Ай-Петри включительно. Определяя координаты каждой из этих дальних точек визированием с нескольких

впережку с мокрым снегом, так что я должен был прервать работу; с завтрашнего же дня начинаются Рождественские праздники*.

25-го декабря. Пятница. — В прошлую ночь приехал неожиданно племянник, Юрий Милютин, проездом в Закаспийский край**. Умный и даровитый молодой человек, неистощимый собеседник, жаль, что до сих пор не нашел себе определенного пути в жизни***.

31-го декабря. Четверг. — Утром ездил в Орианду поздравить великого князя Константина Николаевича с Новым годом; как всегда, он был очень любезен и разговорчив.

Вчера был прекрасный, теплый день; я ходил с Надей пешком в Алупку, отдать визит князю и княгине Вяземским, а сегодня опять день пасмурный, сырой и дождливый****.

Вот и конец 1887-го года. Лично для меня это был год довольно благоприятный и спокойный; но в политическом***** отношении — преисполненный тревог и всяких невзгод*****. В последние дни истекающего года произошел, по-видимому, некоторый поворот***** в мирном направлении; но замечаемая перемена в тоне газетных***** вестей едва ли может быть серьезным основанием к успокоению общественного мнения*****. Ложь, двуличность, извращение***** истины — до того уже вошли в привычку, не только в газетной болтовне, но и в официальных и дипломатических сношениях, что ни к чему и никому нельзя иметь доверия. О внутренних же наших делах — не хочется и говорить. В этом отношении 1887-й год не принес ничего утешительного; да и впереди никаких нет надежд на лучшее*****.

точек сети, я буду иметь, возможно, достаточную проверку точности моих определений. К большой досаде моей, погода с 20-го числа испортилась.

* в продолжение которых следует дать отдых рабочему, обыкновенно сопровождающему меня для переноски инструмента и расстановки вех.

** намерен пробыть здесь неделю или более.

*** и деятельности.

Вот уже несколько дней, что я не выходил из дому: наступила холодная погода; выпал снег; доходило до 4° мороза. Но сегодня уже теплее, снег тает.

**** Термометр на + 5° P.

***** и вообще государственном

***** особенно для России.

***** к лучшему, к успокоению, но, в сущности, едва ли есть повод, основание на все это

***** разглаговольствований

***** всей Европы.

***** здоровых понятий

***** Грустно, очень грустно.

1888-й год

11-го января. Понедельник. — Смешно начинать год в дневнике занесением в него... сна! Тем более смешно*, что я вовсе не принадлежу к числу верующих в таинственное значение снов. И несмотря на то, мне все-таки хочется записать тот странный сон, который взволновал меня в прошлую ночь**. Мне приснилось, и очень правдоподобно — разрешение восточного вопроса!

Не пересказывая всего хода виденного сна и разных предшествующих обстоятельств, ограничусь сжатым изложением лишь заключения: получено будто бы*** известие, что эскадры английская, австрийская и итальянская под предлогом возникших в Македонии и Албании беспорядков и мятежа (возбужденных агентами тех же поборников европейского мира) высадили значительные силы в Албании, в Салониках и заняли Константинополь англичанами, между тем как войска австрийские вступили в Сербию и Болгарию, провозгласив окончательное присоединение Боснии, Герцеговины и Старой Сербии к монархии Габсбургов. Услышав такую печальную для нас новость, я будто бы сказал: так вот настоящая цель пресловутой «Лиги мира»²⁰⁹; вот для чего понадобились колоссальные вооружения всей Европы!!

А ведь чего доброго — пожалуй, так и покончит свою жизнь «больной человек»²¹⁰ — т. е. помимо нас****. Поправить дело потом будет трудно, когда Австрия, Италия и Англия поделят между собой наследие покойника, а Германия за свои услуги получит приличное вознаграждение в иных местах.

Конечно, все это только сон. Тем не менее, казалось бы, не следовало нашей дипломатии ожидать сложа руки и покоиться сном праведных.

* даже совестно

** на случай (да сохранит нас Бог), если б он когда-нибудь осуществился наяву.

*** роковое

**** и мы опять останемся в дураках!

21-го января. Четверг. — В прошлый понедельник, 18-го числа, я воспользовался первым днем ясной и теплой погоды, чтобы снова приняться за свою топографическую работу, прерванную почти на целый месяц зимнею погодой. Мне нужен был один день работы в поле, чтобы получить необходимые данные для вычисления высот главных, намеченных мною горных вершин Яйлы и Лименского отрога. Зато это был день тяжелой работы: я должен был заниматься без перерыва с 9 часов утра до 5-го часа пополудни, и последняя моя точка стояния была на горах, над почтовым шоссе. Окончив эту работу, я приступил в следующие дни к вычислениям и был очень обрадован, убедившись, что все до сих пор произведенные работы дали результаты, внушающие* доверие к точности полученных высот. Для каждой вершины вычисление высоты основывалось на измерении вертикальных углов с 5 разных точек**, и большею частью выводы оказались очень сходными***.

22-го января. Пятница. — Сегодня простились мы с племянником Юрием Милютиным, который с вечера уехал в Ялту, чтобы завтра утром сесть на пароход и плыть в Батум, а потом ехать чрез Тифлис и Баку в Закаспийский край. Он провел у нас целый месяц и был приятным во всех отношениях гостем****.

30-го января. Суббота. — Ездил я в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который 5-го февраля отправляется в Петербург на один месяц и возвратится в половине марта. После продолжительной, оживленной и занимательной беседы он водил меня в церковь свою, чтобы показать мне успехи работы во внутренней отделке. Остальную часть дня провел я в Ялте, навестил старушку княгиню Черкасскую***** и вернулся домой довольно поздно.

1-го февраля. Понедельник. — Несмотря на недавнее наше свидание, великий князь Константин Николаевич все-таки сделал мне любезность, приехав сегодня проститься пред отъездом. Его сопровождал адъютант Шестаков.

Часть вечера провели у нас Вяземские: очень милая молодая чета.

21-го февраля. Воскресение. — В последнее время занимался я частью составлением своих записок (воспоминаний), частью вы-

* до такой степени внушающие полное доверие

** которые в свою очередь определены были целою сетью промежуточных треугольников,

*** Теперь займусь графическим изображением добытых результатов.

**** Славный и даровитый молодой человек.

***** заехал к Плещу в Ливадию.

*Германский
император
Фридрих III*

числением абсолютных высот окрестных гор и нанесением определенных точек на план, в масштабе 200 сажен в дюйме. Но для окончания этой работы встречается необходимость в некоторых дополнительных измерениях; а между тем погода постоянно ненастная, так что я мог воспользоваться для работ в поле только тремя утрами: 8-го, 9-го и 12-го февраля. С 13-го числа опять пошли дожди, и работы мои снова прерваны.

29-го февраля. Понедельник. — Телеграф принес известие о кончине германского императора Вильгельма. На престол вступает кронпринц, под именем Фридриха III. Но долго ли продлится его царствование? По последним газетным известиям, он уже приговорен врачами к близкой смерти. Бисмарк давно уже орудует, чтобы помимо законного наследного принца устроено было регентство с принцем Вильгельмом во главе*. Если вслед за престарелым импе-

* Неужели судьба долго еще будет баловать этого зловредного Тевтона.

ратором Вильгельмом скоро сойдет в могилу и сын его — то откроется уже совсем свободное поле* замыслам немецкого честолюбца. То напряженное состояние, до которого довел он Европу, не может продолжаться долго. Кризис в том, или другом смысле неизбежен. И будет страшен этот кризис, если только смерть не поспешит вовремя наложить свою руку на виновника всей настоящей смуты²¹¹.

14-го марта. Понедельник. — Посетил меня великий князь Константин Николаевич, только что возвратившийся из Петербурга.

19-го марта. Суббота. — Ездил в Орианду; часа два провел в приятной беседе с великим князем.

29-го марта. Вторник. — В течение всего марта месяца выдались только дней пять хорошей погоды, в которые имел я возможность выходить в поле на работы**. Вчера, 28-го марта, в 27-й день работ моих (считая с 30-го октября прошлого года), закончено предпринятое мною определение высот окрестных гор. Должен сознаться, что можно было исполнить эту работу гораздо в кратчайший срок; по неопытности (а отчасти по несовершенству инструмента) сделано много лишнего; отчасти же я увлекся за пределы первоначальной своей задачи. Теперь, втянувшись в работу, замышляю уже новую, пользуясь имеющимся инструментом: намереваюсь произвести подробную топографическую съемку своего имения, в масштабе 20 сажень в дюйме, с инструментальным определением высот и проведением горизонталей чрез каждую сажень высоты.

*****7-го апреля. Четверг.** — Ездил в Ялту, чтоб отдать несколько визитов. Сегодня приехал из Петербурга сын с тем, чтобы провести с нами недели две, встретить праздник Пасхи и потом ехать на скачки в Симферополь.

******25-го апреля. Понедельник. (Святой недели).** — Утром ездил я в Орианду с поздравлением по случаю праздника. Великий князь

* бедственным для всей Европы

** именно: 3-го, 5-го, 21-го, 22-го и 28-го числа

***** 4 апреля. Понедельник.** — Наступила теплая ясная погода, благоприятная для моих топографических работ. Прежде чем приступить к новой, продолжительной работе — топографической съемке своего имения, признал я полезным употребить два, три утра на съемку в увеличенном масштабе ([10] саж[ен] в д[юйме]) двух маленьких отдельных участков, лежащих на самом шоссе, по обеим сторонам соседнего имения г[осподина] Аггеева. Один из этих участков, называемый «Баграши», со стороны Алупки, снят мною в одно утро, 2-го апреля. Кое-какие детали были дополнительно нанесены вчера (без инструмента).

****** 12 апреля. Вторник.** — Вчера и сегодня по утрам работал на втором отдельном участке, называемом «Бастанчахлар», лежащем над шоссе, между имением Аггеева и Мальцова. Для окончания работы придется еще раз побывать на месте.

показывал мне новые мозаики в его церкви, внутренняя отделка которой быстро подвигается вперед. Великий князь по-прежнему занимается с любовью своим детищем и восхищается им*.

Сын уехал** в Симферополь на скачки, по окончании которых возвратится прямо в Петербург.

Вчера посетил меня*** приехавший сюда на лето генерал-майор Гудима-Левкович, занимающий должность помощника начальника штаба Петербургского округа и вместе с тем профессора в Академии Генерального штаба. Умный и образованный офицер. Между прочим**** сообщил он мне некоторые сведения о ходе работ в Комиссии, состоящей под председательством великого князя Николая Николаевича, для обсуждения нового проекта Положения о полевом управлении армии в военное время*****.

30-го апреля. Суббота. — Обитель наша вдруг оживилась приездом давно жданных детей покойной моей дочери Лели (Елены) с их теткой Юлией Константиновной Гершельман и вместе с дочерью моей Ольгой, которая возвратилась домой после целого года отсутствия*****. Совершенно ново для нас слышать вокруг себя лепет птенцов, видеть их игры и непрерывную бегодню.

8-го мая. Воскресение. — Со 2-го числа приступил я к подробной топографической съемке своего имения и работал усердно всю

* По приглашению полковника Плева обедал у него в Ливадии.

** сегодня рано

*** вновь приехавший

**** узнал я от него, что в последних заседаниях Комиссии

***** Делу этому дан новый оборот и положено перестроить весь проект на основании, предложенном (по словам Гудима) генералом Гурко. Но из объяснений его же, генерала Гудима, о сущности этого нового оборота оказывается, что принятая Комиссией эта новая основная идея <мысль> совершенно совпадает с теми мнениями, которые уже давно были заявлены мною, и в последний раз наиболее категорично переданы мною Обручеву и Лобко через посредство генерала Мордвинова в бытность его здесь в прошлом году. Кому бы ни приписывались родительские права на эту мысль, во всяком случае я буду рад, если действительно она будет положена в основание переделываемого снова <нового> проекта. Суть дела, выражаясь кратко, могу формулировать так: 1) исходным началом редакции Положения принять не определение значения *главнокомандующего* всеми действующими *армиями*, — а определение значения *командующего армиею* («частною», по принятой в проекте терминологии); 2) устройством тыла армии основать на организации уже существующих военных округов.

Не уверен только в том, получит ли эта мысль в самом исполнении полное и точное развитие (или признание).

***** Большую часть этого года она провела у своих друзей Олсуфьевых в их подмосковной, остальное время — частью в Петербурге, Москве, то в Ревеле.

*Великая княгиня
Ольга
Константиновна*

неделю по утрам, а после обеда* занимался вычислением высот и заносил произведенные работы в журнал.**

11-го мая. Среда. — Великий князь Константин Николаевич приезжал ко мне проститься пред отъездом его в Одессу, где он встретит свою дочь королеву Эллинов. Туда же приедет и великая княгиня Александра Иосифовна.*** Великий князь полагает возвратиться в Орианду ко дню своих именин, 21-го мая.

21-го мая. Суббота. — По заведенному порядку ездил сегодня в Орианду поздравить именинника. Простояв всю обедню, потом завтракал, в числе 26-ти приглашенных гостей. На этот раз не

* дома ежедневно

** Для настоящей работы многое уже подготовлено: я воспользовался и прежним базисом, и многими точками прежней триангуляции. Начата работа опять от морского берега и нижнего виноградника.

*** Впрочем

было приезжих из Севастополя и Николаева моряков; великий князь заранее отклонил их приезд. Явились только некоторые лица из Ялты, Ливадии и других ближайших окрестностей*. Великий князь познакомил меня с приехавшим из Венеции известным художником Сальвиати, в заведении которого изготавливаются мозаики для ориандской церкви. Это типичный итальянец, живой, развязный; он наговорил мне тысячу любезностей; за завтраком оживлял общество своим балагурством. Ему поручены, благодаря рекомендации Константина Николаевича, и многие другие работы в церквях: ливадской, на северном кладбище в Севастополе, также в Петербурге**.

27-го мая. Пятница. — Ездил вместе с женой в Ялту и в Никитский сад, чтоб отдать визит Базаровым.

8-го июня. Среда. — Гостившая у нас племянница Екатерина Дмитриевна Полторацкая уехала в Петербург.

16-го июня. Четверг. — Был в Орианде у великого князя Константина Николаевича. Он, по своему обыкновению, водил меня в церковь любоваться мозаикой***.

18-го июня. Суббота. — До сих пор занимался я усердно съемкой. В течение всего мая и части июня до сего числа было у меня 32 рабочих дня; но работа подвигается тихо****: становится уже жарко, работать в поле тяжело; решаюсь дать себе летние каникулы до наступления более свежей погоды.

1-го июля. Пятница. — Дочь Надя вместе с детьми Гершельман и теткою их Юлией Константиновной Гершельман уехали в Ялту, откуда на пароходе переедут в Севастополь и далее по железной дороге в Петербург. Жена провожает их до Севастополя. В доме стало пусто и тихо; на три дня остаюсь вдвоем с дочерью Ольгой.

8-го июля. Пятница. — Ездил в Ялту и оттуда в Магарач, чтобы отдать визит Ал[ександру] Ег[оровичу] Соломону.

26-го июля. Вторник. — Приезд семейства Праховых из Киева.

* лиц, считающихся в Орианде своими.

** для некоторых домовых церквей. Сам именинник был сего дня в хорошем расположении духа и очень любезен со мною. Он только что вернулся из Одессы, где имел свидание с дочерью, королевою Греческою, и с великой княгиней Александрой Иосифовной.

*** В Ялте совершил новую доверенность на имя банка, возобновляемую ежегодно в эту пору.

**** употребляя ежедневно всего каких-нибудь 4 утренних часа, много 4 1/2, я успел пока снять только нижнюю часть имения (к югу от проезжей дороги) и один из верхних виноградников (соседний с Алушкой).

28-го июля. Четверг. — Поездка в Орианду к великому князю Константину Николаевичу и потом в Ялту. Пожар в Ялте*.

30-го июля. Суббота. — Большую часть дня провел у меня Петр Александрович Сабуров, бывший посол в Берлине. Отправляясь за границу (через Константинополь), он заехал ко мне. О посещении своем он уже давно предварял меня. Разговор наш, разумеется, вращался преимущественно на политике и князе Бисмарке**; ех-дипломат сознается, что тяготится настоящим своим бездействием и желал бы попасть снова на деятельную службу.

3-го августа. Среда. — Великий князь Константин Николаевич приезжал проститься, по случаю отъезда его в Петербург, к крестинам новорожденного принца Эллинского, Христофора, родившегося в Павловске***. Великий князь будет в отсутствии около месяца.

5-го августа. Пятница. — П.А. Сабуров, на пути из Ялты в Севастополь, опять заехал ко мне. На этот раз беседовали почти исключительно о вопросах крымского хозяйства, так как он задумал приобрести здесь уголок и заняться виноградарством.

13-го августа. Суббота. — Семья Праховых**** уехала; в доме воцарились тишина, спокойствие и порядок.

Пользуясь отбытием гостей, я ездил с Олей в Наташино, к***** Лаврентьевым.

27-го*** августа. Понедельник.** — Целое утро просидел у меня М.И. Семевский, издатель «Русской старины». Это второе посещение его. В оба раза он***** меня допрашивал, как бы на следствии, отбирал от меня показания по множеству вопросов и вызывал рассказы о разных эпизодах недалекого прошлого.

Вчера приехали в Ливадию младшие дети царские²¹². Ничего еще не знаем о приезде самого Государя и Государыни. Теперь Их Величества еще на маневрах в Елизаветграде; известно, что едут на Кавказ; но по всем вероятностям***** побывают и в Крыму, прежде или после Кавказа.

* на возвратном пути визит полковнику Плещу в Ливадию.

** о причинах удаления самого Сабурова с дипломатического поприща

*** где находится король и королева

**** наконец

***** к благодушным

***** В подлиннике: «29 августа». — Прим. публ.

***** высасывал от меня показания по множеству вопросов о прошлом, можно сказать, пытал меня, вызывая рассказы о том, что его интересовало как собирателя материалов для истории, хроники недалекого от нас времени.

***** они

М.И. Семевский

1-го сентября. Четверг. — Вчера вторично ездил в Наташино к Лаврентьевым, вместе с женой. На пути показывал ей ориандскую церковь. Лаврентьевы на днях уезжают в Петербург. Ялта переполнена приезжими. Младшие дети царские в Ливадии; о самом же Государе и императрице ничего еще не известно.

Сегодня опять был у меня Семевский; на этот раз* допрос был легче.

9-го сентября. Пятница. — По случаю дня рождения великого князя Константина Николаевича (только что возвратившегося из Петербурга) ездил я, по заведенному порядку, в Орианду, простоял обедню, потом был приглашен к завтраку**, затем прошел пешком в Ливадию, куда заранее отправил свой экипаж***. В Ливадии посетил генерала Трепова**** и адмирала Шестакова. Последний только что

* не очень сильно выпытывал.

** (по-моему, обеду)

*** В Ливадии теперь живут младшие дети Государевы, говорят, что пока Их Величества со старшими детьми путешествуют <по Кавказу> (на больших маневрах около Елизаветграда, на охоте в Польше и потом по Кавказу).

**** и полковника Плева

привезен из-за границы в самом печальном состоянии: он так изменился вследствие тяжелой болезни, что трудно узнать в нем того самого И.А. Шестакова, которого я видел еще в прошлом году; это — полуживой старик; едва передвигает ноги и с трудом говорит*.

11-го сентября. Воскресение. — Приехала племянница Елена Николаевна Милютина.

19-го сентября. Понедельник. — Великий князь Константин Николаевич удостоил меня своим посещением. Он приехал к нам с адмиралом Поповым и встретил меня на дороге, недалеко от дома, с дочерью Ольгой и племянницей, дошел с нами до дома пешком.

25-го сентября. Воскресение. — Приезд сына.

26-го сентября. Понедельник. — Получено известие о смерти графа Александра Владимировича Адлерберга, вследствие удара, который с ним случался за границей. Вот еще сошел в могилу один из немногих остающихся на свете моих сослуживцев и сверстников (он был двумя годами моложе меня). При его тучности и образе жизни можно только удивляться, как не случился ранее постигший его апоплексический удар. В прежнее время я не был с ним в близких сношениях, даже несколько чуждался его, считая его истым царедворцем**. Только в семидесятых годах представилось мне несколько случаев*** ближе узнать его хорошие качества; особенно же сблизилась мы во время последней войны и после нее****; а с тех пор, как мы оба сошли со сцены на покой, между нами сохранились приятельские отношения, скрепленные воспоминаниями о покойных императоре и императрице, воспоминаниями равно для нас обоих дорогими. Вот почему искренно огорчает меня известие о его смерти. Помяну его добрым словом: это был человек честный и благородный.

5-го октября. Среда. — Большую часть дня провели у нас Араповы. Генерал Арапов (Иван Андреевич) был некогда моим адъютантом и с давних пор дружен с моим сыном.

* Далее абзац тщательно вымаран автором. — Прим. публ.

В Орианде нашел я приехавшего из Петербурга с великим князем адмирала Попова. Главным предметом разговора среди съехавшихся гостей был вчерашний скандал в Ялтинском городском саду, где в виду многочисленной публики <...> барон Врангель был избит [оскорблен] <...>

Печальный этот случай для барона Врангеля не позволил ему сегодня присутствовать, как обыкновенно, при съезде в Орианде и за столом у великого князя.

** Сближение наше началось только

*** убедивших меня в его честности и благородстве.

**** в Ливадии, в путешествиях и проч.

6-го октября. Четверг. — *Посетил я великого князя Константи-на Николаевича, который только что возвратился из Одессы, куда ездил опять на свидание с дочерью королевою Эллинов и великою княгиней Александрой Иосифовной. Из Орианды проехал я в Ялту: там видел множество знакомых и отдал визит Араповым**.

7-го октября. Пятница. — В прошлую ночь обрадован я приездом двух дочерей: старшей Елизаветы с ее мужем, князем Шаховским***, и младшей Надежды, а также зятя Ф.К. Гершельмана. Таким образом, вся семья теперь в сборе, что случается очень редко. Сожалею только, что этот съезд будет весьма непродолжителен: сын и оба зятя — уезжают уже на будущей неделе.

14-го октября. Пятница. — В Севастополе ожидают проезда Государя с императрицей и старшими детьми, на возвратном пути с Кавказа; но день прибытия их неизвестен, так как все, касающееся Их Величеств, хранится в строгой тайне. Чрез это все местное начальство и обыватели заранее уже волнуются в ожидании более определенных известий. Я же после некоторых колебаний решился на этот раз не показываться, тем более, что по имеющимся сведениям, Их Величества пробудут в Севастополе не более двух, трех часов.

В прошлый вторник сын уехал в Харьков к своему месту службы, а сегодня покинули Симеис оба зятя.

21-го октября. Пятница. — С 17-го числа принялся я снова за топографическую работу и 5 дней сряду занимался по утрам съемкой****.

На днях получено страшное известие о случившейся 17-го числа катастрофе с царским поездом на пути между Лозовой и Харьковом²¹³. Истинно удивительно, как осталось невредимым царское семейство; оно все могло погибнуть зараз. Из свиты, находившейся в момент катастрофы в том же вагоне и за тем же столом (за завтраком) — только немногие получили легкие повреждения*****; в других

* О нынешнем дне я не мог бы сказать: *Voilà une journée bien remplie* (Вот хорошо проведенный день, — *фр.*). С 9 часов утра отправился я в Орианду, где навестил Лукашевича, адмирала Попова, заходил в церковь и затем сидел у великого князя, который только вчера вечером возвратился из Одессы.

** посетил Араповых, которые вчера провели большую часть дня у нас в Симеисе. Генерал Арапов (Иван Андреевич) был некогда моим адъютантом. Он и жена его давнишние друзья моего сына.

Кажется, я забыл записать в своем дневнике, что в прошлое воскресенье приехал к нам сын и пробудет у нас еще несколько дней.

*** (эстляндским губернатором).

**** (во фруктовом саду и по границе с мальцевским имением).

***** один только флигель-адъютант Шереметев, как говорят, потерпел серьезно.

же вагонах были убитые и тяжело раненые. Подробности события еще не совсем разъяснены.

22-го октября. Суббота. — Новый приезжий: племянник Юрий Милютин. С тех пор, как он провел у нас около месяца в начале года, он странствовал по Кавказу и Закаспийскому краю, а теперь возвращается в Петербург.

1-го ноября. Вторник. — Ездил я в Ялту и целый день употребил на визиты. Обедал у графа Ностица.

Необыкновенно ранние холода. Здесь на южном берегу температура упала ниже нуля; по ночам мороз доходил у нас в Симеисе до -2° , а в некоторых местностях, как говорят, даже до -7° . Целую неделю продолжались сильный ветер и буря на море.

6-го ноября. Воскресение. — Только что возвратился вечером из Севастополя, куда ездил, чтобы проводить дочь Шаховскую*. Выехав с нею в пятницу утром в наемном экипаже по трудной, снежной дороге, в горах, дотащились до Севастополя только поздно вечером. Вчера ходили мы по городу, осмотрели новый собор (недавно только отделанный внутри), пообедали у корпусного командира генерал-лейтенанта Эллиса, а в 6-м часу вечера простился я с дочерью в вагоне. Сегодня возвратился домой без затруднения; снег уже сошел на большей части пути**.

13-го ноября. Воскресение. — В последние три дня выходил я на съемку; но сегодня опять погода ненастная, и притом чувствую себя несколько простуженным, а потому должен прервать на некоторое время свою работу.

16-го ноября. Среда. — Сегодня утром уехал племянник Юрий Николаевич Милютин.

19-го ноября. Суббота. — Сегодня утром в Ялте скончалась княгиня Черкасская***. Уже многие годы, а в особенности со времени смерти князя Владимира Александровича (в С.-Стефано 1878) здоровье бедной старушки было плохо; с каждым годом нервность ее усиливалась. В последнее время жаль было смотреть на ее постоянные конвульсивные движения. По дошедшему до нас слуху, она кончила жизнь совершенно тихо, без страданий, как будто заснула.

20-го ноября. Воскресение. — Ездил в Ялту на панихиду по скончавшейся вчера княгине Черкасской. Встретил, конечно, множество знакомых лиц; обедал у племянницы покойной, Александры Александровны Милорадович (дочери Александра Алексеевича

* и посадить ее в вагон железной дороги.

** В самом Севастополе на улицах оставалась только грязь.

*** вдова покойного князя Владимира Александровича.

Васильчикова). Завтра утром вынос тела, отпевание и перевозка в Симферополь и далее по железной дороге в Москву, где будет погребено рядом с покойным князем Владимиром Александровичем.

22-го ноября. Вторник. — Вчера вечером в Севастополе скончался адмирал Шестаков (управляющий Морским министерством). Об этом телеграфирует мне адмирал Новиков, по поручению вдовы. Можно было предвидеть, что Шестакову недолго оставалось жить; он был очень плох, особенно после безрассудной поездки его навстречу Государю в Батум.

26-го ноября. Суббота. — С четверга опять начал было выходить на съемку, хотя погода свежая и ветреная. Сегодня же, едва приступил к работе, должен был поспешить домой, по случаю посещения князя А. М. Дондукова-Корсакова. Он заехал ко мне на короткое время, проездом из Ялты в Севастополь, откуда возвращается в Батум. Много рассказывал о поездке Их Величеств по Кавказу, о необыкновенном впечатлении, которое произвел на них этот край, о благодушном и веселом их настроении во все время путешествия.

*** 11-го декабря. Воскресение.** — Пробовал несколько раз выходить на съемку; но работа идет плохо; приходится прервать ее до наступления более теплой погоды.

20-го декабря. Суббота. — Печальное известие о смерти графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. Он умер в Нице, вследствие давнишней грудной болезни. Нет сомнения, что нравственное угнетенное состояние, в котором он прожил последние семь лет, ускорило роковой конец. Жаль этого человека. При иных обстоятельствах он мог бы еще послужить с пользой России. В нем теряю я человека благорасположенного, который с давнего времени всегда выказывал мне искреннее сочувствие**.

На южном берегу продолжается ненастная погода. Не помню такой осени и такого начала зимы, как теперь. Солнце почти не показывается; постоянно черные тучи, туманы; то дожди, то снег и часто сильные ветры, доходящие по временам до урагана. На днях море так разбушевалось, что, без сомнения, не обошлось без множества несчастных случаев. На нашем берегу, у самой границы с Алушкой, выбросило на камни грузовой пароход Русского общества пароходства и торговли.

* **27 ноября. Воскресение.** — Вчера опять приехал к нам племянник Юрий Милютин, который до сих пор не мог выехать из Ялты по разным причинам. Пробыв у нас сутки, он возвратился сегодня в Ялту с намерением окончательно отправиться отсюда во вторник в Новороссийск и далее на Харьков.

** Вот еще одним меньше из людей близких.

С трудом спасли людей (числом до 27); но самый пароход как будто разрезан камнем пополам, а груз частью увлечен волнами, частью разбросан по берегу. На месте крушения теперь нечто вроде базара.

Холодная и сырая погода отозвалась на моем здоровье; вот уже с неделю не выхожу из комнаты*. Как погода, так и болезнь причиняют большой перерыв в моей съемке. Да и кабинетная работа — составление моих «воспоминаний» — подвигается крайне туго. Иногда теряю даже охоту продолжать.

29-го декабря. Четверг. — Едва оправившись от болезни, счел я долгом побывать, пред наступлением Нового года, в Орианде. Первое встреченное там лицо — был адмирал Попов, только что приехавший утром из Батума, где он провел день своего 50-летнего юбилея (по моему примеру). С удивлением узнал я, что в Орианде находится Адриан Викторович Прахов, приехавший по приглашению великого князя из Киева, чтобы на месте составить предположение о перестройке части сгоревшего дворца. Великий князь в восторге от него** и охотно слушает советы Прахова.

Из Орианды проехал в Ялту; навестил там некоторых знакомых и в том числе недавно приехавших Чичериных. Борис Николаевич поднес мне только что отпечатанную брошюру его: «О химических элементах». Замечательно, что человек, занимавшийся всю жизнь науками*** юридическими, профессор государственного права, вдруг на склоне лет принялся за математику и естественные науки и взялся за оригинальную задачу: приложить математические приемы и формулы к**** исследованию молекулярного состава вещества²¹⁴.

В Ялте живет бедная королева Наталия Сербская. Великий князь Константин Николаевич расхваливал ее за ее разумный образ действий, твердость характера и проч. Он советовал мне представиться королеве; но я не вижу в этом никакой надобности*****.

31-го декабря. Суббота. — Под вечер посетили нас адмирал Попов и А.В. Прахов; пробыли очень недолго.

Казалось, что погода поправляется; в день моей поездки в Ялту было даже довольно хорошо; но сегодня опять пасмурно, холодно и ветрено; солнца почти не видим.*****

* Впрочем, начинаю поправляться.

** Прахов заинтересовался отделкою церкви ориандской.

*** Первоначально: «политическими».

**** к атомистической теории

***** Еще если б я жил в самой Ялте, а то за 20 верст скакать туда в полной парадной форме!!

***** Конец 1888-го года.

1889-й год

1-го января. Воскресение. — Новый год встретили мы без малейшего отступления от вседневных, будничных наших привычек и образа жизни. Никого постороннего не видели. К тому же погода незавидная: опять холодно (термометр на нуле), сильный ветер; на море крупные барашки.

Вчера получил длинное и весьма интересное письмо от генерала Обручева. Он сообщает мне сведения о том, что делается и предполагается в Главном штабе относительно увеличения наших боевых сил. Как ни ограничено это увеличение сравнительно с чудовищным возрастанием сил в других государствах, и в особенности у наших соседей, — все-таки я радуюсь, что делается хоть что-нибудь. К сожалению, нишенские средства финансовые Военного министерства заставляют и то небольшое, что намечено, рассрочивать на многие годы. Мне кажется, что это неосторожно²¹⁵. Буря может разразиться совершенно неожиданно для нас — и горе России, если не в состоянии будем дать отпор нашим сильным врагам.

3-го января. Вторник. — Отвечал Обручеву; очень благодарил его за сообщенные им любопытные для меня сведения; но высказал откровенно свою точку зрения на современное положение вопроса о развитии военных сил. Поправить наши финансы, говорю я, конечно, дело весьма важное; но ведь обеспечить самое существование государства еще важнее. Благодаря господину Бисмарку* и прусскому милитаризму** — вся Европа вынуждена истощать свои силы и жить в долг, на счет будущих поколений. Очень прискорбно это, — но едва ли может одна Россия составить исключение и фаталистически ожидать решения своей судьбы, предоставляя другим разоряться.

22-го января. Воскресение. — Великий князь Константин Николаевич, собираясь вскоре ехать в Петербург (на один месяц), приезжал сегодня проститься, вместе с адмиралом А.А. Поповым.

* (к которому, признаюсь, питаю глубокое отвращение)

** (также до крайности мне антипатичному).

Странную новость узнал от него — о внезапной и загадочной смерти австрийского наследного принца эрцгерцога Рудольфа. Пока имеются лишь смутные сведения, чрезвычайно противоречивые; однако ж, несомненно, смерть была не естественная, а самоубийство, если не убийство. Надобно ждать разъяснений²¹⁶.

До сих пор стоит все скверная погода: сильные ветры, бурное море, постоянно черные тучи и редко-редко выглянет солнце. О съемке нечего и думать; я даже не выхожу из дому по несколько дней сряду. Только сегодня погода приятная, безветренная и ясная. Долго ли устоит?

На прошлой неделе провели у нас почти целый день Чичерины. Много говорили мы о замечательном труде Бориса Николаевича «Исследование химических элементов», — и вообще об его занятиях математическими и естественными науками. Замечательно, как успел он в короткое время так основательно усвоить себе весь обширный цикл положительных наук, которым был совершенно чужд до последнего времени. Исключительно работав до почтенных лет над науками политическими и социальными, он теперь относится к ним почти с* пренебрежением и бредит математикой, физикой, химией. Не довольствуясь изучением этих наук, он пытается делать в них открытия, новые исследования. Теперь он задался приложением математических исследований к разъяснению атомистической теории. Удастся ли ему или нет сделать серьезный шаг в науке, во всяком случае, работы эти выказывают замечательную голову.

3-го февраля. Пятница. — Ездил в Орианду пожелать великому князю благополучного пути**.

В последнее время газеты наполнены исключительно догадками и рассуждениями о таинственной смерти австрийского наследного принца Рудольфа. Сколько в них противоречий***. Событие это отодвинуло на задний план толки о безрассудных выборах во Францию и торжестве авантюриста Буланже²¹⁷.

15-го марта. Среда. — Только с 8 числа наступили светлые дни, без дождя; я начал снова выходить на съемку. Но и то не всякий день удается работать: то мешает сильный ветер, то среди работы захватит дождь.

Вчера ездил в Орианду навестить великого князя Константина Николаевича, только что возвратившегося из Петербурга, а затем

* Первоначально: «презрением».

** оттуда проехал в Ялту, а на возвратном пути в Ливадии посетил Плева.

*** во всех этих толках.

провел большую часть дня в Ялте*, где виделся с Чичеринными, Кочубеями и Милорадовичами. У последних застал многочисленное общество, собравшееся, чтобы слушать чтение некоего Капниста сочиненной им драмы в стихах «Сен-Марс»²¹⁸. Появление мое прервало на некоторое время чтение.

Великий князь возвратился из Петербурга в благодушном настроении. Из бесед своих с некоторыми из теперешних действующих лиц (Вышнеградский, Сольский, Абаза, Перетц) вынес он успокоительное впечатление, в особенности в отношении нашего финансового положения. Он видит признаки значительного улучшения финансов как в восстановлении баланса в бюджете, так и в том, что действительное исполнение сметных предположений оказывается в последние годы более благоприятным, чем предварительное сметное исчисление, а в особенности в явном подъеме нашего кредита за границей. Великий князь восхваляет осторожность и спокойствие самого Государя в ведении внешней политики. Что касается до дела о преобразовании местного управления, т. е. проекта графа Д.А. Толстого о введении земских начальников, дела, угрожавшего уничтожением мировой юстиции и введением почти патримониальной власти местного дворянства над крестьянским сословием, — то названные выше лица смотрят на этот вопрос сквозь розовые стекла. Они уверили и великого князя, что** проект графа Толстого, перedelываемый теперь по указаниям Государственного совета, приведет, быть может, к недурным результатам, и что в сущности нет особенной беды в соединении административной и судебной власти в одном и том же лице на низшей, ближайшей к народу ступени. Эти господа ссылаются в этом отношении на пример других, передовых государств. Я заметил великому князю по этому случаю, что приводимые примеры как других государств, так и прежних наших мировых посредников (первого набора) ничего не доказывают; ибо сущность дела заключается, по моему мнению, не столько в слиянии властей судебной и административной, сколько в том, как будут поставлены создаваемые новые органы местного управления: каким порядком будут назначаемы, из какой среды, с каким цензом, в каких отношениях будут к правительственной власти, к земству и к управляемому народу. Сколько до сих пор известно о проекте графа Толстого, кажется, что не имелось в виду поставить новых земских начальников в положение первоначальных мировых посред-

* для некоторых покупок и визитов

** в сущности

ников, да не было бы и смысла в восстановлении органа, имевшего лишь временное значение. Вопрос о предполагаемых земских начальниках находится в неразрывной связи с другими двумя вопросами: о мировых и земских учреждениях. Поэтому теперь пока еще невозможно судить о том, что выйдет из всех затеянных преобразований. Но, зная, в чьих руках дело, трудно верить успокоительным предсказаниям²¹⁹.

25-го марта. Суббота. — Вчера вечером приехали к нам из Петербурга две племянницы мои, сестры Полторацкие; старшая, Екатерина Дмитриевна, уже прежде гостившая у нас несколько раз, привезла младшую сестру, Марию Дмитриевну, только что кончившую курс в Николаевском институте²²⁰ (в Петербурге) и, к сожалению, больную чахоткой, в сильнейшем периоде развития. На бедняжку жаль смотреть; и здешний климат уже едва ли может надолго продлить ее существование.

За все последнее время я мог только три раза выходить на съемку; но с нынешнего дня погода поправилась; показалось солнце, которого давно уже мы не видели.

30-го марта. Четверг. — С понедельника начал я снова выходить каждое утро на съемку.

Сегодня рано утром Екатерина Дмитриевна Полторацкая уехала обратно в Петербург, оставив на наших руках свою больную сестру. Дочь Надя проводила отъезжающую гостью до Ялты.

7-го апреля. Пятница. — С 27-го марта до вчерашнего числа работал я ежедневно в поле, и съемка моя значительно подвинулась вперед.

Сегодня приехал сын на несколько дней праздников Пасхи.

12-го апреля. Среда. — Сын уехал обратно в Харьков. Я проводил его до Орианды, где провел по обыкновению часа полтора в беседе с великим князем Константином Николаевичем, а затем проехал в Ялту и возвратился в Симеис только в 9-м часу вечера.

В Ялте смотрел укладку бетонных массивов для предпринятого сооружения мола*.

13-го апреля. Четверг. — Великий князь Константин Николаевич удостоил меня своим посещением.

27-го апреля. Четверг. — С 13-го числа по 22-е выходил я на съемку ежедневно, но с этого последнего дня должен был прервать работу по случаю приезда генерал-лейтенанта Домонтовича с женою и дочерью, вследствие предварительного со мною соглаше-

* Навестил В.А. Кочубея и сделал несколько покупок для предстоящего <задуманного мною> путешествия за границу.

ния. Они поселились в нашем соседстве, в имении Мальцовых. Цель этого вторичного приезда его состоит в том, чтобы прочесть мне некоторые новые главы составляемой им официальной истории прошлой войны 1877—1878 гг., те именно, которые относятся к общей политической обстановке и в особенности к последнему периоду войны, когда наша армия стояла уже под Константинополем²²¹. Генерал Домонтович, так же как и начальник Главного штаба Обручев, признали нужным предварительно получить от меня указания по некоторым щекотливым пунктам. Каждый день (а иногда и по два раза в день) Домонтович приходил ко мне и читал вслух свои черновые главы^{*}. Чтение перерывалось, конечно, рассказами, пояснениями и посторонними разговорами. Я также прочел ему некоторые отрывки из моего дневника. Сегодня было последнее наше^{**} свидание. Завтра он уезжает в Ялту и оттуда в Батум и Тифлис, для получения материалов и сведений от князя Дондукова-Корсакова.

От генерала Домонтовича узнали мы о тяжелой болезни его двоюродного брата Константина Ивановича Домонтовича. Последние телеграммы из Петербурга на этот счет очень тревожные.

28-го апреля. Пятница. — Весь день провел^{***} в Ялте^{****}. Узнал там о смерти графа Дмитрия Андреевича Толстого. Убыл один из самых сильных столпов партии ретроградной. Кто-то заменит его?

29-го апреля. Суббота. — Получил телеграмму от Константина Карловича Грота о смерти Конст[антина] Иван[овича] Домонтовича. Это был честный, прямой человек, с хорошим направлением политическим^{*****}. Число таких личностей, представителей эпохи шестидесятых годов быстро уменьшается.

Сегодня в последний раз выходил на съемку. Завтра уже сниму все расставленные вехи и уложу инструменты.

4-го мая. Четверг. — ^{*****}Давнишние мои мечты о путешествии за границу, каждый год встречавшие какие-нибудь препятствия —

* на что употребили три [дня].

** (четвертое)

*** с дочерью Ольгой

**** Кроме совершения доверенности, ежегодно даваемой мною Международному банку на получение получаемых мною сумм из Государственного казначейства, все время прошло в прощальных визитах. (Чичерины, Кочубеи, Милорадовичи, княгиня Голицына, Плец.)

***** и государственным.

***** В подлиннике на полях зачеркнутая впоследствии запись: «Путешествие мое за границу».

наконец осуществляются. Решаюсь предпринять дальние странствования, до поздней осени, — начав с востока и кончая западом. Не стесняя себя заранее никакими сроками, ни подробным маршрутом, думаю, однако ж, распределить путешествие таким образом, чтобы май месяц и половину июня провести в Константинополе, Греции, на берегах Азиатской Турции (со включением Палестины) и Египте; затем, вторую половину июня (по нашему стилю) — в северной Италии; жаркое летнее время — в горах Швейцарии; весь август — в Париже, на выставке, а сентябрь и часть октября — в средней и южной Италии.

Предпринимая* это странствование, я не имею в виду никаких специальных задач, ни научных, ни политических; еду просто туристом, без спутников, даже без прислуги, с единственной целью — развлечься, стряхнуть с себя умственную дремоту, которая незаметно подкрадывается в старости, при уединении и бездействии; хочу освежить в своей памяти давнишние впечатления прежнего знакомства с чужими странами и еще раз в жизни увидеть собственными глазами гигантские шаги европейской** культуры. Для того, чтобы ничем не связывать себя, сохранить полную независимость, намереваюсь устранить в пути всякую официальность, постараюсь избегать встречи с местными властями, даже всяких новых знакомств. Такова моя программа.

Все приготовления к путешествию окончены; заграничный паспорт и кредитив от Банка в кармане, — и завтра утром покидаю Симеис.

5-го мая. Пятница. Севастополь. — Выехал сегодня в 10 часов утра на почтовых лошадях в Севастополь вместе с дочерью Ольгой, которая простилась со мной у спуска с шоссе к Мшатке, где намерена провести дня два у Ольги Алекс[андровны] Данилевской***. В 4 часа пополудни я был уже в «Северной гостинице». После обеда сделал визит градоначальнику адмиралу Кумани, а вечер провел в семье генерала Эллиса, бывшего корпусного командира, а теперь члена Военного совета.

6-го мая. Суббота. — Утром посетили меня генерал Эллис и адмирал Кумани, приехавшие в полной форме с торжественной службы в соборе, по случаю дня рождения наследника цесаревича. Обедал у генерала Эллиса, а вечером посетил вдову адмирала

* продолжительное

** Первоначально: «европейской цивилизации».

*** а Банк имеет поручение от жены в Севастополе по делам хозяйства. Выехал я очень скоро.

Шестакова, которая поселилась в Севастополе до истечения годичного срока со времени смерти ее мужа. Она много говорила мне о покойном своем муже и до сих пор вспоминает о нем со слезами; подарила мне на память фотографии его и свою.

8-го мая. Понедельник. Константинополь. — *Вчера в 8 часов утра отплыл я из Севастополя на пароходе «Владимир» (капитан Роллер). Пароход старый и мне знакомый: 19 лет тому назад я возвращался на нем из Константинополя в Одессу. В первом классе являюсь я единственным пассажиром. Погода серенькая** ; на море легкая зыбь, слегка покачивает; но это не мешает мне заниматься чтением книжки: *La Turquie contemporaine*, par William N. Senior²²².

Сегодня в час пополудни пароход бросает якорь в Золотом Рого. К сожалению, с самого входа нашего в Босфор небо заволось черными тучами; на море густая мгла, пошел мелкий дождь, так что весь эффект живописных берегов Босфора для меня потерян. Проходя проливом, я замечал расположение вновь построенных и еще строимых турками батарей, которые с новым вооружением большими круповскими орудиями будут, конечно, гораздо сильнейшею преградой для нашего флота, чем старинные каменные «кули» в виде замков и башен.

По выходе на берег в Пере²²³ на первом же шагу я был раздосадован глупым осмотром моего скромного багажа в турецкой грязной таможне, под дождем и в невообразимой толкотне. Также не очень приятен и путь от пристани до гостиницы «Grande Bretagne», где я остановился. Путь этот был уже мне знаком по воспоминанию о первом моем посещении Константинополя в 1870 году; узкие, извилистые и грязные улицы, с крутыми подъемами и спусками, вечная толкотня движущейся толпы, так же грязной, как и сама улица, множество собак, лежащих и бегающих между ногами проходящих, — все это по своей оригинальности не производит в хорошую погоду такого неприятного впечатления на приезжего, как под дождем и при слякоти.

Hôtel «Grande Bretagne»²²⁴ находится на главной улице Перы, поблизости русского посольства и консульства. Лишь только я привел несколько в порядок свой туалет, отправился за справками сперва в консульство, а потом в посольство. Прежде всего узнал, что последнее еще не переселилось в Буюк-дерё²²⁵, что было для

* Провел скверную ночь от расстройства желудка.

** но моряки предсказывают переход спокойным. На пароход приехал проститься со мною адмирал Кумани.

меня весьма приятно. Оставив карточку генеральному консулу Лаговскому, я отправился в Hôtel d'Angleterre (все это в соседстве), где временно живет молодой Свечин, сын моего товарища юных лет Ник[олая] Иван[овича] Свечина. Молодой секретарь посольства, с которым виделся я за год пред сим в Ялте, принял меня любезно и предложил свои услуги; а след за тем пришли к нему еще два члена посольства, несколько мне известные — драгоман Иванов и первый секретарь Вестман. Оба они также были очень любезны и также предлагали свои услуги. Они уговорили меня не отлагать посещения посла, Александра Ивановича Нелидова, который уже знал о моем приезде.

Посол принял меня чрезвычайно радушно; он теперь живет со своей сестрой и * сыном; жена же с прочими детьми в Петербурге. После продолжительной беседы о положении дел наших на Востоке Нелидов пригласил меня остаться отобедать у него с некоторыми из лиц посольства. В Константинополе вообще обедают поздно — в 8 часов вечера. Хотя я отговаривался своим дорожным нарядом, однако ж гостеприимный хозяин настоял на своем и даже послал сказать всем приглашенным к обеду, чтобы пришли в сюртуках. Тем не менее хозяйка, сестра посла, вышла по обыкновению очень нарядною. В числе приглашенных были: советник посольства Ону, первый драгоман Иванов, первый секретарь Вестман, секретари Свечин, Смирнов, наконец, причисленный к посольству старший сын посла. Все эти лица были со мною чрезвычайно любезны и предлагали свои услуги для облегчения моих экскурсий в Константинополе. Особенно выказал много внимания старшина посольства, Михаил Константинович Ону; он взялся составить программу для моих экскурсий и собрать все сведения для маршрута моих дальнейших путешествий. На первый же, т. е. завтрашний день предложил он собраться у него в квартире к завтраку и оттуда уже отправиться для осмотра тех достопримечательностей, которые войдут в первую очередь.

9-го мая. Вторник. — Погода по-прежнему пасмурная и дождливая; на улицах страшная грязь. Но это не помешало предположенным на нынешний день странствованиям по городу.

Сначала ходил я вдвоем со Свечиным по магазинам и лавкам Перы, для некоторых покупок и заказов**. К полудню надобно было спешить к М.К. Ону. Тут много толковали о распределении

* малолетним

** к сожалению, не удалось найти все то, чего искал.

Карта Константинополя. XVI в.

времени на все дни моего пребывания в Константинополе, а также о плане дальнейших моих путешествий. По общему мнению положено, чтобы я воспользовался пароходом Русского общества, отходящим в будущий вторник в Александрию чрез Смирну, с тем, чтобы ранее покончить с Египтом, где уже становится очень жарко. После завтрака отправились мы в путь втроем: Свечин, Смирнов и я: спустились в Галату²²⁶ по фуникулярной железной дороге*, перешли пешком по новому мосту чрез Золотой Рог в Стамбуле и затем в продолжение более пяти часов бродили по городу: осмотрели главные мечети, начав конечно со Св. Софии, которой уделили наиболее времени²²⁷. Из других виденных мечетей особенно выдается своими грандиозными размерами — мечеть султана Селима²²⁸. В некоторые из мечетей попали мы во время службы (намаза); в иных, по случаю рамазана, находили многочисленные группы молящихся или слушавших проповедников, из которых одного приняли мы за юриводного: он поучал окружавших его слушателей с какими-то странными вскрикиваниями и комичными кривля-

* (на канатах)

ниями. Кроме мечетей осмотрели несколько султанских усыпальниц, остатки древнего ипподрома и много ходили по базару. Порядочно усталые возвратились мы в Перу прежним путем, т. е. тоннелем фуникулярной железной дороги.

Сегодня я был приглашен обедать в клубе, вместе с некоторыми из лиц посольства, а именно: Вестманом, Свечиным, Смирновым и Мансуровым (сыном Бориса Павловича). С обеда возвратился домой уже довольно поздно*.

Несмотря на утомительный день, я успел докончить начатое еще вчера длинное письмо к моей дорогой семье²²⁹, чтобы отправить с нашим русским пароходом «Владимир», отходящим завтра обратно в Севастополь.

10-го мая. Среда. — Второй день пребывания в Цареграде предназначен для поездки на азиатскую сторону — в Скутари и на Принцевы острова. Погода не совсем благоприятная для такой экскурсии; только изредка показывалось солнце, в короткие промежутки между густыми черными тучами**. Однако ж в совещании у Нелидова (к которому мы собрались в 11-м часу утра) решено было пуститься на авось, пользуясь прибытием из Буюк-дерё посольского парового катера «Мушка». В поездке этой пожелали участвовать, кроме Свечина и второго драгомана Яковлева, Мансуров с женой (урожденной Безобразовой). С пристани у Топ-хане²³⁰ направились мы прямо к Принцевым островам и вышли на берег главного острова (Принкипо); позавтракав в хорошей гостинице (Hôtel Giacomo), объехали потом остров в двух экипажах; всходили на высшую точку острова, откуда открывается обширный вид во все стороны. Возвратились на пристань под мелким дождем. Казалось, что погода окончательно помешает нам продолжать предположенную поездку; однако ж в ту минуту, когда «Мушка» подошла к пристани Кадыкия, ветер разогнал тучи и дождь прекратился. Мы решились выйти на берег и осмотреть Скутари, но уже только втроем, со Свечиным и Яковлевым; Мансуров же с женой (утомленную небольшою качкой катера) покинули нас, чтобы возвратиться в Перу на стоявшем у пристани пароходе. В Скутари, впрочем, нет ничего замечательного: этот городок составляет как бы предместье Стамбула, отделенный от него проливом. Но туда ездят туристы, частью, чтобы видеть мусульманское кладбище, частью, чтобы любоваться обширным и прекрасным видом с вершины горы, возвышающейся с восточной стороны города. Кладбище —

* и так утомленный, что сейчас лег спать.

** застилавшими большую часть неба.

есть весьма обширная роща кипарисов, густо усеянная памятниками*. Немногие из них нарядны и исправны; большею же частию они в запущении, валяются и разрушаются, как все, что видишь в здешней стороне. Замечательно, что богатые и сановные турки с давних времен предпочитают быть погребенными на азиатском берегу, не рассчитывая на вековечное успокоение своих костей на европейском берегу. Что касается до вида с горы, то он должен быть великолепен в хорошую погоду; сегодня же, к сожалению, густой туман и тучи не дали нам насладиться этою эффектною картиной, которую надеялись найти на вершине горы. Оставалось только дополнить усилием воображения то, что удалось видеть.

Возвратились мы в Перу только в 7 ¹/₄ часов, так что несколько даже опоздали к обеду у посла. Нас поджидали. К обеду были приглашены, кроме лиц посольства, капитан 2-го ранга Полисадов, командовавший до сего времени русским стационаром (пароходом «Псезуапе»), а также прибывшая из Египта супруга нашего генерального консула Каяндера. Она несколько пугает меня наступившим уже в той стране сильным зноем.

Здесь же погода так свежа, что я во все время не выхожу иначе, как в своем толстом драповом пальто. Термометр показывает не более 8° Реом[юра]! Мог ли я это ожидать в настоящее время года, когда меня пугали страшным зноем!

11/23 мая. Четверг. — **На нынешний день предположен был осмотр дворца Долма-Бахчи²³¹ и старого Сералья большим обществом, в котором, кроме меня и двух секретарей посольства Яковлева и Преображенского, участвовали: г-жа Каяндер, еще три дамы (в том числе сестра нашего генерала Эрнота) и приезжий из Швейцарии г-н Муральт. Объявлено было, что ровно в полдень во дворце Долма-Бахчи будет ожидать нас султанский адъютант. К назначенному часу явились мы туда в четырех экипажах, в сопровождении двух кавасов посольства; но, к удивлению нашему, обещанного султанского адъютанта не оказалось; послали кавасов наших разыскивать его и, прождав у пристани добрый час, узнали, что по недоразумению адъютант ждет нас в старом Серале. Нечего было делать: мы все гурьбой поехали чрез всю Галату и по мосту

* мусульманскими.

** Утром: у портного, у сапожника и другие мелкие покупки. Потом в квартире Ону получил от агента Оттоманского Банка 3 тысячи золотом по кредиту Петербургского международного банка. После легкого завтрака спустился к Яковлеву, с которым предстояло мне сегодня осматривать дворец Далма-Бахчи и старый Сераль.

Золотого Рога к старому Сералю, где нас и встретил адъютант. Пройдя несколько внутренних дворов, мы вошли в хранилище султанских драгоценностей: тут много всяких старых вещей: оружия, одежд султанских, посуды, драгоценных камней, монет, всякой всячины, но мало действительно замечательного. Входили еще в некоторые из киосков, и под конец, в одном из них, вышли на открытую террасу, с которой открывается необыкновенно эффектный вид во все стороны, как в панораме: начиная с Золотого Рога, Перы, Галаты, устья Босфора — глаз обгибает вправо Скутари, Принцевы острова, Мраморное море, Семибашенный замок²³². К счастью нашему, погода в этот момент прояснилась; хорошо виднелась даль; но сильный северный ветер не позволил нам долго оставаться на террасе и любоваться этою единственною в свете прелестною панорамой. Мы вошли вовнутрь киоска, и здесь угостили нас превкусным кофеем, приготовленным, конечно, по-турецки.

Затем общество наше разделилось: г-жа Каяндер спешила на пароход, на котором уезжала в Россию; другие дамы с швейцарцем пожелали все-таки видеть дворец Долма-Бахчи, куда и отправились с султанским адъютантом, а я вдвоем с Яковлевым осмотрел еще находящийся близ старого Сералю музей старинных мраморов. Музей этот весьма неважен; но есть несколько любопытных вещей ассирийских и греческих из недавних раскопок Шлимана²³³.

Пред обедом посетили меня Нелидов и Иванов, а потом я зашел к Мансуровым; обедал у Ону*.

12-го мая. Пятница. — В 11 часов утра зашел я к Нелидову, чтобы узнать состоится ли план прогулки по Босфору и сам он предполагает ли ехать с нами в Буюк-дерё. Оказалось, что «Мушка» готова у пристани и что в предположенной прогулке желают участвовать: Елизавета Ивановна Нелидова, Ону, Вестман, сын посла, а также капитан 2 ранга Полисадов, который сам вызвался быть моим чичероне, чтобы показать все вновь построенные турками батареи и объяснить мне как принятые ими меры обороны пролива, так и наши средства атаки, в случае решения форсировать проход. Погода была порядочная, хотя все-таки серая. Отчалив от пристани Топ-хане около часа пополудни, мы употребили часа полтора на проезд до Буюк-дерей, где вышли на берег и обошли строения посольства с обширным его садом. Густая растительность покрывает весь крутой скат горы, а на самом верху сада

* после обеда возвратился прямо домой, отказавшись от предполагавшейся поездки в Св. Софию, чтобы видеть вечернее освещение этой великолепной мечети.

строится попечением Полисадова метеорологическая обсерватория. Осмотрев подробно владения русского посольства, я сел опять на «Мушку» с Полисадовым и продолжал прогулку до выхода из Босфора в Черное море, чтобы видеть турецкие батареи, защищающие собственно вход в Босфор. Полисадов не придает большого значения вновь построенным батареям и довольно легко смотрит на форсирование прохода. Мне кажется, что подобное предприятие возможно только разве в случае внезапного нападения, если обстоятельства сложились бы так, что турки не успели бы ни приготовить к обороне, ни призвать на помощь своих союзников. Во всяком случае хорошо, что наши военные и морские власти занялись тщательным изучением вопроса о Босфоре и приготовлением заранее всех средств на случай, если бы пришлось нам или форсировать проход, или преградить неприятельскому флоту вход в Черное море.

Часам к 7 вечера возвратились мы к пристани Топ-хане, а к 8 часам приглашен я был на обед к Ивану Александровичу Иванову вместе с послом, его сестрой, сыном, М.К. Ону, Свечиным и Вестманом. После обеда ездил я со Свечиным в мечеть Св. Софии, чтобы видеть службу рамазана при вечернем освещении. Очень любопытное и оригинальное зрелище. Пока происходит продолжительная служба в мечетях, массы правоверных, не дождавшись конца службы, толпятся уже в кофейнях, у лавок съестных припасов, у расставленных среди улиц лотков; едят, пьют, курят с жадностью после целого дня воздержания. Минареты мечетей и улицы иллюминированы; везде толпы народа, как в праздничный день; местами — представления марионеток и разные другие увеселения до поздней ночи. Трудно представить себе, что все это в дни поста и молитвы.

Я забыл сказать, что сегодня* предполагалась для меня поездка «на селямлек» в Ильдыз-киоск — настоящем местопребывании султана. Как известно, по пятницам переезд султана в мечеть на молитву совершается с особенною торжественностью, с участием войск, в присутствии многочисленной публики и толпы народа. Посол предлагал мне испросить для меня дозволение султана присутствовать в особом помещении дворца, откуда обыкновенно les voyageurs de distinction** и дипломатический корпус смотрят церемонию и представляются падишаху. Но я отклонил это предложение и предпочел поездку по Босфору. И хорошо сделал, так как обычная церемония почему-то сегодня не состоялась.

* в пятницу

** Знатные путешественники (фр.).

13/25 мая. Суббота. — Наконец погода прояснилась; день солнечный и теплый. Мы предприняли поездку по железной дороге в Сан-Стефано, с М.К. Ону и Смирновым. Сан-Стефано имеет вид мертвый, грустный; кладбище, где были погребены многие русские, в полном запущении. По возвращении оттуда к Семибашенному замку, пошли пешком вдоль древних стен Византии. В этой прогулке присоединились к нам Елизавета Ивановна Нелидова с молодым Нелидовым и Вестманом*. На пути своем, поблизости Адрианопольских ворот, осмотрели маленькую мечеть, в которой в недавнее время открыты и очищены старинные христианские фрески и мозаики. Это была церковь Спаса в хоре, обращенная, как и другие древние христианские храмы, в мечеть «Кахриа-Джами»²³⁴. Дойдя до берега Золотого Рога, мы сели на каик и спустились к старому мосту, откуда пешком прошли в посольство. Здесь я распрощился с посланцем и с лицами посольства, которым искренно признателен за их любезность и услужливость. Благодаря им я не только успел хорошо осмотреть все любопытное в Цареграде и окрестностях, но и провести весьма приятно эти 6 дней моего здесь пребывания. Завтра утром сажусь на пароход со вторым драгоманом русского посольства Яковлевым: едем в Мудание и оттуда в Брусу. Говорят, что это место прелестно; о нем рассказывал мне великий князь Константин Николаевич с восхищением.

14/26 мая. Воскресение. Бруса. — В 9 часов утра вместе с Александром Гавриловичем Яковлевым сажусь на пароход (турецкий), отходящий от Золотого Рога в Мудание — местечко на восточном берегу Мраморного моря. Переход хороший, погода прекрасная. В 2 часа пополудни — причаливаем к пристани. Муданье — маленький, плохонький городок. Тут встречает меня русский военный агент полковник Генерального штаба Пешков, поселившийся на несколько недель в Брусе** со своею семьей. Вместе с ним переезжаем в Брусу в прекрасном ланду, произведении самой Брусы. Хорошее шоссе ведет чрез небольшой горный перевал. Прекрасная местность сплошь обработанная: обширные пространства заняты вперемешку оливковыми и шелковичными деревьями. Шелк, оливковое масло и ковры — вот главные произведения брусской промышленности.

На половине пути остановка на несколько минут для отдыха лошадей, в тени развесистых платанов. Каждому путнику подается маленькая чашка кофе, конечно, на турецкий манер (с гушей).

* Было жарко и потому несколько утомительно.

** Турки называют город — Бурса; греки называли город Пруса.

При спуске с горы открывается издалека вид на Брусу. Прекрасная и обширная долина окаймлена со всех сторон невысокими горами, большую частью покрытыми лесом. В 6-м часу вечера приезжаем в загородный отель («Бетания»), в котором живут Пешковы, а также семья Иванова (нашего первого драгомана) и русский консул — грек Пердикарис с женой. Сейчас же познакомился я с ними; консул — добродушный старичок, несколько простоватый; по-русски не говорит так же, как и жена его. Русские дамы предложили нам чаю и уговорили остаться в этом отеле, на что мы охотно согласились, предпочитая дышать чистым загородным воздухом, чем задышаться в зловонных улицах турецкого города; притом здесь мы могли провести весь завтрашний день среди русского общества, не теряя времени на переезды сюда из города и обратно (около 4 верст). Отель напоминает скромные, второстепенные «пансионы» Швейцарии — без лишних прихотей, но чисто, тихо, спокойно, и стол порядочный. Русские наши дамы здесь как хозяйки в доме.

В тот же день, еще до обеда, успели мы осмотреть здешние источники минеральной воды и бани. Нынешние турецкие бани, в недалеком расстоянии между нашим отелем и городом, устроены на развалинах древних гораздо более обширных терм. Целительными свойствами здешних минеральных ключей пользовались еще в древности. Здесь почти рядом бьют обильные ключи и горячий, и холодный: один родник — серный, другой — щелочной. По словам Пешкова, эти воды принесли ему самому большую пользу. Мы видели в банях многих купальщиков, а поблизости, у другой постройки на лугу отдыхала группа женщин.

15/27 мая. Понедельник. — Жаркий день. С 7 часов утра начали мы свою экскурсию, в экипаже, вчетвером: Яковлев, Пешков, Пердикарис и я. В самом городе осмотрели несколько мечетей, базары, гробницы. Город расположен живописно, амфитеатром по довольно крутому скату горы и по обеим сторонам красивого, скалистого оврага, в котором низвергается несколькими уступами речка чистой воды. С некоторых высших точек города открывается восхитительная и обширная панорама. По словам консула, в Брусе считается от 250 до 300 тысяч населения; в этом числе значительная часть христиан: греков и армян. Грязные улицы и окаймляющие их постройки — такие же, как во всех турецких городах*. На базаре — обилие всяких товаров; особенно же славятся здесь ковры и шелковые изделия. Показывали нам культуру шелковичных

* Первоначально: «Грязные улицы и постройки сохраняют здесь характер восточных городов; довольно грязны».

червей и прядильного шелка. На базаре, несмотря на принятое мною правило — ничего не покупать, я соблазнился оригинальными здешними тканями и купил для жены и дочерей четыре бурнуса, употребляемые здесь в банях, по выходе из ванны. Пешков взялся переслать их в Крым.

Около 11 часов утра мы вошли в городское жилище нашего консула, устроенное и обмелированное в восточном вкусе. Здесь мы несколько оправились от зноя, под прикрытием плотных занавесей и жалюзи, в ожидании наших дам из отеля. По приезде их отравились уже вместе с ними, в двух экипажах, за город, по дороге, ведущей вдоль ската гор, в северо-восточном направлении, в Кутайю. В нескольких верстах от города выбрано было место для привала и завтрака, под тенью платанов. Здесь ожидал нас заранее высланный фургон с завтраком. Напитавшись вдоволь, продолжали прогулку частью по прежней дороге в экипажах, частью пешком, в гору, к роднику чистой воды, вытекающей среди роскошной зелени. Вообще окрестности Брусы замечательны богатою растительностью, которая особенно поражает путника, приехавшего из Константинополя. Многие породы деревьев, известных и у нас в Крыму (платан, дуб, бук, акация, клен и др.), здесь отличаются многими особенностями и большими размерами. Одно дерево, под которым нам случилось сидеть, имело такой ствол, что пятеро человек едва могли обхватить его растянутыми руками.

Возвратились в гостиницу около 3 часов. Несколько отдохнув, снова предпринял я прогулку пешком с Пешковым, консулом Пердикарисом и сыном Иванова, бойким мальчиком лет 11-ти. Мы пошли от отеля в противоположную сторону от Брусы, по горной тропе, довольно крутой, ведущей к одной деревеньке, откуда открывается новый вид на озеро Аполлония. И здесь прекрасная растительность.

Возвратились в отель как раз к обеду и ввиду предстоящего завтра отъезда из Брусы рано разошлись по своим комнатам. Пешковы решились завтра же, вместе с нами, переехать в Константинополь.

16/28 мая. Вторник. На пароходе «Царь». — Обратный путь из Брусы в Муданье совершился таким же образом, как и проезд в Брусу. Выехали рано утром, чтобы прибыть в Муданье к отходу парохода (в 10 часов утра). По дороге встретили длинную вереницу экипажей с австрийскими туристами, привезенными из Константинополя на особом пароходе пресловутою компанией Кук*.

* занимающуюся специально перевозкою туристов гуртом, за определенную оптовую плату.

Около 2 часов пополудни мы были уже в Золотом Роге. С турецкого парохода я прямо пересел на стоявший поблизости русский пароход «Царь». Спутники мои Яковлев и Пешковы проводили меня на этот пароход, а вслед за тем приехали проститься со мной еще некоторые из лиц посольства: Свечин, Смирнов, Лаговский, Преображенский, Вестман. Прочие уже находились в Буюк-дерэ, куда посол переселился еще накануне.

В 5 часов пополудни снялись мы с якоря. Я познакомился с любезным капитаном Демме (Иван Иванович) и его семьей, которая сопровождала его в виде прогулки. В числе пассажиров оказались двое петербургских профессоров (оба по части зоологии): Вагнер и Шимкевич; все остальные были из туземцев разных национальностей: евреи, греки и другие. Погода прекрасная, море гладкое, темно-синего отлива.

17/29 мая. Среда. — Еще до рассвета пришли к местечку Дарданеллы, в самом узком месте пролива, где все проходящие суда останавливаются для получения пропуска. Тут только я мог видеть турецкие укрепления Дарданелльского пролива, которые, по словам наших офицеров (Пешкова и Полисадова), сильнее босфорских. В 7 часов утра вышли из Дарданелл. Пароход идет плавно и скоро; люблюсь синим, блестящим оттенком воды. Проходим близ берега Древней Троады, между ним и островом Тенедос; потом мимо большого острова Лесбос или Митилен. Очертания профиля островов мягкие, извилистые, выдающиеся довольно высоко над поверхностью моря. Городки и деревни по берегам — живописны издали; за ними полоса садов и полей; но далее скаты гор кажутся оголенными и пустынными.

Около 8 часов вечера приходим в Смирну. По мере приближения к берегам обширного залива Смирнского небо принимало все более серый вид, а море слегка заколыхалось, производя слабую качку. Вся длинная набережная городская иллюминирована: сегодня — конец турецкого рамазана, а завтра уже начинаются праздники Байрама («Орудж-Байрам»). Пушечные выстрелы и ракеты возвещают правоверным заход солнца и конец поста.

Но момент этот интересует только турецкую часть города, расположенную справа амфитеатром по скату горы Пагос; левая же небольшая часть города, прилежащая к морю (порту) — населена почти исключительно греками и армянами. Меня встретил прибывший на пароходе наш молодой вице-консул Акимович (за отсутствием самого консула Илларионова*, находившегося в Константинопо-

* В тексте допущена ошибка : «консул Ларионов». — Прим. публ.

ле)*. Весьма любезно предложил он мне выйти на берег и посмотреть, как проводит вечера христианское население Смирны. В сопровождении каваса (черногорца) прошли мы пешком вдоль всей набережной от одного конца до другого. С некоторым удивлением увидел я прекрасный европейский город; масса публики в европейской одежде двигалась пешком и по конке. Набережная эта, устроенная только в последние годы, прекрасно вымощена (как и другие улицы) большими плитами. Особенно бросается в глаза множество кофейных домов, которые тянутся почти непрерывным рядом; иные из них имеют садики, павильоны, даже сцены для представлений под открытым небом; во многих местах раздаются звуки музыки и пения. Публика обоего пола, рассевшись группами за маленькими столиками, услаждается кофеем или «мастикой» (род сладкой водки). Все это живо напоминает самые бойкие улицы Неаполя и других южных городов Западной Европы. К сожалению, не устранено одно большое неудобство — крайне неприятное зловоние, распространяемое выходящими в море сточными трубами.

К ночи начал накрапывать мелкий дождь.

18/30 мая. Четверг. — Несмотря на пасмурную погоду и накрапывавший по временам дождь, уже в 7 ¹/₂ часов утра приехал за мною на пароход любезный Акимович, вызвавшийся показать мне город при дневном свете. По случаю наступившего Байрама турецкие корабли в гавани расцвечены флагами; в городе также вид праздничный. Мы прошли по нескольким улицам христианской части; некоторые из них, подобно набережной, имеют европейскую физиономию**; везде слышится говор греческий или итальянский. Сегодня праздник не только мусульманский, но и христианский (православный) — Вознесение. По предложению Акимовича я зашел к здешнему митрополиту, но не застал его дома: он уже был в то время в церкви у обедни. Прошли мы по базару: здесь местный, восточный элемент заметно вытеснен европейским: больше чистых, нарядных магазинов***, чем грязных лавчонок азиатского типа. Закончили мы прогулку в ближайшей части турецкого квартала, где с утра правоверные наслаждались в своих кофейнях.

К полудню окончились и выгрузка привезенных нашим пароходом кулей муки и бочек со спиртом, и нагрузка табаку и фруктов, составляющих главные статьи здешнего ввоза и вывоза. Под-

* — молодой человек

** более всего <вообще Смирна> напоминают <ет> итальянские города.

*** Первоначально: «Больше видишь больших, хороших магазинов, устроенных по образцу европейских».

няв якорь, пароход пошел вдоль южного берега залива Смирнского, обогнул выдающийся к северу мыс Кара-бурну и вошел в пролив между берегом твердой земли и островом Хиос. У городка Кастро простояли мы часа два для выгрузки и нагрузки товаров. Красивый городок (издали) населен исключительно греками; старые молы, ограждавшие гавань, разрушены землетрясением. Близ прежнего входа в эту гавань торчат еще над водой мачты и трубы небольшого парохода, выброшенного в туман на камни.

19/31 мая. Пятница. — Со вчерашнего вечера мы уже совсем в открытом море. Последние виденные нами сегодня острова — Скарпанто и Каксо. Утром погода ясная и теплая, даже жарко; но к вечеру небо покрылось тучами и началась слабая качка. Некоторые из пассажиров уже не являются к завтраку и обеду.

20-го мая / 1-го июня. Суббота. Александрия. — С утра качка постепенно уменьшалась; но северный ветер очень освежил воздух. Издали уже показывается фар* Александрии, а потом — и самый берег. Около половины второго часа пополудни наш пароход входит в порт Александрии (называемый на картах «старым») и останавливается между другими пароходами, вблизи нашего же русского кампанейского, прибывшего сюда ранее круговым рейсом**. *** Около трех часов пополудни переехал я на берег и остановился в рекомендованном мне отеле «Аббат», которым остался весьма доволен. Едва вошел я в отведенную мне комнату, как явился консул наш Вильер-де-Лиль-Адам, а за ним агент Русского пароходного общества Иванов (Федор Федорович)****.

Получив от них обоих все нужные мне указания и справки, я взял в проводники одного араба, состоящего при русском агентстве в качестве переводчика, и вместе с ним объехал в экипаже почти весь город, некоторые из загородных вилл, вдоль канала Махмудье, а потом еще прошелся пешком с Ивановым по лучшим кварталам. Александрия***** удивила меня своим благоустроенным видом, чистотою, пре-

* От франц. *phare* — маяк.

** т. е. вдоль берегов Малой Азии, с остановками в Смирне, Хиосе, Мерсине, Александриете, Латакии, Триполи, Бейруте, Яфе и Порт-Саиде. Такой рейс от Константинополя до Александрии совершается в 8 дней. — *Прим. Д.А. Милютина.*

*** Не дождавшись прибытия на наш пароход агента Пароходного общества Иванова, от которого надеялся я получить верные сведения о движении пароходов разных компаний для определения моего дальнейшего путешествия, я переехал на берег.

**** Родной брат нашего драгомана в Константинополе. — *Прим. Д.А. Милютина.*

***** *Первоначально: «Александрия поразила меня».*

красными зданиями: она может стать в этом отношении наряду с лучшими, новыми городами Западной Европы, несмотря на недавний еще разгром англичанами²³⁵; следы их бомбардирования сохранились только на окраинах, в виде руин старых фортов, стоявших при входе в гавани; самый же город отстроился лучше прежнего, так что можно в полной мере применить к Александрии стих Грибоедова, что «пожар способствовал ей много к украшению»²³⁶. Улицы Александрии большею частию (кроме арабского квартала) широкие, прямые, отлично вымощенные плитой, с широкими тротуарами по образцу парижских; дома красивой архитектуры в 4 и 5 этажей; множество блестящих магазинов, кофеен, отелей; красивые скверы и бульвар, со статуею Мегмета-Али на коне. Некоторые частные дома* в самом городе имеют красивые садики; а в ** загородных виллах *** довольно обширные сады, в которых в настоящее время года деревья покрыты свежеею зеленью и яркими цветами.

Вообще глаз приезжего здесь невольно останавливается на непривычном виде растительности: в особенности характерны пальмы, разбросанные всюду группами и отдельно, не только в садах, но и на полях. Вдоль всех загородных (шооссированных) дорог тянутся аллеи тамариска (имеющего здесь размеры большого дерева), смоковницы (сикоморы), особого вида акации и других, новых для меня пород. В садах растут олеандры, также в виде больших деревьев, густо покрытых яркими цветами; кактусы и агавы напомнили мне остров Капри и Сицилию.

Александрия, хотя по своему виду есть город вполне европейский, представляет, однако же, и отличительные свои местные черты. Среди многочисленного населения европейского или принявшего европейский костюм — снует и много туземцев, в их пестрых и странных одеждах: арабы белые и темнокожие, негры совсем черные, копты; одни в широких бурнусах, покрывающих их с головой; другие — в безобразных длинных **** халатах, с чалмою на голове; иные полуголые, и почти все босые. За городом видел я людей совсем голых, чернокожих; а детей голых даже и в самом городе.

Дикий вид части населения составляет резкую противоположность с европейскою внешностью города *****. После Константино-

* даже

** в некоторых

*** даже

**** Первоначально: «хитонах».

***** Дикий вид населения особенно поразителен противоположностью своею с европейскими формами и благоустройством города.

поля меня удивило примерное благоустройство в Александрии. Полиция египетская, войска, их обмундирование — стоят неизмеримо выше турецких. Не знаю, насколько в этом успехе Египет обязан вмешательству англичан и присутствию их войск. Признаюсь, что мне лично, как русскому, колот глаза вид английских мундиров: англичане здесь как господа, как властители. Они занимают караулы на важнейших постах; заводят свои английские порядки. Объезжая город, я случайно попал на песчаное пустое место близ порта, где устроен ими скаковой круг; толпа англичан и англичанок, в экипажах и пешком, наслаждалась, смотря на скачку английских офицеров, при звуках военной музыки.

В настоящее время хедив и все его правительство еще находятся в Каире; вскоре ожидается их переезд в Александрию на лето. Здесь климат считается менее знойным; жара умеряется морским ветром. При объезде города я встретил двух сыновей хедива, ехавших в коляске, парой, с двумя бежавшими впереди, роскошно разряженными, скороходами, с длинными палками в руках. С такими же скороходами, разгоняющими народ на пути, до сих пор еще ездят и многие частные лица, — богатые сановники. Вот еще один из тех остатков старого быта, которые бросаются в глаза своим резким контрастом с новыми европейскими формами.

Сделав визиты Иванову и консулу, я отобедал в гостинице за общим столом (по здешнему общему обычаю, в 8 часов вечера) и рано лег спать, утомленный не столько движением, сколько разнообразием и пестротой новых впечатлений.

21-го мая / 2-го июня. Воскресение. Каир. — Выехал из Александрии по железной дороге в 9 часов 20 минут утра. Движение по этой дороге в большом порядке. На пути внимание постоянно занято разнообразными и любопытными* предметами: вся плоская, низменная равнина дельты, только кое-где прерываемая песчаными буграми древних дюн, пересеченная несколькими рукавами Нила и множеством искусственных каналов, старательно обработана неутомимыми тружениками феллахами. Все пространство занято полями рисовыми, маисовыми**, хлопковыми***. Поселяне в самое знойное время дня не прерывают своей тяжелой работы. Иные полуголые, другие — в длинных белых рубахах, из-за которых еще резче выказывается черное тело. Повсюду видны водоподъемные колеса, совершенно примитивного устройства, приво-

* и любопытными сюжетами для наблюдения и размышления.

** Первоначально: «пшеничными».

*** и местами огородами <посадками> овощей.

димые в движение волами, лошадьми или ослами; в других — работа производится руками человека, целый день переливающего воду посредством коромысла из канала в малые орошательные каналы. Так и кажется, что видишь картину первобытного Египта. Беспреданно попадаются мужчины и женщины, обернутые в широкие бурнусы или полуобнаженные, верхом на осле или на верблюде. Встречаются типичные личности, живо напоминающие древний патриархальный быт, о котором знаем по книгам.

Не менее занимали меня постройки египетских деревень и городков. Здесь опять то же, что изображается на картинах Древнего Египта. Деревенские жилища бедных феллахов слеплены просто из глины; небольшие отверстия вместо окон, без рам — похожи на бойницы; часто вместо крыши также глиняный свод в виде купола. Такие постройки, темно-серого, почти коричневого цвета, имеют мрачный вид; но в общей картине страны деревни египетские, осененные высокими пальмами, производят оригинальное впечатление на нового приезжего. Я заметил, между прочим, что часто в глиняных постройках, для придания большей устойчивости, стены возводятся не вертикально, а с небольшим откосом: это дает мне повод думать, что в этом именно первобытном способе постройки самых бедных жилищ и заключается прототип египетского архитектурного стиля, развившегося в колоссальных сооружениях Древнего Египта*.

Железная дорога пересекает несколько рукавов Нила и несколько широких каналов прекрасными железными мостами на каменных устоях. При переезде по ним наглядно замечается различие в уровне воды в разные эпохи года. Повременное наводнение всего пространства дельты заставило располагать деревни и местечки преимущественно на буграх естественных (песчаных дюн) или искусственных, образовавшихся от выемки земли при рытье каналов. Ежегодные разливы Нила в течение многих тысячелетий образовали сверх псковой слой растительной земли весьма плодородной. Здесь бывает по две жатвы в год. Несмотря на то, крестьяне живут бедно; они подавлены тяжестью налогов, которыми настоящая финансовая администрация Египта (Европейская комиссия) кое-как покрывает текущие расходы правительства, за выделением известной части доходов на удовлетворение бесчис-

* Также и величественные куполы позднейших сооружений восточных — имеют первоначальным прототипом незатейливые купола глиняных жилищ <дававшие возможность>, к которым должны были прибегнуть немощные обитатели безлесной страны, взамен стропил и крыш.

ленных кредиторов египетской казны. Теперь феллахи буквально в поте лица несут на своих плечах всю тяжесть ликвидации долгов прежних хедивов, разоривших страну своими безрассудными затеями²³⁷.

Около часа пополудни поезд прибыл на Каирскую станцию. Здесь встретили меня генеральный консул Александр Иванович Каяндер, секретарь его Александр Федорович Иванов* и представитель России в Европейской финансовой комиссии князь Мурузи. Каяндер сам привез меня в гостиницу «Shepherd», рекомендованную мне как самую лучшую, но вместе с тем и самую дорогую. Водворив меня в весьма комфортабельном помещении, он обещал опять заехать за мною, когда спадет дневной жар, чтобы показать мне город. Впрочем и здесь, как в Александрии, я пока не нахожу такого невыносимого зноя, каким пугали меня; легкий северный ветерок освежает воздух, так что в самый жаркий час дня термометр у входа в отель показывает в тени не более 26°—29° Реомюра, а под вечер сегодня поднялся вихрь, от которого заволокло небо облаками песчаной пыли.

После сытного завтрака в отеле в 5-м часу поехали мы с Кояндером, в сопровождении консульского каваса, по городу к стороне цитадели. Каир оказался совсем иным, чем я себе представлял его: только на окраинах сохранился тип старого египетского** города, с узкими кривыми улицами, грязными переулками между домами с нависшими верхними этажами и крытыми балконами, с решетчатыми выступами в окнах («мушарабии»), с обветшалыми стенами и бесчисленными туземными лавочками. Главная же, центральная часть Каира — сделалась ныне, благодаря Измаилу-паше, одним из красивейших городов в европейском характере: высокие дома прекрасной архитектуры, прямые, широкие, отлично вымощенные улицы, также широкие тротуары, роскошные магазины, кофейни, рестораны, везде чистота и примерный порядок. Но что всего привлекательнее в Каире — это роскошная растительность в скверах и садах, а также аллеи вдоль главных улиц: густые, развесистые акации и сикоморы дают столь желанную здесь тень, спасительную в знойные часы дня. Поднявшись на высоту цитадели, мы надеялись увидеть великолепную панораму; но, к сожалению, в это самое время, как нарочно, песчаный вихрь застилал весь горизонт, так что едва можно было заметить, как бы сквозь полупрозрачный занавес, очертание пирамид и течение Нила.

* Еще брат нашего драгомана в Константинополе. — *Прим. Д.А. Милютин.*

** *Первоначально: «азиатского города».*

В цитадели осмотрели мы главную мечеть Магомета-Али, глубокий колодезь, называемый обыкновенно «Иосифовым», и разные другие постройки. Караул в цитадели занимают английские войска. Спустившись с цитадели, осмотрели мы еще некоторые старые постройки в арабском стиле и пожалели о том, что все эти остатки давних времен постепенно обращаются в развалины. Прокатившись еще по нескольким улицам нового города, переехали по великолепному мосту на длинный остров Нила — Гезирет. Это прекрасный парк, среди которого англичане устроили скаковой круг. По случаю праздничного дня как у мусульман (последний день Байрама), так и христиан (воскресение) — мы попали в самый развал загородного гуляния. Непрерывная вереница экипажей тянулась по обеим сторонам тенистых аллей вперемежку с всадниками на лошадях и ослах*. Несколько раз встречался нам и сам хедив, который так же, как и все другие, катался шагом, но с эскортом из всадников, обмундированных по-восточному; а впереди, по местному обычаю, очищали ему дорогу скороходы с длинными палками или копьями.

После приятной прогулки заехали мы на несколько минут в консульство, а к 8 часам Кояндер повел меня в клуб, где мы обедали под открытым небом вчетвером, с князем Мурузи и Ивановым. После обеда мы еще просидели довольно долго на балконе в саду, так что возвратился я в отель только в 11-м часу вечера. Голова моя была переполнена живыми, разнообразными впечатлениями.

22-го мая / 3-го июня. Понедельник. — Еще день богатый впечатлениями. Князь Мурузи предложил мне быть моим чичероне** в поездке к пирамидам. Экскурсию эту условились мы совершить во вторую половину дня, т. е. после 5 часов пополудни, когда спадет дневной жар. Утренняя же прогулка ограничилась осмотром здешнего базара, который далеко не так обширен и не так оживлен, как константинопольский. А.Ф. Иванов, провожавший меня в это утро, повел меня в мастерскую итальянца Parvis, получившего известность работою мебели совершенно оригинального характера, отчасти в древнеегипетском стиле, отчасти в арабском. Это в полном смысле слова — артист по своей специальности; он же выделяет и разные другие художественные вещицы в подражание

* Если б не эти всадники на ослах, гуляние это имело <бы> совершенно вид всех подобных гуляний в европейских городах — нечто вроде bois de Boulogne (Булонский лес. — *фр.*).

** проводником

древностям восточным: ожерелья, статуэтки, светильники или лампочки, и прочее и прочее. Произведения его высылаются во всю Европу; недавно великие князья Павел Александрович и Александр Михайлович закупили у него много вещей. Некоторые изделия его, более роскошные и затейливые, продаются по очень высоким ценам; но можно красиво меблировать комнату и более скромными работами Парвиса, за цену сравнительно не очень большую*.

Ровно в 5 часов пополудни заехал за мной князь Мурузи и мы отправились за город, к западной окраине Нильской долины, к подошве Ливийских гор, отделяющих ее от песчаных пустынь африканских. Переехав оба рукава Нила по длинным прекрасным мостам, мы продолжали путь сперва вдоль левого берега реки, к югу, а потом свернули к западу, прямо по направлению пирамид, густою аллеей акаций, проложенной Измаилом-пашой для императрицы Евгении**, по случаю приезда ее на открытие Суэзского канала. Расстояние от города до пирамид около 12 верст***.

Короткое время, оставшееся до заката солнца, было совершенно недостаточно для основательного осмотра пирамид. Как ни облегчало мне задачу руководство моего любезного спутника, князя Мурузи, хорошо ознакомленного с подробностями и историей этих диковинных памятников глубокой древности, — я должен был удовольствоваться лишь беглым обзором наружного вида колоссальных сооружений. Влезать же на их вершины, на высоту около 70 сажень, карабкаясь на громадные уступы циклопических камней, или пробираться ползком вовнутрь мрачных усыпальниц

* На всякий случай я взял у него счет подобной скромной мебелировки, на случай если б кто-либо у нас пожелал <вздумал> позволить себе эту роскошь.

[В подлиннике приложен счет на 1510 франков. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 8. Л. 22а]. — Прим. публ.

** Первоначально от слов «прямо по направлению пирамид»: «по прекрасной аллее акаций, устроенной тем же затейником Измаилом-пашой, который издержал столько сотен миллионов на всякие прихотливые сооружения. Этот путь к Гизским пирамидам был проложен для императрицы Евгении».

*** Здесь находится самая огромная из всех пирамид — Хеопсова; другие более отдаленные от Каира, гораздо меньших размеров и менее любопытны, а потому я решил отказаться от экскурсий на те отдаленные пирамиды <ограничиться экскурсией на Гизские пирамиды>. От осмотра же следов <местности> древнего Мемфиса и его серапеума (подземелий) я должен был отказаться по совету всех лиц консульства, по причине свирепствующей теперь в тех местах эпидемии оспы.

фараонов — было не по летам моим и не по времени года. На это было бы необходимо посвятить целый день*.

Описывать обстоятельно столь известные Гизехские пирамиды — считаю совершенно лишним. Все, что ни написал бы я о них, было бы повторением давно уже написанного, указанного во всех путеводителях (*guides du voyageur*)²³⁸. Могу разве отметить только личные свои впечатления. Говоря откровенно, первый взгляд на эти массивные сооружения далеко не поразил меня так, как я ожидал, — оттого ли, что вследствие всего вычитанного прежде, воображение слишком преувеличивало ожидание, или потому, что при всей колоссальности пирамид, величина их скрадывается обширным горизонтом равнины, в сравнении с близлежащими естественными высотами. Вредит также первому эффекту и ближайшая обстановка: во-первых — построенный в новейшее время у самой подошвы главной пирамиды (опять-таки для императрицы Евгении)** жалкий выбеленный дом и другой несколько подальше, более обширный, построенный каким-то англичанином; во-вторых — беспорядочные раскопки и разведки, производившиеся в разные эпохи у основания пирамид, и надписи, которыми пошлые туристы имеют обыкновение*** увековечивать свои безвестные имена на самых видных камнях. К тому же, с приближением нашим к основанию главной пирамиды вдруг вылезла откуда-то группа арабов, в грязных хитонах и бурнусах, с навязчивым предложением ненужных нам услуг. Однако ж после первого момента разочарования, когда я начал ближе всматриваться в детали древних сооружений, когда обошел кругом колоссального сфинкса, когда спустился в подземельные циклопические постройки из громадных глыб гранитных, привезенных из дальних стран верхнего

* От слов «эпидемия оспы» (см. подстрочник) первоначальный текст в подлиннике: «С помощью князя Мурузи — много раз видевшего пирамиды и, по видимому, изучившего их историю, я довольно внимательно обошел все, что есть замечательного в этом древнем погребальном месте фараонов. Влезать же на вершину пирамид и карабкаться <ползать> по темным внутренним ходам я считал излишним в мои годы <лета> и в теперешнее время года. На это было бы необходимо употребить целый день или даже приехать сюда с вечера, чтобы взбираться с рассветом по колоссальным ступеням, крутизной в 52°, на высоту почти 70 сажень.

Что могу я сказать нового о пирамидах после всей массы уже написанного об этих диковинных созданиях человеческого труда в глубокой древности».

** плохонький, ничтожный, <жалкий> выбеленный дом.

*** не упустивших случая

Египта (из Асуана) — меня охватило глубокое изумление. Что за громадные труды человеческих рук! Как ничтожны кажутся в сравнении с ними все строительные работы, производимые в наше время, при мощном пособии современной техники.

Жаль, что ныне правительство Египта не имеет средств для поддержания в сохранности этих остатков глубокой древности и для постепенной очистки их от песков, которыми неизбежно будут они все более и более заносимы. С трудом можно ходить вокруг пирамид; ноги вязнут в сыпучем песке. Мы оставались здесь до самого заката солнца и любовались видом на Каир и Нил, освещенные последними лучами дневного светила. Возвратившись в город уже в половине 9-го часа, я поспел в отель только к концу обеда (table d'hôte) и, утомленный впечатлениями этого дня, рано улегся на отдых, под зашитую неизбежного в здешней стране кисейного полога («moustiquaire»).

23-го мая / 4-го июня. Вторник. — Часов в 9 утра пошел пешком в консульство повидаться с Кояндером и получить от него некоторые сведения для продолжения моих экскурсий. В сопровождении данного мне каваса отправился я в пригородное местечко Булах, для осмотра находящегося там музея египетских древностей²³⁹. Музей этот не обширен, но включает в себе немало предметов в высшей степени любопытных: много мумий, частью раскрытых уже, частью остающихся в своей наружной упаковке; разных изваяний, иероглифических надписей, саркофагов, мелких принадлежностей наряда и т. п. Самый поверхностный осмотр музея дает живое представление о древнем быте здешней диковиной страны.

По заведенному и неизбежному здесь распределению дня, я обыкновенно остаюсь спокойно в своей комнате от завтрака до 5 часов, пока слишком жарко для экскурсий. Сегодня, по уговору с князем Мурузи, мы с ним ездили вечером в одну из ближайших окрестностей Каира — в деревеньку Матарие, к северо-востоку от города. Здесь показывают легендарную группу старых сикоморов, под которыми будто бы отдыхала Богородица с ребенком Иисусом. Несколько далее — на местности древнего города Гелиополис, еще* уцелел древний обелиск. Здесь же находится любопытное заведение, в котором разводятся страусы**. В настоящее время имеется налицо до 500 штук этих странных птиц, разных возрастов. Птенцы выводятся из яиц искусственным способом, практиковавшимся и в Древнем Египте, т. е. выдерживаются в соответственной

* Первоначально: «возвышается и теперь».

** в значительном числе.

температуре (около 39°) с помощью подогреваемой воды. От продажи страусовых перьев и самых яиц, употребляемых для украшения мечетей, заведение выручает ежегодно несколько десятков тысяч франков. В настоящее время года взрослые птицы, совсем обнаженные от перьев, имеют тело розоватое, несколько похожее на человеечье.

Близ той же деревушки Матарие начинают селиться многие из горожан Каира, и, таким образом, возрождается новый городок. Несмотря на песчаный, совершенно обнаженный грунт, уже разведено при строящихся небольших виллах несколько садилов. С помощью искусственного орошения здесь изумительно скоро сыпучие пески превращаются в роскошные роши и сады. Вдоль дорог растут на песке великолепные акации (особого вида) и сикоморы; в иных местах — роши апельсинных деревьев (мандаринов); повсюду пальмы, кактусы, агавы и другие растения, которые у нас видим только в оранжереях.

По возвращении в город я обедал опять в клубе с лицами нашего консульства и другими иностранцами, представителями интересов разных государств. Столы накрыты на балконе, выходящем в сад. После обеда еще гуляли пешком по улицам, втроем — с Кояндером и князем Мурузи. Эти поздние часы дня — единственное время для прогулок и наблюдения уличной жизни как в европейских кварталах, так и в туземных.

24-го мая / 5-го июня. Среда. — Ложась спать обыкновенно рано, я привык и рано просыпаться, тем более, что в комнате моей нет ни ставней, ни штор, и так как мое помещение в нижнем этаже дома (*rez-de-chaussée*), то с рассвета, под окнами моими, в садике, уже слышен говор рабочих арабов. Часу в 7-м раскрываю окна, и свежий воздух, пропитанный ароматом растений, приятно прохлаждает комнату. Но к 8-ми часам уже надобно закрывать герметически все окна, ставни или *jalousies*^{*}, где они имеются.

Сегодня я начал день небольшою прогулкой пешком в ближайшем от отеля большом сквере Эзбекие: среди тенистых дорожек с густою растительностью, вырыт пруд и канал, из которых обильно орошается газон с помощью брандспойта; разбросано несколько павильонов, около которых по вечерам группируется многочисленная публика за столиками, на скамьях и стульях, при звуках музыки. Есть даже тут и маленький театр, и фотографический павильон. Но более всего заинтересовали меня растения: то, что в нашем климате, даже на южном берегу Крыма, должно прятаться на

* Жалюзи (*фр.*).

зиму, — здесь растёт открыто круглый год, что составляет у нас небольшие кусты — здесь принимает размеры больших деревьев (например, олеандр, гранатное дерево, *figus orientalis*^{*}, и прочее и прочее. Притом и цветы на растениях имеют здесь гораздо более яркий колорит и большие размеры, чем в нашем климате^{**}.

Возвратившись домой^{***} около 8 часов утра, я уже не выходил во все остальное утро, чтобы заняться письмами и своим дневником. Могу позволить себе этот отдых, так как по наведенным справкам о движении пароходов оказывается, что я должен продлить пребывание свое в Каире на несколько дней долее предположенного, а именно до субботы, с тем, чтобы попасть в воскресенье (28 мая / 9 июня) на австрийский пароход, отходящий из Порт-Саида в Яффу. Было у меня сильное желание воспользоваться остающимися лишними днями, чтобы подняться по Нилу до Саккарской группы пирамид и знаменитого Серапеума²⁴⁰; но по совету всех лиц консульства я должен был отказаться от этой заманчивой экскурсии, по причине свирепствующей ныне в тех местностях оспы. Утешаюсь тем, что по всем описаниям тамошние пирамиды совершенно сходны с виденными мною Гизехскими, а размерами уступают главной из них, известной под именем Хеопсовой.

Взамен экскурсии вверх по Нилу сговорились мы с князем Мурузи предпринять на днях поездку вниз по течению реки, к другой достопримечательности здешней страны — колоссальным «барражам» или запруде, устроенной близ вершины Нильской дельты в сороковых годах нынешнего столетия, в правление Мегмета-Али, французскими инженерами, для поддержания уровня нильской воды на известной, нормальной высоте. Замечательная эта постройка, над которой работы все еще продолжают и до настоящего времени, — давно меня интересовала.

На нынешний же день предположен нами осмотр находящихся к северо-востоку от города кладбищ и мавзолея калифов. Как и в предыдущие дни, князь Мурузи заехал за мною в 6-м часу пополудни; подъехали мы в экипаже к окраине кладбища; здесь пересели на ослов, чтобы проехать по довольно обширному пространству сыпучих песков, среди которых возвышаются означенные мавзолеи. В первый раз случилось мне испытать езду на ослах: это со-

* Восточный фикус (*лат.*).

** Жаль, что никто не мог до сих пор назвать мне всех деревьев и кустов, которые вижу здесь повсюду, не только в садах и скверах, но и в поле.

*** и выпив чай (который здесь подается весьма хорошо, так как гостиница вполне английская), я остался дома на все утро.

всем не то ленивое и упрямое животное, какое привыкли мы видеть в Западной Европе и отчасти на Кавказе. Здешний осел — очень послушный, бежит прытко, почти иноходью, опережает даже рысь обыкновенной экипажной лошади. Езда на таком осле приятна и быстра. Здесь — это главный способ передвижения: верхом на ослах ездят и поселяне, и городские жители, туристы и даже долгоязыые английские солдаты и офицеры. За каждым всадником бежит и владелец осла, подгоняя его, когда нужно.

Мавзолеи калифов — очень капитальные сооружения замечательной архитектуры. В них искусно соединены прочность с легкостью; некоторые из них до сих пор устояли в довольно исправном виде, несмотря на то, что в течение многих веков выдерживали неоднократные погромы, а в новейшее время оставляются в запущенном состоянии, без всякой поддержки. Существовавшие при них прежние обширные постройки, для школ (медресе) и жилья, обратились совсем в развалины, — а самые мавзолеи и теперь поражают смелостью своей архитектуры, своими легкими куполами и минаретами, мелкою, тщательною отделкой и красивыми узорами украшений на стенах, карнизах, выступах; даже разноцветные стекла в окнах еще блестят яркими своими красками, так что не верится, что им уже от 600 до 700 лет. Эти постройки составляют неисчерпаемый источник, из которого нынешние художники заимствуют образцы для своих рисунков в арабском вкусе. Однако ж не все виденные нами мавзолеи находятся в одинаковой сохранности: некоторые еле-еле стоят, подпертые безобразными контрфорсами из бревен. Облицовка стен большею частью отвалилась, и часть прежних изящных сооружений обратилась в кучи мусора.

На пути от мавзолеев к тому месту, где ожидал нас экипаж, мы видели резервуары, из которых Каир снабжается водой, проведенной из Нила на эти песчаные высоты. Здесь в обширной постройке вода фильтруется прежде выпуска ее в городские водопроводы.

Расставшись с нашими осликами, мы успели еще до обеда прокатиться по прекрасной, длинной аллее Шубры, служившей в прежнее время любимым местом гуляния каирского высшего класса, пока не вошло в моду, по милости англичан, новое гуляние на острове Гезире.

После обеда в отеле прошелся я еще по саду Эзбикие и по ближайшим улицам.

25-го мая / 6-го июня. Четверг. — Начал я свой день, по-прежнему, раннюю пешеходную прогулку по городу, до 8 часов, т. е. до утреннего чая; затем оставался дома до 6-го часа, когда заехал за мной князь Мурузи. Ездили мы с ним в старый Каир, древний Фостат,

теперь же — жалкий и грязный квартал коптов²⁴¹. По узким закоулкам, между ветхими стенами, проводили нас в старинные коптские церкви; одна из них, как говорят, относится к I-му столетию христианства, другая — к VII. Первая очень обветшала; однако ж в ней и теперь происходит богослужение; образа совершенно того же письма, как и наши старые византийские иконы. Кроме иконостаса, отделяющего алтарь, есть еще высокая решетка, разделяющая помещение молящихся пополам: переднее и заднее, для верующих и для оглашенных. Другая церковь — гораздо в лучшем виде и очевидно реставрирована в новое время. В ней показали нам на аналое два Евангелия, одно на коптском языке, другое на арабском.

Из старого Каира проехали на остров Рода, где видели старинный «Ниломер» первых времен калифов. Это глубокий и довольно просторный колодезь, в середине которого стоит каменный столб с делениями, по которым определяется изменение высоты воды в Ниле. В эпоху разлива реки постепенное возвышение воды, составляющее признак большого или меньшего оплодотворения страны, возвещается народу; ежегодные эти наблюдения хранятся в государственных архивах.

Проехав еще по некоторым отдаленным кварталам на остров Гезире, съехались там с Кояндером и в 9-м часу вечера пошли втроем обедать в ресторан сада Эзбекие, а потом еще некоторое время бродили в толпе, около музыки (военной, английской), на площадке пред театром.

26-го мая / 7-го июня. Пятница. — Сегодня предприняли мы предположенную поездку вниз по Нилу* к барражам. В 6 часов утра заехали за мной Кояндер и князь Мурузи (Иванов заболел), и мы втроем отправились в экипаже к тому месту (близ предместия Булак)**, где ожидал нас казенный (египетский) маленький пароход. Здесь встретил нас состоящий на службе египетского правительства французский инженер — любезный молодой человек, которого имени я не запомнил. До нильских заграждений плыли мы 1 час 40 минут по гладкой водной поверхности реки, ширина которой весьма различна — от 250 до 450 метров. Оба берега невысоки, песчаны и прерываются многими каналами. В числе их показали мне начало старого и нового каналов, проведенных из Нила к Суэцу. Заграждение Нила***, предпринятое, как уже сказано, по инициа-

* поездка по Нилу, для осмотра заграждений его (barrage).

** Ранее по тексту «Булак». — Прим. публ.

*** Первоначально: «предпринятое еще в тридцатых годах, при Ибрагиме-паше, французскими инженерами, имеет целью».

тиве Мегмета-Али, для удержания уровня воды в реке на известной высоте, облегчает судоходство* в эпоху самых низких вод и регулирует орошение страны. Колоссальное это сооружение составляет длинный ряд прочных аркад поперек всей ширины обоих рукавов реки длиной в 1 километр, а с дамбами — 2 километра. Арки, числом до 134, опираются на грандиозные устои, возведенные в виде высоких зубчатых башен. Работы, продолжавшиеся уже полвека, доканчиваются и теперь англичанами. Мы видели массу арабов обоюго пола, работающих под палящим солнцем под руководством английских инженеров.

Пока мы осматривали эти замечательные сооружения, погода вдруг изменилась: ветер поднял целые облака песку; весь горизонт затемнился; глаза наши залеплялись песком. Так мне пришлось испытать то, что здесь называют «хамсин» — южный, удушливый ветер, действующий на нервную систему и составляющий неприятную сторону каирского климата. Благодаря этому ветру, обратный наш путь замедлился, и большую часть времени мы просидели в каюте парохода.

Возвратившись домой в начале первого часа, т. е. к завтраку, я оставался большую часть дня у себя, и только пред обедом сделал прощальные визиты моим новым знакомцам, которые так любезно помогли мне осмотреть здесь все самое любопытное и провести приятно почти неделю.

27-го мая / 8-го июня. Суббота. Измаилие. — **Поезд железной дороги в Измаилию отходит из Каира в 11 1/2 часа утра. Пред выездом своим из отеля, видел я проезжавшего на железную дорогу хедива, с многочисленным конвоем кавалерии: Тефик-паша переселяется сегодня, на летние месяцы, в Александрию. Все консулы (в том числе, конечно, и наш русский — Кояндер) провожали его на железнодорожном воксале.

Около 11 часов Кояндер и князь Мурузи заехали за мной и проводили меня на тот же воксал. Дружески распростившись с ними, я выехал из Каира по знакомой уже мне железной дороге в Александрию, от которой, приблизительно на половине ее протяжения, отделяется ветвь к востоку, на Измаилию — местечко, основанное в недавнее время на середине протяжения Суэцкого канала. Дорога пролегает сначала по такой же местности, какая уже описана мною на

* (для которого устроены шлюзы)

** Укладываясь для отъезда из Каира, имел я неосторожность захлопнуть сундук, оставив ключ внутри его. Призванный слесарь (араб) вывел меня из большого затруднения.

пути из Александрии в Каир; но за пределами Нильской дельты расстилается сплошная, песчаная пустыня; бугры белого сыпучего песка с поверхностью, взбородженною ветром, походят на волны морские в сильную бурю. Местами однако же виднеются в стороне озера и канал пресной воды, проведенной из Нила в Измаилие.

В 4 ¹/₂ часа прибыл в Измаилие. Это маленький городок, напоминающий наши южнорусские слободы: широкие, прямые, немощеные улицы; редкие домики*, большею частью одноэтажные; весьма незначительное местное население. Однако ж и здесь, на голом песке, успели уже, благодаря каналу пресной воды, насадить прекрасные деревья по дорогам и даже сады, в которых преобладают пальмы и кактусы. Остановился я в плохенькой гостинице «Hôtel des Bains» (она же «Hôtel de Paris»), содержимой французом, близ пристани на канале, откуда ежедневно в 6 часов утра отходит почтовый пароход в Порт-Саид.

28-го мая / 9-го июня. Порт-Саид. — Измаилие расположено на западной стороне Суэцкого канала, который в этом месте образует довольно широкое плёсо; на всем же остальном протяжении до Порт-Саида канал прорыт между двумя песчаными стенами, шириною на глаз сажень в 20, а местами и более. Но судоходный фарватер, обозначенный буйками, в иных местах не шире 10 сажень. Теперь производятся работы углубления и расширения канала, посредством громадных черпальных машин, выбрасывающих землю и песок со дна канала на оба берега. На станциях, устроенных на известном расстоянии друг от друга, большие суда останавливаются на ночь, чтобы избежать столкновения при встрече, хотя фарватер и освещается газом, а на некоторых судах вводится даже электрическое освещение. Несмотря на песчаный грунт обоих берегов канала, при станциях разведены небольшие садики. В настоящее время производятся работы для продления канала пресной воды до самого Порт-Саида.

Отчалив от Измаилие в 6 часов утра, маленький пароход приходит в Порт-Саид около 11 часов утра. Здесь встретил меня русский консул Бронн — иностранец, не говорящий по-русски, но тем не менее очень любезный со всеми русскими. Так как пароход австрийского Ллойда «Venus», на котором предстояло мне переехать в Яффу, должен был отойти лишь в 5 часов вечера, то большую часть оставшегося времени провел я с** любезным Бронном. Он угостил меня отличным завтраком и водил по улицам новорожденно-

* более похожие на загородные виллы с садиками.

** добродушным

го города, созданного Лессепсом под покровительством торовато-го Измаила-паши. Городок этот пока непривлекателен, да и едва ли суждено ему развиваться в значительный приморский город. Все значение его заключается в его порте, весьма удовлетворительно оборудованном; но порт этот ни что иное, как станция для судов, входящих в канал или выходящих из него. Самый город — есть местопребывание консулов, да некоторых торговых контор; сам же не производит никакой торговли; даже не составляет промежуточного складочного места.

Назначенное для отхода австрийского парохода время давно уже прошло, а наша «Venus» и не думала трогаться, продолжая весь день грузить огромное количество тюков хлопка, назначенных в Одессу. Хотя я занял место на пароходе около 6 часов вечера, однако ж нагрузка шла так вяло, что мы тронулись лишь в 12-м часу ночи.

29-го мая / 10-го июня*. Понедельник. Иерусалим**. — Переход от Порт-Саида до Яффы совершенно спокойный; синее море сливается с синим небом. Общество на пароходе неинтересное: несколько итальянцев, несколько евреев; в одном из пассажиров замечаю русского по форменной его фуражке с кокардой; однако ж воздерживаюсь от знакомства. Пароходы австрийского Ллойда далеко не так хороши, как срочные пароходы других компаний, особенно русских. Приходим в Яффу около 2 часов пополудни: здесь вовсе нет порта, даже лодкам нелегко приставать к берегу. Пароход остановился довольно далеко от берега за баром или рифом. Навстречу мне выезжает на лодке здешний русский вице-консул Владимир Николаевич Тимофеев со своим драгоманом и кавасом. Благодаря ему, выхожу я на берег без всякого таможенного досмотра, даже без предъявления паспорта и в консульстве, на самой набережной, ожидаю экипажа, в котором предстоит мне переезд в Иерусалим.

Город Яффа расположен амфитеатром на возвышенном берегу и с моря очень красив; но внутри — такие же грязные, узкие улицы, как во всех старых турецких городах. Вне города разбросано

* В подлиннике текст с 29 мая / 10 июня до 31 мая / 12 июня включительно написан Д.А. Милютиным карандашом с его редакционной правкой (см.: Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 8. Л. 30–35). В конце дневника за 1889 г. приложен переписанный набело Д.А. Милютиным тот же текст чернилами, с которого А.М. Перцова делала копию (см.: Там же. Л. 159–166). — Прим. публ.

** В подлиннике карандашом слово «Иерусалим» отсутствует, сбоку на полях «Яффа». — Прим. публ.

несколько новых европейских домов; в одном из них живет наш русский консул; но принял он меня, как уже сказано, в официальном его помещении, которое вместе с тем и агентство Русского общества пароходства и торговли. Прощая тут часа полтора, я выехал из Яффы только в исходе 4-го часа, в каком-то странном экипаже, с верхом в виде балдахина, открытом со всех сторон. Сопровождает меня консульский кавас, говорящий несколько по-русски.

От Яффы до Иерусалима считается около 60 верст, по довольно хорошей дороге, частью шоссированной. Дорога эта, по мере удаления от Яффы, все поднимается, сначала незаметно, среди обработанной равнины, между оградами из огромных кактусов; а затем уже идет горами, все более и более принимающими суровый вид, совершенно безлесными, каменистыми и почти пустынными. Поэтому переезд на одних и тех же лошадях делается с двумя или тремя продолжительными остановками. Первая — в местечке Рамле²⁴², где сохранились некоторые остатки древности. Отсюда влево от дороги видно другое местечко — Лида²⁴³, также имеющее историческую известность. В Рамле есть немецкая гостиница, где я застал многочисленное общество немцев за кружками пива. Пока кормили лошадей, а мне подали плохой баранины с чашкой кофе, к гостинице подъезжали все новые, разнообразные экипажи со стороны Иерусалима. Большею частью это были все немцы; они располагались в тесном помещении со своими запасами продовольствия: бутербродами и пивом. Подвигаясь далее, уже в сумерки, я встречал еще много больших фургонов, в которых помещалось по 10, по 12 пассажиров; иные же ехали верхом на ослах и лошадях; были даже и пешие, в числе которых бросались в глаза русские мужички и бабы, совершенно типичные по своим чертам лица и одежде. На втором привале, когда уже наступила полная темнота, услышал я кругом русский говор. Вышед из экипажа, очутился я среди большого числа русских паломников, преимущественно стариков и старух, возвращавшихся из Иерусалима. Они ехали в нескольких больших фургонах, чтобы поспеть на отходящий из Яффы завтра утром срочный пароход. В ту же ночь возвращалось из Иерусалима в Яффу большое число французов, прибывших на поклонение святым местам на особом большом пароходе, стоявшем в Яффе на рейде. Пока кормили моих лошадей, число подъезжавших фургонов все возрастало, так что под конец вся дорога была заставлена повозками, а пассажиры толпились между ними в самых разнообразных и странных нарядах. Это было что-то похожее на ярмарку; непрерывный говор вперемежку на французском и русском языках прерывался по време-

нам возгласами туземцев на арабском или турецком. Не без затруднения мой экипаж выбрался из загромоздившей дорогу массы повозок, людей и лошадей.

На второй половине пути, по горам, дорога довольно тяжелая; большею частию приходилось ехать шагом, то поднимаясь, то спускаясь. Ночь была лунная, светлая, так что можно было ясно различать контуры гор и изгибы дороги. Между тем стало так свежо, что я должен был надеть свой макферлан* — и все-таки зяб. Достигнув Иерусалима лишь в 3-м часу ночи, я с удовольствием вошел в приготовленную для меня комнату в постройках Русской православной миссии²⁴⁴. Меня ожидала старушка смотрительница дома; она любезно предлагала мне поставить самовар; но я поблагодарил ее и поспешил улечься в постель, чтобы запастись силами на завтрашний день.

30-го мая / 11-го июня. Вторник. Иерусалим. — Едва встал с постели около 8 часов утра, как постучался в дверь консул — Виктор Александрович Максимов. Я не мог принять его; поспешно одевшись, сам пошел к нему, а потом к русскому архимандриту о. Антону. Максимов недавно переведен сюда из Требизонда**, где он был консулом со времени последней войны. Это человек уже немолодой, с большою семьей и вполне русский. Живет он в отдельном домике, но в общей ограде русского места за городом, у Яффских ворот. Здесь выстроены обширные здания частию прежнею Православною миссией, частию новым Палестинским обществом, образовавшимся под председательством великого князя Сергея Александровича²⁴⁵. Постройки эти доставляют пристанище многочисленным паломникам разных разрядов; устроена больница, а в середине, на обширной площади, возведена большая Русская церковь. Меня поместили в одной из лучших комнат старого здания; в новом же приюте Палестинского общества отделано пока только несколько комнат, которые в настоящее время заняты русскими приезжими: графинею Орловою-Давыдовой и Петром Алексеевичем Васильчиковым с дочерьми. Я не могу жаловаться на свое помещение, хотя в нем и не достает многого, к чему приучают нас роскошные европейские гостиницы. Старушка, на которую возложена обязанность смотрительницы в доме, доставляет мне утренний чай***, а консул любезно предложил мне ежедневно завтракать

* Макферлан (*macferlane* — фр.) — крылатка, мужское пальто особого покроя. — Прим. публ.

** Требизонд — имеется в виду Трапезунд. — Прим. публ.

*** стола же другого ничего получить нельзя

и обедать у него. О. Антонин также принял меня очень любезно. Это маленький старичок, еще весьма бодрый и деятельный, он занимается энергично распространением здесь русских учреждений для паломников и сделал уже немало в этом отношении; много приобретено им новых мест*, настроено домов для пристанища паломникам, учреждено несколько школ, возведено несколько церквей на самых видных местах. О. Антонин очень обходительный, благодушный человек и всеми здесь уважаем.

Консул Максимов объявил мне, что я должен, по своему официальному положению, непременно в первый же день своего пребывания в Иерусалиме, и даже немедленно — идти в храм Гроба Господня²⁴⁶, поклониться святыням, отслушать если не полную литургию, то по крайней мере краткое молебствие и затем посетить греческого патриарха Никодима. Так делают все приезжающие сюда русские, в особенности же лица сколько-нибудь известные; меня же здесь знают и ожидали. Пришлось, конечно, подчиниться такому совету; сам консул провожал меня и вместе с одним греческим архимандритом, говорящим по-русски, водил меня по всем закоулкам обширного лабиринта, составляющего в общей совокупности храм Гроба Господня. В короткое время обошли мы все части храма, прикладываясь ко всем камням и образам, под которыми находятся чтимые христианскою церковью святыни. На самой Голгофе²⁴⁷ архимандрит отслужил молебствие, с возглашением здравия названным мною членам моей семьи и за упокой тех, которых уже нет на сем свете. Все это посещение храма было окончено к полудню, и тогда отправились мы к патриарху.

Блаженный Никодим еще бодрый старик; он долго жил в Москве и в Бессарабии, где занимал епископскую кафедру; поэтому говорит по-русски и считается преданным России. Он наговорил мне много лестных любезностей, но крайне озадачил меня неожиданным и безотговорочным объявлением, что в одну из ближайших ночей, у самого Гроба Господня, будет, собственно для меня, совершена литургия, и что я *должен* при этом исповедаться и причаститься. Хотя я и попробовал уклониться от такого почета, однако ж вынужден был подчиниться совместному требованию патриарха и консула. Означенная служба была назначена на ночь со среды на четверг. Все это совершенно выходило из моих видов — и признаюсь, смутило меня; но делать нечего.

Конечно, здесь не место описывать виденные мною в это первое утро святыни, описанные подробно во множестве сочинений.

* на [имя] Палестинского общества.

Выскажу только свое личное впечатление. Должен сознаться, что оно было тяжелое. Как ни старался я проникнуться чувством благоговения, подходя к каждому месту, освященному последними страданиями Христа, — однако ж везде брало верх чувство досады и негодования, возбужденных во мне всею декоративною, вычурною и безвкусною обстановкою. Вместо действительных, подлинных следов христианской археологии, видишь устроенные в разные века и в разных стилях архитектурные сооружения, в виде мраморных алтарей, с развешанными лампадами самых фантастических форм, со множеством неуместных побрякушек и плохую живопись. При этом на каждом шагу суеверные легенды произвольные, ни на чем не основанные объяснения; а вдобавок — и всего досаднее — вовсе не свойственное основной христианской идее злобное, враждебное соперничество между разными христианскими вероисповеданиями. Соперничество это, особенно между церквами западно-римскою и восточно-греческою, доходит до того, что решителями беспрестанных пререканий между ними становятся турки. Римско-католические патеры ревниво следят за всяким действием православного духовенства, не позволяют им не только самой мелочной перемены или улучшения в обстановке, но даже простого исправления какого-либо повреждения. Между разными вероисповеданиями размежеваны святыни, подобно какому-нибудь огороду или доходному имуществу, и каждое хлопочет о распространении своей доли, конечно, на счет другого. Тяжело видеть эту вечную борьбу из-за святынь, особенно при известной наклонности римско-католического духовенства и монашества к фальши, интриге, шарлатанству, а с другой стороны — при циничном корыстолюбии духовенства и монашества греческого.

Впрочем, полагаю, что мне придется еще не раз касаться этого предмета по мере предстоящего осмотра Иерусалима и других святых мест. Возвращусь к рассказу о первом дне моего здесь пребывания.

После посещения греческого патриарха завтракал я у консула, затем посетил П.А. Васильчикова и графиню Орлову-Давыдову, а также некоторых лиц консульства: Алексея Петровича Беляева и Ник[олая] Ник[олаевича] Климентьева. Последний предложил мне быть моим постоянным проводником во всех предстоящих экскурсиях. Конечно, я воспользовался с радостью этим любезным предложением, и в тот же день, около 3-х часов пополудни, мы с ним уже начали наши прогулки, по составленной тут же программе.

Осмотр здешних достопримечательностей был для меня значительно облегчен предварительным прочтением нескольких путево-

дителей. Сегодня мы осмотрели место древнего храма Соломонова²⁴⁸, построенную на этом месте обширную мечеть Омарову²⁴⁹ и другую, под которою сохранились в подземельях разные древние сооружения, приписываемые Соломону²⁵⁰. Здесь, между прочим, показывают жилище Иоакима и Анны — что, впрочем, весьма малодостоверно. Мечеть Омарова замечательна своею архитектурой и изразцовою облицовкой наружных стен. С зубчатой старинной стены открывается превосходный вид на Элеонскую гору, на Иосафатову долину и вдаль. От обширной площадки Соломонова храма прошли мы по всему пути, по которому совершилось, как предполагают, шествие Иисуса от Пилата до Голгофы, т. е. места распятия. Путь этот обозначен несколькими латинскими надписями на домах; но, по всем вероятностям, все это чистая фантазия иезуитов и францисканцев, которые теперь владеют многими местами на обозначенном ими пути.

После нашей прогулки отобедал я у консула и рано лег спать. Несмотря на предыдущую ночь, проведенную без сна, в дороге, я был на ногах целый день, почти без отдыха, и успел уже видеть гораздо более, чем предполагал.

31-го мая / 12-го июня. Среда. — По соглашению с Н.Н. Климентьевым, к 7 часам утра у нашего подъезда уже стояли ослики для предположенной на нынешнее утро поездки вокруг всего города для обзора Элеонской горы, Иосафатовой долины и Сиона²⁵¹. Сверх ожидания, присоединился к нам и архимандрит о. Антонин, пожелавший лично показать мне святые достопримечательности Иосафатовой долины: гробницы Божьей Матери, Авесалома, Захария и Елизаветы, Гевсиманский сад, а в особенности новые постройки на горе Элеонской: церковь, сооруженную Палестинским обществом на пожертвования царской фамилии, в память императрицы Марии Александровны, и другую, возведенную самим отцом Антонином на высшей точке горы с высокою колокольней и началом будущего приюта для паломников²⁵². С этого места открывается обширный вид, даже до реки Иордана и Мертвого моря. Говорят, что русская постройка на этом месте и господствующая над всею местностью колокольня колят глаза католикам. О. Антонин не скрывает удовольствия, какое доставляет ему эта досада «латинян». Он продолжает втихомолку прикупать места для распространения владений русского православия. Что касается до самых церквей, то, на мой глаз, обе постройки неудачны, как по внешней архитектуре, так и по внутренней отделке. В особенности не нравится мне церковь царской фамилии: несмотря на то, что проект составлен талантливым архитектором Гриммом, это, по

*Отец
Антонин (Капустин)*

моему мнению, безвкусное подражание некоторым старым московским церквям XVI и XVII столетий, напоминающим отчасти индийские пагоды, отчасти артишок; внутри же стены расписаны плохими картинами, а не иконами, да крупными узорами вовсе не приличествующего для церкви красноватого цвета. Над самым иконостасом бросается в глаза картина огромного размера, изображающая какую-то святую* пред императором Римским²⁵³. Не странно ли видеть на первом плане картины, над алтарем, изображение языческого императора?

Показав нам русские постройки на горе Элеонской, почтенный о. Антонин распростился с нами и уехал домой; мы же с Климентьевым продолжали поездку кругом города с западной стороны; видели так называемую купель Силуамскую²⁵⁴, часть еврейского квартала²⁵⁵, постройки для прокаженных (которых бывает здесь

* если не ошибаюсь, Мария Магдалина пред императором Римским Тиберием.

немало), предполагаемые остатки жилища первосвященника Каиафы и помещение, в котором совершалось тайная вечера. Возвратились мы в город с северо-западной стороны, противоположной той, в которую выехали утром.

После утренней прогулки и завтрака у Беляева я отдал визит русскому врачу Решетило, который в первое же утро по приезде моем в Иерусалим приходил спросить, не имею ли я надобности в его услугах. Он занимается разработкою вопроса о свойствах здешних лихорадок и исследованиями над специальными бактериями, постепенно изменяющими состав крови больного, соответственно периодам лихорадочных пароксизмов. Доктор Решетило показывал мне этих микробов в микроскоп.

До обеда я оставался дома и занимался своим дневником; потом обедал у консула и провел у него весь вечер, до половины первого часа ночи, когда наступила пора идти в храм Гроба Господня.

1-го/13-го июня. Четверг. — Ночь, проведенная мною в храме у Гроба Господня, среди греческих монахов, русских паломников и преимущественно паломниц — представляется мне как будто странным сном. Я пришел туда в сопровождении консула и каваса еще до начала службы, хотя в отдаленной части обширного храма и раздавалось гнусливое пение на неизвестном мне языке. Встретивший нас архимандрит греческий повел меня сперва к камню, на который будто бы положено было первоначально тело распятого Христа; потом на Голгофу; в обоих местах я прикладывался к святыням. Между тем мало-помалу набралась* толпа богомольцев. Ровно в час началась служба. Служил архиепископ греческий, говорящий по-русски, с несколькими священниками, дьяконами и монахами. Служба совершалась попеременно на языках греческом и русском. Также было и два хора: один — на греческом языке, другой на русском. Последний состоял исключительно из женщин; пение их, довольно стройное и приятное для уха, составляло противоположность гнусливому и однообразному греческому напеву. Несмотря на то, служба шла с торжественностию. Она началась посвящением одного монаха в иеродиаконы. Пред началом же литургии архиепископ взял меня за руку и повел вниз, по ступеням, в самый алтарь, служащий помещением Гроба Господня. Здесь поставил он меня на колени и произнес, на русском (ломанном) языке, приличное и разумное назидающее, заменившее обычную исповедь. По выходе из алтаря я простоял всю литургию возле самых дверей царских, рядом с консулом. Служба продолжалась долго, около двух часов. Вместе со мною

* пред Гробом Господним

приобщалось несколько старушек-паломниц. Около 3-х часов — когда православное богослужение едва только приходило к концу, явилось уже католическое духовенство, и немедленно, без промежутка, началась, у того же Гроба Господня, служба по римско-католическому обряду. В то же время на смену православных богомольцев уже собирались «латиняне», а мы с консулом были приглашены на чашку чая в прилежащие к церкви кельи православного духовенства. Возвратился я домой только к 4-м часам ночи, крайне утомленный и телесно, и нравственно.

Несмотря на свою усталость и поздний час, сон мой был беспокойный, а в 7 часов утра я был уже на ногах. Рано пришел ко мне почтенный о. Антонин. После же завтрака у Н.Н. Климентьева предприняли мы с ним поездку в Вифлеем. Дорога туда довольно хорошая, так что доехали мы спокойно в экипаже; местность такая же угрюмая, как и во всей окрестности Иерусалима: каменистая, обнаженная; только местами обработанные участки с масличными или фиговыми деревьями, отчасти с тощими лозами виноградными. В Вифлееме прежде всего осмотрели мы обширный храм, в котором выделены части для православных, для римско-католиков и армян²⁵⁶. Православный митрополит* Спиридон принял нас очень любезно и повел нас показывать все местные достопримечательности: тут в подполье храма, пестро разукрашенном, воображаемое жилище Богородицы и престарелого Иосифа, место рождения Христа, его яслей; здесь место избияния младенцев по повелению Ирода... и т. д., и т. д. На каждом шагу — воспоминания о каком-либо событии Священной истории; каждое событие приурочивается к какому-либо пункту, который и получает высокое значение в глазах простодушного паломника, хотя в этих воспоминаниях исторических нет ничего реального: никаких следов вещественных древней святыни археолог не найдет.

Зато сколько крупных построек новых времен в разных местностях Святой земли! Огромные суммы жертвуются французами, англичанами, немцами, отчасти и русскими, чтобы превзойти друг друга в грандиозных сооружениях во славу своей религии. Так и в Вифлееме находим обширные здания католического монастыря, со школою и разными благотворительными учреждениями²⁵⁷.

Возвратились мы домой к самому обеду у В.А. Максимова. На этот раз хозяйка дома, оправившись от болезни, вышла к столу.

* На Востоке звания митрополита и архиепископа не имеют такого высокого значения иерархического, как у нас в России, — так велико число их на обширном пространстве. — *Прим. Д.А. Милютина.*

«Горнее», православный женский монастырь. Современный вид

Консульство озабочено полученною сегодня из Министерства иностранных дел шифрованную телеграммой касательно окончательного решения вопроса о передаче всех дел и учреждений Палестинской духовной миссии новому Палестинскому обществу, образовавшемуся под покровительством великого князя Сергея Александровича.

2-го/14-го июня. Пятница. — Сегодня я ограничился одною утреннею поездкой — в так называемое «Горнее», где показывают жилище Захария и Елизаветы и место рождения Иоанна Крестителя. Местами этими теперь владеют католики, которые устроили здесь женский монастырь. Православные, со своей стороны, возвели поблизости, на другом скате долины, где показывают «фонтан Богородицы», — также небольшой женский монастырь, церковь с высокою колокольней, и кругом развели садики²⁵⁸. Сам создатель этого учреждения отец Антонин, узнав о намерении моем посетить эти места, выехал вслед за нами верхом, на коне, и нагнал нас на половине дороги, так как мы с Климентьевым плелись, не торопясь, на ослах, с кавасом и пешим погонщиком. Приезд его, конечно, был большою с его стороны любезностию в отношении ко мне; он пожелал принять меня в «Горнем», как хозяин дома. Но

любезность свою он простер слишком уже далеко, заставив нас выстоять полную обедню в церкви, где собраны были все монахи, а после обедни повел в устроенный им же дом для приюта приезжих богомольцев и тут угостил нас чаем с обычными на востоке сластями.

Дорога от Иерусалима до «Горнего» местами чрезвычайно дурная, особенно на каменистом спуске к самому селению. Во все стороны видна голая, бесплодная пустыня, на которой особенно ощущается зной дневной. Редко глаз останавливается на какой-нибудь видной вдаль группе деревьев, вокруг какого-нибудь монастыря или благотворительного учреждения той или другой европейской нации. Так, указывали нам монастырь Св. Креста, воздвигнутый на том месте, где будто бы росло дерево, из которого был сделан крест для распятия Христова. Добродушные паломники чистосердечно верят всем подобным легендам и приходят смотреть с умилением на такие места. Но я, грешный, не решился, под палящим солнцем и на усталом осле, свернуть с дороги и возвратился по прежнему пути прямо в Иерусалим, к часу завтрака у Н.Н. Климентьева.

Вечерней прогулки сегодня не было в программе, ввиду предстоящей на завтра поездки на Иордан и к Мертвому морю.

3-го/15-го июня. Суббота. *Иерихон. — Из Иерусалима выехали мы с Н.Н. Климентьевым в 6 часов утра верхом, в сопровождении консульского каваса и проводника из местных арабов из племени, обитающего в долине Иордана. День страшно жаркий; дорога чрезвычайно каменистая, извивается между горами столь же голыми, бесплодными, угрюмыми, как и в ближайших окрестностях Иерусалима. Крайне утомленные от зноя, плохих коней и седел, добрались мы сегодня до Иерихона, лежащего при спуске с гор в Иорданскую долину, верстах в 25 от Иерусалима. Расположились в русском приюте, устроенном тем же о. Антонином, который столько уже сделал добра для паломников. Мы почувствовали здесь на самих себе, какой благодарности заслуживает этот почтенный старичок. Без выстроенного им приюта негде было бы нам найти отдых: теперешний Иерихон — не город, даже не деревня; это не более, как группа немногих жалких арабских лачуг, не заслуживающих и названия домов. Построенный каким-то французом «Hôtel» закрыт в настоящее время года. В нашем русском приюте нашли мы по крайней мере самовар и могли удобно закусить привезенными с собою съестными припасами.

* На полях подлинника зачеркнуто: «Поездка на Иордани». — Прим. публ.

Известно, что уровень воды в Мертвом море и в устье Иордана ниже уровня океана на 400 метров и сравнительно с местоположением Иерусалима — на 1250 метров. Понятно, что зной должен быть здесь еще сильнее, чем там*.

Здесьняя страна, хотя значительно успокоенная против прежних времен, все еще подвергается иногда хищническим проделкам бедуинов. На половине пройденной нами сегодня дороги показывали места, где на днях убито несколько человек. Вследствие этого на одной горе нашли мы лагерь выставленного здесь турецкого отряда. В самом Иерихоне также расположена временно небольшая команда. Под вечер расположился на ночлег под самым Иерихоном целый караван бедуинов.

От духоты и шума под окнами не было возможности заснуть ни на один час; а выезд на завтрашний день назначен уже в 3 часа утра.

4-го/16-го июня. Воскресение. Иерусалим. — Крайне тяжелый день вынес я в свои старческие годы. Выехали мы из Иерихона в 3 часа утра, при лунном свете, прямо на Мертвое море, которого достигли еще прежде, чем солнце выглянуло из-за гор иорданских, около 4 $\frac{1}{2}$ часов, а часом позже были на Иордане, откуда возвратились в Иерихон в 8 $\frac{1}{2}$ часов, сделав таким образом около 30 верст. Это было первою, самую приятною частию нынешней поездки, до наступления палящего зноя. Меня заинтересовали странные свойства местности: здесь, по всем признакам, было некогда дно морское; высокие песчаные бугры, с округленными скалами, в самых вычурных формах — явные признаки подводных возвышений; во многих местах песок смешан с солью. В настоящее летнее время все пространство без капли воды; но повсюду встречаются крутые извилистые рытвины, очевидно промытые водой. Растительность встречается только узкою полоской по берегам Иордана. Вода в реке очень мутная; но в море — на вид чиста и прозрачна, хотя известно, что она пресыщена минеральными веществами, увеличивающими ее удельный вес до того, что человек не мог бы утонуть в ней, если б и захотел. Вообще все здесь угрюмо и носит на себе отпечаток давнего опустения. Можно сказать, что

* *Первоначально:* «Известно, что долина Иордана и Мертвое море ниже уровня океана — на сколько именно у меня нет сведений под рукой; но [с] помощью моего карманного поляроида определилось, что положение приблизительно около 250 метров, сравнительно же с высотой Иерусалима — на 1250 метров. Понятно, что зной должен быть здесь еще сильнее, чем в других местностях на той же широте. В Иерихоне, среди дня, мой карманный термометр показывал в тени, в комнате — до 37° Цельсия (около 30° Реомюра), а выставленный на солнце — до 55° Цельсия (т. е. 44° Реомюра)».

не одно море здесь «мертвое»; вся страна, вся природа мертва. Где же та «обетованная» страна, к которой так стремились иудеи?

По первоначальному моему плану предполагалось, обозрев Иордан и Мертвое море, возвратиться в Иерусалим чрез монастырь св. Саввы²⁵⁹. Но проводники наши не взялись вести по той дороге, уверяя, что по ней даже верхом проехать нельзя. Хотя я и не вполне доверял этим показаниям, однако ж принужден был подчиниться им и возвратиться чрез Иерихон прежним путем. Не теряя долго времени в Иерихоне, мы выехали оттуда в 9 1/2 часов утра; имели лишь часа два привала на половине дороги, и, таким образом, были в пути в самые жаркие часы дня*. Отвыкнув совершенно от верховой езды, я должен был в один этот день проехать около 70 верст по сквернейшей дороге, и признаться, был до крайности утомлен; едва сидел на седле. Доехав до Иерусалима около 6 часов вечера, я при первой возможности бросил коня, пешком дошел до русского приюта** и в 8 часов вечера был уже в постели.

5-го/17-го июня. Понедельник. — ***Продолжительный, хотя и не совсем спокойный сон восстановил мои силы, и сегодня же утром я мог сделать свои прощальные визиты (конечно, все пешком) к греческому патриарху Никодиму, который не принял, по причине болезни, к архиепископу Иорданскому, служившему для меня литургию у Гроба Господня, к о. Антонину и к доктору. Завтракал у моего спутника Н.Н. Климентьева и обедал у консула В.А. Максимова. Однако ж и сегодня все еще чувствую себя не совсем в нормальном состоянии здоровья****.

Пробыв весь вечер у консула, в 11 часов ночи прямо от него вышел я опять вместе с Н.Н. Климентьевым в обратный путь в Яффу.

6-го/18-го июня. Вторник. Яффа, на пароходе. — После ночи без сна, в плохом экипаже, прибыли мы с Климентьевым в 8 часов утра в Яффу, прямо в загородный дом консула Вл[адимира] Ник[олаевича] Тимофеева. Мы уже не застали его, и в ожидании его прихода из города я познакомился с его семьей. Позавтракав у него, отправились***** мы втроем с ним и с Климентьевым в агент-

* Признаться, я был доведен до изнеможения. К тому же, [...] еще оказались у меня довольно сильные ссадины, а в правой ноге моей по временам случались обычные затеки — так что я <едва> с трудом сидел на седле.

** Зашел прямо к доктору и получил от него снадобье для облегчения моих болей и восстановления своих сил.

*** не столько снадобья аптечные, сколько сон довольно продолжительный.

**** сухость в горле [осталась] и отсутствие всякого позыва на пищу составляют последствия двухдневного утомления.

***** пешком

ство (на берегу моря); здесь я распростился с ними и затем на лодке переехал на пароход французской компании «Messageries maritimes». Пароход больших размеров, прежде употреблялся для океанских рейсов; но я не нашел на нем ни того порядка, ни той чистоты, которые остались в моей памяти с первого моего путешествия на пароходе того же общества из Мессины в Константинополь (в 1870 году). Пассажиры также неинтересные.

Снялись с якоря только в 6 часов вечера; море спокойное.

7-го/19-го июня. Среда. Порт-Саид. — Еще до света бросили якорь у Порт-Саида, и с рассветом начался на пароходе адский шум. Я вовсе не выходил на берег, потому что консул наш Бронн прислал мне сказать, что прибудет сам на пароход. Он и приезжал два раза в течение того времени, пока пароход грузился. В городе жарко и душно, а на палубе парохода воздух освежается приятным ветром с севера.

В 5 часов вечера снялись с якоря.

8-го/20-го июня. Четверг. Александрия, на пароходе. — В 5-м часу утра прибыли в порт Александрийский; вскоре я перешел с французского парохода на русский пароход «Корнилов», который должен выйти завтра в Сиру. Сходить на берег мне не хотелось: в городе жарко и делать там нечего; поэтому я предпочел провести эти сутки на русском пароходе, совершенно удобно и спокойно. Капитан Фед[ор] Дмитр[иевич] Герасимов принял меня радушно*. Пароход старый, небольших размеров.

9-го/21-го июня. Пятница. На пароходе. — Незадолго до отхода парохода из Александрии приехал ко мне агент общества Ф.Ф. Иванов.

В полдень снялись с якоря. Северный ветерок освежает воздух; на море легкая зыбь. Общество на пароходе очень неинтересное: в первом классе, кроме меня, только два коммерсанта из немцев (скорее из евреев)**.

10-го/22-го июня. Суббота. — Море совсем тихо; вода прекрасного синего цвета, пароход плывет плавно, как по маслу. Под вечер идем довольно близко от берега острова Кандии, которого профиль рисуется на синем фоне неба в виде нескольких рядов параллельных хребтов гор различной высоты. Справа же видны такие же красивые профили островов Сассо и Скарпанто.

11-го/23-го июня. Воскресение. Сира. — Двигаемся плавно между бесчисленными островами Архипелага. Некоторые из них

* По-видимому, это человек хороший, хотя и несколько топорный в своем обращении.

** из занимающихся торговыми делами на востоке.

отделяются один от другого такими узкими проливами, что почти сливаются в одно. Острова Санторин, Иос, Парос — остаются слева, Аморгос и Наксос — справа. Силуэты их рисуются волнообразными линиями; но подходя ближе к ним, замечаешь большую часть обнаженные, каменистые и бесплодные скаты гор. Кое-где белеют домики маленьких городков или деревень с окружающею их зеленью.

В 10 $\frac{1}{2}$ часов утра пароход бросает якорь в гавани Сиры, где должен простоять более суток. Город этот, главнейший во всем Архипелаге, есть средоточие и складочный пункт его торговли. Расположение города живописно и весьма оригинально: он поднимается от берега залива амфитеатром в гору, в виде трех отдельных конусов, облепленных белыми домами. Левый, самый высокий и крутой конус заканчивается на вершине своей католическим монастырем; средний — более низкий — имеет на вершине православную церковь, довольно больших размеров; а третий, гораздо менее других высокий и более отлогий — составляет новую, только что возникающую часть города. Некоторые улицы, совершенно прямые, взбираются в виде ступеней по самой крутизне конусов, а потому доступны исключительно только пешеходам.

В городе, как говорят, очень жарко; а потому я остался до вечера на пароходе; когда же несколько посвежело, за мною приехал агент общества Русского пароходства и торговли третий брат Иванова, Иван Федорович, совсем не говорящий по-русски и женатый на гречанке*. Вместе с ним схожу на берег; он водит меня по разным улицам города, чрез главную городскую площадь пред строящимся новым зданием ратуши, где недавно воздвигнут с большою торжественностию монумент греческому адмиралу Миаулису. Сегодня по случаю воскресного дня играет здесь музыка; публика теснится около оркестра; городской beau-monde** прохаживается взад и вперед по гладкой мостовой (мощеной плитами). Походив по городу, зашли мы в квартиру Иванова; я познакомился с его женой, и вместе с нею пошли мы опять уже втроем толкаться в толпе гуляющих около музыки.

Возвратившись на пароход, я долго еще не мог заснуть: в ближайших от места стоянки парохода (у самого мола) кофейнях раздавались музыка, пение, происходили пантомимные представления. Вообще, как мне показалось, греческие города очень напоми-

* Около 6 часов вечера.

** Высший свет (*фр.*).

нают своим характером итальянские. Национального костюма совсем не видно.

12-го/24-го июня. Понедельник. Афины. — В 7 часов утра, пока наш пароход «Корнилов» стоял еще у набережной Сиры, приехал за мною И.Ф. Иванов, чтобы проводить меня на греческий пароход Ренепс, на котором предстояло мне продолжать путь в Пирей. Таким образом, вот уже седьмой день, что я все в море, и только сегодня прерывается эта продолжительная морская жизнь, которая видимо принесла мне пользу: после утомления, испытанного в поездку на Иордан, вообще в Иерусалим и на переезд в Яффу, морской воздух, спокойствие и регулярная жизнь на пароходе восстановили мои силы. Не без сожаления расстался я с русским пароходом, где чувствовал себя как дома. Греческие пароходы во многом не похожи на наши русские*: ходят тихо, грязны, без всяких удобств для пассажиров, которые, все без различия, 1-го, 2-го и 3-го классов, теснятся на одной кормовой палубе. Благодаря рекомендации Иванова, капитан греческого парохода предложил мне оставаться все время на мостике, с которого он сам направляет путь парохода. Там я спокойно сидел с немногими только из знакомых капитана и сошел вниз только к завтраку, который оказался очень плохим, так что позже, к обеду, я уже и не сходил.

Обогнув с севера остров Сирос, пароход оставил вправо близлежащие острова Тинос и Андрос и направился прямо к маленькому городку на острове Китнос, где простоял с полчаса, а потом вторично остановился в бухточке другого острова Кео (или Keos), с западной его стороны. У бухточки этой только несколько домов; самый же городок находится на значительной высоте, далеко от морского берега. Только там видны издали растительность и культура. Вообще острова Архипелага так же, как и большая часть Греции, пользуются самым счастливым очертанием берегов: везде бесчисленные гавани, бухты, заливы. Здешний край, видимо, предназначен самою природой для раннего развития мореходства и торговли.

Было уже более 4 часов пополудни, когда наш пароход отошел от острова Кео и направился прямо к берегам Аттики. По мере приближения к ним, все с большим вниманием всматривался я в эту историческую почву, где каждая точка связана с каким-нибудь классическим воспоминанием. На самом выдающемся к югу мысу — Sunium (Sounion) или Colonnaes, на вершине горы, рисуется полуразвалившийся храм, воздвигнутый в

* и других европейских обществ, они грязны

честь богини Афины*. С приближением к Пирею я уже не спускал глаз** с показавшегося еще издали Афинского акрополя²⁶⁰ и окружающих его гор, между которыми постепенно открываются белые точки нового города Афин.

В Пирейскую гавань вошли мы уже при закате солнца, в исходе 8-го часа. Чтобы избегнуть двойной пересадки, неизбежной при переезде по железной дороге, я, по выходе на берег, взял экипаж прямо до Афин, куда и прибыл в исходе 9-го часа. От Пирея до Афин проложено прекрасное, почти прямое шоссе, в виде аллеи. Дорога эта, попадавшие поселяне, их двуколки, дома — все живо напомнило мне южную Италию.

В Афинах остановился я в рекомендованной мне лучшей гостинице «Hôtel de la grande Bretagne». Из моего окна прямо вид на королевский дворец.

13-го/25-го июня. Вторник. — С большим нетерпением*** стремился я в Афины для получения писем от своей семьи; вот уже почти 6 недель, что я оставался без всяких известий из Крыма. Но почта открывается лишь после 8 часов утра; в посольство также неудобно явиться слишком рано; чтобы все-таки не потерять утра, я по привычке встал в 6-м часу, а в начале 7-го уже вышел из отеля с гидом, которого взял**** на этот раз для того, чтобы он указал мне кратчайшую дорогу на Акрополь. И хорошо сделал, что решился отступить от своего правила — обходиться без помощи этих несноснейших спутников****: с помощью гида я успел в несколько часов (с 7-го до 11-го) обойти важнейшие остатки древних Афин и попутно лучшую часть нового города.

Начав с развалин величественного храма Юпитера Олимпийского²⁶¹ и арки Адриановой²⁶², я постепенно обошел находящиеся у южной подошвы Акрополя остатки цирка (театра) Дионисия²⁶³, «Асклепиона», «Храма Эскулапа»²⁶⁴, «Портика»²⁶⁵, примыкавшего к «Одеону Ирода Аттического»²⁶⁶; затем поднялся на развалины великолепных «Пропилеев»²⁶⁷, чрез которые ведет путь мимо маленького храма «Победы»²⁶⁸ к «Партенону»²⁶⁹. Здание это, от кото-

* затем всматривался вдаль [в глубь] полуострова, чтобы увидеть Марафонскую долину.

** вооруженных биноклем

*** Первоначально: «ожидал я приезда».

**** только

***** Первоначально: «созданий: не слушая глупых объяснений своего гида, не поддаваясь его обычному бесцеремонному обращению с туристами».

Афины. Акрополь

рого сохранилась едва половина, все еще поражает своим величием, превосходным материалом, изяществом деталей. Много мелких остатков, найденных при раскопках Акрополя — статуй, барельефов, ваз и прочее — собрано в маленьком музее, устраиваемом тут же, на месте, заботами местного археологического общества*. После подробного осмотра этого маленького музея я обошел развалины «Эректеона»²⁷⁰ и храма богини «Афины», остатки древних «Пеласгийских стен»²⁷¹; затем спустился к скале, считаемой местом «Ареопага»²⁷², к храму «Тезея», небольшому, но лучше других уцелевшему; наконец, к открытым гробницам, которые окаймляли «священный путь», направлявшийся чрез ворота «Депилон» к «Элевзинской равнине»²⁷³.

Осмотр всей этой массы любопытных в высшей степени развалин был облегчен мне предварительным прочтением описания их; однако ж, не ограничиваясь этим первым взглядом, я рассчитываю еще не раз побывать среди этих остатков далекой древности, конечно, уже без сопутствующего докучного гида.

* которому надобно отдать полную справедливость.

Было уже около 11 часов утра, когда я пришел на почту, чтобы узнать — нет ли там писем на мое имя. Не оказалось ничего. Пошел в посольство: сторож объявил, что письма есть, но что они у Юрия Петровича Бахметьева, временно заступающего место посланника. Иду к нему на квартиру — новое разочарование: он уехал в Пирей, на пришедший туда новый русский пароход — стационар. После некоторых переговоров с прислугой меня приняла супруга Бахметьева и обещала прислать мне письма немедленно по возвращении ее мужа и вместе с тем пригласила обедать в 8 часов вечера. В нетерпеливом ожидании писем провел я дома несколько тревожных часов; когда же дневной зной немного спал, пошел походить в королевском саду, открытом для публики в известные часы. Сад этот позади дворца, довольно обширный, с богатою растительностью. Возвратившись в отель, наконец, нахожу письма, которые в мое отсутствие привез сам Ю.П. Бахметьев. Разумеется я сейчас же прочел их с жадностью и успокоился, узнав, что дома все обстояло благополучно по 2/14 июня*.

Обедал и окончил вечер у Бахметьевых. Сидели все время на террасе под открытым небом. Жена Бахметьева — американка, с трудом говорит по-русски, но уже совсем освоилась с русским бытом.

14-го/26-го июня. Среда. — Почти всю ночь провел без сна; приписываю это позднему обеду, крепкому чаю, жаре и утомлению в течение дня. В 5 часов утра я уже на ногах, а в 6 вышел из гостиницы. С помощью плана и книжки я успел в течение утра закончить осмотр почти всего, что оставалось мне видеть в городе: сначала, пока было еще свежо, обошел невиденные вчера остатки древних Афин; попозже осмотрел оба музея древностей: один из них — называемый по-гречески *Κεντρικόν Μουσείον* — есть собрание скульптурных предметов, найденных при раскопках в Афинах и в некоторых других местах Греции²⁷⁵; другой — называемый «Политехникон» — включает в себе богатые коллекции археологического общества. Первый музей еще достраивается; только часть обширного здания занята теперь немногочисленными произведениями древнего искусства. Даже и в тех залах, где уже расставлены эти предметы, рабочие еще пробивают новые просветы. Гораздо богаче второй музей: в нем есть зала египетских древностей, другая зала — предметов, найденных при рас-

* Дочь Оля уже уехала в Никольское, к Олсуфьевым; она отвезла в Москву пробывшую у нас около двух месяцев несчастную больную М.Д. Полторацкую. Были письма от сына и от А.И. Лавреньева²⁷⁴.

копках (преимущественно гробниц) в Мисене, Тиренте, Мениде, Навплии и др., третья зала — предметов* металлических и терракоты; четвертая — ваз и других произведений гончарного искусства. Однако ж и этот музей далеко еще не в законченном виде: коллекции постоянно пополняются, перемещаются. Вообще коллекции древностей в Афинах, в настоящем их виде, еще далеко уступают богатством и благоустройством известным большим музеям в Западной Европе.

Обойдя сегодня значительную часть города (всего по плану я сделал пешком не менее 11 верст), я всматривался в новые постройки, из которых некоторые, очевидно, возводились с большими претензиями на архитектурное изящество: кроме обширного, но весьма некрасивого, неуклюжего королевского дворца, бросаются в глаза: здания Академии, Университета, Палаты депутатов, нового театра, несколько церквей и много частных домов. Но как далеко уступает новая греческая архитектура древней! Наиболее претензии замечаются в постройке Академии: тут зодчий пытался применить к новым требованиям строительным формы древней классической архитектуры: колоннады, портики, фронтоны с барельефами и проч[им]; но вышло что-то очень вычурное; позолота наружная пестрит здание. Не говорю уже о качестве материалов и технической части построек. В строящемся еще здании музея уже заметил я трещины; во многих местах употребляются железные перемычки и связи; везде штукатурная работа. В постройке частных домов преобладает один общий тип.

При всем том, новые Афины принимают вид красивого современного города, с широкими, прямыми улицами, гладкими тротуарами, аллеями, скверами. Новые главные улицы довольно оживлены; много движения; остающиеся же старые переулки такие же грязные, как в любом итальянском городке.

Возвратившись домой в самый жаркий час дня (после полудня), я уже не выходил из комнаты до самого обеда. В 8 часов вечера — обед у Бахметьевых в обществе трех дипломатов (двух французов и одного испанца), капитана 1-го ранга Смирнова — командира вновь прибывшей в Пирей канонерки «Черноморец», нашего военного агента в Афинах Рауш-Траубенберга с женой (урожденной Набоковой). Траубенберг очень был удивлен неожиданной встречей со мною. После обеда один из французов, веселый балагур Casenave вздумал сделать дамам предложение — кончить вечер в одном из *café chantant* на каком-то представлении.

* откопанных Шлиманом бронзовых,

Дамы охотно приняли эту затею, и все мы отправились пешком в загородный народный театр, где очутились среди публики самого низшего сорта. На открытой сцене шло представление очень пошлой буффонады; зрители хохотали; но для нас, не знакомых с греческим языком, не было ничего забавного; дамы первые соскучились и, не дождавшись конца пьесы, мы ушли из ловушки, в которую завлек нас легкомысленный француз. Домой возвратился я лишь около часа ночи.

15-го/27-го июня. Четверг. — Чета Траубенберг проводит лето в Кефиссии, верстах в 15 от Афин, на возвышенной местности, более богатой растительностью, чем Афины. По приглашению их я отправился туда вместе с ними в 9 часов утра, по железной дороге, и возвратился к 5 часам пополудни. В Кефиссии заметно свежее, чем в городе, и потому поездка эта была для меня приятным отдыхом после двухдневной утомительной беготни по городу, в палящий зной.

Вечер провел спокойно в отеле за чтением газет. Бахметьевы — муж и жена навестили меня, чтобы сговориться насчет завтрашней поездки за город.

16-го/28-го июня. Пятница. — Сегодня еще жарче, чем во все прежние дни. В самой прохладной комнате отеля, совершенно укрытой от действия солнечных лучей, термометр показывает 26° Р. Я воздержался от всяких осмотров и только зашел к Бахметьевым, да оставил карточку французскому attaché M-г Casenave. Остальную часть утра посвятил корреспонденции и укладке.

В 6 часов вечера Бахметьевы, по предварительному соглашению, захвали за мной, чтобы вместе ехать за город. Целью прогулки были Фалеры — старое и новое, загородные сборные пункты афинской публики, на берегу моря, близ Пирея. Здесь мы могли свободно дышать после дневного зноя и духоты Афин; по закате солнца даже ощущалась влажная свежесть. Кроме купален, устроенных на море, в Фалерах есть театр и множество кофеен, где по здешним привычкам собираются многочисленные посетители за* выставленными круглыми столиками.

По возвращении в город пообедал у Бахметьевых. Сегодня случайно познакомился я с известною личностью Тюрром (Turr), бывшим генералом Венгерской революционной армии. Теперь он занимается делом Коринфского канала и стоит во главе общества, предпринявшего эту важную работу. Тюрр, живя в одном со мною отеле и узнав (от Бахметьева) о моем желании видеть работы кана-

* бесчисленными

ла, сам подошел ко мне и очень любезно предложил свои услуги, чтобы доставить мне все удобства для осмотра канала. Я должен был, однако же, отказаться от этого любезного предложения, решив уже выехать завтра из Афин прямо в Патрас безостановочно. К этому побуждало меня и то соображение, что проездом по железной дороге я могу без всякого затруднения увидеть то же самое, что показал бы мне генерал Тюрр. Несколько спустя после нашей с ним беседы, получил я от него* две печатные записки о положении дела Коринфского канала, с объяснением причин настоящей приостановки работ²⁷⁶.

17-го/29-го июня. Суббота. **На пароходе, в Ионическом море. — После прощального визита Бахметьевым выехал я около полудня по железной дороге в Патрас***. Дорога идет сначала равниной, среди садов; потом чрез Элевзис, близ древних развалин; а миновав Каламаки (где видно несколько загородных вилл, в том числе и принадлежащая генералу Тюрру), пересекает вновь создаваемый канал Коринфский по железному мосту, с которого хорошо видна во всю длину, по прямой линии, глубокая траншея канала от залива Сароникского до залива Коринфского. Вынуто уже громадное количество земли и камня; но остается еще много рыть, чтобы довести канал до предположенной глубины. Мне показалось (смотря сверху, с моста), что канал в настоящем виде не имеет достаточной ширины; вероятно, придется впоследствии еще уширить его, подобно тому, как ныне уширяется Суэцкий канал.

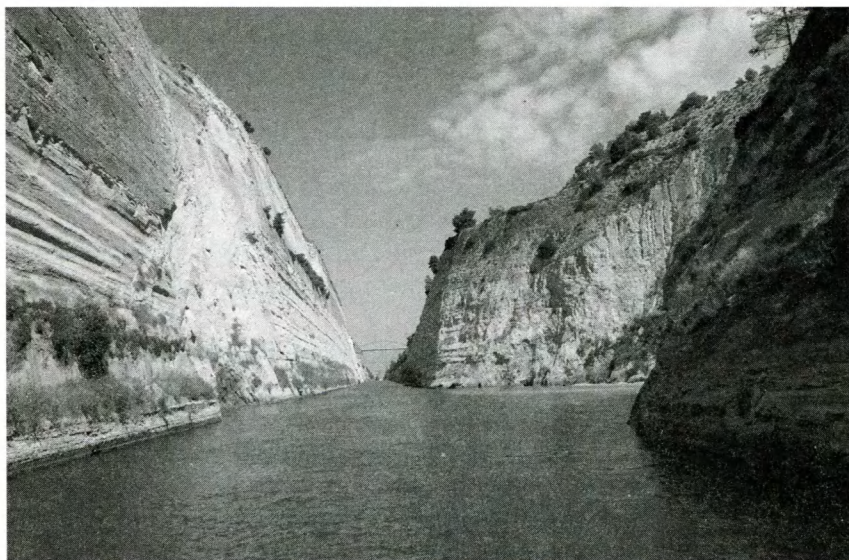
Весь путь по южному берегу Коринфского залива пролегает местностию весьма живописною и хорошо обработанною; вся полоса до подошвы гор занята виноградниками и оливковыми деревьями; повсюду глаз останавливается на небольших беленьких домиках поселян, которые, по-видимому, живут в довольстве. Города (Коринф, Патрас и др.) так же, как и селения, имеют издали вид опрятный. Все напоминает южную Италию.

В Патрасе, куда прибыл я около 7 ¹/₂ часов вечера, встретил меня на станции наш консул Калогераки, которому Бахметьев те-

* Первоначально: «несколько печатных записок».

** Далее в подлиннике текст и редакционная правка написаны Д.А. Милютиным карандашом: с 17/29 июня до 23 июня / 5 июля включительно (см.: Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 8. Л. 47–52 об.). Этот же текст был переписан Д.А. Милютиным набело чернилами с новой редакционной правкой и вложен в Дневник. См.: Там же. Л. 169–176. В публикации учтены первая и вторая редакции Д.А. Милютина. — Прим. публ.

*** На станцию приехали проститься со мною Бахметьевы и Рауш-Траубенберг.

Коринфский канал. Современный вид

леграфировал о моем приезде. Это старичок из местных греков, родившийся в России (в Одессе); однако ж по-русски не говорит*. Он помог мне перебраться на стоявший против Патроса итальянский пароход «Pachino» (компания Florio e Rubatino), на котором ехал также французский посланник в Афинах Монтолон. Пароход был переполнен пассажирами, так что ни ему, ни мне нельзя было дать отдельных кают: нас поместили вдвоем. Однако ж, когда наступило время идти на покой и я спустился в назначенную каюту, в ней оказались уже заняты две койки, а сложенных там вещей моих не было, появление мое было даже встречено несколько враждебно со стороны посланника, который заявил мне, что каюта дана ему одному и что он распорядился одною из свободных коек для помещения своего приятеля. Для разъяснения недоразумения приглашен был капитан; однако ж мне было уже неприятно оставаться в каюте, и я предпочел провести ночь, не раздеваясь, на диване** рубке над трапом. Оказалось, что я был в полном выигрыше: проснувшись утром, увидел я в другом углу той же рубки и самого посланника, бежавшего из душевой своей каюты, где не мог заснуть... Вообще итальянский пароход не от-

* имя его я не запомнил.

** маленькой

личается ни порядком, ни чистотою. Какое сравнение с нашими русскими пароходами!

18-го/30-го июня. Воскресение. — Пароход все время идет между берегом твердой земли (Албании) и островами Ионическими. Острова эти своею профилею похожи на острова Архипелага; но как кажется издали, некоторые из них не так голы и бесплодны; кое-где видна зелень. В 1-м часу дня пароход бросил якорь в Корфу. Уже издали город этот представляется весьма живописным со своею цитаделью на двух выдающихся скалах над берегом моря. Несмотря на палящий жар, я сошел на берег и бродил пешком по городу в разных направлениях; обошел кругом старые венецианские укрепления, на которых сохранились еще высеченные в камне венецианские гербы и надписи. Местами старые крепостные стены скрыты для открытия свободных выездов из города. Окрестности Корфу прекрасны; но я мог обозреть только издали, с крепостных верков, окружающие высоты, покрытые зеленью и виллами. В самом же городе ничего не нашел замечательного.

Около 5 часов вечера пароход снялся с якоря и, обогнув с севера остров Корфу, направился в открытое море. В числе севших на пароход новых пассажиров оказался наш писатель Немирович-Данченко. Я рад этой неожиданной встрече с знакомым человеком, с которым мог войти в разговор*.

20-го июня / 2-го июля.** **Вторник. Венеция.** — Вчера, с рассветом, пароход наш подошел к берегам Италии и около 5 часов утра причалил к набережной в Бриндизи. Италия встречает дождем, которому позавидовали бы в Афинах, а еще более в Каире и Иерусалиме. Вместе с Немировичем-Данченко вышли мы на берег, вместе отбыли таможенный осмотр нашего багажа (впрочем, весьма снисходительный и вежливый) и вместе поместились в нашей гостинице «Grand Hôtel des Indes orientales». Мне предстояло ожидать до 5 часов вечера поезда в Болонью и Венецию, а ему — до 6 часов поезда в Отранто и Неаполь. Крупный дождь расстроил мой план — воспользоваться временем для поездки в Бари, где покоятся мощи св. Николая Чудотворца. Когда же дождь прекратился и небо прояснилось, я вышел из отеля вместе с Немировичем, чтобы осмотреть городок Бриндизи. Мы нашли его более обширным,

* Первоначально: «Я рад был этой неожиданной встрече, потому что с самого выезда из Афин оставался в полном одиночестве и молчании, исключительно погрузившись в Бедекера»²⁷⁷.

** Первоначально в подлиннике дата 19 июня / 1 июля, в переписанном чернилами варианте дата исправлена на 20 июня / 2 июля. — Прим. публ.

опрятным и даже красивым, чем ожидали: улицы вымощены плитой; во многих местах сохранились старинные массивные постройки, а кругом всего города крепостные стены и старинные замки, служившие некогда цитаделями.

В 5 часов пополудни я распростился с Немировичем на станции железной дороги, и поезд довольно быстро увлек меня на север. Признаться, мне было как-то приятно, после странствований на Востоке, почувствовать себя опять в Европе. Быть может, способствовала тому отчасти резкая перемена в температуре: после испытанного томительного зноя я отдыхал в более умеренной атмосфере, освеженной утренним дождем. Впрочем, и страна, по которой приходилось мне теперь двигаться, производила приятное впечатление. Вся равнинная полоса, от морского берега до подошв гор, то расширяющаяся, то стесняемая высотами, сплошь обработана, усеяна беленькими домиками поселян, виллами, старинными замками; все пространство занято виноградниками, оливковыми и другими деревьями, отчасти полями маиса и пшеницы (которая была уже сжата). Земельные участки аккуратно разграничены прямыми межами, обозначенными каменными стенками или рядами деревьев. Но всего более здесь поражает (так же как и в большей части Италии) многочисленность городов, городков и местечек, опрятных, красивых, в самом близком соседстве один с другим. На протяжении менее 800 километров пути от Бриндизи до Венеции насчитал я до 20 городов, и в том числе несколько таких, каковы Анкона, Болонья, Феррара, Римини, Ровиго, Падуа — богатых своими историческими воспоминаниями, старинными капитальными постройками, замечательными произведениями искусства, иные с университетами и все прекрасно обстроенные. Так и видно, что в этой стране основу всего исторического развития гражданской жизни было городское самоуправление, муниципия.

*Сегодня рано утром поезд наш проходит Анкону. Здесь отроги Апенинов упираются в самый берег Адриатического моря, так что железная дорога в двух или трех местах проложена сквозь тоннель. В 10 ¹/₂ часов утра в Болонье — пересадка в другие вагоны; отсюда поезда расходятся по нескольким направлениям. Мой путь пролегал чрез Феррару, Ровиго и Падуу. Любопытно, что среди этой низменной местности, среди дельты реки По, появляется отдельная, как бы отброшенная от дальних гор, группа высот (Euganei),

* В подлиннике, написанном чернилами, зачеркнуто: «20-го июня / 2 июля. Вторник. В 5 ¹/₂ часа утра поезд наш прошел Анкону». На полях зачеркнуто «Венеция». — Прим. публ.

через которые и здесь прорыт тоннель. С утра заволокло опять небо черными тучами, а с приближением поезда к Падуе — проливной дождь. Около 3-х часов пополудни, в серую погоду въезжаю в Венецию; беру гондолу и по каналам пробираюсь до Riva degli Schiavoni²⁷⁸, где нахожу пристанище в старом отеле Даниеля, в котором случилось уже мне останавливаться в прежние мои проезды через Венецию.

Таким образом, на первом шагу в этот оригинальный город впечатление было не совсем благоприятное. Однако ж к вечеру погода несколько прояснилась; меня неудержимо тянуло на Piazza²⁷⁹, хотелось неотлагательно взглянуть на чудный собор Св. Марка²⁸⁰ и на окружающую его бесподобную декорацию. Заглянул я и во внутрь храма, хотя наступившие уже сумерки едва позволяли что-либо в нем разглядеть. Прохаживаясь под арками «прокуратории»²⁸¹, я наткнулся на магазин произведений знакомого нашего Сальвиати и, узнав, что он сам живет поблизости, зашел к нему. Он предложил мне осмотреть на другой же день его заведение, где изготавливаются мозаики, зеркала, мебель и разные другие художественно-промышленные изделия. Остальную часть вечера провел я на Piazza, куда обыкновенно по вечерам стекается почти все население Венеции слушать музыку.

21-го июня / 3-го июля. Среда. — Прежде всего пошел я на почту*, а затем вторично, уже основательно, осмотрел внутренность собора Св. Марка. Замечательный этот храм поражает своеобразием и причудливыми деталями; однако ж после Св. Софии (Константинопольской) кажется тесным, темным и слишком испещренным**.

После собора осматривал я внутренность дворца Дожей²⁸². Хотя не в первый раз приходится мне видеть это богатое собрание художественных сокровищ, однако ж я всматривался в них с новым удовольствием и с бóльшим, чем прежде, вниманием. Жаль только, что картины плохо освещены; некоторые из них совсем нельзя разглядеть. В заключение показывали мне старинные чудовищные темницы (gli Piombi).

После завтрака в отеле я снова пустился бродить по узким, извилистым закоулкам города и вторично зашел в заведение Саль-

* чтоб осведомиться, нет ли писем на мое имя, хотя мало рассчитывал на получение их; но сверх ожидания нашел письмо от Оли; оно, конечно, очень обрадовало меня, так что я не утерпел — прочел его, присев на мраморную скамейку у С.-Марко.

** разными декоративными деталями.

виати. За отсутствием самого хозяина оба сына его подробно показали мне весь ход мозаичной работы, за исключением первоначального изготовления разноцветных стеклышек, производимого в особом заведении на острове Мурано.

Скучный обед в отеле за общим столом (*table d'hôte*) среди англичан. Сегодня население Венеции умножилось наплывом того же куковского каравана австрийских туристов, с которым я уже сталкивался и в Константинополе, и в Бруссе, и в Афинах. Вся столовая отеля Даниеля была занята исключительно этим стадом, так что общий стол для жильцов отеля был перенесен в другое, временное помещение.

После обеда ходил я в городской сад на *Punta della Motta*. Туристы мало посещают его; но в нем очень хорошая растительность, которую должны бы особенно ценить венецианцы, дышащие смрадными испарениями каналов. В Венеции такой скверный воздух, что даже в изящных залах дворца Дожей чувствуется отвратительное зловоние. По вечерам в павильоне публичного сада даются концерты; но я вышел оттуда еще до начала его и предпочел докончить вечер на *Piazza*, усевшись за столиком пред одним из многочисленных кафе.

22-го июня / 4-го июля. Четверг. — Опять бродил все утро по городу, пробираясь по закоулкам и бесчисленным мостикам, перекинутым чрез каналы. Что за толкотня, что за зловоние! И тем не менее какое удовольствие доставляет туристу оригинальность и пестрота этого города, выстроенного на воде! На каждом шагу бросаются в глаза темные фасады старинных, изящных *palazzo*, обращенных ныне в помещения разных общественных учреждений или отелей. Заходил в несколько церквей, особенно рекомендуемых Бедкером (*S. Giovanni e Paolo*, *S. Maria dei frari*, и др.)²⁸³; но католические церкви вообще мало интересуют меня; наружная их архитектура отличается безвкусицей, а внутренность — обилием декоративных деталей и пестротой. Самые богатые из католических церквей похожи более на музеи, чем на место молитвы.

Исходив значительную часть города безостановочно*, я достиг, наконец, музея Академии художеств (*Accademia delle belle arti*)²⁸⁴, где и оставался до 3-го часа. Об этом собрании художественных произведений (преимущественно венецианской школы) могу сказать почти то же, что о вчерашнем осмотре дворца Дожей: обилие замечательных картин, но худое освещение. Из множества виденных мною превосходных произведений Тициана, Тинторетто, обо-

* с 7 до 11 часов утра

их Беллини, Поля Веронезе и других — более всех врезалась в моей памяти великолепная картина Тициана, изображающая вознесение Богородицы. Смотри на работы великих художников эпохи Возрождения, дивисься, с одной стороны, типичности и выразительности отдельных лиц и свежести красок, а с другой — полному пренебрежению к исторической правде.

Утомленный физически непрерывным в продолжение 5 1/2 часов движением и нравственно — напряжением внимания в музее, я зашел в ресторан «Bauer-grünwald» и отобедал там на открытом воздухе, во избежание позднего и скучного обеда в отеле за общим столом.

Вечер опять провел на Piazza, слушая музыку за чашкой кофе.

23-го июня / 5-го июля. Пятница. — В первый раз воспользовался сегодня удобным в Венеции способом сообщения — гондолой. Пристань гондол как раз под моими окнами. Проплыв от своего отеля по узким, вонючим каналам, выбрался я на открытую водную поверхность лагун и мимо городского кладбища (на отдельном островке) достиг Мурано. Здесь осмотрел я ту часть заведения Сальвиати, где изготавлиются все его стеклянные работы и, между прочим, материал для его мозаик. Работы производятся большею частью от руки, на глаз. В изготовлении стекляшек для мозаик сущность дела заключается в химическом составе красок; требуется до 20 тысяч номеров цветов и оттенков. Состав этих красок* держится в тайне.

Возвратившись в город в той же гондоле, я осмотрел в морском арсенале музей, в который вход для публики совершенно свободный и бесплатный. Одна часть музея включает в себе собрание старинного оружия, другая — коллекцию моделей всяких судов, старинных и современных.

Затем опять бродил пешком по городу и еще раз зашел в храм Св. Марка, чтобы внимательно всмотреться во все его детали. На этот раз заинтересовали меня мозаичные изображения, которыми обильно испещрены все стены: поразительны безобразие рисунка и нелепость композиции.

После раннего обеда в ресторане намеревался вечером побывать на Лидо, где даются в загородном театре оперные представления. Но поездке этой помешал проливной дождь с грозой, и я провел весь вечер в своей комнате, частью в читальне отеля. Пора и распрощаться с Венецией. Дальнейшее пребывание среди этих великолепных остатков былого величия и роскоши только ослабило бы вынесенное впечатление.

* хранится в тайне заведения.

24-го июня / 6-го июля. Суббота. Милан. — В 9 часов утра выехал я из Венеции по железной дороге в Милан*. Страна, по которой пролегал мой путь, показалась мне еще привлекательнее той полосы, по которой только что проехал вдоль берега Адриатического моря. Глаз отдыхает после необозримых бесплодных стран восточных, где пред тем я странствовал. Железнодорожная служба в Италии замечательно усовершенствовалась против прежнего времени; скорый поезд, с которым я ехал, проходит все протяжение от Венеции до Милана (265 километров) в 6 1/2 часов времени**. В Милане остановился я в отеле «Meropole» (на самой площади у собора)*** и успел**** после обедни не только побывать в соборе²⁸⁵, но и побродить по галерее Виктора Эммануила²⁸⁶. Но вот опять сильная гроза и проливной дождь. Возвратился я домой промоченный насквозь.

25-го июня / 7-го июля. Воскресение. — Утром обошел я добрую половину города, входил в некоторые церкви, особенно рекомендованные Бедкером, и вторично провел с полчаса внутри собора, во время воскресной церковной службы. Очень устал; возвратился около часа пополудни в отель, чтобы позавтракать и отдохнуть. Главные улицы Милана прекрасны; но город продолжает еще обстраиваться****. Несмотря на некоторые вновь возведенные красивые здания, все-таки выделяются преимущественно сохранившиеся старинные постройки эпохи Висконти²⁸⁷. Некоторые из старинных церквей, как например, S. Ambrogio (XII-го столетия) реставрированы в новейшие времена, — но крайне неудачно, и можно сказать — изуродованы. Собор миланский остается *пока* нетронутым и производит сильное впечатление гармониею и величием всех составных частей. Впечатлению этому много содействует полумрак внутри храма и цветные стекла.

26-го июня / 8-го июля. Понедельник. — Вчера под вечер почувствовал, что простудился, вероятно, накануне, измоченный дождем,

* В 9 1/4 часов утра выехал я из Венеции по железной дороге в Милан. На пути от отеля к железнодорожной станции, в гондоле, остановился у почты и совершенно неожиданно нашел новое письмо от Лизы. Из него узнаю, что она уже прежде адресовала другое письмо туда же; куда оно девалось — постараюсь навести справки.

** тогда как в семидесятых годах, выехав из Венеции едва ли не раньше, мы с Надей добрались до Милана только к полуночи и едва достучались в отель. Правда, что и самое протяжение пути несколько сокращено: например, Бергамо остается уже в стороне.

*** около 4 часов пополудни

**** еще в этот день

***** однако ж

а, быть может, и вчера же утром при частых переходах с улицы в церкви, где большею частию прохладно и сыро. После обеда я должен был лечь в постель и выдержал настоящий приступ лихорадки. Прием хинины произвел разом перелом; сегодня утром я уже чувствовал себя хотя еще не в нормальном состоянии, однако ж настолько бодрым, что был в силах выйти и сделать легкую прогулку*. Между прочим прошелся по прекрасному саду — giardino publico**; осмотрел музей Poldia Pezzoli²⁸⁸, помещающийся в роскошном palazzo подаренном владельцем его городу со всеми собранными в нем коллекциями разнообразных предметов искусства и старины***.

Как в Венеции, так и здесь в Милане заметил я весьма похвальный обычай**** — ставить памятники не только государственным людям, оказавшим особенные услуги отечеству, но и писателям, художникам и другим личностям, чем-либо***** знаменитым. Через это имена***** исторические сохраняются в памяти народной*****.

27-го июня / 9-го июля. Вторник. — Все утро посвятил почти исключительно осмотру двух главных миланских музеев: Брера²⁸⁹ и Biblio Ambrosiana²⁹⁰. Первый заключает в себе довольно богатую пинакотеку, в которой есть замечательные произведения Тициана, Поля Веронезе, Гвидо Рени, одна Рафаэля, очень много Луини. Довольно большой отдел занят произведениями новейших итальянских живописцев и ваятелей. Некоторые из этих произведений, особенно скульптурных, весьма удачны. Археологический же отдел, в нижнем (подвальном) этаже, незначителен.

В библиотеке Амброзианской отдел живописи сравнительно невелик; но в нем сохраняется много рисунков — этюдов великих художников.

Осмотр обоих музеев одного вслед за другим слишком утомителен. Под конец внимание притупляется.

После непродолжительного отдыха пошел я опять пешком в публичный сад, отобедал там в одном из павильонов, а потом у другого слушал музыку часов до 9 вечера. На возвратном пути, несмотря на яркое освещение улиц, частию электричеством, сбился с

* с некоторыми предосторожностями.

** Публичный сад (*ит.*).

*** Имея много лишнего времени, <остальную часть утра> я употребил на закупки разных предметов в магазинах, белья и дорожных вещей.

**** увековечивать память

***** Первоначально: «чем-либо заслужившим память в народе».

***** этих личностей популяризируются

***** После обеда сделал вторично небольшую прогулку по улицам.

дороги, попал в какие-то глухие части города и должен был сделать большой обход, чтобы попасть на свой настоящий путь. Возвратился домой до того утомленный, что провел скверную ночь и почувствовал снова лихорадочное состояние. Прием хинины опять выручил из беды.

28-го июня / 10-го июля. Среда. — Провел день в спокойствии и отдыхе; никаких экскурсий не предпринимал*.

29-го июня / 11-го июля. Четверг. — Утром еще раз вошел в собор, спустился в подпольный этаж** и потом поднялся на вершину, по 194 ступеням; но увы! — горизонт сплошь затянут густой мглой; ни Альпов, ни Апенин не видно. Только город и ближайшие окрестности — как на хорошем плане. Любопытно*** видеть вблизи верхние части самого собора: это не архитектурная, а филигранная работа; это каменные кружева. Какое множество статуй и барельефов! Самая крышка мраморная. Я ошибался, сказав прежде, что рука современных архитекторов не коснулась пока Миланского собора: напротив того, в последнее время произведены, и теперь продолжают, работы для исправления поврежденных частей; даже добавляются новые там, где очевидно не достает чего-либо для довершения общего плана сооружения. И я должен на этот раз отдать справедливость новым строителям: все новые части делают совершенно сходно со старыми и ни в чем не уступают им.

После собора закончил я свою общую рекогносцировку города в тех частях его, по которым еще не случалось проходить. Между прочим видел единственные сохранившиеся в Милане остатки древности римских времен — портик из 16 коринфских колон (Corso Ticinese).

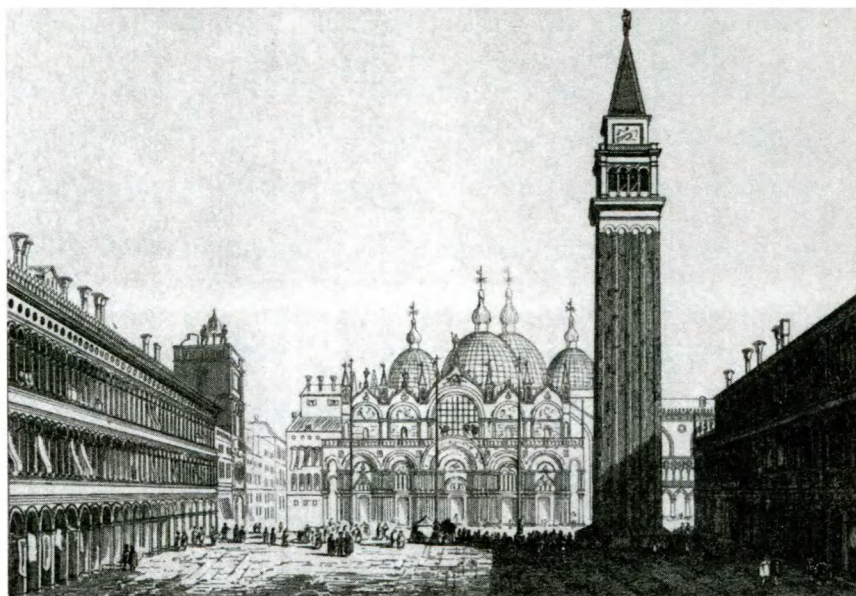
После обеда (в ресторане) опять гулял в публичном саду и в последний раз любовался его прекрасною растительностию, газонами, искусною разбивкою. Этою прогулкой закончил я свое пятидневное пребывание в Милане.

30-го июня / 12-го июля. Пятница. Белладжио. — В 10 часов утра выехал я из Милана по железной дороге до Комо. Прелестная

* *Первоначальная запись в дневнике на этот день* : «Утром решил взять ванну в отеле, чтобы выправить члены, утомленные вчерашними усиленными странствованиями и потом провести день в спокойствии, не предпринимая никаких экскурсий. Зашел только поблизости на телеграф, чтобы отправить поздравительную телеграмму в Харьков по случаю завтрашнего полкового праздника Пензенского полка. Отправил письмо в Симеис (№ 6)».

** (подполье)

*** однако ж

Венеция. Рыночная площадь и собор Св. Марка

страна*, сплошной сад! Все зелено; между группами деревьев и полями повсюду разбросаны жилища. Первая половина пути — совершенно плоская; вторая — гористая. Самые скаты гор покрыты густо растительностью, а на вершинах — белеют виллы, замки, целые деревеньки.

В начале 12-го часа я был уже в Комо и, покинув железнодорожный поезд, сел на пароход. Что за чудный вид! Узкая полоса воды, в извилистых берегах, обставлена крутыми, довольно высокими и сплошь зелеными горами; вдоль берегов и на скатах гор, даже на некоторых вершинах — повсюду разбросаны бесчисленные виллы и деревеньки. Я был вполне очарован. Ни с чем, до сих пор виденным мною, нельзя сравнить это прелестное озеро.

Пароход останавливается часто то у правого, то у левого берега, но везде на весьма короткое время**. Многочисленная публика; слышатся исключительно языки итальянский и английский. На промежуточных станциях одни выходят, другие замещают их. Жарко; водная поверхность гладкая, как зеркало. Что ни поворот берега,

* точно один <как> сплошной сад!

** Прекрасно сервированный завтрак.

то новый прелестный вид; а вдали, на севере, озеро как бы замыкается высокими горами, подернутыми полупрозрачной мглой.

В начале 2-го часа пароход пристает к Белладжио. Здесь выхожу я на берег и водворяюсь в ближайшем от пристани большом отеле «Genazzini», которого терраса составляет берег озера. В настоящее летнее время года все отели почти пусты. За общим столом (table d'hôte) собралось нас всего трое*. Съезд в здешних привольных местах бывает преимущественно осенью, зимой и весной**. Я занял маленькую комнатку в одно окно, которое выходит на озеро. С балкончика пред окном люблюсь чудным видом: прямо предо мной — Menaggio, несколько левее — Cadenabia, villa Carlotta, Tremezzo и очутившаяся поперек озера горка Legnone; вправо, на восточном берегу — Varenna, Bellano, и далеко глаз уходит в глубь озера.

После обеда, уже пред самым закатом солнца, когда спал дневной зной, я взял лодку и сделал весьма приятную прогулку по озеру. Обогнув мыс, или, как здесь называют его, pointe, punto — я мог налюбоваться обеими сторонами его: к западу — скат горы, хотя и крутой, однако ж покрыт густо растительностью; восточная же сторона — скалиста, совсем отвесна. На вершине мыса — известная villa Serbelloni, составляющая теперь принадлежность отеля «Grande Bretagne».

1-го/13-го июля. Суббота. — Утром*** сделал я прекрасную прогулку пешком. Поднялся к вилле Serbelloni и далее до самой вершины горы, возвышающейся над Белладжио на 100 метров (по показанию моего карманного anerоида)****. Вилла Сербелони, как я уже сказал, составляет отдел отеля «Grande Bretagne», весьма приятное помещение для тех, кто желает несколько отдалиться от суетливой людности***** прибрежных отелей. Роскошно устроенная, так же как и самый отель «Grande Bretagne», вилла Сербелони доступна не для всякого туриста; чтобы попасть туда, надобно запастись билетом. Она окружена прелестным парком, богатою растительностью, клумбами цветов; а на вершине горы — развалины старинного замка. С нескольких пунктов парка открывается обширный вид на оба рукава озера, т. е. и на Комо, и на Лекко.

* со включением меня.

** в марте, апреле и мае. Теперь уже слишком жарко.

*** с 7 до 10 часов

**** *Анероид (от фр. aneronde) — в данном случае портативный инструмент для измерения высоты (высотомер). — Прим. публ.*

***** Первоначально: «толкотни».

Из виллы Сербелони прошел я вдоль высот узкими тропинками между несколькими большими виллами; из них самые замечательные, преимущественно по обширности и красоте садов — виллы Melzi, Melli, Poldi. Последняя уже на самом берегу озера; отсюда я возвратился домой по хорошей колесной дороге. Должен признаться, что, вспомнив о нашем южном берегу Крыма, я позавидовал виденным сегодня прекрасным садам с роскошною их растительностью, яркою зеленью, обилием цветов. Содержатся эти сады в замечательном порядке.

Между завтраком и обедом — другая прогулка: на пароходу в Лекко и обратно. Этот рукав озера (восточный) далеко не так живописен и не так оживлен, как западный, упирающийся в Комо. Здесь прибрежные горы имеют характер несколько суровый, в иных местах обрываются отвесными скалами. Местечки или селения на обоих берегах незначительны, и замечательных вилл вовсе нет, кроме разве виллы Джулии, которая почти принадлежит еще к Белладжио. Городок Лекко также ничем не замечателен. Вся поездка в оба конца продолжалась менее 3-х часов*.

2-го/14-го июля. Воскресение. — Погода испортилась: с вечера гроза, а рано утром — дождь; на озере порядочное волнение. К 9 часам утра временно прояснилось**, и мне удалось исполнить благополучно предположенную прогулку в лодке на противоположный берег озера. Сначала осмотрел villa Carlotta, бывшую Sommariva, а теперь принадлежащую герцогу Саксен-Мейнингенскому. В нижнем этаже прекрасные скульптурные произведения Кановы, Торвальдсена и других художников. Прекрасный сад, разбитый весьма искусно по скату берега; много хороших экзотических растений. Из виллы Карлота прошел я пешком вдоль берега, по Cadenabia: это ряд гостиниц и вилл, представляющий такое же приятное место пребывания, как и Белладжио, а в некоторых отношениях даже имеет преимущество. Из двух прекрасных (перво-разрядных) гостиниц — «Belle vue» и «Britania» — я предпочел бы вторую, как более отдаленную от пристани пароходов и потому более спокойную.

* Пребывание свое в Белладжио должен я, помимо своей воли, продлить несколько долее, чем предполагал: оказывается необходимым купленные мною в Милане рубашки (собственно для экскурсий в горах) перешивать, так как они совсем мне не впору. Работа эта может быть исполнена не ранее среды. Стало быть, у меня впереди еще четыре дня, на которые приходится мне распределить экскурсии и прогулки в ближайших отсюда окрестностях.

** даже показывалось солнце

Из Каденабии продолжал я путь к Menaggio, уже в лодке. В промежутке между названными местностями видно еще несколько вилл. Замечательно, что большая часть их в настоящее время в руках англичан. Некоторые построены ими во вкусе английских коттеджей. В Menaggio я вышел на берег и прошелся по городу от одного конца до другого. На одной оконечности — большой перворазрядный отель «Menaggio»; здесь же и начало железной дороги, ведущей в Porlezza, на берегу озера Lugano. На другой оконечности городка, близ пристани пароходов — также перворазрядный отель «Victoria». Однако ж я не выбрал бы Менаджио своим местопребыванием.

Едва успел я возвратиться в Белладжио около часа пополудни, как снова пошел дождь и порыв северного ветра снова взволновал поверхность озера*.

3-го/15-го июля. Понедельник. — Погода совсем поправилась. В 9 часов утра сел я на пароход и проехал от Белладжио до Колико, последнего пункта в северной оконечности озера, откуда расходятся две железные дороги: одна — в Киавенну, по направлению к Энгадину, другая — в Сондрио, в Вальтелине. Таким образом, осмотрены мною все три рукава озера, между которыми Белладжио занимает центральное положение. Осмотренный сегодня северный рукав живописен не менее Комского (юго-западного), но значительно уступает ему в оживленности берегов; здесь нет ни такого множества красивых и роскошных вилл, ни таких прихотливых отелей; зато, по мере приближения к северной оконечности озера, где впадает в него река Адда, открываются предгорья Альпов. На вершинах ближайших гор, непосредственно замыкающих с севера котловину озера, лежит снег, — вероятно, принесенный временно бывшею в последнее время непогодой. Многочисленные пароходы компании Lariana беспрестанно снуют по озеру от одного берега к другому зигзагами, принимая и выпуская на каждой станции пассажиров. В настоящее время года число пассажиров невелико; говорят, что пароходная компания работает чуть не в убыток себе.

Около двух часов пополудни я уже возвратился домой**, а после обеда*** сделал еще довольно большую пешеходную прогулку в окрестные деревеньки и виллы.

* Однако же перед обедом я нашел возможность еще немного походить в ближайших окрестностях.

** и занялся корреспонденцией (письма в Берн Гамбургеру и в Париж барону Фредериксу).

*** несмотря на поздний час, удалось мне еще сделать

4-го/16-го июля. Вторник. — Встав ранее обыкновенного, сделал опять большую прогулку пешком: обошел самые дальние деревеньки и поднялся несколько выше их, откуда открывается обширный вид на все три рукава озера.

Во весь остаток дня вынужден оставаться дома по причине сильного дождя.

5-го/17-го июля. Среда. Луино. — *Погода поправилась, но облака все еще скрывают вершины отдаленных гор. В 10 часов выезжаю из Белладжио на пароходе в Menaggio, а оттуда, [по] узкоколейной железной дороге до Porlezza на озере Lugano. Перевал между двумя озерами невысокий; однако ж дорога проходит чрез несколько тоннелей. Местность живописная, покрытая роскошною зеленью так же, как все скаты гор, окаймляющих итальянские озера. В Porlezza пересел на пароход, на котором переплыл чрез все озеро Lugano до западной оконечности его Ponte Trezzo. Озеро это, несравненно менее обширное Комского, не уступает ему в живописности и множестве разбросанных по берегам** вилл. В середине своей оно пересекается дамбою, по которой проложена железная дорога. Пароход проходит под одною из арок моста, опуская свою дымовую трубу. От Ponte Trezzo опять узкоколейная железная дорога до Luino, где я и водворился на несколько дней («Hôtel Luino» или «Terminus») у самой станции железной дороги, чтобы осмотреть озеро Maggiore, не менее знаменитое, чем Комское.

В Луино приехал*** я под проливным дождем и должен был всю остальную часть дня оставаться в комнате.

6-го/18-го июля. Четверг. — К утру погода прояснилась, но еще не настолько, чтобы предпринять экскурсию по озеру. Поэтому я предпочел сделать прогулку пешком кругом всего городка Luino частью по горам, частью по равнинной местности. Прекрасные виллы, с садами и целыми парками, оживляют ландшафт. Самое местечко (borgo) ничтожно.

После 2 часов пополудни отправился на пароходе в северную часть озера, к Locarno. Lago Maggiore очень напоминает Комское; но в северной его части горы спускаются**** довольно круто, а потому берега кажутся менее оживленными. Однако ж и здесь некоторые местности представляют сплошные группы построек, прекрасных вилл и садов. Таковы Canobbia, Ascona,

* К утру

** прекрасных

*** (около 4 1/2 часов дня)

**** к берегу

Locarno. В последнем пункте пароход простоял полтора часа, так что я успел пройтись по местечку и по ближайшим высотам. Здесь, как в большей части прибрежных местностей, великолепный отель.

К 8 часам вечера возвратился я в Luino.

7-го/19-го июля. Пятница. — Ночью сильная гроза с проливным дождем; к утру дождь прекратился, но погода серая; густые облака заволокли даже ближайшие горы. Несмотря на то, решаюсь на предположенную экскурсию по озеру в южную оконечность его. Эта часть озера оживленнее северной; в особенности густо усеян богатыми виллами, садами и роскошными отелями берег, лежащий против Боромейских островов: Intra, Pallanza, Vaveno, Stresa. Все эти * группы вилл ** сливаются *** в сплошной прелестный парк.

Внимание туристов, конечно, обращают на себя преимущественно острова Боромейские. К сожалению, когда пароход причалил к главному из них — Isola bella, начал накрапывать дождь. Несмотря на то, я попал в целую толпу туристов, прибывших в одно время со мною на этот островок: тут были исключительно англичане и немцы. Сторожа, приставленные к**** «palazzo» графов Боромеев****, водят любопытных группами по залам обветшалого замка и по террасам сада*****. В замке немало замечательных произведений живописи и ваяния; сад — составляет также громоздкое архитектурное сооружение, уступы которого украшены обильно экзотическими растениями, приводившими в восторг благодушствующих немков. Однако ж, на мой глаз, Isola bella производит гораздо более эффекта издали, с берега озера или с парохода*****. К такому заключению, быть может, привела меня отчасти обстановка: моросивший дождь и толпа туристов, среди которой пришлось мне толкаться. Толпа эта по осмотре замка и сада, в ожидании прибытия парохода, потянулась к маленькой гостинице на берегу острова — завтракать; я же взял***** лодку и переехал в Стресу, где и дождался парохода.

* четыре

** почти

*** в один

**** большому

***** так и к саду разведенному

***** составляющее, можно сказать, архитектурное сооружение крайне вычурное.

***** чем при осмотре его самого

***** маленькую

Пароход на обратном пути в вечернюю пору идет только до Laveno. Отсюда я доехал до Luino уже по железной дороге (проложенной от Милана или Новары вдоль восточного берега Lago Maggiore в Белинцону, на соединение с главной линией С[ен]-Готардской). Дождь провожал меня до самого отеля.

8-го/20-го июля. Суббота. Люцерн. — Погода ускорила мой выезд из Luino и заставила покинуть прелестные итальянские озера ранее, чем я предполагал. Впрочем, и другое еще побуждение тянуло меня в Швейцарию — желание* получить письма, ожидавшие меня в Берне. Еще из Белладжио писал я старому своему приятелю А.Ф. Гамбургеру, посланнику нашему при Швейцарском союзе, чтобы письма эти были присланы в Люцерн, куда я намеревался приехать по крайней мере неделей ранее, чем в Берн.

В 9 1/2 часов утра выехал я из Луино по железной дороге, которая пролегает сначала по восточному берегу озера Maggiore, почти непрерывным рядом тоннелей, а потом все по долине реки Тичино до Айроло, где входит в главный тоннель под С[ен]-Готардом. Дорога эта очень интересовала меня, и к счастью моему, погода поправилась, так что можно было с балкончика вагона хорошо видеть все изгибы пути, непрерывно вьющегося сперва по долине Тичино, а потом Рейсы. Дивное это сооружение поразило меня смелостью и изобретательностью составителя проекта. Не столько заслуживает удивления главный тоннель, длиною около 14 верст, сколько ряд круговых или спиральных тоннелей, посредством которых путь удлиняется, возвращаясь не раз назад, так что в некоторых точках перекинуто чрез реку по два моста, один над другим**.

Прибыв в 5-м часу дня в Люцерн, я остановился у самой станции железной дороги, в гостинице S-t Gothard, и был обрадован найденными там письмами***. Между прочим из Афин пересланы мне полученные там на мое имя, после уже моего отъезда, две телеграммы — от нашего посланника в Швейцарии Гамбургера и от военного агента в Париже барона Фредерикса. Оказывается, к крайнему моему сожалению, что я не застану ни первого в Берне, ни второго в

* Первоначально: «нетерпение».

** Любопытный <замечательный> этот способ <образ> сооружения железной дороги довольно хорошо объяснен чертежом у Baedeker (la Suisse [Швейцария], изд. 1887 г., стр. 102—103). Впрочем, я надеюсь, что мне удастся еще ближе разглядеть некоторые любопытнейшие части С.-Готардской железной дороги, если мне удастся сделать из Люцерна предполагаемую экскурсию пешком от Гёшенена или Андермата.

*** из Крыма и из Ревеля. Кроме того были письма от Бахметьева из Афин (с приложением полученных после уже моего отъезда двух телеграмм).

Париже; оба выражают и с своей стороны сожаление о том, что нам не доведется свидеться после многих лет разлуки*. В особенности сожалею об отсутствии барона Фредерикса, на которого возлагал я большие надежды по случаю предположенной мною поездки на Парижскую всемирную выставку²⁹¹. Зато из письма дочери Ольги узнаю о предположении ее приехать в Париж вместе с Олсуфьевыми, которые собираются на выставку в течение августа. Конечно, мне было бы чрезвычайно приятно съехаться с ними**.

После обеда вышел из отеля и обошел часть города. Припоминая Люцерн, виденный мною почти полвека назад***, не узнаю старого знакомого. Особенно прилежащая к озеру часть приняла**** вид нового, красивого города: прекрасная набережная, усаженная густыми деревьями, великолепные здания, роскошные гостиницы, большое оживление на улицах — все это совершенно не похоже на то, что оставалось у меня в памяти о скромном, меланхолическом Люцерне 1840 года²⁹².

9-го/21-го июля. Воскресение. — Все утро употребил на осмотр достопримечательностей Люцерна. Начав с памятника, сооруженного в честь швейцарцев, погибших в Париже в революции 1792 года²⁹³ (памятник представляет умирающего льва, проколотого копьем), и геологического сада (jardin du glacier, Gletschergarten)²⁹⁴, я обошел находящиеся поблизости их павильоны с разными коллекциями, в том числе и с рельефным изображением окрестностей Люцернского озера; затем зашел в диораму, представляющую с разных сторон виды с вершины Риги, наконец, в городской музей, где хранятся найденные при разных раскопках остатки каменного и бронзового веков. Из всех виденных мною достопримечательностей особенного внимания заслуживает геологический сад: тут при рытье земли для построек в 1872 году оказались замечательные следы ледникового периода — воронки, образованные в скале глетчерами, с отполированными стенками и заключенными в них шарообразными камнями. Для одной этой редкостной игры природы стоило бы приезжать в Люцерн, если б даже и не было здесь никакой другой достопримечательности.

* Но для меня же отсутствие их особенно досадно, потому что я рассчитывал на их помощь, особо одного из них в Берне, а другого в Париже во многих отношениях.

** в Париже, а, может быть, и продолжать мое путешествие вместе с Олей. В таком смысле и буду ей отвечать.

*** (в 1840 г.)

**** совершенно

Под вечер опять стал накрапывать дождь; однако ж я прошелся еще по набережной, чтобы видеть, как в Швейцарии горожане справляют воскресный день.

10-го/22-го июля. Понедельник. Цюрих. — Всю ночь шел дождь. Утром густые облака и туман заволокли вершины гор. Предполагавшуюся поездку на вершину Риги или на Пилат не стоит предпринимать в такую погоду. Чтобы не терять времени сложа руки в отеле, я задумал съездить в Цюрих, с тем, чтобы завтра прокатиться на пароходe по Цюрихскому озеру и возвратиться в Люцерн. Для такой поездки — облака не составляют помехи.

Выехав из Люцерна в 12-м часу по железной дороге, я был уже в 3-м часу в Цюрихе и, отобедав в отеле «Belle vue», обошел потом весь город. Цюрих еще более, чем Люцерн, принял новый вид и совершенно неузнаваем. Старинные дома с высокими крышами, узкие извилистые улицы, мрачные стены городские — уже совсем исчезли; вместо них нахожу с удивлением прекрасные улицы с широкими тротуарами, великолепные здания, скверы, красивую набережную. Некоторые новые кварталы еще продолжают разрастаться. Исходив почти весь город, побывав и в ботаническом его саду, устроенном на одном из прежних бастионов, также в другом вновь разведенном саду у станции железной дороги, на мысу при слиянии реки Лимата с Зилем (Sihl), я с удовольствием посидел некоторое время на скамейке одного из скверов, на набережной, любуясь видом на озеро, оживленное приходившими и уходившими пароходами с массою туристов. Однако ж с закатом солнца начал опять накрапывать мелкий дождь.

11-го/23-го июля. Вторник. Люцерн. — Ночью гроза. В 6 часов утра открываю окно: дождь, ничего не видно за густым туманом и тучами. Выжидаю до 8 часов — никакой надежды, чтобы погода поправилась*. Приходится отказаться от предположенной прогулки по озеру. Пользуясь первым отходящим из Цюриха поездом железной дороги, возвращаюсь к 10 ¹/₂ часам утра в Люцерн.

После полудня дождь на некоторое время приостановился; даже показалось было солнце. Пользуясь этим удобным моментом, я вышел, чтобы несколько размять ноги. Бродя без определенной цели по улицам, я наткнулся случайно на** нечто новое для меня: на одну из так называемых «фуникулярных» (т. е. канатных) железных дорог, устраиваемых в Швейцарии для подъема

* с досадой

** *Далее первоначально:* «на то место, откуда устроен довольно оригинальный подъем на крутую гору, возвышающуюся над городом около 88 метров».

на крутые высоты. Так, на окраине Люцерна существует на высоте 88 метров загородное увеселительное заведение, с рестораном, парком и другими приманками для праздной публики, под названием «Gütsch». Для удобного подъема на эту высоту и спуска с нее, по крутизне в 53°, устроен рельсовый путь, по которому совершается одновременно движение двух вагонеток, соединенных между собою проволочным канатом, так что незначительный перевес налитой в один из них воды достаточен для приведения в движение обоих вагонеток, одного вниз, другого вверх. Покуда я с любопытством осматривал это замысловатое* устройство, беспрестанно являлись во множестве желающие воспользоваться этим средством передвижения.

Перерыв дождя был очень непродолжителен; возвратился я домой под зонтиком.

В иностранных газетах прочел, что с великим князем Константином Николаевичем случился в Павловске паралич, лишивший его языка. Крайне прискорбно, если это правда. Искренно желаю, чтобы в газетном известии оказалось по крайней мере преувеличение.

Неожиданная встреча: вечером в читальной комнате отеля нашел А.Ф. Кони, с которым, разумеется, рад был побеседовать**, после своего продолжительного*** безмолвного одиночества²⁹⁵.

12-го/24-го июля. Среда. — Дождливая погода продолжается; невозможно и думать о каких-нибудь экскурсиях; приходится сидеть, хотя не у моря, а на берегу озера, и ждать погоды.

Утром провел я приятно время в беседе с А.Ф. Кони; но потом он уехал в Гисбах (на Бриенцском озере), где намерен прожить несколько недель. Я обещал навестить его там; а пока остаюсь в прежнем одиночестве****. Вечером ходил слушать превосходный орган здешнего собора.

* Первоначально: «призамысловатое». На полях подлинника Д.А. Милютин оставил схематический рисунок движущейся вверх вагонетки (Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 8. Л. 64). — Прим. публ.

** Первоначально: «мог наговориться досыта».

*** (почти целый месяц)

**** Но теперь, по крайней мере, имею утешение по временам получать письма, пересылаемые мне из Берна. Вчера получил письмо от Лизы из Ревеля, а сегодня от барона Фредерика из Парижа и телеграмма от него же относительно приискания для меня жилья в Париже. Почти весь день сидел в своей комнате, занимался корреспонденцией, приводил в порядок счета расходов путешествия. После обеда ходил слушать превосходный орган здешнего собора; какое разнообразие, полнота звуков, какая полнота!

13-го/25-го июля. Четверг. Гёшенен. — Наконец, погода разгулялась. С утра чистое небо, солнце. Надобно торопиться воспользоваться таким днем для подъема на вершину Риги для поездки по озеру, а может быть, и для давно желанной экскурсии в верховья Рейссы.

В 10-м часу утра отплыл на пароходе по озеру до Вицнау. Здесь начало железной дороги, ведущей на вершину Риги. Крутизна дороги доходит в некоторых местах до 25 %, т. е. высота подъема = $\frac{1}{4}$ заложения. Разумеется, подниматься по такой крутизне нет возможности иначе, как посредством зубчатых колес паровоза и зубчатой же железной полосы, положенной между рельсами. В иных местах дорога висит над пропастью. Несмотря на всю смелость такого сооружения, до сих пор, сколько мне известно, никаких несчастий на этой дороге не случилось; а ездит по ней ежедневно масса туристов. Сегодня же, после многих дней ненастья, набралось их множество: в течение каких-нибудь двух часов времени поднялось на вершину горы (Rigi-kulm) по меньшей мере 6 или 7 поездов, а в каждом поезде (в одном вагоне) усаживается по 60 человек; следовательно, на глазах моих скопилось на верхней платформе не менее 360 человек. Вершина Риги (как и все другие местности Швейцарии) уже совсем не такова, какою я видел в первое мое путешествие в 1841 году. Тогда существовал там только небольшой *châlet*^{*}, теперь — несколько больших гостиниц (в 5 и 6 этажей), не уступающих перворазрядным отелям больших городов. Такие же отели и «пансионы» настроены и во многих других точках горы: Kaldbad — лечебное заведение, Staffel, Scheidegg. Во все эти места проведены ветви железной дороги и везде кишит** публика***.

Спустившись по той же железной дороге обратно в Вицнау, я продолжал на пароходе плавание по озеру, к югу. И на пароходах масса публики****. Озеро Люцернское, или Четырех кантонов, так всем известно, что было бы совершенно излишним говорить о нем. Проводить параллель между озерами швейцарскими и итальянскими также считаю банальной темой. Достигнув самого южного пункта озера,

* Шале, дом (*фр.*).

** Первоначально: «проживает летом множество».

*** На станции Kaldbad, во время короткой остановки нашей, встретился я с А. М. Салтыковым — бывшим генералом свиты, бывшим при покойном Государе одним из главных дельцов <состоявшим в> военно-походной канцелярии. Он живет здесь при большой дочери. <Теперь он в отставке и проводит здесь лето.>

**** Трудно найти место на верхней платформе, чтобы усесться.

местечка Tuelen, тут же прямо на пристани пассажиры пересаживаются в вагоны железнодорожного поезда, который в 7-м часу вечера довозит меня до деревеньки Гёшенен. На пути вторично всматриваюсь в чудесное строение этой дороги. У Гёшенена поезда скрываются под землю, входят в длинный тоннель, из которого вылетают лишь в Айроло, на южной стороне С.-Готарда. Вот почему я вышел в этом пункте из поезда, с тем, чтобы завтра утром пройтись пешком по самой дикой, суровой части ущелья Рейссы. Мне хотелось возобновить в памяти впечатления, произведенные на меня в молодые годы этим ущельем с непрерывными почти на протяжении десятка верст водопадами, висящим над ним «Чертовым мостом», с пробитым сквозь скалу проходом Unger-Loch, и далее — пустынную, суровую местностью верхних нагорий Альпийского хребта.

Для предположенной прогулки по этим местам я остался переночевать в Гёшенене, где оказалась очень хорошая гостиница.

14-го/26-го июля. Пятница. Люцерн. — С утра погода прекрасная для пешеходной прогулки; в горах воздух свежий, чистый. Вышел я из Гёшенена в начале 7-го часа и прошел с наслаждением все ущелье до Андермата*; на весь этот переход употребил я ровно час времени. Отдохнув немного в Андермате, прошел еще далее несколько верст по дороге, ведущей в Коир, и с высот мог ясно осмотреть на дальнейшее расстояние, соединяющиеся здесь долины и тот путь, которым в 1841 году ходил я на Фурку и Гримзель. На возвратном пути я шел не торопясь, чтобы лучше взглядеться в те местности, которые наиболее меня интересовали. Но как все переменялось с тех пор, как я видел их: знаменитого старинного «Чертова моста» уже совсем нет²⁹⁶: едва мог я найти следы его береговых устоев, под новым шоссейным мостом; но, быть может, и этот «новый» мост также не долго просуществует: немного выше его производится постройка еще другого моста и в нескольких местах изменяется самое направление дороги, чтобы избежать крутых мест. И здесь, в этой дикой, суровой местности встречались мне многочисленные туристы обоего пола: одни шли пешком, другие ехали в омнибусах, высылаемых от гостиницы Гёшенена ко времени прохода железнодорожных поездов. Нет, это уже не прежнее суровое, мрачное ущелье; теперь это «promenade»**, избитая дорога туристов.

По возвращении в Гёшенен дождался я прохода железнодорожного поезда, на котором и возвратился в 5-м часу дня в Люцерн.

* не торопясь, но в иных местах сокращая зигзаги шоссейной дороги тропинками.

** Дорога для прогулок (*фр.*).

«Чертюв мост».
Гравюра 1780 г.

Намерение мое — еще раз проехать по озеру — не осуществилось, за тем, что погода вдруг изменилась; снова обложило небо кругом черными тучами, и снова пошел дождь. При такой погоде я предпочел доехать до Люцерна в вагоне. Как удачно воспользовался я коротким появлением солнечных лучей! Нельзя было пожелать лучших условий как для вчерашнего обзора дивной панорамы с вершины Риги, так и сегодня для пешеходной прогулки в горах*.

Исполнив главные задачи моей программы в районе Люцернского озера, решаю перенести свою главную квартиру в Интерлакен.

* Оба эти дня доставили мне случай проверить мой anerоид на больших высотах: увы! — я потерял всякое доверие к его делениям (соответствующим высотам в метрах). На вершине Риги стрелка перескочила за предел обозначенных делений, т. е. показывала гораздо более 2400 метров, тогда как высота этой вершины над поверхностью моря считается всего 1800 метров, сегодня же, в Андермате — показывала 1800 метров, тогда как высота этого пункта считается 1444 метра.

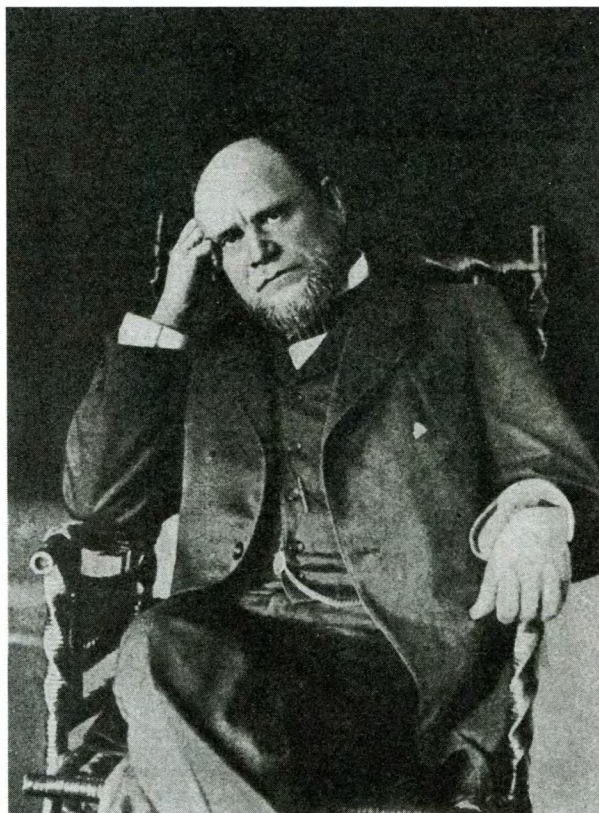
15-го/27-го июля. Суббота. Интерлакен. — Ненастная погода продолжается; сегодня даже еще хуже, чем вчера. Несмотря на то, в 10-м часу утра выезжаю из Люцерна по железной дороге, вновь проложенной чрез высокий горный перевал Brüniq к Бриенцкому озеру. До Сарненского озера дорога эта ничем особенным не отличается от обыкновенных железных дорог; на второй же половине своего протяжения до Мейрингена она поднимается по чрезвычайной крутизне на высоту 600 метров над уровнем Люцернского озера и потом спускается также круто; так что на этом протяжении необходимо было прибегнуть к зубчатому колесу и зубчатой полосе, как на дорогах, ведущих на вершины Риги, Пилата и других высот. Местность, по которой пролегает дорога, очень живописна. Спустившись круто к Мейрингену, поезд идет задним ходом к Бриенцу, откуда пассажиры продолжают путь на пароходе по Бриенцкому озеру, до Бёнигена; здесь опять пересадка на железную дорогу, по которой и доехал я до Интерлакена. Но поезд наш, по какому-то случайному повреждению пути, остановленный на первой же станции от Люцерна, опоздал к отходу парохода из Бриенца, и все пассажиры должны были, в проливной дождь, ожидать почти два часа следующего срочного парохода, так что на последнем столпились пассажиры двух поездов. Переезд по озеру, по причине непогоды и сильного ветра, был очень неприятен; не пришлось полюбоваться этим красивым озером и великолепными водопадами, спадающими с окаймляющих его высот.

В Интерлакене остановился я первоначально в ближайшей от железнодорожной станции гостинице «Berget»; но оказалась она уж очень плохую; а потому намерен завтра переселиться в другой отель.

Свежо, как осенью; даже в комнате приходится вытащить из чемодана некоторые принадлежности зимнего одеяния.

16-го/28-го июля. Воскресение. — Перебрался в отель «Jungfrau» — один из больших, перворазрядных. К полудню погода несколько прояснилась; несмотря на грязные дороги, я сделал небольшую прогулку по ближайшим окрестностям*. Каждый шаг здесь напоминал мне прежнее мое пребывание, более двадцати лет назад. К сожалению, погода снова нахмурилась, и на возвратном

* Заглянул в Hôtel Jungfraublick, где около 20 лет тому назад провел я несколько недель с больной дочерью Олей, скромный тогда отель принял вид теперь <теперь превратился в отель> из перворазрядных. Потом прошел я по дороге между большим и малым Рюгеном к развалине, живописно выглядывающей из-за деревьев и кустов, и далее до одного из «пансионов», откуда открывается довольно обширный вид на одну сторону озера Бриенцкого, в другую на горы, составляющие предгорья величественной Юнгфрау.

А.Ф. Кони

пути уже застиг меня дождь. Весь остальной день провел я скучно в отеле, среди многочисленного общества туристов, задержанных, так же как и я, ненастной погодой.

17-го/29-го июля. Понедельник. — Погода серая, но по крайней мере без дождя. Утром отправляюсь на Гисбах, повидаться с А.Ф. Кони. Приятно провели с ним несколько часов*, в беседе и прогулках по горным тропинкам. Он поселился в гидropатическом заведении при гостинице «Gisbach», устроенной с большим комфортом на высоте, у самого водопада. Подъем на эту высоту устроен такой же, как и в Люцерне на «Gütsch»**. Благодаря А.Ф. Кони, мне удалось осмотреть Гисбахский водопад со всех сторон, перехо-

* в интересной для меня

** т. е. с зубчаты[м] колесом и канатом, к которому <к концам которого> прицеплена пара вагонеток, уравновешивающих друг друга. По этой дороге я спусти[лся].

дять чрез него несколько раз по мостикам, переброшенным на разных высотах, и даже пройти *под* самым потоком. Каждый вечер для привлечения публики водопад освещается бенгальскими огнями. Приманка эта, конечно, не соблазнила меня: еще засветло спустился я к пароходу, а к 6 часам вечера был уже дома.

А.Ф. Кони очень доволен своим местопребыванием, царствующее в этой местности спокойствие и водяное лечение благотворно действуют на его расстроенную нервную систему. Понятно, что в беседах наших более всего шла речь о деле, которому посвятил он в последнее время столько труда и забот — о возложенном на него следствии по случившейся 17-го октября прошлого года катастрофе с царским поездом близ станции Борки. Получаемые из Петербурга известия раздражают и огорчают его²⁹⁷. Показал он мне несколько номеров русских газет: последние сведения о положении великого князя Константина Николаевича крайне тревожные и печальные.

Здесь в Интерлакене случается нередко слышать русскую речь: в отеле «Jungfrau» проживает несколько соотечественников и соотечественниц; но я не имею привычки искать новых знакомств и остаюсь по-прежнему в полном безмолвии.

18-го/30-го июля. Вторник. — Наконец погода прояснилась и мне удалось исполнить предположенную поездку в Гриндельвальдскую долину, к подножию Шрекгорна и Ветергорна. До деревни Гриндельвальд (или Gudisdorf) доехал я в маленьком одноконном экипаже* и далее пошел пешком до верхнего глетчера (ober-gl.) и пешком же возвратился в деревню. На эту прогулку потребовалось не более 2 1/2 часов, со включением маленького отдыха в ресторане, у самой подошвы глетчера. В Интерлакен возвратился я около 4 часов дня. Вся эта поездка была бы очень приятна, если б и здесь не приходилось двигаться в целой веренице туристов и туристок. В одной из гостиниц деревни Гриндельвальд (считающейся лучшею, «Hôtel Ваег»)** скопилось до полусотни экипажей, стоявших распряженными во дворе, пока приехавшие в них туристы ходили или ездили верхом, или переносились на носилках, к обоим глетчерам (верхнему и нижнему). В двух больших столовых отеля все столы были заняты. На возвратном пути я встречал немало экипажей, еще ехавших туда.

Вдоль обеих долин: Гриндельвальдской и Лаутербруненской строится железная дорога; с будущего лета, конечно, еще возрастет здесь масса посетителей.

* (на этот путь потребовалось менее трех часов езды, очень тихой)

** (считающейся лучшею, отель «Медведь»)

19-го/31-го июля. Среда. Берн. — Переезд из Интерлакена в Берн: сперва по железной дороге до Dürlingen, далее на пароходе до Туна и затем опять по железной дороге. И Тунское озеро обладает «фуникулярною» дорогой к санитарному заведению, устроенному на высоте северного берега «Beatenberg». Несколько красивых вилл рисуются на обоих берегах, в особенности ближе к Туну. Но главную прелесть этого озера составляет вид влево, на дальние снеговые горы*.

В Берн приехал я во 2-м часу дня; остановился в гостинице «Schweigerhof» — против самой станции железной дороги, и немедленно пошел в русское посольство за письмами. Канцелярия посольства находится почти за городом, в весьма скромном помещении, при квартире посланника. За отсутствием самого А.Ф. Гамбургера должность его исправлял первый секретарь Вл[адимир] Ал[ександрович] Мейснер; но по случаю его болезни принял меня весьма любезно второй секретарь посольства Павел Алексеевич Панчулидзе; тут же познакомил он меня со своею женой**, передал мне письмо из Крыма и вызвался быть моим проводником на время моего пребывания в Берне. Пока мы беседовали, вошел священник женевской русской церкви Дмитрий Александрович Опоцкий, с которым, разумеется, я тут и познакомился. Вместе с Панчулидзевым пошел я к Мейснеру, который, однако, же не мог меня принять***. Затем обошли мы значительную часть города, взглянули между прочим на пресловутых медведей в их яме²⁹⁸, на некоторые старинные здания, странные фонтаны и памятники; перешли за реку (Аар), поднялись на высоты правого ее берега, с которых открывается обширный вид во все стороны. Берн, хотя и украсился несколькими новыми постройками, скверами, красивыми улицами, вновь проложенными вне старого города, однако же, сохранил, гораздо более Люцерна и Цюриха, характерную****

* Впрочем, я нахожу гораздо более эффектным вид снегового хребта с приближением к Берну и из самого Берна. Мне посчастливилось попасть в Берн в ясную погоду, когда хребет этот с его блестящими белыми вершинами был виден отлично.

** (немкою), которая случайно зашла к мужу. Первый секретарь, исправляющий теперь обязанности посланника (отсутствующего, в Швальбах), Влад[имир] Алесксанд[рович] Мейснер заболел.

*** а затем сделал визит самим Панчулидзевым. Оба они очень милы и пригласили меня вечером на чашку чая. Павел Александрович предложил мне сделать еще прогулку до обеда. Конечно, я воспользовался с удовольствием этим предложением.

**** Первоначально: «особенною».

физиономию швейцарских городов и в известной степени патриархальную их простоту.

Отобедав в отеле*, провел я вечер** у Панчулидзевых. После целых месяцев одиночества, среди толпы незнакомых иностранцев, мне была, конечно, весьма приятна непринужденная беседа за чашкой русского чая, хотя разговор все-таки велся на французском языке, так как жена Панчулидзева, родом немка, затрудняется говорить по-русски.

В Берне, как и во всей Швейцарии, ночная тишина наступает рано: к 11 часам, когда я возвращался домой, на улицах уже гасили фонари.

20-го июля / 1-го августа. — С 8 часов утра бродил я по городу, а в 10 часов, по предварительному уговору, зашел к Панчулидзевым и вместе с ними обоими осматривал «Исторический музей»; потом они возили меня на старое загородное кладбище Rosengarten Friedhof, где показали заброшенную и забытую могилу первой жены великого князя Константина Павловича принцессы Саксен-Кобургской Анны Федоровны, которая после развода своего с великим князем жила уединенно в своей вилле под Берном до самой смерти, в 1860 году***. Отсюда мои любезные спутники поехали домой, а я продолжал еще бродить по высотам правого берега Аара, с которых на каждом шагу, среди густой и свежей зелени, открываются живописные виды вдаль, в особенности же на снеговые вершины Альпов****.

Обедал у Панчулидзевых и провел у них вечер в приятной беседе.

21-го июля / 2-го августа. Пятница. — Утром опять бродил я по городу; зашел во внутрь собора. Несколько удивило меня, что в стране демократической места на скамьях принадлежат известным фамилиям и обозначены их гербами. Внутренность постройки совершенно проста, но величественна*****.

* за скучным table d'hôtel

** очень приятно

*** *От слов «в 1860 году» далее:* «Подивившись вместе с моими любезными спутниками судьбою этой несчастной принцессы, я расстался с ними. Они поехали домой...»

**** Зашел я в загородное заведение — кафе и ресторан — называемое [Schnaenzli], в ботанический сад и, наконец, вторично посетил Мейснера. Приняла меня весьма любезно его жена, американка; однако ж спустя несколько времени вышел из своей комнаты и больной. Они догадались угостить меня [русским] чаем, так что я просидел у них часа полтора.

***** разноцветные окна эффектны

Проливной дождь с грозой прервал мою прогулку; но к 3 часам погода разгулялась, и Панчулидзевы предложили мне сделать вместе с ними прогулку пешком за город, на одну из высот левого берега Аара. Несмотря на сырость после дождя, прогулка была приятная; везде много зелени и прекрасные виды. Однако ж дальние Альпы видеть было невозможно.

После обеда в отеле* я побывал еще раз в соборе, слушал орган, который не уступает ни Фрейбургскому, ни Люцернскому; а вечер окончил опять у Панчулидзевых, за русским чаем.

22-го июля / 3-го августа. Суббота. Женева. — Выхал я из Берна с утренним поездом в Женеву. Панчулидзевы пришли на железнодорожную станцию проститься со мной. Масса пассажиров; с трудом можно было найти место. На пути ничего почти не мог видеть по сторонам, благодаря соседке моей, старушке, которая спустила занавески окон и решила выглянуть только раз, по проезде станции Chebres, когда вдруг открылся чудный вид на озеро.

Приехав в Женеву в 4-м часу, поселился я в «Hôtel de Russie» и весьма доволен своим помещением. Сейчас же пошел** бродить по городу; возвратился в отель только к обеду. За общим столом посадили меня рядом с двумя русскими, приехавшими в то же утро. Это были, как оказалось, профессор Казанского университета Догель и его сын. После обеда навестил я русского священника Дм[итрия] Алекс[андровича] Опоцкого, а на возвратном пути домой посидел с полчаса у одного из роскошных cafés на набережной (Omai du Lac). Для привлечения публики везде музыка и пение. Эта часть города самая оживленная и нарядная.

23-го июля / 4-го августа. Воскресение. — Утром был у обедни в русской церкви; нашел там довольно много молящихся; были и иностранцы, конечно, из любопытства. Пред обедней и после нее много ходил по городу; осмотрел большую часть его, разумеется, только с внешней стороны. Однако ж успел зайти в два музея: Musée Fol и Musée Rath, а также в панораму, в которой показывается осада Бельфора германцами²⁹⁹. Оба названные музея не обширны и заключают в себе коллекции предметов искусства и древности, собранные двумя частными лицами***.

* (table d'hôte)

** остричься, купил новую шляпу и еще кое-какие принадлежности туалета, сильно [износившихся] во время моих трехмесячных странствований.

*** Первоначально: «В музеях есть немало любопытных предметов искусства и древности, но оба эти музея составляют <заключают в себе> не очень обширные коллекции, собранные двумя частными лицами».

Город Женева* не похож на другие швейцарские города; это скорее квартал Парижа или Лиона. Центральные части Женевы оживлены, опрятны, красивы, хорошо освещены; много блестящих магазинов и все возможные удобства для публичной жизни; много зелени в самой середине города; на окраинах же сплошные сады, среди которых уютные дома имеют характер загородных вилл. Даже за городом везде чистота и порядок.

Пред обедом навестил меня отец Димитрий, а вечером я сделал еще прогулку в Английском саду (*jardin du Lac*, на южной стороне), а потом вдоль набережной северной стороны (*quai des Paquis* и *quai du Léman*).

24-го июля / 5-го августа. Понедельник. — Сегодня начались в Vevey празднества виноделов — «*la fête des vigneron*s»**. Устремились туда массы любопытных; приготовлено для зрителей до 40 тысяч мест. И понятно желание видеть эти празднества, возобновляемые только чрез долгие промежутки 25-ти лет. Что касается до меня, то я довольно равнодушен к зрелищам такого рода. На нынешний день была намечена мною экскурсия на пароходе вдоль южного берега озера до *Bouveret*; оттуда по железной дороге до *Monthey* и далее пешком в *Morgin* — местечко на границе Савои, где в 1867 году провел я несколько недель со своею семьей. Я рассчитывал, что в дни празднеств вевейских будет меньший наплыв пассажиров на пароходах южного берега. Но встав утром и увидев темно-серое небо — я отсрочил предполагавшуюся экскурсию до другого дня. Однако ж к 9 часам погода несколько прояснилась; выглянуло солнце. По своему обыкновению я пробродил все утро пешком: осмотрел в городе все то, что не пришлось видеть вчера; между прочим устроенное в недавнее время любопытное сооружение для подъема воды в Роне и для снабжения ею всех частей города. Оттуда прошел за город к слиянию Арвы с Роной***; возвратившись в город, незаметно перешел на противоположную восточную сторону его, в Английский сад, где осмотрел известное рельефное изображение горного массива *Mont-blanc*. Затем прошел по южному берегу озера по прекрасной, тенистой аллее каштановых деревьев. И здесь, вдоль нагорного берега, тянется сплошной ряд загородных вилл с густыми садами****.

* очень нравится мне

** Праздник виноделов (*фр.*).

*** и видел то место, где урло последней чрезвычайно стеснено смыкающимися крутыми горами.

**** На некоторых из них вывешены надписи [*a vendre* — продается (*прим. публ.*)].

По озеру снуют взад и вперед пароходы, украшенные по-праздничному разноцветными флагами*.

Вечером вздумалось мне зайти в «Kursaal», посмотреть происходящие там ежедневно** представления с музыкой и пением. За один франк наслушался и насмотрелся вдоволь. Пока на сцене идет представление гимнастов (акробатов) или певица выделяет свои фиоритуры, публика бесцеремонно расхаживает по роскошной зале, освещенной электричеством, кельнеры бегают с кружками пива или чашками кофе***, а в соседней комнате часть публики толпится около большого стола, на котором устроено нечто вроде рулетки, в виде изображения скачки.

26-го июля / 7-го августа. Среда. — Вчера решился, наконец, предпринять задуманную экскурсию в горы Валлиса (верхней Роны). В 9 часов утра сел на пароход, отходящий от пристани пред самым отелем; проехал на нем по озеру чрез Nyon, Thonon do Evian les bains, где вышел на берег, а чрез два часа на другом пароходе продолжал плавание вдоль южного (Савойского) берега до Vouvetet на юго-восточной оконечности озера. Отсюда по железной дороге доехал до Monthey****, откуда в прежнее время вела в Morgin только крутая вьючная тропинка, на высоту 1350 метров над уровнем моря. Не без удивления узнал я, что теперь проложена тут удобная колесная дорога, по которой несколько раз в день ходят почтовые коляски и омнибус отеля. Не соблазнился я этим удобным способом сообщения, ни предложениями услуг обступивших меня возниц; пошел пешком по старой, знакомой мне тропе, взбирающейся на лесистые крутизны горы, пересекая несколько раз новую извилистую колесную дорогу. Добрался я до Morgin ранее прибытия туда омнибуса; но должен признаться, что явился в отель в жалком виде, крайне утомленный, и лишь только отвели мне комнатку, немедленно же улегся в постель, чтобы скорее сбросить с себя мокрую одежду (другой не было со мной).

Сегодня утром, встав по обыкновению около 6 часов, я осмотрел местность вокруг отеля; мне было приятно вспомнить знакомые места и сравнить настоящее с прошлым: как все изменилось в

* В отсутствие мое из отеля пришла приятная для меня телеграмма от Оли, извещающая о приезде ее в Париж с Олсуфьевыми в первых числах августа нашего стиля.

** с 8-ми часов вечера

*** как в обыкновенном café.

**** а далее пошел уже пешком в Morgin, несмотря на предложения окружающих меня возниц <кучеров> довести меня в экипаже за 5 fr.

эти 22 года: прежняя небольшая постройка скромного «пенсиона» выросла в четырехэтажное здание, вмещающее до 120 номеров; в нескольких окружающих *châlets*, прежде не существовавших, открыты «Pensions et restaurants»; выстроена католическая церковь; проложены дорожки для прогулок и прочее, и прочее³⁰⁰.

Для обратного спуска из Morgin воспользовался я omnibusом отеля до Monthey, где дождался прохода железнодорожного поезда* и в полдень был уже в Bouveret, на парохоме, отходившем отсюда вдоль северного берега озера. Пройдя мимо** Montreux и Clarens, я вышел на берег в Vevey, чтобы взглянуть на этот красивый городок в его праздничном наряде. Весь он разукрашен пестрыми флагами, гирляндами разноцветных фонарей, приготовленных для вечерней иллюминации, в улицах большое оживление. В ожидании вечернего представления расхаживают взад и вперед группами действующие лица колоссального зрелища, в особых разноцветных шапочках, с бантами и медалями в петлицах. Среди них выделяются съехавшиеся туристы разных национальностей. Пошел я на самое место представлений; видел устроенный обширный амфитеатр и разнообразные приготовления для удобства стекающей ежедневно громадной толпы***.

Несмотря на все восторженные отзывы о чудесах вевейских зрелищ, я не остался там до вечера и продолжал путь на парохоме**** *****; а к вечеру был уже дома в Женеве.

27-го июля / 8-го августа. Четверг. — Большая часть музеев и коллекций в Женеве открыта для публики по воскресениям и четвергам, от 1 до 4 часов пополудни. Поэтому я посвятил сегодня утро***** музеям Университета, занимающим оба боковые флигеля по сторонам главного здания. В одном из этих флигелей находится большая библиотека и при ней две залы: внизу — коллекция археологическая, заключающая в себе довольно много любопытных

* Первоначально: «Спустившись в Monthey в 9-м часу утра по прекрасной дороге, я должен был ожидать около двух часов железнодорожного поезда. В продолжение этого времени ходил я поблизости станции и между прочим зашел в находящийся вблизи стеклянный завод.

** самой населенной части этого берега

*** Во всем заметна была предусмотрительность распорядителей.

**** И хорошо сделал: потом узнал, что после представления не всем удалось найти место на пароходах и в поездах железной дороги; многим пришлось ночевать под открытым небом.

***** вдоль северного берега озера; остановился в Уши, где отобедал в знаменитом «Hôtel de Bleaugivage» [Чудный берег (*фр.*) — *Пер. публ.*].

***** сперва корреспонденции (ответные письма Оле и Лизе), а потом музеям.

остатков каменной и бронзовой эпох, большею частью найденных в пределах Швейцарии; в первом же этаже — замечательное собрание портретов исторических личностей Швейцарии, подлинных писем и автографов, а также старинных рукописных книг. Эта богатая коллекция очень заинтересовала меня, так что я пробыл тут довольно долго; осталось уже мало времени на осмотр в другом флигеле естественно-исторического музея. Я должен был ограничиться самым беглым обзором этого весьма богатого и хорошо устроенного собрания*.

Заходил я и в «Atheneum»³⁰¹, где, по показанию Бедекера, кроме постоянной художественной выставки, находится «un musée industriel», в котором, между прочим, хранятся механизмы, употребленные Фавром для прорытия С.-Готардского тоннеля. Эта коллекция интересовала меня более выставки произведений современных художников. К сожалению, оказалось, что означенный музей уже не существует: хранившиеся в нем механизмы и модели переданы в разные технические заведения (между прочим в школу часового мастерства), а машины Фавра пока остаются еще в подвале в разобранном виде. «Atheneum» сделался теперь специально художественным учреждением Общества «des amis des beaux arts»**.

Вечером зашел к отцу Дмитрию Опоцкому***.

**** **29-го июля / 10-го августа. Суббота.** — Вчера и сегодня, за ненастную погоду, оставался большею частью дома, занимался

* зоологического и минералогического.

** Общество друзей изящных искусств (*фр.*).

*** пригласившему меня на чашку чая. По возвращению в отель взял ванну.

**** **28 июля / 9 августа. Пятница.** — Большую часть дня оставался дома, как вследствие вчерашней ванны (обычная моя предосторожность от простуды, так и благодаря портному, которому отдал я свое платье для поправки).

Незнакомая русская [дама] явилась с просьбою о пособии, объясняя свое бедственное здесь положение без средств для возвращения на родину. Выдал ей 20 fr. Только после обеда, когда уже смеркалось, прошелся по набережной, чтоб подышать свежим воздухом, и незаметно дошел до загородного дома Бартолонии. Об этой семье осталось у меня хорошее воспоминание с 1867 года, когда старшая моя дочь Лиза познакомилась с ними в С.-Морице. Они были очень к ней добры, и по возвращении их в Женеву я сделал им визит вместе с Лизой. Полюбопытствовал я теперь узнать о них, живы ли они? Встретившая меня женщина, бывшая тоже в С.-Морице со своими хозяевами и вспомнившая Лизу, объявила мне, что старики Бартолонии давно уже сошли в могилу, а в доме их теперь живет сын <бывший в том году (1867) еще очень молодым человеком>, а теперь уже женатый и отец многочисленной семьи.

письмами. Только сегодня утром вышел, чтобы заглянуть в Jardin alpin d'acclimatation*, где разводятся растения альпийские на продажу. К сожалению, не застал дома директора**.

30-го июля / 11-го августа. Воскресение. — Утром опять был в Jardin alpin, познакомился с директором его М. Correvon, ученым садоводом, исполняющим должность секретаря в Обществе «L'association pour la protection des plantes»***. Общество это образовалось с целью охранения от конечного истребления альпийских лесов и местных пород растений. М. Correvon принял меня очень любезно; объяснил, что управляемое им заведение (садик небольшого размера) рассылает растения и семена во все страны Европы; снабдил меня брошюрами и каталогами. На первый раз я приобрел у него десяток пачек семян****.

До 2-х часов бродил по городу; дождь заставил меня поспешить домой. Вечер провел у священника Опоцкого в занимательной беседе и распростился с ним. Погода к вечеру очень посвежела.

31-го июля / 12-го августа. Понедельник. — В последний день пребывания своего в Женеве предполагал осмотреть музей в «École d'horlogerie»*****; но мне не удалось это, благодаря неверному указанию Бедекером часа открытия музея*****. Погода дождливая. Занимался я приготовлениями к отъезду.

Десяток дней, посвященных Женеве, проведен мною с удовольствием, несмотря на полное одиночество. Мне нравится этот небольшой международный культурный центр; особенно же по его местоположению, при устье живописного и всегда оживленного Лемана*****.

1-го/13-го августа. Вторник.*** Париж.** — Скорый поезд (train rapide) из Женевы в Париж пробегает все протяжении 625-ти километров в 12 1/2 часов, со включением остановки на пограничной таможне. Багаж, идущий прямо в Париж, не осматривается, а

* Сад акклиматизации альпийских растений (*фр.*).

** Весь остальной день сидел дома за письмами и счетами <благодаря портному, которому дал свое платье для поправки>. Готовлюсь к посещению Парижа внимательным чтением Бедекера.

*** Ассоциация в защиту растений (*фр.*).

**** альпийских пород.

***** школа часового мастерства.

***** должен был около двух часов бродить в ожидании узаконенного часа. Между тем снова пошел дождь, и я поспешил возвратиться домой.

***** Весь остальной день продолжался дождь; я употребил вечер на укладку вещей и приготовление к отъезду.

***** Переезд из Женевы в Париж.

только пломбируется. От Женева до Макона местность гориста и живописна. Во многих местах железная дорога пролегает длинными туннелями. Река Рона, стесненная горными отрогами Юры, образует настоящее ущелье.

Поезд пришел в Париж аккуратно в назначенный час — 11 часов 35 минут вечера; но задержка на воксале для таможенного досмотра, а в особенности попавшийся мне плохой фиакр — были причинами того, что в приготовленное для меня бароном Фредериксом помещение в Hôtel Beaujon (Rue Balzac) явился я не ранее часа ночи, когда этот скромный, патриархальный приют был уже погружен в глубокий сон*.

2-го/14-го августа. Среда. — В первый же день пребывания в Париже следовало мне заглянуть в русское посольство, где я надеялся найти письма. Но день начинается здесь поздно; в посольство явиться можно не ранее 2-х часов пополудни**. Располагая целым утром, пошел я по своему обыкновению бродить по городу и прежде всего отыскал в Rue Chaillot квартиру, нанятую для Олсуфьевых, вместе с которыми поместится дочь моя Ольга. Квартира эта оказалась очень близко от моего жилья, а также недалеко и от Trocadero³⁰², ближайшей части выставки. Зашел я также в русскую церковь, внутри которой не случилось мне бывать ранее***³⁰³.

Около 2-х часов посетил я русского посла барона Моренгейма. При входе к нему встретил выходявшего генерала Ванновского, который, после лечения в Виши, собирается возвратиться в Россию. Тут же отрекомендовался мне молодой секретарь посольства Нарышкин, бывший камер-паж и офицер Преображенского пол-

* Едва добудился я привратника (consierge), который, однако же, был предварен, что для меня удержана комната, и полусонный ввел меня в новое мое жилище <жилье>.

** *Первоначально:* «По приезде в большой город, особенно такой, каков Париж, где предстоит мне оставаться довольно долго, и всегда первый день хлопотлив и утомителен. С утра надобно было сговориться с хозяевами отеля, привести в порядок часть своего туалета и в особенности побывать в посольстве, что я торопился исполнить, в надежде найти там письма. Но в Париже поздно начинается повседневная жизнь, я не мог явиться к послу ранее 2-х часов; и потому до этого часа оставалось довольно много времени, я пошел по обыкновению своему бродить по ближайшим от моего жилья частям города, чтобы ознакомиться с направлением улиц».

*** Церковь эта показалась мне гораздо более удачною, чем все виденные мною русские церкви за границей. Старый матрос, бывший долго при нашей церкви в Нице, теперь уже несколько лет приставлен здесь в качестве consierge'a. Забавно было видеть и слышать, с каким презрением трахует он французов и как коверкает по-своему французский язык.

Общий вид Всемирной выставки в Париже 1889 г. Открытка

ка. С Ванновским успел я обменяться несколькими фразами; сам посол вышел ко мне навстречу и принял меня любезно, как старого знакомого*. Продержал он меня более часа; рассказывал о своих дипломатических подвигах и развивал свои политические соображения**. Зашел я и в канцелярию посольства, где был обрадован*** несколькими ожидавшими меня письмами.

Покончив с посольством, я приступил безотлагательно к первому обзору громадной выставки, начав с ближайшей от моего жилья части — Trocadero. С возвышенной террасы этого здания открывается обширный и пестрый вид на все пространство, занятое бесчисленными сооружениями выставки, с множеством затейливых куполов, башень, минаретов. Прежде всего, конечно, бросается в глаза пресловутая Эйфелева башня, которая, впрочем, видима отовсюду³⁰⁴. Поставив себе задачей предварительно ознакомиться с общим расположением выставки, не ос-

* хотя нам довелось только раза два видаться и говорить.

** Беседа наша прерывалась раз входом лакея с докладом о приезде родных лиц и об ожидавшем опрвления курьере. Вообще посол был очень любезен.

*** *Далее первоначально:* «письмом жены. Также нашел второе письмо А.И. Лаврентьева. В письме этом он сообщает мне подробные указания и замечания <на счет> в руководство при предстоящем мне осмотре выставки.

Было уже около 4-х часов пополудни, когда я вошел в великолепное здание Trocadero...».

Париж. Трокадеро

танавливаясь ни на котором специальном отделе, я успел сегодня обойти лишь главные сооружения на Марсовом поле (Champ de Mars). В 6 часов большая часть галерей очищается от публики, которая рассыпается по бесчисленным ресторанам, *cafés*, *brasseries* или патриархально располагается на отдых где-нибудь в сторонке, с корзинами съестных припасов. По примеру других, и я зашел в «*restaurant russe*», более из любопытства, чем из стремления к русской кухне. Но был вполне разочарован, не найдя ничего русского, кроме предложенных мне невкусных щей, за непомерно высокую плату*.

С наступлением темноты публика с нетерпением ожидает иллюминации; каждый старается припасти себе** *седалище****. Но вот начинает накрапывать дождь; над всею массою публики раскрываются тысячи зонтиков****; дожидаются 9 часов, когда начнется

* за три весьма плохие блюда и чашку кофе взяли с меня 10 1/2 франков!

** стул

*** но я же продолжил рассказывать среди толпы. Весь день погода была очень свежая, так что я должен был надеть под жилет другой, фланелевый.

**** «Как ни был я утомлен, все-таки <оставался> дождался 9 часов».

электрическое освещение фонтанов и Эйфелевой башни. Зрелище это составляет одну из главных приманок выставки*.

Утомленный и промокший, возвратился я в 11-м часу ночи в свой отель.

3-го/15-го августа. Четверг. — С 10 часов утра отправляюсь вторично на выставку, с намерением докончить начатый вчера предварительный общий обзор**. Вошел я в район выставки опять чрез Трокадеро, где расположен отдел садоводства и особый павильон путей сообщения. Перейдя потом чрез Иенский мост на левую сторону Сены, направился вдоль набережной Omai d'Orsai, чрез целый ряд павильонов: *petrole, materiel de la navigation, panorama transatlantique*, затем *agriculture, produits alimentaires**** и т. д. Чрез этот ряд разнообразных отделов дошел я до эспланады инвалидов, на которой одна половина (западная) занята преимущественно военным отделом, павильонами почты и телеграфов, Красного Креста и госпитальным; восточная же половина вся посвящена колониям. Везде кишит толпа посетителей; более же всего теснится публика в военном отделе. Замечательно, как во Франции масса народа, даже женщины и дети интересуются всем, что касается военной части; но большинство, конечно, смотрит, ничего не понимая; многие и вовсе не смотрят, а толкаются на выставке, как на гулянии, для развлечения. Попадаются женщины с грудными детьми. Тем не менее на каждом шагу бросается в глаза развитость этой толпы.

Что касается самой выставки, то она производит в общем объеме какое-то подавляющее впечатление громадностью своею и разнообразием выставленных предметов. Чего, чего тут нет. Много, конечно, набрано всякой всячины заурядной, видимо только для эффекта, для декорации или в виде рекламы фабричных и торговых фирм. Однако же есть много и действительных образчиков современных успехов промышленности, искусства, науки. Сколько могу судить по первому беглому взгляду, выставка эта выказывает успехи замечательные во многих отделах. Само собою разумеется, что во всех отделах преобладающее место занято Францией. Можно сказать, что выставка эта есть торжество Франции, хотя немало

* Должен, однако же, признаться, что на меня оно не произвело никакого впечатления, быть может, этому много повредила погода, а с другой стороны и моя усталость. В начале 11-го часа я был уже дома.

** и несколько обстоятельнее осмотреть военный отдел, с тем, чтобы не возвращаться уже к нему впоследствии.

*** Нефть, навигационные приборы, панорама Атлантики, сельское хозяйство, продукты питания (*фр.*).

замечательного выставлено также Англией и Американскими государствами. Лично на меня эта выставка, так же как и все прежние, наводит грустные мысли — как далеко наша Россия во всем отстала от Запада и как продолжает все более отставать, вместо того, чтобы догонять, как утешали мы себя в былое время.

И сегодня я был крайне утомлен непрерывным движением в тесноте, в продолжение десяти часов, почти без отдыха*. Чувствуя себя не в силах дожидаться вечерних чудес, привлекающих публику, я возвратился домой еще засветло**.

Погода сегодня теплее, чем вчера; но по временам*** накрапывал мелкий дождь.

4-го/16-го августа. Пятница. — Третье посещение выставки; докончил общий обзор и обошел ту часть главного здания, где помещаются «les beaux arts»****, с добавочным павильоном акварелей, почти все отдельные павильоны разных государств на Марсовом поле и линию человеческих жилищ (histoire des habitations)*****; закончил громадным земным глобусом. Сверх того поднимался на Эйфелеву башню до второй платформы, посредством подъемной машины, а опустился по спиральной лестнице.

В отделе «beaux arts» более половины занимают, конечно, французские искусства, т. е. живопись и скульптура. Но даже и не знатому, при беглом обзоре, бросается в глаза большое число выставленных посредственных и даже просто плохих картин. Из иностранных отделов более всех эффектен английский. Вообще в современной живописи всех стран заметно стремление к реализму, к исторической правде*****. В акварелях есть некоторые***** превосходные работы французских художников. С большим сравнительно вниманием смотрел я на архитектурные работы, которых впрочем немного.

В отдельных павильонах более всего поражают успехи промышленности и искусств в Американских государствах, которые по общепринятому взгляду считаются чуть не полудикими. Самым

* Более десяти часов кряду был я на ногах, и если случалось присесть, то на несколько только минут. Обедать опять не удалось как следует: все рестораны (хотя их немало) переполнены, так что трудно что-нибудь добыть и приходится довольствоваться тем, что дают, несмотря на очень высокую плату.

** около 7 часов вечера.

*** все-таки

**** Изящные искусства (*фр.*).

***** История жилища (*фр.*).

***** натурализм решительно взял <берет> верх.

***** очень

Париж. Эйфелева башня. 1889 г.

блестящим образом выставлена республика Аргентинская. Выстроенные отдельные здания чрезвычайно роскошны, несмотря на свое временное назначение.

С другой стороны, с каждым посещением выставки все более претит* мне балаганный, ярмарочный пошиб** ее: сколько шарлатанства, гаерства*** — для потехи и приманки громадной массы ежедневных посетителей. Толпа двигается целый день взад и вперед, наполняет, как саранча, бесчисленные рестораны, cafés, brasseries и проч. Самые нелепые представления — аннамитские, тонкинские, китайские — привлекают массу ротозеев. Беды в том не было бы, если бы эта толпа не мешала основательному осмотру выставки тем, кто приходит с серьезным взглядом****. На башне Эйфеля приходится faire

* коробит

** оттенок

*** фарсов. — Но этим-то гаерством и балаганством и привлекается громадная масса ежедневных посетителей выставки.

**** Первоначально: «...если бы эта толпа не мешала тем, которые хотели бы приходить на выставку с желанием серьезно осмотреть ее».

queue* по целым часам, чтобы только попасть в клетку для подъема на каждую из трех платформ и потом для спуска с них. С первой платформы открывается обширный вид на весь Париж и ближайшие окрестности, что конечно имеет свою прелесть; в этом отношении не представляет особенного преимущества второй этаж, с площадки которого не так удобно, как с первой, осматривать кругом**.

5-го/17-го августа. Суббота. — Сосредоточив в последние три дня все свое внимание на выставке, я вовсе не упомянул в своем дневнике о постановленном в эти дни Верховным судом (Сенатом) приговоре над подсудимыми Буланже, Дильон и Рошфор. Это весьма важный акт в политической жизни Франции. Но достигнет ли он цели — подавления в стране чудовишного «буланжизма» — это еще вопрос. Разрешится он только предстоящими в октябре общими выборами в Палату³⁰⁵. Из России также немаловажное известие — об утверждении и обнародовании нового положения о земских начальниках. О болезни великого князя Константина Николаевича известия по-прежнему неопределенные; по-видимому, он может еще прожить годы, — но это человек уже полумертвый. С грустью вспоминаю бедного моего брата Николая.

Сегодня, в виде отдыха, не ходил я на выставку, но устал не менее предыдущих дней, бродя все утро по городу. Я обошел центральную часть его, от Елисейских полей до Notre Dame³⁰⁶ и Hôtel de ville³⁰⁷; от Большой оперы и Биржи до Сены, и под конец присел на скамейку в Тюльерийском саду. Припоминая Париж 1840 года, я не узнаю многих его местностей: проложено много новых улиц, выстроены величественные здания, разведены скверы. Особенно поражает меня местность прежнего Тюльерийского дворца, которого главный корпус совсем исчез с лица земли. Сохранил свою физиономию более всех других местностей Palais Royal³⁰⁸. Тут нашел я даже прежние*** скромные рестораны, в которых и теперь можно отобедать за 2 франка, выбирая по своему вкусу 5 блюд, тогда как везде цены поднялись в страшной соразмерности. В порядочных ресторанах, где обедают «по карте», самый скромный обед обходится не менее 10 франков****.

* Стоять в очереди (*фр.*).

** Сегодня возвратился я домой несколько раньше, чем в предыдущие дни, чтобы послать письма и внести свои заметки в дневник.

*** дешевые и

**** Зашел я между прочим в Оперу, чтобы попытаться достать себе билет на которое либо из ближайших представлений, пришлось и тут faire queue и в результате получить место только на будущий вторник (на «Фауста»). Fautenils d'orchestre стоит 16 фр. В другие театры как-то не тянет меня.

6-го/18-го августа. Воскресение. — Утром, когда я сидел еще за чаем в столовой своей гостиницы, появился предо мной молодой граф Олсуфьев Дмитрий Адамович. Встреча эта доставила мне большое удовольствие, потому что продолжительное одиночество слишком уже мне наскучило. С сожалением узнал я от него, что сам граф Адам Вас[ильевич] и графиня Анна Михайловна не собираются в Париж; что приедут сюда только молодые: графиня Елизавета Адамовна с другим братом ее Михаилом и с ними моя дочь Ольга.

На выставку пошел я только после полудня; осмотрел оба павильона города Парижа, где нашел много интересного; затем прошел по так называемой «Rue du Caire», где довольно верно воспроизведен тип улицы египетского города, и, наконец, прошелся по отделу главного здания, заключающему в себе предметы домашнего устройства*.

К 6 часам, по уговору с Олсуфьевым, сошлись мы с ним на Rond point³⁰⁹ Елисейских полей и отобедали в одном из café-restaurants, а потом пошли пешком на Place du Châtelet — в Opera Comique, где удачно достали хорошие места в fauteuils d'orchestre** ***. Давали оперу «Carmen»****³¹⁰.

Парижская толпа сегодня занята угощением 13000 мэров в Palais de l'Industrie****. Завтра для них же даются даровые представления в нескольких театрах.

7-го/19-го августа. Понедельник. — Опять дождливый день. Несмотря на то, в 12-м часу зашел я к Олсуфьеву, чтобы вместе с ним идти на выставку*****. Начав с Трокадеро, мы прошли с ним под дождем и по грязи на Champ de Mars, до главного здания, где провели большую часть дня в отделе: «arts libéraux»*****. Наиболее интересовали нас обеих группы: географии и космографии, и Instruments de précision (т. е. инструменты оптические, физические, геодезические, астрономические и т. п.). После 6 часов, когда нельзя уже было оставаться под крышей, мы прошлись вдоль

* заключающее в себе множество приборов для отопления и освещения. Один из экспонентов очень расхваливал мне изобретенные приборы для дымовых труб, не допускающие действия ветра и дождя на свободный выход дыма.

** Кресла рядом с оркестром (*фр.*).

*** (цена 8 фр.).

**** В течение всех трех последних месяцев не пришлось мне столько разговаривать, сколько сегодня в продолжение нескольких часов, проведенных с Олсуфьевым — развитым и образованным молодым человеком.

***** Дворец промышленности (*фр.*).

***** как сговорились с вечера

***** Свободное искусство (*фр.*).

улицы «des habitations», затем отправились пешком в Rue Chaillot, в квартиру Олсуфьевых*. Только в 11-м часу вечера возвратился я домой, под дождем и при раскатах грозы.

8-го/20-го августа. Вторник. — Погода ясная, но свежая. В течение утра заезжал два раза в посольство, для некоторых справок**; а потом бродил по городу. Вечером — в Большой опере слушал «Фауста»³¹¹. Мефистофель и Маргарита — превосходны; постановка же (т. е. декорации) показалась мне далеко менее блестящею, чем была в прежние времена в Парижской Большой опере***.

**** **12-го/24-го августа. Суббота.** — В последние три дня погода была такая ненастная, что с трудом можно было продолжать

* пили русский чай

** но ничего добиться не мог. Канцелярия посольства открывается только с 2 до 4 часов и принимает там какой-то француз. Сам посол где-то на водах. После вторичного посещения посольства в Rue Grenelle <я потом> пошел бродить по городу, сперва по заречной части, гулял в саду, около Люксембургского дворца [Сената], потом входил в Пантеон (внутренность которого вновь <теперь> расписывают a fresque), мимо Политехнической школы и по boulevard St. Germain, потом чрез Cité, мимо Notre Dame, на Plau du Châtelet, прошел чрез Halles centrales и по улице Monmartre на бульвары, до Большой оперы, наконец по avenue de l'Opera в Palais Royal, где отобедал у Vefour Petit. К 8 часам пришел (все пешком) в Оперу, где давали «Фауста».

*** Молодого графа Олсуфьева сегодня не видел; он уехал дня на два в какую-то ученую экскурсию с группою членов собравшегося здесь [геол]огического съезда.

В опере встретил генерала Косича, которого сначала не узнал.

Возвратился домой (все-таки пешком) только в полночь. По плану вымерил, сколько сегодня исходил в течение дня, оказалось почти 13 километров.

**** **9/21 августа. Среда.** — Опять дождливый день. Несмотря на то, в 1-м часу пополудни отправляюсь на выставку. Это 7-е посещение, которое посвящено исключительно отделам машинному и в особенности строительному (géniescivil), последний наиболее мне интересен. Нашел множество весьма полезных, удобных и красивых приспособлений для домашнего устройства. Чего, чего тут нет, всего хотелось бы привезти в Симеис.

В 6 часов обыкновенно пушечный выстрел возвещает публике закрытие главных галерей. В числе множества других посетителей, и я направляюсь обедать в один из ресторанов, к 8 часам вечера уже был дома. Дождя уже не было, но на выставке очень грязно.

10/22 августа. Четверг. — Утром казалось, что погода разгулялась. Около 2 часов я вышел бродить по городу, начав с Boulevard [Friedland], прошел весь B[oulevard] Hausmann, потом по Rue Lafayette и [...] на Plas de la Republique. <Большую часть дня бродил я пешком по городу, отобедал у Вефура в Palais Royal. К вечеру снова дождь.> Все это совершенно новые для меня места. Площадь «Республики» великолепно обставлена; деревья на всех новых бульварах густо разрослись. На пути своем не раз приходилось сворачивать в стороны, чтобы взглянуть на здания чем-нибудь замеча-

Париж. Набережная Сены

осмотр выставки. В промежутки дождя бродили мы по городу вдвоем с графом Олсуфьевым; вместе ходили обедать к Вефуру и вместе проводили вечера.

Сегодня, рано утром, ездили мы на станцию восточной железной дороги (gare de l'est) встречать дорогих приезжих — графиню Е.А. Олсуфьеву с ее братом Михаилом Адамовичем и дочь мою Ольгу. День по-прежнему ненастный. Однако ж вечером новые приезжие пожелали сделать хотя небольшую прогулку и с

тельные. К сожалению, погода снова нахмурилась, начал накрапывать дождь, а потом пошел и довольно сильный. От Place de la République прошел я по старым, знакомым бульварам, затем в Palais Royal, где отобедал у Vefour и к 8 часам вечера возвратился я домой.

Промерив циркулем по плану пройденного мною сегодня пути, <нашел> оказалось более 13 1/2 километров.

11/23 августа. Пятница. — Наконец получил от Оли телеграмму из [...], она извещает о своем приезде в Париж завтра в 6 ч[асов] утра вместе с графиней Елизаветой Адамовной Олсуфьевой и другим братом ее Михаилом Адамовичем.

Погода опять дождливая и холодная. В один из коротких промежутков между дождем прошелся я немного вокруг Arc de l'Etoile; потом опять вышел из дому в 6-м часу, сговорившись с графом Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым обедать вместе в Palais Royal у Вефура и вечером пил у него чай.

Приняли удачно меры, чтобы на завтрашнее утро иметь омнибус для ожидаемых дорогих приезжих.

Парижская всемирная выставка 1889 г. Вход во Дворец садоводства

набережной Сены взглянуть на иллюминации Эйфелевой башни и Трокадеро*.

13-го/25-го августа. Воскресение. — Олсуфьевы и дочь Ольга уговорили меня переселиться к ним в Rue Chaillot. После продолжительного одиночества отраднo почувствовать себя в домашней, как бы семейной обстановке, хотя и на короткое время.

Несмотря на серую погоду, новые приезжие хотели непременно сегодня начать осмотр выставки. Отправились мы в Trocadero,

* Первоначально: «12/24 августа. Суббота. — В нанятом вчера омнибусе доехал вместе с графом Дм[итрием] Ад[амовичем] Олсуфьевым до Gare de l'Est в 6-м часу утра встречать приезжих и вместе с ними в том же омнибусе в нанятую для них квартиру на Rue Chaillot. Очень уговаривают <они уговорили> меня переместиться туда <к ним>.

<Утром ходил по своим делам.> Ходил к банкиру Hoskier (39 Boul. Housmann), к которому имел кредитив от Петербургского международного банка. Получил от него 2 [тысячи] фр[анков]. Потом ходил за Сену, в Rue du Vas, отыскать агентство этого <названного Петербургского> банка; но, обойдя два раза эту длинную улицу, удостоверился, что никакого такого агентства нет. Воспользовался близостью русского посольства, чтобы сообщить в канцелярии о перемене моего адреса.

Проливной дождь заставил меня поспешить с возвращением в Rue Chaillot.

Вечером Оля пожелала <новые приезжие пожелали> прогуляться: с набережной Сены смотрели на иллюминированные части выставки, башню Эйфеля и Трокадеро».

осмотрели отделы садоводства и лесоводства. Несколько раз накрапывал дождь, что не помешало молодежи отправиться в Bois de Boulogne на представление испанских тореадоров.

***18-го/30-го августа. Пятница.** — Несмотря на продолжающуюся ненастную погоду, каждый день, между завтраком и обедом, ходим мы все вместе на выставку. Сожительницы мои, конечно, преимущественно интересуются отделом des beaux arts; там и проводим мы большую часть времени, пред бесчисленными картинами разных наций. Заходим иногда и в другие, уже осмотренные мною, отделы. В воскресенье же, утром, когда молодежь была у обедни в русской церкви, ходил я смотреть воспроизведение бывших в былое время построек старинного Парижа: Бастилии и Tour du Temple³¹³.

В один из вечеров любовались мы освещением фонтанов и слушали в одной из больших зал игру известного органиста на нескольких инструментах разом, посредством электрических проводов. В другой вечер были мы в théâtre français, на представлении Гамлета, в переводе Александра Дюма. И сегодня молодежь слушает в Большой опере пьесу «Henry VIII»³¹⁴; но я остался дома, чувствуя себя простуженным**.

*** 14/26 августа. Понедельник.** — По-прежнему погода серая; по временам накрапывает дождь. Ночью <и утром даже холодно> (термометр опустился до 10° Ц. или 8° Р.).

После завтрака ходил я на выставку со своими молодыми сожителями и сожительницами. Осмотрели мы небольшую часть отдела Beaux arts и Rue des habitations. Остальную часть дня провели дома в болтовне.

15/27 августа. Вторник. — Утром, пока сожители мои были в русской церкви, я ходил один пешком по окрестностям выставки, чтобы обрекогносцировать, где я осматривал воспроизведенные постройки старинного Парижа: Бастилии и Tour du Temple. Вечером ходил вместе с молодежью на выставку; любовались разноцветным освещением фонтанов и слушали игру одного известного органиста посредством электрических проводов.

16/28 августа. Среда. — Утром опять были всем обществом на выставке, смотрели отдел des Beaux arts и павильон акварелей. Потом ходил я с одним из Олсуфьевых в Théâtre Français <за билетами на нынешнее представление>; вечером слушали в Théâtre Français <с удовольствием представление> «Гамлета» в переводе Александра Дюма³¹².

17/29 августа. Четверг. — Между завтраком и обедом все мы были на выставке; осматривали опять отдел Beaux arts иностранных государств. Вечер провели спокойно дома.

**** Первоначальная запись: «18/30 августа. Пятница.** — Так же, как в предыдущие дни, были на выставке между завтраком и обедом. На этот раз осматривали павильон des «Travaux publics» (в саду Трокадеро) и отдел des arts libéraux.

Вечером молодежь <Оля и Олсуфьевы отправились> в Оперу на представление «Henry VIII», я же, чувствуя простуду, остался дома».

***25-го августа / 6-го сентября. Пятница.** — Просидев три дня дома, благодаря простуде и продолжающемуся ненастью, начал я снова выходить со вторника и во все последующие дни, по утрам, ходил на выставку, уже одиноко, для окончания осмотра некоторых специальностей, наиболее меня интересовавших в отделе «Arts libéraux», именно: Enseignement, photographie, dessins décoratifs, imprimerie, papeterie, reliure и** проч. Во всех этих специальностях Франция первенствует, поражает обилием и изяществом своего производства. В группе школьной замечательно обилие учебных пособий. Можно только пожалеть о том, что нет строгой системы в размещении экспонатов, что многие предметы выставлены только в виде рекламы или же для заполнения отведенного слишком большого помещения; а иные предметы встречаются по несколько раз в разных фирмах или в нескольких экземплярах в одной и той же фирме.

Два вечера провели мы в театре: раз в Большой опере, на представлении «Гугенотов» Мейербера, а другой — в théâtre de la porte

*** 22 августа / 3 сентября. Вторник.** — Три последние дня не выходил я из дому, чувствуя в себе лихорадочное состояние, и потому избегал утомления. Только вчера заходил в аптеку за хининой. Сегодня же решился снова идти на выставку, но отдельно от остальной нашей компании, осматривал в историческом отделе «Arts libéraux» части «Moyens de Transport» и «воздухоплавание». Обе коллекции <довольно полны и> любопытны. Вечером был со всеми своими сожителями и сожительницами в Большой опере, давали превосходное произведение Мейербера — «Гугеноты»³¹⁵. Опера исполнена удовлетворительно, но какая разница с тем увлекательным исполнением, которое до сих пор живо сохранилось в моей памяти от времен Марио и Гризи.

23-го августа / 4-го сентября. Среда. — Утро провел на выставке: продолжал осмотр в отделе «Arts libéraux» наиболее интересных для меня специальностей: «papeterie, reliure, imprimerie». Здесь Франция может вполне гордиться богатством и совершенством своего производства.

Вечером были мы в театре «Porte St'Martin», на представлении пьесы Сарду — «La Tosca», в которой Сара Бернар является великолепной трагической артисткой. Пьеса <до крайности содрогательна> эффектна и сыграна мастерски.

24-го августа / 5 сентября Четверг. — Опять на выставке, в том же отделе «Arts libéraux», осматривал Enseignement, Photographie, dessins décoratifs и друг. Обилие выставленных предметов <крайне> утомляет внимание, притом можно сожалеть о том, что в размещении предметов нет систематичности. <Сегодня более всего> поразило меня изобилие учебных пособий во французских школах.

Обедал у нас в артели дядя Олсуфьевых и просидел весь вечер.

****** В отделе «Arts libéraux» наиболее интересовали дам разделы: Enseignement — обучение; photographie — фотография; dessins décoratifs — декоративное искусство; imprimerie — издательское дело; papeterie — бумажное производство; reliure — переплетное дело.

St. Martin³¹⁶ — на представлении драмы Сарду «La Tosca», в которой знаменитая Сара Бернар является истинной артисткой*.

26-го августа / 4-го сентября. Суббота. — Сегодня ходил я на Esplanade des Invalides, чтобы вторично взглянуть на военный отдел, который в первое посещение не удалось мне разглядеть по чрезмерной многочисленности публики. И сегодня было много любопытных; толпа видимо принимает живое участие в военном деле, хотя, разумеется, мало что понимает**. На этот раз, по крайней мере, я имел возможность взглянуть на некоторые, особенно интересовавшие меня, новые изобретения по артиллерийской части: орудия системы Canet, скорострельные орудия Норденфельда, Гочкиса, Максима и др.

Заходил я и в некоторые другие павильоны на эспланаде и закончил одним из образчиков балаганной стороны Парижской выставки — селением явайцев***.

27-го августа / 8-го сентября. Воскресение. — Покончив с выставкой, воспользуюсь остающимися еще несколькими днями до отъезда из Парижа для осмотра парижских музеев и некоторых замечательных коллекций. Сегодня в течение утра видел я музеи «Guimet» (на Place d'Iena), «Trocadero» и в Hôtel des Invalides. Музей Гиме, прекрасно утроенный, включает в себе любопытную коллекцию предметов, относящихся к религиям и религиозным обрядам крайнего Востока (Японии, Китая, Индокитая, Индии); а также египетских и греческих древностей, китайского и японского фарфора, и т. д.

В здании Трокадеро главную часть составляют слепки со средневековых архитектурных и скульптурных произведений, коллек-

* *Первоначальная запись:* «25 августа / 6 сентября. Пятница. — Докончил осмотр на выставке отдела «Arts libéraux». Много видел замечательного <хорошего, интересного>, но, к сожалению, это замечательное <хорошее и интересное> утопает в море пустяков, выставленных только для наполнения отведенного обширного пространства <и чтобы бросить пыль в глаза>. Некоторые предметы попадают по несколько раз в разных отделах и даже в одном и том же отделе. Вообще в расположении предметов не соблюдена строгая система».

** *Далее первоначально:* «Однако ж мне удалось теперь разглядеть многое, чего прежде не мог видеть: в особенности богат отдел артиллерии. Половина большой залы занята орудиями системы Canet, в другой половине разные новые скорострельные орудия Норденфельда, Гочкиса, Максима и др.».

*** *Призна[ться], она этим своим свойством порядочно мне наскучила и опротивела. Думаю, что нынешнее мое посещение будет последним — прощальным.*

Покинув эспланаду инвалидов еще довольно рано, я сделал потом продолжительную прогулку пешком в самых отдаленных кварталах города: взглянул на [Гренельский артезианский] колодец, на новый мост чрез Сену «Pont de Grenel», украшенный статуей свободы — копия в уменьшенном размере с той, которая воздвигнута при входе в гавань Нью-Йорка.

ции старинных французских вещей; в последнее же время прибавился особый отдел разных предметов из Камбоджа. В верхнем этаже любопытная этнографическая коллекция.

В Доме инвалидов³¹⁷ также отдел этнографический и большое собрание оружия разных эпох. Заходил я в церковь* и к гробнице Наполеона I**.

На возвратном пути домой видел старинную постройку, известную под именем Maison de François I (на «Cours la Reini) и два новые частные, оригинальные дома на Avenue Montaigne — один, принадлежащий Пальфи, в помпейском стиле, другой — Салтыкова, в средневековом.

28-го августа / 9-го сентября. Понедельник. — По понедельникам закрыт для публики вход почти во все парижские музеи и галереи***. Пользуясь свободным утром я сделал прощальный визит послу и зашел в панораму, устроенную в Тюльерийском саду, под названием «Histoire du siècle»****. В этой панораме изображены довольно удачно выдающиеся лица Франции, действовавшие во все столетие с 1789 по 1889 год*****.

29-го августа / 10-го сентября. Вторник. — Осматривал в заречной части города École des beaux arts*****, Musée Cluny с остатками древних Thermes и, наконец, Jardin des plantes³¹⁸. Все это заняло большую часть утра. Попутно видел некоторые замечательные здания, в том числе новую красивую постройку Сорбонны*****³¹⁹.

* не представляющую, впрочем, ничего замечательного.

** под главным куполом здания.

*** поэтому я употребил этот день на некоторые приготовления к предстоящему в субботу отъезду из Парижа (предполагаю выехать в субботу вечером), а именно: взял денег у банкира как для себя, так и для Оли, сделал прощальный визит послу, заказал новый чемодан, купил Бедекера для Средней и Южной Италии и пошел в панораму.

**** История столетия (*фр.*).

***** Можно полагать, что все эти лица изображены верно.

Только теперь, перед самым отъездом, догадался я спросить в посольстве адрес виконта Вогюэ и зайти к нему. Но оказалось, что он проживает где-то за городом и приезжает в Париж в неопределенное время.

***** Школа изящных искусств (*фр.*).

***** На возвратном пути домой заходил в несколько бивеах или агентств пароходных, чтобы навести справки о рейсах разных пароходов, которыми мог бы я воспользоваться для предстоящего переезда из Южной Италии в Константинополь. Результат этих справок оказался не совсем благоприятный для моих планов. Французские пароходы (Messagerie maritime) теперь уже не заходят в итальянские порты, а итальянские, плохие пароходы, ходят как черепахи.

Во время нашего обеда заезжал ко мне русский посол и оставил визитную карточку с приглашением на завтрашний день (30-е число) к завтраку, после обедни. Приглашение это ставит меня в большое затруднение*: откровенно отвечаю барону Моренгейму, что не могу показаться в таком торжественном случае, не имея при себе соответственного костюма.

30-го августа / 11-го сентября. Среда. — Поездка с дочерью и с Олсуфьевыми в Версаль. Обойдя дворец и осмотрев его картинные галереи, позавтракали в Hôtel des Reservoirs, потом гуляли по парку; были в Трианоне и возвратились домой только к 7 часам вечера. Едва вошли к себе, как неожиданно появились племянницы мои, дочери покойного брата Николая, Прасковья и Елена Милютины, только что приехавшие в Париж для свидания с матерью, прибывшею из Англии.

31-го августа / 12-го сентября. Четверг. — Утром пошел я навестить племянниц и Марию Аггеевну, с которою не виделся с самого вступления ее во второй брак с англичанином Стьюль. Затем осматривал обширные галереи Лувра, в два приема. В промежутке между первым и вторым осмотром сделал прощальный визит послу**.

1-го/13-го сентября. Пятница. — Приятная прогулка пешком по Bois de Boulogne***. На возвратном пути, чрез заставу de la Muette, видел памятник, воздвигнутый Ламартину, и его виллу, назначенную теперь в продажу****.

Вот и наступил уже предположенный мною срок пребывания в Париже; вся предначертанная программа добросовестно выполнена; пора и покинуть этот «новый Вавилон». Отъезд назначен на завтра. Еду отсюда кратчайшим путем в Италию и Средиземным морем возвращаюсь в отечество. Последний этот период моих странствований продлится еще месяца два: рассчитываю быть дома в конце октября*****.

* Первоначально: «не имея ни мундира, ни фрака, решительно не могу показаться завтра, в такой торжественный день, в поношенном пиджаке — в чем и должен признаться со всю откровенностью пред нашим послом».

** у которого просидел с полчаса.

*** начиная от Jardin d'acclimatation и до трибун на courses d'aulenil.

**** и место артезианского колодца в Passy (также закрытого).

***** В подлиннике дневника к этой записи приложено собственноручно составленное Д. А. Милютиным расписание на все оставшиеся дни пребывания за границей со 2 сентября до 19 октября включительно (Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 8. Л. 91а–91б). — Прим. публ.

***3-го/15-го сентября. Воскресение. Турин.** — Вчера выехал я из Парижа в 9 часов вечера по Лионской железной дороге. На воксале провожали меня дочь и Олсуфьевы. Грустно было мне так скоро расстаться с ними и снова очутиться в том одиночестве, в котором провожу я многие месяцы в путешествии. Но собственно с Парижем расстался я без сожаления. Должен признаться, что в нынешний мой приезд — Париж произвел на меня впечатление неприятное; он опротивел мне своею пустозвонною суетой, своею непрерывною сутолокой, своим балаганным**, ярмарочным разгулом.

Ночь провел я довольно неудобно; все места в вагоне заняты; поезд переполнен пассажирами. Уже было совсем светло, когда проехали мы чрез Шамбери и вступили в предгорие Альпов, где железная дорога пересекает их непрерывными тоннелями. Интересовал меня главный тоннель, известный под именем Монсенисского, хотя он прорыт сквозь хребет в расстоянии около 27 километров в сторону от самого перевала Mont-Cenis. Тоннель этот длиною более 13 километров; стало быть, почти на 2 километра короче С.-Готардского; но выше последнего на 140 метров (459 футов). Поезд проходит тоннель в полчаса.

На границе итальянская таможня осматривает только ручной багаж, возимый в пассажирских вагонах; большие же чемоданы и сундуки, перевозимые в багажном вагоне, осматриваются в самом Турине. С моим багажом Туринская таможня обошлась чрезвычайно снисходительно; таможенный чиновник не счел нужным даже заглянуть вовнутрь чемодана.

В Турин прибыли мы около 2-х часов пополудни; остановился я в Grand Hôtel de Turin, рядом со станцией железнодорожной. По своему обыкновению немедленно же пошел бродить по городу: в какие-нибудь 4 часа времени обошел его во всех направлениях. В первый раз видел я Турин почти столетия назад; с тех пор, конечно, произошло в нем немало перемен: город распространился, украсился новыми зданиями, бульварами и множеством памятников (статуй итальянских знаменитостей)***; но фи-

* 2/14 сентября. Суббота. — Выезд из Парижа. Большую часть утра провел в укладке своего багажа, но пред обедом навистил еще раз <сделал прощальный визит> вместе с Олей Марию Агтеевну и племянниц. Отобедав в последний раз с Олей и Олсуфьевыми, вместе с ними отправились к 8 часам вечера на [...] de Lyon, и в 9 часов покинул Париж с скорым поездом (trains rapide).

** балаганным гастрвом.

*** Первоначально: «но сравнительно с другими большими городами Западной Европы, я нашел, что Турин изменился менее большей их части и сохранил прежнюю свою унылость».

зиономия его сохранилась прежняя. Даже сегодня, в воскресный день, когда обыкновенно усиливается движение, город поражает мертвенностью и пустынностью. Впечатлению этому, конечно, много содействует однообразие прямых улиц, пересекающихся под прямыми углами, равнинная местность и бесхарактерность построек. Только с площади Виктора-Эмануила открывается красивый вид на господствующие над Туринном высоты Суперга, круто поднимающиеся за рекою По, увенчанные монастырем и несколькими виллами*.

4-го/16-го сентября. Понедельник. Генуа. — Для наружного осмотра такого города, как Турин, достаточно одного дня; долее оставаться там не считал я необходимым** и сегодня в 8 1/2 часов утра выехал со скорым поездом в Геную. Приехав туда около часа пополудни, остановился в самом центре города, в Grand Hôtel de Gênes, на той же площади, где Théâtre Carlo Felice и Academia delle belle arti, почти рядом с Palazzo Ducale. Не теряя времени, предпринял обычную пешеходную прогулку по городу; прошел по главным улицам, заходил в некоторые из великолепных palazzi, уцелевших от блестящих времен республики Генуэской³²⁰. Эти palazzi замечательны своими мраморными лестницами, внутренними дворами с колоннадами и аркадами, художественными фресками на потолках, даже в сенях (вестибюлях). Но как грустно видеть в этих дворцах, под этими расписанными потолками, среди мраморных колонн, статуй, групп — не только какие-нибудь канцелярии местной администрации, но даже ремесленные заведения, склады продажной мебели и т. п. Вся Генуа вообще похожа на хранилище остатков бывшего величия, богатства, роскоши, — и каждый шаг напоминает о падении города, несмотря на некоторые новые широкие улицы, обставленные красивыми зданиями, на скверы, бульвары, памятники, воздвигнутые итальянским знаменитостям. Город очень разросся; особенно к стороне гор он распространился до самой линии прежних фортов, ограждавших

* Возвратился я в отель, когда уже совсем стемнело, пообедал и рано лег спать, утомленный продолжительной ходьбой.

** По составленному предварительно плану путешествия, предполагал я провести нынешний день в Турине; но вчера успел я <осмотреть> вполне достаточно ознакомиться с городом с внешней стороны; что же касается до указанных в путеводителях замечательностей, так сказать, внутренних, как-то: коллекция оружия в Королевском дворце, музе[й] и картинной галереи в Академии, то мне казалось, что не стоило для осмотра их жертвовать <употребить> целый день, и потому я решил сегодня продолжать свой путь в Геную.

город с сухого пути обширным полукругом. Форты эти были только что возведены во время первого моего посещения Генуи, то есть пятьдесят лет назад.

В одном из старых palazzo, известном под именем Palazzo Rosso (т. е. красного, по цвету его стен), принадлежавшем прежде фамилии Brignole-sale и подаренном городу последнею ее владелицею маркизою Ferrari, дюшессой Galliera³²¹, я осматривал довольно значительную картинную галерею, в которой немало произведений знаменитых художников. Входил я в Королевский дворец³²², с террасы которого открывается обширный вид на порт; в кафедральный собор S. Lorenza³²³, в старинную церковь S. Ambrogio и некоторые другие. Закончил прогулку в городских садах: Aquasola и Villeta di Negro.

* После обеда снова вышел я из отеля, чтобы взглянуть на город при вечернем освещении, частью газом, частью электричеством. На площади пред отелем и на ближайших улицах толпилась многочисленная публика^{**}; все места за расставленными пред кофейнями круглыми столиками были заняты. Вообще Генуя принадлежит к числу оживленнейших городов Италии; старинные, узкие улицы в центральных частях города кишат народом, живым и шумливым^{***}, почти как в Неаполе.

5-го/17-го сентября. Вторник. Флоренция. — Утром dokonчил я обзор Генуи; пройдя по одной из новых улиц (Assaroti), составляющей продолжение Via di Roma, по гребню высот, вверх^{****} до Porta Bartolomeo, я вышел за прежнюю крепостную ограду. С высот ее открылся мне обширный вид на всю долину реки Visagno, на новое красивое кладбище (Campo santo), на дальние вершины, занятые новыми передовыми фортами. Спустившись с гор на новый бульвар Solferino, прошел чрез весь город до самого порта^{****} и вернулся в отель к полудню.

Оставаться дольше в Генуе^{*****} не было^{*****} цели, и я выехал во 2-м часу, со скорым поездом^{*****} во Флоренцию.

* Несмотря на усталость от большой утренней прогулки

** как будто в какой-нибудь праздник или на общественном гулянии.

*** и пестрым

**** до прежней укрепленной ограды

***** и осмотрев западную <восточную> часть его набережной, где устраивается теперь новая набережная, возвратился домой в 12-м часу.

***** как я предполагал

***** никакой

***** отходившем в 1 час 17 минут в Пизу и Флоренцию.

И в этот раз поезд был переполнен пассажирами. Вдоль Корниша, или Ривьеры «di Levante», так же точно как и в противоположную сторону от Генуи, по Ривьере «di Ponente», железная дорога проложена почти сплошь тоннелями, с редкими и короткими просветами. Только приближаясь к Пизе — она выходит на открытую местность. Через этот город поезд проходит так близко от Собора (Домо), что можно из вагона явственно видеть главную достопримечательность Пизы — наклонную его башню³²⁴.

На переезде по «Корнишу» не раз вспоминал я первое свое путешествие (в 1841 году), когда ехал я по тому же пути с *vetturino**. Тогда переезд тянулся несколько дней, с остановками и ночлегами; теперь — поезд пролетает то же расстояние в несколько часов. Но тогдашний переезд был прелестною прогулкой, о которой до сих пор сохранилось в моей памяти неизгладимое впечатление. Я мог вдоволь любоваться восхитительными видами на всем протяжении пути; проезжая чрез множество городков, местечек, селений, мог замечать особенности края и его населения. Теперь же сквозь окно быстро несущегося вагона едва успеваешь урывками окинуть беглым взглядом два, три живописных местоположения, открывающихся в промежутках бесчисленных тоннелей. Из этих немногих местностей особенно замечателен вид на Специю.

Под вечер стало очень свежо. Прибыв во Флоренцию около 8 часов, я остановился в «Hôtel de la Grande Bretagnet de l'Arno», в самой центральной части города, близ площади della Signoria и всех главных достопримечательностей Флоренции.

6-го/18-го сентября. Среда. — **Первый день моего пребывания во Флоренции употреблен на общий обзор города и осмотр богатых галерей degli Uffizi³²⁵. Хотя все виденное мною сегодня было уже мне знакомо по прежним посещениям Флоренции, однако же это не помешало мне вновь наслаждаться художественными сокровищами картинной галереи и внушительною флорентийскою архитектурой Средних веков. Впрочем, я нашел и нечто новое для меня: богатую облицовку переднего фасада собора, остававшегося в течение веков черне, без отделки. В новом фасаде выдержан вполне стиль других частей храма и колокольни (*campanile*); употреблены мраморы тех же цветов; вообще, на мой глаз, реставрация сделана хорошо. Само собою разумеется, что новый фасад теперь резко отличается от старых частей здания своею свежестью и ярко-

* Извозчик, кучер (*um.*).

** Погода совсем свежая, и я должен был переменить свой летний легкий костюм более суконным. Под вечер начал накрапывать дождь.

стью цветов; но это такой недостаток, который само время будет постепенно исправлять. Впрочем, и старая мраморная облицовка теперь очищается и принимает более свежий вид.

В настоящее время реставрируется и Loggia dei Lanzi³²⁶; воздвигаются некоторые новые монументы. Несмотря на серую и свежую погоду, первое впечатление Флоренция произвела на меня приятное. Закончил я сегодня свою прогулку загородным гулянием Cascine, которое, впрочем, было совершенно пусто.

Обедал в отеле в полном одиночестве*.

7-го/19-го сентября. Четверг. — После дополнительного осмотра некоторых улиц, palazzo, церквей в центральной части города, перешел я по ponte alla Caraya на левую сторону Арно; осмотрел и в этой части города наиболее замечательные церкви S. Madona del Carmine, S. Spirito и затем направился в Palazzo Pitti³²⁷, который всегда мне нравился своим строгим, внушительным фасадом. Осмотр заключающихся в нем галерей занял довольно много времени: богатое это собрание картин не только не уступает галереям degli Uffizi, но едва ли даже не берет верх числом лучших произведений первоклассных итальянских художников: нигде нет, например, столько знаменитых картин Рафаэля. Мне кажется, что в Palazzo Pitti нет ни одной картины посредственной.

По выходе из этого богатого хранилища и прежде чем перейти в находящийся поблизости музей естественной истории (Museo di Fisica), мне хотелось дать отдых утомленному вниманию**, и с этою целью зашел я в сад Boboli, поднялся по террасам его до верхней точки, у прежнего форта Belvedere, откуда открывается обширный и красивый вид на окрестные горы. Посидев несколько минут в тени роскошных деревьев, спустился в нижнюю часть сада, к пруду, и в то время, как в задумчивости завернул я из одной аллеи в другую, вдруг наткнулся на шедших навстречу Александра Ивановича Лаврентьева с его женой и сестрой. Такая неожиданная и случайная встреча была большою радостью и для меня, и для них. Какое необыкновенное совпадение случайностей нужно было для того, чтоб мы очутились друг пред другом, не сговариваясь и не имея никаких сведений о наших обоюдных маршрутах***. К сожалению, нам пришлось сойтись ненадолго: Лаврентьевы должны выехать отсюда чрез два дня в Вену и далее в Петербург. Сговори-

* Вечером остался дома, чтобы заняться своим дневником.

** обыкновенно производимого осмотром многочисленных и разнообразных предметов искусства.

*** Для меня в особенности приятна была эта встреча при моем одиночестве.

Флоренция. Современный вид

лись мы на оба эти дня сходиться к обеду и проводить вместе вечера, предоставив себе располагать утренним временем независимо друг от друга, чтобы закончить осмотр Флоренции и ее окрестностей по намеченной каждым из нас программе.

На этом основании Лаврентьевы сегодня же, до обеда, поехали в Фиезоле, один из красивейших пунктов окрестностей города; я же продолжал осмотр заречной стороны города. Музей естественной истории (вернее, зоологический) включает в себе большую коллекцию чучел животных и очень хорошую коллекцию анатомическую. Из музея прошел я мимо нескольких старинных palazzo к стороне городских ворот S. Nicolo; видел великолепный памятник, воздвигнутый городом Николаю и Анатолию Демидовым, названным в надписи благодетелями города³²⁸; потом поднялся по террасам на возвышенную площадь, устроенную в честь Микель-Анджело³²⁹. В середине ее воздвигнут монумент этому великому художнику. Отсюда весь город и его окрестности видны, как на плане. Еще выше поднялся я к монастырю S. Miniato, затем спустившись к мосту alle Grazie, направился к гостинице della Patria (в via Calzajoli), где поместились Лаврентьевы. Все вместе отобедали в

одном из ресторанов* и провели вечер до 1-го часа ночи в живой беседе**.

Никак не предвидел я утром, что так приятно закончу день.

8-го/20-го сентября. Пятница. — Погода снова нахмурилась: холодно и накрапывает дождь. Несмотря на то, я ходил все утро; успел осмотреть весь северо-восточный угол города до Porta S. Gallo, нового бульвара Принца Амедея и до piazza l'Azelio. На этом пространстве пришлось мне видеть большое число палацов, церквей (S. Anunziata, S. Marco), синагогу (красивое и большое здание) и проч.; осмотреть бывший монастырь S. Marco (где показывают келью Савонаролы и принадлежавшие ему вещи: рукописи, одежду и проч.); два большие музея: Academia delle belle arti и археологический в Palazzo Crocetta³³⁰. В первом особенного внимания заслуживает большая зала в rez-de-chaussee***, посвященная памяти Микель-Анджело: тут поставлена его громадная статуя Давида и собрана коллекция копий почти всех его произведений или фотографические изображения их. В картинной галерее преобладают произведения старейших итальянских художников: Giotto, Filippo Lippi, Perugino, Fra Bartolomeo и др. Музей Palazzo Crocetta — чисто археологический: египетский, древнегреческий и в особенности любопытный — этрусский. В верхнем же этаже во многих залах стены покрыты ткаными картинами, не уступающими парижским гобеленам.

К 6 часам я был у Лаврентьевых и, как вчера, мы все вместе отобедали в том же ресторане; вечер также провели вместе****.

9-го/21-го сентября. Суббота. — Сегодня Лаврентьевы уже назначили свой отъезд из Флоренции. Несмотря на пасмурную погоду (а рано утром даже дождь), они успели еще куда-то съездить за город; я же осмотрел «Национальный музей» в здании «Borgello», затем одну из самых больших церквей Флоренции S. Croce и другую S. Ambrogio. В названном музее хранится много замечательных скульптурных произведений, в том числе несколько Микель-Анджело и большое число Донателло, целые залы заняты разными старинными предметами бронзовыми, из слоновой кости, майоликами, хрусталем. Церковь Св. Креста очень богата хорошими произведениями живописи и ваяния; она более похожа на художественный музей, чем на церковь. Здесь прекрасные па-

* (Orlandini)

** за чашечкой чая.

*** Зала на нижнем этаже (фр.).

**** за чаем.

мятники нескольких великих людей Италии: Макиавелли, Микель-Анджело, Данте. На площади пред фасадом церкви воздвигнута в последнее время мраморная статуя Данте.

В 3-м часу пополудни пошел я на станцию железной дороги и здесь распростился с Лаврентьевыми³³¹. Очень мне жаль, что судьба свела нас на такое короткое время. Нечаянное свидание с этими хорошими друзьями останется в моих путевых воспоминаниях в виде какого-то мимолетного видения.

И вот я опять один-одинехонек. Завтра же покину Флоренцию.

10-го/22-го сентября. Воскресение. Рим. — В 7 часов утра выехал я из Флоренции со скорым поездом и к 2-м часам был уже в Риме. Остановился в Hôtel de Rome — в самом центре города на Corso. Немедленно же пошел на почту*, а затем** несколько часов бродил по городу***; входил в некоторые церкви, из числа особенно рекомендованных Бедкером, и закончил прогулку по Monte-Pincio. С площадки этой возвышенности любовался я великолепную панорамой Рима при закате солнца****.

Большинство римских церквей в архитектурном отношении не отличается снаружи изящным стилем, зато внутри многие чрезвычайно богаты украшениями, живописью, статуями. В этом отношении из виденных мною сегодня особенно замечательны церковь Апостолов (di S. Apostoli) и Иезуитская (Gesù). Внимательно осмотрел я Пантеон, стараясь разобрать — что осталось от древнего Пантеона³³² и что приделано в позднейшие времена.

В общем виде города нашел я громадную перемену против прежнего: можно сказать, что Рим перестраивается заново, по образцу Парижа и других столиц европейских; проложены и пролагаются новые широкие улицы, с хорошими мостовыми, асфальтовыми тротуарами; старые угрюмые дома безжалостно срываются и заменяются новыми современного типа. Еще несколько лет, и от прежней физиономии Вечного города не останется ни малейшего следа*****.

* справиться, нет ли писем от Оли; письма не оказалось.

** в продолжение ровно трех часов

*** обошел обе стороны Corso: к западу до Пантеона включительно, к востоку почти до Квиринала, к югу — до Piazza di S. Marie и форума Тулия Нового.

**** Сад на Monte-Pincio очень разросся с тех пор, как я видел его в прежнее время, вообще нашел я в Риме много перемен.

***** хотя, вероятно, и сохранят по возможности существующие еще <уцелевшие пока> развалины Древнего Рима.

Обедал в 7 часов вечера в отеле за общим столом.

Рим

По случаю воскресного дня сегодня большое оживление на улицах; по Corso двигаются толпы гуляющих; тянутся взад и вперед целые вереницы экипажей.

11-го/23-го сентября. Понедельник. — Первое посещение Ватикана. Громадное это хранилище первостепенных художественных сокровищ, по заведенному порядку, открыто для публики только до часу пополудни. Поэтому сегодня успел я осмотреть Сикстинскую капеллу, станцы, лоджии Рафаэля и только небольшую часть картинных галерей*, остальное пришлось отложить на другой день.

Из Ватикана ближайший переход — в Базилику Св. Петра³³³. В который раз вижу это дивное создание зодчества, — и всякий раз выхожу все с бóльшим восхищением. Какая гармония во всем внутреннем расположении, какая пропорциональность в размерах, какая

* На все остальное требуется особый билет, и хотя я заранее запасся им, однако ж, воспользуюсь им завтра, чтобы не торопиться с осмотром, так как галереи закрываются в 3 часа. Виденное мною сегодня так общеизвестно, что считаю совершенно лишним писать, ничего нового сказать не могу. Упомяну разве о стычке, которую имел я при входе в Рафаэлевые ложи с одним жандармом, который позволил себе грубо обратиться ко мне.

чистота стиля!.. Не могу того же сказать о наружном виде Базилики: в этом отношении остаюсь при своем прежнем мнении — что передний фасад здания не соответствует его внутреннему расположению и закрывает на близком расстоянии великолепный купол, составляющий главную красу здания. Еще одно замечание — относительно скульптурных работ, которыми обильно украшены внутренние стены, пилястры, карнизы. Работы эти несомненно свидетельствуют, что итальянские художники эпохи Возрождения (*renaissance*), работая на религиозные сюжеты для украшения католических храмов, при всей глубокой своей набожности, не в силах были высвободиться из-под влияния древнего языческого искусства. В произведениях их даются христианским святым позы языческих богов, ангелы ничем не отличаются от купидонов, везде преобладают нагота и красивые формы тела. Этим только объясняется та странность, что и надгробные памятники Папе обставлены красивыми голыми женщинами или какими-то мифологическими фигурами в древних греческих шлемах. Как подобная аномалия не колола глаза — и до сих пор не колет — строгим блюстителям католицизма.

После Ватикана и Базилики пошел я бродить по заречной части Рима — *Transtevere*; с высот церковей *S. Onufrio* и *S. Pietro Montorio* любовался обширною панорамой; не только весь город, но и Кампанья Римская до гор Албанских видны, как на плане³³⁴. Спустившись затем к Тибру, перешел на правую его сторону по мосту Гарибальди. Здесь на обоих берегах идут большие строительные работы, так же как и в той части города, которая прилегает к мосту и замку *S. Angelo*³³⁵. Целые улицы разрушаются, и на месте старых, грязных домов воздвигаются новые роскошные постройки. К северу от Ватикана и замка Св. Ангела уже вырос целый город нового типа. Оба берега Тибра соединены несколькими новыми мостами. Нет сомнения, что постройки эти предприняты отчасти для того, чтобы доставить работу массе голодавшего народа; но работы эти требуют громадных денежных средств, которые едва ли под силу истощенным финансам Италии.

На обратном пути к своему отелю, чрез площади *Фарнезе*, *di Fiore* и *Navone* — видел я несколько церквей, несколько дворцов с очень красивыми внутренними двориками, каковы — *Palazzo Farnese*, занятый ныне французским посольством, *Palazzo Borghese*, где находится обширная картинная галерея* (теперь почему-то закрыта для публики)**³³⁶.

* которую на этот раз не мог я видеть.

** Обедал, как и вчера, в отеле за общим столом.

12-го/24-го сентября. Вторник. — Вторичное посещение Ватикана. На этот раз осмотрел галереи скульптуры, древностей и рафаэлевые тканые картины. Библиотеку не успел видеть: эта часть Ватикана, как я уже сказал, закрывается в час пополудни*.

Затем обошел я значительную часть города, именно всю восточную половину. Начав с площади Барберина и Квиринала, дошел по новым, еще устраиваемым улицам до громадных зданий Министерств военного и финансов, осмотрел развалины Терм Диоклетиана³³⁷ с устроенною посреди этих руин обширную и роскошную церковь S. Maria di Angeli. Около воксала южной железной дороги видел открытые недавно остатки городских стен Сервия Тулия. В этой, вновь возникающей части города, деятельно ведутся строительные работы. По новым прекрасным улицам Кавура и Депретиса прошел я до S. Maria Maggiore — одной из главных римских церквей, богато разукрашенной разноцветными мраморами, картинами, статуями^{**338}.

Возвратился я домой, когда уже совсем стемнело и пошел довольно крупный дождь^{***}.

13-го/25-го сентября. Среда. — ****Сегодня утром осмотрел я Музей Кирхера и галереи Капитолия³³⁹. «Museo Kircheriano», названный по имени основателя его, немецкого иезуита XVII столетия, состоит из двух отделов: археологического и этнографического; включает в себе множество любопытных предметов, накопившихся в течение двух веков. В галереях Капитолия нашел я некоторые перемены против того, что видел в прежние мои посещения Рима: прибавилось много ценных вещей, найденных в последнее время при раскопках. В соседстве с Капитолием осмотрел

* Возвратившись в отель, я снова вышел в начале 3-го часа: сначала на почту, где нашел на этот раз письмо, но, к сожалению, не то, которое ожидал из Парижа от Оли. Это было письмо А.И. Лаврентьева из Болоньи, где он пробыл день и остался очень доволен тем, что там видел.

** Отсюда, направляясь на возвратном пути к отелю, видел Квиринале с окружающими его замечательными palazzo и церквами и наконец прошел мимо известного фонтана Trevi. Таким образом, мне удалось в первые же три дня пребывания в <вечном городе> Риме осмотреть почти весь новый город по обеим сторонам Тибра. Если что и пропущено мною в этом быстром обзоре, то постараюсь пополнить в следующие дни попутно. Но главную задачей остается мне еще, кроме осмотра нескольких главнейших галерей и музеев, обойти обширную южную половину города, где разбросаны любопытнейшие остатки Древнего Рима, начиная с Капитолия и Форума.

*** ливший ночью и прекратившийся только утром.

**** Опять ночью шел дождь. Утром погода прояснилась, но часу в [1]-м опять накрапывал мелкий дождь с полчаса.

церковь S. Maria Agasoeli и Tabularium — остатки древних построек, под нынешним зданием Капитолия. Из-под аркад «Табулярия» хорошо обрисовывается все пространство, занятое развалинами Древнего Рима*.

От Капитолия прошел я к стороне Тибра, видел остатки древнего огромного театра Marcellus и Портика Октавии. Древности эти оставались скрытыми за дрянными грязными постройками, примыкавшими к бывшему пресловутому жидовскому кварталу ghetto. Теперь квартал этот скрыт до основания и на месте его возникает новая, благообразная часть города.

Видел я еще один остаток Древнего Рима, ожидающий своего освобождения от облепивших его жилых построек. Это — так называемый «мавзолей Августа», колоссальное сооружение, наподобие замка S. Angelo, между улицами Corso и Ripetta, до того обстроенное кругом, что я с трудом отыскал эту древность. Массивные стены мавзолея можно видеть только малыми частями в промежутках окружающих домов и в их дворах. Вся внутренность самого мавзолея заполнена жилыми постройками, грязными ремесленными мастерскими, даже конюшнями и хлевами.

14-го/26-го сентября. Четверг. — **Утро употребил на осмотр остатков Древнего Рима: Форума, Колизея, Палатинской горы, а затем некоторых, находящихся поблизости, отдельных руин: Arco di Giano, маленького круглого храма на правом берегу Тибра на площадке Bocca della Verita. Со времени прежних моих посещений Рима прибавилось много новых раскопок: на Палатинской горе открыта большая часть громадных дворцов императорских***. Можно пожалеть, что место, где существовал в древности большой цирк (Circus maximus), огорожено высоким забором и занято газовым заводом, распространяющим зловоние по всей окрестности.

Узнав вчера в Германском археологическом институте адрес бывшего директора этого учреждения Гельбига, с которым

* Заходил также в здание Германского археологического института (бывший Palazzo Cofferelli), чтобы узнать адрес давнишнего нашего знакомого Helbig, долго занимавшего место директора этого учреждения. Оказалось, что он живет <почти> за городом, близ villa Borghese, на [Яникуле]. Покончив к 2 часам пополудни со всеми достопримечательностями Капитолия, пошел я отыскивать некоторые любопытные места, пропущенные мною в обойденной уже части города.

** Зайдя на почту, нашел там наконец давно ожидаемое письмо от Оли из Парижа.

*** и других построек времен империи. Остаются не открытыми лишь те места, на которых стоят здания монастыря [...]

я познакомился в прежние мои посещения Италии, я отправился сегодня на Monte Janiculus. Проложенная вдоль хребта этих высот новая дорога замечательна по великолепному виду, который открывается с разных точек ее на город и его окрестности. Отыскав не без труда villa Lante (бывшую Borghese), я узнал, что сам Гельбиг с дочерью и сыном в отсутствии; но жена его, Надежда Дмитриевна, урожденная княжна Шаховская, приняла меня очень любезно, можно сказать — дружелюбно*, угостила по-русски чаем** и*** предложила мне прокатиться с нею по городу. Она нисколько не изменилась против того времени, когда мы познакомились в Сорренто****: такая же как прежде громадная во всех направлениях, такая же благодушная и артистка в душе.

Из газет, которые удается мне здесь пробегать, видно, что выборы во Франции (происходившие в прошлое воскресенье) имели***** благоприятный результат*****: можно полагать, что существенной перемены во внутренней политике Франции не последует; что по крайней мере устранен новый несчастный переворот, которого можно было опасаться в том случае, если б восторжествовала чудовищная коалиция буланжистов с бонапартистами и монархистами. На этот раз республика уцелела³⁴⁰.

15-го/27-го сентября. Пятница. — Сегодня много ходил по отдаленным частям Древнего Рима. Начал с осмотра Латерана³⁴¹: в великолепной базилике сделаны в последнее время некоторые перемены: перестроена абсида (т. е. та часть, где находится алтарь), так что средняя нефка удлинилась; вместе с тем обновлена и внутренняя отделка. Священная лестница, которая прежде была совсем открыта в наружу, теперь уже закрыта стеклянною дверью. Музей Латеранский представляет мало замечательного, сравнительно с

* много расспрашивала о моей семье.

** показывала мне все занимаемые комнаты виллы (которую она полагает совсем приобрести в собственность),

*** наконец

**** *Далее первоначально* : «такая же добродушная и [веселая] артистка в душе. Из короткой беседы нашей она выказалась <но вместе с тем в ней заметно развилась> как очень набожная, даже с примесью мистицизма или даже спиритизма <и с склонностью к спиритизму>, сохранившею вполне русские симпатии, и нежною матерью. О своей дочери она не иначе говорит, как с восхищением. Муж ее должен возвратиться на днях.

***** довольно

***** благоприятный результат: хотя он еще и не [выяснился] окончательно, однако ж, можно уже и теперь сказать

другими римскими богатыми хранилищами древностей и художественных произведений.

От Латерана прошел я к востоку вдоль древней городской стены, мимо ворот S. Giovanni, к другой большой Базилике — Св. Креста Иерусалимского (Basilica di S. Croce in Gerusalemme)³⁴². Она далеко уступает Латеранской и по величине, и по внутренней отделке. Позади Базилики находятся, среди виноградника, остатки древнего амфитеатра Castrense*. К северу от Базилики Св. Креста разбросано в разных местах** несколько развалин: водопровод Клавдия, который тянется на большом протяжении с перерывами; так называемые термы Св. Елены, ворота Maggiore, храм известный под названием Minerva Medica. Дойдя до ворот Vibiana и старинной церкви того же названия, я пошел обратно к Латерану по строящимся новым кварталам мимо виллы князя Волконского и другой, называемой Casino Massimi. От обеих этих прекрасных вилл отрезаны значительные части садов по случаю проложения новых улиц.

От Латерана пришлось мне пройти довольно далеко, по глухой, немошеной и пустынной дороге, до громадных развалин терм Антонина или Каракалы³⁴³. Эти остатки древности на столько уцелели, что дают наглядное представление того, что такое были термы у древних римлян. На пути своем видел несколько весьма старинных церквей, очевидно, построенных на развалинах древних сооружений и отчасти из уцелевших от них материалов: у самых терм — Nereo ed Achilleo и S. Sisto, подальше к северу S. Stefano rotondo, S. Giovanni e Paolo, а еще далее S. Quatro Coronati и S. Clemente. Последняя самая любопытная: теперешняя церковь возведена в начале XII века, над тремя слоями древнейших построек, ныне отчасти открытых: более древней христианской же церкви IV столетия, ниже ее — постройки времен императоров римских и еще ниже — древнейшей времен Республики. Церковь S. Stefano rotondo также очень курьезна по своему устройству из древней круглой колоннады³⁴⁴. Еще видел я несколько отрывочных руин; в том числе арку консулов Dolabella et Silanus. Заходил в villa Mattei; но сегодня она закрыта для публики. К тому же я был уже до такой степени утомлен ходьбою и обилием виденных предметов, что не чувствовал себя в силах что-либо еще смотреть в этот день. Вопреки своему обычаю возвратился домой на извозчике.

* но мне не удалось их видеть.

** Первоначально: «в разных местах довольно много развалин».

16-го/28-го сентября. Суббота. — Закончил осмотр всего, что входило в мою программу: обошел остатки Древнего Рима и старинные церкви на пространстве между Квириналом³⁴⁵, Колизеем и новой площадью (или вернее сквером) Виктора-Эмануила. Замечательнейшая из древних развалин здесь — дворец Нерона, обращенный Титом в термы. От этого громадного здания остатки уцелели лучше, чем от терм Антонина или Каракалы. Но, к сожалению, не все доступно туристу: некоторые из остатков терм попали в частное владение; из других развалин иные отыскал я с трудом среди виноградников и огородов, как например *sette sale*, т. е. семь зал. Из церквей, виденных мною на том же пространстве, наиболее замечательна *S. Pietro in Vinculi*³⁴⁶, где находится знаменитая статуя Моисея, работы Микель-Анджело.

Окончив довольно рано свою задачу на нынешнее утро, я пошел после небольшого отдыха за *Porto Popolo* в *villa Borghese* и с удовольствием гулял в тенистых его аллеях*. В галерею вход был сегодня закрыт для публики. В заключение вторично любовался с *Monte Pincio* панорамой Рима при закате солнца. Это, без сомнения, последний, прощальный мой взгляд на вечный город.

После обеда, в читальной комнате, случайно заговорила со мною на французском языке пожилая дама, с которой я четыре дня сряду сидел рядом, молча, за обеденным столом. Оказалось неожиданно, что мы с нею соотечественники — и, разумеется, сейчас же заговорили по-русски. Она из Москвы, г-жа Подгорная; путешествует одна и уже не в первый раз за границей**.

17-го/29-го сентября. Воскресение. — День неудач. Положившись на показание обер-кельнера своего отеля, отправился я в 10 часов утра в Базилику Св. Петра в надежде застать там воскресную обедню с органом. Вместо того нашел только в одном из приделов храма, в отгороженном пространстве, десятка два сидевших на скамьях*** прелатов, читавших громко**** молитвы на распев, очень неблагозвучно. Сторожа церковные объяснили, что обедня окончилась уже к 9 часам утра.

Не зная, куда деваться в такой ранний час, я прошелся по новой заречной части города (к северу от Ватикана), которая только что достраивается; улицы пыльные, перекопаны, мостятся; дома еще

* довольно, впрочем, запущенных.

** очень разговорчивая барыня.

*** в значительном числе

**** Первоначально: «горланявших молитвы по книжке в нос».

пусты* . Намереваясь сделать прощальный визит Надежде Дмитриевне Гельбиг**, заехал я попутно в виллу Doria-Ponfili, но не нашел в ней ничего замечательного, и все-таки приехал к M-me Helbig в слишком ранний час: она была еще у обедни в русской церкви. Прождав ее с полчаса, возвратился в свой отель, где нашел ее визитную карточку, с такою любезною надписью: «Еду к обедне, помолюсь и за вашу дорогую именинницу». Тут только догадался я, что сама она сегодня именинница*** . Посольство близехонько от моего отеля; пошел было туда в надежде еще застать обедню; но там уже не было никого и все заперто.

Весь остальной день оставался в своей комнате; занимался приготовлениями к выезду.

18-го/30-го сентября. Понедельник. Неаполь. — Выехал из Рима в 7 часов 50 минут утра. Погода серая; с приближением же поезда к Неаполю пошел дождь, а в самом Неаполе — ливень, ветер, гроза; море бушует. Так негостеприимно встречает меня тот Неаполь, которым я всегда восхищался и который ставил по красоте наравне с Константинополем. И странная случайность: в тот и в другой пришлось мне, в настоящее путешествие, попасть в самую неблагоприятную погоду.

Положившись на показание Бедекера, я остановился было в «Hôtel de Russie», который поставлен им в число первоклассных; но оказалось, что это гостиница крайне невзрачная, прежнего итальянского типа; немедленно же переместился я в другую, поблизости, «Hôtel du Vesuve» на той же набережной Santa Lucia, против Castel del Ovo. Тут нашел я весь комфорт новых

* ничего любопытного.

** (в той же заречной стороне), я вздумал взять извозчика по часам, и чтобы не явиться в слишком ранний час, поехал в виллу Doria-Ponfili, которую накануне расхваливала мне моя соседка обеденная <но не нашел в ней ничего замечательного>. Но оказалось, что вилла заперта, что вход в нее допускает[ся] только с особого дозволения владельца. Несмотря на то, данная привратнику лира, открыла мне дорогу в сад, откуда надеялся я увидеть обширный горизонт. И что же? Сад ничем не замечательный и вида никакого.

*** Этого мало: предполагал зайти в соседнюю меняльную контору, чтобы разменять золото на бумажные деньги: — по случаю воскресенья контора закрыта, пошел на всякий случай в посольство и на почту, справиться, нет ли писем. В посольстве — все закрыто, а на почте ничего не нашел. С досады решил весь остальной день, последний в Риме, провести в своей комнате и употребить его на укладку своего багажа и на чтение неразлучного со мною Бедекера, чтобы приготовиться к предстоящему завтра перемещению в Неаполь.

больших отелей. Вечером собралось за общим столом многочисленное общество.

Таким образом, первый мой день в Неаполе неудачный; нельзя было и думать о прогулке по городу. Съездил только на почту, где надеялся найти целую пачку писем от своих; но и тут разочарование*: не оказалось ничего из Крыма.

19-го сентября / 1-го октября. — **Утром, пользуясь хорошей погодой, сделал я большую прогулку по городу. Начав с Villa Nazionale (прежней Villa Reale), прошел по Strada S. Caterina, Chiaya и по всей Via di Roma (прежней Toledo), провел значительную часть утра в музее (Museo nazionale, по-прежнему Museo Reale Borbonico)³⁴⁷. Не в первый раз осматриваю этот любопытный музей, который можно, безусловно, признать одним из замечательнейших в Европе, не столько по богатству его в художественных произведениях, сколько по исторической важности собранных в нем остатков древности, уцелевших в Помпее, Геркулануме и других местах южной Италии. В нынешний раз я мог внимательнее прежнего осмотреть музей и между прочим имел случай ознакомиться с любопытным способом разбора древних папирусов, кажущихся на первый взгляд какими-то*** обугленными твердыми массами.

От Музея прошел я по улице Nuova di Capo dimonte, составляющей продолжение Toledo³⁴⁸, и свернул влево к маленькой церкви S. Genaro, близ которой вход в катакомбы****. Сторож провел меня с фонарем по нескольким подземным галереям: катакомбы эти сохранились лучше римских; в некоторых местах даже уцелели древние фрески. Затем поднялся на Capo dimonte, к обсерватории, откуда открывается обширный вид на город и на весь залив Неаполитанский. На мое счастье, в то время горизонт очистился от тумана и мглы; Везувий дымился по своему обыкновению; профиль острова Капри обрисовывался явственно. Только темный цвет моря напоминал, что погода еще не установилась.

* Первоначально: «оказалось только одно письмо от старшей дочери Елизаветы из Ревеля и ничего из Крыма».

** Утром погода прояснилась; по временам даже было жарко, но подчас поднимался вдруг ветер, не предвещавший продолжительности хорошей погоды. И действительно, под вечер опять пошел дождь и море, которое у меня пред глазами, снова заколыхалось.

*** сплошными

**** Первоначально абзац начинался со слов: «Отдохнув несколько минут за чашкою кофе в находящемся прямо против входа в музей пассаже (Galleria Principa di Napoli), я пошел далее по Толедо (принимавшему уже название Strada Nuova di Capodimonte) и спустился к катакомбам.

От обсерватории спускался я по довольно продолжительному, извилистому спуску, со ступенями, проходил по грязным, узким улицам, на которые выбрасываются все нечистоты и где обыватели, не стесняясь, занимаются всеми своими домашними делами*. Только** эти отдаленные захолустья и напомнили мне прежний, своеобразный Неаполь; в большей же части города я нашел значительную перемену. Не только проложены многие новые улицы, возведены целые кварталы, приведены в более благоуобразный вид набережные, — но*** замечается разительная перемена в самой физиономии населения. Прежний тип «лазарони» совсем исчез; вместо живописного костюма неаполитанского простонародья, с красным фригийским колпаком, с наброшенной на одно плечо курткой, — встречаешь только**** оборванцев, в грязных пиджаках и безобразных картузах. Ни песен, ни добродушных шуток уже неслышно на улицах. Зато беспрерывно двигаются взад и вперед омнибусы и трамваи, на всех перекрестках видишь опрятно обмундированных полицейских стражей.

Спустившись на новую, широкую и красивую улицу Strada Tonia, я пошел по другой, также новой улице, del Duomo, на которой находится собор Св. Януария (S. Gennaro)³⁴⁹. Фасад его отделывается заново мраморами. Вошел я во внутрь церкви; здесь церковные сторожа, опытные в искусстве эксплуатировать туристов, повели меня сперва в одну подземную часовню, потом в другую, под тем предлогом, что в одной находится статуя Св. Януария работы Микель-Анджело, а в другой — хранится в особой нише скляночка с кровью этого святого. Всего любопытнее показалось мне, что в украшениях нижних часовен (cappelle) рядом с барельефами и статуями христианских святых попали случайно и уцелевшие скульптурные произведения древности, с изображениями языческих богов и языческих оргий.

На некотором протяжении названной улицы del Duomo и в соседних с нею еще производятся громадные работы: старые кварталы, те самые, которые в былое время составляли главное гнездо неаполитанской голытьбы, разрушаются сплошь и на месте их вырастают новые красивые дома по однообразному типу. Странно

* не исключая туалета.

** этим

*** поражает

**** оборвышей

видеть, как в одной части улицы еще кишит бедный народ в своих тесных, грязных конурах, когда в другой части той же улицы полное разрушение, груды обломков, среди которых торчат кое-где трубы; а рядом уже гордо возвышаются пяти- и шестизэтажные храмины.

Выбравшись из пыли и мусора возрождающихся кварталов, вышел я на набережную — прежнюю Chiaramonte — царство лазарони, а теперь получившую частные наименования: Strada del Piliero, Strada Nuova, Largo Ponte della Maddalena. В одной части этой набережной разведен сад, в pendant* Villa Nazionale (прежней Villa Reale), названный Villa del Popolo³⁵⁰. Вдоль широкой набережной проложена железная дорога; высокая решетка отделяет улицу от порта. Здесь сосредоточены разные агентства или конторы, торговые и пароходные, в которых и навел я нужные мне справки о пароходных рейсах**.

Пройдя мимо старого замка, прилегающего к военному порту и называемого, как будто в насмешку, Porto nuovo, затем мимо знаменитого театра S. Carlo и дворца королевского, вошел я в церковь S. Francesco di Paolo³⁵¹, построенную на площади пред дворцом, в подражание Пантеону римскому или парижскому, с присоединением колоннады полукругом, напоминающей колоннаду Св. Петра, а еще ближе наш петербургский Казанский собор. Я был несколько удивлен, попав на вечернюю службу в очень тесной и не нарядной церкви; но сторож церковный, лишь только заметил вошедшего туриста, сейчас же предложил мне показать настоящий храм, т. е. главную ротонду, в которой церковная служба совершается только в исключительных случаях. Ротонда эта весьма эффектна и по своим грандиозным размерам, и по роскошному материалу, из которого сооружена; но как мало похожа она на церковь христианскую!

Несколько странным показалось мне под колоннадою храма увидеть вывески разных магазинов, мастерских, типографии и проч.

Возвратился я в отель, когда уже совсем смерклось и начал накрапывать дождь***.

* Наподобие (*фр.*).

** которыми придется мне воспользоваться для возвращения в Россию.

*** За обедом рядом со мною сидели русские, муж и жена, только что приехавшие с Парижской выставки. На этот раз я решился заговорить с ними, считая неудобным скрыть в подобном случае от соседей, что я понимаю их разговор между собой. Однако ж, встав из-за стола, мы не полюбопытствовали спросить друг у друга наши имена.

20-го сентября / 2-го октября. Вторник. — *После ночной грозы погода самая благоприятная для пешеходных прогулок. Сегодня направил я свои поиски в западную сторону города; начал я с восхождения по крутой извилистой дорожке со ступенями на высоты замка S. Elmo и бывшего монастыря S. Martino³⁵². Восхождение нелегкое; но зато какой чудный вид открывается с площадки монастыря, обращенного ныне в музей, в котором собраны разные старинные вещи. Замечательна внутренняя отделка церкви и других помещений монастырских, украшенных произведениями знаменитых мастеров живописи и ваяния.

Продолжая свой путь по высотам, господствующим над городом, я попал в новые, еще строящиеся кварталы. Любопытно видеть возникновение нового города там, где недавно еще были только загородные виллы, разбросанные среди садов и виноградников. Виллы эти теперь очутились среди городских кварталов, составленных из сплошных рядов высоких пятиэтажных зданий. Большая часть домов еще необитаема; но кое-где уже открыты кофейные и другие торговые заведения^{*}. Новые кварталы распространились почти до деревни Antignano, мимо которой в былое время езжали туристы в Samalduli. Для сообщения между нижнюю часть города и новою устраивается фуникулерная железная дорога. Пройдя мимо строящейся верхней станции, зашел я в виллу Belvedere, с которой в прежнее время туристы любовались обширным видом; однако ж этот вид далеко уступает виду с монастыря S. Martino.

С высот Vomero начал я спускаться опять по крутым пешеходным дорожкам со ступенями, пересекая новые большие улицы, проложенные по скату высот (Strada Tasso, Corso Vittorio Emanuele, Corso Principe Amedeo), и вышел на набережную близ оконечности Villa Nazionale. Здесь отдохнул несколько минут в кофейной и потом зашел в аквариум, устроенный среди сада, при Зоологической станции, под руководством ученых, зани-

* Опять ходил на почту и опять разочарование: нет писем из Крыма. Зато второе уже письмо от любезного Лаврентьева из Вены.

Сегодня я сделал прогулку по городу не менее вчерашней. Проходя мимо Castel Nuovo, зашел <заглянул> в [середину] его, потом по улицам Montoliveto (где почта). Вышел на Toledo близ Piazza Dante, отсюда начал взбираться по кро[шечным] улочкам и ступеням на высоты замка S. Elmo.

** Обойдя кругом замок S. Elmo (с северной стороны),

*** по большей части еще пустых, необитаемых.

мающихся здесь специально морскую* фауной. Аквариум этот весьма любопытен**.

21-го сентября / 3-го октября. Четверг. — Поездка в Геркуланум и Помпею. О первом у меня оставались только смутные воспоминания, так как прошло уже почти столетия с того времени, когда я видел эти подземные остатки древности. Сегодня я осмотрел их заново при помощи толкового провожатого. Кроме виденных мною в прежнее время подземных раскопок театра, теперь открыты и на поверхности земли некоторые части древнего, затопленного лавой, города. Только в этой небольшой части и возможны раскопки, потому что над всем остальным пространством погибшего города ныне стоят дома Розины. Притом раскопки здесь в твердой лаве гораздо труднее, чем в Помпее, которая была засыпана пеплом; да, наконец, руины Помпейские*** гораздо интереснее руин Геркуланума.

В Помпее я ходил довольно долго, не торопясь, притом один, даже без провожатого; поэтому мог осмотреть открытые по сие время остатки города гораздо внимательнее, чем в прежние мои посещения, несмотря на то, что в одно из этих посещений мне довелось осматривать Помпею в сопровождении такого знатока археологии, как ученый Helbig. После того, сколько мне кажется, новых раскопок прибавилось немного; но заметна большая заботливость о поддержании и сохранности открытых частей. Все улицы и дома отмечены номерами. В большом амфитеатре продолжается работа очистки здания от засыпавшей его массы³⁵³.

Вся моя поездка продолжалась с небольшим 9 часов: выехав несколько ранее 8 часов утра, возвратился в отель в начале 6-го часа.

22-го сентября / 4-го октября. Пятница. — Пользуясь наступившею наконец ясною погодой, я предпринял сегодня восхождение на Везувий. В первый раз случилось мне прибегнуть к посредству известной Куковской компании, которой принадлежит фуникулярная железная дорога**** на вершине вулкана. Компания эта не только эксплуатирует эту дорогу, но и принимает на себя доставку туристов к месту, где начинается подъем на канатах. Поездка обходится дешевле, чем в нанятом на стороне экипаже, а главное — избавляет от всех мелочных расходов, на которые обречен турист в здешнем крае: заплатив всего 25 fr. за би-

* органической жизнью.

** не чета устроенному на Парижской выставке среди сада Trocadero.

*** имеют большое превосходство над Геркуланскими.

**** устроенная на самой крутой части сопки Везувия.

лет, я освободился от обычных здесь* на каждом шагу «*buona mamma*». Проезд в большом экипаже, нагруженном шестью седоками, от подошвы волкана** до того места, где начало фуникулярной железной дороги (на высоте около 900 метров = почти 3.000 футов), — довольно тяжел***, несмотря на то, что на этом протяжении проложена хорошая дорога. По канатной (фуникулярной) железной дороге, крутизною до 63°, подъем продолжается всего 10 минут; но до вершины самой сопки или кратера остается еще восхождение пешком (или на носилках). Все эти облегчения для туристов не существовали в те времена, когда я всходил в первый раз на Везувий и когда случай впервые свел меня с будущей моею женой. Теперь восхождение на Везувий не сопряжено ни с какими затруднениями, не утомительно даже для женщин, детей и слабых людей. На вершине волкана, сквозь рыхлый его покров, повсеместно пробиваются, подобно дыму, довольно сильные испарения; а по временам из самого кратера вдруг извергается с гулом большой столб дыма и выбрасываются мелкие обломки камней и лавы. Эти мгновенные, отрывистые, но частые вспышки вулканической деятельности Везувия можно сравнить с тяжелыми вздохами запыхавшегося человека.

Поездку на Везувий пришлось мне совершить в многочисленном обществе, в котором преобладал немецкий элемент, хотя и на этот раз не обошлось без англичан. У начала канатной дороги устроен порядочный ресторан, в котором одни из нас позавтракали, а другие — пообедали. Возвратились мы в Неаполь в 6-м часу, когда уже смеркалось****.

23-го сентября / 5-го октября. Суббота. — После вчерашнего прекрасного утра, под вечер, совершенно неожиданно собрались вдруг черные тучи, пошел дождь, который лил всю ночь и сегодня утром, по временам, с грозой. Встав рано с намерением предпринять поездку в Салерно и Пестум, я должен был отложить это предположение до другого, более благоприятного времени и почти весь день оставался дома. Только между 2 и 3 ча-

* требований со всех сторон вознаграждения «*pour boin*» или «*buona mamma*» [*«Pour boin» или «buona mamma» — дословно «на благо» и «добрая мама». По-русски: «Христа ради». — Прим. публ.*].

** Так в тексте. Следует читать «вулкана».

*** для лошадей в больших экипажах, нагруженных шестью пассажирами.

**** Однако ж я пошел еще на почту, все в надежде найти письма из Крыма, но увы, все — опять ничего нет. Для разрешения своего недоумения <решаю> телеграфировал в Алупку.

сами, во время перерыва дождя, вышел*, чтобы опять осведомиться на почте — нет ли ожидаемых мною** писем. Но писем все нет, как нет***.

24-го сентября / 6-го октября. Воскресение. — **** Погода с утра серая, хотя и без дождя; парило как в теплице, что не предвещало ничего хорошего; предпринять какую-либо дальнюю экскурсию было рискованно; но мне надоело сидеть, сложа руки, в четырех стенах; после вчерашнего дня отдыха, я чувствовал потребность промять ноги хорошою прогулкой. Выйдя из отеля около 10 часов утра, прошел по самым грязным, вонючим улицам старого города, мимо Университета, Капуанского замка (Castel Capuano), за Капуанские ворота к Albergo dei Poveri; зашел в Ботанический сад посмотреть акклиматизированные здесь экзотические растения. К сожалению, снова пошел дождь и я поспешил укрыться от него в Музее, который намеревался во всяком случае посетить вторично. Но и там не мог оставаться долго, потому что по воскресениям, когда галереи открыты бесплатно для публики, музей закрывается уже в час пополудни. Я успел только ***** бросить последний беглый взгляд на это богатое древлехранилище, останавливаясь лишь пред замечательнейшими произведениями искусства. Прекрасная модель Помпейских раскопок, занимающая целую залу, еще интереснее, когда видишь ее вслед за посещением самой Помпеи.

* для некоторых закупок

** нетерпеливо

*** Не могу ничем объяснить себе это. Пока я был на почте, снова пошел сильный дождь, и я должен был вернуться домой на извозчике.

Пользуясь свободным временем, написал письмо Лаврентьеву. За общим столом (table g'hôte) мне пришлось снова <хранить> сидеть в глубоком молчании, потому что прежние русские соседи мои, с которыми я мог несколько дней сряду немного поговорить, уехали сегодня из Неаполя. Должно быть, и многие другие бежали отсюда, испугавшись дурной погоды: стол в отеле был наполовину пуст.

**** Рано утром получил по телеграфу ответ Нади на мою телеграмму. Она извещает, что письмо (или письма, неизвестно) отправлено в Неаполь, но когда не уточняется, а потому остается все-таки сомнение в том, следует ли еще ожидать этого письма, или оно где-нибудь на пути застряло <хотя остается неизвестным, долго ли придется <ожидать> оставаться здесь в ожидании возвещенного письма>. Тем не менее телеграмма Нади все-таки успокоила меня, а то воображение мое начинало уже строить всякие черные предположения и опасения.

***** бегло обойти галереи, стараясь, чтобы осталось в памяти общее их расположение и содержание.

Дождь заставил меня прямо из музея вернуться домой и провести опять большую часть дня безвыходно в своей комнате.

25-го сентября / 7-го октября. Понедельник. — С утра погода прояснилась* и мне удалось сделать большую и приятную прогулку. Направился я к Позилипу; дойдя до входа в новый тоннель, повернул влево на верхнюю Позилипскую дорогу, обгибающую мыс по его южному склону. С разных точек этой дороги открываются прекрасные виды. Замечательно строящееся над дорогой, в высшей точке перевала чрез гору, большое, массивное здание в египетском стиле**; это будет новое кладбище — Campo Santo. При спуске с Позилинского мыса к морю (с западной стороны), против островка Низиды, осмотрел я так называемый грот Саяна, которого прежде я не видел; да кажется и немногим туристам он известен. Это такой же древний тоннель, как и прежний Позилипский, но еще несколько длиннее (на 200 метров, вся длина 900 метров). В древности он служил сообщением между разбросанными вдоль морского берега по обеим сторонам Позилипского мыса виллами*** богатых римлян. При выходе из тоннеля на восточную сторону, показывают еще некоторые древние развалины****.

Далее прошел я по прямой и ровной дороге до Vagnolo, местечка, где находится несколько заведений с минеральными ваннами, в 3 1/2 километрах от Пуццоли. Здесь в плохеньком деревенском café подкрепил я свои силы чашкою кофе, и затем направился по прямой и ровной дороге, ведущей назад в город, к Позилипскому гроту. По этому пути ходит tramway между Неаполем и Пуццолью; но я не воспользовался им, а продолжал свое странствование пешком. Своротив с большой дороги влево, по прекрасной аллее, я дошел до котловины бывшего озера Agnano, ныне уже не существующего. На месте его теперь разведены сады и виноградники. Прекрасная дорога обгибает котловину по подошве окружающих гор к другой котловине, также бывшем кратеру Astroni, где устроен Королевский парк. Хотя здесь по-прежнему все еще показывают туристам и собачий грот, и удушливую пещеру³⁵⁴ (что, впрочем, было мною отклонено), однако ж я мог заметить, что вообще нравы и быт здешнего народа очень изменились против прежних

* но не настолько, чтобы можно было предпринять дальнюю экскурсию, и тем менее <морем> на пароходе морскую (в Сорренто).

** Спрошенный мною о назначении постройки прохожий сказал, что тут устраивается новое кладбище.

*** древних римлян

**** (см. у Бедекера *Italie méridionale* 1887, стр. 93.)

времен. Теперь туристу уже не докучает масса нищих, попрошаек, нахальных продавцов фальшивых «antica». Конечно есть нищие и теперь и в самом городе, и в окрестностях; но уже далеко не в таком числе, как прежде. В настоящее время наиболее надоедали мне извозчики, пристающие к туристу с назойливым предложением своих услуг.

В прогулке своей за городом пробовал я заглянуть в некоторые усадьбы, чтобы видеть здешнее виноделие, но мне не удалось что-либо разведать по незнанию языка и местного неаполитанского говора.

В город вошел я чрез новый Позилипский тоннель, прорытый по прямому направлению улицы Piedigrotte. Старая галерея, известная под именем грота Позилипского, совсем закрыта; новая несколько короче, обложена тесаным камнем; но профилю его дано пребезобразное очертание*.

Промер циркулем по карте** дал длину пройденного мною сегодня пути до 24 километров; если ж принять в расчет мелкие изгибы дороги и разные частные уклонения в стороны от дороги, то можно смело заключить, что я прошел сегодня не менее 25 верст. Опыт убедил меня в пользе для здоровья таких усиленных прогулок.

26-го сентября / 8-го октября. Вторник. — Встал ранее обыкновенного; погода выдалась благоприятная и я решился предпринять задуманную поездку в Пестум. С поездом железной дороги, отходящим в 8 часов 10 минут утра, проехал по знакомым местностям побережья, потом чрез живописную горную долину мимо Сава, спустился в Виетри, к берегу Салернского залива; видел красивую панораму самого Салерно; далее на станции Vattipaglia пересел в другой поезд, доставивший меня ранее 11 часов на станцию «Pesto». У самой станции вход в обширное пространство, огороженное*** древнею стеною бывшего здесь некогда города Пестума. Теперь на этом пространстве поля, сады, виллы; но среди них выказываются еще издали величественные руины трех древних храмов, сохранившиеся лучше, чем во всех других местностях Италии. Особенно эффектен один из этих храмов — Нептунов. Стиль этой постройки вовсе не дорический, как случилось мне читать в кни-

* Несмотря на дальнюю свою прогулку, я возвратился домой не по кратчайшей дороге, а прошел еще на улицу Toledo для некоторых покупок. Около 4 часов пополудни опять начал накрапывать дождь. Видно, погода все еще не установилась.

** приложенной у Бедекера

*** сохранившуюся до сих пор

гах, а ближе подходящий к тосканскому³⁵⁵; колонны его и все части необыкновенно массивны*. Тот же стиль замечается и в других двух храмах; но в них колонны меньшего диаметра и все вообще части легче. Храм, стоящий рядом с Нептуновым и названный почему-то Базиликой, представляет две странности: во-первых, колонны его кверху утоняются гораздо сильнее обыкновенного, образуя кривую линию не совсем приятную для глаза; а во-вторых, оба фронтона поддерживаются нечетным числом колонн, так что в середине фасада приходится колонна, а не пролет, что не встречается, сколько мне известно, ни в одном классическом сооружении. Также и во внутренности храм во всю свою длину разделен на две половины рядом колонн**. Не знаю, как объяснено в ученых исследованиях это странное разделение храма.

Кроме храмов, видны среди возделанных полей и огородов еще некоторые остатки древних зданий, как то***: амфитеатра, маленького храма, и проч.; но эти остатки едва заметны и во всяком случае не имеют большого значения возле обширных храмов, так хорошо сохранившихся.

Возвратился я прежним путем в Неаполь уже в 8-м часу вечера и нашел в гостинице**** так давно ожидаемые письма из Крыма. Письма эти совершенно успокоили меня и произвели разом переворот в моем настроении*****.

27-го сентября / 9-го октября. Среда. — *****Сегодня предпринял я экскурсию в Сорренто. В 9 часов утра отплыл на пароходе, отходящем от S. Lucia. День выбран удачно: переход в оба конца был превосходный, на море совершенная гладь; ни одно облачко не мешало любоваться восхитительным видом залива Неаполитан-

* даже тяжелые.

** кажется, значение этого странного раздвоения внутренности здания остается и до сих пор необъясненным.

*** следы круглого

**** и телеграмму от Лизы (из Ревеля) и

***** хотя в них и не заключалось никаких известий особен[ных], тем не менее они совершенно успокоили меня. Оказывается, что они были написаны и отправлены из Симеиса только в тот самый день, когда я уже приехал в Неаполь. Неудивительно, что мне пришлось ожидать их более недели, оставаться в тяжелом ожидании; хорошо еще, что <дошли> они застали меня в Неаполе.

***** Судя по вчерашнему дню, нельзя было слишком рассчитывать на хорошую погоду: после жаркого утра, под вечер, пошел опять дождь и продолжался ночью, сегодня утром весь горизонт застилается густою мглой, но туч не было, и на море совершенная гладь. Нечего было откладывать предположенную экскурсию в Сорренто.

ского, силуэтами гор и островов. На пароходе находилось несколько соотечественников, но весьма несимпатичных. Прибыв в Сорренто в исходе 11-го часа, направился я в ближайший и самый блестящий отель «Vittoria». Проходя от пристани по старинному тоннелю, ведущему вверх к отелю, встретил опять Немировича-Данченко, спускавшегося с женою своею в купальню. Сговорились мы с ним сойтись через несколько времени в столовой отеля, а пока пошел я бродить по знакомому мне городку, в котором каждый шаг возобновлял в памяти моей впечатления давно минувших лет. В городе не нашел я больших перемен; однако ж стал он как-то опрятнее, оживленнее. Посетил я бывшего синдика городского, знакомого нам Cav. Cicalese, который принял меня очень любезно, расспрашивал о семье моей и в свою очередь сообщил мне сведения о прежних наших общих знакомых соррентских. Затем направился я в ту сторону, где находилась скромная гостиница San-Severina, — место пребывания моей семьи в 1869 году. Здесь и я прожил тогда несколько недель, а в следующем году приезжал сюда же за своею дочерью, чтобы перевезти ее в Россию. Теперь, по истечении двадцати лет, приятно было мне взглянуть на это строение, на дворик его в виде садика, на балкон, на который выходили окна и двери нашего помещения. Почти все нашел я в прежнем виде; но владелец гостиницы уже новый (хотя так же Фиорентино, как и прежний); переменилось и название: над входом красуется вывеска: «Hôtel de Bristol» и вся гостиница нанята на нынешнее лето одним англичанином*.

Зашел я и в виллу графов Corgeale, заметно подновленную и украшенную; прежний заглохлый сад смотрит как-то веселее. Но прежний хозяин, старый граф Корреале уже на том свете, а молодые графы (один женатый, другой — оставшийся холостяком) в отсутствии; я оставил им визитную карточку*.

Окончив довольно скоро свой обзор небольшого городка, я расположился в ожидании возвращения парохода с острова Капри, на прекрасной террасе гостиницы Vittoria. Здесь сошлись мы с Неми-

* Другой дом той же гостиницы остался под названием <Petite Sirene> Piccola Sirena, но образует уже особую гостиницу, которой придано второе наименование: Grande Bretagne, и содержит ее какой-то Lorelei.

** на возвратном пути

*** Городок Сорренто мало изменился против того, каким я помню его с 1869 и 1870 годов. Однако ж и здесь все приняло более опрятный вид, особенно отели (Vittoria, Tramontana, Sirena) — приукрасились, сделались блестящими, со всем комфортом и роскошью первоклассных отелей больших городов.

ровичем-Данченко, вместе пообедали, а потом он уехал в какую-то экскурсию, а я оставался еще некоторое время* неподвижно на террасе, восхищаясь дивною панорамною Неаполитанского залива. Это первый день**, что Неаполь выказался в том прелестном виде, в каком он всегда рисуется в моей памяти.

28-го сентября / 10-го октября. Четверг. — Предположив выехать завтра из Неаполя, провел последний день моего здесь пребывания в приготовлениях к отъезду и за письмами***. Агентство компании Кука навязывало мне свои тикэты для дальнейших моих путешествий; но я уклонился от его услуг****.

30-го сентября / 12-го октября. Суббота. Палермо. — Вчера в 5 часов пополудни выехал я из Неаполя на пароходе «Palermo». На нем ехала какая-то немецкая принцесса — как объявили в агентстве; были с нею и какие-то двое мужчин, которых, судя по обращению их с принцессой, можно было признать принцами. Кто они — я не мог добиться; но свита и прислуга довольно многочисленные. Вместе с тем в настоящее время в Палермо съезжаются многие лица, занимающие политическое положение в Италии, по случаю давно возведенного и ожидаемого завтра приезда туда первого министра Криспи*****. Таким образом, пароход «Palermo» был переполнен; хотя я прибыл в агентство очень спозаранку, однако ж места 1-го класса были уже все розданы, и мне пришлось взять билет 2-го класса*****.

День был жаркий, погода прекрасная. Лишь только пароход приблизился к выходу из залива Неаполитанского в открытое море, из-за силуэта Капри показался полный месяц*****. Всю ночь

* в каком-то упоении

** с моего теперешнего приезда сюда

*** на получение денег из Банка, распоряжения на почте, некоторые справки относительно предстоящих морских <рейсов> переходов.

**** не находя в них никакой для себя выгоды. Получил письмо от сына и сегодня же ответил ему.

***** с целью произнести какую-то политическую речь.

***** В этом классе положение пассажиров значительно хуже, чем в первом; каюты набиты теснее, стол еще менее удовлетворителен, чем в первом, и состав пассажиров, разумеется, совсем иной. Вот для примера, что испытал я: отказавшись от обеда на пароходе (так как я сытно позавтракал в отеле), я рассчитывал на вечерний чай, но мне объявили, что чай подается вечером только в 1-м классе. Хотя мне подали [отдельно] сквернейш[ий] чай, однако ж за отдельную плату. Я не решился провести ночь в каюте, вместе с другими пятью пассажирами, а оставался всю ночь <все время> на палубе, сидя на деревянной скамье.

***** и всю ночь светил нам.

оставался я в приятной дремоте. Пароход шел довольно скоро и вообще переход был очень спокойный*. Еще до рассвета, при свете месяца, показались горы Сицилии, а когда пароход входил в порт, первые лучи солнца зарумянили город и возвышающиеся позади его горы. Картина была восхитительная**.

Прошло довольно долгое время с того момента, когда пароход бросил якорь в порте и до въезда нашего в самый город. Дело в том, что в Италии существует чрезвычайно стеснительная таможенная и акцизная система. В пределах государства, при переезде из одного большого города в другой, пассажирский багаж подвергается осмотру. Зная это, я принял предосторожность — пред выездом из Неаполя, предъявил тамошней таможене свой чемодан, чтобы наложить пломбу. Этим способом избег я скучной процедуры в палермской таможене. Тем не менее, по многочисленности пассажиров и багажа, я все-таки не ранее доехал до гостиницы «Trinacria», как в начале 8-го часа утра.

Гостиница эта на счету первоклассных и находится на самом берегу моря; притом близко от железнодорожной станции. Мне отвели очень хорошую комнату: из моего окна открывается вид на весь залив. Под моим окном, в нижнем этаже (rez de chaussée) — терраса, вымощенная изразцами, а под террасой, вдоль набережной, бульвар. Погода прекрасная, жаркая. Не теряя времени, едва успев оправиться и позавтракать***, пошел, по своему обыкновению, бродить по городу и успел в течение утра обойти большую часть его****. Входил я в несколько церквей, из числа указанных Бедкером. Некоторые из них, как например Собор (Duomo) и Св. Доминика — имеют внушительный вид и роскошную внутреннюю отделку; но нигде не сохранился чисто готический — норманский стиль. В Соборе главная часть здания снаружи — готическая, а купол и внутренняя отделка в стиле renaissance*****³⁵⁶. От арабских и норманских построек уцелели кое-где только небольшие отрывки, как бы вlepенные в здания новых времен.

* Ночью сделалось довольно прохладно, и я должен был несколько раз <приемов> ходить взад и вперед по палубе, чтобы согреться.

** прекрасная; но признаюсь, я ожидал чего-то другого: не знаю, почему <откуда я> вообразил себе, что Палермо расположен амфитеатром по скату гор; в действительности он располагается у подошвы их, на местности довольно ровной. По скатам же высот виднеются издали только отдельные виллы и <или> деревеньки.

*** и принарядиться

**** так что на завтрашний день остается сравнительно немного.

***** и даже госоо.

Вообще я не нашел в Палерме ничего* характеричного и оригинального. Население города почти не отличается от обитателей других городов южной Италии. Сравнительно с неаполитанцами они показались мне только менее шумливыми и назойливыми; здесь, например, туристу не докучают навязчивые извозчики, продавцы разных вещей, нищие**.

Осмотрел я здешний музей. Он*** состоит преимущественно из средневековых вещей, надписей, камней; есть и древние изваяния, — но в небольшом числе и ничего нет в них замечательного. В пинакотеке также очень немного произведений, имеющих ценность художественную. Вообще здешний музей преимущественно интересен для антиквара и археолога.

Закончил я свою прогулку в садах Ботаническом и La Flora (или Villa Giulia). Первый богат экзотическими растениями; кроме пальм разных сортов, в том числе и финиковой, показывали мне банановое дерево, кофейный куст****, папирус и многие другие*****. Притом все вообще растения достигают здесь гораздо больших размеров, чем в нашем климате; так например, видел я датыры в цвету в виде большого дерева*****.

1-го/13-го октября. Воскресение. — *****Сегодня ожидают приезда первого министра Криспи; готовятся чествовать его. Улицы и

* особенно

** хотя <впрочем> должен сказать, что и здесь попадались мне просящие подаяние — но, по крайней мере, они не пристают, не преследуют прохожего.

*** довольно богат

**** бамбук (который и у нас растет)

***** тропические растения, которые немисливо разводить у нас в Крыму.

***** Однако ж садовник, который водил меня (простой рабочий), говорил, что здесь зимой бывает (в ночное время) температура понижается до 7° ниже нуля (конечно, по стоградусному счету, что составляет 5° по Реомюру).

Что касается городского сада (Villa Giulia), открытого публике, — то в нем также есть и пальмы, и другие южные деревья, так же как и во всех других здешних садах.

Обедал в отеле за общим столом (table d'hote). Сегодня в здешнем театре Politeamo идет опера Верди «La forza dee destino»³⁵⁷, хотелось бы послушать музыку, хотя бы и не очень совершенную. Но после <последней> проведенной <бессонной> ночи без сна и утомительного дня благоразумнее пораньше в постель <предаться Морфею>, чтобы укрепить свои силы на предстоящую завтра новую работу <предстоящие завтра новые странствования>.

***** Ранехонько утром разбужен я был выстрелами с Castello, продолжавшимися что-то очень долго. Я, конечно, догадался, что это знак приезда первого министра Криспи, которого почему-то очень чествуют, может быть, отчасти, вследствие недавнего покушения против него и поранения в Неаполе.

суда в порте разукрашены флагами; везде толпы; большое оживление. В Сицилии у Криспи много приверженцев. Придается особенное значение речи, которую он произнесет завтра вечером на банкете пред* многочисленным собранием.

Погода и здесь меня преследует: ночью пошел дождь, продолжавшийся большую часть утра**. Разгулялась погода только к полудню, и тогда вышел я из отеля, с намерением подняться на Monte Pelegrino — гору, высоту в 600 метров (почти 2000 футов), господствующую над городом с северо-западной стороны. До подошвы ее доехал я на извозчике*** ****, а далее пошел пешком. Подъем на гору устроен весьма хорошо; сначала дорога идет зигзагами в виде виадука на арках; потом отлого пролегает по южному скату горы и вся вымощена; посредине уложены ряды плиток, по которым идешь удобно, как по тротуару. По сторонам дороги видел я много людей, что-то искавших между камнями, которыми***** усыпана большая часть поверхности горы; некоторые встречались мне по дороге с корзинами. Я любопытствовал спросить у одного из встреченных, что такое собирают они. Оказалось — улитки, которые идут здесь в пищу. Встречал и охотников с ружьями, да одну группу туристов, поднимавшихся на ослах.

Около двух часов употребил я на подъем до вершины горы, где устроена станция семафора, т. е. телеграфа частью оптического, частью электрического; здесь же производятся и метеорологические наблюдения. С этой высоты открывается обширный вид во все стороны окрестности Палермы — как на плане, так что я мог обозреть все пункты***** предстоящих мне экскурсий. Сильный ветер на вершине горы заставил меня скорее спуститься с нее, так как я был в сильной испарине*****.

* 400-ми присутствующими в Hotel Palmiers.

** так что я должен был отложить до другого дня предполагавшийся осмотр Королевского замка и некоторых замечательных церквей, открытых только до полудня. Однако ж к полудню погода разгулялась, показалось солнце, но воздух освежился. Это время нашел я самым удобным для восхождения на Monte Pelegrino.

*** Кстати, замечу в отношении извозчиков странную особенность Палермы: здесь нет других извозчицких экипажей, как только большие ландо, некоторые парой, а другие даже в одиночку.

**** Проезжая по главным улицам, [видел] улицы и суда в порту <были> разукрашены флагами; везде толпы, большое оживление.

***** покрыта

***** называемые Бедкером

***** (даже на довольно высоком [подъеме] горы, где я успел заметить по своему карманному термометру, была около 25° Ц. (т. е. 20° Р.)).

Сицилия. Современный вид

При начале крутого подъема на самую вершину горы, к семафору, там, где кончается* мощеная дорога, находится известный грот Св. Розалии — особенно чтимой в Сицилии. Тут же несколько домов для жилья священнослужителей, сторожей, а также персонала семафора. Пещера довольно обширная, со сталактитами, вошла в состав церкви, роскошно устроенной в былое время. В самой пещере богатый алтарь, под которым сквозь золоченую решетку показывают мраморную статую святой, в дорогой парчовой одежде, украшенную драгоценными камнями. Темнота в гроте** придает этой часовне какую-то таинственность. Здесь*** поражает посетителя странное сочетание былой щедрости ревностных католиков на**** украшение своих святынь с крайнею небрежностью сохранения их в наше время. Часть***** старинной роскошной часовни*****

* хорошая каменная

** и гробовые голоса чтецов молитв

*** бросается в глаза

**** роскошные

***** крыши

***** обвалилась

остается открытою, без крыши, и потому* сильно повреждена: фрески и мозаика на стенах уже едва** видны, рельефные изображения и карнизы обвалились. С упразднением в Италии и Сицилии монастырей³⁵⁸ мало-помалу рушатся все вообще*** многочисленные часовни, киоты, распятия, статуи святых, которые в прежнее время воздвигались на дорогах и перекрестках. Монахов и монахинь теперь видно гораздо меньше, чем прежде.

Спустившись довольно быстро с горы, я**** возвратился в город пешком. Вечером слушал в театре Politeamo (Гарибальди тож) оперу «Lucia de Lamermoor», исполненную весьма удовлетворительно***** для провинциального театра и настоящего сезона. Неприятна только невежественная и грубая публика задних и верхних рядов.

2-го/14-го октября. Понедельник. — Хозяин отеля Signor Ragusa, любезный молодой человек (обыкновенно сидящий за общим обеденным столом на хозяйском месте), уговорил меня***** предпринять экскурсию за город в Monreale. Я последовал совету***** и подярился извозчика на всю поездку, с остановками и заездами по пути. Проезжая по городу, я осмотрел несколько церквей, замечательных по сохранившимся в них остаткам арабских и норманских времен, а также по явным следам византийского влияния. Иные из этих церквей очевидно превращены в христианские храмы из мусульманских мечетей, в иных же сохранилась хорошо византийская мозаика, совершенно сходная с тою, которая уцелела в наших русских старинных церквях. В этом отношении особенно любопытны: большая церковь Martarana³⁶⁰ (в которой приступлено к реставрации) и Capella Palatina в замке (или дворце Palazzo Reale)³⁶¹. Небольшая, но

* на стенах в середине

** проглядывают

*** сооруженные в прежние времена на дорогах и перекрестках.

**** Прошел пешком до самой середины города, до площади Ruggiero Se[tti]mo, на которой находится театр Politeamo (Гарибальди тож), чтобы узнать какая сегодня дается опера вечером, и, увидев на афише «Lucia de Lamermoor»³⁵⁹, я взял билет в кресла. Представление здесь начинается в 8 1/2 часа, так что трудно успеть к началу с позднего обеда. Выслушал я оперу с удовольствием, как старую знакомую, которая несколько уже вышла из памяти.

***** а примадонна заслужила большие овации.

***** взять экипаж и сделать поездку за город в сторону Monreale. Погода утром была ясная и не очень жаркая.

***** с тем однако ж условием, чтобы извозчик обязался (всего за 8 fr.) завозить меня по пути в некоторые места как в самом городе, так и за городом, которых не успел я видеть. Программа моя была исполнена в точности.

богато отделанная внутри церковь S. Salvatore построена в виде греческого креста (в плане, а не овально, как говорит Бедкер). Есть даже одна церковь (конечно, католическая) с иконостасом (S. Nicco dei Greci)*. По всему заметно, что католическое духовенство в Италии всячески старалось в течение многих веков** искоренять в католических храмах следы первоначального типа церквей христианских, удержавшегося в Восточной церкви; только здесь, в Сицилии, не успело оно достигнуть своей цели вполне. В здешней стране как-то тверже отпечаталось влияние*** разных пришлых национальностей, последовательно сменявших друг друга: финикийцев и карфагенян, греков, римлян, арабов, норманнов, испанцев и других. Сохранились в некоторых местах надписи на нескольких языках: греческом, латинском, арабском.

Я упомянул уже о Capella Palatina, входящей в состав замка или дворца. Обширное это здание так же любопытно, как соединение построек разных веков и разных стилей. Мне показывали парадные залы и внутренние комнаты королевские, так называемые Stanze di Ruggero, обсерваторию, и проч. Вторично входил в Собор (Duomo), внутренность которого обширна, но представляет очень простую отделку, без всякой роскоши****.

Городок Monreale (или Montereale) находится в 7 километрах от Палермо, к юго-западу, на скате гор. В нем сохранились многие остатки отдаленной старины. Громадный и роскошный храм весьма замечателен³⁶²: все стены его и купол покрыты хорошо сохранившеюся (частью реставрированной) византийскою мозаикой, по золотому фону. Любопытен также внутренний квадратный дворик бывшего здесь монастыря: все четыре стороны его состоят из красивых мраморных аркад, поддерживаемых парными колонками, чрезвычайно тщательно выделанными, с мелкою узорчатою резьбой. Замечательно, что из 108 парных колонн нет двух пар одинакового узора.

На возвратном пути из Montereale, заехал я в Капуцинский монастырь, где можно видеть весьма странное кладбище: покойники, по существующему здесь древнему обычаю, не погребаются в земле; трупы их высушиваются, и скелеты, прикрытые одеждою, соответствующею состоянию и званию покойника, хранятся в галере-

* мне сдается, что

** сглаживать

*** стольких

**** В нескольких местах приходилось мне сталкиваться с двумя приезжими министрами, морским и путей сообщения, по-видимому, ездившими, как и я, для осмотра достопримечательностей города.

ях, в несколько ярусов, одни стоя, другие в лежачем положении*. Из-за надетой на скелеты одежды открыты только костяки голов. Станный этот обычай хранения скелетов отживших поколений открыто, в разнообразных нарядах, производит неприятное** впечатление.

Зато провел я несколько минут с удовольствием в небольшом, но прекрасном саду виллы Tosca. Здесь можно видеть, так же как и в Ботаническом саду, много интересных экзотических растений. В окрестностях Палермо обилие садов, состоящих преимущественно из апельсиновых и лимонных деревьев. Сады эти должны быть прелестны в весеннее время, когда воздух пропитан ароматом. Вдоль дорог, расходящихся от Палермо по всем направлениям, тянутся на довольно далекое расстояние непрерывные ряды домов, так что предместья эти составляют длинные улицы, более похожие на городские, чем*** у нас в самых городах.

Не успел я возвратиться домой****, как снова собрались грозные тучи и пошел дождь*****. Воспользуюсь остатком дня, чтобы подготовиться к отъезду отсюда завтра рано утром.

3-го/15-го октября. Вторник. Сиракузы. — Выехал я из Палермо со скорым поездом железной дороги в 8 часов 20 минут утра. Вагоны 1-го класса переполнены; я поместился в вагоне-салоне (или вагоне-спальне, sleeping-car) с небольшою приплатой. Здесь неожиданно попал я в общество итальянцев, приехавших в Палермо собственно на вчерашний банкет, и, разумеется, во всю дорогу не было между ними другого разговора, как о Криспи и его речи, появившейся сегодня в печати.

Железная дорога***** пролегает чрез средину острова Сицилии, по стране***** пустынной и не представляющей ничего замечательного. Горы здесь не высоки, но весьма каменисты и большую часть бесплодны. В населении не попадалось мне ни одного ти-

* они одеты, как живые

** зрелище

*** в наших русских городах

**** (около 1 часа пополудни)

***** Я вынужден отказаться от предположения пройтись еще по некоторым местам города, которых не удалось видеть. Досадно, — но все-таки я должен быть доволен и тем, что видел; я ознакомился с Палермой, сколько это было возможно в три дня, с любым городом, особенно при такой переменчивой погоде.

***** по которой я ехал

***** довольно

пичного лица^{*}, ни местного сицилийского костюма. Так уже суждено всей Европе уединообразиться; различные национальности мало-помалу^{**} утрачивают свою типичность.

С приближением к Катании открывается издалека весь профиль Этны. Железная дорога обгибает с юга ее подошвы, оставляя вправо обширную равнину до самого моря. На всех станциях видны большие груды серы, добываемой в ближайших горах.

Во втором часу дня прибыл в Катану и отправился в Grand Hôtel de Catane — тот самый, в котором я останавливался в 1870 году^{***}; в первую мою поездку вместе с дочерью Ольгой. Тогда эта гостиница была только что открыта. Теперь я заехал в нее на одну минуту, только для того, чтобы оставить там свой багаж и сейчас же ехать налегке в Сиракузы и Мальту. На железнодорожной станции встретил меня курьер отеля неистощимую болтовней; но я был разочарован, найдя прежний роскошный Grand Hôtel уже обветшалым, грязным и^{****} к тому же совсем пустым, почти без прислуги и без всякого другого персонала, так что я с трудом добился чашки чая с черствым, плохим хлебом. Оказалось, что не наступил еще сезон открытия отеля; словоохотливый курьер уверял меня, что я попал как раз накануне открытия. Я решил на его ответственность оставить свой чемодан и возвратился на станцию железной дороги.

Около 3-х часов пополудни продолжал я путь в Сиракузы. Он следует на всем протяжении вдоль морского берега. Вправо скиты высот уже не так бесплодны и пустынные, как во внутренней части острова: тянутся сады, виноградники, поля маиса; но местами и тут земля остается^{*****} впусте. По морскому берегу во многих местах добывается соль; промысел этот особенно значителен поблизости оригинального городка Augusta, на выдающемся в море узком мысу.

Уже смеркалось, когда поезд подошел к станции Сиракузской, находящейся вне города. Последний лежит на полуострове, отрезанном от твердой земли двумя широкими рвами, прорытыми еще в древние времена чрез узкий перешеек, для усиления обороны укрепленного города. Теперешний город составлял в древности только меньшую часть Сиракуз, род цитадели; большой город, также обнесенный массивною стеной, занимал обширное пространство на возвышенной площадке твердой земли, к северу от тепе-

* нигде не видно

** теряют свою специальную типичность

*** только что вновь открытым и весьма блестящем

**** и что еще для меня было неприятнее

***** без культуры

решних Сиракуз. Здесь-то и сохранились главные руины, дающие понятие о величии и изяществе Сиракуз в цветущую эпоху этой греческой колонии, т. е. за пять веков до Р. Х.

В Сиракузах остановился я в гостинице «Vettoria», считающейся первою в городе; но первая гостиница в таком городке, как Сиракузы, конечно не то, что называется первоклассным отелем в больших городах Западной Европы*. Albergo Vittoria — осталась тем же, что были в старые времена итальянские гостиницы: не очень чистая, не комфортабельная; с плохую кухней**.

4-го/16-го октября. Среда. — С 8 часов утра выехал я из города до тех мест, где находятся главные остатки древних Сиракуз. Здесь я отпустил своего возницу и по обычаю своему пошел пешком осматривать руины. Ближайшие от города, на низменности, остатки древнего, довольно обширного здания, почему-то названы «Римским гимназиумом»; но самые замечательные руины сгруппированы несколько далее, на возвышенной равнине. Тут хорошо сохранившийся амфитеатр, греческий театр***³⁶³, водопроводы и две обширнейшие каменоломни (latomia)³⁶⁴. Из последних существует ход в подземные галереи, которым присвоено название «Дионисиева уха», вследствие легенды, будто бы эти подземелья служили местом заключения и по своей конструкции давали возможность слышать в данном месте каждое слово, где бы оно ни было произнесено заключенными, хотя бы вполголоса. И теперь в этих подземельях существует сильный резонанс всякого звука. Все другие сохранившиеся остатки древности, сравнительно с названными****, менее замечательны. Более отдаленные очевидно составляли оборонительные постройки или части стены, окружавшей город с сухопутной стороны. Замечательно, что между ближайшими от теперешнего города руинами, на низменной площадке, там, где

* Hôtel Vittoria в Сиракузах и не может равняться с этими роскошными отелями, которые балуют путешественника своими удобствами и комфортом.

** При том надобно принять в соображение и теперешний сезон, когда все гостиницы в южной Италии совсем пусты.

*** (постройка, называемая Тероновым алтарем (вернее, храмом)).

**** не имеют особенного значения, кроме разве находящегося близ самого города на низменности обширного здания, которому ученые присвоили наименование «Римского гимназиума». Более отдаленные развалины я не осматривал, потому что они несом[ненно] составляли лишь части городской стены и ее укреплений. Замечательно, что в сиракузских руинах уцелели только немногие отбитые капители и [антаблimenty] колонн, устояла же во всю свою вышину только одна колонна, в низменной части, где предполагается древний рынок «агога».

предполагается древний рынок (агога) уцелела единственная колонна во всю свою высоту, даже с капителью.

Кроме древних греческих руин, осмотрел я и средневековый монастырь S. Giovanni, при котором показывают пещеры или катакомбы первых веков Христианства; церковь S. Lucia, построенную из материалов древнего храма, и поблизости ее осьмиугольный «батистерий».

После утомительной прогулки, под палящим солнцем, возвратился я домой, чтобы отдохнуть и позавтракать; а потом снова пошел бродить по городу: осмотрел в самой середине города остатки древнего храма Дианы (а по другим Аполлона), Собор — построенный в средние века из материалов древнего храма*; наконец, музей, только что вновь устраиваемый из собранных на месте остатков древности. Кроме этих немногих достопримечательностей, самый городок Сиракузы в настоящем виде не отличается от других небольших городов южной Италии и Сицилии. Впрочем, и здесь уже замечаются начала работ для переустройства города по современному шаблону. По набережной большого порта устроен уже красивый бульвар, среди которого старинный родник мифологической нимфы Аретузы образует полукруглый бассейн, обсаженный папирусом. В центральной части города строится обширный театр. С разных точек старинных крепостных стен открывается красивый вид на весь залив и на отдаленные горы Сицилии.

После весьма непритомливого обеда, собираюсь в путь на пароходе, отходящем в 11 часов ночи в Мальту.

5-го/17-го октября. Четверг. Мальта. — Пароход, содержащий ныне рейсы между Неаполем и Мальтой, оказался тем же самым «Пакино» (Pachino), на котором пять месяцев тому назад я шел из Патраса в Бриндизи. Лишь только я вошел вчера на пароход, сейчас же узнал меня старший прислужник (cameriere), а сегодня и сам капитан (Vechino) обратился ко мне весьма любезно, как к старому знакомому. Пароход, конечно, остался таким же, каким был; только кухня, как мне показалось, несколько улучшилась.

Переход из Сиракуз до Мальты был совершенно спокойный; я спал в каюте один, благодаря протекции знакомой прислуги. Однако ж я нашел, что даже и одному далеко не комфортабельно в тесной клетке, перегородженной на четверых. К рассвету мы были уже в виду Мальты. Пред нами предстал город Лавалет**. Вид с па-

* Замечательно, что колонны, вделанные в стены Собора, совершенно того же стиля, как в храмах Пестума.

** с его грозными на вид укреплениями.

Мальта. Современный вид

рохода грандиозный, внушительный. Город громоздится амфитеатром, несколькими отдельными группами, по крутым скатам высот, окаймляющим глубокие бухты, берега которых закованы в массивные, грозные каменные укрепления. Местоположение очень напоминает Севастополь: такие же бухты, разветвляющиеся и глубоко врезающиеся вовнутрь берега; такие же крутые, в иных местах даже отвесные, беловатые и бесплодные высоты; такая же белая, мелкая, разъедающая глаза пыль.

Но только на этом топографическом положении и останавливается мое сравнение. Когда я вышел на берег и взяв, в виде исключения, подвернувшегося мне проводника (гида), пошел бродить по городу, — я увидел, что он ничего не имеет похожего на наш знаменитый Черноморский порт. Здесь, в центральной части города, обнесенной старою, сплошною стеной, теснятся солидные, многоэтажные дома* ; улицы благоустроенные, хорошо вымощенные, с тротуарами. Везде, куда ни обернешься, бросаются в глаза грозные твердыни**, вооруженные артил-

* постройки тянутся по обеим сторонам улицы, взбирающейся с нижних приморских кварталов все кверху, на высоты

** хотя они и не соответствуют уже условиям современной фортификации, тем не менее

лерию большого калибра; во многих частях своего протяжения эти укрепления высечены в естественной скале. Город, стесненный укреплениями, как громадным кольцом, разрастается вне его, во все стороны, образуя как бы предместия на верхних плоскогорьях*.

В центральной части города сохранилось много зданий напоминающих орден Св. Иоанна Иерусалимского. Такими наглядными памятниками обилует Собор и бывший Рыцарский замок, обращенный ныне в жилище английского генерал-губернатора. В нем помещается музей, в котором собраны разные, относящиеся ко временам Мальтийского ордена, вещи, оружие, доспехи, знамена, грамоты. Среди этих воспоминаний прошлого, напрасно искал я какой-либо, хотя бы мелкой черты той короткой эпохи, когда титул гроссмейстера принял император Павел³⁶⁵. Входил я и в библиотеку, совершенно доступную всем желающим ею пользоваться. Видел и те здания, которые некогда принадлежали разным отделам ордена по нациям; на них и теперь сохранились гербы, надписи, эмблематические украшения; но помещаются в них английские офицеры, полковые клубы (mess) или учреждения английской администрации.

В самом населении города не нашел я ничего** своеобразного. Оно не отличается от населения всей южной Италии и Сицилии; но еще реже, чем там, встречаются красивые лица, как женские, так и мужские; заметно здесь еще большее смешение рас и разнообразие языков; преобладает итальянский говор, но слышатся также греческий, арабский, испанский, еврейский; официальный же язык — английский. Восточный элемент проявляется гораздо в меньшей соразмерности, чем я воображал себе. В *костюмах* здесь можно подметить одну лишь особенность — что женщины покрывают голову и плечи каким-то черным и некрасивым капюшоном***.

Обойдя почти все улицы и закоулки центрального города, я решил предпринять поездки в другие, более отдаленные предместия или в окрестные местности, опасаясь опоздать к отходу парохода****. Я имел билет для обратного проезда в Катану на том же пароходе «Пакино», на котором прибыл в Мальту.

* с центральной части города, обрамленной с обеих сторон бухтами <порта>, за этими бухтами вырастают новые города в виде предместий.

** особенного

*** вовсе не придающим грациозности испанского черного покрывала.

**** Снялись мы с якоря в 6 часов вечера.

6-го/18-го октября. Пятница. Катана. — Вчера пароход «Пакино» отчалил от Мальты в 6 часов вечера, когда начинали скопляться грозовые тучи и весь горизонт кругом беспрестанно освещался сильною зарницей. Ночью же разразилась сильнейшая гроза; несколько раз молния ударяла так близко от парохода, что всплески воды окачивали его. Капитан опасался беды и на некоторое время приостановил ход*. Я лег спать не раздеваясь, не в своей каюте, а на диване в рубке над палубой, в том же самом углу, где провел обе ночи пути из Патраса в Бриндизи.

К утру погода разгулялась. Переход наш до Сиракуз, а потом от Сиракуз до Катаны, совершился совсем спокойно, с опозданием лишь на несколько минут**. Приехав около полудня в Grand Hôtel de Catane, я был встречен на этот раз самим хозяином, одним из братьев Ragusa, которым принадлежат и оба главные отеля Палермы: «des Palmes» и «Trinacria». В отеле уже занято несколько номеров, заведен кое-какой порядок и даже общий стол (table d'hôte), чего нет еще в теперешнее время года в большей части отелей на юге.

Переодевшись и переждав часы самого сильного жара, я по своему обыкновению пошел бродить по городу. Прошел по главным его улицам; заглянул в Собор, где назойливый custody почти насильственно овладел мною и повел по всему храму, показывая и объясняя все его достопримечательности, преимущественно же изображения и воспоминания трагической истории Святой Агаты — покровительницы города Катании. Затем он же повел с фонарем в подземелия под Собором и частью под площадью (Piazza del Duomo), заключающие в себе остатки древних терм. Мне удалось сегодня же видеть другие, более значительные древности: греческий театр и при нем особый отдел, названный Одеоном. Эти остатки глубокой древности открыты только отдельными клочками, по которым, однако же, можно заключить об обширности древнего сооружения, погребенного под током лавы. Над греческими постройками*** сохранились римские надстройки, а местами те и другие заглушены новыми жилыми домами.

19 лет тому назад, в бытность в Катании****, я видел начало предпринятых тогда колоссальных работ для приведения города

* Тем не менее качки не было, и когда гроза миновала, «Пакино» снова пошел своим ходом, запоздав в Катанию на несколько...

** День опять прекрасный, а на берегу очень жаркий.

*** местами

**** с Олей

в благообразный вид, для выпрямления улиц, для устранения крутизны некоторых из них. Вспоминая эти начала, я* полагал найти в Катании уже вполне нарядный, блестящий город, по образцу других, вновь обстроенных больших городов Европы. Ожидания эти, однако ж, не вполне оправдались: хотя некоторые части города действительно обстроились, улицы выровнялись и хорошо вымощены, возведены красивые здания, — и все-таки Катания сохранила физиономию второстепенных городов южной Италии. Одна перестройка города не может вызвать его к новой жизни, если не вызывают к тому условия самой жизни.

7-го/19-го октября. Суббота. — С 8 часов утра до часа пополудни опять бродил по городу для осмотра всего, что не успел видеть вчера. Входил в большую церковь S. Nicolo бывшего Бенедиктинского монастыря и в** другие. Некоторые из этих церквей, очевидно, строились на развалинах древних построек; у иных остались части старинных стен, не*** обезображенные новыми прикрасами.**** Прошел я по всему протяжению прямой и длинной улицы «Etnea», направленной прямо на вершину***** вулкана. В 1870 году, мы (с дочерью Ольгой) присутствовали, можно сказать, при зарождении этой улицы, которая теперь самая красивая в Катании. На некоторых других, планированных в то же время, улицах до сих пор существуют дома, стоящие выше уровня улицы и доступные только по ступеням, высеченным в поддерживающей их лаве. Есть и такие, куда влезают по приставленным лестницам*****. Но таких домов не много*****; это почти исключительно бедные постройки, которые постепенно будут сноситься и заменяться новыми.

В дальней части улицы Etnea, на высоких буграх лавы, разбит теперь прелестный сад, названный Villa Bellini. Знаменитому этому композитору, как уроженцу Катаны, воздвигнуто здесь несколько

* имел основания ожидать

** в некоторые другие церкви, — не представляющие, впрочем, ничего любопытного.

*** не прикрытые новыми безвкусными прикрасами.

**** между прочим

***** Этны

***** Но в большинстве домов, окаймляющих улицы, в углубленных частях улиц, подстроены нижние этажи.

***** Они, вероятно, в короткое время постепенно исчезнут и заменятся новыми постройками.

памятников, кроме надгробного в Соборе. С некоторых точек сада открывается обширный вид на Этну и ее скаты. Посидев несколько времени в тени прекрасных экзотических деревьев, я пошел далее и осмотрел Ботанический сад, где еще более нашел новых для меня растений.

Для обзора собственно города Катаны слишком много посвятить два дня. Возвратившись в отель довольно рано, я раздумывал — не предпринять ли какую-нибудь поездку за город, например, к одному из ближайших кратеров Этны. Но колебаниям моим скоро положен был конец: все небо вдруг заволокло тучами и пошел дождь, продолжавшийся до самого вечера.

8-го/20-го октября. Воскресение. Мессина. — *Утром, в ожидании часа отхода поезда в Мессину, я прошелся еще раз по главным улицам Катаны, на прощание с нею, вероятно уже навсегда, и выехал в 2 часа пополудни. Погода с утра серая, в течение дня несколько раз прояснялась и снова хмурилась. Дорога от Катаны до Мессины пролегает на всем протяжении вдоль морского берега, между виноградниками и фруктовыми садами (почти исключительно из апельсиновых и лимонных деревьев, да изредка оливковых). Вся береговая полоса у подошвы Этны покрыта лавой, которая в течение времени разрыхляясь, составляет весьма благоприятную почву для виноградных лоз. Среди зелени разбросано множество отдельных жилых домиков и вилл. Самый замечательный пункт по своему живописному местоположению — это Таормина — городок, под которым железная дорога проходит тоннелем. В Таормине есть и замечательные остатки древних построек; между прочим, театра греко-римского. Отсюда уже показывается берег Калабрии, а ближе к Мессине — можно простыми глазами ясно видеть Реджио и другие береговые пункты пролива.

Приехав в Мессину около 4-х часов пополудни, я поместился в гостинице «Vittoria»**, на самой набережной порта (Corso Vittore Emanuele). Чтобы иметь вид на море и вместе с тем избежать по возможности отвратительного воздуха, свойственного всем вообще портам, я выбрал себе комнату в третьем этаже; однако ж зловоние доходит и сюда. Зато какой чудный вид на пролив Мессинский; на противоположный Калабрийский берег, с

* Вторую ночь не мог спать от назойливых мушек и комаров. Это общее неудобство в всех приморских местностях, но нигде еще не был я так искусан, как здесь в Катане.

** считающуюся здесь первую

его белеющими городками и местечками, разбросанными у подошвы и на скатах гор*. Долго сидел я у окна, любуясь этим видом, при освещении последними лучами заходящего солнца. Вместе с тем невольно наблюдал и за происходившим внизу, на самой набережной.

По случаю воскресения на улицах вообще, а на набережной в особенности, много праздного народа. Прямо под своим окном вижу довольно многочисленную группу людей (конечно, низшего класса), расположившихся кружком на импровизированных скамьях; они слушают внимательно и с живым участием чтеца, который в середине кружка громогласно декламирует, по-видимому, какую-то драматическую пьесу, размахивая руками и становясь в патетические позы. Влево, несколько поодаль, — другая, более многочисленная толпа собралась смотреть какого-то скомоороха. Уже начинало темнеть; чтец окончил свою декламацию и собирал медные деньги, обходя своих слушателей; едва отошел я от окна, как услышал крики и шум на набережной; в собравшейся новой толпе** произошла какая-то сумятица; все галдели, а в середине толпы заметна была даже потасовка. Не мог я ничего разобрать в этом хаосе; видел только, как вдруг толпа хлынула в сторону и как полицейский солдат, с обнаженным тесаком, гнался за убегающим от него мальчуганом. Все эти сцены напомнили мне прошлые времена Неаполя, когда он был еще своеобразным царством лазарони.

В 6 часов вечера звонок возвестил обеденное время. Отель «Виттория», считающийся одним из перворазрядных, остался, однако же, при старых порядках итальянских albergo: плата установлена оптом, считая и помещение, и продовольствие, на положении так называемых «пенсионеров». За общим столом собралось человек до пятнадцати — число не малое для настоящего времени года, когда большею частью отели стоят пустыми. Сезон открытия отелей начинается здесь лишь с 1-го ноября.

9-го/21-го октября. Понедельник. — Мессина, кроме своего местного положения при входе в пролив и кроме коммерческого движения в порте, представляет для туриста*** мало замечательного, еще менее чем Катана. С 8 часов утра до полудня я обошел**** весь город и даже поднимался по грязным закоулкам до Villa

* как на ладони

** произошло какое-то столкновение

*** еще менее достопримечательностей

**** все, что указывается у Бедекера в пределах города.

Росса Guelfonia, откуда* открывается обширный вид как на самый город, так и на господствующие над ним горы и на оба берега пролива. Заходил я в красивый сквер «Fiora», где много прекрасных экзотических деревьев. В Мессине мало сохранилось остатков старины: в Соборе и в некоторых других церквях уцелели только немногие обломки норманской готической архитектуры, но и те заслонены безобразными пристройками и надстройками стиля рококо, а внутренность всех церквей переделана на общий лад католических построек XVII и XVIII столетий. Отделка внутренняя в иных очень роскошна, например, в Соборе, в церкви Св. Николая, да еще в некоторых других; все пилястры и стены облицованы красивой мраморной мозаикой, в виде белых арабесков по темному грунту.

Набережная (Corso Vittore Emanuele) составляет непрерывный ряд зданий, выстроенных под одинаковую высоту и в одинаковом стиле; — она производит большой эффект, когда видишь Мессину с парохода. В середине же города обстроены новыми зданиями только три улицы: Via Garibaldi, Corso Saviour, Via Gardines. Тут и лучшие магазины и все удобства новых европейских городов. Но лишь только сойдешь в сторону, разом попадаешь в узкие, грязные и вонючие переулки** старого города***.

**** **11-го/23-го октября. Среда. Бриндизи.** — Вчера оставался я в Мессине все утро дома, в ожидании часа отхода парохода****, поддерживающего сообщение между обоими берегами пролива. Пароход отходит ежедневно в 4 часа дня; переезд обставлен всеми удобствами для путешественника: в агентстве берется би-

* действительно

** старых итальянских городов.

*** Я мог бы сегодня же выехать из Мессины с пароходом, отходящим в Реджио ежедневно в 4-м часу дня; но в таком случае мне пришлось бы остаться лишний день в Бриндизи, и, стало быть, я не выиграл бы ничего. Предпочитаю лишнее время оставаться здесь у своего окна, любуясь прекрасною картиною Мессинского пролива.

**** *В подлиннике первоначально текст 11/23 октября писан автором карандашом, в том числе авторская правка карандашом.*

Эта запись впоследствии была переписана Д.А. Милютиным чернилами с приложенной им записью: «Взамен двух, писанных карандашом листков 132-го и 133-го». В тексте публикации приводятся авторские редакторские правки и вычеркнутые Д.А. Милютиным части по тексту переписанному чернилами. — Прим. публ.

***** В Реджио ходить жарко, да и замечательного ничего нет в городе.

лет прямо до места назначения (Неаполя или Бриндизи); багаж отправляется самим агентством, с избавлением пассажира от всяких таможенных дрязг*. В Реджио путешественник выходит на пристань, где уже ожидает железнодорожный поезд, отходящий немедленно от порта. К сожалению, итальянцы не могут похвастаться аккуратностью в часах: пароход наш, в ожидании прибытия железнодорожного поезда с почтою из Палермы и Катаны, отчалил целым часом позже назначенного времени, а потому прибыли мы в Реджио уже в сумерки, так что здесь, кроме городской набережной, ничего другого не удалось мне высмотреть.

Железнодорожный поезд, обогнув вдоль набережной весь город, остановился на продолжительное время у главной или центральной станции, откуда тронулся далее, когда было уже совсем темно. Дорога идет большею частию по самому взморью, у подошв гор, прорезывая их несколькими тоннелями**. На рассвете поезд подошел к Metaponte — станции, где расходятся дороги в Неаполь и в Бриндизи. Прошел добрый час в ожидании неаполитанского встречного поезда и в пересоставлении поездов. Мы двинулись далее целым часом позже назначенного по расписанию, когда солнце совсем уже всплыло над*** поверхностью моря****.

От Metaponte до Бриндизи дорога пролегает по местности равнинной и открытой, частию вдоль песчаных дюн береговых, частию между вспаханнами полями, усаженными оливковыми деревьями. Как уже прежде было замечено мною, в Италии более всего поражает путешественника (особенно русского) большое число городов и местечек, в близком друг от друга расстоянии. На коротком протяжении моего пути промелькнуло то с одной, то с другой стороны дороги несколько таких городков, расположенных большею частию на высотах, с остатками старинных стен и замков, с куполами церквей, а в промежутках между ними — белеются разбросанные отдельные виллы и фермы. Горы виднеются только вдали. Самый за-

* Переехав на пароходе чрез пролив в Реджио

** Почти во всю ночь довелось мне быть одному в целом отделении вагона, только пред рассветом вошли два итальянца, которые сейчас же растянулись и захрапели. Едва начинала брезжить утренняя заря, когда поезд подошел к Metaponte.

*** горизонтом.

**** мне опять посчастливилось сидеть во всю дорогу в одиночестве.

мечательный из виденных городов — Таранто расположен на узкой косе, отделяющей обширный залив, похожий на озеро, от открытого моря. Об этой местности говорил мне Немирович-Данченко; он восхищался Тарантом и советовал мне остановиться тут на день или два, но признаться, я не совсем доверяю его восхищению; он также восторгался и здесь в Бриндизи, где я, со своей стороны, не нахожу решительно ничего привлекательного.

В Таранто отделяется от железной дороги ветвь прямо на Бари — городок, знакомый нашему русскому богомольному люду, как место, где покоятся мощи Николая Чудотворца. Ничем другим он не замечателен, а потому посещение его и не вошло в мой план путешествия.

Приехав в Бриндизи около 9 часов утра и несколько оправившись, я пошел бродить по городу, уже мне знакомому; зашел на телеграф, чтобы послать весть о себе в Крым; потом в агентство пароходства, чтобы взять билет на итальянский пароход, отходящий сегодня в ночь в Константинополь, и наконец, побывал на самом пароходе, чтобы заранее высмотреть для себя помещение на предстоящие пять ночей, которые придется провести в этом подвижном жилище*.

16-го/28-го октября. Понедельник. В Золотом Роге, на пароходе «Владимир». — После пяти дней и пяти ночей, проведенных на плохом и грязном итальянском пароходе, добрался я, наконец, до нашего русского прекрасного парохода и чувствую себя почти как дома, в опрятном, комфортабельном помещении, с привычною пищею, среди людей, говорящих на родном языке.

Но возвращусь несколько назад и расскажу последовательно, как добрался сюда от Бриндизи.

В Италии не гонятся за аккуратностию и** не дорожат временем, а потому как на железных дорогах, так и на морских путях почти никогда не соблюдаются часы отхода и прибытия. В ночь с 11-го на 12-е число пароход «Selinunto» должен был отойти от набережной Бриндизи в полночь; вместо того, под предлогом запоздания почты, снялся с якоря только в 2 часа ночи***. Погода была вполне благоприятная и пароход шел совершенно спокойно****.

* После обеда в отеле за общим столом (в 7 часов вечера) отправился я на пароходе «Selinunto», который должен сняться с якоря в полночь.

** и точностью во времени

*** как всегда предлог запоздания почты.

**** К полудню сделалось даже жарко.

Пассажиров много* ; с некоторыми из них завязались у меня разговоры. В числе** их был английский (вернее шотландский) лорд Dunmow с дочерью; он ехал в Корфу, где проводила лето его семья. Незадолго до прибытия нашего в Корфу, лорд, узнав кто я, сам подошел ко мне и очень любезно объяснил свое желание познакомиться со мною, вспоминая о моей дочери, бывшей фрейлине покойной императрицы Марии Александровны, при которой она находилась во время пребывания императрицы в Англии по случаю первых родов принцессы Эдинбургской Марии Александровны***³⁶⁶. Лорд Денмур в родстве с покойными князьями Воронцовыми, был в дружеских отношениях с князем Александром Ивановичем Барятинским, припоминал свое пребывание в Тифлисе в 1859 году и охоту в Караязской степи. С приходом парохода в Корфу, мы распростились, выразив обоюдно сожаление о том, что встреча наша была так непродолжительна.

В Корфу сошли также с парохода и многие другие из моих спутников**** ; взамен их набралось еще более пассажиров из местных греков, с целыми семьями; но большею частию они поместились во 2-м классе, так что я остался и на вторую ночь один в каюте. Только при таком условии и возможно пользоваться каютой на итальянских пароходах. В Корфу простояли мы часа три; я не сходил на берег: было жарко и ничего нового я не нашел бы там. Вышли мы из Корфу около 4-х часов дня. Наступил чудный вечер; пароход скользил нечувствительно по глади морской. Постоянно видны были — с одной стороны — бесплодный, обнаженный и пустынный берег Эпира и Албании, с другой — острова Ионические, на которых заметно более растительности и жилья.

* но большинство из них ехало только до Корфу. На этот раз, как-то случайно, завязались у меня разговоры с некоторыми из ехавших в первом классе до Константинополя. Один из них, еще молодой человек, отрекомендовался сам, назвав себя доктором [Vibguer] сыном мекленбург-шверинского землевладельца и генерала германского; он некогда состоял при Германском консульстве в Салониках и теперь хлопочет по случаю предстоящего брака с девицею из Салоник. Другой молодой человек, с которым я также познакомился, — был швед, — Gegeer, секретарь посольства в Константинополе, женатый на дочери тамошнего английского посла. Еще ехал с нами до Пирея корреспондент газеты «Times», англичанин [...], которому поручено редакцией газеты доставить известия о предстоящих празднествах в Афинах.

** пассажиров [спутников наших]

*** разговорившись, лорд Денмур прибавил, что он в родстве...

**** в числе которых было несколько commivoageurs.

Точно так же продолжалось наше плавание и весь следующий день — в пятницу 13/25 числа. Такое морское путешествие было бы истинным наслаждением, если б только пароход был не так грязен, как наш *Selinunte*, если б на нем было хоть несколько более удобств для пассажиров. От нечего делать я читал роман Немировича-Данченко «Исповедь женщины», поднесенный мне самим автором в Сорренто. Действие в этом рассказе происходит отчасти в Крыму, именно в Симеисе, отчасти на Кавказе и за границей. Вот это и заинтересовало меня. Автор, по моему мнению, не лишен таланта; но неуместно растягивает свой рассказ вставкою длинных описаний местностей, картинами природы и слишком цветистыми фразами. Почти на каждой странице пользуется он всяким случаем, чтобы вклеить что-нибудь из путевых своих впечатлений.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда мы обогнули мыс Матапан. Я вспомнил рассказы о пустынноике, который будто бы на этом мысу раскланивается всем проходящим мимо судам. Оказалось, что действительно существует такой чудак и доньне; но только не на мысе Матапане, а близ другой, выдающейся к югу оконечности Мореи — на мысе Малиа. Мне даже указывали с парохода на огоньки видные на берегу в том месте, где полагают жилище таинственного пустынноика. Несколько далее, уже поздно вечером, прошли и маяк на названном мысу.

В субботу 14/26 октября, на рассвете, вошли мы в Пирейскую гавань. Направо и налево — видно было большое число военных судов разных наций; везде замечались приготовления к предстоящей в тот день торжественной встрече императора и императрицы Германских. Дома в Пирее были разукрашены флагами; с раннего утра на набережной уже собирались * группы народа. Говорили, что приезд высоких гостей ожидается около 10 часов утра. Я задумался: удобно ли будет мне в такой день ехать в Афины, где намеревался я посетить своих знакомых в нашем посольстве и еще раз бросить взгляд на Акрополь. Чтобы решить свои сомнения, я отправился на русский стационар в Пирее «Черноморец»**, к капитану Смирнову, с которым познакомился в первый свой приезд в Афины у Бахметьевых. Из полученных от Смирнова сведений о предстоявших в тот день встречах и церемониях я убедился, что поездка моя в Афины была бы совершенно неуместна и решил остаться на «Черноморце» во все время стоянки нашего итальян-

* кучки

** навестить капитана

ского парохода в Пирее, т. е. до 5 часов вечера. Капитан Смирнов принял меня весьма радушно, угостил русским чаем и русскими газетами. Мне приятно было, после продолжительного вращения между иностранцами, чувствовать себя в русской среде, слышать кругом себя звуки родного языка, узнать от капитана*, что делается на Руси. На всех стоявших в порту судах происходили деятельные приготовления к предстоявшему торжеству. Рядом с «Черноморцем» стояли русский стационар в Константинополе «Псезуап» и два английские судна; а в некотором расстоянии — русские же военные суда «Корнилов» и «Минин». Час прибытия немецких высоких гостей долго оставался неизвестным; все утро на набережной Пирея и на судах ожидали вестового выстрела с эскадры, стоявшей** вне порта. В обычный «адмиральский» час, т. е. около полудня, капитан предложил мне отобедать и угостил отличными матросскими шами. Наконец уже часу в третьем раздалась пальба с передовых судов и с форта; появилась германская яхта «Гогенцоллерн», а вслед за нею — броненосец «Kaisert». Оба они остановились посреди порта, при громе салюта со всех стоявших судов, при криках «ура» и звуках народного германского гимна, как с нашего броненосца «Корнилов», так и с английского. Несколько времени спустя, от пристани отчалил нарядный паровой катер, на котором король и королева греческие с некоторыми из принцев выехали на встречу гостям и потом вместе с ними возвратились на том же катере к пристани. С палубы «Черноморца» я мог отлично видеть все это зрелище и только по окончании торжества, когда высочайшие гости и хозяева уехали из Пирея в Афины по железной дороге, а толпы народа с набережной начали расходиться, я простился с радужным капитаном Смирновым и возвратился на итальянский пароход «Selinunte», который снялся с якоря около 6 часов вечера.

После жаркого дня*** наступил чудесный вечер; пароход плавно скользил по гладкой поверхности моря, между берегами Аттики и островами. На другой день (в воскресенье, 15-го/27-го числа), с поворотом на север в открытое море, погода переменилась; задул северный ветер, тучи заволокли небо, стало очень свежо; на море забелели барашки. Под вечер прошли мы между островами Лемнос и Тенедос, а около 8 часов остановились при входе в пролив Дарданельский, для получения установленного пропуска. В течение

* кое-какие новости. Несмотря на хлопоты по приготовлению на судне <по случаю> к предстоящему торжеству,

** впереди входа в порт

*** субботы (14-го/26-го ч[исла])

ночи прошли Гелеспонт довольно спокойно; но противный ветер замедлял ход плохого нашего парохода, так что вместо 5 часов утра, как следовало по расписанию, подошли мы к Константинополю только в 3-м часу пополудни.

Странная случайность: как в мае месяце, на пути с севера, так и теперь на возвратном пути с юга* приходится мне увидеть Константинополь при самых невыгодных условиях. Внезапно наступившая дурная погода, после прекрасных жарких дней, в оба раза лишает меня удовольствия любоваться чудною картиною при ярком освещении южного солнца. Холодно и сыро. Я должен и теперь облечься в зимнее пальто, которое не вынималось из чемодана во все продолжение моих странствований после первого посещения Константинополя.

Лишь только итальянский пароход стал на якорь в Золотом Рого и по исполнении установленных формальностей разрешено было пассажирам сходить с парохода, — я немедленно же переехал с него на ялике на стоявший в некотором расстоянии русский пароход «Владимир». Капитан его и прислуга встретили меня радушно, как старого знакомого. Оставалось еще два дня до отхода этого парохода в Севастополь; но я решился поселиться на нем на эти два дня, чтобы избежать скучных таможенных мытарств и лишних перемещений. Здесь мне хорошо; имею отдельную, удобную каюту; весь багаж мой под рукой, как дома. Узнав, что только сегодня русское посольство переселяется из Буюк-Дере в Перу, я не выхожу пока на берег, отлагаю до завтрашнего дня посещение Нелидова и других лиц посольства. Вторая странная случайность: в прошлом мае посольство переселилось в Буюк-Дере в самый день моего выезда из Константинополя; и теперь, в день моего приезда, оно возвращается из Буюк-Дере в Перу!

17-го/29-го октября. Вторник. — Погода разгулялась; но все-таки свежо и продолжается довольно сильный северо-восточный ветер. С 8 часов утра переезжаю в кайке на берег к «Старому Сералю», откуда иду бродить по городу, чтобы еще раз — и вероятно в последний — взглянуть на храм Св. Софии и на некоторые из главных мечетей, уже виденных мною в прежние посещения Стамбула. Ходил я несколько часов; видел, как турки торопливо исправляют улицы и красят здания, готовясь к приему ожидаемого чрез несколько дней императора Вильгельма II. На большой площади пред Военным министерством несколько батальонов турецких упражняются в церемониальном марше. Довольно комич-

* не удастся мне насладиться <полюбоваться> чудесным видом.

ны все эти поздние приготовления чуть не накануне встречи высокого гостя; а между тем посещение его, как говорят, обойдутся Порте очень дорого и ляжет тяжелым бременем на нищенские финансы Турции.

Переехав на каике из Стамбула в Перу, к старому мосту, я поднялся в гору и вошел в дом русского посольства в ту минуту, когда сам посол со всем наличным персоналом миссии спускался в свои апартаменты из домового церкви, после отслуженного молебна. Несколько удивленный неожиданным моим появлением, он пригласил меня к себе обедать в 8 часов вечера, запросто, в дорожном костюме, а затем указал мне на стоявшего в группе молодых дипломатов племянника моего Юрия Милютин. Встреча эта была совершенно неожиданна для нас обоих. Оказалось, что он, задумав побывать, по следам моим, в Египте и в Палестине, прибыл вчера в Константинополь из Одессы, почти одновременно со мной, и остановился пока в доме посольства у своего приятеля и товарища Смирнова.

До 8 часов вечера оставалось много времени: я навестил всех наличных членов посольства: Вестмана, Яковлева, консула Лаговского, Преображенского; прочие оставались еще в Буюк-Дере (Ону, Иванов, Пешков, Мансуров), а старый знакомый мой, молодой Свечин, уехал в отпуск. Остальное время до обеда провел я с племянником моим у Смирнова. Прямо против окон его квартиры (в доме посольства) видно было на противоположном берегу Босфора, в Скутари, страшное пламя, которое быстро распространялось и охватило целый квартал тесно нагроможденных деревянных лачуг. Пожар продолжался до поздней ночи, озаряя своим зловещим, багровым светом водную поверхность и берега пролива.

К обеду у посла, кроме меня, приглашены были только Смирнов и племянник мой Юрий. Хозяин жаловался на расстройство здоровья и был менее разговорчив, чем обыкновенно. Однако ж, встав из-за стола, повел меня в свой кабинет и там беседовали мы с полчаса о современном положении политическом. Он вообще смотрит на это положение успокоительно, убежденный в том, что в предстоящее посещение Константинополя императором Германским вовсе не будет и речи о привлечении Турции к тройственному союзу.

Смирнов и Юрий проводили меня из посольства до пристани у нового моста, где я взял каик и возвратился на пароход «Владимир» в 11-м часу ночи.

19-го/31-го октября. Четверг. Севастополь. — Вчера пароход «Владимир» вышел из Золотого Рога в 10 часов утра. Пред отходом

его приехали проститься со мной племянник Юрий, Смирнов и генеральный консул Лаговский; также прибыл из Буюк-Дере полковник Пешков (наш военный агент в Константинополе). По Босфору пароход шел совершенно спокойно, несмотря на довольно свежий северо-восточный ветер. День холодный; но я оставался все время на палубе, всматриваясь еще раз в живописные берега пролива с его многочисленными дворцами, киосками, виллами, загородными зданиями всех посольств, с развалинами старинных укреплений в виде каменных замков и башен, с новыми земляными батареями. Но лишь только вышли мы из пролива и вступили в Черное море — пароход закачался довольно сильно. Капитан приписывал это зыби, оставшейся после бури, бывшей дня за два пред тем. Большую часть дня я провел в каюте, лежа, с газетами и книгой.

Сегодня дует ветер восточный. С приближением к Херсонесскому маяку качка усилилась, но затем пароход вошел уже совершенно спокойно в Севастопольскую бухту. Мы причалили к пристани ровно в 2 часа пополудни, т. е. в узаконенный час; но довольно долго не могли сойти с парохода, ради существующих у нас в России безобразных порядков таможенных и полицейских. Ни в одной из посещенных мною стран нет таких формальностей и задержек. Командир бригады таможенной стражи полковник Акимов прискакал в полной форме встретить меня и немедленно же провел меня с парохода на пристань. Но сделанное для меня одного исключение, когда все прочие пассажиры оставались как бы арестованными на палубе*, еще усилило произведенное на меня неприятное впечатление при первом шаге на русскую почву. Усадили меня на извозчика, грязного, оборванного; дребезжащий экипаж, запряженный парюю тощих кляч, едва ввез меня на гору по немощенной, изрытой и пыльной дороге.** Проезжая затем по*** широкой, но безлюдной, мертвенной Екатерининской улице до «Северной» гостиницы, я невольно припоминал въезды в разные европейские города. Сравнение выходило очень для нас невыгодное.

Прежде чем успел я преобразиться из «штатского» туриста в русского генерала, — приехал ко мне новый корпусной командир генерал Павлов — старый мой подчиненный на Кавказе. Мне было приятно свидание с ним; он пробыл у меня более часа. Вечером

* и помимо таможенного осмотра

** Протащившись

*** главной улице

же, отобедав в гостинице, я отдал ему визит и опять провел с ним часа два в приятной беседе.

20-го октября. Пятница. Симеис. — В 6 часов утра выехал я из Севастополя на почтовых лошадях, в присланной заранее из Симеиса дорожной коляске. Погода ясная; но до Байдарских ворот свежая*; от Байдарского же спуска** — сильно греет солнце. Снова предо мною знакомый вид прелестного южного берега с обмывающею его подошвы блестящею поверхностью моря. В первом часу дня я уже дома***.

27-го октября. Пятница. — Вот уже целая неделя прошла с моего возвращения восвоаяси; но до сих пор не успел еще войти в обычную колею. В продолжение почти полугодового отсутствия накопилась на моем письменном столе большая груда пакетов и посылок, большую часть с книгами; нашел также письма, на которые следовало немедленно отвечать; сводил свои денежные счета за время путешествия**** и проч., и проч. Несмотря на все эти занятия, я возобновил прежние свои утренние пешеходные прогулки, чтобы не отстать от хорошей привычки много ходить. На другой день по приезде прошелся с дочерью Надей в Алупку.

***** На днях приехал в Крым, в свое имение (Ай-Тодор) великий князь Михаил Николаевич. Следует явиться к нему и притом в полной форме. Но вот неожиданное затруднение: в прошлую ночь на всех моих мундирах, развешанных для проветривания, воротники изгрызаны крысами. Выписанные из Петербурга новые воротники получатся не скоро; скромный портной в Кореисе взялся привести по возможности в приличный вид один из мундиров, менее других пострадавший. В ожидании удачного выполнения этой нелегкой задачи, я должен отложить свою поездку в Ай-Тодор до будущей недели.

С глубокою скорбью вспоминаю о великом князе Константине Николаевиче. Не возобновятся уже мои поездки в Орианду и не с кем будет, хоть изредка, отводить душу в занимательной и приятной беседе.

Ближайший сосед наш — С.И. Мальцов уехал, как говорят, на всю зиму*****.

* ехал довольно скоро и безостановочно

** уже стало тепло, даже жарко

*** обнимал жену и дочь Надю.

**** разбирал свой домашний скарб.

***** Слышно, что почти в один день со мною

***** Но это не потеря для меня: уже несколько времени прерваны с ним всякие сношения.

30-го октября. Понедельник. — *Вчера портной принес исправленный им мундир** и сегодня решил я съездить в Ай-Тодор. Великий князь*** и великая княгиня Ольга Федоровна приняли меня с обычною любезностию и удержали к завтраку****. Кроме расспросов о моих путешествиях, предметом разговора были преимущественно болезнь великого князя Константина Николаевича и дела Военного министерства****. Сообщенные мне Их Высочествами подробности о положении Константина Николаевича неутешительны; обстановка, в которой его держат, должна усугублять нравственные страдания больного, видимо сознающего беспомощное свое положение. По делам Военного министерства великий князь сообщил мне***** сведения***** о перевооружении армии новыми малокалиберными (но все еще не магазинными) ружьями, о предположенном введении в артиллерии полкового хозяйства, с переименованием артиллерийских бригад в полки, и т. д. Его Высочество не скрывает своего неудовольствия на образ действий генерала Ванновского, который проводит все распоряжения и нововведения по артиллерии помимо генерал-фельдцейхмейстера и часто вопреки его мнению.

После завтрака я распростился с великим князем, который уже в среду уезжает из Крыма в Петербург. Великая княгиня остается здесь с младшим сыном еще на несколько недель.

*******8-го ноября. Среда.** — Сегодня празднуется в Петербурге юбилей особого рода: 500-летие первой пушки, привезенной

* Последние дни погода была ненастная и очень свежая. Нынешнею ночью поднялся сильный ветер и разогнал тучи; день ясный, но свежий, утром всего + 8° P.

** на котором оказалось возможным исправить изгрызанный крысами воротник, поэтому я сегодня решил облечься в полную форму и ехать в Ай-Тодор.

*** Михаил Николаевич

**** который заместил мне обед.

***** в особенности по артиллерийской части.

***** некоторые новости

***** между прочим

*******4-го ноября. Суббота.** — Прошла и вторая неделя с приезда моего в Симеис. Едва только успел справиться с массою накопившихся в мое отсутствие писем и посылок, привести в порядок свою библиотеку и ответить всем корреспондентам. В течение этого времени погода была незавидная: дождливая и холодная. В ночь на 2-е ноября даже выпал небольшой снег, покрывший легким слоем наш сад, но к полудню, конечно, растаял. И теперь температура спускается по вечерам и утрам не выше + 4° P.; никогда еще не приходилось так рано начинать топку печей в доме.

в Россию из-за границы! Судя по присланной мне программе торжества, надобно заключить, что событию этому придается очень важное значение; появление первого образца заморского изобретения отождествляется с началом русской артиллерии! Я вообще не охотник до юбилеев; тем не менее счел своею обязанностью послать телеграмму на имя товарища генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанта Софияно такого содержания:

«Как старый артиллерист, позволяю себе, в день празднования пятивекового юбилея нашей славной артиллерии, сердечно пожелать ей блестящей славы и на грядущие века».

Торжество должно происходить в присутствии самого Государя, в Музее артиллерийском, находящемся в кронверке Петропавловской крепости. Догадываюсь, что вся затея об этом юбилее исходит от нашего военного археолога генерал-майора Бранденбурга.

По случаю именин великого князя Михаила Николаевича, я счел долгом отправиться в Ай-Тодор, поздравить великую княгиню Ольгу Федоровну. Она приняла меня очень любезно и удержала к завтраку. От нее первой узнал я о * революции в Рио-Жанейро³⁶⁷, о низвержении империи, установлении республики и высылке императорской фамилии в Европу. Можно пожалеть о благодушном Дон-Педро, который, как кажется, не заслужил постигшей его участи, — хотя можно предполагать, судя по его личным свойствам и характеру, что он, как философ, расстанется с короною без большого горя. С другой стороны, мне кажется, что падение последней монархии, еще существовавшей до сих пор в ** Америке, имеет знаменательное значение в общеисторическом смысле. Республика*** становится общею, исключительною формою правления в Новом Свете****.

В присутствии моем великая княгиня получила несколько поздравительных телеграмм, и в том числе из Петербурга от членов

Однако ж погода не мешает мне каждое утро делать довольно большие пешеходные прогулки, то вдвоем с дочерью <Надей>, то в одиночестве. Несколько дней тому назад навестил нас граф Феликс Сумароков-Эльстон с милою своею женою и граф Ностиц.

* происшествиях

** Новом Свете

*** республиканская форма правления

**** Позволяю себе думать, что к тому же когда-нибудь, может быть, в далеком будущем, придет и старая Европа.

семьи. Великий князь Михаил Николаевич сообщает о своей поездке в Павловск к больному брату: доктора и на этот раз не допустили свидания их. Не есть ли это напрасное жестокосердие в отношении несчастного больного?

После завтрака в Ай-Тодоре делал я визиты в Кореис: графине Клейнмихель, княгине Голицыной, графу и графиням Сумароковым-Эльстон и возвратился домой пешком, когда уже стало совсем темно*.

13-го ноября. Понедельник. — В последние дни погода свежая**; по временам ветер или дождь; на горах снег, а ниже — грязь. Несмотря на то, каждый день хожу пешком, большею частью вдвоем с дочерью. Дня три гостила у нас баронесса Анна Ивановна Пиллар; вместе с нею ходили мы в Алупку навестить Трубецких. Сегодня же*** ездил я в Ялту****. Постройка мола***** значительно подвинулась вперед за полугодие моего отсутствия из Крыма*****.

17-го ноября. Пятница. — *****Сегодня после обеда ездил в Ай-Тодор, чтобы проститься с великою княгиней Ольгой Федоровной. Она, как всегда, приняла меня очень любезно, сообщила полученные ею из Петербурга разные известия, в том числе о чрезвычайном распространении болезни, называемой «инфлуэнца». Сам Государь и великий князь Михаил Николаевич не избегли ее. Великая княгиня ожидала к себе князя Виктора Ивановича Барятинского с его семьей. Лишь только доложили о них Ее Высочеству, я раскланялся ей.

*****Получена телеграмма о приезде завтра вечером в Севастополь дочери Ольги; еду туда, чтобы встретить ее*****.

*В течение дня не раз показывалось солнце, но свежо и по временам сильный ветер.

** (по утрам и вечерам не более + 5 P.)

*** хотя погода такая же серая и холодная.

**** для некоторых покупок и визитов. По пути навестил Лукашевича, Плева и баронессу Пиллар, а в Ялте Кочубеев.

***** в Ялте

***** но теперь работы приостановлены.

***** Последние три дня погода прекрасная: в 7 часов утра температура + 9° или + 10° P.; в середине дня на солнце ртуть поднимается до + 27° P. Каждый день ходим с Надей пешком. Обе последние ночи ожидали возмездного в газетах «ливня падающих звезд», но, как нарочно, не видели ни одной падающей звезды, хотя небо было совершенно ясное и бесчисленные звезды блест[ели] ярко, все на своих обычных местах.

***** наконец

***** и довезти ее до дому.

20-го ноября. Понедельник. — В прошлую субботу приехал я в Севастополь около 4-х часов дня и остановился по-прежнему в Северной гостинице*. В этот день севастопольские моряки праздновали годовщину Синопского сражения. Контр-адмирал Новиков, случайно узнав о моем приезде, вздумал было пригласить меня на обед; но я, конечно, уклонился от такой неожиданной чести, сославшись на свой дорожный костюм. Обед происходил с музыкой и тостами; потом в Морском же собрании был большой бал, продолжавшийся всю ночь, как говорят, до 6 часов утра.

Поезд из Харькова по расписанию должен приходиться в Севастополь в 12-м часу ночи; но** вместо того пришел в эту ночь только в 2 часа, так что в гостиницу прибыл я вместе с дочерью Ольгой не ранее 3-х часов. Не удалось нам и переночевать спокойно: гостиница наша в таком близком расстоянии от Морского собрания, что во всю ночь слышались звуки бальной музыки и непрерывно продолжалась бойкая езда по мостовой.

Вчера, в воскресенье, не было возможности выехать из Севастополя***, по причине проезда великой княгини Ольги Федоровны. Мы решили провести этот день в Севастополе и воспользовались случаем, чтобы осмотреть Собор Св. Владимира, Херсонес и места бывшего 4-го бастиона, где устроен так называемый «Исторический бульвар».

**** В Соборе, попросту называемом «Адмиральским», сходили мы в***** склеп, к гробницам четырех адмиралов; видели и вновь устроенную гробницу умершего в прошлом году адмирала Шестакова. На дороге встретили вдову последнего, которая ежедневно приходит на могилу покойного мужа. На днях будет отслужена над гробницею панихида в годовщину его кончины. Здание Собора нравится мне как с наружной, так и с внутренней стороны. Жаль только, что вид издали на это прекрасное сооружение заслонен вновь построенным некрасивым четырехэтажным домом Управления железной дороги.

* Вечером посетил генерала Павлова (командира 7-го корпуса) и командира пограничной стражи полковника Акимова.

** но мне объявили, что в последнее <с некоторого> время <времени> он всегда опаздывает на несколько часов, и вместо назначенного часа приходит иногда только к 3 и даже к 5 часам утра. На этот раз поезд опоздал на 2 1/2 часа.

*** обратно в Симеис, потому что почтовые лошади были заняты для проезда великой княгини.

**** Собор я уже видал прежде, но мне все-таки приятно было снова взглянуть на него вместе с Олей.

***** нижний

В Херсонесском храме и на развалинах древнего города Херсонеса еще не удалось мне быть до сих пор, несмотря на то, что в Севастополе бывал столько раз. Обширный храм, в стиле византийском, сооруженный над самым местом древней церкви, где по предположению археологов, крестился великий князь Владимир — производит вообще грандиозное впечатление; но к внутренней отделке только что приступлено^{*368}. Поблизости нового храма сохранились фундаменты нескольких древних церквей. Водивший нас монах говорил, будто некоторые из этих драгоценных развалин предположено срыть для устройства благообразной эспланады вокруг нового храма. Подобное варварское отношение к древностям возмутительно.

При храме херсонесском выстроено довольно громоздкое здание монастыря, где живут настоятель и несколько монахов. Есть несколько еще** жалких жилых построек, разведены тощие садики. В здании монастыря отведено несколько комнат для хранения найденных при раскопках Херсонеса разных мелких вещей; но лучшие и любопытные вещи отправлены в Петербург. Много, как говорят, похищено еще французами и англичанами в печальную эпоху осады Севастополя. Раскопки древнего города производились бестолково, без руководства знающего археолога. Теперь в нескольких местах показывают откопанные следы церквей, домов, несколько мозаичных полов (довольно грубой работы и некрасивого рисунка). Но жаль, что остатки древних построек перемешаны с новыми стенками; во многих местах остаются лишь груды камней. Море подмыло значительную часть древнего города и продолжает подмывать; волны морские теперь плещут на груды обвалившихся кирпичей от древних береговых построек.

Так называемый «Исторический бульвар» составляет*** неровное пространство, засаженное деревьями и кустами. Посадки довольно жалкие; среди них в разных местах торчат каменные столбики с номерами находившихся тут батарей****; дорожки запущен-

* Вход в главный храм довольно оригинального устройства: по двум лестницам, ведущим с обеих сторон в боковые двери. Мне не случилось нигде видеть подобного устройства, ни в одном храме ни древней, ни новой постройки.

** небольших, безвкусных

*** довольно обширное

**** бульвар содержится в жалком виде, дорожки запущены. Какой прекрасный сад можно было бы здесь развести при здешнем климате, если б <это дать какой-нибудь> эти места были не в наших русских руках.

ны и вообще бульвар остается без должного ухода. Невольно вспомнились мне виденные в разных странах городские и загородные сады, парки, скверы, кладбища; с каким вкусом, с каким изяществом устраиваются они, с какою тщательностью и опрятностью содержатся! Как заботливо охраняются всякие исторические места и остатки древности! Грустное сравнение с нашим «мочальным царством»!

Говорят, что в этом отношении кладбище на северной стороне составляет исключение, что оно устроено и содержится* исправно. Постараюсь заглянуть туда при первой возможности**.

Вечером навестили мы нескольких наших севастопольских знакомых (семейство генерала Глиноецкого, адмирала Попандопуло и вдову адмирала Шестакова). Сегодня же утром выехали из Севастополя и благополучно прибыли, около 4-х часов дня, в свое затишье.

Во все время моей поездки в Севастополь — погода*** была ясная и теплая. Только сегодня под вечер с приближением уже к нашему родному Симеису заволокло небо тучами.

1-го декабря. Пятница. — Сегодня дочь Надя уехала из Симеиса в Бессарабию, откуда намерена ехать через Киев и Москву в Ревель. Жена провожает ее до Севастополя****.

В последнее время погода очень переменчивая*****. Везде в окрестностях много больных, большею частью гриппом. Общей участи не избегли и все члены моей семьи, и прислуга, и рабочие. К счастью болезненное состояние продолжается не долго и уступает обыкновенным домашним средствам врачевания?

2-го декабря. Суббота. — Вечером жена возвратилась из Севастополя. В последние дни занимался я рассмотрением присланного мне от Русского исторического общества³⁶⁹ составленного им предварительно Указателя имен, подлежащих внесению в предпринимаемое обществом издание биографического словаря³⁷⁰. Председательствующий в обществе А.А. Половцев просит о

* старательно в порядке.

** хотя и бывал там прежде в давнее время.

*** мне благоприятствовала.

**** Грустно расставаться с милою Надей, может быть, надолго. Она едет с намерением прискатыть себе какое-либо постоянное занятие по педагогической части. Без нее жизнь наша в Симеисе делается еще монотоннее, чем до сих пор.

***** выдавались дни ясные и теплые, так что можно было с удовольствием делать обычные прогулки пешком то в Алупку, то в сторону Лимена. По утрам и вечерам температура от 4° до 6° Р.; среди дня — поднимается до + 10°, а на солнце, разумеется, гораздо выше.

доставлении указаний на возможные в списке пропуски. Пересмотр этих двух томов, заключающих в себе до 52 600 имен, — работа нелегкая*.

**** 11-го декабря. Понедельник.** — Получены печальные известия об опасном состоянии здоровья Сергея Петровича Боткина, находящегося в Ментоне. Он давно уже страдал, как полагали, камнями в печени; теперь же признают у него внутренний рак. Вся семья его поспешила собраться у постели больного.

14-го декабря. Четверг. — ***Посетившие нас сегодня граф Феликс Сумароков-Эльстон с милейшею его женою Зинаидой Николаевной и сестрою Александрою Феликсовной**** привезли нам печальное известие о смерти С.П. Боткина. Большая потеря. Как ни призадуматься над тем грустным фактом, что у нас редко кто из выдающихся знаменитостей доживает до глубокой старости*****.

15-го декабря. Пятница. — Ездил я вместе с женой в Ялту, чтобы отдать несколько визитов и навестить старика Титова (Владимира Павловича), который поселился на зиму в гостинице «Россия»*****. С тех пор, как виделся я с ним шесть лет назад (в Москве, на коронации), он сильно изменился; так постарел, что я не узнал бы его, если б встретил неожиданно. В последние годы он выдержал продолжительную и тяжелую болезнь; большею частью жил за границей. Титов и его жена — оба симпатичные личности высокообра-

* Пересмотр, даже самый беглый, такого списка, уже немалая работа.

** **6-го декабря. Среда.** — Окончил пересмотр присланного мне Указателя имен для биографического словаря; завтра отправляю мои замечания при письме к А.А. Половцеву³⁷¹.

По-прежнему погода очень переменчивая. Между днями дождливыми или пасмурными и ветренными, — выдаются и прекрасные, солнечные. На днях мне удалось сделать дальнюю прогулку пешком — в долину Лимена и назад чрез горный хребет (Кошка).

11-го декабря. Понедельник. — Погода стоит прекрасная, и я пользуюсь ею для дальних прогулок каждое утро. Сегодня, однако ж, я должен был сделать исключение: к обеду мы ожидали гостей — Кочубеев (Василия Аркадьевича и Марию Алексеовну). Вместе с ними приехала неожиданно и чета Бутеневых. Они пробыли у нас до 6 часов вечера в приятной и оживленной беседе.

*** Утром едва <когда> только вернулись мы с Олей с прогулки, приехали к нам **** и П.В. Марченко, чтобы проститься по случаю отъезда из Крыма в Петербург. От них узнали мы печальное известие.

***** Прошлою ночью был мороз; даже в 8 часов утра еще ртуть стояла на 0°, но день хороший.

***** Мы были оба рады увидиться, я не видел его с 1883-го года (с коронации в Москве).

зованные, благодушные, общительные. Они удержали меня у себя к обеду; а потом хозяйка предложила довести меня в своей карете к Бярятинским (князю Виктору Ивановичу). У них нашел я многочисленное общество*. Молодые княжны Бярятинские талантливые художницы: одна — по рисованию, другая — по музыке. Навестил я также Трубецких, Бутеневых и Кочубеев.

Кроме визитов была еще и другая цель моей нынешней поездки: предположив с Нового года (с 1 января по новому стилю, стало быть, с 20-го декабря старого) вести правильные метеорологические наблюдения, я счел нужным предварительно сверить свои инструменты с имеющимися на Ялтинской метеорологической станции**.

*** **31-го декабря. Воскресение.** — В последние дни почти не выходил я из дому****, погода дождливая. Вечером дочь Ольга устроила***** елку для симейских детей, которых набралось до 50-ти*****. Этим невинным развлечением заканчиваем год.

* У них обедали Сумароковы-Эльстон и неразлучный с ними кавалергард Бернов. Княгиня Бярятинская и дочери ее, как говорят, очень приятная дама. Дочери ее, как говорят, очень талантливые художницы: одна по части рисования, другая по части музыки.

** а также заказать в типографии печатные бланки для ежемесячных метеорологических таблиц. Погода пасмурная, но барометр очень поднялся. Температура весь день <в течение всего дня> на 0°.

*** **27-го декабря. Среда.** — С 20-го числа начались систематические мои метеорологические наблюдения. За все время погода стояла весьма приятная, хотя солнце показывалось редко, а по ночам даже бывали морозы; зато — было постоянно безветрие и море несколько дней кряду совсем гладкое. Я пользуюсь благоприятною погодой для своих пешеходных прогулок. [В эти] дни ходил довольно далеко.

Сегодня предложил также Оле доехать в экипаже до Лименского спуска к усадьбе Смелова <побывали мы в Лименской долине, в усадьбе Смелова>, а оттуда возвратиться домой пешком по кратчайшей дороге чрез гору, отделяющую Лименскую долину от Симейской. Целью этого посещения Смелова — было познакомиться с двумя бедными сиротками Вержбицкими, оставшимися одинокими после недавней смерти матери. Одной из них 16 лет, другой — 8; старшая притом болезненная. Мы <решились предложить> предложили им поселиться до весны у нас, чтобы избегнуть возвращения на север в зимнее время года.

Едва возвратились домой к обеденному времени, как погода вдруг переменялась, барометр опустился, подул восточный ветер — а вслед за тем пошел мелкий дождь.

**** сыро и грязно, а теперь вечером дождь.

***** великолепную

***** Это единственное праздничное развлечение в нашем уединении.

1890-й год

2-го января. Вторник. Симеис. — Новый год принес нам зиму. Со вчерашнего дня подул северный ветер, и сегодня утром вся окрестность до самого моря покрыта снегом, хотя термометр стоит выше нуля. Этот белый саван наводит на меня уныние. Никогда не был я охотником до русской зимы; а теперь, прожив несколько лет на юге, совсем отвык от нее*.

Встретили мы Новый год без малейшего отступления от обычной, будничной нашей жизни. Переход от одного года к другому обозначился только несколькими полученными и отправленными телеграммами.

**** 14-го января. Воскресение.** — Сегодня погода сносная; ездил в Кореис, чтобы отдать визит графу Николаю Сумарокову-Эльстон, а, кстати, навестить бедного больного князя Александра Ивановича Шаховского и графиню Клейнмихель.

22-го января. Понедельник. — Сегодня ездил с дочерью Ольгой в Ялту и Ливадию, навестил Бутеневых, которые в глубоком трауре по скончавшейся на днях графине Анне Алексеевне Барановой; обедал у Кочубеев, навестил Титовых и Плеца.

С прошлой субботы у нас в доме новые жильцы: две сиротки Вержбицкие: одной 16 лет, другой — 8. Они до сих пор проживали с

* Понять не могу, в чем заключается ее прелесть. Пока лежит снег — не выхожу из дому; а когда снег растает (это неминуемо будет в течение дня), — нельзя будет выходить от липкой грязи.

**** 6 января. Суббота.** — Четыре дня не выходил я из дому. Погода была серая, по временам выпадал не то снег, не то дождь; но вчера уже в прибрежной полосе большая часть лежавшего снежного слоя стаяла, а сегодня уже вовсе нету снега. Ночью несколько подмерзло, так что позволило мне сегодня утром пройтись в Алупку. <Утром я прошелся с удовольствием до Алупки и назад, несмотря на довольно сильный восточный ветер. Там я проверил часы по солнечным.>

11 января. Четверг. — Погода стояла ненастная, и потому я почти не выходил из дому. Вчера вечером поднялся сильный северо-западный ветер, обратившийся в течение ночи в настоящий ураган. К утру ветер утих, и теперь <сегодня> день ясный. Я сделал опять прогулку в Алупку и снова проверил свои часы.

матерью свою в Лимене, в пансионе Смелова; на днях мать их скончалась. Отец их, военный врач Вержбицкий*, умер еще в начале прошлого года. Бедные сиротки, оставшись одинокими в Лимене, надеялись найти пристанище у тетки в Петербурге, но переезд на север в зимнее время мог бы сделаться гибельным для старшей девочки — малокровной и болезненной. Обо всем этом случайно узнал я несколько времени назад, в одну из своих прогулок в Лимен. Мы предложили бедным сироткам приют у нас до весны, когда переезд в Петербург уже не будет для них опасен. Родственница их с радостью дала на это свое согласие — и вот они переселились к нам. Меньшая — живая, бойкая девочка, оживила нашу уединенную обитель**.

*****3-го февраля. Суббота.** — Прочел в газете известие о смерти графа П.А. Валуева. Он кончил жизнь 27-го января, вследствие тяжелой болезни (как сказано в известии — от рака в почках). Я не был поклонником Валуева; мы с ним**** были в разных лагерях, и многое в нем мне не нравилось; но при всем этом не могу не признать его личностью выдающеюся. По своему образованию и воспитанию он стоял выше почти всех наших современных государственных людей; можно сказать, что это был человек европейский. Жаль только, что он в своих воззрениях государственных стал на такой путь, на котором не мог идти твердым шагом, должен был постоянно лавировать****, искать компромиссов и***** прикрывать шаткость убеждений***** высокопарными фразами, изяществом диалектики*****. Много вредила покойному мания — становиться на ходули, драпиро-

* служивший в последнее время в Ревеле

** и доставляет развлечение нам всем, в особенности же Оле.

*** 27 января. Суббота. — Наконец получен чемодан, отправленный дочерью Ольгой из Парижа еще в самом начале октября, с моими и ее вещами; и то — благодаря особенной протекции, оказанной таможенным начальством, которое милостиво разрешило переслать чемодан запломбированным из Одессы в Севастополь, где опять оказал протекцию, по знакомству, полковник Акимов, командир бригады таможенной стражи. Таковы у нас порядки: как будто нарочно все придумано, чтобы затруднить способы сообщения и передвижения, вместо того, чтобы облегчать их.

Сегодня наш южный берег принял зимний вид; до самого моря — все покрыто снегом; но температура выше нуля, и к полудню весь снег растает.

**** расходились во взглядах и в продолжение двадцати лет

***** всегда

***** драпироваться

***** неопределенность воли

***** П. А. Валуев любил повторять чей-то афоризм: «La politique est la science du relatif» — Прим. Д.А. Милютина.

ваться, щеголять* ораторским красноречием. Он постоянно, по привычке, позировал**, как будто пред фотографом или на сцене. Было время, когда это производило эффект и в салонах, и в официальной сфере; но мало-помалу разоблачилась прикрытая блестящими формами внутренняя бессодержательность. Государственная его деятельность не оставила никаких следов. Занимая много лет важный пост министра внутренних дел, он не только не приобрел влияния на общий ход дел, но даже не мог удержаться на своем месте и после некоторого времени удаления от дел получил новое назначение — министром государственных имуществ. Но и на этом более скромном посту — управление его не ознаменовалось никакими успешными результатами. Служебное его поприще, столь блестящее вначале, имело самое печальное заключение. Он вынес стоически поразившую его грозу и постигшие его в то же время горести семейные. Последние восемь, девять лет, как говорят, он прожил почти в нищете, в уединении, трудах ученых и литературных***. Последние эти годы жизни графа Петра Александровича Валуева внушают**** сострадание и заставляют позабыть его слабые стороны³⁷².

20-го февраля. Вторник. — Новое знакомство: посетил меня Павел Дми[триевич] Хрушов, сын давнишнего моего приятеля Дмитрия Петровича Хрушова, кончившего жизнь в психической болезни. Павел Дмитриевич Хрушов — человек еще молодой, харьковский помещик, ученый, специалист по химии, получивший от Харьковского университета звание***** доктора. Он проводит настоящую зиму со своею семьей в Ялте. Мне было приятно с ним познакомиться и потолковать о предметах, выходящих из круга обыденной жизни. Между прочим воспользовался я случаем, чтобы узнать взгляд специалистов на исследование Б.Н. Чичерина («Система химических элементов»). Высказанное им мнение подтверждает то впечатление, которое труд Бориса Николаевича произвел на меня, профана, а именно — что в нем так много гипотетичного, почти фантастичного*****, что***** едва ли можно видеть в нем положительный шаг в науке. Попытка подвести атомистическое строение вещества под одни формулы математические со

* своим

** принимал заученные позы

*** конец его поистине драматический.

**** сочувствие к нему

***** почетного

***** и туманного

***** даже специалисту трудно понять его.

строением целой вселенной (астрономические законы) кажется мне слишком рискованною. Тем не менее исследование его замечательно, как работа человека, начавшего заниматься точными науками уже на склоне жизни, всего каких-нибудь лет пять.

5-го марта. Понедельник. — Поездка в Ялту. Отдал визит Хрущову, который познакомил меня со своею женой; и муж и жена — люди с высоким образованием; более часа провел у них в занимательной беседе. Потом посетил я старую чету — Титовых; от них предполагал идти к Б.Н. Чичерину; но вместо того, последний сам пришел к Титовым, у которых собрался небольшой кружок, чтобы прослушать чтение нового произведения графа Льва Ник[олаевича] Толстого: «Крейцера соната». (Князь и княгиня Долгоруковы, В.А. Кочубей, академик Бестужев-Рюмин). Рассказ этот прочитан Чичериным по копии с первоначальной черновой рукописи автора, как говорят, значительно измененной в окончательной редакции. Об этом новом литературном произведении много толкуют в обществе так же, как о всяком появляющемся творении графа Льва Толстого*. Это рассказ мужа, убившего жену из ревности, на десятом году брачной жизни, рассказ, в котором разными циничными подробностями развивается странное воззрение, что так называемая женитьба «по любви» есть в действительности не что иное, как плотское, чувственное** увлечение личности одного пола личностью другого пола, и что вне удовлетворения чувственной похоти супружество для обеих сторон представляет взаимное непрерывное*** терзание. — Вот еще один из**** парадоксов лжемудрствований графа Льва Толстого*****.

11-го марта. Воскресение. — Новое знакомство: приехал вновь назначенный управляющим Масандрой — полковник Афанасович, бывший офицер Генерального штаба, страстный любитель садоводства*****.

* Если б это было <чье-либо> написано другим, не им, то никто не обратил бы внимания, даже, быть может, прочитав этот рассказ, сказала бы: «Это рассказ мужа...».

** минутное

*** тягостное

**** диковинных выводов сумасбродных философствований графа Льва Толстого.

***** Чтение у Титовых лишило меня возможности посетить Чичериных. На обратном пути из Ялты заехал я в Ливадию к Плецу, но не застал никого дома.

7 марта. Среда. — Окончил пересмотр своего дневника за все время с 1873 по 1889 включительно, принял за пересмотр моих «воспоминаний», начав с 1861 года.

***** и человек развитой. Отобедав у нас, пробыл часов до 5 вечера.

Второй или третий день прекрасной погоды; только в эти дни зазеленели некоторые деревья и кусты. Вообще растительность в нынешнем году запоздала, что можно приписать продолжительной пасмурной погоде почти во всю зиму.

12-го марта. Понедельник. — Большую часть дня провели у нас Чичерины с Марией Алексеевной Кочубей и графом Дмитрием Алексеевичем Капнистом. Погода прекрасная; после обеда ходили с гостями на наши чаиры.

13-го марта. Вторник. — Сегодня обедали у нас Хрущовы*. Павел Дмитриевич любитель фотографии; привез с собой фотографический аппарат и после обеда снял несколько видов с разных точек в нашем саду. Погода прекрасная, почти жарко; море — как зеркало.

17-го марта. Суббота. — Возобновил я свою топографическую работу**; на первый раз ограничился постановкою*** вех. Досадно, что погода переменилась как нарочно, когда я принялся за работу****.

25-го марта. Воскресение. — Сегодня приезжал П.Д. Хрущов проститься пред отъездом из Крыма обратно в свое харьковское имение. Сожалею, что так недолго пришлось мне пользоваться приятным с ним знакомством.

4 апреля. Среда. — С субботы Страстной недели должен был прервать свою топографическую работу, чтобы в праздничные дни не брать с собой человека, необходимого для переноски инструмента и постановки вех. Сегодня же собрался в Ялту с дочерью Ольгой; большую часть дня провели мы у Чичериных, в многочисленном их семейном кругу*****³⁷³. Из Ялты ездил я в Масандру; отдал визит полковнику Афанасовичу и познакомился с его семьей*****.

* муж и жена приехали к обеду и оставались часов до 5-ти.

** хотелось бы докончить съемку всего своего клочка земли.

*** нескольких новых

**** После нескольких прекрасных дней наступили туманы, а сегодня поднялся довольно сильный юго-западный ветер.

Получил письмо из Ревеля от дочери Елизаветы, которая обрадовала меня известием о намерении своем приехать с мужем сюда на несколько недель, вероятно, после Пасхи.

***** (на праздники к ним приехал из Харькова брат Ал[ександры] Ал[ексеевны] Чичериной граф Вас[илий] Алек[сеевич] Капнист со всею семьей).

***** Жена его — истая петербургская дама — находит Петербург прелестным, а Крым — местом ссылки! На возвратном пути, вечером, заехали мы в Ливадию к Плещу.

7-го апреля. Суббота. — В продолжение всей недели не мог приняться за съемку: каждое утро такой густой туман с моря, что в нескольких шагах ничего не видно*.

Сегодня ездил я вместе с дочерью Ольгой в Кастрополь (имение графини Толь), навестить больную княгиню Елизавету Павловну Витгенштейн, которая, по совету врачей, приехала в Крым после вынесенной в Петербурге тяжкой болезни. Она поселилась у своей приятельницы баронессы Марии Петровны Фредрихс. Кастрополь верстах в 15-ти от нас, на самом берегу моря; спуск туда от станции Кикенеисской, по** удобной дороге, устроенной покойным графом Толь, протяжением до 7-ми верст. Баронесса Фредрихс вместе с Сабининой и другою приятельницей Дараган устроили тут нечто вроде санитарной станции или пансиона для больных. Это местопребывание наиболее подходящее к условиям жизни больных, требующих уединения, тишины, спокойствия***.

Сегодня ожидали приезда великой княгини Ольги Федоровны в ее имение Ай-Тодор.

8-го апреля. Воскресение. — Ездил вместе с женой в Ай-Тодор к великой княгине Ольге Федоровне. Она, как всегда, была очень любезна, сообщила грустные сведения о великом князе Константине Николаевиче, которого видела пред самым отъездом из Петербурга. Мы пробыли у Ее Высочества более часа****. Туда и назад ехали под дождем***** с грозой.

Вечером был у нас инженер путей сообщения Ст[епан] Ив[анович] Руденко; привез мне фотографическое изображение настоящего положения работ Ялтинского мола.

9-го апреля. Понедельник. — Хотя погода серая, но без дождя и ветра, так что я мог выйти на работу и возобновить съемку.

11-го апреля. Среда. — Великая княгиня Ольга Федоровна удостоила нас своим посещением, с младшим своим сыном великим князем Алексеем Михайловичем, фрейлиной Озеровой и Мухановым. Ее Высочество интересовалась видеть мою биб-

* Вчера ездил в Кореис, отдать визит молодым Сумароковым-Эльстон (граф Николай Феликсович и Зинаида Николаевна).

** весьма

*** Здесь помещен психически больной граф Орлов-Давыдов. Местность довольно приятная, но слишком уж изолированная и меланхолическая. Возвратились мы домой к 5 часам вечера.

**** и возвратились домой только к 3-м часам.

***** был сильный удар грозы.

лиотеку, пожелала взглянуть на мою работу на мензуре и про- сидела более часа*.

22-го апреля. Воскресение. — Ночью случился большой пожар в ближайшем соседстве: сгорел дотла так называемый «стеклянный дом» Мальцова, и в нем погиб старик Лифляндцев, отец живущей у нас почти с детства девушки Тани. Это был почтенный старик, исполнял обязанности смотрителя стеклянного дома, в котором и ночевал с тех пор, как в нем заняла помещение одна приезжая дама с ребенком. Дама эта, случайно не спавшая, заметила дым, выходящий из конурки, занятой Лифляндцевым, вбежала к нему и нашла его на постели в каком-то оцепенении. Старик страдал припадками, похожими на обморок. По всем вероятностям он был в таком припадке в то время, когда загорелось кругом него. Пока приезжая дама успела позвать на помощь людей, пока сбежался народ — вся огромная постройка уже была объята пламенем, и к рассвету осталась одна куча дымящихся развалин.

Пожар этот совершенно изменил характер ландшафта нашей местности. Собственно дома нечего жалеть: это была постройка пре- странная и некрасивая; но жаль погибшего старика Лифляндцева**.

*** **29-го апреля. Воскресение.** — На прошлой неделе сын провел у нас три дня и вчера уехал в Симферополь на скачки****.

Сегодня ездил я с женой в Ай-Тодор к великой княгине Ольге Федоровне*****.

Вечером неожиданное появление Сергея Ивановича Мальцова; это первое свидание после нашей с ним глупой размолвки, продолжавшейся почти два года из-за самого пустого повода.

1-го мая. Вторник. — Вчера сверх всякого ожидания мы были обрадованы приездом старшей дочери с мужем князем Сергеем Владимировичем Шаховским*****.

3-го мая. Четверг. — Утром посетил нас новый губернатор П.М. Лазарев, приехавший на южный берег по случаю ожидаемо-

* Мы угостили гостей чаем. К сожалению, погода пасмурная. Утром даже я должен был ранее обыкновенного прекратить свою работу съемки, так как начал было капать дождь. <Дождь прервал мою работу съемки.>

** Бедняжка дочь его в отчаянии.

*** **24 апреля. Вторник.** — Приехал утром сын из Харькова; к сожалению, ненадолго.

**** намерен вернуться сюда в понедельник утром.

***** Отдали визит фрейлине Озеровой и гофмаршалу Муханову.

***** Только вчера они известили нас о своем приезде телеграммой из Севасто- поля. Продали их до второго часа ночи.

И.Е. Забелин

го завтра прибытия в Ялту наследного принца Итальянского³⁷⁴, который пробудет на нашем берегу три дня и затем отправится в Одессу.

4-го мая. Пятница. — *На днях в Мальцовском парке встретил я известного нашего археолога Забелина. Сегодня утром я пошел навестить его в Симеис; но не застал его дома. После обеда почтенный старик сам пришел ко мне. Интересный разговор о работе его по истории Москвы, о производившихся под его руководством раскопках в разных курганах и т. д.**

*** **13-го мая. Воскресение.** — Вчера вечером возвратилась дочь Надя после продолжительных странствований в Бессарабию, Ревель, Москву и Петербург. Сегодня рано утром юные сестры Верж-

* Рано утром проводили сына <распростились с сыном>, он уехал в Севастополь и оттуда далее в Харьков.

** Почтенный старик, знаток своего дела.

*** **6 мая. Воскресение.** — Обедали у нас Чичерины и графиня Капнист.

бицкие уехали от нас в Севастополь и далее по железной дороге в Петербург, со своей теткой Конзеровской.

Как слышно, сегодня же уезжает из Крыма великая княгиня Ольга Федоровна.

15-го мая. Вторник. — Под вечер уехал от нас князь Сергей Шаховской в Ялту, откуда на пароходе отправится в Новороссийск и далее по железной дороге на Кавказские воды.

Очень некстати, пред самым отъездом его, съехались у нас чета Плец* и давнишняя наша знакомая Антонида Николаевна Капгер, урожденная Медем. Она едет на Кавказ и на пути из Севастополя в Ялту заехала к нам. По-прежнему очень любезна и с удовольствием вспоминала былые времена нашего знакомства на Кавказе. Покойный муж ее был губернатором в Тифлисе и оставил это место в начале того же 1860 года, в конце которого и мы выехали с Кавказа.

17-го мая. Четверг. — Ездил в Ялту по некоторым надобностям, а вместе с тем, чтобы отдать визит Антониде Николаевне Капгер и проститься с Чичериными, уезжающими на лето в тамбовскую деревню**.

*****9-го июня. Суббота.** — Нежданный приезд племянника и племянницы Понсэ****.

15-го июня. Пятница. — Грустное расставание со старшей дочерью Лизой Шаховской. Она провела у нас более шести недель и сего дня покинула нас, чтобы съехаться с мужем своим в Кисловодске. С нею поехала туда же и вторая дочь Ольга, с намерением возвратиться чрез месяц*****.

* с ребенком их

** Осматривал работы мола. Погода была прекрасная, в середине дня даже жарко.

*** **18 мая. Пятница.** — Посещение капитана Корпуса топографов Чевелянского — начальника съемки в Крыму; он застал меня во время моей работы съемочной вблизи от дома и остался у нас обедать.

Новым знакомством этим я воспользовался, чтобы получить от него кое-какие указания для моей съемки, и рассчитываю на некоторую от него помощь.

1 июня. Пятница. — Посещение Кочубеев и графа Дм. Ал. Капниста; приезжали проститься перед отъездом из Ялты.

**** (Михаил и Анна Евгеньевна) вдруг собрались и приехали сюда из Бессарабии. Сын (побочный) Евгения Михайловича Понсэ родился и воспитывался в Германии; переселился в Россию только в прошлом году и провел зиму в Митаве, чтобы несколько ознакомиться с русским языком и сдать в тамошней гимназии экзамен, требуемый для поступления в один из наших университетов. Таким образом, только теперь пришлось нам с ним познакомиться.

***** Путь избрали они чрез Севастополь и Лозовую. До Севастополя взяли экипаж «мальпо[s]та» (почтовый экипаж. — *Прим. публ.*).

19-го июня. Вторник. — *Сегодня ездил вместе с женой в Ялту**. Осматривал*** работы мола, доведенного уже до самой окончательности его****. Все наши ялтинские знакомые разъехались, кроме только старичков Титовых***** , которых мы не застали дома*****.

24-го июня. Воскресение. — Племянница и племянник Понсэ уехали сегодня утром на пароходе обратно в Бессарабию. Жена моя провожает их до Севастополя, откуда намеревается проехать в Бахчисарай и Симферополь и возвратится, вероятно, в конце недели.

***** Посещение генерала Жданова, начальника Кавказского военно-топографического отдела. Он инспектирует производимую в Крыму чинами того же отдела съемку; с ним приехал вторично заведующий этою съемкою капитан Чевелянский. Позже приехал инженер путей сообщения князь Мещерский, производящий работы нового шоссе чрез горы от Ялты до Бахчисарая.

28-го июня. Четверг. — Жена возвратилась из своей пятидневной поездки.

30-го июня. Воскресение. — Утренняя моя работа (съемка) была прервана посещением графа Ностица, который остался у нас обедать*****.

1-го июля. Воскресение. — ***** Посещение Алексея Николаевича Диана, давнишнего бессарабского знакомого моей семьи. Теперь он мировым судьей в Одессе; приехал в Крым на несколько дней, чтоб отдохнуть и развлечься. Он поселился было в Алушке; но по нашему приглашению сегодня же переселился к нам*****.

** Наконец наступили жаркие дни; даже поздно вечером свыше 21° P.

*** нужно было исправить [...] (инструмент для съемки), поврежденный в прошлую субботу вследствие падения мензулы от сильного порыва ветра на открытой вершине горы. Благодаря любезности часовщика Крузе, инструмент удалось привести в такое состояние, что можно будет завтра же снова приняться за работу.

**** вместе с Степаном Ивановичем Руденко

***** Теперь идет только верхняя отделка.

***** которых встретили мы на возвратном пути.

***** Заезжали к баронессе Анне Ивановне Пиллар и к Плецам. [Так в тексте. Очевидно, имеется в виду Анна Карловна Пиллар. — Прим. публ.]

***** Неожиданное

***** наговорил столько, что не умолкал все время.

***** неожиданное появление

***** Первоначально: «Мы пригласили его переселиться к нам. Немедленно же он забрал из гостиницы свой скромный багаж и водворился в так называемой у нас “курсантской”».

***8-го июля. Воскресение.** — Гость наш Алексей Николаевич Диан уехал сегодня рано утром обратно в Одессу.

11-го июля. Среда. — Неожиданное появление семьи Праховых, приехавшей на днях в Ялту из Киева, на каникулярное время**.

13-го июля. Пятница. — После вчерашнего дождя сделалось свежее; утром*** вышел я на топографическую работу, но оставался недолго; к полудню все-таки сделалось невыносимо жарко на солнечном припеке.

17-го июля. Вторник. — Вчера случилось со мной небывалое еще приключение: вечером, по возвращении с прогулки, войдя в свою комнату****, почувствовал я такой сильный вертиж, что не мог удержаться на ногах и грохнулся на пол; головой и левым виском стукнулся о мебель****. Произошло это почти мгновенно*****: сейчас же я очнулся и встал, но с сильною болью, которую чувствую и до сих пор, несмотря на примочки и другие домашние врачебные меры.

21-го июля. Суббота. — Большую часть дня провел с добрейшим и симпатичнейшим Александром Ивановичем Лаврентьевым, который на днях прибыл в Крым, в свое маленькое имение Наташино, и в первые же дни по приезде навестил нас вместе со своими дамами: женой и сестрой. Мы вспоминали, конечно, нашу прошлогоднюю встречу во Флоренции, говорили о путешествиях наших и современных злобах дня.

Вечером отправил две поздравительные телеграммы: графу Фед[ору] Лог[гиновичу] Гейдену и П.С. Ванновскому, которые завтра празднуют свои 50-летние юбилеи, один — в своем выборгском имении (в Финляндии), другой — в Aix les bains (в Савойе).

22-го июля. Воскресение. — Поздно вечером возвратилась дочь Ольга*****.

30-го июля. Понедельник. — Поездка со всюю семьей в Наташино, к Лаврентьевым. По пути останавливались***** в Ялте, где на-

* 4 июля. Среда. — Наступили жаркие дни: с 7 часов утра уже свыше 24° Р. Должен на время прекратить съемку.

** Пришлось провести в пустой болтовне целый день.

*** даже прохладно, а потому

**** и в темноте начал переодеваться; в ту минуту, когда я надевал па[льто]

***** и почувствовал сильную боль. Стоявшее возле меня легкое кресло повалилось.

***** в ту же минуту я встал и, докончив свой туалет, вышел в гостиную, где жена приложила к моей голове и виску примочки арники и проч. Однако ж чувствую боль и сегодня. Надеюсь, что других последствий не будет.

***** пароходом из Севастополя.

***** в Ливадии (у Плева) и в Ялте.

шли милую нашу приятельницу тифлисскую княгиню Настасию Александровну Гагарину и невестку моей старшей дочери княгиню Варвару Михайловну Шаховскую (рожденную Каткову). Обе приехали в Крым с дочерьми своими, для морских купаний. Отобедав у Лаврентьевых, пошли из Наташина, вместе с хозяевами, в близлежащее имение*, где поселилась семья Праховых**. Нашли их совершенно на бивачном положении***, в самой спартанской или вернее — цыганской обстановке. Возвратились**** домой поздно вечером. День был жаркий и утомительный.

15-го августа. Среда. — Целый день***** провел в разъездах: в Ялте обедал в гостинице «Россия» у милейшей княгини Гагариной; затем навестил А.Е. Саломона в Магарече, Базаровых в Никитском саду, Лаврентьевых в Наташине и, наконец, Праховых в их трущобе, называемой не без основания «Уединение»*****. Возвратился домой очень поздно, сильно утомленный.

16-го августа. Четверг. — Утром порадовала нас гроза с дождем; давно мечтали об этой благодати*****. К обеду приехали Лаврентьевы*****, а вечером посетили нас проживающие в мальцовском имении Гудим-Левковичи — муж и жена*****.

25-го августа. Суббота. — В семье нашей маленькое горе: любимая собачка***** дочери Оли вчера покончила свое существова-

** купца Постникова

** часть общества поехала туда в экипаже; но к самой даче Постникова не могла спуститься.

*** без мебели и без всяких хозяйственных принадлежностей. Праховы сами поднялись по крутой тропинке к даче Журавлева, где остановился экипаж, и оттуда уже все многочисленное и разнородное общество разъехалось и разошлось. На возвратном пути опять останавливались мы в Ялте, и пока перепрягали извозчицких лошадей, пили чай у княгини Гагариной.

**** только в 11 часов.

***** 9 часов утра до полуночи был в разъездах: приехал в Ялту в 11 утра (в своем кабриолете, в одиночку);

***** Приходилось трястись на извозчицьем дребезжащем экипаже по сквернейшим каменистым дорогам, потом пешком спускаться <ходить пешком>, взбираться по крутым тропам. К 9 часам вечера опять добрался до гостиницы «Россия», у княгини Гагариной нашел Олю и с нею вместе возвратился домой в Симеис к полуночи. Порядочно устал.

***** Но наш пессимист Банк (Яков Францович) все-таки неудовлетворен: находит, что этот дождь ничтожен и не поправит виноградников, совсем чахнувших от продолжительной сухости.

***** с которыми провели мы приятно время до 8 часов вечера.

***** Таким образом, вот второй день, что я провожу без обычных своих занятий.

***** Стрижка, Петрик, Стрик

ние. Жаль этого смышленного и милого песика; Оля же не на шутку огорчена. Почему-то ей вздумалось труп собачки не зарывать в землю, а бросить в море. Сегодня она отправилась в лодке в Мшатку, к О.А. Данилевской, с намерением исполнить на пути свое предположение*.

26-го августа. Воскресение. — Дочь Оля возвратилась** из Мшатки благополучно***, несмотря на довольно сильный ветер и волнение на море. Почти весь день провело у нас семейство Праховых****.

*******28-го августа. Вторник.** — Рано утром распростились с дочерью Надей, вероятно, на продолжительное время: она уехала с намерением поселиться в Москве. Невыразимо грустно и тяжело расстаться с нею*****.

30-го августа. Четверг. — Получена из Харькова от дочери Нади***** лаконическая телеграмма: «Алеша — генерал».

31-го августа. Пятница. — Поездка с женой в Наташино. Распростились с добрейшими Лаврентьевыми, которые собираются на днях***** покинуть Крым.

2-го сентября. Воскресение. — Посещение Анатолия Федоровича Кони. К сожалению, он пробыл у нас очень короткое время; спешил возвратиться в Ялту с тем же omnibusом, с которым приехал. Умный, образованный и даровитый человек, один из немногих, оставшихся верными идеалам шестидесятых годов.

* На беду, в течение дня поднялся сильный ветер с дождем и грозой; не знаю, как она доехала и как вернется. Сколько времени стояла совершенно безветренная погода; море постоянно было как зеркало; а теперь, как нарочно, заколыхалось и все в барашках.

** утром

*** в лодке

**** *Первоначально:* «С утра нагрянул весь табор Праховых, с которыми пришлось провести почти весь день. Погода, по-видимому, переменяется: наступают конец зноя».

***** **27 августа. Понедельник.** — Прошлою ночью была довольно сильная гроза с дождем. Однако ж наш Яков Францович Банк все еще недоволен; находит этот давно ожидавшийся дождь недостаточным для виноградников.

***** Ночью опять был дождь; погода свежая, море колыхается.

***** Утром получил телеграмму Нади из Харькова о благополучном приезде ее туда; а вечером от нее же лаконичную телеграмму: «Алеша генерал».

***** выехать в обратный путь в Петербург. Попутно сделали несколько визитов: губернаторше Лазаревой, княгине Гагариной, баронессе Пиллар. У княгини Гагариной, в гостинице «Россия», нашли князя Викт[ора] Ив[ановича] Барятинского с княгиней и одною из дочерей: они только что приехали на пароходе из-за границы. Рассказывают ужасы повсеместных наводнений в Европе, особенно в Богемии и Швейцарии.

4 сентября. Вторник. — Еще неожиданный посетитель: вчера утром появился граф Николай Федорович Гейден, бывший мой адъютант, известный более под именем Ниши. Каждый год ездит он из Петербурга в Феодосию, где у него есть дача, уступленная им монахиням какого-то монастыря. Это большой чудак, но человек чрезвычайно добрый, благотворительный, услужливый. Провел он у нас сутки и сегодня после обеда уехал в Ялту.

Вечером же навестили нас проживающие в Мисхоре оба брата Горловы (Александр и Михаил Павловичи).

5-го сентября. Среда. — Приезжал А.Ф. Кони проститься; возвращается на днях в Петербург.

6-го сентября. Четверг. — Приезжал и обедал у нас Зюсерман, которого я знал еще во время службы моей на Кавказе. Теперь он в отставке, совершенно оглох, имеет вид старческий, живет постоянно в деревне с семьей и занят сочинением биографии фельдмаршала князя Барятинского, по материалам, переданным ему князем Виктором Ивановичем Барятинским. Значительная часть его работы уже напечатана, отрывками, в «Русском архиве»³⁷⁵. В настоящее время он остановился на очень щекотливом моменте жизни покойного фельдмаршала — на его разрыве со мной и враждебных* против меня нападках в 1869 и 1873 годах. В переписке, которую я уже вел с Зюсерманом по поводу его работы, я предварял его о затруднении, которое он встретит, когда дойдет до рассказа о борьбе фельдмаршала с военным министром, и советовал ему не вдаваться в подробности этого эпизода, бросающего на его героя невыгодную тень. Однако ж Зюсерман признает невозможным обойти этот эпизод и полагает даже включить в свою биографию целиком выписки из представленных Государю князем Барятинским записок с нареканиями и обвинениями на Военное министерство, присовокупив к ним и объяснения или возражения Военного министерства³⁷⁶. Вот по поводу этой-то работы и счел он необходимым приехать в Крым и лично переговорить со мною и с князем Виктором Ивановичем Барятинским. Он прочел мне составленные им вчерне две главы; по собственному его сознанию, в них оказываются многие пробелы и сомнительные пункты, которых не мог он разъяснить за неимением некоторых документов в оставшихся после фельдмаршала бумагах. Некоторые из этих недоумений разъяснил я словесно, по иным нашел у себя в бумагах** недостававшие материалы, которые и дал ему списать; но в заключение посоветовал обратиться к генералу Лобко,

* Далее зачеркнуто: «и неудачных».

** Далее зачеркнуто: «копии <очень многие>».

начальнику канцелярии Военного министерства, чтобы получить от него более полные и несомненные данные, а вместе с тем узнать, в какой мере Военное министерство признает уместным обнародование в печати во всей подробности содержание возбужденной фельдмаршалом князем Бярятинским полемики с министерством. Зюсерман, как кажется, принял мой совет и просил меня предварить П.Л. Лобко письмом, — что и обещал я исполнить.

*** 12-го сентября. Среда.** — Прерванную с 15-го июля, по случаю сильных жаров, работу съемки возобновил со вчерашнего дня. И вчера, и сегодня доканчивал начатое прежде нанесение горизонталей**.

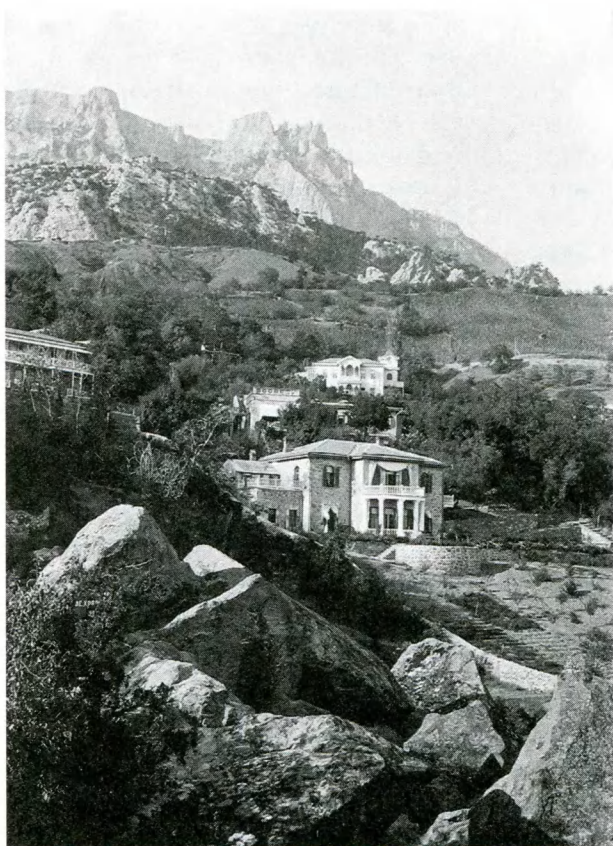
22-го сентября. Суббота. — Узнав на днях о приезде на южный берег великого князя Николая Николаевича, я поспешил облечься в парадную форму и представиться нашему августейшему фельдмаршалу. Мне сказали, что он поселился в Гаспре в доме графини Паниной; но это оказалось неверным: действительно поместился он на первое время в доме графини Клейнмихель. Приехал я туда, когда Его Высочество выехал «кататься»; мне сказали, что он возвратится очень скоро; я подождал с полчаса; но когда великий князь вернулся, состоящий при нем генерал-майор Скалон, ездивший вместе с Его Высочеством, впопыхах и торопливо удержал меня от встречи с великим князем, объявив мне, что видеть его теперь совершенно невозможно; что он в болезненном нервном состоянии, путается в мыслях и словах и что появление мое может сильно расстроить его. Само собою разумеется, что я и не настаивал на свидании с больным; приезд мой — простое исполнение долга службы и приличия; однако ж при этом я расспросил Скалона об обстоятельствах настоящего*** прискорбного состояния великого князя, который, по слухам, поправился было от постигшей его в прошлом году тяжкой

* 8 сентября. Суббота. — Закончил пересмотр всех составленных до сих пор моих записок или «воспоминаний» и уложил в особый ящик ту часть их, которая начинается с периода моего в Петербурге в конце 1860-го года и вступления в должность товарища министра. «Воспоминания» за двенадцать лет с половиной (с ноября 1860 по апрель 1873-го) вместе с «дневником» за последующие годы 1873—1888-й упакованы бережно и приготовлены к отправке на хранение в верном месте. Держать эти рукописи у себя — считаю неосторожным; решаюсь похоронить их. Только через несколько лет после моей смерти наследники узнают место погребения.

Остается пока необработанным в моих «воспоминаниях» только промежуток 1856—1860 годы, т. е. за последнюю мою службу на Кавказе. Полагаю приняться теперь за эту работу.

** на участке С[еверо]-З[апад], прилегающем к пограничной речке и соседним татарским участком.

*** Первоначально: «жалкого».

*Алупка.
Вид на Ай-Петри*

болезни. По словам Скалона, Его Высочество подвергся нервному припадку в дороге, вследствие сильного утомления на бывших больших маневрах в окрестностях Ровно, так что в проезд чрез Харьков пришлось обратиться к помощи тамошнего психиатра профессора Ковалевского, который и приехал сюда с больным. Ковалевский обнадеживает в благополучном исходе болезни. Предполагается поместить великого князя в Алупке, в замке Воронцовском, с принятием всех возможных мер к доставлению больному полного уединения и спокойствия.

Мне кажется, что в этом отношении выбор Алупки весьма неудачен*. Полагают, что пребывание больного на южном берегу продлится, по крайней мере, до будущего февраля.

* Опасаюсь и для себя, что близкое соседство с больным великим князем все-таки будет в некоторой степени чувствоваться.

С грустью вспоминаю соседство в былое время* другого члена царской семьи — владельца Орианды. Какая странная судьба двух братьев, так непохожих друг на друга и обреченных одинаково на такой печальный конец существования.

Возвратившись домой, нашел у себя неожиданного посетителя — Николая Савича Абазу. С удовольствием провел я с ним около часа утром и потом большую часть вечера. В промежутке двух своих посещений он осматривал Алупку в качестве опекуна воронцовских имений. Николай Савич приятный собеседник, умный, развитой человек. Теперь он член Государственного совета и потому рассказал мне некоторые любопытные подробности о последних законодательных делах, в которых он принимал деятельное участие (учреждение земских начальников, изменение земских учреждений³⁷⁷, перемены в классических гимназиях³⁷⁸ и др.). Всякий раз, когда случается мне слышать подобные рассказы, снова благословляю судьбу свою, избавившую меня от той пытки, которую я испытывал бы, если б должен был оставаться в Петербурге и принимать участие в теперешнем** прискорбном ходе дел.

5-го октября. Пятница. — Снова пришлось мне облечься в парадную форму, по случаю прибытия на южный берег (в имение Ай-Тодор) великого князя Михаила Николаевича с великою княгиней Ольгой Федоровной и младшим их сыном Алексеем Михайловичем. Приехал я к ним к концу их завтрака и был принят с обычною любезностию. Великий князь рассказал мне много интересного о бывших больших маневрах на Волыни, о ходе болезни великого князя Николая Николаевича, о настоящем прискорбном состоянии великого князя Константина Николаевича и т. д. Оказывается, что уже с прошлой осени замечались у великого князя Николая Николаевича начала психического расстройства; странности в его речах и поступках усилились весною, во время пребывания его за границей; однако ж по временам казалось восстанавливалось полное сознание. Развилось же в сильнейшей степени расстройство великого князя уже во время поездки его на Дон, после больших маневров. Доктор Ковалевский и приближенные к больному находят нужным устранять от него всех посетителей; сам великий князь Михаил Николаевич, приехавший три дня тому назад, до сих пор еще не видал больного брата. Профессор Ковалевский обнадеживает, что он может еще поправиться; предположение о перемещении его в наше соседство, в Алупку, еще не оставлено.

* даровитого и высокообразованного владельца Орианды.

** жалком

Просидев у Их Высочеств часа полтора и возвратившись домой, застал я у себя Николая Васильевича Исакова с его женой. Они приехали в Крым уже недели две тому назад и поселились у* баронессы Анны Ивановны Пиллар; пробудут здесь еще несколько недель. С большим удовольствием свиделся я с Николаем Васильевичем, прежним моим дорогим сотрудником по военно-учебным заведениям. К сожалению, не было достаточно времени, чтобы разговориться с ним о предметах, наиболее нас обоих интересующих; разговор был общий.

Наслышался я сегодня разных новостей; между прочим — о решенном уже удалении полковника Плева от должности управляющего ливадским имением. Поочередная смена всех местных начальствующих лиц по Департаменту уделов есть, по-видимому, общая система, принятая в этом ведомстве со времени вступления графа Воронцова-Дашкова в должность министра Двора. Очередь дошла и до Плева, несмотря на то, что он, яко шуриин военного министра, считал себя непоколебимым на своем месте**.

Другая новость — внезапная смерть ялтинского уездного предводителя дворянства Кустаревского, который в день приезда великого князя Михаила Николаевича был в числе многих лиц, встречавших Его Высочество на ялтинской пристани, и в самую минуту прибытия его упал тут же на месте замертво.

9-го октября. Вторник. — Сегодня приезжал новый управляющий Масандрой (назначенный на место Афанасовича) — генерал-майор Евреинов, служивший до сих пор в канцелярии Военного министерства и потому уже знакомый мне***. Это человек дельный****, но вовсе не подготовленный к новым обязанностям. В разговоре, конечно, коснулись удаления от должности полковника Плева и узнали от Евреинова все подробности этого***** внезапного решения. Впрочем, подробности эти отчасти были уже нам известны из рассказа супруги Плева, посетившей нас вчера вечером. По ее словам, причиной всей катастрофы было исключительно минутное раздражение нового директора Департамента уделов князя Вяземского, который, приехав в Ялту ночью*****, был непри-

* добродушной

** Слышанные мною рассказы о поводах к его увольнению едва ли могут быть признаны достоверными.

*** Он остался обедать и пробыл до 6-го часа вечера.

**** симпатичный

***** неожиданного и совершенно внезапного

***** когда никто не ожидал его

ятно озадачен* невнимательностью Плеца, не принявшего никаких мер к подобающей встрече своего** начальника***.

Сегодня же прибыл классный топограф Орлов, производящий съемку южного берега Крыма. Я предложил ему поселиться на некоторое время у нас, в одной из новых построек, возведенных для помещения рабочих; он же вызвался вычертить начисто мою съемку****. Приезд его в настоящее время пришелся совершенно кстати: дня чрез два надеюсь закончить вычерчивание и иллюминировку моего брульона (чернового плана)*****.

10-го октября. Среда. — Великий князь Михаил Николаевич удостоил меня своим посещением с состоящим при нем генерал-майором Барановым. Он пробыл у нас часа полтора. Сообщенные им сведения о состоянии великого князя Николая Николаевича весьма печальные: психическое расстройство его доходит до буйственного состояния, после которого наступает продолжительное забытие, полная прострация. Профессор Ковалевский ожидал уже или смертельного исхода, или размягчения мозга с последствием его — идиотизмом. Однако ж вчера наступило относительное успокоение больного. Великий князь Михаил Николаевич два раза видел своего брата, во время бессознательного его состояния. Ожидают приезда сына Николая Николаевича младшего и принца Александра Петровича Ольденбургского.

13 октября. Суббота. — По случаю дня рождения великого князя Михаила Николаевича ездил я с поздравлением в Ай-Тодор, к завтраку. Нашел там только что приехавших великого князя Николая Николаевича младшего и принца Александра Петровича Ольденбургского; кроме них были за завтраком только лица свиты обоих великих князей*****.

На возвратном пути из Ай-Тодора заехал я в Кореис к Сумарковым-Эльстон, а вечером приехал ко мне принц Ольденбургский, который, как оказалось, поселился в Алушке, равно как и великий князь Николай Николаевич младший.

Погода отвратительная; все утро шел дождь.

* отсутствием

** прямого

*** в предназначенных ему комнатах <помещениях>, в так называемом Ливадском доме (в Ялте).

**** нашего имения

***** Затем остается мне еще снять отдельный участок нашего имения, называемый «Байрам-бахчи», не уместившийся на одной мензуральной доске с остальным пространством имения.

***** (Николая и Михаила Николаевичей), да еще отец Базаров.

Говорят, что сегодня в состоянии великого князя Николая Николаевича заметно некоторое улучшение. Из Петербурга прибыл доктор Мержеевский, считаемый лучшим нашим психиатром.

14-го октября. Воскресение. — Отдал визиты принцу Ольденбургскому и* великому князю Николаю Николаевичу младшему. Вечером были у нас графиня Елена Серг[еевна] Сумарокова-Эльстон с ее сестрой княгиней Голицыной**.

15-го октября. Понедельник. — Еще раз пришлось подняться с мензулой на высоты, чтобы взять направление на некоторые отдаленные точки, по которым можно было бы ориентировать мой план и определить направление инстин***ного меридиана, пользуясь триангуляцией <производящейся ныне> военно-топографической съемки Крыма. Сегодня уже передал свой план классному топографу Орлову для копирования его начисто****.

Под вечер приехал ко мне***** великий князь Николай Николаевич младший; завтра же он уезжает обратно в Петербург; принц Ольденбургский уехал уже сегодня. Улучшение в состоянии больного великого князя Николая Николаевича старшего, как слышно, продолжается.

16 октября. Вторник. — Поездка в Ялту с двойною целью: отдать визит Исаковым и встретить сына, известившего о своем приезде на пароходе*****. У Исаковых завтракал и провел приятно часа два; но затем пришлось***** несколько часов болтаться в Ялте в ожидании прихода парохода. На беду мою, пароход сегодня сильно запоздал; вместо 6-ти часов, как значится в расписании, он прибыл только в 10-м часу вечера*****. В довершение досады моей, ожидание оказалось напрасным: в исходе 10-го часа, когда наконец начали причаливать к пристани пассажиры с парохода, — подали мне телеграмму сына о том, что он, не дождавшись в Севастополе пароход, отпра-

* записал свое имя у великого князя Николая Николаевича младшего.

** и Плецом. С последними, конечно, главным предметом разговоров была история <столкновение> его с князем Вяземским.

Погода продолжает быть дождливою, но сегодня довольно тепло.

*** *Далее текст, переписанный А.М. Перцовой, обрывается. Публикация осуществляется по подлиннику. Вычеркнутый в подлиннике Д.А. Милютиним текст дается в подстрочнике.*

**** Сильный ветер затруднял мне работу; но погода ясная, хотя и свежая.

***** отдать визит

***** Кстати, заехал по дороге к Плецу.

***** целый день баклушничать

***** так что я провел около 4 часов на грязной пристани.

вился оттуда на лошадях сухопутно. Возвратившись домой, уже в 12-м часу ночи, я нашел там своего новопроизведенного генерала.

28 октября. Воскресение. — *На днях заезжал к нам великий князь Михаил Николаевич с великой княгиней Ольгой Федоровной и генералом Павловым, бывшим начальником штаба Кавказской армии (а теперь командир корпуса). Они не застали дома ни меня, ни жены; мы оба еще работали на Байрам-Бахчи, на высоте более 90 сажений над уровнем моря**.

29 октября. Понедельник. — Сегодня ездил с женой в Ай-Тодор, чтобы поблагодарить Их Высочества за вчерашнее их посещение и вместе с тем проститься с великим князем, уезжающим на днях в Петербург. Великая княгиня остается еще на несколько дней.

На возвратном пути заехали в Кореис к княгине Анне Сергеевне Голицыной, у которой нашли многочисленный съезд гостей по случаю дня рождения хозяйки.

31 октября. Среда. — Поездка в Ялту с сыном. Немедленно по приезде туда он отправился вместе с С.И. Руденко по новой дороге в Бахчисарай; я же ездил в Масандру, чтобы отдать визит генерал-майору Евреинову, а затем обедал у графа Ностица; на возвратном пути заехал к Шаховым***.

Отъезд из Крыма великого князя Михаила Николаевича, предполагавшийся сегодня, отложен, вероятно, по случаю какой-нибудь новой перемены в состоянии великого князя Николая Николаевича****.

2 ноября. Пятница. — Ездил в Кореис к князю Виктору Ивановичу Бяратинскому, возвратил ему присланные мне для прочтения две главы сочиняемой Зюсерманом биографии покойного фельдмаршала князя А.И. Бяратинского — те самые главы, которые были уже прочитаны мне автором, два месяца тому назад, и переделаны им по

* *Начало записи зачеркнуто.*

«Последние четыре дня (со среды до субботы) усердно занимался съемкой отдельного нашего участка «Байрам-Бахчи» и оставался на работе в поле до 5-го часа пополудни, так что в распределении дня (время обеда) пришлось нарушить обычный порядок. Зато главная работа в поле почти закончена; осталось еще раз побывать на месте, чтобы нанести горизонтали и некоторые детали. Сегодня большую часть дня употребил на вычисление высот; да и завтра предстоит заняться тою же работой. Притом необходимо и отдохнуть от усиленной четырехдневной работы. На счастье мое, погода стояла прекрасная.

** В среду обедал у нас граф Ностиц, приехавший, по своему обыкновению, с фотографическим аппаратом; а вчера обедал начальник крымских шоссе Ст[епан] Ив[анович] Руденко.

*** (на даче баронессы Пиллар).

**** а, быть может, по случаю приезда сюда профессора Ковалевского, обещавшего по времени навещать своего пациента.

материалам, сообщенным ему генералом Лобко. Хотя в теперешнем своем виде изложение этих глав уже гораздо ближе к истине и менее пристрастно в пользу героя биографии, однако ж все-таки я должен был сделать несколько заметок (карандашом на полях). Обе главы очень слабы в редакционном отношении.

Князь Виктор Иванович очень симпатичный человек, образованный, обходительный, любезный; к сожалению, он так же, как покойный его брат, страдает подагрой и сверх того [хирагрой]. Я застал его вдвоем с одною из дочерей; остальная часть семьи сегодня в разъездах.

***8 ноября. Четверг.** — По случаю Михайлова дня ездил в Ай-Тодор, поздравить великую княгиню Ольгу Федоровну; но попал в такой час, когда она собиралась выехать и не могла уже принять меня**.

9 ноября. — Уже несколько дней, как погода переменялась***, а сегодня утром вся местность кругом дома покрыта снежной пеленой****.

Окончил я чтение чрезвычайно интересной книги «Dans les térébres de l'Afrique». Это мастерски написанный рассказ о последнем путешествии Стенли на выручку Эмина-паши. Читается как самый занимательный роман. Эмин-паша представляется в этом рассказе человеком, далеко не***** оправдывающем приписываемой ему репутации героя и замечательного администратора³⁷⁹.

13 ноября. Вторник. — После четырехнедельного пребывания своего на отдыхе, в нашем уединенном Симеисе, сын мой уехал сегодня вечером в Ялту, откуда отправляется морем в Одессу и далее в майорат в***** Польше³⁸⁰.

25 ноября. Воскресение. — *****Ездил в Алупку (пешком пройти нет возможности по причине непролазной грязи), отдать визит генерал-майору Орлову***** , бывшему адъютанту великого князя

* **3-го ноября. Суббота.** — С утра погода дождливая, густой туман. Не мог выйти на работу съемки; а мне необходимо еще раз (и надеюсь, в последний) поработать с мензулой, собственно для проверки некоторых вертикальных углов на снятом мною в последнее время участке.

** Расписался в книге.

*** очень посвежело

**** Однако ж до полудни весь мокрый снег стаял. В первый раз затопили некоторые печи в комнатах.

***** *Первоначально:* «далеко не заслуживающим такой славы, котор[ую]».

***** в Мехове. До Ялты поехала с ним и дочь Ольга. В последние дни погода скверная; сильный ветер дует непрерывно, и море колышется. Как-то будет для сына переход до Одессы?

***** Только с 19-го числа оказалось возможным возобновить мою работу съемки и продолжать ее всю неделю безостановочно. Сегодня же, в воскресный день, воспользовался воскресным и притом солнечным днем, чтобы съездить в Алупку.

***** и проверить свои часы по солнечным

Николая Николаевича, а теперь управляющему Двором Его Высочества. Из рассказов Орлова оказывается, что болезненное состояние великого князя близко к полному умопомешательству.

Сегодня назначен был отъезд великой княгини Ольги Федоровны; но говорят, отложен до вторника, вследствие нездоровья Ее Высочества.

26 ноября. Понедельник. — *Приезжал генерал Орлов вместе с прежним своим сослуживцем (при великом князе Николае Николаевиче) генерал-лейтенантом Тутолминым, приехавшим только сегодня в ночь с Кавказа, чтобы посетить бывшего своего начальника, больного великого князя. Тутолмин начальствует Казачью дивизию, расположенную в Карской области; по словам его, полки этой дивизии несут крайне тяжелую службу на непомерно обширном пространстве. Положение больного великого князя произвело на Тутолмина удручающее впечатление, тем более, что он вовсе не ожидал найти Его Высочество в таком состоянии.

29-го ноября. Четверг. — Со вчерашнего дня гостем у нас свояченица моя Дора Михайловна Понсэ**. Вторичное посещение генерала Тутолмина, который завтра же уезжает обратно в Закавказье***.

* Опять дождь целый день; не мог выйти на работу.

** чтобы погостить у нас несколько недель. Редкие приезды ее, конечно, доставляют жене моей приятное развлечение, несмотря на неудобства обоюдной их глухоты.

*** Два дня сряду (вторник и среду) удалось мне хорошо поработать на своей мензуле; а сегодня опять погода пасмурная, холодная.

2 декабря. Воскресение. — Посещение князя Виктора Ив[ановича] Баятинского.

3 декабря. Понедельник. — Последний день работы в поле с мензулой; остается лишь наносить контуры и горизонталы на соседних участках Янчеева и алупских татар. Выглянуло солнце, но сильный ветер.

10 декабря. Понедельник. — В истекающую неделю только два раза было возможно выйти в поле, чтобы закончить мою съемку, и то с грехом пополам: холодно, ветрено и очень грязно, особенно на вспаханных полях. Сегодня, в третий день, закончил нанесение контуров и горизонталей на землях соседей, а засим остается лишь чертежная работа.

11 декабря. Вторник. — С самого возвращения моего из заграничного путешествия, в свободные часы вечера, занимался я чтением «Геологии» профессора Иностранцева³⁸¹. Сегодня я окончил это чтение. Какая интересная наука; но как много еще нужно работать специалистам по этой части, чтобы пополнить пробелы в нынешнем ее состоянии. Много остается еще неразгаданного и сомнительного. Книга Иностранцева есть учебник для студентов Петербургского университета; она составлена и издана очень хорошо, можно только упрекнуть ему, что в первой части (петрография и стратиграфия) при объяснении различий в породах приводятся указания на геологические периоды, о которых учащийся узнает только во второй части.

15-го декабря. Суббота. — Окончательная ликвидация моих топографических работ: снял все расставленные вехи; отправил* в Тифлис, к классному топографу Орлову и дополнительную часть своей съемки**, упаковал мензулу, со всеми ее принадлежностями, для отправления в Петербург, в Военно-топографический отдел Главного штаба, откуда эти инструменты были мне выданы на время, благодаря любезности генерал-майора Коверского. Они оставались в моем пользовании более двух лет (с осени 1888 года) — гораздо долее, чем я предполагал первоначально.

Между первым моим учебным опытом по части съемки, в детском возрасте, в 1826 году (сохранившимся у меня планами отцовского имения, села Титова), и только что оконченную старческой работою (планом имения в Симеисе) — промежуток времени немалый для человеческой жизни: целых 64 года!***

16-го декабря. Воскресение. — Сегодня утром уехала от нас обратно в Бессарабию Дора Михайловна Понсэ. Жена моя провожает ее до Севастополя, где намерена пробыть один день. Они поехали сухопутно, на почтовых, в нашей карете****.

20-го декабря. Четверг. — Ездил я в Ялту отдать несколько визитов****, между прочим, Александру Фомичу Петрушевскому, некогда служившему в канцелярии Военного министерства; теперь он в отставке, больной, хилый, по совету врачей поселился на зиму в Ялте. Этот почтенный старик — автор лучшей биографии Суворова*****³⁸².

Вечером шел небольшой снежок; дорога побелела; но, вероятно, ненадолго*****; термометр стоит выше нуля.

* по почте

** (верхнего участка имения и смежных с ним)

*** Распростившись с полезною своею работою, не знаю, радоваться ли тому, что окончил труд — по правде сказать, довольно тяжелый для моих лет, — или сожалеть о том, что не будет уже у меня занятия, которое наполняло мои досуги, служило полезным моционом и развлечением, не хуже всякого любого спорта.

**** Погода сегодня ясная, без ветра; но довольно свежая. Утром было — 3° Р.; но в полдень, на солнце, температура поднялась выше 17° Р.

***** князю В.И. Бярятинскому, Кочубеям, зашел к Н.В. Исакову, который переселился в гостиницу «Россия», так же, как и Бярятинские и Титовы; посетил бывшего моего сослуживца Александра Фомича Петрушевского,

***** На возвратном пути домой заехал в Ливадию к Плещу.

***** так как

Комментарии

¹ Д.А. Милютин подразумевает дочерей — Елизавету Дмитриевну Шаховскую и Елену Дмитриевну Гершельман.

² Очевидно, речь идет о последних письмах А.В. Головнина за октябрь—декабрь 1881 и начало 1882 г. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 33, 34.

³ Речь идет о цензурной политике министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева. За время его министерства было сделано 16 административных запретов различным органам печати. В этой области, более чем в других, сказывалось влияние обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева. Либеральная газета «Голос», издававшаяся А.А. Краевским и В.А. Бильбасовым, была запрещена на полгода. Была приостановлена на полтора месяца и другая петербургская либеральная газета «Порядок», издававшаяся М.М. Стасюлевичем, вследствие жалобы московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова на публикацию статьи о заседании Московской городской думы (см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 409—411).

⁴ В письме от 11 января 1882 г. А.В. Головнин сообщал Д.А. Милютину о том, что «его статья о военных реформах читается в Петербурге всеми военными, служит предметом бесчисленных разговоров и величайших похвал»; но, как отмечал Головнин, «она не будет прочитана Государем в Гатчине, потому что никто не решится доложить о ней и никто не упомянет в простом разговоре». В этом письме Головнин писал также: «...Мания доносов распространяется во всех слоях общества. Я получаю анонимные письма с доносами на моих лакеев в том, что они говорят обо мне дурно. Неужели анонимный писатель воображает себе, что я не знаю, что лакеи за спиной своих господ всегда говорят об них дурно...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 7, 8).

Статья Д.А. Милютина была опубликована в «Вестнике Европы» (1882. № 1), см. также: *Милютин Д.А.* Дневник. 1873—1875. М., 2008. С. 313—337.

⁵ Подлинные письма М.М. Стасюевича от 25 декабря 1881 г. и 14 января 1882 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 51.

В письме от 25 декабря 1881 г. Стасюевич благодарил Д.А. Милютину за разрешение опубликовать в «Вестнике Европы» начало его

«замечательного труда». «Для Вас, — писал Стасюлевич, — это был труд, а для людей интересующихся делом, это целое событие» (Там же. Л. 1; см. также: Л. 3—4 об.).

⁶ Речь идет о письме инспектора 1-го кадетского корпуса П.И. Рогова от 21 января 1882 г., в котором он отмечал: «...Стремятся вернуться к положению, существовавшему до 1870 г., ищут идеалов назад, хотя, вопреки указаниям опыта жизни, передать окончание почти всех общеобразовательных предметов в военные училища, думают успокоить раздражение г. Каткова, воскресив названия “кадетских корпусов”, мечтают построить все общее образование на иностранных языках, из 203 недельных уроков, уделяя 71 на французский и немецкий языки; все это творится без всякого плана, без определенной цели, из желания поставить на своем, заявить о своей деятельности, угодить новому спросу...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 74. Ед. хр. 3. Л. 3—4).

⁷ Письмо Д.А. Милютина к Н.В. Исакову не обнаружено.

⁸ В письме от 12 января 1882 г. А.В. Головнин сообщал, что у гр. А.А. Суворова 11 января в Государственном совете «был легкий удар», «отнялся язык», но положение улучшается, «общее состояние удовлетворительное». В связи с болезнью Ф.П. Литке у Головнина был разговор с бароном А.П. Николаи о новом президенте Академии наук. «Натурально, — писал Головнин Милютину, — мы оба произнесли Ваше имя. Скажите, пожалуйста, откровенно — согласитесь ли Вы принять эту должность, если она будет Вам предложена, или наотрез откажитесь и кого могли бы рекомендовать на оную. Академия и подведомственная ей обсерватория ведут вперед науку. Быть руководителем этого движения — роль заманчивая, чистая, благородная. Ваше отсутствие в Петербурге есть, конечно, отсутствие временное» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 9—10).

В ответном письме от 19 января Д.А. Милютин писал: «...Что за странная у Вас мысль — прочить меня в кандидаты для замещения его [Ф.П. Литке, — *прим. публ.*] в звании президента Академии наук! Кроме того, что я не считаю за собою права на подобное почетное звание, я отклонил бы и всякое другое назначение при теперешнем положении дел и настроении, господствующем в известных сферах...». Касаясь вопроса о кандидате на эту должность, то Милютин замечал: «Мне кажется, что для такого звания нужно одно из двух: или человека, пользующегося высоким авторитетом в науке, или особу высокопоставленную, например, из царской фамилии. Если у нас в настоящее время нет ни одного русского ученого, удовлетворяющего условию бесспорного авторитета, — то ближе всех, подходящую особу из царской фамилии был бы конечно Константин Николаевич» (Там же. Карт. 51. Ед. хр. 90. Л. 5 об., 6, 7).

⁹ См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 55. Л. 25—32 (подлинники писем Н.В. Исакова от 7 февраля и 26 мая 1882 г.).

¹⁰ Имеется в виду письмо А.А. Баранцова от 19 января 1882 г., в котором сообщается о создании при Департаменте государственной экономии Государственного совета комитета для рассмотрения деятельности Военного министерства в предшествующий период. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 26. Л. 5–8 об.

¹¹ В письме от 15 января 1882 г. К.Д. Кавелин писал: «...Я не вижу около Государя ни одного не только замечательного, но ни одного с простым здравым смыслом человека. При таком положении вещей мы подвергаемся большой опасности или извне, от нападения немцев, или внутри, от брожения, которое заметно усиливается, и, если ничего не будет сделано, скоро перейдет в бестолковую русскую смуту, которая потянется долго и с которой трудно будет справиться...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 61. Л. 1–8 об.; цитируется: Л. 3 об.).

Письмо опубликовано с купюрами в журнале «Вестник Европы» (1909. Кн. 1. С. 8–12).

¹² 12 января 1882 г. М.Д. Скобелев на обеде в ресторане Бореля в честь годовщины штурма и взятия крепости Геок-Тепе произнес речь, направленную против политики Австро-Венгрии в отношении славянских народов. Управляющий Министерством иностранных дел Н.К. Гирс был вынужден принести извинения австрийскому правительству за эту речь. В начале февраля к находившемуся в Париже Скобелеву явилась делегация сербских студентов с благодарностью за речь, произнесенную 12 января. В ответ на это Скобелев снова выступил с заявлением, направленным против немцев. Это заявление было целиком напечатано в газете «Голос», № 36 от 10 февраля 1882 г. В связи с этим в «Правительственном вестнике» было опубликовано следующее сообщение: «По поводу слов, сказанных генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, распространяются тревожные слухи, лишённые всякого основания. Подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей внешней политики, ни изменить наших добрых отношений с соседними державами, основанных столь же на дружественных узах венценосцев, сколько и на ясном понимании народных интересов, а также и на взаимном строгом выполнении существующих трактатов» (№ 29, 1882). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

¹³ Имеются в виду записки о реальных училищах, составленные в 1881 г. следующими лицами: редактором «Педагогического журнала» Н.Х. Весселем, профессором и директором Петербургского технологического института И.А. Вышнеградским, директором Казанского реального училища А.П. Орловым и директором 1-го петербургского реального училища В.Ф. Эвальдом. Печатные экземпляры этих записок см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 1–6. Письмо А.В. Головнина от 17 января 1882 г. см.: Там же. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 11–11 об.

- ¹⁴ О ходе рассмотрения Государственным советом проекта учебной реформы в марте—мае 1871 г. подробно см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 377—380.
- ¹⁵ Упомянутое письмо датируется 22 февраля 1882 г. Сообщая А.В. Головнину о своем впечатлении от прочитанных записок по вопросу о реальных училищах, Милютин писал: «...При всем разнообразии собранных мнений по этому вопросу, почти все сходятся в одном — что нынешние реальные училища никуда не годятся и что главная ошибка в их устройстве заключается в двойственном их назначении, т. е. в том, что им придан характер специально-прикладной, профессиональный. Мнение это я высказывал при самом рассмотрении проекта в 1872 году; но тогда нас, “реалистов”, не хотели слушать, и гр. Толстой со своими наперсниками достиг вполне своей цели — унижить реальное образование, так чтобы не допустить никакой конкуренции с классическими гимназиями. Если теперь подобная цель уже совершенно устраняется нынешним Министерством народного просвещения, если оно желает действительно исправить сделанную десять лет тому назад ошибку, то оно, конечно, примет за основание предстоящего преобразования указываемую ныне с замечательным единогласием необходимость в средних учебных заведениях с курсом общеобразовательным реальным, вполне параллельным с курсом классических гимназий...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 90. Л. 13—13 об.).
- ¹⁶ Подразумевается убийство Александра II 1 марта 1881 г.
- ¹⁷ Речь идет о письме П.С. Ванновского от 26 февраля 1882 г. К письму приложены: печатная записка под названием «Сравнительные сведения о числе членов, занимавших административные должности и о количестве переписки за последние 20 лет» и газетные вырезки со статьями о военных реформах Д.А. Милютина из газет «Кавказ» от 20 января 1882 г. и «Новости» от 23 октября 1881 г. (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 45. Ед. хр. 3).
- ¹⁸ В архивном фонде Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169) упоминаемое письмо Б.А. Милютина не обнаружено.
- ¹⁹ Имеется в виду письмо Д.А. Милютина от 17 марта 1882 г. и ответное на письмо А.В. Головнина от 5 марта. В нем Милютин, в частности, писал: «...Мне было весьма лестно прочесть выписку из письма в. к. К[онстантина] Н[иколаевича] и одобрителный отзыв графини Бобринской о моем мнении по вопросу о реальных училищах. Вопрос этот так близок мне к сердцу, что не могу воздержаться от сообщения Вам еще некоторых мыслей по поводу присланных Вами копий и замечаний Комиссии, учрежденной для пересмотра Устава реальных училищ в разрешение предложенных ей основных вопросов, и с письма к Вам барона Николаи от 4 марта. Все замечания Комиссии, на мой взгляд, вполне основательны и согласуются с высказанными мною соображе-

ниями. Могу сделать только одно замечание касательно пункта 8-го: мне кажется, что в отношении прав по службе реальные училища предполагаемого нового устройства должны быть поставлены совершенно наравне с гимназиями... Мне кажется, что с преобразованием этих последних [реальных училищ, — прим. публ.], необходимо будет возбудить вопрос об изменении этой статьи Устава о воинской повинности. Но означенные заключения Комиссии составляют прямые ответы лишь на предложенные ей министром просвещения вопросы. Понятно, что при постановке этих вопросов и не имелось в виду касаться более общих оснований нашей учебной системы, именно отношений реального образования к классическому гимназическому и к университетскому. Признаюсь, что я пожалел о таком ограничении, особенно узнав из письма бар. Николаи, что он сам разделяет основную нашу мысль об установлении тесной связи между обоими видами среднего образования, объединением их в низших классах. Но барон не находит возможным *ныне* поднять подобный вопрос. Вполне понимаю то затруднительное положение, в которое он поставлен, и не могу не разделять Вашего мнения, что ему следует действовать крайне осторожно. Но если обстоятельства теперь таковы, что направление учебной части в государстве дает не министр просвещения, а редактор какой-то газеты, и если так опасно разгневать московского пророка, — то является вопрос: не лучше ли и не приступать в такое время к преобразованиям? Не следует ли пока ограничиться частными поправками существующих, слишком явных недостатков? Сделанное же ныне преобразование в том виде, в каком признается возможным, — не закроет ли и на будущее время путь к преобразованию более рациональному?» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 90. Л. 22—25 об.). Упомянутые Милютиным высказывания бар. А.П. Николаи и графини А.А. Бобринской см.: Там же. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 36—36 об., 38—39. Подлинное письмо А.В. Головнина от 12 марта см.: Там же. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 24—25.

²⁰ В письме от 26 марта 1882 г. А.В. Головнин писал: «...Оба — Николаи и Грот — специалисты, так сказать техники; оба желали работать, оба консерваторы, роялисты, люди осторожные, под начальство которых пошел бы каждый. Я не понимаю графа Игнатьева. Говорят, что он чрезвычайно умный человек. Если это правда, то как же он, будучи первым министром, всемогущим министром, не употребил этих двух умных людей как свои орудия. Поручив одному народное просвещение, другому тюрьмы, он мог бы спать спокойно относительно этих двух ведомств и сберечь себе время для других трудных дел. Для собственного комфорта следовало это сделать...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 34. Л. 26—26 об.).

²¹ Светлейший князь А.К. Имеретинский, известный своей боевой деятельностью в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. и участием в

Верховной распорядительной комиссии 1880 г., был назначен 7 октября 1881 г. главным военным прокурором и начальником Главного военно-судного управления. 10 марта 1882 г. Имеретинский представил военному министру записку об общих основаниях изменений в действующем военном судоустройстве и судопроизводстве. Эту записку имел в виду Д.А. Милютин. Содержание записки Имеретинского подробно изложено в кн.: Столетие Военного министерства. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1914. С. 358–361; см. также: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 26.

²² Речь идет о письме А.В. Головнина от 2 апреля 1882 г., в котором он сообщал «вкратце то, чего не мог бы писать по почте...». По его словам, «о событиях внутри империи менее и менее дозволяется печатать в газетах, и более и более мы становимся несведущими людьми, в том что происходит... Много делается такого, что в масть революционной социальной пропаганде...». Сообщая о недалёковидности позиции К.П. Победоносцева в отношении старообрядцев, Головнин замечал: «Неужели умно и раскольников возбуждать против правительства» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 35. Л. 1, 4 об., 5).

²³ Подлинник цитируемого письма А.В. Головнина от 30 апреля (12 мая) 1882 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 35. Л. 22–23 об.

²⁴ В дневнике вел. кн. Константина Николаевича сохранилась запись об этом дне: «...Именины мои, сына Кости и внука Тино. Погода отвратительная, не более 12° и почти весь день дождь. Утром, когда пришел к себе пить кофе, застал только что приехавших Попова и Кази. Большая радость с ними видеться, и все утро болтали. Они мне привезли преинтересные письма из Питера, которые продолжают рисовать все ту же грустную и страшную картину. Слушал обедню в верхней Ливадской церкви. В 1 ч. у меня большой завтрак в саду под палаткой. Были Милютин, Путятин, севастопольский Никонов, корпусной Галлер, дивизионный Корф, полковой Авинов, городской голова Врангель, Попов, Кази, Зефиropулла. Позвал потом Милютина к себе и читал ему интересные места из писем. Передавал ему рассказ княгини о 1-м марта. И он что-то помнит про подписанную бумагу и что про это рассказывал Владимир в заседании у Лориса накануне Манифеста, de triste mémoire и хотел справиться в своих записках...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 113. Л. 52–52 об.). Упоминаемые в тексте «Дневника» Д.А. Милютина письма к вел. кн. Константину Николаевичу в его личном архивном фонде (Ф. 722) не обнаружены.

²⁵ Речь идет о Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия под председательством гр. М.Т. Лорис-Меликова. Этот высший распорядительный орган, созданный в феврале 1880 г., призван был объединить действия всех властей, прежде всего жандармско-полицейских и судебных органов для борьбы с революционным движением, должен был способствовать ускорению производства дознаний по политическим преступ-

лениям, улучшению организации административной ссылки и полицейского надзора. См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 203.

- ²⁶ Имеется в виду кн: *Лаферте В.* Александр II, неизданные материалы о его личной жизни и смерти. Париж, 1882.
- ²⁷ Газетные вырезки, полученные Д.А. Милютиным в мае 1882 г. от А.В. Головнина, хранятся в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 98. Ед. хр. 47). В упоминаемом письме А.В. Головнина от 13 мая 1882 г., также сообщается о книге В. Лаферте, написанной по рассказам княгини Юрьевской. «Судя по подробностям, — отмечал Головнин, — это весьма вероятно. В нескольких местах о Вас говорится с большим уважением и сочувствием» (Там же. Карт. 61. Ед. хр. 36. Л. 3 об.).
- ²⁸ В письмах к Д.А. Милютину от 13 мая и 1 июня 1882 г. А.В. Головнин сообщал о приезде М.Т. Лорис-Меликова в Петербург: «...Гр. Лорис-Меликов приехал третьего дни. Семейство его будет жить лето в имении родственника близ ст. Чудово. Сам он поедет в Эмс. Он ищет годовую квартиру. Говорят, что от приема в Петербурге будет зависеть, останется ли он на зиму здесь или поедет в Ниццу. Сомнительно, чтобы он получил какое-либо назначение...». В следующем письме Головнин писал также: «...Лорис недоволен приемом в Петербурге и нашел оный только что приличным. Он рассказывал самым интимным, что ожидал грубостей, но что оных не было, но что его не оставляли завтракать, не звали обедать...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 36. Л. 3 об.; Л. 16).
- ²⁹ Речь идет о статье: *La situation en Russie. S.-Petersbourg et Moscou // La nouvelle revue.* 1882. Fevr. 15. P. 713—731. *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ³⁰ Имеется в виду письмо Д.А. Милютина к А.В. Головнину от 22 мая 1882 г. по поводу статьи «*Que faire? Reponse a l'auteur de "la situation en Russie"*» (см. коммент. 29). «...Без сомнения, Вы прочтете эту гнусную статью, — писал Милютин, — и тоже будете возмущены как общим направлением ее содержания, так и ложью и клеветой, которыми она переполнена. Я думал было послать в редакцию заявление о ложных фактах, приведенных автором на мой счет, но остановился в том соображении, что статья эта оскорбительна не для одной моей личности, а затрагивает честь почти всех правительственных лиц прошедшего царствования и даже некоторых из теперешних министров. Вводимые на них обвинения так тяжки, что, быть может, правительство само признает нужным возбудить против редакции журнала судебное преследование за диффамацию. Соображая, кто мог бы быть автором такого пасквиля, я невольно останавливаюсь на жиде Ционе, который играл главную роль при напечатании в том же журнале наделавшей в свое время столько шума статьи о подвигах великого князя Николая Николаевича... Что наводит меня на заподозрение этого жиде в составлении настоящего

пасквиля, — это употребляемые им приемы для большей яркости красок, — именно приводимые анекдоты, совершенно вымышленные... Автор говорит, будто военные гимназии были учреждены мною “в пику” гр. Толстому, как противудействие его классическим гимназиям; нужно ли напоминать, что военные гимназии учреждены несколько лет ранее самого назначения гр. Толстого министром и почти все преобразованы из прежних кадетских корпусов... Но что в особенности возбуждает негодование и возмущает меня, — это гнусные обвинения в том, будто бы я содействовал развитию нигилизма, будто бы в беседах моих с подчиненными (!?) позволял себе высказывать самые преступные идеи... Автор доходит до того, что уверяет, нагло, будто наша армия в кампанию 1877—1878 оказалась во всех отношениях хуже турецкой!! Неужели никто не поднимет голоса и за нашу славную *победоносную* армию? Но далее являются уже тяжкие обвинения и теперешних министров. Останется ли без громкого возражения чудовищное обвинение ген[ерала] гр. Игнатъева в подстрекательстве антиеврейских побоищ?! Сделайте одолжение, дорогой А[лександр] В[асильевич], сообщите мне, если узнаете, какое впечатление произведет в Петербурге означенная статья, и Ваше собственное мнение...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 91. Л. 12 об., 13—13 об., 14—14 об., 15—15 об.).

- ³¹ Адмирал А.А. Попов был конструктором новых броненосцев береговой обороны, вооруженных крупнокалиберной артиллерией, которые называли «поповками».
- ³² Брошюра «Истинные интересы славянства и мир в Европе. Ответ генералу Скобелеву графа Петра Кутузова» в архиве Д.А. Милютинна не сохранилась. *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ³³ Д.А. Милютин имеет в виду скорострельные пушки образца 1877 г., производившиеся на заводе Круппа. Следует отметить, что эти пушки были сконструированы отнюдь не Круппом, а русскими артиллеристами А.В. Гадиным и Н.В. Маиевским. В конце 1860-х — начале 1870-х гг. германская армия имела на вооружении большое количество орудий, изготовленных по русским чертежам. Крупп охотно шел на производство пробных орудий бесплатно, чтобы иметь возможность использовать достижения русской военно-технической мысли. *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ³⁴ Автор не точен: упомянутая книга называется «L'Empire de Tsars et les Russes» (V. 1. Paris, 1881). *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ³⁵ Литографированный экземпляр всеподданнейшего отчета (доклада) Военного министерства за 1881 г. с пометами Д.А. Милютинна хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 32. Ед. хр. 5).
- ³⁶ Упомянутое письмо А.В. Головнина датируется 1 июня 1882 г. В этом письме Головнин писал: «...Очень хотелось бы мне поверить Вашим мнением мой взгляд на последовавшую замену Игнатъева Толстым.

На первого смотрели за границей правительства и финансисты как на знамя задирающей политики, воинственных замыслов и как на человека, которому нельзя верить, и министра, который не в состоянии справиться с внутренним неустройством. Поэтому увольнение его принесет пользу для внешних дел, но пользу умеренную, небольшую, потому что кроме его личности есть много других причин, которые потрясли доверие, а доверие особенно денежное, не скоро восстанавливается; относительно дел внутренних, бесспорно, что Толстой человек умный, образованный, говорящий правду (в подлиннике слова «говорящий правду, трудолюбивый» подчеркнуты Д.А. Милютиным карандашом и поставлен «?», — *прим. публ.*), *трудолюбивый* и умеющий заставить других работать настойчивее — все это выигрыш, но спрашивается, какое будет его направление, к чему будет стремиться, какие средства употреблять? Все это для меня вопрос... Вообще при размышлении о нынешнем положении России представляется, что такие элементы приходят в движение, в брожение; начинается, конечно, медленно такой процесс перерождения, что перемена двух или трех лиц не может иметь влияния на весь исторический ход событий, хотя в частности может, конечно, принести пользу. Трудно сказать, что нужно бы сделать, чтобы этот процесс был по возможности менее болезненный...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 36. Л. 15–16 об.).

³⁷ Цитируемое письмо К.П. Кауфмана от 30 сентября 1870 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 24. Л. 18–19 об.

³⁸ Имеется в виду О.И. Скобелева.

³⁹ Речь идет о Д.И. Скобелеве.

⁴⁰ Во второй половине августа 1879 г. русский военный отряд под командованием генерал-майора Н.П. Ломакина отправился из крепости Чат (в Туркмении) в центр Ахалтекинского оазиса для занятия крепости Геок-Тепе. Перейдя через Копетдаг и не встретив сопротивления, отряд занял ряд текинских селений. После неудачного сражения 28 августа у Геок-Тепе отряд Ломакина отступил на исходные позиции. К началу 1880 г. новый командующий войсками в Закаспийском крае генерал А.А. Теркугасов при помощи штаба Кавказского военного округа составил новый план завоевания Ахалтекинского оазиса. По этому плану предполагалось медленно продвигаться по туркменским степям, прочно закрепляя за собой каждый пройденный шаг. Таким образом, занятие оазиса должно было осуществиться за четыре года. В январе–феврале 1880 г. правительство обсуждало планы новой Ахалтекинской экспедиции. К началу декабря 1880 г. подготовка к решающим военным операциям в Туркмении была закончена. В течение декабря генералом М.Д. Скобелевым были произведены две удачные рекогносцировки. В середине декабря был занят ближайший от Геок-Тепе пункт Батыр-Янги-Кала и перерезан путь отступления текинцев к Ашхабаду. 12 янва-

ря 1881 г. Геок-Тепе был взят русскими войсками. Подробно об Ахалтекинской военной экспедиции см. «Дневник» Д.А. Милютина за 1879–1881 гг., а также: *Морозова Т.Л.* К вопросу о присоединении Ахалтекинского оазиса к царской России // Исторические записки. М., 1973. Т. 92. С. 174–179; *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 49–54; *Зайончковский П.А.* К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 36–95.

⁴¹ В отчете правления Общества Московско-курской железной дороги за 1882 г. (опубл.: М., 1883. С. 39, 50–54) упоминается о крушении поезда в ночь с 29 на 30 июня 1882 г. у г. Черни, а также о причинах крушения, связанного с техническим состоянием дороги, особенностями местности и метеорологическими условиями. В ночь на 29 июня в окрестностях выпало 25 % всего годового количества дождевых осадков. В отчете общества были учтены расходы на компенсацию пострадавшим и медицинскую помощь, намечены меры по улучшению состояния дороги, о чем было сообщено в Министерство путей сообщения.

⁴² В некрологе в связи с кончиной Марфы Степановны Сабининой (1831–1892), также сообщается о «зверском убийстве» ее матери и четырех сестер в 1882 г. См.: Памяти Марфы Степановны Сабининой Н.А. [Алмазова Н.И.]. СПб., 1893. С. 9–10.

⁴³ Речь идет о приказе по военному ведомству № 226 от 22 июля 1882 г. (ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 2. № 1027). С этого времени преобразование военных гимназий в кадетские корпуса осуществлялось постепенно в течение нескольких лет (см.: Столетие Военного министерства: Главное управление военно-учебных заведений: Исторический очерк. Ч. 3. С. 112–113). Преобразование общих классов кадетских корпусов в военные гимназии было начато в 1863 г. К 1867 г. таким образом было создано 12 военных гимназий. Остальные кадетские корпуса, кроме Пажеского и Финляндского, были вовсе упразднены. Военным гимназиям был придан характер гражданских учебных заведений.

Подробно о развитии военных гимназий в 1870-е гг. см.: *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1880. СПб., 1880. С. 209–221; *Аурова Н.Н.* Реформирование военно-учебных заведений в преобразованиях Д.А. Милютина // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 684–690.

⁴⁴ В письме Д.А. Милютину от 18 июля Н.Н. Обручеву писал: «Условия для штабной работы крайне невыгодные, но времени все же терять нельзя, и изо дня в день делаем все, чего позволяют силы. Осенью взялся за реорганизацию кавалерии и казачества...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 61. Л. 15–18).

⁴⁵ Имеется в виду Д.Ф. Гейден.

⁴⁶ Речь идет о письме А.В. Головнина из Царского Села от 29 августа 1882 г., полученное Д.А. Милютиным через адмирала А.А. Попова. С письмом Головнин посылал «для библиотеки» Д.А. Милютина две новые записки сенатора-ревизора И.И. Шамшина о народном образовании и земстве, «только что изданную английской типографией» карту войны в Египте, «чтоб следить за военными действиями англичан». Пересылая это письмо с оказией, Головнин отмечал: «Я не желал бы, чтоб мои мнения, мои интимные задушевные мысли, излагаемые в письмах к лицам, которым вполне доверяю, становились известны почтовым чиновникам, читающим чужие письма в вагонах...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 37. Л. 6, 7).

Перлюстрация частной почтовой и телеграфной корреспонденции являлась в 1880-е гг. важной составной частью политического розыска. Практическую деятельность перлюстрационных или «черных» кабинетов, создаваемых при почтовых отделениях крупных городов, контролировал Департамент полиции. В тех местах, где перлюстрационных пунктов не было, для сотрудничества с охранными отделениями привлекались чиновники местных почтовых контор. Подробнее о перлюстрации см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.

⁴⁷ Временные правила о печати были утверждены Александром III 27 августа 1882 г. До этого они были одобрены Комитетом министров, который возглавил после отставки Н.П. Игнатъева гр. Д.А. Толстой. В основу «Правил» был положен проект Н.П. Игнатъева.

⁴⁸ Совещание, о котором идет речь, состоялось у Александра III в Петергофе 27 мая 1882 г. На нем присутствовали: председатель Комитета министров М.Х. Рейтерн, министр государственных имуществ М.Н. Островский, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр народного просвещения И.Д. Делянов и Н.П. Игнатъев. На совещании император решительно заявил, что не даст согласия на созыв земского собора. О предыстории появления записки Игнатъева о созыве Земского собора подробно см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 449–470.

⁴⁹ «Священная дружина» была создана 12 марта 1881 г. для охраны императора и борьбы с крамолой. Во главе этого тайного общества, насчитывавшего 729 человек, стояли представители аристократии (гр. И.И. Воронцов-Дашков, П.П. Шувалов и др.). Деятельность «Священной дружины» в значительной степени носила провокационный характер. Она имела ряд отделений в провинции: Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде и др. городах. «Священная дружина» просуществовала до конца 1882 г. и была распущена по указанию Александра III, т. к. мешала деятельности Департамента полиции Министерства внутренних дел.

⁵⁰ Всего за период с января по август 1882 г. Милютин получил от А.А. Баранцова 9 писем (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 26).

- ⁵¹ Имеется в виду А.И. Базаров.
- ⁵² В письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу от 2 октября 1882 г. из Тифлиса генерал-лейтенант П.П. Павлов писал: «...К сожалению, немного утешительного могу сказать я о том, что наиболее интересует Ваше Высочество, и не потому только, что не вижу утешительного сам, но потому что, главным образом, что не встретил еще ни одного человека, который бы вынес хотя какую-нибудь надежду на улучшение положения дел... Не знаю, как управлял и действовал князь Дондуков в разнообразных странах, составивших ему репутацию, но могу только пожалеть эти провинции русские и болгарские, и не удивляюсь, что последние до сих пор еще находятся в судорогах того управления. Теперь же для меня да и для всех совершенно ясна одна система: все что было до меня, было одним сплошным обманом, одною декорацией, за которую неумелость, с одной стороны, и корысть и личные расчеты, с другой — скрывали истину и эксплуатировали ее самым постыдным образом в свою пользу...» [ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 385. Л. 31–38 (31 об.–32)].
- ⁵³ Текст адреса был напечатан в газете «Голос», № 269 от 4 октября 1882 г. *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ⁵⁴ Письма от А.В. Головнина с 5 до 27 октября 1882 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 37. Л. 20–33; от К.Д. Кавелина за октябрь 1882 г. см.: Там же. Карт. 64. Ед. хр. 61. Л. 21–31; от П.П. Семенова от 7 октября 1882 г. см.: Там же. Карт. 75. Ед. хр. 4. Л. 5–7. Письмо К.К. Грота за октябрь 1882 г. в личном фонде Д.А. Милютинина не обнаружено.
- ⁵⁵ В письме Д.А. Милютину от 1 октября 1882 г. из Петербурга К.Д. Кавелин писал: «...Вы меня упрекаете — и не Вы одни — в непонятном в наши дни оптимизме. Вам кажется также странным, что я вижу в мыслях Достоевского и гр. Льва Толстого признаки лучших дней. Вот об этом я хочу сказать Вам несколько слов... целый период нашего исторического существования уходит и разрушается... В истории, как и в природе, тьма перед рассветом всегда сгущается, и чем она становится гуще, тем скорее надо ждать рассвета. Вот в каком смысле я оптимист. Мне и в голову не приходит, что Дм. Анд[реевич] Толстой обратился в Штейна, Ванновский в Шарнгорста, Делянов в Жюль Ферри. Их я не считаю даже мантейфелями, умевшими создать хоть порядочную реакцию. Это так, ничтожная и бессильная мразь, с реакционерными вкусами, неспособная создать что-нибудь прочное, ни разрушить то, что им не нравится. Это полное ничтожество и бессилие служит для меня самым верным признаком, что все прежние устои русской жизни отгнили и что из них и на них ничего прочного и солидного больше строить нельзя. То же самое было и у нас и везде перед наступлением новой эпохи или нового периода. Вот с этой точки зрения мне и представляются знаменательными для нашей эпохи явления вроде Достоевского и Льва Толстого. То, что они говорят, как они формулируют свою мысль —

совершеннейший вздор и чепуха; но то, что заставило их написать эту чепуху, что натолкнуло на ряд мыслей, с которыми они не сумели совладать, исполнено глубокого значения... Вспомните только, как многие, в том числе Вы и покойный Николай Алексеевич, были уверены, что со смертью Николая Павловича вопрос об освобождении крестьян канет в воду. Один я тогда, в тесном кружке друзей, продолжал верить и надеяться и оказался прав. И теперь я глубоко верю, что чутье меня не обманывает. Всеобщее колоссальное размягчение мозга, полная апатия, понижение уровня образования в руководящих кружках и высших слоях есть несомненный признак, что жизнь отсюда отхлынула и ищет других путей. Куда она прильет, какие формы примет, как себя проявит — этого, разумеется, ни я и никто не скажет. За этим перехожу к хронике и сплетням... То, что у нас происходит, заслуживает большого внимания. Земли понемногу скупаются мужиками в огромных размерах... Один приказчик по лесной торговле из Осташковского уезда рассказывал мне, что в этом уезде не осталось больше ни одного помещичьего имения... Невольно думается: такая же судьба постигнет и российское благородное дворянство. Никто и не заметит, как оно исчезнет с лица земли, потонет в подымающихся волнах российского всенародства... Теперь должно выступить на сцену крестьянство. Это делается прежде всего у нас. В этом смысл всей нашей истории и в этом наше право на историческую роль, потому что именно в этом и будет заключаться новая фаза исторического развития человечества... Вы и покойный Николай Алексеевич сделали много для мужика, Вы в лице солдата, он и в России и в Польше. Это ваши заслуги перед всемирной историей и Ваше (т. е. обоих вас) право на место в летописях развития рода человеческого...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 61. Л. 21–31; цитируется: Л. 21, 21 об., 22, 22 об., 23, 23 об., 29 об., 30, 30 об., 31).

⁵⁶ См.: Материалы комиссии для исследования железнодорожного дела в России под председательством Э.Т. Баранова: Литографированные записки // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 37. Ед. хр. 15–19.

⁵⁷ Болгарский город Плевна был взят русскими войсками 28 ноября 1877 г. Полученная Д.А. Милютиным по случаю годовщины этого события поздравительная телеграмма от гр. А.В. Адлерберга хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 14. Л. 7). В телеграмме Адлерберг писал: «...Искренно дорожа Вашей доброю памятью, прошу вспомнить об обещании на 28-е число, данным хотя и в тяжелое, но доброе по воспоминаниям время».

⁵⁸ Подлинники поздравительных телеграмм, полученных Д.А. Милютиным от М.И. Астафьева и Ф.Ф. Радецкого 28 ноября 1882 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 1. Л. 1; Карт. 73. Ед. хр. 69.

⁵⁹ Новодевичий монастырь в Москве был основан в 1524 г. великим князем Василием Ивановичем в память возвращения России Смоленска. Находится на берегу Москвы-реки, близ Девичьего поля.

О захоронениях членов семьи Милютиных на кладбище монастыря см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 87. Ед. хр. 16; Карт. 89. Ед. хр. 1 — рисунки памятников на могилах Милютиных до 1912 г. Могила и памятник на могиле Д.А. Милютина, его жены и дочери Ольги также находятся в некрополе монастыря.

- ⁶⁰ Соединение в дореформенных кадетских корпусах общего среднего образования и специального военного было, по мнению Д.А. Милютина, причиной низкого образовательного уровня выпускаемых из корпусов офицеров. В результате реорганизации, начавшейся с 1863 г., специальные классы были преобразованы в военные училища, а общеобразовательные — в военные гимназии. Военная организация, существовавшая в кадетских корпусах, была уничтожена. В военных гимназиях сохранялась военная форма и строевая подготовка, но им был придан гражданский характер.

21 июля 1882 г. Александр III утвердил доклад П.С. Ванновского о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса. 22 июля 1882 г. был дан приказ по военному ведомству (см.: ПСЗ. 3-е собр. Т. II. № 1027). Эта контрреформа привела к усилению военной подготовки и военизации быта, понижению уровня знаний кадет. См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 294–307.

- ⁶¹ См. уведомление командующего Императорской Главной квартирой генерал-адъютанта О.Б. Рихтера от 21 января и 5 апреля 1883 г. Д.А. Милютину о необходимости присутствовать на коронации императора Александра III в Москве: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 46. Ед. хр. 1. Л. 38, 40.
- ⁶² «*Journal de St. Péterbourg*» — петербургская газета, издавалась на французском языке с 15 января 1813 г. по 16 октября 1917 г. С 1859 г. № 1 (1 janv.) по 1904 г., № 57 (29 févr.) — «*Journal de Saint-Petersbourg politique, littéraire, commercial et industriel*». См.: Газеты на иностранных европейских языках в фондах Государственной Библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Алфавитный каталог. Ч. 1. М., 1985.
- ⁶³ О самоубийстве Л.С. Макова писал также А.А. Половцев: «28 [февраля 1883 г.] ...Весьма вероятным представляется, что смерть эта в связи с растратой денег, обнаруженную со стороны Перфильева, директора Почтового департамента, в прежнее время правителя канцелярии Макова...

1 марта. ...Разумеется только и разговору, что о смерти Макова... “*Quelle aubaine pour les ennemis de l’ordre et du gouvernement*” [Какая удача для врагов порядка и правительства, — *фр.*], — говорит Тимашев. “*Ou dit qu’une soustraction de 400 rb a été découverte*” [Говорят, что раскрыто хищение 400 тыс. руб., — *фр.*], — говорит Дондуков, не такой человек, чтобы сделать это из-за вопросов самолюбия; тут не десятками, а сотнями тысяч пахнет и т. п... 11 марта... Разговор о деле Макова, ревизия обнаруживает утайки громадных сумм. Вспоминали, как за

обедом у меня вел[икий] кн[язь] Владимир упрекал Тимашева в том, что он не умеет выбирать людей...».

Данные следствия, проводившегося Петербургской судебной палатой, в архивном фонде палаты не сохранились. Не обнаружены они также в фонде Департамента полиции (ГА РФ). Автор брошюры «Конституция графа Лорис-Меликова» (Лондон, 1893. С. 41) полагал, что причиной самоубийства явились служебные злоупотребления Макова (в частности, получение взяток от раскольников), ставшие широко известными. См.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883–1886. Т. 1. М., 1966. С. 55, 64, 484; Тоже. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 60, 61, 70–71, 527; см. также комментарий № 54. С. 484.

- ⁶⁴ А.А. Краевский (1810–1889), журналист и издатель, основал в Петербурге одну из первых ежедневных общественно-политических и литературных газет в России — «Голос». Газета освещала вопросы государственной и социально-экономической жизни страны, ставя себе особой задачей «служить практически разработке вводимых реформ». Газета подвергалась неоднократно цензурным взысканиям. В 1883 г. вышли № 1–43; в 1884 — только № 1. См.: 1863–1877. Пятнадцатилетие газ. «Голос». СПб., 1878 // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 124–127.
- ⁶⁵ «Новости» и «Биржевая газета» издавались ежедневно с 1880 г. в Петербурге. Издатель и редактор — О.К. Нотович. С № 87 (1883 г.) газета выходила в двух изданиях.
- ⁶⁶ «Эхо» — газета политическая, общественная и литературная. Издавалась в 1882–1885 гг. в Петербурге. Издатель-редактор — В.П. Макшеев, редактор — А.В. Старчевский. С № 58 (1883 г.) издатель — Т.В. Звиноградская, с № 74 (1883 г.) за редактора-издателя — А.В. Старчевский; с № 91 (1883 г.) — издатель-редактор Ф.В. Трозинер.
- ⁶⁷ «Славянский базар» — одна из лучших московских гостиниц, находилась на Никольской улице. Была открыта в 1872 г. А.А. Пороховщиковым; в 1873 г. построено здание ресторана (архитектор А.Е. Вебер). После 1917 г. гостиница закрыта.
- ⁶⁸ Петровский подъездной дворец был построен по приказу императрицы Екатерины II в конце XVIII в. архитектором М.Ф. Казаковым. В XIX в. находился на Петербургском шоссе, за городской заставой. Дворец являлся царской резиденцией, где императоры проводили несколько дней перед коронацией. См.: Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 172–201.
- ⁶⁹ См. текст секретного соглашения, заключенного в Эмсе 18(6) июня 1881 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией — «Союз трех императоров»: Русско-германские отношения 1873–1914: (Документы из секретного архива б. Министерства иностранных дел). М., 1922. С. 129–139 (отдельный оттиск из т. 1 журнала «Красный архив» за 1922 г.).

Здесь же опубликованы тексты секретного соглашения и протокола, заключенного в Берлине 27 марта 1884 г. между тремя странами, продлевающими на 3 года соглашение 1881 г. (т. н. перестраховочный договор), соглашение и протокол от 18 июня 1887 г., заключенный в Берлине между Россией и Германией, который подтверждал «согласие», установившееся между двумя странами. Об этих договорах см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974.

⁷⁰ «Тройственный союз» — союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией, возник в мае 1882 г. В основе его лежал союз между Германией и Австро-Венгрией, заключенный в 1879 г. После того, как в 1881 г. Франция захватила Тунис, к союзу присоединилась Италия. Тройственный союз неоднократно перезаключался (в последний раз в 1913 г.) и был расторгнут в 1915 г. Италией, выступившей во время 1-й мировой войны 1914–1918 гг. на стороне Антанты — союза между Россией, Францией и Великобританией.

⁷¹ Свое понимание возможности решения восточного вопроса Д.А. Милютин изложил в записке «Мысль о возможности решения восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи», представленной 5 октября 1880 г. Александру II. В записке предлагался проект Балканской федерации и нейтрализации проливов под наблюдением международной комиссии в Константинополе. Список с оригинала записки хранится в архиве Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 49. Л. 1–6). См. также: АВПРИ. Секретный архив министра. 1880. *Pièces variées*. № 4; *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 532–536.

С.Д. Сказкин полагал, что идеи, изложенные в этой записке, стали «в последний год царствования Александра II принципиальным выражением официального правительственного мнения по восточному вопросу...» (*Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974. С. 164–167).

Подробно рассмотрела планы Д.А. Милютина по созданию Балканской конфедерации Н.С. Киняпина в монографии «Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898)» (М., 1994. С. 19–20). Она пришла к заключению, что «сам факт появления обстоятельного документа по восточному вопросу, составленного не дипломатом, а военным министром, и переданного Александром II крупными чиновниками Министерства иностранных дел, — не только свидетельство высокого авторитета Д.А. Милютина в российских правящих кругах, но и показатель напряженности в международных отношениях на Балканах и в районе проливов. Российское прави-

тельство, считавшее эти вопросы для себя ключевыми, высказывало через Д.А. Милютина свои суждения на этот счет. Они отличались умеренностью, соответствовавшей положению России и ее планам в те годы. Не желая раздела Балкан на сферы влияния, что неизбежно усилило бы разногласия между балканскими странами и великими державами, Россия выступала за их примирение и сохранение равновесия».

⁷² См.: Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1882 г.: Литографированный экземпляр с пометами Д.А. Милютина, с приложением сопроводительного письма военного министра П.С. Ванновского от 30 марта 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 33. Ед. хр. 1.

⁷³ Об отказе вел. кн. Константина Николаевича от государственной деятельности после воцарения Александра III сообщал Д.А. Милютину А.В. Головнин в письме от 20 июля 1883 г. из Царского Села: «...Вел[икий] кн[язь] держит себя совершенно в стороне от дел, не бывает в еженедельных заседаниях Комитета мин[истров], не бывает на морских маневрах и смотрах и не приглашает к себе никого из министров и вообще госуд[арственных] деятелей, чтоб получить какие-либо сведения о том, что происходит, что доказывает, как мало Его знали те из Его недоброжелателей, которые опасались Его возвращения, полагая, что он будет им беспокоен, захочет все знать, во все вмешиваться, им мешать. Я изумляюсь Его силе воли и решимости быть только зрителем, спокойным представителем минувшей эпохи, отошедшей в область истории... Признаюсь, что в Его положении я не имел бы столько самообладания, чтобы настолько устранить себя от дел, которыми всю жизнь занимался, от общества, с которым прожил полвека...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 39. Л. 25–25 об.).

Эти же мысли А.В. Головнин повторял в письме от 16 апреля 1884 г. По его мнению, великий князь желал показать, что он «...ни в какие дела не вмешивается и нисколько не противодействует нынешнему правительству в качестве своего положения представителя идей, реформ прежнего царствования. Это у Его Высочества была обдуманная система». (Там же. Ед. хр. 42. Л. 5–6).

⁷⁴ О коронационных торжествах в Москве в 1883 г. см.: Альбом Священного коронования Его императорского величества Государя императора Александра III и Ее Императорского величества Государыни императрицы Марии Федоровны 15 мая 1883 г. М., 1883; *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 1998. С. 340–357 и др.

В архивном фонде Д.А. Милютина сохранились документы о его пребывании на коронационных торжествах в Москве (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 45. Ед. хр. 19, 20; Карт. 46. Ед. хр. 1–4).

⁷⁵ О коронационных торжествах в Москве в 1856 г. см.: Коронование императора Александра II 26 августа 1856 г. СПб., 1856; *Милорадович Г.* Воспоминания о коронации императора Александра II. Киев, 1883; История

царствования императора Александра II: (В картинах). СПб., 1882; *Савва (Тихомиров)*. Воспоминания о священном короновании Их императорских величеств в Бозе почивших императора Александра Николаевича и Государыни императрицы Марии Александровны; *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1903; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 458, 462.

⁷⁶ Очевидно, обсуждался всеподданнейший доклад военного министра П.С. Ванновского «О применении Устава о воинской повинности к населению Кавказского и Закавказского края» (2 февраля 1883 г.) и объяснительная записка командующего войсками Кавказского военного округа князя А.М. Дондукова-Корсакова о проекте введения всеобщей воинской повинности на Кавказе. В архивном фонде Д.А. Милютин сохранился также печатный экземпляр проекта изменений и дополнений Устава о воинской повинности при распространении его на Закавказский край и население Северного Кавказа (19 ноября 1883 г.). Печатные экземпляры этих документов хранятся в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 25. Ед. хр. 21). Возможно также, что речь шла о возобновлении Союза Трех императоров. Протокол совещания по этому вопросу, состоявшемуся во время коронационных торжеств в Москве в 1883 г. и включенный в текст воспоминаний П.А. Сабурова, хранится в АВПРИ (Ф. 340. Оп. 811. Д. 1–3). См. также: Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991. С. 88. Мемуары П.А. Сабурова, частично опубликованы: *Simpson Y.I. Russo-German Relations and the Saburoff Memoire // Nineteenth century and after.* № 490, 491. Dec. 1917 — Jan. 1918.

⁷⁷ Об императрице Марии Федоровне см.: *Боханов А.Н., Кудрина Ю.В.* Император Александр III и императрица Мария Федоровна. М., 2001; *Боханов А.Н.* Судьба императрицы. М., 2004; Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920; 1923 годы) / Сост., предисл., коммент., пер. Кудриной Ю.В. М., 2005.

⁷⁸ С 1742 по 1896 г. в России было «построено» и освящено четыре государственных знамени империи. С 1856 г. при воцарении каждого нового императора стали «строить» новое государственное знамя и гербовую печать: «расширение империи заставило исправлять эти регалии, на которые добавлялись гербы вновь завоеванных земель». В 1883 г. для нового Государственного знамени был соткан в Лионе тяжелый шелк цвета «старого золота», по нему красками был выписан Государственный герб — двуглавый орел, в окружении провинциальных гербов» (см.: Герб и флаг России. X–XX века / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 449–455). В этом знамени новым гербом был туркестанский — в золотом щите черный идущий единорог с червленными глазами, языком и рогом.

См.: Описание церемонии освящения нового Государственного знамени и Государственного герба, Высочайше утвержденного 3 но-

ября 1882 г. // Энциклопедия российской монархии. Чины, церемонии, гербы, дворцы / Под ред. В. Бутромеева. Екатеринбург, 2002. С. 123–128; О священном короновании и миропомазании Их императорских величеств Государя императора Александра Александровича и Государыни императрицы Марии Федоровны в мае месяце 1883 года в Москве. М., 1883; Коронование Их Императорских Величеств Александра Александровича и Марии Федоровны в 1883 году. СПб., 1883.

⁷⁹ В результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканах появилось новое христианское государство — Болгария; 16 апреля 1879 г. в Тырново принята конституция; 27 августа 1879 г. при поддержке России болгарским князем избран племянник русской императрицы принц Александр Баттенберг. Первые годы Болгария находилась под российской опекой. Комиссаром по управлению был назначен князь А.М. Дондуков-Корсаков. В Болгарии начала формироваться оппозиция русскому влиянию. 9 мая 1881 г. кн. Александр с согласия России отменил конституцию, было образовано министерство во главе с русским генералом К.П. Эрнротом. Однако оппозиционерам удалось убедить князя противостоять требованиям России (принятие русских законов, школьных программ, передача постройки железных дорог русским предпринимателям).

Д.А. Милютин был против избрания Александра Баттенберга, считал более целесообразным кандидатуру черногорца Божидара Петровича. По Берлинскому миру 1878 г. княжество Черногория получило полную независимость с существенным увеличением территории. Политика черногорского князя Николая I Петровича Негоша была направлена на тесное сближение с Россией и модернизацию страны по европейскому образцу. В 1879 г. князь обнародовал Устав, по которому вводился Государственный совет, носивший совещательный характер, не ограничивавший власть князя. Скупщина созывалась в экстренных случаях. В 1889 г. наследник черногорского престола князь Данило при достижении совершеннолетия принес присягу на верность князю, Православной церкви и Александру III. Александр III, в свою очередь, в 1889 г. произнес знаменательный тост за Черногорию — единственного искреннего друга России. Впоследствии дочери князя Николая Анастасия (1868–1935) и Милица (1866–1951) стали женами русских великих князей, а дочь Елена вышла замуж за наследника итальянского престола Виктора-Эммануила. Практически Черногория была единственной страной на Балканах, в которой Россия не утратила своего влияния.

См.: Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877–79 гг. / Под ред. Н.Р. Осяного. Вып. 3. СПб., 1903; *Державин Н.С.* История Болгарии. Т. III. М., 1948; *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб., 1888–1915; История Югославии. Т. 1–2. М., 1963; *Исторја Црне Горе*. Књ. 1–2. Титоград, 1967–1970; *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике

России в конце XIX в. (1878–1898). М., 1994. С. 7–63; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 гг. Ч. I–II. М., 1993.

80 Императорский воспитательный дом для призрения незаконнорожденных детей был открыт в Москве 21 апреля 1764 г. на основании высочайше утвержденного императрицей Екатериной II «генерального плана», составленного И.И. Бецким.

В 1883 г. в Московском воспитательном доме находилось 14 514 детей, до 50 % воспитанников были фактически законнорожденными детьми малоимущих. Здесь же был «родильный госпиталь». Классические классы для мальчиков подготавливали их к поступлению на медицинский факультет Московского университета, девочек готовили для работы акушерками и гувернантками. См.: *Красуский В.* Краткий исторический очерк Императорского Московского воспитательного дома. М., 1878; *Исаев А.* Исторический очерк малолетнего отделения Императорского Московского воспитательного дома со дня его открытия по 1878. М., 1878; *Окольский А.* Воспитательные дома // Юридический вестник. 1889. № 3; *И-овз А.* Воспитательные дома в России // Вестник Европы. 1890. № 6; Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1863.

81 Находясь на посту военного министра, Д.А. Милютин поддерживал существование женских врачебных курсов при Петербургском Николаевском военном госпитале. В 1881 г. Комиссия по вопросу об усилении надзора за учащейся молодежью под председательством И.Д. Делянова рассматривала вопрос о закрытии курсов. Но только лишь с уходом Д.А. Милютина в отставку в 1882 г. курсы были упразднены. См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 340–341.

82 Успенский собор в Кремле на Соборной площади построен в 1475–1479 гг. итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти и русскими мастерами на месте одноименного храма XIV в. Был главным храмом Московского государства, в котором венчались на царство русские цари и короновались императоры. В соборе находится усыпальница московских митрополитов и патриархов.

83 Грановитая палата — часть в значительной степени несохранившегося Большого дворца Ивана III, входит в комплекс Большого Кремлевского дворца, построена в 1487–1491 гг. итальянскими архитекторами Марко Фрязиным и Пьетро Антонио Солари. Названа по восточному фасаду, отделанному гранитным каменным рустом. Грановитая палата — главный парадный приемный зал дворца.

84 Имеется в виду орден Святого Апостола Андрея Первозванного. Орден учрежден в 1698 г. Имеет одну степень. Награжденный орденом считался также кавалером орденов Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1-й степени. Девиз ордена «За веру и верность». Орден

имел голубую ленту и цепь, надевавшуюся в особо торжественных случаях. См.: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 109–111.

- ⁸⁵ Храм-колокольня «Иван Великий» в Кремле на Соборной площади была построена в 1505–1508 гг. итальянским архитектором Боном Фрязином, являлась одновременно дозорной башней. В 1532–1543 гг. пристроена четырехъярусная кубичная звонница, в 1624 г. — еще колокольня. В 1812 г. звонница и пристройка были взорваны наполеоновскими войсками, в 1814–1815 гг. восстановлены архитекторами И.В. Егоровым, Л. Руска, Д. Жилярди. На колокольне и звоннице был установлен 21 колокол работы русских мастеров XVI–XIX вв. В XVII–XIX вв. колокольня высотой 81 м была самой высокой постройкой в Москве.
- ⁸⁶ Имеется в виду император Германский Вильгельм I.
- ⁸⁷ Речь идет о принцессе Прусской Марианне (1810–1883), урожденной принцессе Нидерландской, в 1830–1849 гг. в браке с принцем Альбрехтом Прусским (1809–1872), младшим братом императрицы Александры Федоровны, жены императора Николая I. Марианна — дочь короля Нидерландов и великого герцога Люксембургского (в 1815–1840 гг.) Вильгельма Фридриха (1772–1843), графа Нассауского (с 1840 г.) и принцессы Вильгельмины (1774–1837). У принцессы Марианны был сын принц Альбрехт Прусский (1837–1906), с 1873 г. женат на принцессе Саксен-Альтенбургской Марии (1854–1898).
- ⁸⁸ Сведения о беспорядках в Петербурге в день коронации поступили в Москву 18 мая 1883 г., как писал товарищ министра внутренних дел, «со слов очевидцев, приехавших из Петербурга». На запрос об этих событиях 19 мая телеграфировали в Москву начальник Петербургского губернского жандармского управления полковник Оноприенко и петербургский обер-полицеймейстер генерал-майор П.А. Грессер. Последний, в частности, сообщал: «...Самое большое стечение народа было около Думы и против Гостиного двора, где несколькими проходившим действительно сбивали шляпы преимущественно фабричными и ремесленными мальчишками... В первый день арестовано 12 человек... На другой день с гулянья на Царицыном лугу... вся масса более 100 тысяч народу направилась на Невский и совершенно наводнила его... Я приказал не допускать экипажи на Невский... пьяных в этот день было более, пение гимна и крики “ура” не смолкали и под влиянием патриотического чувства были настолько сильны, что производили потрясающее впечатление на публику. Хотя наряд полиции и был увеличен казаками, все же были случаи сбивания шапок... арестовано 30 человек... 17 числа начали освобождать по манифесту арестантов, а в ночь на 17 число сгорел Путиловский завод и 3 тысячи рабочих остались праздными, то я признал нужным 17-го числа, на третий день, не допускать иллюминации... народные гулянья на Царицыном лугу и в садах состоялись и 17 числа и

прошли в совершенном порядке при большом стечении народа, после гулянья толпа чинно разошлась...» (ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1883 г. Д. 579. Л. 5, 6, 9–10).

- ⁸⁹ Имеется в виду Абдул-Гамид II (1842–1918), в 1876–1909 гг. турецкий султан.
- ⁹⁰ Имеется в виду Фридрих Вильгельм Николай Карл (1831–1888), кронпринц Германский, с 1888 г. император Германский Фридрих III.
- ⁹¹ Свято-Троицкая Сергиева Лавра (Троице-Сергиева Лавра) — крупнейший русский монастырь, основан в 1340-е гг. преподобным Сергием (в миру Варфоломей) Радонежским (1314–1392), причисленным в 1452 г. к лику Святых. В 1744 г. монастырю присвоено наименование лавры. Монастырь со времени основания играл особую роль в политической жизни страны, поддерживая политику московских князей. Находился в Дмитровском уезде Московской губернии в 65 верстах от Москвы. См.: Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных монастырей в Российской империи и на Афоне: Репринтное изд. СПб., 1994. С. 335–344; *Эйнгорн В.* О значении преп. Сергия Радонежского и основанной им обители в Русской истории. 2-е изд. М., 1899; *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, составленное по рукописным и печатным источникам... в 1841 году. М., 1899. Ч. 1–2.
- ⁹² Чудов монастырь находился в Кремле на Царской площади. Основан митрополитом Московским Алексием в 1357 г. В этом монастыре крестили новорожденных будущих русских государей: в 1629 г. — Алексея Михайловича, в 1672 г. — Петра Алексеевича, в 1818 г. — Александра Николаевича. В 1906 г. в Чудовом монастыре была устроена усыпальница вел. кн. Сергея Александровича. См.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 77–135; Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных монастырей в Российской империи и на Афоне: Репринтное изд. СПб., 1994. С. 292–294.
- ⁹³ В 1775–1776 гг. архитектор М.Ф. Казаков, разобрав каменные палаты, выстроил рядом с Чудовым монастырем в Кремле двухэтажный каменный дворец, первоначально именовавшийся митрополичьим домом. В 1817 г. дворец перешел в Дворцовое ведомство, а в 1818 г. куплен для вел. кн. Николая Павловича, будущего Николая I. С 1831 г. дворец стал именоваться Николаевским или Малым кремлевским. 17 апреля 1818 г. в этом дворце родился наследник русского престола, будущий Александр II. В конце XIX — нач. XX в. здесь жил вел. кн. Сергей Александрович. В 1929 г. дворец был разобран. См.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 181–195.
- ⁹⁴ В 1682 г. царь Петр Алексеевич собрал из детей знатнейших бояр команду и назвал ее «Потешной», по названию Потешного дворца, в котором она располагалась. Через два года команда стала называться

ротой, капитаном которой назначен полковник Ф.Я. Лефорт. В 1690 г. Потешная рота стала именоваться корпусом. Корпус находился в подмосковных селах Преображенском и Семеновском и в 1694 г. разделился на полки Преображенский и Семеновский. В 1695 г. оба полка стали именоваться Лейб-гвардией.

⁹⁵ В 1837 г. по указу императора Николая I было решено построить на территории бывшей царской усадьбы в подмосковном селе Измайлово военную богадельню. В 1840–1850-е гг. по проекту архитектора К.А. Тона здесь были возведены основные корпуса Николаевской военной богадельни. В 1855–56 гг. по проекту М.Б. Быковского построен корпус для семейных инвалидов. В настоящее время в зданиях ансамбля располагаются некоторые отделы Государственного Исторического музея.

⁹⁶ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. См.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878 гг. М., 2009.

⁹⁷ В документах архивного фонда Канцелярии московского генерал-губернатора, касающихся «приготовлений к священному коронованию», сведений о беспорядках на Ходынском поле в 1883 г. не обнаружено. См.: Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 16. Оп. 116. Д. 1. Ч. 1. Также не обнаружены эти сведения в фондах ГА РФ: Департамента полиции (Ф. 102), Московского охранного отделения (Ф. 63), Московского губернского жандармского управления (Ф. 58).

Во время расследования трагических событий на Ходынском поле во время коронационных торжеств Николая II в 1896 г. следователи сравнивали действия администрации и организацию охраны общественного порядка во время коронации 1883 г. Так, гр. К.И. Пален отмечал в докладе: «...Между тем в 1883 г. всю ночь, предшествовавшую народному празднику, обер-полицеймейстер Козлов находился постоянно в сообщении через своих подчиненных с полицейским отрядом на Ходынском поле; получив известие о скоплении народа, он сам поехал туда, вызвал уже с вечера весь назначенный на утро полицейский наряд и войска и этим успел вовремя направить и удержать в порядке толпу».

В ночь с 17 на 18 мая 1896 г. «обер-полицеймейстер полковник Владовский все время оставался в городе, телефонные сообщения (между которыми были и запросы министра императорского двора, озабоченного положением дел на Ходынском поле) доходили до него в искаженном виде через посредство лакея и околоточного, и все отчаянные призывы о помощи, обращенные к нему по телефону с места катастрофы, остались без результатов на ход дел, за исключением командирования полицеймейстера барона Будберга с одной сотней казаков» [ГА РФ. Ф. 543 (Рукописное отделение библиотеки Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 652. Л. 52–53].

⁹⁸ Храм Христа Спасителя в Москве был построен в память Отечественной войны 1812 г. Указ о строительстве дан императором Александром I 25 декабря 1812 г.

После отказа от неудачного проекта архитектора А.Л. Витберга, предполагавшего строительство на Воробьевых горах, остановились на проекте архитектора К.А. Тона. Место было выбрано у Пречистенских ворот на берегу Москвы-реки, на территории Алексеевского женского монастыря. Строительство было начато в 1839 г., наружные работы закончены в 1859 г. С 1859 г. до начала 1880-х гг. проводилась внутренняя отделка. Внутри храма на мраморных досках были помещены все манифесты, изданные в 1812 г., а также описания всех сражений, бывших в 1812 г. (71) и в период войны 1813–1814 гг. (87). В росписи храма принимали участие художники В.В. Верещагин, А.Т. Марков, Г.И. Семирадский и др. В 1931 г. храм был взорван, в 2000 г. восстановлен.

Об освящении храма более подробно писал А.А. Половцев: «26 [мая]. Четверг. Освящение собора Христа Спасителя... Здание в итоге эффектно, но по части художественной далеко не безукоризненно. Церемония, как все наши церковные церемонии, нескончаема... Крестный ход около собора со стоящими вокруг войсками и толпою народу производит красивое впечатление» (Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883–1886. Т. 1. М., 1966. С. 100, 491; То же. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 109, 534). В архивном фонде Д.А. Милютина сохранились документы его отца, связанные с деятельностью комиссии по постройке Храма Христа Спасителя (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 89. Ед. хр. 25–31).

- ⁹⁹ Политехнический (научно-технический) музей в Москве создан в 1878 г. на основании первой в России политехнической выставки, организованной по инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в связи с 200-летием со дня рождения императора Петра I. В создании выставки и музея активно участвовали русские ученые, в т. ч. П.Н. Яблочков, А.Г. Столетов, П.Н. Лебедев и др. Строительство первой части здания на площади у Ильинских ворот, предназначенного специально для музея, окончено в 1877 г. В экспозиции музея отражаются основные этапы развития науки и техники. См.: *Мартыненко И.Д.* Политехнический музей. М., 1962; *Мир чудес: (100 лет Политехническому музею).* М., 1972.
- ¹⁰⁰ Рескрипт, полученный Д.А. Милютиным 25 мая 1883 г., в его архивном фонде не обнаружен.
- ¹⁰¹ Донской монастырь в Москве близ Калужской заставы основан в 1591 г. в память избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея. В центре монастыря пятиглавый собор в честь Донской иконы Пресвятыя Богородицы. Достопримечательностью монастыря является усыпальница и кладбище со многими памятниками. Первые захоронения относятся к XVIII в. Это был один из самых аристократических некрополей Москвы. См.: *Аренкова Ю.И., Мехова Г.И.* Донской монастырь. М., 1970; *Они же.* Донской монастырь: Историко-архитектурный очерк. М., 1971.

Автором памятника П.Д. Киселеву на кладбище Донского монастыря был архитектор И.А. Рязанцев. Фотография памятника находится в архивном фонде Д.А. Милютина (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 73. Ед. хр. 83. Л. 6).

- ¹⁰² Исторический музей в Москве был основан по инициативе строителей отдела истории Севастопольской обороны 1854–1855 гг. на Политехнической выставке в 1872 г. — полковника Н.И. Чепелевского, гр. А.С. Уварова, генерала А.А. Зеленого. 2 июня в 1883 г. были открыты первые 11 залов. В организации музея активно участвовали московские ученые: И.Е. Забелин (фактический руководитель музея в 1883–1908 гг.), А.В. Орешников, В.Н. Шепкин, В.А. Городцов. Здание музея на Красной площади построено в 1875–1881 гг. по проекту архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова. См. издания музея: Описания памятников. Вып. 1–3. М., 1896–1903; Отчеты: [С приложениями]. М., 1883–1925; Историческому музею 125 лет: Сб. М., 1997.
- ¹⁰³ Ср. запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича от 19 августа 1883 г. о посещении Д.А. Милютина: «...Потом был у меня Милютин и интересно с ним болтал. Он все видит также в черном цвете, даже более меня...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 115. Л. 28 об.—29).

О положении в Петербургской консерватории в связи с предполагавшимся уходом с поста директора К.Ю. Давыдова (1838–1889), подавшего в 1882 г. в отставку (последняя не была принята, и Давыдов находился на посту директора в 1876–1887 гг.), писал из Петербурга 12 ноября 1883 г. композитор Н.А. Римский-Корсаков (1844–1908) композитору М.М. Ипполитову-Иванову (1859–1935): «...В консерватории и Р[усском] м[узыкальном] об[ществе] творится все время какая-то ерунда, о которой Вы, вероятно, слышали: мы до сих пор не знаем, кто у нас будет директор... Так как в консерватории все разделились на партии “за и против”... то я решил держать себя подальше от всего этого и никаких давлений, влияний и т. п. на себя не брать. Я и Анатолий [композитор А.К. Лядов (1855–1914), — прим. публ.] даже в контору Консерватории стараемся не ходить, чтобы поменьше разговаривать...» (*Римский-Корсаков Н.А. Полное собрание сочинений*. М., 1970. Т. VII. С. 184–185).

Аналогичная ситуация складывалась и в Московской консерватории, в которой между дирекцией и преподавателями, а также между отдельными педагогами возникали конфликты. Об этом писал 5(17) января 1883 г. П.И. Чайковский (1840–1893) владельцу музыкально-издательской фирмы П.И. Юргенсону (1836–1903). В письме от 5(17) января 1883 г. к Н.Ф. фон Мекк Чайковский упоминал и о встрече в Париже с вел. кн. Константином Николаевичем: «В первом антракте я услышал, что кто-то сидевший сзади меня в партере зовет меня по фамилии. Поворачиваюсь в испуге, что натолкнулся на знакомого, и не сразу узнаю обращающегося ко мне. Это был вел.

кн. Константин Николаевич, недавно приехавший сюда из Италии. Я был непомерно изумлен встрече этой. Он был необычайно мил, любезен, очарователен. В начале каждого антракта затем он уводил меня на площадку курить и беседовал со мною как самый простой смертный. Оказывается, что он ужасно любит Париж именно за то, что здесь его не замечают и ему беспрепятственно можно держать себя частным человеком. Удивительно умен, мил и приятен этот человек...» (*Чайковский П.И.* Полное собрание сочинений. Т. XII. М., 1970. С. 18–22).

- ¹⁰⁴ В цитируемом Д.А. Милютиным письме от 8–11 августа 1883 г. А.В. Головнин подверг критике меры по реорганизации полиции и сосредоточению большой власти в руках министра внутренних дел: «...Соединение в одних руках полиции явной, тайной и перлюстрации дает, может быть, полиции силу относительно врагов порядка, но имеет следствием, что Император смотрит на все глазами того министра, в руках которого соединяются средства узнавания! Он делается визирем, а не европейским министром» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 39. Л. 35).

К этому письму Головнин приложил выписки из дневника доктора Н.И. Пирогова. Упомянутая Д.А. Милютиным отпечатанная в Берлине речь московского городского головы Б.Н. Чичерина во время коронационных торжеств 1883 г. в архиве Милютина не обнаружена (см.: Там же. Л. 41–48). См. также: Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы, 16-го мая 1883 г.: Эпизод из истории коронации в Москве. Berlin, 1883.

- ¹⁰⁵ В «Воспоминаниях» Б.Н. Чичерин писал о своей речи на обеде городских голов во время коронационных торжеств: «...Вся мысль заключается в том, что при трудных обстоятельствах, в которых находится Отечество, верховной власти может потребоваться наше содействие, и этот призыв не должен застигнуть нас врасплох...». Однако «администрация» решила, что Чичерин «требовал конституции». По его словам, «это была чистая гадость, клевета, пущенная в ход от правительства с целью меня компрометировать»; после коронации «все, казалось, успокоилось: даже толки о моей речи умолкли. Но Катков продолжал свои инсинуации». В № 187 «Московских ведомостей» появилась статья, в которой приводились слова, которые, как указывал Чичерин, он не произносил: «...Власть не там уже, где она была прежде, власть принадлежит нам, представителям народа». 27 июля 1883 г. московский генерал-губернатор кн. В.А. Долгорукий сообщил о «желании императора», чтобы Чичерин оставил должность московского городского головы. 11 августа 1883 г. отставка была утверждена царем. См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 233–247. О речи Б.Н. Чичерина в связи с публикациями об этом в газетах писал 20 октября 1883 г. в

конфиденциальном письме князь В.А. Долгорукий гр. Д.А. Толстому: «Публикуя эти сведения, редакторы нарушали данную ими накануне коронационных торжеств подписку о недопущении публикаций с известиями “тревожного свойства”» (ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1883 г. Д. 577. Л. 5, 13–24).

¹⁰⁶ В «Воспоминаниях» Б.Н. Чичерин подробно описал историю, «которая и для нас и для университета имела самые печальные последствия», относившуюся к 1866 г., когда, с его точки зрения, был нарушен Устав российских университетов 1863 г. Во время выборов в Совет Московского университета была начата полемика о правах ректора и членов университета, о неправомерности административного вмешательства министра народного просвещения А.В. Головнина в порядок выборов. В итоге Б.Н. Чичерину пришлось уйти из университета. См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М., 1929. Глава «Выход из Университета». С. 163–250.

В «Воспоминаниях» Б.Н. Чичерин отмечал также роль М.Н. Каткова в «походе» против «университетского Устава 1863 г.». По его словам, этот «наглый поход привел, наконец, не только к отмене Устава 1863 г., но и к уничтожению всех корпоративных прав, всякой внутренней независимости университета», «по мановению Каткова, университеты подверглись полному разгрому» (Там же. С. 57, 81).

¹⁰⁷ Первое Общество естествоиспытателей в России возникло в 1805 г. — Императорское Московское общество испытателей природы при Московском университете для разработки естественных наук и распространения их в России. В 1863 г. при Московском университете было создано Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общества естествоиспытателей при других российских университетах стали возникать со времени 1-го съезда русских естествоиспытателей и врачей: в 1863 г. — при Петербургском университете, в 1869 — при Университете Св. Владимира в Киеве, в 1870 — при Новороссийском университете и т. д.

¹⁰⁸ См. комментарий 79. О деятельности русских дипломатов и военных, а также позиции Александра III, направленной на восстановление влияния России в Болгарии подробно писала Н.С. Киняпина, см.: *Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898)*. М., 1994. С. 28–38.

После восстановления народным собранием Тырновской конституции в 1883 г. укрепился авторитет князя Александра Баттенберга, сблизилась позиция либералов и консерваторов, и одновременно этот акт делал необходимым отставку русских генералов в Болгарии. Император Александр III счел целесообразным их уход «по собственной инициативе, не дожидаясь соответствующего решения князя». Укрепление позиции князя и ослабление влияния России в Болгарии вызвало негативную реакцию Александра III.

- ¹⁰⁹ См. телеграмму Н.Н. Обручева (получена 2 ноября 1883 г.) о депутации Пензенского полка к 8 ноября: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 79. Ед. хр. 6. Л. 1.
- ¹¹⁰ В ходе русско-турецкой войны 25 августа 1878 г. Батум был занят русскими войсками. Согласно Берлинскому договору 1878 г. Батум был объявлен порто-франко, которое действовало до 1886 г. На основании порто-франко устанавливалось право беспошлинного ввоза зарубежных и вывоза местных товаров. В результате, хотя Батум и оказался в привилегированном хозяйственном положении, но Россия теряла доходы от таможенных сборов, местному населению приходилось представлять таможенному досмотру все, в т. ч. и местные товары, отправляемые во внутренние губернии.
- ¹¹¹ Имеется в виду Петр Ильич Чайковский.
- ¹¹² В архивном фонде Д.А. Милютина сохранилось лишь 2 телеграммы И.К. Айвазовского за 1871 и 1897 гг. из Феодосии в Ялту и Алупку, а также пригласительный билет на открытие памятника Александру III в Феодосии 25 октября 1896 г., с вписанным текстом и подписью-автографом И.К. Айвазовского (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 17. Л. 1, 2; Карт. 66. Ед. хр. 13. Л. 1; черновик письма Д.А. Милютина к И.К. Айвазовскому от 25 сентября 1897 г. см.: Там же. Карт. 50. Ед. хр. 14. Л. 1).
- ¹¹³ После Крымской войны значительная часть горцев-мусульман Кавказа покинула места своего обитания и отправились в Турцию. В связи с малой заселенностью местности на заседаниях Кавказского комитета рассматривался даже вопрос о возможности переселения на Черноморское побережье славянского населения с Балкан, прежде всего черногорцев и сербов. См.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. М., 1994. С. 292; РГИА. Ф. 1268. Кавказский комитет. Оп. 26. Д. 23 (журналы Кавказского комитета 30 мая — 6 июня 1860 г.).
- Также рассматривалась возможность заселения Кавказа русскими переселенцами, прежде всего раскольниками, сектантами. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 492.
- В 1911 г. Д.А. Милютин в записке «О разноплеменности в населении государств» возвратился к теме переселения горцев в Турцию, отмечая: «...В западной же половине горной полосы за выселением в Турцию большей части племен, известных под именем черкес, осталось сравнительно лишь незначительное число настоящих горцев в верховьях долин Кубанской области и Черноморского побережья» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 82. Ед. хр. 31. Л. 8).
- ¹¹⁴ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Сухумском округе был основан на развалинах древнего храма Симона Кананита иноками русского Афонского Пантелеймоновского монастыря, прибывшими сюда в 1875 г. Наместник на Кавказе вел. кн. Михаил Ни-

колаевич оказывал помощь в создании обители, для которой по его приказу было отведено 327 десятин земли. 17 октября 1876 г. монастырь был освящен. С 8 апреля 1877 г. по 1 октября 1878 г. внутренняя жизнь монастыря была прервана в связи с военными действиями, монахи принимали участие в санитарных отрядах. Вновь монастырь был освящен 3 февраля 1879 г. Первым храмом монастыря была Покровская церковь, в 1883 г. в ней был устроен и освящен придел во имя Святого архистратига Михаила. В 1882 г. был возобновлен храм во имя Святого апостола Симона Кананита. В корпусе «Нагорного» монастыря храм в честь Вознесения Господня был закончен и освящен в 1884 г., церковь во имя преподобных Афонских освящена в 1886 г., во имя Святого апостола Андрея Первозванного — в 1895 г. См.: Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 666–671.

¹¹⁵ Берлинский конгресс проходил с 13 июня по 13 июля 1878 г. На конгрессе рассматривался восточный вопрос после завершения русско-турецкой войны. 13 июля был подписан акт Берлинского конгресса. По договору Россия не могла укреплять Батум. См.: *Les protocoles du congrès de Berlin avec le traité préliminaire de San-Stefano du 19 février (3 mars) 1878 et le traité de Berlin du 13 juillet. 1878.* St-Petersbourg, 1878.

¹¹⁶ Поздравительные телеграммы Д.А. Милютину по случаю 50-летнего юбилея его службы в офицерских чинах см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 79. Ед. хр. 3–7.

См. упоминаемые в тексте «Дневника» телеграммы: императора Александра III (Там же. Ед. хр. 3. Л. 9); вел. кн. Константина Николаевича (Ед. хр. 5. Л. 12); вел. кн. Михаила Николаевича (Ед. хр. 5. Л. 90); Военного совета (Ед. хр. 3. Л. 4); Общества русских врачей за подписью председателя Общества С.П. Боткина об избрании Д.А. Милютина почетным членом общества и лично от С.П. Боткина (Ед. хр. 3. Л. 28, 27); от Генерального штаба (Ед. хр. 3. Л. 34–38); от «находящихся на лицо сотоварищей, Вашего Сиятельства, по Комитету министров за подписью Адлербергов I-ого и II-ого, Валуева, Рейтерна, Баранова, Тимашева, Шувалова, Грейга, Набокова, Сольского, Головнина, Лесовского, Посьета и Победоносцева» (Ед. хр. 3. Л. 3); телеграмма от женщин-врачей «незабвенному великому государственному деятелю и основателю женских врачебных курсов» Д.А. Милютину (Ед. хр. 7. Л. 1). От Совета Петербургского университета 5 ноября 1883 г. Милютину был направлен адрес за подписью ректора И.Е. Андреевского и деканов факультетов: историко-филологического В.И. Ламанского, физико-математического Н.А. Меншуткина, восточных языков В.П. Васильева и юридического Ю.Э. Янсона. В адресе университета отмечалось: «Полувеко-

вую доблестную службу Вы навсегда связали имя Ваше с историей русской армии. Но столько же неразрывно связано и будет связано оно с историей русского просвещения. Ваша плодотворная деятельность как профессора Николаевской академии, Ваша исполненная научных достоинств история войны 1799 года дали Вам видное место между людьми науки. Совет Санкт-Петербургского университета уже выразил Вам свое уважение званием почетного доктора истории, поднесенным Вам в памятный для России день юбилея Карамзина. Но не одни эти труды побуждают нас с благодарностью произносить Ваше имя: оно знаменует плодотворные усилия распространить просвещение в русской армии, а через нее и в русском народе... Нам, Совету Санкт-Петербургского университета, близок вопрос о могуществе России, близки и судьбы родного просвещения. Вы в своих попечениях соединили и то и другое, ибо в помыслах Ваших могущество государства не могло быть утверждено без просвещения. Да останется деятельность Ваша всегдашним примером истинного служения родине...» (Там же. Карт. 76. Ед. хр. 61. Л. 1–2).

См. также диплом Петербургского университета, данный Милютину на звание почетного доктора русской истории 11 января 1876 г.: Там же. Карт. 85. Ед. хр. 25.

- ¹¹⁷ В рескрипте императора Александра III по случаю юбилея Д.А. Милютин 8 ноября 1883 г. указывалось: «...Многолетние труды Ваши по усовершенствованию военного устройства России представляют ныне возможность обращать преимущественную деятельность правительства на мирное развитие обширных сил нашего Отечества...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 47. Л. 13–13 об.).
- ¹¹⁸ См. адрес от Конференции Николаевской академии Генерального штаба по случаю 50-летия офицерской службы Д.А. Милютин 8 ноября 1883 г. (с подписями-автографами генерал-фельдмаршалов великих князей Николая и Михаила Николаевичей, Н.Н. Обручева, Макшеева, М.И. Драгомирова): ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 85. Ед. хр. 75. Л. 1.
- ¹¹⁹ См. телеграмму за подписью 22 лиц, «состоявших при особе Его Сиятельства Д.А. Милютин»: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 79. Ед. хр. 3. Л. 13.
- ¹²⁰ См. письмо бакинского городского головы Ст.И. Деспот-Зеновича из Баку от 8 ноября 1883 г.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 11. Л. 1–2.
- ¹²¹ Речь идет о письме А.В. Головнина из Петербурга от 30 марта 1884 г., в котором он писал: «...Прилагаю записку полученную мною от Победоносцева и прошу мне эту записку возвратить если Вас не затруднит через Жомини». Очевидно, Д.А. Милютин выполнил эту просьбу, т. к. в его архиве эта записка не обнаружена, см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 41. Л. 26–28 об.

¹²² Свое мнение о правомерности диспозиции русской кавалерии на западной границе и беспочвенности претензий прусского кабинета и канцлера О. Бисмарка Д.А. Милютин подробно изложил в письме к российскому послу в Берлине П.А. Сабурову от 1 марта 1880 г. Копию этого письма П.А. Сабуров включил в тетрадь «Политическая переписка № 2 1880 г.», которая в настоящее время хранится среди немногочисленных документов дипломата в семейном архиве Сабуровых в ГА РФ.

Д.А. Милютин, в частности, писал: «...Я доложил сегодня же Государю императору в присутствии Николая Карловича [Гирса, — *прим. публ.*] записку Вашу по вопросу о расположении нашей кавалерии и при этом представил карту, на которой означено расположение как наших, так и немецких войск в пограничных областях обоих государств... У нас точно так же, как и в германской армии каждый *корпус* состоит из 2-х пехотных дивизий и одной кавалерийской; в каждой кавалерийской дивизии — 4 полка (по 4 эскадрона), и в том числе у нас считается один казачий полк. В пограничной с Пруссией полосе России расположены: один корпус в Виленском округе: пехота его — на *правой* стороне Немана, впереди же, в Сувалкской губернии, *одна кавалерийская дивизия*, т. е. 4 полка.

Один корпус — в Царстве Польском на правой стороне Вислы, т. е. в губерниях Августовской, Ломзинской и Плоцкой, и тут пехота отодвинута от границы, а ближе к ней стоят 4 полка *принадлежащей корпусу* кавалерийской дивизии.

Наконец — один корпус — в западной части Царства Польского, на левой стороне Вислы: пехота его отодвинута на линию Лодзь, Петроков, а ближе границы стоят *принадлежащие корпусу* 4 кавалерийских полка.

Вот и все. Где же тут те “массы” кавалерии, о которых кричат пруссаки? Где же видят они угрозу? Напротив того, у них самих в трех пограничных областях расположено даже более, чем у нас кавалерии. Разница только в том, что у нас пехота удалена от границы, а так как нельзя же оставить ближайшую к границе полосу вовсе без войск, то здесь и расположены *принадлежащие к соответствующим корпусам* кавалерийские полки. Почему именно мы *вынуждены* отодвинуть наши пехотные полки от границы — причина тому достаточно, кажется, объяснена в записке, которая была прежде доставлена мною в Министерство иностранных дел. ...Заявленные германскими стратегами опасения ничем не оправдываются в действительности и очень похожи на притворные страхи; ...для нас не представляется возможности в чем-либо изменить нашу дислокацию иначе, как разве совершенно изуродовав нашу организацию армии, а именно: оставив корпуса вовсе без кавалерии и оставив ближайшую к границе полосу нашей территории вовсе без войск. Можно ли по справедливости требовать такой с нашей стороны несообразности?

...Если германский канцлер серьезно намерен войти с нами в соглашение, близкое по своему характеру к союзу оборонительному и насту-

пательному, то какое же значение может иметь для него та или другая дислокация наших войск близ германской границы?

Право, мне сдается, что в заботах германского канцлера о нашей кавалерии одновременно с начатыми дружественными объяснениями есть какой-то диссонанс. Может ли быть искренность в том и другом?...» [ГА РФ. Ф. 1074 (Сабуровы). Оп. 1. Д. 2109. Л. 72–76 (авторская пагинация: 141–149)].

- ¹²³ О деятельности П.А. Сабурова на посту посланника России в Берлине, его позиции в отношении решения восточного вопроса см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974; *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 251, 252, 254, 260, 262, 268, 269, 288 и др.; см. также: [Сабуров П.А.] *Ma mission a Berlin. 1879–1884. St.-Petersbourg, 1914; Ibid. The Saburov Memoirs or Bismarck & Russia Being Fresh ciah on the League of the three emperors 1881 / By J.Y. Simpson. Cambridge, 1929.*
- ¹²⁴ Речь идет о гибели императора Александра II 1 марта 1881 г. в результате террористического акта. См.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 270–272.
- ¹²⁵ Очевидно, имеется в виду речь генерала М.Д. Скобелева на обеде в ресторане Бореля 12 января 1882 г. в честь годовщины штурма и взятия Геок-Тепе, носившая панславистский характер и направленная против Австро-Венгрии. См. коммент. 12.
- ¹²⁶ В 1881–1882 гг. Н.Н. Обручев занимался вопросами реорганизации русской кавалерии, о чем писал Д.А. Милютину 18 июля 1882 г. (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 61. Л. 16–17).
- ¹²⁷ В письме от 30 марта 1884 г. А.В. Головнин писал Д.А. Милютину: «...Понемногу являются и утешительные факты. Николай Гирс говорил мне на днях, что замечательно, как Государь делает успехи в способе занятия делами. Он теперь не только внимательно выслушивает доклады, но входит в рассуждения и лучше знает и дела и потребности Империи. Он много читает архивных дел и теперь потребовал к себе подлинное дело о декабристах, которое находилось в госуд[арственном] архиве с надписью покойного Императора: “Не распечатывать без Высочайшего повеления”. Из разговоров видно, что требуемые дела Государь действительно читает» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 41. Л. 26–28 об.).
- ¹²⁸ О деятельности Особой комиссии под председательством графа П.Е. Коцебу для обсуждения вопросов организации военного управления, созданной в октябре 1881 г. и продолжавшей деятельность в 1882 г., Д.А. Милютин писал в своем «Дневнике». См.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 376, 379–381, 384–385, 388–390; см.

также: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 1. СПб., 1902. Гл. VI–VII; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 92–102. В архиве самого Д.А. Милютина отложились некоторые документы этой Особой комиссии (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 37–39; Карт. 45. Ед. хр. 1, 2).

- ¹²⁹ Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством члена Государственного совета М.С. Каханова — временный орган для разработки законопроектов по местному управлению. Образована 20 октября 1881 г. в соответствии с высочайше одобренным докладом министра внутренних дел Н.П. Игнатьева от 4 сентября 1881 г. «О подготовке законопроектов о местных административных учреждениях». Задачей комиссии была разработка проектов по преобразованию местных учреждений для приведения их в соответствие с реформами 1860-х гг. 22 февраля 1885 г. Д.А. Толстой в докладе императору о деятельности комиссии подчеркивал ее либеральную направленность.

Разработать универсальный проект реформы комиссии не удалось, 1 мая 1885 г. она была закрыта.

См.: Материалы Высочайше учрежденной Особой комиссии статс-секретаря Каханова для составления проектов местного управления. СПб., 1884; Обзор трудов Высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Каханова Особой комиссии. Т. I, II. СПб., 1908; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 431–434; Государственность в России: Словарь-справочник. Кн. 3. М., 2001. С. 231–232.

- ¹³⁰ Имеется в виду письмо А.В. Головнина от 24 апреля 1884 г., в котором он сообщал Д.А. Милютину: «...Pour vous seul [только для Вас (*фр.*)]. Увольнение Сабурова последовало от того, что он, воображая себе, что угадал интимную волю Государя, заднюю мысль, внутреннее настроение Его Величества, действовал в воинственном направлении в противность политике Министерства иностранных дел, которая есть исполнительница велений монарха. Германский император верит искренности мирного настроения у Гирса, но не уверен в том же dans le fin fond des coeur [в глубине сердца (*фр.*) у Государя...».

К этому письму А.В. Головнин приложил письмо, адресованное ему М.С. Кахановым от 19 апреля 1884 г. с просьбой переслать Милютину экземпляр работ комиссии, работавшей под его председательством. В этом письме Каханов дал высокую оценку деятельности и личности Милютина: «...Как часто жалею я об отсутствии истинно просвещенного человека, который мог бы еще столько принести пользы в наше небогатое сведущими силами время» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 42. Л. 12–13, 14–15).

- ¹³¹ В письме от 13–22 апреля 1884 г. К.Д. Кавелин охарактеризовал новое царствование и личность Александра III: «...Хочу ею [оказиєю, —

прим. публ.] воспользоваться, чтобы перекинуться с Вами откровенным словечком, не подвергаясь операции перлюстрирования... Здесь была одно время мода смотреть на теперешнего Государя как на *кретина*, митрофанушку, которого каждый из докладывающих может положить себе в карман. Но с этим нашим российским приговором пришлось расстаться. Крупных промахов, доказывающих глупость, я еще не видел... Может быть Посьету или Воронцову-Дашкову выпадет блистательная историческая роль похерить наш безобразный, анархический и бессмысленный административный строй и поставить на его место величавный, монументальный органический закон о государственном и местном управлении России...». В этом письме Кавелин касался различных вопросов полицейского управления, высшего образования, состояния на окраинах и др., а также делился своими впечатлениями от участия в суде присяжных (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 61. Л. 36–59; цитируется: Л. 36, 37 об., 40–40 об.).

¹³² Главный комитет по устройству и образованию войск был создан в 1862 г. как совещательный орган при военном министре по основным вопросам устройства армии. После реформы 1874 г. комитет был реорганизован в постоянный орган, ведавший всеми вопросами боевой подготовки войск, а также вопросам хозяйства и быта войск. Председателем комитета был вел. кн. Николай Николаевич.

¹³³ 6 мая (по старому стилю — День памяти праведного Иова Многострадального) 1884 г. цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II) исполнилось 16 лет. В Георгиевском заде Зимнего дворца цесаревич принял воинскую присягу. В этот день он записал в дневнике: «6/18. Воскресение. Май. Праведного Иова многострадального День рождение... и совершеннолетие. ...В десять часов пошли в церковь. В половине первого поехали в Зимний. Я конечно был в атаманском мундире. На выходе я шел с Анастасиею. По окончании молебна я прочел присягу; пошли в Георгиевскую залу, и тут я прочел военную присягу под атаманским штандартом. Затем мне были от всех поздравления. Вернувшись в Аничков, я стал отвечать на бездну телеграмм. Я так доволен, что все прошло благополучно. Я получил ордена прусский, греческий и датский. Обедали с папа и мама. После смотрели модель И[вана] Вел[икого] освещенный электричеством» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 112. Л. 131).

Манифест Александра III о совершеннолетии цесаревича см.: ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 73.

¹³⁴ Письмо Д.А. Милютин к А.В. Головнину от 1–2 мая 1884 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 95. Л. 17–30. Его же к К.Ф. Кавелину от 3 мая 1884 г. см.: Там же. Карт. 52. Ед. хр. 81. Л. 1–10.

В большом письме к А.В. Головнину Д.А. Милютин, помимо прочего, отмечал, что, читая записки Кахановской комиссии, он постарается «вникнуть в суть этой сложной работы, — хотя должен признать-

ся, — писал Милютин, — что я уже несколько предубежден против нее газетными известиями... Конечно, на такой сложный вопрос взгляды могут быть весьма разнообразны. Постараюсь читать без всякой предвзятой мысли. Во всяком случае я очень благодарен М.С. Каханову за доставление мне его трудов и за его любезность...». Касаясь внешнеполитических вопросов, Милютин особо останавливался на роли О. Бисмарка в европейских делах, его коварстве: он, как отмечал Милютин, «надувал дипломатов и более тонких, чем наши честные, добрые представители России, Бисмарк тешитя тем, что вся Европа пляшет по его дудочке, он дирижирует всю прессу и, стало быть, общественным мнением, как опытный капельмейстер оркестром, и сообразно его планам, вся Европа то поднимает общий воинственный крик, то вдруг спустит тон и затянет миролюбивые мелодии...» (Л. 25 об.—26, 27—27 об.).

В черновике письма к К.Д. Кавелину Милютин еще раз писал о своем нежелании возвращаться в Петербург: «...Я устал, все треволения света и службы мне опротивели, для меня [страшно] тягостно было бы хоть на время возвратиться снова в несимпатичный мне водоворот петербург[ской] официальной жизни...». О современных политических деятелях — Д.А. Толстом, К.П. Победоносцеве, К.Н. Посьете и других Милютин замечал, что пригодны они «только на то, чтобы завести бедную Россию в безвыходную трущобу, из которой потом очень будет нелегко вытащить ее...» (Л. 1 об.—2, 4—4 об.).

- ¹³⁵ Имеется в виду оборона Севастополя во время Крымской войны. Капитан-лейтенант И.Г. Руднев после затопления судов командовал на Северной стороне Севастополя 2-й оборонительной линией. См.: Общий морской список. Ч. XI. СПб., 1900. С. 401—403.
- ¹³⁶ Об обсуждении Университетского устава в Общем собрании Государственного совета в мае 1884 г., возникших разногласиях по основным вопросам между большинством и меньшинством членов Общего собрания и утверждении Александром III 15 августа 1884 г. «мнения меньшинства» (И.Д. Делянов, Д.А. Толстой, М.Н. Островский) см.: *Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия.* М., 1970. С. 325—328; *Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883—1886.* Т. 1. М., 1966. С. 227—228; То же. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 236—247.
- ¹³⁷ С 1882 г. в баварском городе Байрёйте ежегодно в течение трех—четырех недель проводятся фестивали музыки Р. Вагнера. После смерти композитора (в 1883 г.) руководство немецким оперным театром («Театр Вагнера»), созданным по замыслу Вагнера для исполнения его музыки и открытого в 1876 г., и проводившимися в помещении театра фестивалями перешло к его жене, впоследствии к детям и внукам.
- ¹³⁸ Имеется в виду Юлия Федоровна Баранова (1789—1864), урожденная Адлерберг, графиня, статс-дама, воспитательница старшей дочери императора Николая I великой княгини Марии Николаевны, начальни-

ца Смольного института. Была очень близка к семье императора Николая I, ее имя часто упоминается в воспоминаниях и переписке императорской семьи. См.: Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000.

- ¹³⁹ Очевидно, речь идет о разногласиях, возникших между министром путей сообщения К.Н. Посыетом и председателем комиссии по выработке «Общего устава железных дорог» Э.Т. Барановым. Во время обсуждения проекта устава в Государственном совете К.Н. Посыет резко возражал против введения предусматривавшегося Уставом Совета по железнодорожным делам. Совет, хотя и состоял при министре путей сообщения и под его председательством, как коллегиальный орган должен был ограничить права министра в деле управления. Этот инцидент достаточно подробно описал С.Ю. Витте, см.: *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 155–158.
- ¹⁴⁰ Речь идет об аресте членов первой польской революционной партии «Пролетариат» — «Первый пролетариат» или «Великий пролетариат», существовавшей в 1882–1886 гг. Руководители партии под влиянием русской «Народной воли» признали высшей формой борьбы экономической и политический террор. В марте 1884 г. «Пролетариат» и «Народная воля» заключили соглашение о совместной борьбе польских и русских революционеров. Аресты членов «Пролетариата» начались в июле 1884 г, продолжались летом 1884 г., осенью 1885 г. и в 1886 г. В июне 1884 г. в Варшаве при обыске на квартире члена этой партии — выпускника Петербургского университета мирового судьи П.В. Бардовского — была обнаружена тайная типография и до 2300 экземпляров нелегальных изданий. К суду было привлечено 29 человек, в 1885 г. по приговору суда 4 члена партии — П.В. Бардовский, ткач Я. Петрусинский, сапожник М. Оссовский и студент Ст. Куницкий были казнены. Остальные были приговорены к разным срокам каторжных работ. 160 человек подвергнуты административному наказанию. См.: *Кон Ф.* Пролетариат. М., 1931. *Коммент. П.А. Зайончковского.*
- ¹⁴¹ О Польском восстании 1861–1864 гг. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999; *Он же.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003.
- ¹⁴² 15–17 сентября 1884 г. в городке Скерневицы (Царство Польское) состоялась встреча российского, германского и австро-венгерского императоров, которая призвана была разрядить атмосферу недоверия, существовавшую между тремя державами, особенно между Россией и Австро-Венгрией из-за соперничества на Балканах. По словам С.Д. Сказкина, «атмосфера, сгустившаяся над австро-русскими отношениями, несколько разрядилась... но устранить опасную сторону их соперничества на Балканах оказалось совершенно невозможным» (*Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974. С. 262–263).

¹⁴³ Имеется в виду письмо А.В. Головнина к Д.А. Милютину от 27 августа (продолжение 1 и 2 сентября) 1884 г. из Царского Села, в котором он обсуждал новый Университетский устав, присваивающий «огромные права» министру народного просвещения. Головнин, в частности, писал: «...Опасаясь, что министр нар[одного] пр[освещения] более чем нужно подчинится требованиям полиции. Помочь этому делу никакой возможности не предвижу в виду господствующего теперь общего направления. Громадное большинство, которое в Соединен[ных] д[епартамента]х высказалось против этого направления при обсуждении Университетского устава, было, как мне кажется, *последним протестом минувшего против настоящего*, последним указателем со стороны прошлой эпохи на ошибки настоящего времени, протест бесполезный. В этом отношении Вы показали себя умнее и проныцательнее нас всех. Вы вполне поняли, что бесполезно, в виду ошибочных надежд достижения общей пользы, противиться течению «реки времен» и надеяться хотя малых достигнуть результатов. Вы прямо, решительно, открыто удалились и сами произвели над собой болезненную операцию. Теперь Вам остаетя свершить над собою другое более трудное — заживить рану.

Последствия нового течения событий замечательны; меня поражает возрастающая нечувствительность к дурному, к постыдному. То, что недавно еще возмущало, возбуждало негодование, сердило — теперь уже начинает приниматься с равнодушием, извиняется необходимостью. Притупилась чувствительность...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 43. Л. 16–18; цитируется: Л. 16 об., 17, 17 об.).

В архивном фонде вел. кн. Константина Николаевича хранятся далеко не все письма из обширной корреспонденции А.В. Головнина. Среди его записок к великому князю за вторую половину 1884 г. находится выписка из письма к нему Д.А. Милютину от 23 октября 1884 г., отправленная 29 октября 1884 г., о поездке в Орианду: «...На днях распростился с великим князем Константином Николаевичем самым задушевным образом и с искренним сожалением о Его отъезде отсюда. Поездки в Орианду, хотя не очень частые, доставляли мне всегда большое удовольствие; беседа Его всегда была для меня истинным наслаждением. С Его Высочеством можно было, как говорится, отвести душу. В последнюю мою поездку в Орианду мы вместе ходили еще раз на место постройки церкви, и архитектор Авдеев показывал Его Высочеству рисунки внутренней отделки...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1172. Л. 8–8 об.).

¹⁴⁴ На реке Альма в Крыму во время Крымской войны 1853–1856 произошло 8(20) сентября 1854 г. сражение между русскими войсками, которыми командовал генерал-адмирал А.С. Меншиков, и соединенными силами французов, англичан и турок. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 281–284; *Тарле Е.В.* Крымская война. 2-е изд. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 99–125.

¹⁴⁵ Имеется в виду письмо командующего войсками Кавказского военного округа князя А.М. Дондукова-Корсакова от 7 сентября 1884 г. о направлении Д.А. Милютину нового проекта Положения о военно-окружном управлении, с приложением особой к нему объяснительной записки на имя военного министра П.С. Ванновского, также от 7 сентября 1884 г., по проекту Военного министерства о децентрализации власти главных военных управлений армии (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 25. Л. 9–10, 11–17, 17–30).

¹⁴⁶ См. высочайшее утвержденное 6 августа 1864 г. Положение о военно-окружном управлении: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 4157, 4166; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 558–562; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 83–99.

¹⁴⁷ Речь идет о национально-освободительном движении в Венгрии во время революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи. 21 мая 1849 г., после провозглашения 14 апреля 1849 г. венгерским сеймом независимости Венгрии и низложения династии Габсбургов, состоялось свидание императоров Франца-Иосифа и Николая I, на котором было заключено соглашение об интервенции России против Венгрии. Вел. кн. Константин Николаевич участвовал в трех сражениях Венгерской кампании и был награжден орденом Св. Георгия. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 159–160.

В дневнике вел. кн. Константина Николаевича в записи от 4 сентября 1884 г. не упоминается посещение Д.А. Милютина; но 3 сентября он отметил визит Милютина, однако содержание беседы не передается: «...В 11 часов хотели проверить на месте по компасу, в каком направлении поставить предполагаемую церковь. В это время приехал Милютин и пожелал принять участие в этой работе. Оказалось, что дабы иметь более простора и не рубить дубов, церковь придется установить приблизительно на OSO... Завтракали в веранде...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 116. Л. 115–115 об.).

Константин Николаевич редко передавал в дневниках содержание бесед, так, посетив Милютина 29 августа, он только отметил: «...У Милютина я просидел целый час в самой интересной болтовне...» (Там же. Л. 113 об.).

¹⁴⁸ Газета «Московские ведомости» с 1756 г. издавалась в Москве; в 1850–1855 гг. редактор — М.Н. Катков, с 1856 г. обязанности редактора исполнял В.Ф. Корш; с 1863 г. редакторами-арендаторами были М.Н. Катков и П.М. Леонтьев, с 1875 г. — один Катков. О нападках Каткова на судебные установления в его публикациях по этому вопросу в «Московских ведомостях» см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 243–252. Исследовательница отмечает, что «атака на Судебные

уставы в начале 1884 г. отличалась особой агрессивностью и полной договоренностью в оценках» (Там же. С. 246).

¹⁴⁹ После смерти сына светлейшего князя Семена Михайловича Воронцова (1823—1882) мужская линия князей Воронцовых пресеклась, и майорат перешел к детям дочери М.С. Воронцова Софьи Михайловны. В 1844 г. она вышла замуж за гр. Андрея Павловича Шувалова. Софья Михайловна одна воспитывала пятерых детей, в основном супруги жили порознь. Дочь С.М. и А.П. Шуваловых Елизавета Андреевна в 1867 г. вышла замуж за гр. Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837—1916). В 1904 г. она унаследовала права майората. См. также: *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2004. С. 294—298.

¹⁵⁰ В письме от 1 февраля 1885 г. из Петербурга П.А. Сабуров обосновывал свое негативное отношение к продолжению секретного договора 1881 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией в прежнем его виде: «...Я находил, что нужно: либо прийти с Германией и Австрией к более широкому соглашению, которым наши восточные интересы были бы вполне ограждены, либо вовсе не возобновлять первого договора. Государь не желал окончательного соглашения по восточному вопросу, находя его преждевременным. С другой стороны, Николай Карлович [Гирс, — *прим. публ.*] считал опасным не возобновлять договора».

Далее Сабуров писал о своем взгляде на завладение при «благоприятных обстоятельствах» Босфором и об отношении к этому императора Александра III: «Касательно мыслей нынешнего Государя мне достоверно известно одно: Государь твердо намерен избегать на первые годы всякой политической компликации; и Н.К. Гирс действует непреклонно в этом смысле... В *первом* году царствования программа наша была *положительно принята Государем*; я имел тогда с ним два длинных разговора, и мог убедиться, что мысль завладеть Босфорским проливом при благоприятных обстоятельствах Ему нравилась. Я тогда же осмелился представить Его Величеству необходимость привести в исполнение две меры, решенные в конце прошлого царствования: а именно, постройку Черноморского флота и изъятие 400 миллионов кредитных билетов из обращения (наш будущий военный фонд).

С тех пор Шестаков и Бунге энергически продолжают исполнять означенные меры; и это мне доказывает, что воля Государя в этом отношении не изменилась.

Что же касается мысли о Босфоре, Государь более ни с кем о ней не говорит. Оно очень умно и осторожно, если эта мысль в самом деле засела ему в голову; и этим можно объяснить, почему Государь не пожелал пускаться в дальнейшие переговоры с Германией, до поры до времени. Надеюсь от всей души, что это так, и что я не ошибаюсь...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 74. Ед. хр. 21. Л. 9—12; цитируются: Л. 10—10 об., 11—11 об., 12).

- ¹⁵¹ Мушары (от *фр.*) — полицейские шпионы.
- ¹⁵² Газета «Русь» славянофильского направления. В 1880—1885 гг. редактор газеты — И.С. Аксаков.
- ¹⁵³ Во время пограничного конфликта 18(30) марта 1885 г. между русскими и афганскими войсками на р. Кушка афганцы вступили в союз с Великобританией. Взаимоотношения между двумя странами ухудшились, в июле-августе существовала реальная угроза войны в Средней Азии. Конфликт был исчерпан после подписания 10 сентября 1885 г. Великобританией и Россией протокола относительно определения русско-афганской границы. См. также коммент. 155.
- ¹⁵⁴ 26 января 1885 г. арабы Судана и Южного Египта, руководимые Мухаммедом-Ахметом, принявшим звание Махди, потомка пророка и вождя в священной войне с неверными, взяли Хартум. Был уничтожен англо-египетский гарнизон, возглавляемый популярным в Англии генералом Ч. Дж. Гордоном (Гордон-паша), находившимся на службе у хедива. Эти события осложнили положение кабинета У. Гладстона. В Палате общин рассматривался вотум порицания правительству.
- ¹⁵⁵ В связи с продвижением русских войск на юге Туркмении (включение в состав России Мервского оазиса и движение в сторону Пендинского оазиса к р. Кушка) произошло обострение русско-афганских отношений. Возник т. н. афганский кризис. В марте 1885 г. афганские войска перешли р. Кушка и заняли несколько высот. 18(30) марта русский отряд под командованием генерал-лейтенанта А.В. Комарова (1830—1904) атаковал и разбил афганские части. Эти события привели к осложнению отношений между Россией и Великобританией (последняя в этом конфликте поддерживала Афганистан). Британская армия была частично мобилизована. Однако конфликт разрешился мирным соглашением, подписанным 10 сентября 1885 г. и устанавливавшим русско-афганскую границу. Россия подтвердила свое намерение не вмешиваться в дела Афганистана. В дневнике Д.А. Милютина речь идет, очевидно, о депеше, полученной от генерала Комарова, о том, то русский отряд разбил афганцев. Об осложнении русско-английских отношений писал в своем дневнике и А.А. Половцев. См.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883—1886. Т. 1. М., 1966. С. 304, 521; То же. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 322, 323, 327, 571; см. также: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906. С. 246—250; *Руир.* Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924. С. 9—10, 83; *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 168—172.
- ¹⁵⁶ 18(30) ноября 1853 г. между русской и турецкой эскадрами произошло морское сражение в Синопской бухте. Русская эскадра под командованием П.С. Нахимова одержала победу, в результате которой русский флот завоевал полное господство в Черном море и сорвал планы турок

по высадке десанта на Кавказе. Однако поражение Турции ускорило вступление в войну ее союзников Великобритании и Франции. 23 декабря 1853 г. (4 января 1854 г.) англо-французский флот вошел в Черное море. 9(21) февраля 1854 г. Россия объявила войну Великобритании и Франции. По поводу этих событий Д.А. Милютин писал в «Воспоминаниях»: «Известие о Синопском разгроме турецкого флота было принято у нас с восторгом... зато в Европе известие об истреблении турецкого флота, так сказать, на глазах стоявшей в Босфоре союзной эскадры произвело страшное раздражение... и окончательно склонило Лондонский и Парижский кабинеты к заключению союза против России» (*Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 222*).

- ¹⁵⁷ Славянофильство — направление в русской общественной и литературной мысли 1840–1860-х гг., отстаивавшее в противоположность западничеству особые «самобытные», внеевропейские тенденции в развитии России, ее истории и культуры.
- ¹⁵⁸ Смутное время на Руси, или «Смута», приходится на конец XVI — начало XVII в., от смерти царя Иоанна IV Васильевича (1584) до избрания в 1613 г. на Земском соборе на царство Михаила Федоровича Романова.
- ¹⁵⁹ Имеется в виду басня И.А Крылова «Волк и ягненок» — «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
- ¹⁶⁰ О закладке, строительстве и архитектуре новой церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, спроектированной академиком А.А. Авдеевым в традициях кавказско-византийского стиля, см.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 892, 893; *Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. Симферополь, 2002. С. 32–36.*
4 мая 1885 г. вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «...Дали мне знать, что приехал Милютин. Застал его в церкви, где он удивлялся, как значительно работа двинулась вперед со дня закладки. Долго с ним сидел и интересно разговаривал в моем домике... Вместе с Милютиным развернули картины Гагарина и остались в полном восхищении, особенно от лика Богородицы» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 117. Л. 119).
- ¹⁶¹ «Гражданин» — русская политическая и литературная газета-журнал монархического направления. Основана князем В.П. Мещерским. Издавалась в Петербурге в 1872–1879 гг. и 1882–1914 гг. один-два раза в неделю.
- ¹⁶² Дворец великого князя Константина Николаевича в Ореанде, построенный в 1842–1852 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера, сгорел в ночь с 7 на 8 августа 1881 г. Первоначальное намерение великого князя восстановить его не было осуществлено из-за нехватки средств. Он жил в небольшом «Императорском домике», переименованном впоследствии в «Адмиральский». См.: *Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. Симферополь, 2002. С. 17, 20.*

- ¹⁶³ 8 июня 1885 г. либеральный кабинет У. Гладстона ушел в отставку, власть перешла к консервативному кабинету Р.А.С. Солсбери (24 июня 1885 г. — 27 января 1886 г.). 25 июня 1885 г. был принят закон о перераспределении парламентских мандатов (избирательная реформа 1885 г.). Реформа привела к увеличению числа избирателей в стране на 75 % и получила название «Акт о народном представительстве». Хотя всеобщее избирательное право не вводилось, право голоса не получили женщины, но число избирателей в Ирландии более чем утроилось.
- ¹⁶⁴ В богослужении Русской Православной Церкви «воздѹх» — большой из трех покровов для Св. Даров, одновременно покрывающий потир — чашу, в которую перед литургией вливается вино с водой, предлагаемое за литургией в кровь Христову, и дискос — небольшое круглое блюдо на подставке, на которое кладется хлеб для освящения.
- ¹⁶⁵ Имеется в виду дворец светлейшего князя М.С. Воронцова в Алушке. Строительство дворца осуществлялось под руководством английского архитектора У. Гунта. Часть дворца, обращенная к морю, была построена в псевдомавританском стиле, обращенная к горам — в псевдоготическом.
- ¹⁶⁶ По Берлинскому трактату 1878 г. созданная на основании Сан-Стефанского договора Великая Болгария была раздроблена на три части: Македония отдана под власть султана; из области, находившейся между Деспото-Дагом на юге и Балканами на севере создана автономная провинция Восточная Румелия, губернатор которой (из христиан) назначался на 5 лет Портой с согласия Европы; создавалось вассальное княжество Болгария, которой в течение 9 месяцев управлял князь Болгарский — избирался населением и утверждался Портой с согласия Европы. Россия оставалась в Румелии до июля 1879 г. В этой провинции было много сторонников объединения с Болгарией. 17–18 сентября 1885 г. в Восточной Румелии произошло восстание — Филиппольский переворот. Генерал-губернатор автономной Восточной Румелии Гавриил-паша был арестован, а затем изгнан из Румелии. Князь Болгарский Александр Баттенберг прибыл в Филипполь и принял титул князя обеих Болгарий. См.: *Княпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898). М., 1994; *Хевролина В.М.* Власть и общество: Борьба в России по вопросам внешней политики, 1878–1894. М., 1999. С. 88–98.
- ¹⁶⁷ О заседании Совета министров 21 декабря 1873 г., на котором гр. П.А. Шувалов докладывал о необходимости передачи надзора и попечительства за народными училищами уездным предводителям дворянства, подробно записал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. Как председатель Совета Константин Николаевич полагал, что этот вопрос требует предварительного обсуждения, одновременно с рассмотрением дела об училищных советах и об инспекции народных школ: «Шайка (Шувалов, Бобринский, Пален, Тимашев, Толстой и

Валуев) тотчас против этого воспротестовала и предъявила уже подготовленный проект рескрипта... Государь явно уже был ими подготовлен и был в ненормальном состоянии. Он спросил наследника, сочувствует ли он этому предложению. Тот положительно ответил, что *нет*. Это еще больше рассердило Государя. Он обратился к нему с длинной тирадой про значение дворянства и объявил, что для его спасения и его сына он желал, чтоб эта мера (нерассмотренная и необсужденная) была приведена в исполнение...». Запись 22 декабря: «...Приходил Милютин, под тем же тягостным впечатлением...». Запись 25 декабря: «...Начал Шувалову хладнокровно и подробно разъяснять, до какой степени их поступок был для меня глубоко оскорбителен и нечестен и не благороден против меня. Проводить законодательное дело помимо Совета и его председателя не есть честный и благородный поступок...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 73–74 об., 77).

25 октября 1885 г. великий князь записал в дневнике: «...К концу обеда приехал Милютин. С ним потом толковал у себя более часа самым приятным образом. Между прочим говорили о моем желании зимовать следующую зиму здесь в Орианде. Он это вполне понимает и советует мне здесь жить совсем и ездить на север только летом на несколько недель в Павловск. Это в самом деле отличная мысль...» (Там же. Д. 118. Л. 104).

¹⁶⁸ 8 ноября — Собор Архистратига Михаила.

¹⁶⁹ 13 ноября 1885 г. началась война между Болгарией и Сербией; 17–19 и 26–27 ноября 1885 г. сербская армия потерпела поражение, и болгарские войска вошли в Сербию. 3 марта 1886 г. в Бухаресте был подписан сербо-болгарский мирный договор. Но поражение сербской армии не привело к отречению сербского короля Милана, которое произошло лишь 6 марта 1889 г. в пользу сына Александра.

¹⁷⁰ 25 ноября 1885 г. умер король Испании Альфонс XII. Исполнительная власть перешла к вдовствующей королеве Марии-Христине, правившей от имени своего сына Альфонса XIII, родившегося 17 мая 1886 г., т. е. уже после смерти отца.

¹⁷¹ Речь идет о книге Н.Я. Данилевского «Дарвинизм: Критическое исследование» (Т. 1–2. СПб., 1885–1889). Главное сочинение Н.Я. Данилевского книга «Россия и Европа» посвящена обоснованию панславизма (опубл.: Заря. № 1–6, 8–10. 1869; отдельное изд.: СПб., 1871; 5-е изд.: СПб., 1895).

¹⁷² Речь идет о двух письмах А.В. Головнина из Петербурга от 4 и 23 ноября 1885 г. Головнин писал о состоянии здоровья вел. кн. Константина Николаевича; о периодических изданиях, на которые Головнин собирался подписаться; о достижениях предыдущего царствования, современном положении т. д. Д.А. Милютин собственноручно подчеркнул в письме Головнина следующие абзац: «...Как бы хорошо, если б неко-

торые периоды кавказской истории или эпизоды из жизни Кавказа были Вами описаны. Какой драгоценный подарок это был бы для людей образованных, мыслящих. Говорят, что разные материалы по истории Кавказа переданы официально Дубровину. Если б я мог быть Вам полезен для доставления Вам каких-либо сведений, материалов для Ваших работ, я, конечно, с радостью стал бы исполнять всякие Ваши поручения» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 2. Л. 20–29; цитируется письмо от 4 ноября: Л. 25–25 об.). Д.А. Милютин осуществил это пожелание А.В. Головнина; см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004.

- ¹⁷³ В письме от 22 февраля 1886 г. из Петербурга А.В. Головнин писал: «...Еще не известно, когда великий князь отправится в Орианду — вероятно, позже, чем сначала предполагал. Зато Ваша соседка Ливадия будет очень оживлена. Там предполагается говеть и встретить Пасху, а затем присутствовать на морских торжествах...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 62. Ед. хр. 3. Л. 14).
- ¹⁷⁴ Об имениях членов царской семьи и дачах русской аристократии в Крыму см.: Романовы и Крым: Фотоальбом / Текст: М.А. Земляниченко, Н.Н. Калинин; Составители: А.И. Барковец, М.А. Земляниченко, Н.Н. Калинин, З.И. Перегудова, Л.И. Тютюнник. М., 1993; *Калинин Н.Н., Земляниченко М.А.* Романовы и Крым. Симферополь, 2002; *Калинин Н.Н., Кадиевич А., Земляниченко М.А.* Архитектор Высочайшего двора. [Симферополь], 2003. Также о застройке Южного берега дачами и дворцами русской элиты, об использовании в XIX в. Крыма как курорта см.: *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Ялте и окрестностям. Одесса, 1897; *Безчинский А.* Ялта и ближайшие окрестности. Ялта, 1902; *Фирсов А.* Симеиз // Исторический вестник. 1904. Т. ТСVII. С. 582; *Строганов Д.* Новый Симеиз — курорт Южного берега Крыма. Ялта, 1913; *Кузьменко В.М.* Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. М., 1913; *Галиченко А.А.* Мухалатка // Дворянские гнезда России: История, культура, архитектура. М., 2000; *Пинхасова Г.А.* Имение Кореиз Юсуповых // 2-е Таврические научные чтения. Симферополь, 2002; *Мальгин А.* Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX вв. Симферополь, 2004; *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2005; *Галиченко А.А., Филатова Г.Г.* Мисхор: Судьба имения и его обитателей: (Из серии Старинные усадьбы Крыма). Симферополь, 2005; *Галиченко А.А.* Гаспра. Симферополь, 2006; *Петрова М.М.* Симеиз: Путешествие по старым дачам: Очерк-путеводитель. Симферополь, 2006; *Белова С.Л.* Раевские и Крым. Симферополь, 2006.
- ¹⁷⁵ Воспользовавшись событиями в Восточной Румелии, правительство Греции во главе с Федором Делианисом попыталось добиться у Порты территориальных уступок. Весной 1886 г. греческие войска, приведенные в состояние боевой готовности, были сосредоточены у турецкой

границы, но европейские державы, за исключением Франции, блокировали греческие берега. В апреле 1886 г. правительство Делианиса ушло в отставку.

- ¹⁷⁶ Известный русский путешественник и этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай два с половиной года (в 1871—1872, 1876—1877, 1883 гг.) прожил на северо-восточном берегу Новой Гвинеи (ныне берег Миклухо-Маклая) — острове в Тихом океане, в 1874 г. он был на юго-западном берегу и в 1880—1881 г. — на юго-восточном. В 1881 г. Миклухо-Маклай разработал проект создания на северо-восточном берегу острова независимого государства — Папуасского союза, в 1886 г. пытался организовывать там основанное на идеалах утопического социализма русское поселение, но правительство России не дало на это разрешения.

Новая Гвинея была открыта португальцами в первой половине XVI в.; в первой половине XIX в. западную часть острова захватили голландцы; в 1884 г. Великобритания установила свое господство над юго-восточной частью острова, которая в начале XX в. стала колонией Австралийского союза — Папуа, а Германия объявила свой протекторат над северо-восточной частью.

В 1885 г. в Петербурге вышел в свет отдельный оттиск из т. 18 «Известий Русского географического общества» с сообщением о путешествиях Н.Н. Миклухо-Маклая и исследовании им островов на Тихом океане. В 1886 г. в России был издан «Каталог предметов этнологической коллекции с островов Тихого океана Н.Н. Миклухо-Маклая». В том же 1886 г. в Петербурге отдельным оттиском был издан очерк «У Н.Н. Миклухо-Маклая» (автор не указан).

Впоследствии как в России, так и за рубежом неоднократно издавались исследования, дневники, переписка Миклухо-Маклая, выходили научные публикации об его жизни, путешествиях, вкладе в науку, а также художественные произведения о нем. В том числе в XX в. в России вышло несколько научных изданий собраний его сочинений, последнее из них см.: *Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений*. Т. 1—6. М., 1990—1999.

- ¹⁷⁷ О своей миссии в Константинополь для заключения Сан-Стефанского мирного договора, в т. ч. о позиции императора, А.М. Горчакова и ведущих держав писал в «Воспоминаниях» Н.П. Игнатьев. См.: ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 153 (рукописная копия). Д. 157 (черновик); а также о пребывании в Турции: Там же. Д. 152, 154, 155, 156; см. также: *Игнатьев Н.П.* После Сан-Стефано: Записки гр. Игнатьева / С примечаниями А.А. Башмакова. Пг., 1916; *Он же.* Сан-Стефано: Записки Н.П. Игнатьева / С примечаниями А.А. Башмакова. Пг., 1916.

13 января 1878 г. Игнатьев был командирован в качестве первого уполномоченного на переговоры в Турции, руководил российской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира 1878 г. Игнатьев имел репутацию одного из главных деятелей панславизма. В ряде

случаев его политические инициативы входили в противоречие с политикой российского Министерства иностранных дел. См.: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 1996 С. 320–321; *Хевролина В.М.* Сан-Стефанский веночек и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992.

Упомянутая в тексте «Дневника» запись беседы Д.А. Милютина с Н.К. Гирсом от 27 апреля не обнаружена.

- ¹⁷⁸ Вел. кн. Константин Николаевич при жизни вел. княгини Александры Иосифовны имел гражданскую жену балерину Анну Васильевну Кузнецову (1847 — умерла в 1922 г. в Москве). Она была внебрачной дочерью актера В.А. Каратыгина и Т.М. Кузнецовой. У Константина Николаевича и Анны Васильевны были дети: 1) сын Сергей Константинович (род. и ум. в 1873 г.); 2) Марина Константиновна (1875 — 8.6.1941, Москва), с 1894 г. была замужем за А.П. Ершовым (1861–1922), военным инженером, служившим в л.-гв. Саперном батальоне, впоследствии генерал-майор, от этого брака было 2 сына и 6 дочерей; 3) Анна Константиновна (1878 — умерла в 1920 в Харькове от тифа вместе с мужем и дочерью), с 1898 г. была замужем за Н.Н. Ляпиным (1869–1920), служил в л.-гв. Саперном батальоне, с 1911 г. — полковник; от этого брака 2 сына и 1 дочь; 4) Измаил Константинович (1879, Павловск — ум. в 1885 г. от скарлатины); 5) Лев Константинович (1883, Ореанда — 1885, от скарлатины).

Высочайшим указом от 17 мая 1883 г. детям вел. кн. Константина Николаевича и Анны Васильевны было пожаловано личное дворянство, отчество «Константиновичи» и фамилия «Князевы». По прошению А.В. Кузнецовой 19 декабря 1891 г. последовало высочайшее дозволение на право пользоваться ранее дарованной ее дочерям фамилией, а также и правами личного дворянства. Указ Правительствующего Сената был дан 5 января 1892 г. См.: *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / Публ. и коммент. Р.Г. Красюкова. СПб., 2003. С. 84–85.

- ¹⁷⁹ Более подробно о «бестактной речи» московского городского головы Н.А. Алексеева (1852–1893), произнесенной во время празднеств, связанных с посещением Москвы императорской семьей, и опубликованной в газете «Русские ведомости» 14 мая 1886 г., писал А.А. Половцев: «18 мая... после речи головы Алексеева о водружении креста на Св. Софии испуганный Гирс пришел просить Толстого, чтобы он воспротивился напечатанию этой речи в газетах. Толстой обещал это исполнить, но вместо того не решился говорить о том сам, а поручил это ген.-губернатору кн. Долгорукову, который вернулся от Государя с таким ответом, что так как взятие Константинополя составляет цель нашей политики и это давно всем известно, то и нет препятствия дозволить печатание этого в газетах...

Заезжаю к Победоносцеву, который об этой речи отзывается как о мальчишестве и горько сетует на Толстого за полное отсутствие энергического действия, когда московское пребывание налагало на него в том обязанность» (Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883—1886. Т. 1. М., 1966. С. 422, 542; То же. 2-е изд. М., 2005. С. 457, 595).

¹⁸⁰ Речь идет о письме Н.Н. Обручева от 18 июня 1886 г., в котором он общал о «крайне» тяжелом современном положении: «Но уже и то хорошо, что, с одной стороны, мы крепко работаем, с другой же — ни во что до поры до времени не впутываемся...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 63. Л. 3 об.—4 об.). На письме есть пометка Д.А. Милютина карандашом: «Отве[тил] 20 июня». Среди сохранившихся писем Милютина к Обручеву упоминаемое письмо не обнаружено (см.: Там же. Карт. 54. Ед. хр. 3 —6).

¹⁸¹ Очевидно, имеется в виду письмо Н.Н. Обручева от 2—10 июля 1886 г. на 10 листах (карандашом), в котором начальник Главного штаба писал Д.А. Милютину: «...Насколько Вы знаете, мне представляется несомненным существование для России только двух коренных исторических вопросов, из-за которых стоит лить русскую кровь. Это вопрос польский (или галицкий) и вопрос босфорский. Волей-неволей они должны решиться войной, и именно к этой войне нам и следует готовиться. Но Боже избави нас от войны *неудачной*...». Далее Обручев общал о состоянии вооруженных сил России и необходимых мерах по их улучшению (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 63. Л. 5—14; цитата: Л. 5 об.).

Имеется в виду большое письмо А.В. Головнина от 8—12 июля 1886 г. из Царского Села, присланное не по почте, а через адъютанта вел. кн. Константина Николаевича Н.А. Римского-Корсакова. В этом письме Головнин писал об особенностях новой эпохи: «Бесперывное порицание действий покойного Государя и умолчание того хорошего, которое было им совершенно и которое было так велико, так блестяще, что оставляет совершенно в тени некоторые ошибки и упущения». Головнин считал, что у деятелей нового царствования отсутствует творчество, им присущи «малоспособность», недостаток знаний, посредственность: «Мне кажется, что нынешнего Государя и относительно дел и относительно людей более вводят в заблуждение, более оставляют в неведении, чем покойного... Лица прежнего времени быстро сходят со сцены, теряют энергию, охоту и способность работать, здоровье изменяет» (Там же. Карт. 62. Ед. хр. 4. Л. 21—24).

¹⁸² В ночь с 20 на 21 августа 1886 г. князь Александр Баттенберг был арестован офицерами, поддержанными военным министром Никифоровым и министром-президентом Каравеловым. Они принудили князя подписать отречение. 1 сентября 1886 г. князь был снова призван в Софию, но 6 сентября отрекся вторично. К власти пришел регент Стефан

Стамбулов. Его кабинет занял прозападную позицию. Недовольство в Болгарии вызывала деятельность российского посла Н.В. Каульбарса. 20 ноября 1886 г. произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Болгарией. На съездах дипломатов летом 1886 г., очевидно, обсуждалась проблема разрешения болгарского кризиса. См.: История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 76–86; *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898). М., 1994. С. 66–68, 80–86.

- ¹⁸³ Имеются в виду герцоги брат и сестра Михаил Георгиевич и Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелецкие.
- ¹⁸⁴ И.И. Иванюков в 1882 г. опубликовал книгу «Падение крепостного права в России». В этой книге он характеризовал Н.А. Милютину как «государственного человека замечательного ума и чистой совести», приводил обширные цитаты из статей А. Леруа-Болье о Милютине, опубликованные в 1880 г. в октябрьской книжке «*Revue des deux Mondes*». Очевидно, Иванюков предполагал написать отдельное исследование, посвященное Милютину, или дополнить новыми сведениями второе издание своей книги. Однако во второе издание, вышедшее в 1903 г. в Петербурге, как заметил сам автор, были внесены лишь «незначительные изменения». Страницы, посвященные Н.А. Милютину, остались без изменений. Ср.: *Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. 1-е изд. СПб., 1882. С. 368–371; 2-е изд. С. 3, 362–365.
- ¹⁸⁵ См. отношение военного министра П.С. Ванновского к Д.А. Милютину от 23 сентября 1886 г. с приглашением прибыть в Петербург на открытие памятника в честь победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 28. Л. 1.
- ¹⁸⁶ Опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила».
- ¹⁸⁷ Имеются в виду внуки Д.А. Милютина — Дмитрий и Наталия Гершельманы.
- ¹⁸⁸ Собор Пресвятой Троицы (Измайловский) — полковой храм л.-гв. Измайловского полка, сооружен в 1825–1835 гг. по проекту архитектора В.П. Стасова на месте одноименной деревянной церкви XVIII в. На стенах собора висели трофейные турецкие знамена, захваченные в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., хранились полковые реликвии. Были установлены мраморные доски с фамилиями офицеров полка, погибших в боях. В 1886 г. перед Троицким собором был открыт памятник Славы, изготовленный из стволов 108 трофейных турецких орудий (архитектор Д.И. Grimm, скульптор П.И. Шварц). В 1930 г. памятник был разрушен; в 2004 г. восстановлен на прежнем месте. См.: *Невдачин И.И.* Свято-Троицкий собор л.-гв. Измайловского полка. СПб., 1910; Санкт-Петербург: Энциклопедия. 2-е изд. СПб.; М., 2006. С. 889.
- ¹⁸⁹ Об обсуждении в российских политических кругах кандидатуры князя Н.Д. Мингрельского (Дадиани) на пост князя Болгарского имеется

запись в «Дневнике» В.Н. Ламздорфа: «Гирсу показалось вчера, что Государь более чем когда-либо стоит за кандидатуру кн. Мингрельского...» [*Ламздорф В.Н.* Дневник (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 4, 5, 7].

В Народном собрании Болгарии обсуждались кандидатуры принца Александра Ольденбургского, принца Вольдемара Датского, греческого короля Георга I. В 1887 г. Россия предложила Порте рассмотреть кандидатуру князя Мингрельского, но после того как Болгария отказалась рассматривать эту кандидатуру, против высказалась и Порта. 13 августа 1887 г. князем Болгарским стал принц Кобургский Фердинанд — католик по вероисповеданию, поддержанный Австро-Венгрией. См.: *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878–1898). М., 1994. С. 86.

¹⁹⁰ Корпорация шварцгауптеров (черноголовых) — военно-торговое братство — возникло в XIV в. для обороны г. Ревель. Свое оборонительное и торговое значение организация утратила, но продолжала существовать, и к концу XIX в. в братстве насчитывалось 120 членов, 12 старшин, один из которых назывался ротмистром. В Ревеле на ул. Морской (Длинной) братство имело с 1560 г. собственный дом. В главном зале дома на 2-м этаже хранились исторические реликвии братства: знамена, коллекция серебряных сосудов, в т. ч. 4 массивных серебряных подсвечника и кубок в виде оленьей ноги, подаренные братству Петром I, серебряные кубки, подаренные Александром I и Николаем I, коллекции старинных панцирей, шлемов, портреты датских и шведских королей; а также русских императоров. См.: *Уманец С.В.* Воспоминания о князе С.В. Шаховском и Балтийские очерки. СПб., 1899. С. 48.

¹⁹¹ Имеется в виду князь В.П. Мещерский.

¹⁹² Личный архив А.В. Головнина хранится в РГИА. Мемуары Головнина опубликованы, см.: *Головнин А.В.* Записки для немногих / Отв. сост. Б.И. Гальперина. СПб., 2004.

¹⁹³ В архиве Д.А. Милютина хранится печатный комплект проекта Положения о полевом управлении войск с его пометами на полях и в тексте, см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 27. Ед. хр. 11–18; черновой автограф письма к П.С. Ванновскому и прилагаемое к письму заключение на проект Положения от 4 декабря 1886 г. см.: Там же. Ед. хр. 20. Л. 1–16.

См. различные документы по разработке Положения и переписка Д.А. Милютина с П.С. Ванновским — в комиссии по разработке Положения о полевом управлении войск под председательством П.Л. Лобко: Там же. Ф. 169. К. 27. Ед. хр. 9–15.

¹⁹⁴ В письме от 20 декабря 1886 г. к председателю Ялтинской уездной земской управы С.А. Ашеру Д.А. Милютин выражал признательность за избрание его почетным мировым судьей Ялтинского округа (уведомление от 19 декабря за № 1035), но просил «по своим домашним обстоятельствам» освободить его «от всяких сопряженных с означенным

званием обязанностей» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 43. Л. 1. Черновой автограф).

- ¹⁹⁵ Архив семьи Киселевых, включающий рукописи П.Д. Киселева, его братьев Сергея и Николая Дмитриевичей, зятя Киселевых — поэта С.А. Неелова, был передан дочерью Д.А. Милютина Ольгой Дмитриевной Милютиной в 1912 г. вместе с архивом отца в Рукописное отделение Московского Публичного и Румянцевского музея. См.: Записки Отдела рукописей. Вып. 19. М., 1957. С. 47–94; Там же. Вып. 16. М., 1954. С. 17.

Первоначально рукописи архива П.Д. Киселева разбирал его близкий друг и сотрудник по Министерству государственных имуществ А.П. Заблоцкий-Десятовский и на их основе написал биографию П.Д. Киселева. См.: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1–4. СПб., 1882.

Незадолго до смерти Заблоцкого-Десятовского в журнале «Вестник Европы» (кн. 8 за 1881 г.) были опубликованы 2 главы из III тома его монографии, которая, как сообщали в «Вестнике Европы», «в непродолжительном времени должна выйти в свет». Очевидно, Д.А. Милютин имеет в виду эту последнюю вышедшую при жизни автора работу. См. также: *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 1: Русские писатели умершие в 1881 г. СПб., 1885. С. 18–19. Биографические сведения и список трудов А.П. Заблоцкого-Десятовского см.: Граф П.Д. Киселев в Париже // Вестник Европы. 1881. Кн. 8. С. 457–520.

Внезапная смерть помешала Заблоцкому-Десятовскому завершить работу по разбору архива; ее продолжил его зять — П.П. Семенов-Тянь-Шанский и Д.А. Милютин.

Материалы служебной деятельности П.Д. Киселева были переданы еще до 1917 г. наследниками в Государственное архивохранилище (Архив Министерства иностранных дел). У Д.А. Милютина оставались дневники за 1856–1872 гг., личные имущественные документы, переписка. В 1891 г. часть этих рукописей, включающая почти всю переписку, была передана Милютиным Н.Ф. Дубровину, изучавшему эпоху Александра I. После смерти Дубровина эти документы поступили в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в Петербурге, откуда в 1931 г. были переданы в Пушкинский дом, где и хранятся ныне.

- ¹⁹⁶ «Русская старина» — ежемесячный исторический журнал. Издавался в Петербурге в 1870–1918 гг. Основатель и редактор до 1892 г. — М.И. Семевский.
- ¹⁹⁷ В ОР РГБ в личном фонде Киселевых (Ф. 129) приложены писарские экземпляры описей, составленных Д.А. Милютиным: «Опись уничтоженным бумагам и письмам графа Павла Дмитриевича Киселева», «Опись бумагам Павла Дмитриевича Киселева, оставленным на хранение», записка П.П. Семенова от 16 ноября 1885 г. о разборе бумаг

архива П.Д. Киселева и записка Д.А. Милютину от 17 февраля 1887 г. «Объяснение к приложенным при сем описям бумаг гр. П.Д. Киселева».

Д.А. Милютину получил архив и библиотеку П.Д. Киселева в наследство. По завещанию Милютину и двум другим душеприказчикам — А.П. Заболоцкому-Десятовскому и Г. Козицину — было дано распоряжение составить жизнеописание покойного графа с назначением на расходы 10 тыс. рублей. Особый интерес для характеристики Милютину как историка и мемуариста представляет составленная им «ведомость» бумагам и письмам «уничтоженным», среди них семейная переписка, имущественно-хозяйственные документы; письма семейств Бальяно и Прежбяно, Дмитрия Васильевича Голицына, Алексея Ивановича и Ивана Алексеевича Пушкиных за 1823–1825 гг., князя Сергея Григорьевича Волконского (будущего декабриста) за 1814–1815 гг.; Ф. Толстого по прозвищу Американец за 1819–1828 гг.; графа Сен-При за 1815–1822 гг., кн. Николая Андреевича Долгорукого за 1820–1846 гг., кн. Василия Васильевича Долгорукого за 1823–1856 гг.; письма «некоторых начальствующих лиц 2-й армии или служивших в Южном крае, по делам служебным почти исключительно мелочным и частным» — барона Розена, графа Ностица, генерала Корнилова, Крейца, князя Урусова; из писем генерала Гейсмара оставлены лишь относящиеся к войне 1828–1829 гг., также оставлено несколько писем генерала Вахтена (1820–1828 гг.), «отобраны имеющие некоторое значение для характеристики военной службы того времени», также оставлены частично письма полковников Чепурова, Грамона, Муханова, генерала Болковского, Андрея Михайловича Голицына, Дмитрия Сергеевича Левашова, Ильи Андреевича Долгорукова, Льва Алексеевича Перовского, Михаила Николаевича Муравьева и т. д.

¹⁹⁸ См. письма к Д.А. Милютину из редакции «Histoire générale des hommes du XX siècle» за 1874–1887 гг., а также письма от 21 февраля и 25 марта 1887 г. (к письму от 25 марта 1887 г. приложен проспект издания на фр. яз., листы «Всеобщей истории XIX в.», относящиеся к русским деятелям (портреты и текст, печатные): ОР РГБ. Ф. 169. Карг. 78. Ед. хр. 75.

¹⁹⁹ 1 марта 1887 г. члены террористической фракции партии «Народная воля», надеясь повторить 1 марта 1881 г. (убийство императора Александра II), вышли на Невский проспект с бомбами и стали ждать поезда Александра III, но были арестованы. Организаторы и участники — всего 15 человек, среди них брат В.И. Ульянова (Ленина) А.И. Ульянов, 15–19 апреля были привлечены к суду Особого присутствия Правительствующего Сената. 5 из них по приговору суда были повешены 8 мая 1887 г., остальные приговорены к тюремному заключению, каторге, ссылке. См.: 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927; *Троицкий А.* «Народная воля» перед царским судом. 1880–1891. [Саратов], 1971.

- ²⁰⁰ О деятельности органов политического сыска в России после упразднения 3-го Отделения С. Е. И. В. Канцелярии и создании Департамента полиции см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.
- ²⁰¹ Императорский Лицей в память цесаревича Николая (Катковский лицей) — первоначально частное закрытое привилегированное мужское учебное заведение в Москве. Основан 13 января 1868 г. по инициативе М.Н. Каткова с целью на практике доказать преимущества в образовании «классицизма». Средства на создание лицея были даны Катковым, профессором греческой философии Московского университета П.М. Леонтьевым, а также С.С. Поляковым, П.Г. Дервизом. С 1869 г. лицей состоял под покровительством императора, почетным попечителем был московский генерал-губернатор. После смерти Каткова 20 июля 1887 г. «на развалинах старого лицея возник новый, сохранивший главные черты своей прежней организации, но из учебного заведения общественного сделавшийся казенным учебным заведением и с тем вместе утративший в значительной мере свою независимость». Лицей входил в ведомство Министерства народного просвещения. По Положению о лицее от 1890 г. средства лицея составляли: 1) суммы, отпускаемые на его содержание из государственного казначейства; 2) доход от принадлежащего лицее имущества; 3) плата, взимаемая с воспитанников; 4) пожертвования. См.: Историческая записка Императорского лицея в память Цесаревича Николая (лицея цесаревича Николая) за XXX лет (1868 13/января — 1898). М., 1899. С. 55; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991. С. 29–31.
- ²⁰² Собор Святого князя Владимира в Севастополе был построен в византийском стиле по проекту архитектора К.А. Тона, впоследствии доработан академиком А.А. Авдеевым. Закладка состоялась 15 июля 1854 г. на месте, где с 1851 г. находился склеп адмирала М.П. Лазарева. В дни обороны Севастополя строительство было приостановлено и возобновилось в 1858 г. Закончено в 1888 г. В нижней церкви собора объединены под общим надгробием в виде большого черного мраморного креста могилы адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова. Вдоль северной и южной стен погребены и другие адмиралы — участники обороны: П.А. Карпов, П.А. Перелешин, В.П. Шмидт; всего 113 захоронений. На внутренних стенах собора свинцовыми буквами написаны имена офицеров, особо отличившихся при обороне и удостоенных ордена Св. Георгия. Фресковая живопись выполнена академиком А.Е. Корнеевым, орнаментальная роспись — швейцарским художником Р. Изелли; мраморные работы итальянским скульптором из Каррары В. Бонанни. См.: *Доронина Э.Н., Яковлева Т.И.* Памятники Севастополя. Симферополь, 1978. С. 47–49.
- ²⁰³ По условиям Парижского мирного договора 1856 г. Россия не могла иметь военный флот на Черном море, за исключением незначительного

количества кораблей для сторожевой службы. После отмены нейтрализации Черного моря в 1871 г. началось восстановление российского флота. С 1880-х гг. развивалось броненосное судостроение. В 1879–1880 гг. морское ведомство разработало 20-летнюю программу строительства большого броненосного флота. Программа была принята Особым совещанием в 1882 г. В Николаеве были созданы судостроительные заводы большой производительности, корабли строились на Севастопольской верфи, на Балтийском море (Новое адмиралтейство и Галерный островок). В 1885 г. кораблестроительная программа еще раз пересматривалась с целью усилить Балтийский флот, увеличивались ассигнования на строительство новых кораблей. В 1886 г. для Черноморского флота в Севастополе были построены 3 однотипных броненосца — «Чесма» и «Екатерина II», вступили в строй еще в 1888 г., и «Синоп» — вступил в строй в 1889 г. В 1890–1895 гг. на Черном море вошли в строй еще 4 броненосца. К 1895 г. Севастополь, полностью восстановленный, вновь стал главным военным портом и базой флота на Черном море. См.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 516–524; *Российский императорский флот. 1696–1917: Военно-исторический справочник.* М., 1993. С. 251–252.

- ²⁰⁴ Имеется в виду Никитский ботанический сад. О нем см.: *Кочкин М.А.* Государственному Никитскому ботаническому саду 150 лет. Симферополь, 1962; *Скворцов Н.* Императорский Никитский сад и Магарачское училище. СПб., 1868; Библиографический указатель работ Государственного ботанического сада с 1812 по 1960 г. Ялта, 1962.
- ²⁰⁵ Магарач — Магарачское винодельческое заведение, ставшее одним из отделов Никитского ботанического сада, было создано в Ялте в 1829 г. С 1940 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства «Магарач». В настоящее время — Институт винограда и вина «Магарач», Крым, Украина.
- ²⁰⁶ Источником постепенного обострения отношений между Россией и Австро-Венгрией оставалось столкновение интересов двух стран на Балканском полуострове. Толчком к такому обострению осенью-зимой 1887 г. послужили события в Болгарии, смена этой страной прорусской ориентации на проавстрийскую, смещение по прямому требованию Александра III князя Александра Баттенберга, разрыв русско-болгарских отношений. Осенью 1887 г. германских и австрийских политиков беспокоило усиление Россией вооружений в пограничных с Германией и Австро-Венгрией областях в Царстве Польском. В декабре 1887 г. усилиями Бисмарка было заключено направленное против России англо-австро-итальянское соглашение — «Средиземноморская Антанта», предусматривавшее возможность вооруженного вмешательства этих стран в случае, если бы Турцию вынуждали передать права на Болгарию другим государствам, т. е. России (по решению Берлинского конгресса часть Болгарии —

Восточная Румелия — оставалась под турецким управлением). Некоторые австрийские и германские политики выступали за начало превентивной войны против России. См.: *Чубинский В.В.* Бисмарк. Биография. СПб., 1997. С. 471–480.

- 207 Очевидно, имеется в виду книга «*Mémoires du Pr. Adam Czartorysky*» (2-е изд. 1898; 3-е изд. 1901). Другие издания: Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / Пер. с франц. А. Дмитриева; Ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. Т. 1–2. М., 1912–1913; *Чарторыйский А.* Убийство императора Павла I: Отрывок из записок Адама Чарторыжского / Под ред. А.И. Пашина. 2-е изд. М., 1906; *Он же.* Мемуары. М., 1998.
- 208 О политике правительства в области просвещения в 1880–1890-е гг. и деятельности министра народного просвещения И.Д. Делянова см.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 309–365.
- 209 Возможно, имеется в виду «Лига мира и свободы» — пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии сторонниками республиканского и либерального направления. Среди основателей В. Гюго, Дж. Гарibaldi. В 1867–68 гг. в работе Лиги принимал участие М.А. Бакунин. Лига, в частности, выступала с инициативами покончить с войной путем создания «Соединенных штатов Европы», возлагая надежды на будущее «международное братство народов».
- 210 Д.А. Милютин вспоминает сравнение, данное зимой 1853 г. императором Николаем I Османской Порте в доверительных беседах с послом Великобритании в России Гамильтоном Сеймуром (1797–1880). См.: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. 2. М., 1947. С. 93–94.
- 211 Современный российский биограф Бисмарка В.В. Чубинский пишет о ситуации сложившейся к началу 1888 г. В начале 1888 г. 90-летний император Вильгельм I находился на пороге смерти, в этот же год его наследник кронпринц Фридрих умирал от той же болезни — рака гортани. У Бисмарка не было ни симпатии, ни взаимопонимания с либерально настроенным, предполагавшем по вступлении на престол управлять страной в строго конституционном духе кронпринцем. Первоначально он рассчитывал (не имея на то никаких юридических оснований), вынудить Фридриха отказаться от престола и назначить регентом его сына Вильгельма. «...Рассчитывать на полное взаимопонимание с кронпринцем канцлер не мог, и единственный путь, который перед ним открывался, заключался в том, чтобы создать для себя столь прочное положение, что новый император вынужден будет с ним считаться. Как обычно Бисмарк действовал сразу в нескольких направлениях. Он старался ослабить лагерь политических союзников кронпринца — свободомыслящих; изолировать по возможности крон-

принца и его жену; привлечь к себе внука императора, который из-за своих реакционных политических взглядов и взбалмошного характера не ладил с родителями... Наконец, Бисмарк хотел создать для себя полное большинство в рейхстаге...». См.: *Чубинский В.В.* Бисмарк: Биография. СПб., 1997. С. 465–466.

Немецкий исследователь Эмиль Людвиг отмечает, что у Бисмарка был год, чтобы подобрать к новой ситуации новые средства, ибо умирающий Фридрих был фигурой промежуточной, а предметом расчетливого внимания Бисмарка становился принц Вильгельм. См.: *Людвиг Э.* Бисмарк. М., 1999. С. 90.

О действиях Бисмарка в этот период пишут и современные ему русские биографы XIX в.: *Утин Е.И.* Вильгельм I и Бисмарк: Исторические очерки. СПб., 1892; *Сементковский Р.И.* Князь Бисмарк: Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1895.

- ²¹² Имеются в виду великий князь Михаил Александрович (1878–1918) и великая княжна Ольга Александровна (1882–1960).
- ²¹³ 17 октября 1888 г. произошло крушение царского поезда между станциями Борки и Тарановка в 43 верстах от Харькова. Поезд сошел с рельсов, 5 вагонов и паровоз разрушены. Погибло 23 человека, ранено 19. Царская семья во время крушения находилась в столовом вагоне и серьезно не пострадала. У Марии Федоровны была помята левая рука, а у великой княжны Ольги Александровны ушиблена спина. После крушения главный инспектор железных дорог К.Г. Шернваль и министр путей сообщений К.Н. Посьет ушли в отставку. Никто из виновных в крушении 17 октября не был предан суду. См.: *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 1998. С. 374–376; *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 131–132; *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1966. С. 420–495. Материалы следственного дела о крушении см.: ГА РФ. Ф. 677. Д. 592.
- ²¹⁴ Имеется в виду книга: Система химических элементов Б.Н. Чичерина. Т. [1]–2. СПб., 1888–1889. В 1888 г. главы из этой книги печатались в журнале Русского физико-химического общества при Петербургском университете. Отдельный оттиск из этого журнала с главами из книги вышел в 1888 г. (вып. 3, 7).
- ²¹⁵ В письме от 29 декабря 1888 г. Н.Н. Обручев писал о недостаточном финансировании Военного министерства, что затрудняет проведение военных реформ: «...Наши финансовые средства скудны, поэтому все военные реформы могут быть осуществляемы лишь с большой постепенностью... Прошлогоднее страшное усиление герм[анской] и австр[ийской] армий и громадные кредиты на это ассигнованные, побудили и нас наметить новое развитие воен[ных] сил... что ограничивает размеры реформ, это необходимость из скудных ассигнований поднять кадровый состав армии...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 63. Л. 21–27).

О реформировании армии и финансовых затруднениях Военного министерства писал П.А. Зайончковский. См.: *Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий*. М., 1973. С. 78—89.

- ²¹⁶ Эрцгерцог Рудольф покончил жизнь самоубийством 18(30) января 1889 г. вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой в местечке Мейерлинг близ Бадена в окрестностях Вены. Одной из версий самоубийства был отказ отца-императора дать Рудольфу разрешение на развод. В телеграмме Франца-Иосифа к царю сообщалось о внезапной смерти наследника «от удара». О характере Рудольфа, его популярности в обществе и разных версиях причин самоубийства писал В.Н. Ламздорф. См.: *Ламздорф В.Н. Дневник (1886—1890)*. М.; Л., 1926. С. 109—110, 119—120, 165, 179—180 и др.

Если В.Н. Ламздорф отмечал положительные черты характера Рудольфа, то А.А. Половцев, напротив, подчеркивал: «...Кн. Лобанов рассказывает ужасные и нравственно отвратительные подробности о личности самоубийцы эрцгерцога Рудольфа» (Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883—1886. Т. 1. М., 1966. С. 173. То же. 2-е изд. М., 2005 Т. II. С. 185).

- ²¹⁷ 27 января 1889 г. от департамента Сены в Палату депутатов Французской республики был избран генерал Эрнест Жан Мари Буланже, получивший популярность благодаря своим требованиям пересмотра конституции, роспуска палаты, выборов Учредительного собрания, изгнания коррумпированных чиновников из государственного аппарата и «реванша» с целью возврата Эльзаса и Лотарингии. В «буланжистское движение» входили наиболее реакционные монархисты, стремившиеся дискредитировать республиканский строй, создать условия для монархического переворота путем свержения парламентского строя, при посредстве специально избранного Учредительного собрания установить режим, сходный с конституцией 1848 г.: одна палата и президент, избираемый всеобщим голосованием и независимый от палаты. Партия Буланже, именовавшаяся «национальной» или «ревизионистской», призвала основать «открытую республику». После избрания Буланже в январе 1889 г. во Франции опасались, что он попытается силой свергнуть правительство, опираясь на поддержку полиции и республиканской гвардии, объявит себя диктатором. Но генерал, возлагая надежды на всеобщие выборы, не предпринял попытки государственного переворота. См.: *История XIX века / Под ред. профессоров Лависса и Рамбо*. Т. 7. М., 1939. С. 44—47. См. также коммент. 305.
- ²¹⁸ Речь идет об исторической трагедии П.И. Капниста «Сен-Марс», в основе сюжета которой лежали события времен правления французского короля Людовика XIII. В 1904 г. трагедия шла на сцене Малого театра в Москве, но не имела успеха у публики. См.: *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*. Т. 2. М., 1992. С. 462—464.

- ²¹⁹ О проекте создания института земских начальников и реформы земства, представленном графом Д.А. Толстым императору во всеподданнейшем докладе 18 декабря 1888 г. см.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 366–401; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа. М., 1968; *Прокофьев Т. П.* Местное самоуправление в России глазами крестьян (1905–1907 гг.) // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 390–406. Подлинник доклада хранится в РГИА (Ф. Департамент общих дел Министерства внутренних дел. Оп. 241. Д. 51).
- ²²⁰ Петербургский сиротский институт императора Николая I создан в 1837 г. См.: *Тимофеев В.П.* 50-летие С.-Петербургского Николаевского сиротского института. СПб., 1887; Памятка С.-Петербургского сиротского института императора Николая I. СПб., 1913.
- ²²¹ Речь идет о книге: *Домонтович М.А.* Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Особое прибавление... СПб., 1899–1904; Обзор Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове / Составлен М. Домонтовичем. СПб., 1900.
- ²²² Senior Nassau William (Сениор, Нассау Уильям) (1790–1864) — английский экономист. Д.А. Милютин упоминает его работу «La Turquie contemporaine» [«Современная Турция» (*фр.*)].
- ²²³ Пера (Бейоглу) — один из аристократических кварталов Стамбула, где располагались европейские посольства и консульства, в том числе и российское.
- ²²⁴ Отель «Великобритания». Далее названия отелей даются без перевода.
- ²²⁵ Бююк-дере или Бююкдере — дачная местность на Босфоре, недалеко от Стамбула. Здесь находилась летняя резиденция русского посла.
- ²²⁶ Галат-квартал в Стамбуле, знаменитый своей башней Галата, построенной генуэзцами в XIV веке и Галатским мостом — с 1877 г. металлическим, соединяющем старый Стамбул с кварталом Галат. Этот район Стамбула отличался этнической и религиозной пестротой населения.
- ²²⁷ Айя-София — собор Святой Софии (Премудрости Божией) в Константинополе (Стамбуле), строился в 532–537 гг. н. э. при византийском императоре Юстиниане I. Архитекторы — Исидор из Милета и Анфимий из Трал. Был крупнейшим культовым сооружением всего христианского мира вплоть до 1453 г., когда был захвачен турками-мусульманами и превращен в мечеть. После этого стены собора украшенные мозаиками и орнаментом были оштукатурены. Наружный облик собора в XVI–XVIII вв. был искажен минаретами и другими пристройками. Некоторые из этих мозаик, включая, огромный Деисус в южной галерее, относящийся предположительно к XIII в., были расчищены при реставрации в 1930 г. Еще до завоевания турками Собор подвергся разграблению во время крестового похода в 1204 г. Картины и другие произведения искусства были вывезены в Италию и Францию.

- 228 Мечеть Султан Селим построена в 1522–1526 гг. султаном Сулейманом I Кануни (Законодатель) в память об отце султани Селиме I, который здесь и погребен.
- 229 В соответствии с завещанием Д.А. Милютина после его смерти дочери должны были сжечь всю его переписку с женой не распечатывая. Сохранилось только небольшое количество писем к дочерям.
- 230 Топ-хане — правильно Топкапы (Пушечные ворота) или Топкапы Сарай или Сераль (старый сераль). Дворец построен в 1472 г. при султани Мехмеде II Завоевателе архитектором Кемаледдином. Расположен на одном из 7 стамбульских холмов, омываемых водами Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря. Ранее на этом месте находился дворец, построенный императором Константином. В течение 378 лет дворец был официальной резиденцией султанов.
- 231 Долма-Бахчи (правильно Долмабахче Сарай) в переводе «насыпной сад». Строился в 1843–1856 гг. по проекту архитектора Карабат Бальян на европейском берегу Босфора. С 1856 г. султан Абдул Меджид I перенес сюда свою резиденцию из Топкапы. В 1876–1909 гг. во время правления Абдул Гаида II дворец находился в запустении т.к. султан перенес свою резиденцию во дворец Блдыз (в тексте Ильдыз-Киоск).
- 232 Имеется ввиду крепость Еди Куле (семь башен); две башни были построены во времена Византии, еще пять достраивали турки.
- 233 В Археологическом музее в Стамбуле хранятся древнегреческая и древнеримская скульптура, саркофаги, найденные на территории Османской империи, а также произведения (золотые украшения, керамика), обнаруженные при раскопках в 1873 г. Г. Шлиманом и относившиеся ко времени Трои II — 2500–2200 гг. до н. э.
- 234 Христианская церковь монастыря Хора построена в 534 г. Святым Теодором в византийском стиле, перестроена в XII в. В 1511 г. турки достроили к церкви минарет и медресе, и она была превращена в мечеть Кахрие-джами. Церковь знаменита сохранившимися христианскими мозаиками и фресками, начала XIV в.
- 235 Имеется в виду бомбардировка с моря Александрии английскими войсками 11 июля 1882 г.
- 236 Цитируется строчка из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», относящаяся к Москве, перенесшей пожар 1812 г.
- 237 8 апреля 1876 г. хедив Исмаил признал финансовую несостоятельность Египта, в мае 1876 г. была учреждена «касса хедивского долга», которая фактически устанавливала финансовый контроль Англии и Франции над Египтом. В августе 1878 г. хедив фактически устранился от управления страной, передав эти функции «европейскому кабинету» с участием иностранцев. После отречения Исмаила хедивом стал

Тауфик (1879–1892). Национальное движение в Египте направлено против иностранного засилья. В 1881 г. части каирского гарнизона подняли восстание. Это привело к англо-египетской войне, 15 сентября 1882 г. англичане вступили в Каир. С 1882 г. Египет фактически стал английской колонией, хотя до 1914 г. формально продолжался считаться частью Османской империи. Английская оккупация привела к установлению полного британского контроля над экономикой, власть хедива и египетского правительства была призрачной, никакой реальной роли не играли и созданные по конституции 1883 г. 2 представительных учреждения — Законодательный совет и Генеральное собрание. Фактически власть была сосредоточена в руках английского Генерального консула, которым с 1883 по 1907 г. был лорд Эвелин Беренг Кромер. Ключевые посты в государственном аппарате находились в руках англичан. См.: Арабская Республика Египет: Справочник. М., 1990. С. 56–59.

- ²³⁸ В местечке Гиза близ Каира находится ансамбль пирамид-усыпальниц древнеегипетских фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина (III тыс. до н. э.). Здесь же находятся пирамиды-усыпальницы жен фараонов и знати. Самой большой пирамидой является пирамида Хеопса (Хуфу), зодчий Хемиуну, IV династия, построена в XXVII в. до н. э.
Поблизости от пирамид находится сфинкс — фигура дремлющего льва с головой фараона, относится ко времени IV династии.
- ²³⁹ Египетский музей основан в 1858 г. французским египтологом О. Мариетом, здесь находятся коллекции материальных памятников Древнего Египта. В настоящее время музей находится в центре Каира.
- ²⁴⁰ На плато Саккара близ древней столицы Египта Мемфиса были построены первые пирамиды в виде ступеней. При фараоне Хеопсе строительство пирамид было перенесено в Гизу. Серапеум — место погребения священных быков Аписов в Саккаре, открытое французским археологом О. Мариетом в 1850–1851 гг. Другой Серапеум согласно преданиям находился в Александрии и был построен в честь главного божества династии Птолемеев — Серапеса. Это сооружение считалось одним из наиболее крупных международных форумов, где собирались для дискуссий философы, ученые, теологи, поэты. Сюда были свезены уцелевшие после пожара в 47 г. до н. э. папирусы Александрийской библиотеки. А позднее и пергамская библиотека, подаренная Марком Антонием царице Клеопатре.
- ²⁴¹ Копты — этноконфессиональная группа египетских арабов, исповедующих христианство. Потомки доарабского населения Египта, живут главным образом в городах Верхнего Египта.
- ²⁴² Рамла (Аримафея) — расположена в 15 км к юго-востоку от Яффы. Упоминается в Библии как родина Иосифа Аримафейского. Здесь находятся греческий и армянский монастыри; на месте дома праведного

Никодима — францисканский монастырь (построен в XVI в., перестроен в 1902 г.). Белая башня или 40 мучеников; т.н. цистерна св. Елены, построена в VIII в. для Гарун-аль Рашида; храм св. Иоанна XII в., превращенный в 1268 г. в мечеть.

Здесь и далее при описании исторических памятников Святой Земли помимо путеводителей для русских паломников, издававшихся в XIX — начале XX в., использовались сведения из книги: *Святая земля: Исторический путеводитель по памятным местам Израиля, Египта, Иордании, Ливана* / Под ред. М.В. Бибикова. М.; Иерусалим, 2000.

- ²⁴³ Лидда (в тексте Лида) — в 12 км южнее Яффы по пути из Иерусалима. Здесь по преданию родился св. великомученик Георгий Победоносец. В городе находится храм св. Георгия, первоначально воздвигнутый св. Еленой или св. Юстинианом. Затем здание было построено крестовосцами и перестроено в 1872 г. Здесь находится крипта с мраморной гробницей Св. Георгия и часть его святых мощей. Среди чтимых святых храма — древние оковы, исцеляющие болезни.
- ²⁴⁴ Первая Российская духовная миссия в Иерусалиме была снаряжена с высочайшего одобрения Николая I в 1847 г., под начальством архимандрита Порфирия Успенского. Вторая духовная миссия снаряжена после окончания Крымской войны в 1857 г., ее начальником стал доктор богословия Кирилл Наумов, возведенный в сан епископа Мелитопольского. Цели и задачи миссий формулировались в специальных инструкциях, одной из главных задач было развитие паломничества на Святую землю. Великий князь Константин Николаевич командировал в 1857 г. в Палестину Б.П. Мансурова. В начале 1858 г. в Петербурге был учрежден Палестинский комитет во главе с вел. кн. Константином Николаевичем, поставивший себе целью собирать средства “на улучшение нашего материального положения на Востоке и всей обстановки, определяющей там наше значение пред свидетелями нашей деятельности”. Комитет стал приобретать на Св. Земле участки земли для устройства богоугодных заведений, строительства храмов. Главный храм Русской духовной миссии построен в неовизантийском стиле в 1860–1863 гг. архитектором М. Эпингером и освящен в 1872 г. Рядом со Свято-Троицким собором находится храм св. Александры, построен Эпингером и освящен в 1864 г. В 1863 г. новым начальником третьей миссии был назначен архимандрит Леонид Кавелин. В 1864 г. на смену Палестинскому комитету приходит Палестинская комиссия, состоявшая при МИД. В 1869 г. новым начальником миссии утвержден архимандрит Антонин. См.: *Дмитриевский А.А. Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907)*. СПб., 1907; *Он же. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой русской духовной миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения Православного христианского Востока*. СПб., 1906;

Он же. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине. СПб., 1904; Порфирий (Успенский). Книга моего бытия. СПб., 1901; Записки русских паломников и путешественников. XII—XX век. М., 1995; *Дмитриевский А.А.* Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб., 1912; См. также: Россия в Святой Земле: Документы и материалы / Под ред. Н.Н. Лисового. Т. 1—2. М., 2000.

- ²⁴⁵ Императорское Православное Палестинское общество было учреждено в 1882 г. с целью «поддержания православия в Святой Земле и защиты» его от «латинской» и «протестантской» пропаганды, а также для помощи паломничеству из России в Палестину. В Палестине Общество строило храмы, в том числе были построены храмы на Елеонской горе, в Гефсимании, в Иерусалиме — на месте Судных врат, близ Храма Господня, во имя Александра Невского (освящен в 1896 г.) и др.; Общество поставляло в православные храмы Палестины и Сирии иконы, церковную утварь, собираемые по русским монастырям и храмам; строило школы, гостиницы, оказывало иную помощь паломникам. В 1889 г. Обществу были переданы дела Палестинской миссии по заведованию российскими странноприимными учреждениями.

Деятельность Общества неофициально, но фактически должна была содействовать укреплению влияния России на Ближнем Востоке. Председателем Общества с самого начала его был великий князь Сергей Александрович. Общество много сделало для научного изучения Св. земли и сопредельных с нею стран библейского Востока. К 1917 г. вышло 62 тома «Православного Палестинского сборника» и 28 томов «Сообщений». См.: Православное Палестинское общество на служении церкви и русскому народу. Пг., 1917.

Члены императорской семьи поддерживали присутствие России на Святой земле. На Елеонской горе императором Александром III был построен храм Св. Марии Магдалины в память покойной императрицы Марии Александровны. Это пятиглавый храм в русском стиле, архитектор Д.И. Гримм. Освящен в 1888 г. в год 900-летия Крещения Руси. В храме иконостас белого мрамора с черной бронзой, иконы кисти академика В.П. Верещагина и чудотворный образ Богоматери Одигитрии XVI в. Живописец Сергей Иванов написал для храма холсты со сценами из жизни Св. Марии Магдалины. В храме находятся гробницы преподобомучениц великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы инокини Варвары, замученных большевиками в Алапаевске в 1918 г. Их мощи были перевезены сюда в 1920 г. В 1930-е гг. основан двумя сестрами шотландками, принявшими православие, вокруг церкви — Гефсиманский русский женский монастырь.

²⁴⁶ Храм Гроба Господня — гробница, в которой еще никто не был погребен, принадлежала изначально Иосифу Аримафейскому, члену Синедриона и тайному ученику Христа. После распятия Иосиф попросил тело Христа у Пилата и положил его в своей гробнице. Гроб Господень представлял собой гробницу, высеченную в скале, размером 2×1,9 м. В гробнице находится вделанное в стену мраморное надгробие. В 1555 г. стены и ложе облицованы белым мрамором. Над ложем 3 иконы Воскресения Христова, в западной части на стене — образ Богоматери. Гроб Господень окружает Ротонда — главная святыня христианства, место погребения и Воскресения Иисуса Христа. Святая кувуклия (построена в 1810 г.) — купольная часовня из розового мрамора над пещерой Гроба Господня. Кувуклия включает в себя Гробницу Спасителя и придел Ангела. Придел Ангела — место, где на камне, отваленном от Гроба, сидел Ангел, возвестивший женам-мироносицам Воскресение Христа.

Постамент с частью священного камня посреди придела служит местом, на которое ставится переносной Св. престол при совершении православной литургии на Гробе Господнем. Придел расположен перед входом в гробницу Господню. В западной части храма находятся часовня и гробницы Иосифа Аримафейского и Никодима; в нижней части храма за ротондой находится придел Плачущей Богородицы. В православном приделе находится чудотворный образ Плачущей Богородицы (XIX в.).

²⁴⁷ Голгофа, гора-Голгофа, место Распятия Господа Иисуса Христа. На месте, которое сейчас занимает католический престол, Христос был пригвожден к Кресту. Католический престол отделен от православно-го колоннадой. Под престолом в полу — серебряный диск с отверстием посередине, обозначающий место в скале, куда был поставлен Крест Господен. Справа и слева от престола виден сам камень скалы Голгофы. Престол открытый, без иконостаса.

²⁴⁸ Храмовая гора (гора Мориа) упоминается в Священном Писании. На ней совершилось принесение в жертву Авраамом своего единственного сына Исаака. Здесь находилось гумно Орны Иевусеянина, купленное царем Давидом для устройства жертвенника Богу, который он и поставил, а затем возведено Святилище Храма царя Соломона. В этот храм на 40-й день после рождения был принесен младенец Иисус. От Второго Иерусалимского храма, построенного в 515 г. до н. э. и расширенного в 37–4 гг. до н. э., сохранилась часть западной стены — Стена плача, являющаяся святыней для евреев.

²⁴⁹ Омар I (ок. 591 или 581–644), второй «праведный» халиф (с 634 г.) в Арабском халифате, один из ближайших сподвижников основателя ислама Мухаммеда. При нем арабские войска одержали значительные победы над византийцами и сасанидами и завоевали многие территории в Азии и Африке; Омар ввел мусульманское летоисчисление по хиджре. Убит рабом-персом.

Мечеть Омара, правильнее мечеть или Купол Скалы, была воздвигнута Омаром на г. Мориа на месте первого и второго Иерусалимского храма Соломона. Мечеть возведена в честь вознесения пророка Магомета на небеса после его «ночного путешествия» в Иерусалим. На строительство этой мечети халиф отдал материалы, которые остались от разрушенных им храмов в Иерусалиме. После завоевания Иерусалима крестоносцами мечеть была обращена в христианский храм, после взятия Иерусалима египетским султаном Салах-ад-дином (Саладином) в 1187 г. здесь опять была устроена мечеть. См.: Описание Иерусалима и Святой Земли. Путеводитель и указатель по Святым и достопримечательным местам в Палестине, где родился, жил, страдал и воскрес Господь наш Иисус Христос. М., 1903. С. 80–95.

²⁵⁰ Имеется в виду мечеть аль-Акса (т. е. мечеть отдаленнейшая), находится на южной части Храмовой горы. Это место убиения упоминаемого в Евангелии Захарии — предположительно отца Святого Иоанна Крестителя. Мечеть сооружена в 693 г. на месте христианской базилики Пресвятой Богородицы, построенной византийским императором Юстинианом (VI в.). В XII в. здесь находился дворец иерусалимского короля, затем подаренный рыцарям ордена Иерусалимского храма (тамплиерам или храмовникам). В комплексе мечети сохранилась в восточном крыле часовня Захарии, в западном крыле рыцарский зал времен тамплиеров XII в. В подземной части мечети находятся древние помещения, использовавшиеся тамплиерами в качестве конюшен (т. н. конюшни Соломона).

²⁵¹ Гора Елеон — самая высокая из иерусалимских гор к востоку от Старого города, неоднократно упоминается в Евангелии в связи с последними днями жизни Спасителя. Здесь расположен Гефсиманский сад, русский храм Св. Марии Магдалины, монастырь кармелиток «Отче наш», русский Вознесенский монастырь, часовня Вознесения Господня, храм Моления о чаше (современное здание этого католического храма было построено в 1924 г. на месте старого заброшенного еще в XIV в. первая церковь была построена на этом месте между 379 и 384 г. н. э.), часовня *Dominus Flevit*, греческий монастырь преподобной Пелагии.

На горе расположен православный Успенский храм с гробницей Богородицы. По преданию Богоматерь была здесь погребена апостолами. Первый храм на этом месте был построен в V в. Большая часть современного здания относится к временам крестоносцев. В подземный храм ведут 50 ступеней с приделами Св. Богоотцев Иоакима и Анны и Иосифа Обручника, расположенные по бокам лестницы. Храм имеет крестообразную форму — в центре гробная пещера с двумя входами, сзади жертвенник. Храм принадлежит грекам и армянам. В каменном киоте — чудотворная икона Иерусалимской Божией матери русского письма.

В Кедронской долине (долина ручья Кедрон — расположена между старым городом и Масличной горой) находятся гробницы царя Иосафата и пророка Захарии, убитого во дворе храма Св. Иакова, брата Господня. Здесь, согласно преданию, находится место погребения многих ветхозаветных и христианских святых. С долиной Иосафата связано библейское пророчество пророка Иоила о Страшном суде, согласно которому здесь будет для последнего суда собрано Господом воскресшее человечество. В долине находится «мавзолей Авессалома» — сына царя Давида. Однако это более поздняя постройка, относящаяся приблизительно ко 2-й половине I в. до н. э. и служившая надгробным памятником над катакомбой, вырубленной в скале.

На горе Сион находится сенакль — горница Тайной вечери, «гробница царя Давида», храм Успения Пресвятой Богородицы — воздвигнутый на месте дома апостола Иоанна, в котором жила и преставилась Богородица. На этом месте с IV в. существовала базилика «Святой Сион», с VII в. в северо-западном углу базилики находился камень, почитаемый как место успения Богородицы. В 966 г. базилика была разрушена. В конце XIX в. германский император Вильгельм II получил этот участок в дар от султана и в 1900—1910 гг. здесь был построен католический храм. На Сионе расположен также православный греческий храм во имя святой Троицы; дома первосвященников Каиафы и Анны; католический храм Св. Петра «ин Галликанту».

- ²⁵² В 1870 г. архимандрит Антонин, русский миссионер в Константинополе, купил участок земли на Елеонской горе, на котором по его проекту был сооружен в 1886 г. архитектором Ж.Б. Бизелли большой православный храм Вознесения Господня; двухэтажный дом с музеем из предметов, найденных при раскопках на горе, устроен сад, приюты для паломников. Здесь с 1871 г. начал создаваться при содействии архимандрита Антонина Спасо-Вознесенский православный женский монастырь. Монастырь утвержден в 1906 г.
- ²⁵³ Имеются в виду холсты художника С. Иванова со сценами из жизни Св. Марии Магдалины — над иконостасом расположен самый большой, представляющий Св. Марию Магдалину, протягивающую пасхальное яйцо римскому императору Тиверию.
- ²⁵⁴ Селение Силоам в Иерусалиме получило свое название от источника у подошвы горы Мориа. По преданию этот источник появился для утоления жажды пророка Исаии, которого царь Манассия велел распилить деревянную пилою. Упоминается в Евангелии, как Силоамская купель, в которой Иисус повелел омыть глаза слепому, исцеленному им. Цистерна для воды сооружена тут при царе Езекии (кон. VIII — нач. VII в. до н. э.), когда был прорыт силоамский туннель, соединивший источник Геон (Гихон) с силоамской купелью. В V в. н. э. здесь

возведена трехнефная базилика, разрушенная в 614 г. В Средние века вокруг купели была возведена колоннада. В XIX в. здесь возвели мечеть. Арабы также верят в целебные силы силоамской купели.

255 Еврейский квартал, примыкает с запада к Стене Плача, на юго-западе к Армянскому кварталу; на севере и в районе Старой площади граничит с Мусульманским кварталом. Это один из древнейших районов города.

256 Вифлеем — город в 8 км южнее Иерусалима, место Рождества Христова. В Вифлееме и окрестностях расположены базилика Рождества Христова, Пещера Рождества, Пещера Вифлеемских младенцев, дворец-крепость Ирода Великого — Иродион и др.

Базилика построена над пещерой, в которой родился Иисус Христос. Это один из самых древних храмов, построен императором Св. равноапостольным Константином Великим и его матерью св. равноапостольной Еленой в 326 г.; перестроен св. Юстинианом около 530 г. Вход в храм довольно низкий, поэтому входящий вынужден наклонять голову. Поэтому врата называются «вратами смирения». Паникадила подарены храму русскими императорами Александром III и Николаем II. Колокола привезены из России. В нижней части храма находится Пещера Рождества — Святой Вертеп. Место Рождества отмечено серебряной звездой, символизирующую Вифлеемскую звезду, здесь имеется армянский придел и католический францисканский храм. В пещерах Вифлеемских младенцев хранятся моши убитых, по приказанию царя Ирода, младенцев.

257 Имеется в виду Храм Св. Екатерины, принадлежит францисканцам. Построен в 1881 г.

258 В 1871 г. Русская православная миссия благодаря активной деятельности архимандрита Антонина и благотворительной поддержке бывшего министра путей сообщения П.П. Мельникова приобрела недалеко от Иерусалима в Айн-Карим — это место упоминается в Евангелии под именем «Горняго» (Лук. гл. 3) горний град Иудов, участок земли. По преданию здесь находился дом Захарии и Елисаветы — родителей Иоанна Предтечи. Здесь были посажены виноградники, масличные и миндальные деревья, кипарисы, березы. К началу 1882 г. в Горней был построен Храм во имя Казанской Божией Матери. Считается, что храм основан на месте встречи Богородицы с праведной Елисаветой, матерью Иоанна Крестителя. В Горнем находится также католический монастырь «Сестер Сиона», францисканский монастырь Посещения, французский униатский монастырь Св. Иоанна Предтечи. — См.: *Дмитриевский А.А.* Горненская Русская женская община во граде Иудове (близ Иерусалима). Пг., 1916.

259 Лавра Саввы Освященного находится в Иудейской пустыни. Основана в VI в. на месте пещеры, где жил преподобный Савва — основоположник палестинского монашества. Главный храм обители Благовещения

Пресвятой Богородицы воздвигнут в VI в. Св. Юстинианом. В монастыре находится пещера-келья св. Иоанна Дамаскина (VIII в.), мощи которого впоследствии были перевезены крестоносцами из монастыря в Венецию.

- ²⁶⁰ Акрополь — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города. Наиболее известен Акрополь в Афинах, где после разрушения старой застройки персами в 480 г. до н. э., в эпоху Перикла (444/443 — 429 до н. э.) под общим руководством Фидия образовался ансамбль знаменитых произведений архитектуры и скульптуры.
- ²⁶¹ Имеется в виду древнегреческий храм, посвященный Зевсу Олимпийскому. Начал строиться в 175—164 гг. до н. э., закончено строительство в 129—132 гг. до н. э. Одно из крупнейших культовых зданий Античности.
- Зевс — верховное божество олимпийской языческой религии, царь среди богов, повелитель грома и молний. Ему соответствует Юпитер — верховное божество в древнеримской мифологии.
- ²⁶² Арка Адрианова — 120—130 гг. до н. э. — служила воротами в стене, отделявшей старый греческий город от нового, построенного императором Адрианом. На фасадах арки сохранились надписи: «Здесь Афины, старый город Тесея», легендарного афинского героя и царя, на другой стороне: «Здесь город Адриана, а не Тесея».
- ²⁶³ Цирк Дионисия — правильно «театр Диониса», расположен у южного склона Акрополя. Возведен в VI в. до н. э. на территории священного участка бога Диониса, перестроен в 326 г. до н. э. Театральные представления являлись частью дионисийских празднеств.
- ²⁶⁴ Асклепион — святилище, посвященное древнегреческому богу врачевания Асклепию (соответствует древнеримскому богу Эскулапу). Расположен на террасе у южной стены Акрополя. Относится к концу V — началу IV в. до н. э.
- ²⁶⁵ Имеется в виду стоя (стоа) Эвмена II — длинная галерея портиков. Сын пергамского царя Аттала Эвмен II (197—159 гг. до н. э.) соорудил беломраморную стоя у подножия Афинского акрополя, рядом с театром Диониса. См.: *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 111, 214.
- ²⁶⁶ Одеон Ирода Аттического — правильно Одеон Герода Аттика. Богатый афинский консул Тиберий-Клавдий Аттик Ирод (Герод) воздвиг вскоре после 161 г. до н. э. на западном склоне Акрополя Одеон — здание предназначавшееся для музыкальных представлений и состязаний. Сооружение круглой формы, в середине которого помещалась сцена, места для зрителей располагались амфитеатром. Это было одно из наиболее величественных зданий древних Афин. Одеон был открыт в ходе археологических раскопок в 1848—1858 гг.
- ²⁶⁷ Пропилеи в Афинах — парадный вход на Акрополь (437—432 гг. до н. э., архитектор Мнесикл), имеют 2 дорических портика, располо-

женных на разных уровнях и связанных внутренней ионической колоннадой. В северном крыле Пропилей находилась Пинакотека — хранилище произведений живописи.

- ²⁶⁸ Храм Победы — имеется виду небольшой изящный храм Ники Аптерос (бескрылой Победы). Построен в Акрополе у южного крыла Пропилей по случаю победы над персами. Постройка окончена к 420 г. до н. э. Архитектор — Калликрат. Ника в древнегреческой мифологии — богиня победы, как правило изображалась крылатой. См.: *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 166—167.
- ²⁶⁹ Парфенон (в тексте Партенон) — храм богини Афины — 447—438 гг. до н. э., архитекторы Иктин и Калликрат В архитектуре соединение дорического ордера с элементами ионического. Скульптурный ансамбль храма создавался под руководством великого Фидия.
- ²⁷⁰ Эрехтейон (в тексте — Эректеон) — храм, посвященный богине Афине, Посейдону и мифическому царю Эрехтею — отсюда его название. Строительство относится к 421—406 гг. до н. э. Это главное место культа богини Афины. На южной стене храма находится знаменитый портик кариатид — скульптуры шести самых знаменитых девушек Древней Греции. Значительную часть сохранившихся скульптур и рельефов в начале XIX в. вывез в Великобританию лорд Клерк и Дж. Элджин, и они хранятся в Британском музее.
- ²⁷¹ Остатки древних «Пеласгийских стен» (Афины) — от пеласги (pelasgoi), согласно античному преданию догреческое население территории Древней Греции, обитавшее на юге Балканского полуострова, овах Эгейского моря, в Эпире, Фессалии, на западном побережье Малой Азии.
- ²⁷² Ареопаг — совет (первоначально совет старейшин) в древних Афинах, обладавший широкой политической, контролирующей, судебной и религиозной властью, заседал на Ареопаге — холме бога войны Ареса в Афинах, возле Акрополя.
- ²⁷³ Элевсин — в Греции к западу от Афин, древнейшее поселение эпохи неолита. В XVI—XII вв. до н. э. один из религиозных центров Древней Греции, в котором проводились «элевсинские мистерии» в честь богини плодородия Деметры и ее дочери Персефоны. Комплекс святилищ VI в. до н. э. — III в. н. э.; оборонительные стены, дворец, гробницы — толосы. В 396 г. разрушен готами.
- ²⁷⁴ В «Дневнике» Д.А. Милютина упоминается письмо от А.И. Лаврентьева от 1 мая 1889 г. из Петербурга, которое Милютин получил в Афинах 13(25) июня. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 3. Л. 10—11.
- ²⁷⁵ Археологический музей в Афинах основан в 1881 г. В коллекции представлены мелкая пластика, скульптура, ювелирные изделия, керамика от эпохи неолита до конца римского периода.

- ²⁷⁶ Коринфский канал в Греции, соединяющий Эгейское и Ионическое моря, строился в 1881–1893 гг. Записки Тюрра о строительстве канала в архивном фонде Д.А. Милютин не обнаружены.
- ²⁷⁷ Имеется в виду популярные в XIX–XX вв. путеводители по странам Европы, одним и авторов и издателей которых был Карл Бедекер (Baedeker) (1801–1859). Бедекер основал в 1827 г. в Кобленце (Германия) издательство путеводителей, которые отличаются обстоятельностью и выверенностью сообщаемой информации. Об этих путеводителях несколько раз упоминает Д.А. Милютин.
- ²⁷⁸ Рива Деи Сквьявоне — дословно «берег рабов», набережная вдоль канала Св. Марка, некогда место Невольничьего рынка.
- ²⁷⁹ Piazza — площадь Св. Марка в Венеции считается одним из величайших достижений в области архитектуры. Здесь расположен Дворец дождей, названный Наполеоном «Танцевальным залом Европы», кампанила XV в. и один из самых знаменитых соборов мира — Собор Святого Марка. Здесь и далее Д.А. Милютин подробно останавливается на архитектурных особенностях стилях осматриваемых им памятников архитектуры. Интерес к архитектуре Милютин проявлял всегда, об этом свидетельствует написанная им в 1841 г. небольшая записка «Некоторые мысли об архитектуре как изящном искусстве». В записке Милютин подчеркивал, что «всякое здание должно соответствовать своему значению и в отношении изящества — производить на всякого то впечатление, какое предположил себе художник, соответственно значению здания ...» (ОР РГБ Ф. 169. Карт. 80. Ед. хр. 6. Л. 1, 6). Среди бумаг Милютина сохранилось также несколько сделанных им эскизов зданий, относящихся, по-видимому, к разным по времени его заграничным поездкам (см.: Там же. Карт. 84. Ед. хр. 10, 11).
- ²⁸⁰ Собор Св. Марка был построен в 829–832 гг. как небольшая базилика. В 1073–1095 гг. перестроен и расширен. Фасад был завершен в XV в., кампанила (колокольня) — в 1517 г. Перестройки накладывали свой отпечаток на формы и внутреннее убранство Собора, в которых находят тенденции как византийской, так и западноевропейской архитектуры. Собор имеет в плане форму равноконечного греческого креста, увенчан 5 куполами, украшен башенками–пинаклями, скульптурой, мозаикой, цветными витражами. Мозаики, в т. ч. выложенные мастерами из Византии в XII–XIV вв. на золотом фоне стен, представляя сцены из жизни святых, золотой алтарь — Пала д’Оро, украшен драгоценными камнями, эмалевыми медальонами, изготовлен в X в. в Византии, но претерпел ряд изменений в Средние века. В Соборе

находятся мощи апостола и евангелиста Марка, которые были привезены в конце 820-х гг. двумя венецианскими купцами из Александрии.

- 281 Здание старых (1480–1514) и новых (1584–1640) прокураций обрамляют пьядца Сан-Марко. Очень протяженное по длине здание старых прокураций было начато архитектором Пьетро Ломбардо в стиле ренессанс, после смерти архитектора третий этаж закончили архитекторы Бартоломео Буон младший и Гильельм Бергамаско. Форма этих аркад характерна для Венеции: фасад оформлен в стиле внутренних дворов тосканских дворцов эпохи ренессанса. Новые прокурации также в 3 этажа расположены напротив старых. Построены архитектором Ванченца Скамоцци. Прокурации служили жилищем для прокураторов — чиновников городского управления.
- 282 Дворец дождей в Венеции — прославленный памятник архитектуры Италии, в сочетании с Собором и библиотекой Сан-Марко, образующий главный ансамбль города. Сооружен в XIV–XV вв. в стиле венецианской готики. В конце XV–XVI в. частично перестроен в стиле ренессанса. Архитекторы Дж. и Б. Бон, Я. Сансовино, А. Риццо. Бывшая резиденция дождей — глав Венецианской республики, с конца XVIII в. — музей. Лестница гигантов со статуями работы Я. Сансовано. В зале Большого Совета (построен в XIV в.) панно и картины П. Веронезе, Я. Тинторетто, Дж. Б. Тьеполо и других венецианских художников. Дворец был связан т.н. Мостом вздохов со зданием тюрьмы, построенной в 1560–1614 гг.
- 283 Церковь Святых Иоанна и Павла (Санта-Джованни Э Паоло) — готическая церковь (1246–1430). Простой и скромный фасад церкви из обыкновенного коричневого кирпича. Церковь Санта-Мария Глорियोза деи Фрари — построена в 1338–1443 гг. монахами-францисканцами в стиле венецианской готики. В главном алтаре церкви находится картина Тициана «Ассунта» (Вознесение Девы Марии), в семейной капелле Пезаро — «Мадонна Пезаро», в одной из капелл бокового нефа Триптих Джованни Беллини (XV в.).
- 284 В Музее Академии изящных искусств в Венеции хранятся произведения всех великих венецианских мастеров XIV–XVIII вв.: Якопо и Джованни Беллини, Витторе Карпаччо, Джорджоне, Тициана, Паоло Веронезе, Якопо Тинторетто.
- 285 Готический собор Санта-Мария Нашенте (Рождества Богородицы) — начал строиться в 1386 г. по воле герцога Джан Галеаццо Висконти. Собор украшают 3400 мраморных статуй разных периодов, 135 башенок. Для Собора характерно разнообразие архитектурных деталей. Его длина — 158 м, высота — 108 м, ширина — 93 м. Шпиль колокольни увенчан позолоченной статуей Мадонны. Строительство закончено в 1856 г. В строительстве собора принимали участие архитекторы А. и Ф. дельи Органи, Дж.А. Амадео, К. Солари, П. Тибальди и др.

- ²⁸⁶ Галерея Виктора-Эммануила — самый старый пассаж в мире, построен в 1865–1867 гг. Джузеппе Менгони. Под его стеклянной крышей — множество магазинов, контор, ресторанов, кафе.
- ²⁸⁷ Висконти (Visconti) — знатный итальянский род, известный с конца X в., к которому принадлежали тираны (правители) Милана в 1277–1447 гг. (с 1395 г. — герцоги). Семейство Висконти победило во внутригородской борьбе за власть, разогнало коммуны и учредило с XIV в. — синьорию. После смерти последнего герцога Висконти в 1450 г. власть перешла к династии Сфорца.
- ²⁸⁸ Музей Poldia Pezzoli (Польди Пеццоли). В 1879 г. Джан Джаккомо Польди Пеццоли завещал городу свой дворец со всем имуществом. Здесь находится одна из известных художественных коллекций — старинная мебель, фарфор, часы, картины Мантеньи, Пьеро делла Франческа, Боттичелли, а также портрет Мартина Лютера кисти Лукаса Кранаха.
- ²⁸⁹ Пинакотека Брера — одна из крупнейших картинных галерей Италии. Основана в 1809 г. по указу Наполеона I в бывшем иезуитском дворце, построенном в 1651 г. Ф. Ричини. Во дворе статуя Наполеона работы А. Кановы (1809). Включает обширное собрание итальянской живописи XIV–XVI вв. (живопись А. Лоренцетти, А. Мантеньи, П. делла Франческа, Ф. дель Коса, Рафаэля, П. Веронезе, Я. Тинторетто, Караваджо, Леонардо да Винчи), галерею ломбардских фресок XV–XVI вв., а также коллекцию европейской живописи XV–XVI вв., (полотна Эль Греко, Рембрандта, П. Рубенса, А. Ван Дейка и др.)
- ²⁹⁰ Пинакотека Амброзиана находится на первом этаже библиотеки Амброзиана (св. Амвросия), построенной в 1609 г. кардиналом Фредрико Борромео. Там собрана одна из самых значительных художественных коллекций Милана с XII до XVIII в. Здесь находится «Мадонна» Боттичелли, полотна Леонардо да Винчи «Портрет музыканта» и «Портрет Беатриче д'Эсте», наброски Рафаэля для комнат в Ватикане (станции), «Корзина с фруктами» Караваджо и др.
- ²⁹¹ Всемирная выставка в Париже 1889 г. была приурочена к 100-летию Великой французской революции 1789 г. Открытие состоялось 6 мая 1889 г. Выставку посетило 28,1 млн человек. См.: *Комаров И.* Первые всемирные выставки // Декоративное искусство СССР. 1970. № 9. С. 22–26.
- ²⁹² О заграничном путешествии Д.А. Милютина в 1840–1841 гг. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. М., 1997. С. 325–412.
- ²⁹³ 10 августа 1792 г. восставшие жители Парижа устремились на штурм королевского дворца Тюильри, гарнизон которого насчитывал около 4 тыс. человек, в том числе 900 швейцарских наемников, находившихся на французской службе. После кровопролитной схватки почти все дворяне-гвардейцы и 2/3 швейцарцев были уничтожены. В результате

восстания была свергнута монархия, избран на основе всеобщего избирательного права национальный Конвент, который 21 сентября 1792 г. единодушно принял решение об упразднении во Франции королевской власти и установлении республики.

- ²⁹⁴ Имеется в виду ледниковый сад (Gletschergarten), в котором представлена геология этого места Швейцарии от эпохи субтропиков (20 млн лет назад) до ледникового периода (20 тыс. лет назад), представлены ископаемые растения и животные, реконструкция пещеры первобытного охотника, краеведческая экспозиция.
- ²⁹⁵ В «Воспоминаниях» А.Ф. Кони есть очерк «Граф Дмитрий Алексеевич Милютин», в котором мемуарист описал свои встречи с Милютиным в разное время, в том числе в Люцерне в 1889 г. «...За границей, в Люцерне в читальной комнате отеля, старик-англичанин в сером дорожном костюме, углубившийся в газеты, до такой степени напомнил мне Дмитрия Алексеевича, что я пошел справиться с доской приезжих и, к великой своей радости и удивлению, узнал, что это он самый и есть, так что мог смело оторвать предполагаемого англичанина от чтения. К сожалению, он уезжал на другой день рано утром, но все послеобеденное время и вечер мы провели вместе, бродя по милому городку. Милютин, несмотря на то, что казался мне очень изменившимся и постаревшим был бодр физически и неутомим, хотя уже побывал в Египте, Палестине и проехал почти всю Италию. Но печать тихой грусти лежала почти на всем, что он говорил. Воспоминания молодости связывали его с Швейцарией, которую в 1840 г. он исходил пешком, и он, конечно, сознавал, что видит эту страну в последний раз. Все в том же настроении посетил он меня чрез неделю в Гисбахе...» (*Кони А.Ф.* На жизненном пути. Т. 2: Из воспоминаний. СПб., 1912. С. 275).
- ²⁹⁶ «Чертов мост» пролегал через узкое ущелье р. Рёйс в Швейцарских Альпах. Во время швейцарского похода А.В. Суворова против французской армии русские войска 14(25) сентября 1799 г. с боем преодолели «Чертов мост», проявив массовый героизм.
- ²⁹⁷ В личном архивном фонде А.Ф. Кони сохранились документы о расследовании причин крушения царского поезда близ ст. Борки 17 октября 1888 г. См.: ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 556; 557–567; 571–573; 550.
В своих воспоминаниях А.Ф. Кони посвятил этому событию главу «Крушение царского поезда в 1888 году (Борки-Тарановка)» (см.: *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1: Из записок судебного деятеля. М., 1966. С. 420–495).
- ²⁹⁸ Символом Берна является медведь (по-немецки *der Bär*). Его изображение встречается повсюду в т.ч. на флаге и гербе города, на курантах часовой башни и в скульптурных композициях фонтанов. На Беренплаце (площадь медведей) за мостом Nuggегг сохранилась часть рва

(Bärengraber — медвежий ров), в котором с давних времен и до настоящего времени живут медведи.

299 Музей Фоль — завещан городу выдающимся швейцарским зоологом и эмбриологом Германом Фолем (Fol) (1845—1893). В музее коллекция ваз, барельефов, этрусских и римских сосудов, мебели, вышивки, изделий из фаянса.

Музей Рата (Rath) — устроен и подарен городу сестрами генерала русской службы Симона Рата, женева по рождению. Здесь богатая коллекция картин, в т. ч. Бергама, Рубенса, П. Веронезе, Доминики, Клама.

Диорама (Boulevard de Plain palais) представляет картину осады Бельфора в 1870—1871 гг. Выполнена живописцем Verne-Bellecourt. Крепость Бельфор, осажденная немецкими войсками 3 ноября 1870 г., героически выдержала 73-дневную бомбардировку немецких войск, хотя гарнизон ее состоял лишь из 16 тыс. человек, из которых только 3 тыс. представляли серьезную боевую силу. Гарнизон крепости капитулировал лишь после заключения перемирия с немцами 15 февраля 1871 г. См.: *Перский С.М.* Женева. Genève, 1897. С. 33, 34, 36.

300 О пребывании семьи Милютиных за границей в 1867 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865—1867. М., 2005. С. 513—519.

301 Музей Атенея украшен 9 бюстами знаменитых женевацев. Здесь собирались общества «изящных искусств», «географическое», находилась постоянная выставка картин женеваских художников, библиотека по истории искусств. В нижнем этаже музея находился «музей промышленности». Музей Атеней построен и подарен городу банкиром Эйнером.

302 Trocadero — Трокадеро — площадь в 16-м округе Парижа с перспективой на Эйфелеву башню и Марсово поле.

303 Имеется в виду Свято-Александро-Невский собор в 8-м округе на улице Дарю, действующий с 1862 г. Был построен по инициативе священника Иосифа Васильева, который организовал сбор средств для покупки земли и строительства. Иконостас выполнен Е.С. Сорокиным.

304 Эйфелева башня была спроектирована и построена французским инженером Г. Эйфелем, как эмблема достижений техники XIX в. Являлась главным экспонатом Всемирной выставки в Париже в 1889 г. Все сооружение высотой около 300 м, весит чуть более 7 тыс. т, состоит из 15 тыс. металлических частей и склепана 2,5 млн заклепок. Открытие башни состоялось 2 апреля 1889 г.

305 См. коммент. 217.

Речь идет о событиях, известных в истории Третьей Республики как Буланжистское движение и буланжистский кризис (1886—1889 гг.) по имени генерала французской армии Э. Буланже, объединившего вокруг себя весьма разнородные социальные и политические слои, недовольные режимом и политикой буржуазных республиканцев, в том числе Буланже вступил и в тайную связь с орлеанистами и бонапарти-

стами. 27 января 1889 г. Буланже одержал победу на выборах, и республиканское правительство начинает принимать меры к отстранению генерала и его сторонников от политической деятельности. Чтобы отнять у буланжистов их избирательную платформу, Палата приступила к рассмотрению законопроекта о пересмотре основных конституционных законов. 6 апреля 1889 г. состоялся процесс над буланжистской «Лигой патриотов», члены которой были приговорены к денежным штрафам. 4 апреля правительство обратилось к Палате депутатов с просьбой о снятии с генерала Буланже иммунитета депутата, как «преследуемого за заговор против существующей формы правления». 8 апреля был издан декрет, конституирующий Сенат в качестве верховного суда для рассмотрения дела Буланже и его сторонников. Однако 1 апреля, не дожидаясь результатов судебного расследования, Буланже и его сторонники граф Артур Диллон и Анри Рошфор покинули Францию и оказались в Бельгии. 12 апреля началось судебное расследование. В следственную группу входили представители левых группировок. Прения начались 8 августа 1889 г., а 14 августа был вынесен заочный приговор, осуждавший Буланже, Диллона и Рошфора на «ссылку в укрепленное место». На выборах 22 сентября буланжисты проиграли, хотя сам Буланже и Диллон получили большинство. 16 июля 1891 г. скончалась возлюбленная генерала Маргарита де Боннемен, а через 2 с половиной месяца Буланже покончил с собой на могиле возлюбленной, выстрелив в висок из револьвера. См.: *Зеваэс А.* История Третьей республики. 1870—1926. М.; Л., 1930. С. 148—199; История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 493—495.

³⁰⁶ Notre Dame de Paris — Собор Парижской Богоматери находится в западной части острова Сите в центре Парижа. Первый камень Собора был заложен в 1163 г. епископом Морисом де Сюлли на месте галло-римского храма. Собор был местом важных политических и религиозных событий. Строительство велось до 1345 г. В XVIII в. Собор начал приходить в упадок, во время Великой французской революции было уничтожено большинство скульптур. Под влиянием романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» были собраны средства на реставрацию, которая была начата в 1845 г. Ж.Б. Лассно и Э.Э. Виолле-ле-Дюком. В Соборе в 1804 г. короновался Наполеон I. Собор является памятником готической средневековой французской архитектуры. От площади перед Собором ведется отсчет расстояний во Франции.

³⁰⁷ Hôtel de ville — городская ратуша. Первый муниципалитет в Париже появился в XIII в. В 1357 г. избранный главой муниципалитета богатый суконщик Этьен Марсель выделил для ратуши здание на Гревской площади. С балкона ратуши трижды провозглашалась республика: в 1830, 1848 и 1871 гг. Здание ратуши, сгоревшее в дни Парижской коммуны, было восстановлено в 1874—1882 гг. архитекторами Баллю и Депертом в стиле неоренессанс.

- ³⁰⁸ Palais Royal — королевский дворец, строился в 1629–1636 гг., архитектор Ж. Лемерсье.
- ³⁰⁹ Rond point — здесь завершение, окончание Елисейских полей, имеется в виду площадь Звезды.
- ³¹⁰ Опера Ж. Бизе «Кармен» (1874).
- ³¹¹ Опера Ш. Гуно «Фауст» (1859 г.).
- ³¹² Пьеса У. Шекспира «Гамлет» в переводе на фран. яз. А. Дюма (в театре Français).
- ³¹³ Бастилия (Bastille) сооружена в 1382 г. как крепость, ставшая с конца XVI в. политической тюрьмой. 14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли штурмом и разрушили Бастилию — символ королевской власти. На ее месте была установлена надпись «Здесь танцуют». В 1840 г. на площади Бастилии была сооружена скульптором Дюмоном колонна, высотой 52 м, увенчанная фигурой Ангела, символизирующего крылатого гения Свободы в память павших в дни революции 1830 г. У подножия в склепе похоронены жертвы июльской и февральской 1848 г. революций.
- Tour de Temple — башня Тампль, построена для членов духовно-рыцарского католического ордена тамплиеров (храмовников), который в Париже была основан в 1140 г. В 1307 г. французский король Филипп IV «Красивый», опасаясь политического могущества ордена, арестовал тамплиеров, а Тампль превратил в тюрьму. В 1792 г. после свержения королевской власти, здесь были заключены король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта. Башня была снесена в 1808 г. для предотвращения паломничества монархистов.
- ³¹⁴ Пьеса-хроника У. Шекспира «Генрих VIII» (1613 г.).
- ³¹⁵ Опера Дж. Мейербера (Якоб Либман Бер) «Гугеноты» (1835 г.).
- ³¹⁶ Théâtre de la Porte — St-Martin. — Пор-Сен-Мартен. Оперный театр построен в 1781 г. архитектором А. Ленотром, с 1814 г. — драматический театр; драма «Тоска» французского драматурга В. Сарду (Sardu).
- ³¹⁷ Дом Инвалидов был построен по указу Людовика XIV в 1671–1676 гг. архитектором Л. Брюаном для размещения увечных воинов. Здание в неоклассическом стиле, во внутреннем дворе находится церковь Св. Людовика и самый большой в Париже купол Собора Инвалидов, сооруженный в 1706 г. Ж.А. Мансаром В 1840 г. сюда был перевезен с острова Святой Елены прах Наполеона I. Саркофаг из красного карельского порфира (дар России) установлен на постаменте посередине круглой залы крипты и окружен 12 мраморными статуями, символизирующими 12 побед Наполеона.
- ³¹⁸ Musée Cluny — Музей Клуни, создан на месте старинного аббатства Клуни, основанного в 1330 г. (отель Клуни построен в 1485–1500 гг.). После ликвидации аббатства во время Великой французской револю-

ции был продан в частные руки и по завещанию последнего владельца А. Соммера открыт как музей в 1844 г.

Jardin des plantes — Ботанический сад, основан в 1626 г. Э. и Г. де ла Бросс — медиками Людовика XIII. С 1650 г. открыт для публики.

- ³¹⁹ Сорбонна, Парижский университет. В 1215 г. в Париже был основан первый в Европе светский университет. В 1257 г. духовником короля Людовика IX «Святого» Робером де Сорбоном был основан в Латинском квартале коллеж, названный в его честь Сорбонной. В XVII в. произошло фактическое слияние Парижского университета и Сорбонны, и их названия стали отождествляться. В 1627 г. кардинал Ришелье, директор коллежа Сорбонны, поручил архитектору Лемерсье перестроить помещения для занятий и здание церкви, где находится усыпальница кардинала работы архитектора Жиардона. В 1793 г. университет был закрыт по решению Конвента, в 1806 г его восстановил Наполеон. Старинные здания XIII в. не сохранились. В 1885–1901 гг. здание было перестроено и расширено архитектором Нено. От Сорбонны времен кардинала Ришелье (XVII в.) осталась церковь и его гробница. Часть факультетов располагается в зданиях времен Наполеона I, остальные рассеяны в других частях города и окрестностях.
- ³²⁰ Генуэзская республика — в Средние века могущественная торговая республика, с 1339 г. во главе с дожем, владела многими колониями, в т. ч. и в Крыму. После взятия Константинополя турками в 1453 г. потеряла все черноморские владения, с XVI в. утратила свое европейское могущество, оказавшись в зависимости от Испании.
- ³²¹ Палаццо Россо, принадлежавший роду Бриньоле-Сале, был в 1889 г. подарен последней его владелицей, вдовой герцога Гальера, маркизой Феррари городу, вместе с его библиотекой и картинной галереей, в которой хранились картины Б. Строщи (Каппучино), П. Бордоне, А. Моретто, М. Караваджо, Гверчино, Г. Риги, А. Дюрера, А. Ван Дейка и других великих живописцев.
- ³²² Королевский дворец — Палаццо Реале, был построен в XVII в. для семьи Дураццо, куплен королевской семьей в 1817 г. и отреставрирован в 1842 г.
- ³²³ Собор Сан Лоренцо был освящен в 1118 г., но построен лишь в 1312 г. в готическом стиле, дополнен в 1567 г. архитектором Г. Алесси в стиле Возрождения. Церковь Сант-Амброджи построена в 1589–1639 гг. Ее интерьер богато украшен мрамором и картинами П. Рубенса и Гвидо да Сиена.
- ³²⁴ Имеется в виду кампанила или «Падающая башня» в Пизе 1174–1372 гг. Собор в Пизе был построен в 1063–1118 г. в честь победы над сарацинами.
- ³²⁵ Картинная галерея Уффици (Uffizi) во Флоренции, основана около 1575 г., крупнейшее собрание итальянского искусства эпохи Возрож-

дения, западноевропейской живописи, графики. Здание строилось в 1560–1585 гг. — архитекторы Дж. Вазари и Б. Буонталенти. В основу галереи положена коллекция Медичи.

- 326 Loggia dei Lanzi — лоджия Ланци, строилась при великом герцоге Козимо I с 1356 до 1376 г. Архитекторы Бенчи ди Чоне и Симоне ди Франческо Таленти. Средоточие скульптур, как античных, так и работ знаменитых скульптуров эпохи Возрождения Б. Челлини и Джимболсиньи.
- 327 Галерея Питти (Pitti) — художественный музей во Флоренции, открыт в 1828 г. в палаццо Питти (средняя часть с 1440, предположительно, архитектор Ф. Брунеллески; двор — 1558–1570 гг. архитектор Б. Амманати, барочные плафоны 1640–1647 гг. Пьетро ди Коргана). В картинной галерее итальянская и фламандская живопись XV–XVII вв.
- 328 Этот памятник начал возводиться еще в конце 1830-х гг., а был установлен уже после смерти А.Н. Демидова, в 1871 г. 28 сентября (10 декабря) 1838 г. цесаревич Александр Николаевич писал из Флоренции Николаю I: «Был в ателье славного скульптора Бартолини, делающего по заказу Анатолия Демидова монумент для его отца...» (Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М., 2008. С. 190).
- 329 Площадь Микельанджело — большая терраса, расположенная на высоте 104 м, в центре которой бронзовая копия знаменитого Давида, окруженная четырьмя аллегорическими фигурами с гробниц Медичи. Монастырь Сан Миниато аль Монте (на горе) — один из лучших образцов романо-тоscanского стиля XI в., фасад из светлого мрамора. Реконструирован в 1524–1527 гг.
- 330 Собор Сан Марко был построен доминиканцами при Козимо Медичи Старшем в 1437–1443 гг. *Academia delle Belle* (правильнее *arti di Belle arti*) — Академия изящных искусств, где хранятся шедевры тоscanской живописи XIII–XVI вв. Часть коллекций Археологического музея составили предметы, вывезенные из Греции итальянскими купцами, в том числе этрусские вазы.
- 331 О встрече с Д.А. Милутиным вспоминала С.И. Лаврентьева: «...В одно утро, когда я одна отправилась в какой-то музей, а брат с женой — в сад Boboli, возвращаются они оттуда и, сначала, желая меня заинтриговать, начинают рассказывать, как, отдыхая на одной из тенистых аллей чудесного сада, видят: идет, приближаясь к ним пожилой статский, по осанке такой джентельмен, что они решили, что это непременно какой-нибудь итальянский “conte” или “principe” ... И вдруг, не кончив фразы брат радостно срывается со скамейки, навстречу этому “истинному Conte”, тоже порывисто направлявшегося к нему, с распростертыми объятиями! Вслед затем, милый “Conte” пришел к нам в отель, и мы все вместе отправились в знакомый уже нам ресторан, обедать в саду, закончив вечер у нас, за русским чаем, всегда имевшимся

у моей невестки, так как в те годы было еще трудно найти где-либо, а тем более в Италии, порядочного чаю ...

Следующие дни были расположены так, что Дмитрий Алексеевич приходил к нам утром, пить с нами чай, после которого мы отправлялись кто куда: иногда и встречаясь позднее, в каком-либо музее, но всегда порознь, потому что мы туда ехали, а Дмитрий Алексеевич, по своей привычке к большой ходьбе, от нашего экипажа отказывался, предпочитая идти пешком — нет, уж я вам не товарищ, — говорил он, я лучше пешком!

Обедали, всегда вместе в саду нашего “Cornelio”, где потом долго сидели, в дружеской беседе, а затем, все, уже пешком, тихонько направлялись домой в свой отель, на вечерний чай ...

Как он рад был, дорогой Дмитрий Алексеевич, нашей встрече, так ожививший его одиночество и в то же время, как он наслаждался своим первым, самостоятельным путешествием, до того постоянно совершавшимся им только официальным образом, сопровождая Государя и беспрестанно парадирюя. Грустно провожал он нас, уехавших из Флоренции раньше него» (*Лаврентьева С.И.* В дружеском кругу: Из воспоминаний о графе Д.А. Милютине: Отдельный оттиск. [1912] // ОР РГБ Ф. 169. Карг. 98. Ед. хр. 16. Л. 7–8).

В этих воспоминаниях, написанных в 1912 г., после смерти Д.А. Милютина, С.И. Лаврентьева допустила неточность: она сообщила, что после прощания с ними Дмитрий Алексеевич направился в Испанию — в действительности он совершил это путешествие в 1891 г.

- ³³² Пантеон в Риме, «храм всех богов», памятник древнеримской архитектуры (ок. 125 г. н. э.). Величественная ротонда, перекрытая полусферическим куполом со световым отверстием. План этого Пантеона был начертан императором Адрианом, после сгоревшего старого Пантеона.
- ³³³ Собор Св. Петра был основан императором Константином Великим, который в 322 г. повелеле поставить над могилой Апостола Петра величественную базилику, освященную папой Сильвестром I в 326 г. Собор в современном виде был начат К. Браманте в 1506 г., перестроен Микельанджело в 1557–1564 гг. и закончен К. Мадерной в 1626 г.
- ³³⁴ Монастырь Св. Онуфрия с церковью Вознесения был построен в 1430 г., с портиком, расписанным фресками художника Доменикино 1-й трети XVII в. Церковь Св. Монторио построена в конце XV в. — по преданию, на том месте где был распят Апостол Петр. В церкви, которая много раз реставрировалась, можно видеть «Мадонну» художника Помаранчо и капеллу Раймонди, спроектированную Бернини.
- ³³⁵ Замок Святого Ангела был построен императором Адрианом в 135 г. как мавзолей Адриана и его фамилии. В последующие века папы римские превратили это здание в крепостное сооружение, охранявшее подступы к Ватикану. Служил замок и тюрьмой, где были заключены такие знаменитые люди, как Джордано Бруно, граф Каллиостро и др.

- ³³⁶ Палаццо Боргезе (Palazzo Borghese) — самый большой в Риме частный дворец. Дворец начал возводить кардинал Камилло Боргезе, вскоре после начала строительства ставший папой Павлом V. Закончено строительство при кардинале Сципионе Боргезе. Здесь в течение двух веков хранилась знаменитая коллекция Боргезе, позже переехавшая на виллу Боргезе на Пинчо. Палаццо строилось в 1590–1615 гг.; архитекторы М. Лонги Старший, Ф. Понцио.
- ³³⁷ Термы Диоклетиана, построенные в начале IV в., были крупнейшими в Древнем Риме. Папа Римский Пий IV поручил Микеланджело возвести на развалинах терм церковь Санта Мария дели Анджели, которая была построена в 1563–1566 гг., а в 1749 г. перестроена Л. Ванвितелли.
- ³³⁸ Базилика Санта-Мария-Маджоре (Santa Maria Maggiore), основана в 352 г. папой Либерием. В XVIII в. фасад церкви был переделан, скрыв старинную мозаику V века. Колокольня — романская, относится к XIII в. К XIII в. относится мозаика над алтарем работы Я. Торрити. Главная реликвия — снизу крипта хранятся почерневшие от времени доски, которые считаются остатками вифлеемских яслей. В крипте также хранятся моши блаженного Иеронима Стридонского, автора Вульгаты — канонического для католиков перевода Библии. Резной позолоченный потолок церкви украшен гербом Александра VI Борджиа. На золочение потолка пошли все слитки золота, полученные Папой от испанского и португальского королей в награду за то, что он рассудил их спор и поделил новооткрытую Вест-Индию на восточную (ее получили португальцы) и западную, которая отошла к испанцам.
- ³³⁹ Капитолий (Capitolium) — один из 7 холмов, на котором возник Древний Рим. На Капитолии находился Капитолийский храм, происходили заседания сената, народные собрания. В ансамбль Капитолия входит лестница работы Микеланджело, памятник последнему патриоту Рима Коле ди Риенце, статуи Диоскуров — Кастора и Поллукса. Ансамбль площади Капитолия принадлежит Микеланджело, по его распоряжению сюда была перенесена в 1538 г. конная статуя императора Марка Аврелия, он же перестроил Дворец консерваторов и построил новый дворец; в нише расположенного на площади сенаторского дворца находится античная статуя богини — покровительницы Рима. На вершине Капитолия — церковь Санта Мария д Арачелли, одна из древнейших христианских церквей, воздвигнута на руинах храма Юноны.
- ³⁴⁰ 22 сентября 1889 г. во Франции состоялись очередные выборы в Палату депутатов. Большинство голосов было отдано республиканцам. В результате этих выборов был преодолен т.н. буланжистский кризис. Стронники генерала Э.Ж.М. Буланже принявшие название партии национальной или ревизионистской и поддержанные монархистами и католиками требовали пересмотра конституции, создания однопалатного парламента, усиления президентской власти независимой от палаты.

- ³⁴¹ Базилика Сан-Джованни-ин-Латерано (San Giovanni in Laterano) считается «матерью и главой всех католических церквей». Здесь папа Сильвестр I крестил императора Константина и здесь же в 315 г. Константин возвел первый в мире легальный христианский храм. Здесь же находится Латеранский дворец — резиденция пап (построен в 1586 г. архитектором Доменико Фонтана при папе Сиксте V). Церковь после многократных перестроек в 1650 г. приобрела свой окончательный внешний вид, когда по приказу папы Иннокентия X архитектор Борромини перестроил ее. Северный фасад был построен в 1586–1590 гг. Доменико Фонтано, восточный — был возведен Галилеи в XVIII в. Среди святынь базилики находится стол, за которым происходила Тайная вечеря, часть колодца, у которого Иисус беседовал с самаритянкой, во дворике имеется навес — «мерило Иисуса Христа», который, как считается, обозначает Его рост. На площади у собора расположен построенный при Константине древнейший Баптистерий (Battistero) — строительство закончено в 432 г. — послуживший образцом для последующих баптистериев по всему миру; на площади в отдельном здании находится Святая лестница — 28 ступеней, по которым Иисус поднимался в Преторию на суд Пилата; в капелле XIII в. — Святая Святых (Sancta Sanctorum) — находится икона с ликом Христа, писанная апостолом Лукой под водительством ангела. Площадь замыкает триклиний Льва III с мозаиками IX в., ворота Сан-Джованни и статуя святого Франциска Ассизского.
- ³⁴² Церковь Св. Креста Иерусалимского (Санта Кроче де Джерузалементе), одна из первых семи христианских церквей Рима, по преданию была основана Св. Еленой. Перестроена в 1743 г. архитектором Д. Грегори-ни. Рядом руины античного амфитеатра Кастерны.
- ³⁴³ Термы Каракаллы (термы Антонина) — грандиозный архитектурный ансамбль, который состоял из огромных залов, портиков, фонтанов и садов. Строительство начато при императоре Каракалле в 212 г., а закончено при Александре Севере в 223 г.
- ³⁴⁴ Церковь Св. Стефана Круглая (Сан-Стефано Ротондо) перестроена из древнеримской колонны, и освящена в 468 г. Стены расписаны в барочном стиле.
- ³⁴⁵ Квиринал (Quirinalis) один из семи холмов, на которых возник Древний Рим. Колизей (от лат. Colosseus) — громадный амфитеатр Флави-ев в Риме, памятник древнеримской архитектуры (75–80 гг. н. э.), служил для гладиаторских боев и других зрелищ, вмещал около 50 тыс. зрителей. Сооружен из туфа, конструкции галерей укреплены бетоном и кирпичом, на величественном фасаде 3 яруса аркад.
- Палаццо Квиринале строилось с 1574 г. архитекторы Ф. Понцио Мадерна, Бернини и др., церковь Сант-Андреа аль Квиринале строилась в 1653–1658 гг., архитектор Л. Бернини.

- ³⁴⁶ Церковь San Pietro in Vincoli — Св. Петра в Веригах была построена на пожертвования жены императора Валентиана III Евдоксии для хранения цепей, сковывавших Св. Петра. Основана в V в., неоднократно перестраивалась.
- ³⁴⁷ Национальный музей в Неаполе (ранее Музей королей Бурбонов) (Reale Borbonico) — один из крупнейших музеев античного искусства в Италии. Основан в 1790 г. как королевский музей в здании, построенном в 1586 г. Хранит произведения искусства из собраний семейств Фарнезе, Борджиа и др., а также памятники, обнаруженные во время раскопок на юге Италии, главным образом в Помпеях и Геркулануме. Обладает обширным собранием скульптуры (главным образом этрусской и римской), живописи (фрески, мозаика), декоративно-прикладного искусства и коллекцией нумизматики.
- ³⁴⁸ Via Toledo — одна из центральных улиц Неаполя.
- ³⁴⁹ Кафедральный собор Св. Януария был сооружен в память епископа Януария Беневентского, замученного в 305 г. при императоре Диоклетиане и причисленного к лику святых, особо почитаемого итальянцами. Построен в 1204–1293 г. в готическом стиле. Разрушен землетрясением 1456 г., впоследствии восстановлен. В центре собора сохранился древний портал 1407 г. Главный неф декорирован фресками XVII в. С правой стороны нефа — капелла Св. Януария, построенная в 1608–1637 гг., богато украшенная драгоценными камнями, мозаиками и живописью и главной реликвией — чашей св. Януария с его чудотворной кровью.
- ³⁵⁰ Villa Nazionale (прежнее название villa Reale) называемый villa del Popolo — национальный дом (прежний королевский), называемый народным.
- ³⁵¹ Церковь Сан Франческо ди Паола была построена в 1817–1831 гг., в подражание Римскому Пантеону. Внутри — роскошные мраморные колонны и богатый алтарь, украшенный яшмой и лазуритом.
- ³⁵² Монастырь Сан Мартино (Св. Мартина) был построен в XIV в., но сильно перестроен в XVII в. Богато украшен мрамором и полотнами XVII–XVIII вв.
- ³⁵³ Везувий — действующий вулкан на юге Италии близ Неаполя. Первое известное сильное извержение произошло в 79 г. н. э.: погиб Геркуланум, Помпеи были засыпаны слоем пепла, образовавшим над зданиями слой около 8 м. С 1842 г. на Везувии на высоте 600 м находится вулканическая обсерватория.
- ³⁵⁴ К северо-востоку от древнеримского поселения Пуццуоли находится Астрони — большой потухший кратер с небольшим озером Аньяно, где находится так называемый «Грот собаки», наполненный углекислым газом. Эта местность известна сернистыми источниками.

- ³⁵⁵ Дорический ордер характеризуется приземистыми, сужающимися кверху колоннами, установленными на основании (стереобате), покрытыми каннелюрами; колонны венчались капителями, выполнявшими функцию украшения и для более удобного перехода от колонн к горизонтальным балкам. Этот ордер широко применялся в Древней Греции (VIII—I вв. до н. э.).
- Тосканский ордер — один из архитектурных ордеров, возникших в Древнем Риме на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э., как упрощенный вариант дорического ордера — колонны без каннелюров, но с базой, фриз всегда гладкий. См.: *Маркизов В.Ф.* Архитектурные ордера // Всеобщая история архитектуры. Т. 2. М., 1973.
- ³⁵⁶ Готический стиль — архитектурный стиль 2-й половины XII—XVI в., характеризуется использованием стрельчатых арок, куполов сложной конструкции, больших окон, часто украшенных витражами. Стены готического храма превращены как бы в каменное кружево, храм символизирует порыв к небу. Для храма характерно богатое декоративное убранство — статуи, рельефы, витражи.
- Renaissance (Ренессанс), Возрождение — эпоха расцвета культуры в Западной Европе XV—XVI вв., складывалась под знаком идеалов гуманизма, утверждалась сила, красота и достоинство личности. В центре искусства — реалистический образ человека.
- Рососо — рококо — стилевое направление в искусстве XVIII в. главным образом во Франции в период регентства и правления Людовика XV, характеризуется богатством и пышностью декора. Орнамента из причудливо переплетающихся гирлянд, раковин, цветов, завитков, манерно изогнутые линии маскируют конструкцию зданий.
- ³⁵⁷ Опера Дж. Верди «La forza del destino» (Сила судьбы, — *ит.*).
- ³⁵⁸ 25 июня 1873 г. в Италии был принят закон об изгнании иезуитов и закрытии римских монастырей с конфискацией их собственности в пользу государства.
- ³⁵⁹ Опера Г. Доницетти «Лучия ди Ламмермур».
- ³⁶⁰ Имеется в виду Собор Санта Мария дельи Амिरальи (Марторана) построенный греком Георгием Антиохийским в XII в.
- ³⁶¹ Палатинская капелла — домашняя церковь во дворце короля Роджера II (XII в.). Капелла и «комната Роджера» знамениты искусными мозаиками и резьбой по дереву. В работе участвовали византийские мастера и арабские резчики по дереву. См.: *Муратов П.* Образы Италии: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия. СПб., 2005. С. 307—309.
- ³⁶² Собор в Монреале (кон. XII в.). Об этом соборе писал в начале XX в. яркий представитель Серебряного века писатель, историк, критик П.П. Муратов (1881—1950): «Художники Палатинской капеллы понимали, что мозаика, а особенно мозаика на золоте, нуждается в строго обдуманном и осторожном допуске света... Любопытно убедиться до

какой степени это было не понятно строителям колоссального собора в Монреале. Его просторные нефы всегда открыты ровному и яркому свету. Золотые фоны мозаик блестят однообразно до утомительности... Мертвенные изображения Христа и святых в апсиде видны отовсюду с невыносимой отчетливостью. Почему то именно этим худшим образцам византийской мозаики суждено было не раз привлекать внимание русских людей, занятых мыслью о национальном искусстве и не имевших понятия о его подлинных и великих примерах. Эти мозаики понравились императору Николаю Павловичу, и они же объясняют многое в варварски пестрых и громоздких композициях Васнецова...» (*Муратов П.* Образы Италии: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия. СПб., 2005. С. 312–313).

³⁶³ Греческий театр в Сиракузах — один из самых больших древнегреческих театров (V в до н. э.), его 60 рядов вмещали до 24 тыс. зрителей, вырублены в скале. После победы тирана Сиракузского над карфагенянами при Гимере в 480 г. до н. э. здесь была поставлена трагедия Эсхила «Персы». Театр посещали Пиндар, Эпихрам, Платон.

³⁶⁴ Латомии — глубокие ямы, колоссальных размеров с отвесными стенами. По-видимому, служили каменоломнями для Сиракуз. Латомии служили местом заключения для пленных афинян после похода Никия и Алкивиада. По свидетельству П.П. Муратова, в конце XIX в. Латомии «превратились в роскошные сады, где всегда тепло и укрыто от ветра, где обильно журчит вода и где зреют лимоны, апельсины и несполи. Их стены от солнца и дождей приняли красивые желтые и розовые оттенки; в теневых местах они увиты ползучими растениями. Внизу воды промыли множество гротов, там сыро и прохладно, и с потолка свешиваются травы подземелий, мелколистный плющ и венерины волосы. Одна из таких пещер известна всему свету под именем Дионисиева уха. Форма ее так причудлива, эхо достигает здесь такой силы и отчетливости, что она в самом деле больше похожа на затею сиракузского тирана, чем на естественное дело природы...» (*Муратов П.* Образы Италии: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия. СПб., 2005. С. 332–333).

³⁶⁵ Мальтийский архипелаг находится в центре Средиземного моря, в древности находился под влиянием или владычеством финикийцев и карфагенян (700 г. до н.э. — 218 г. до н. э.), Римской империи (218 г. до н. э. — 395 г. н. э.), Византии (395–870 гг.), арабов (870–1090 гг.). После присоединения Мальты в 1090 г. к владениям Роджера Нормандского, Мальта в течение нескольких веков переходит от одной европейской династии к другой, пока в 1530 г. король Испании Карл I (он же Карл V) не передал острова духовно-рыцарскому ордену Иоаннитов (госпитальеров). С 1530 по 1798 г. Мальта находилась под владычеством Мальтийского ордена. Рыцари строили оборонительные сооружения для защиты от турок. Возглавляли орден великие магистры, один из них, де ла Валетт, начал строительство нового города, ставшего столицей Мальты — Валетты.

В 1698 г. Мальту посещает первое русское посольство во главе с Б.П. Шереметевым. В 1798 г. остров был захвачен Наполеоном, а рыцари вынуждены были покинуть архипелаг и обосноваться в Триесте. В 1797 г. император Павел I объявил себя покровителем ордена, а после 1798 г. часть рыцарей переехала в Петербург и провозгласила Павла новым великим магистром. Но Папа отказался это признать, также и рыцари, жившие вне России, не признали нового великого магистра. С 1834 г. штаб-квартира ордена находится в Риме. С 1800 г. Мальта фактически оказалась под владычеством англичан, по Парижскому соглашению 1814 г. она стала британской колонией (до 1964 г.), здесь была создана военно-морская база Великобритании. В 1887 г. британские власти создали на Мальте законодательный совет с ограниченными полномочиями, куда вошли и представители местных жителей.

- ³⁶⁶ У великой княгини Марии Александровны, в замужестве принцессы Эдинбургской, впоследствии великой герцогини Саксен-Кобург-Готской было 5 детей: наследный принц Альфред (1874–1899), Мария (1875–1938), впоследствии королева Румынии, Виктория-Мелита (1876–1936), впоследствии в первом браке за великим герцогом Эрнстом-Людвигом Гессенским (1868–1937), во втором за великим князем Кириллом Владимировичем (1876–1938); Александра (1878–1942) в замужестве за герцогом Эрнстом Гогенлоэ-Лангенбург и Беатиса (1884–1966) в замужестве за инфантом Испании Альфонсо. В 1874 г. в Лондон с императрицей ездила дочь Д.А. Милютина Елизавета Дмитриевна, в 1870-е гг. фрейлина императрицы.
- ³⁶⁷ 15 ноября 1889 г. в Рио-де-Жанейро генерал-майор Фонсека начал военное восстание и арестовал министров. 16 ноября император дон Педро II подписал отречение от престола. В Бразилии провозглашена республика в форме федерации, образовано временное правительство во главе с генералом Фонсека. До принятия конституции правительство провело несколько радикальных мер: отделение церкви от государства, установление гражданского брака, учреждение по примеру Франции национального праздника 14 июля и т. д. 15 ноября 1890 г. в Рио-де-Жанейро открылось Учредительное собрание, 21 февраля 1891 г. опубликована конституция «Соединенных штатов Бразилии».
- ³⁶⁸ По проекту архитектора Д.И. Гримма в Херсонесе близ Севастополя на предполагаемом месте крещения Святого князя Владимира был построен православный храм. За образец архитектор взял церковь Сергия в Константинополе. Храм был расписан художниками Т.А. Нефом, А.И. Корзухиным. О раскопках в Херсонесе см.: Памятники христианского Херсонеса. Вып. I: Развалины храмов / Сост. Д.В. Айналов. М., 1905.
- ³⁶⁹ Русское историческое общество было основано в 1866 г. в Петербурге. По Уставу, утвержденному 23 мая 1866 г., общество создавалось для собирания, обработки и издания документов и исследований по истории

России. Находилось в ведении Министерства народного просвещения. В 1873 г. 23 ноября Обществу присвоено наименование «Императорское», в связи с заслугами его по опубликованию документов, освещающих историю царствования Екатерины II. 8 апреля 1910 г. и 27 апреля 1917 г. утверждены новые уставы. 4 сентября 1920 г. по решению Общего собрания Академии наук Общество было закрыто. См.: Российский государственный исторический архив: Путеводитель. Т. 3. СПб., 2006. С. 187; см. также: Императорское Русское историческое общество: Обзор 50-летней деятельности. 1866–1916. СПб., 1916.

- ³⁷⁰ См.: Русский биографический словарь / Издавался под наблюдением председателя Русского исторического общества А.А. Половцева. Т. 1–25. СПб., 1896–1918.
- ³⁷¹ В письме к А.А. Половцеву от 6 декабря 1889 г. Д.А. Милютин писал, что он «искренне сочувствует этому в высшей степени полезному и важному предприятию...». Рассмотрев алфавитный указатель к предполагаемому биографическому словарю, Милютин отмечал, что отбор лиц, заслуживающих упоминания в словаре, должен производиться на основании «критерия, который обуславливается планом принимаемого издания, его целью и объемом... в составленном указателе замечается большая неравномерность в полноте по различным категориям личностей, в нем перечисляется множество лиц духовных, все игумены и игуменьи, ничем не замечательные монахи и монахини... полон перечень литераторов, артистов... — тогда как из лиц, состоявших на государственной службе, как гражданской, так и военной, пропущены весьма многие даже достигшие видных положений... Необходимо...составление списков по ведомствам и учреждениям, на основании архивных официальных источников... Заслуживали бы внимания в словаре и все те военнослужащие, которые выказали особенные военные подвиги и которые служа сохранились в истории войн, веденных Россией...». Милютин обращал внимание и на организацию работы по составлению словаря. Необходима, с его точки зрения, «специализация сотрудников» по различным направлениям (категориям), которые в ходе работы могли бы «исправлять ошибки и промахи», которые вкрались в указатель... «При всем желании моем, — отмечал Милютин, — оказать более существенное содействие почтенному Обществу в предпринятом им благом деле, я вынужден ограничиться лишь приложенными крайне скудными заметками, за неимением необходимых для более основательной работы материалов...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карг. 54. Ед. хр. 47. Л. 1–2. Черновой автограф).
- ³⁷² Об этапах карьеры П.А. Валуева см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917 г.: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 107–112.
- ³⁷³ Б.Н. Чичерин вспоминал: «В Ялте собралось небольшое дружеское общество, которое видалось почти ежедневно. Наше пребывание там

привлекло сестру моей жены замужем за Василием Аркадьевичем Кочубеем. Они купили участок в парке Дондукова и построили себе дачу. Над ними построил старый мой приятель Петр Федорович Самарин. Брат Владимир стал ежегодно ездить в Ялту для поддержания здоровья; постоянно приезжал и брат Петр, который селился у нас, вполне наслаждаясь тамошнею привольною жизнью. Первые годы жила и наша деревенская соседка и добрая приятельница старушка Наталия Андреевна Соловая.

Жила также княгиня Черкасская, вдова князя Владимира Александровича; с нею мы перечитывали переписку ее мужа с Милютиным по польским делам и вспоминали прежние годы.

В Крыму я выдаюсь и со старым своим приятелем Дмитрием Алексеевичем Милютиным, который после жизни, посвященной славе Отечества кончает дни свои в деревенском уединении Симеиза...» (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Т. 4. М., 1934. С. 306–307).

- ³⁷⁴ Итальянский наследный принц — Фердинанд Мария Януарий (1869–1947), сын короля Умберто I, с 20 июля 1900 г. — король Виктор-Эммануил III. С 1896 г. женат на княжне Черногорской Елене. В 1946 г. отрекся от престола.
- ³⁷⁵ Книга «Фельдмаршал князь А.И. Барятинский: Его биография, написанная А.Л. Зиссерманом» публиковалась в 1888–1891 гг. в ежемесячном историческом журнале «Русский архив» (основан П.И. Бартеневым, издавался в 1863–1917 гг. в Москве). В главах VIII–IX (опубликованы в кн. III, 1890 г.) Зиссерман писал о разладе, возникшем между князем А.И. Барятинским и военным министром Д.А. Милютиным. В 1891 г. в кн. I опубликованы в приложении письма Д.А. Милютина. О конфликте Д.А. Милютина и А.И. Барятинского см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М., 2006; *Он же.* Дневник. 1873–1875. М., 2008.
- ³⁷⁶ О разногласиях, возникших между князем А.И. Барятинским и военным министром Д.А. Милютиным в связи с проведением реформ центральных и местных военных учреждений, писал П.А. Зайончковский. Он отмечал, что А.И. Барятинский был «сторонником прусской организации военного управления...», выступая против проведения реформ центральных и местных военных учреждений, он фактически возглавил оппозицию «наиболее реакционного генералитета». См.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–70-х годов в России. М., 1952. С. 83–99, 289–293; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 89–92; см. также: *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.
- ³⁷⁷ Законом 12 июля 1889 г. — Положением о земских начальниках — вводились новые административно-судебные должностные лица — земские начальники, назначаемые из дворян и получавшие широкие полномочия по утверждению решений крестьянских учреждений, назна-

чению и смещению должностных лиц в них, наказанию крестьян. См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 9. № 6196; об этом законе см. также: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 366–401; *Прокофьева Т. П.* Местное самоуправление в России глазами крестьян (1905–1907) // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 390–406.

378 Весной 1890 г. в Соединенных департаментах законов и государственной экономики Государственного совета рассматривалось представление И.Д. Делянова «об изменении таблицы числа недельных часов в мужских гимназиях», по которому сокращалось число уроков по древним языкам, отменялось преподавание естественной истории, введенное в 1877 г., и систематический курс истории русской литературы; рассматривался проект о продлении летних каникул до двух месяцев. Несмотря на то, что на общем собрании совета 28 мая это представление поддержало меньшинство (среди них Делянов, К.П. Победоносцев, М.Н. Островский), император утвердил мнение меньшинства. См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 359–363.

379 См.: *Стенли Генри М.* В джунглях Африки: История поисков, освобождения и отступления Эмина-паши правителя Экватории / Пер. с англ. Е.Г. Бекетовой; под ред. А.Н. Бекетова. Т. 1. СПб., 1892.

380 На основании высочайшего указа от 3 ноября 1867 г. Д.А. Милютину был пожалован майорат (система наследования, при котором имущество переходит нераздельно к старшему в роде, семье) в Царстве Польском, в Келецкой губернии. В майорат «Мехов» вошли 17 фольварков в Меховском уезде и один — в Пинговском уезде. В 1904 г., после смерти единственного сына, Д.А. Милютин предполагал направить на имя императора прошение о разрешении ему продать майорат, т. к. это могло бы содействовать «при посредстве Крестьянского банка улучшению благосостояния местного сельского населения, весьма нуждающегося в земле». Деньги от продажи Милютин предполагал передать Российскому обществу Красного Креста на содержание санатория для военнослужащих, который по завещанию Н.М. Милютиной, во владении которой находилось имение Симеиз, должен был быть организован в Симеизе после смерти ее и мужа. «Мои дочери, все три бездетные, — писал Милютин, — охотно откажутся от наследования, если последует высочайшее соизволение на продажу его с «благотворительной целью». 24 января 1913 г. О.Д. Милютина — последняя из оставшихся в живых его дочерей — подписала акт отречения на право наследования майората. См.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 87. Ед. хр. 3. Л. 1–2, 9; Ед. хр. 4. Л. 1–2.

381 См.: *Иностранцев А.А.* Геология: Общий курс лекций, читанный студентам Санкт-Петербургского университета. Т. 1–2. СПб., 1885–1887.

382 См.: *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов. Т. 1–3. СПб., 1884.

Приложения

Приложение к дневнику 1883 г.

Д.А. МИЛЮТИН

РАЗГОВОР С ГОСУДАРЕМ 10-ГО МАЯ,
ЗАПИСАННЫЙ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО
НА ПАМЯТЬ¹

Государь. — Очень рад видеть вас. Давно не видались. Сядемте здесь. (Садимся на те самые места, на которых при покойном Государе не раз случалось мне докладывать ему).

— Вы теперь прямо из Крыма? Там должно быть теперь прекрасно.

Я. — Да, я постоянно благословляю В[аше] В[еличест]во за дозволение мне там жить; это истинное благодеяние, которому я обязан тем, что здоровье мое и семьи поддерживается.

Государь. — Но вас постигли большие семейные несчастья. Я искренно пожалел о вас. А как теперь ваша жена?

Я. — Она совсем поправилась; но при выезде моем из Крыма сын заболел, и я оставил его в постели в Симферополе.

² — Что же у него?

— Повторение той же болезни, которую он имел несколько лет тому назад — воспаление кишок. Но, к счастью, теперь я уже имею успокоительное известие.

— У вас в Крыму было недавно большое торжество — празднование столетнего юбилея³.

— Да, праздновали в Симферополе и в Ялте. В Ялте поставлен бюст императрице Екатерине, — хотя довольно неудачный.

— Мне хотелось бы побывать у вас в Крыму.

— У нас несколько раз были слухи о Вашем приезде. Крым который год ожидает В[аше] В[еличест]во.

— Я давно мечтаю о том, чтобы там быть в начале весны, в марте месяце.

¹ ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 13а–13е.

² В тексте Д.А. Милютин не отмечает отдельно слова «Государь» и «Я». — Здесь и далее прим. публ.

³ Речь идет о вхождении в 1783 г. Крыма в состав Российской империи.

— Нет, Государь, март бывает всегда самый дурной месяц, не только в Крыму, но и везде на юге; я помню это время даже в Тифлисе. Говорят, то же самое в Нице и Ментоне.

— Однако ж в тот год, когда покойная императрица приехала в Крым говеть на Страстной неделе, погода была там чудесная.

— В таком случае это было исключение. В нынешнем же году зелень распустилась только в конце апреля. Впрочем, надобно и то сказать, что нынешняя зима была тоже исключительная; даже в Греции были морозы и снега.

— Да, и в Нице тоже.

— Все-таки в Крыму лучшее время года есть осень.

— До сих пор я и бывал в Крыму только в это время года; но для меня приятнее проводить осень на севере; я люблю морские плавания.

— Но ведь на Черном море, слава Богу, приступают к воссозданию флота; все радуются этому и ожидают В[аше] В[еличест]во к закладке броненосцев.

— Даст Бог, приеду к спуску их.

К сожалению, пока мы строим, являются в деле морском все новые усовершенствования и изобретения, за которыми трудно угнаться.

— Это совершенно то же, что и в военном деле. То же самое было и по части артиллерии, разного оружия, крепостей.

— Но, по крайней мере, теперь в этом отношении мы можем быть спокойны. У нас стрельба идет очень хорошо, и с каждым годом делаются успехи. Генерал Нотбек со своими помощниками много помогает этому делу; теперь он поехал в Тулу, осмотреть оружейный завод.

— Но и по этой части теперь является опять новый вопрос — о магазинных ружьях. Во всей Европе принялись за это дело, и мне кажется, что и нам нельзя отставать от других. До сих пор мы уже имели несколько грустных примеров в этом отношении.

— Да, у нас также вопрос этот обсуждается; испытываются разные системы.

— К сожалению, при нашем финансовом положении едва ли возможно в короткое время перевооружить опять целую армию. Рассрочивая расход на долгие сроки, мы опять можем встретиться с будущим врагом при невыгодных для нас условиях.

— Я думаю, что нужно прежде всего дать магазинные ружья кавалерии.

— Что меня порадовало в последнее время — это решение давнишнего предположения о новых укреплениях на западной нашей

границе. Слава Богу, что наконец оказалось возможным хотя приступить к этому важному делу, от которого зависит судьба России в случае серьезной европейской войны¹.

— Да, и кажется, это дело поставлено хорошо. В Комиссии, руководящей новыми постройками, ведет дело отличный работник — Боголюбов.

— Дай Бог только, чтобы нам дали время довести это дело до такого положения, чтобы нам можно было без страха ожидать войны.

— Я надеюсь, что пока еще жив император Вильгельм — мы можем быть спокойны. Что будет после него — трудно сказать. Бисмарк также, кажется, стареет и уже тяготится делами.

— Позвольте, Государь, при этом случае выразить Вам, как был я тронут Вашим вниманием, когда в 1881 году Вы приказали Гирсу уведомить меня об успешном окончании переговоров с Германией и Австрией. Мне было тогда истинно отраднo узнать об этом, и я только пожалел о том, что срок договора ограничен только тремя годами.

— Вы принимали такое деятельное участие в тогдашних наших политических делах, что я не мог не вспомнить о вас. Теперь уже прошла половина этого срока; но я надеюсь, что нам удастся продлить договор и притом ввести в него новые более выгодные для нас условия.

— Весьма было бы желательно достигнуть каких-нибудь гарантий для нас против замыслов Австрии на Востоке.

— Я не думаю, чтобы Австрия решилась что-нибудь предпринять в этом отношении.

— Действительно, Австрия теперь не примет сама инициативы; но можно опасаться, что в случае каких-либо новых событий в Турции, в случае неизбежного рано или позже кризиса на Востоке — вопрос восточный может разрешиться помимо нас и даже против нас, благодаря нынешнему союзу Германии с Австрией и Италией, — особенно если Англия будет озабочена внутренними своими делами. Вот почему весьма важно для нас не очутиться в изолированном положении.

— Сабуров уже завел речь с Бисмарком и подготавливает его к новому договору. Между тем султан заискивает в нас и делал уже несколько попыток сближения с нами. Но ему нельзя доверять. В Константинополе беспрестанно случаются сюрпризы и крутые повороты в политике.

¹ Первоначально: «судьба будущей войны России».

— Конечно, положение Турции более чем когда-либо непрочно; потому то и важно нам приготовить выгодные для нас шансы на случай возможного в будущем кризиса, не слишком доверять в этом деле Бисмарку и Германии.

— Правда, что у Бисмарка есть замыслы втравить Австрию в восточные дела и вдвинуть ее глубже в Балканский полуостров. Впрочем, обо всем этом вам подробнее расскажет Гирс. Вы, конечно, увидите с ним?

(Короткая пауза).

— Вам должен быть памятен этот кабинет и то кресло, на котором вы сидите.

— Да, Государь, много грустных воспоминаний наводит эта комната и этот стол, за которым столько раз я докладывал покойному Государю.

— Здесь решительно ничего не переменено, каждая вещь осталась на своем месте.

— Зато, как я слышал, много изменений и улучшений в Кремлевском дворце.

— Нет, ничего не изменено, кроме только Грановитой палаты, где восстановлена прежняя живопись, насколько можно было по оставшимся описаниям. Некоторые места удалось довольно ясно очистить от наложенного сверху слоя, так же как и в Успенском соборе.

— Жаль, что не сохранилось никаких рисунков, которые давали бы возможность точнее воспроизвести старинную живопись.

— Говорят, однако же, что восстановление живописи удалось хорошо. Я не видал еще.

— Вашему В[еличест]ву предстоят весьма утомительные дни.

— Да, лишь бы все прошло благополучно.

— Смею сказать, что, по моему внутреннему убеждению, можно быть вполне спокойным на этот счет.

— И я то же надеюсь. <Что в эти дни ничего не будет>. Приняты все меры; но прискорбно общее натянутое положение.

— В этом отношении вся Европа переживает тяжелое время.

(Государь взглянул на часы).

— Однако ж мне пора одеваться.

(Государь встает, подает мне руку).

— Очень благодарю Вас, что вы приехали сюда.

— Это была моя обязанность, Государь, — явиться в такой торжественный момент Вашего царствования.

— Благодарю Вас, до свидания.

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Александр Аггеевич (1821—1895), действительный тайный советник (1874), гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны (1867); в 1871—1874 гг. — государственный контролер, в 1874—1880 и 1884—1893 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, в 1880—1881 гг. — министр финансов; шурин Н.А. Милютина 38, 79, 86, 94, 142, 147, 184, 190, 241
- Абаза Василий Саввич (1835—1889), статский советник, чиновник Государственной канцелярии, с 1883 г. в отставке; брат Н.С. Абазы 191
- Абаза Вера Аггеевна (1828—1903), сестра А.А. Абазы, свояченица Н.А. Милютина 105, 190
- Абаза Николай Савич (1837—1901), гофмейстер, доктор медицины, с 1880 г. — сенатор, с 1891 г. — член Государственного совета, опекун Воронцовских имений 423
- Абаза Юлия Фёдоровна (1830—1915), урожденная Штуббе, жена А.А. Абазы 184, 190
- Абдул-Хамид II (1842—1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г. 251
- Абдурахман (1830—1901), с 1880 г. — эмир Афганистана 155
- Абрамова, соседка Милютиных в Симеизе 35, 47
- Авдеев Алексей Андреевич (1819—1885), академик архитектуры, археолог; автор проекта церкви Св. Николая в Севастополе на военном кладбище 145
- Авинов Фёдор Александрович (1835—1903), флигель-адъютант (1874), генерал лейтенант (1899); в 1878—1886 гг. — командир 50-го Белостокского пехотного полка; в 1886—1892 гг. — командир 2-й бригады 11-й пехотной дивизии, в 1892—1899 гг. — командир 2-й бригады 3-й гренадерской дивизии; в 1899—1902 гг. — начальник Тамбовской местной бригады, в 1902—1903 гг. — в распоряжении командующего войсками Московского военного округа 36, 38, 137, 160, 184
- Аггеев, сосед Милютиных в Симеизе 226
- Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); с 1855 г. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, в 1867—1881 гг. — министр Императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов; член Государственного и Военного советов; личный друг императора Александра II 48, 50, 66, 80, 86, 142, 193, 194, 199, 218, 232
- Адлерберг Екатерина Николаевна (1822—1910), графиня, статс-дама, жена А.В. Адлерберга 49, 142
- Адриан (Публий Эмий) (76—138), с 117 по 138 г. — римский император 288
- Айвазовский Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист 107, 114, 162, 163
- Акимов Николай Агафонович (1841—1913), генерал от кавалерии (1906); в 1872—1883 гг. служил во Владикавказском конном полку Терского казачьего войска, в 1883—1885 гг. — командир отдельной Азовской бригады, в 1885—1886 гг. — Керченского отдела, в 1886—1894 гг. — Крымской, в 1894—1899 гг. — Петербургской бригады по-

- границной стражи, в 1899–1901 гг. — начальник 5-го округа, в 1901–1903 гг. — начальник 1-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи 395, 400, 408
- Акимович Михаил Константинович (?–1920), действительный статский советник, секретарь и драгоман консульства в Сараево, вице-консул в Смирне, российский генеральный консул в Пирее 255, 256
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), поэт, публицист, общественный деятель, славянофил; редактор газет «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Русь» (1880–1885); председатель Общества любителей российской словесности (1872–1874) и Московского славянского комитета (1875–1878) 32, 55, 153, 155–158, 175
- Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), литературный критик и публицист, один из идеологов славянофильства; брат И.С. Аксакова 155
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель, литературный критик, публицист 155
- Александр (1857–1893), принц Баттенбергский, с 1879 по 1886 г. — князь Болгарии 104, 187
- Александр II (1818–1881), российский император с 1855 г. 25, 26, 29, 34, 36, 37, 39–42, 50, 53, 59, 61, 65, 77, 84, 93, 104, 123–126, 129, 134, 139, 145, 157, 169, 176, 193, 218, 313, 420
- Александр III (1845–1894), российский император с 1881 г. 26, 30, 33, 37, 42, 48, 55, 57, 58, 61, 63, 64, 75, 78, 79, 81, 84, 85, 88, 89, 91–95, 99–101, 114, 122, 126–129, 131–134, 139, 141–144, 146, 147, 156, 158, 176–179, 181, 182, 184, 187, 189, 191–194, 207, 208, 230, 231, 233, 235, 241, 398, 399
- Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, генерал-адъютант, адмирал; четвертый сын великого князя Михаила Николаевича 263
- Александра Иосифовна (Александра Фредерика Генриетта Паулина Марианна Елизавета) (1830–1912), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, великая княгиня, с 1848 г. жена великого князя Константина Николаевича 95, 191, 228, 229, 233
- Александра Фёдоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798–1860), дочь короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, с 1817 г. жена императора Николая I, с 1825 г. российская императрица 51
- Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II; генерал-адъютант (1880), адмирал (1888); с 1873 по 1881 г. — командир Гвардейского экипажа; в 1877–1878 гг. — начальник всех морских команд на Дунае; в 1881–1905 гг. — главный начальник флота и морского ведомства с правами генерал-адмирала; член Государственного совета 42, 43, 63, 182
- Алексей Михайлович (1875–1895), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича 397, 412, 423
- Аллер Александр Самойлович (1824–1895), генерал от инфантерии (1890); с 1862 г. — командир 6-го Таврического гренадерского полка, с 1865 г. — командир Петербургского гренадерского полка, с 1873 г. — командир 32-й пехотной дивизии, с 1878 по 1888 г. — командир 7-го армейского корпуса; член Военного совета 36, 38, 62, 121, 160, 184, 189, 210, 212, 215
- Альбединский Пётр Павлович (1826–1883), генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1878); в 1865–1866 гг. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1866–1870 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1874–1880 гг. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, в 1880–

- 1883 г. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; член Государственного совета 89
- Альбрехт (Albrecht) Фридрих Генрих Альберт (1837–1906), принц Прусский 89
- Альфонс XII (1857–1885), король Испании с 1874 г. 170
- Анастасьев Виктор Константинович (1836–1897), действительный статский советник, чиновник судебного ведомства в Крыму 52
- Аничков Виктор Михайлович (1830–1877), генерал-майор, писатель; в 1859–1873 гг. — профессор Николаевской академии Генерального штаба; в 1858 г. — редактор журнала «Военный сборник» 44
- Анна Фёдоровна (1781–1860), великая княгиня, урожденная герцогиня Юлиана Генриетта Ульрика Саксен-Кобургская, с 1796 г. — жена великого князя Константина Павловича, с 1820 г. — в разводе, жила в Швейцарии 320
- Антонин (в миру Капустин Андрей Иванович) (1817–1894), архимандрит, ученый византист, церковный деятель; настоятель посылских церквей в Афинах и Константинополе; с 1865 г. — заведующий делами русской духовной миссии в Иерусалиме; член Императорского Русского археологического общества; член Православного Палестинского общества 274, 275, 277, 278, 280–282, 284
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), генерал от артиллерии (1807); в 1808–1810 гг. — министр военно-сухопутных сил, с 1810 г. — председатель Департамента военных дел Государственного совета, в 1817–1826 гг. — главный начальник военных поселений 102
- Арапетов Иван Павлович (1811–1887), тайный советник; в 1835 г. поступил на службу во 2-е отделение Собствен-
- ной Е. И. В. канцелярии; в 1855–1856 гг. — директор канцелярии Министерства уделов; в 1859–1860 гг. — член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу; затем продолжал службу по Министерству императорского двора и уделов 92, 96, 213, 214
- Арапов Иван Андреевич (1849–1913), генерал-лейтенант; в 1860–1870-е гг. — адъютант военного министра; с 1905 г. в отставке 116, 232, 233
- Арапова Александра Петровна (1845–1919), урожденная Ланская, жена И.А. Арапова 232
- Араповы 233
- Арцимович Виктор Антонович (1820–1893), действительный тайный советник, сенатор; с 1854 г. — тобольский губернатор, с 1858 по 1862 г. — калужский губернатор, в 1864–1865 гг. — вице-председатель Государственного совета Царства Польского, с 1866 г. — первоприсутствующий сенатор в Уголовном кассационном департаменте Сената, с 1880 г. — первоприсутствующий сенатор 1-го департамента Сената, с 1892 г. в отставке 73
- Арцимовичи, дочери В.А. Арцимовича 73
- Астафьев Михаил Иванович (1821–1884), генерал-лейтенант, с 1878 г. — военный губернатор Оренбургской губернии и наказной атаман Оренбургского казачьего войска 66
- Афанасович, полковник, управляющий Массандрой 410, 411, 424
- Ашер С.А., председатель Ялтинской земской управы 199
- Базаров Иван Иванович (1819–1895), протоиерей 62, 425
- Базаровы, семья Александра Ивановича Базарова, с 1881 г. директора Императорского Никитского ботанического сада в Крыму и Никитского училища виноделия и садоводства 213, 229, 418

- Бакунина, в замужестве Иванова 175
- Балашовы 151
- Банк Яков Францевич, садовник в Симеизе 215, 418, 419
- Баранов Карл Петрович, генерал-майор, адъютант великого князя Михаила Николаевича 62, 425
- Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); в 1855–1862 гг. — начальник штаба Гвардейского и Гренадерского корпуса, в 1866–1867 гг. — рижский, в 1867–1868 гг. — виленский генерал-губернатор, в 1871–1874 гг. временно управлял Министерством императорского двора и уделов, в 1881–1884 гг. — председатель Департамента государственной экономики Государственного совета; председатель Совета управления Главного общества российских железных дорог 27, 65, 78, 79, 87, 139, 140, 142
- Баранова Анна Алексеевна (1827–1890), урожденная Васильчикова, графиня, жена П.Т. Баранова 407
- Баранова Юлия Фёдоровна (1789–1864), урожденная Адлерберг, графиня, статс-дама 139
- Барановы, семья Э.Т. Баранова 139
- Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), граф (1881), генерал от артиллерии (1868), генерал-адъютант (1855); с 1863 г. начальник Главного артиллерийского управления; в 1869–1874 гг. — член Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии при Военном совете; член Государственного совета 27, 62
- Бартоломмео Фра (настоящее имя Баччо делла Порта) (1472–1517), флорентийский живописец 349
- Бартолонии, швейцарские знакомые Д.А. Милютина 325
- Барятинская Мария Аполлинарьевна (1835–1906), княгиня, урожденная Бутенева, жена Виктора Ивановича Барятинского 404, 419
- Барятинские, княжны, дочери Виктора Ивановича Барятинского 404
- Барятинский Александр Владимирович (1848–1910), князь, полковник, флигель-адъютант; с 1883 по 1884 г. — командир лейб-гвардии Конного полка 141
- Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал (1859), генерал-адъютант (1853); в 1853–1855 гг. — начальник Главного штаба войск на Кавказе; в 1856–1862 гг. — кавказский наместник, в 1856 г. — командующий Отдельным Кавказским корпусом, в 1857 г. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1857–1862 гг. — главнокомандующий Кавказской армией; член Государственного совета 390, 420, 421, 427, 428
- Барятинский Виктор Иванович (1823–1904), князь, капитан 1-го ранга, участник обороны Севастополя в 1854–1855 гг., с 1856 г. в отставке 399, 404, 419, 420, 427–430
- Баттенберг, см. *Александр*, принц Баттенбергский
- Бахметьев Юрий Петрович (1847–1928), гофмейстер, дипломат; с 1874 г. — второй секретарь миссии в США, с 1879 г. — второй секретарь посольства во Франции, с 1883 г. — первый секретарь посольства в Греции, с 1897 г. — посланник в Болгарии, с 1906 по 1908 г. — посол в Японии, в 1911–1917 гг. — посол в США 290–293, 309, 391
- Бахметьева, жена Ю.П. Бахметьева 290–293, 391
- Баярд 26
- Бедекер Карл (1801–1859), немецкий издатель, основатель фирмы по изданию путеводителей 295, 298, 300, 325, 326, 341, 350, 358, 366, 367, 371, 373, 376, 386
- Беллини (Bellini), братья Джентиле (1429?–1507) и Джованни (ок. 1430?–1516), итальянские художники венецианской школы 299

- Беллини (Bellini) Винченцо (1801–1835), итальянский композитор 384
- Беляев Алексей Петрович, титулярный советник, секретарь и драгоман консульства в Иерусалиме 276, 279
- Бернар Сара (1844–1923), французская актриса 339, 340
- Бернов Евгений Иванович (1855–1917), генерал от кавалерии (1917); с 1872 г. на военной службе в лейб-гвардии Кавалергардском полку, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1907 г. — командир 22-го драгунского Астраханского полка, с 1907 по 1912 г. — командир лейб-гвардии Кирасирского полка, с 1912 по 1913 г. — командир 1-й бригады 2-й гв. кавалерийской дивизии, с 1914 г. состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части, друг семьи Юсуповых и Сумароковых-Эльстон 404
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897), историк, публицист, академик Петербургской Академии наук 410
- Бисмарк фон Шенгаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь, немецкий государственный деятель; в 1859–1862 гг. — прусский посланник в Петербурге, с 1862 г. — министр-президент и министр иностранных дел, в 1871–1890 гг. — первый рейхсканцлер Германской империи 80, 104, 123–126, 128–130, 133, 178, 194, 230, 239
- Блудова Антонина Дмитриевна (1812–1891), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны 92
- Боборыкин Фёдор Николаевич, полковник, командир Крымского кавалерийского дивизиона 176
- Богданов, устроитель школы в Батуме 114
- Богдановский Евстафий Иванович (1833–1888), хирург, доктор медицины, с 1869 г. — ординарный профессор по кафедре хирургии и заведующий госпитальной клиникой военно-сухопутного госпиталя 167, 168
- Боресков Михаил Матвеевич (1829–1898), генерал-лейтенант, военный инженер; в 1854–1855 гг. — руководил работами по заграждению Дуная и Буга подводными минами; в 1877–1878 гг. — заведующий минной частью действующей армии на Дунае; в 1884–1891 гг. — председатель Комиссии по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям; в 1886–1898 гг. — заведующий электротехнической частью инженерного ведомства 209
- Борисенко, садовник в имении Д.А. Милютина в Симеизе 161
- Боромеи (Борромео), миланский графский род 308
- Боткин Сергей Петрович (1832–1889), врач-терапевт, тайный советник; с 1872 г. — академик Петербургской медико-хирургической академии, с 1870 г. — почетный лейб-медик; с 1875 г. — лейб-медик; с 1878 г. — председатель Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова 35, 115, 162, 163, 165, 167, 168, 193, 403
- Бранденбург Николая Ефимович (1839–1903), генерал-лейтенант (1896), археолог и военный историк; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1872 по 1903 г. — заведующий Артиллерийским историческим музеем в Петербурге 398
- Брок Николай Петрович (1839–1919), генерал от инфантерии; с 1862 г. — адъютант при военном министре, с 1869 г. — чиновник особых поручений при военном министре, с 1875 г. — командир лейб-гвардии Московского полка, в 1877–1880 гг. — командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1884–1897 гг. — начальник Варшавского жандармского округа 116
- Бронн Генрих, российский консул в Порт-Саиде 271, 285

- Буланже (Boulanget) Эрнест Жан Мари (1837–1891), французский генерал, политический деятель; в 1886 г. — военный министр 240, 333
- Бунге Николай Христианович (1823–1895), ученый-экономист; академик Петербургской Академии наук (1890); действительный тайный советник (1885); в 1859–1862, 1871–1875, 1878–1880 гг. — ректор Киевского университета Св. Владимира, с июля 1880 г. — товарищ министра финансов, с мая 1881 г. — управляющий Министерством финансов, в 1882–1886 г. — министр финансов; с 1887 г. — председатель Комитета министров и член Государственного совета 35, 166, 193
- Бутеневы 403, 404, 407
- Вагнер Владимир Александрович (1849–1934), доктор зоологии, профессор общей биологии и сравнительной психологии, приват-доцент Московского и Петербургского университетов 255
- Валуев Пётр Александрович (1815–1890), граф (1880), действительный тайный советник (1866); в 1861–1868 гг. — министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. — министр государственных имуществ; в 1879–1881 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 169, 219, 408, 409
- Ванновский Пётр Семёнович (1822–1904), генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); в 1868–1871 гг. — начальник 12-й пехотной дивизии, в 1871–1876 гг. — начальник 33-й пехотной дивизии, в 1876 г. — командующий 12-м армейским корпусом, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с мая 1881 г. — управляющий Военным министерством, в 1882–1897 гг. — военный министр, в 1901–1902 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 27, 30–33, 44, 81, 189, 190, 193, 199, 216, 327, 328, 397, 417, 424
- Василевский Алексей Петрович (1841–1893), действительный статский советник, юрист; в 1885–1891 гг. — эстляндский вице-губернатор 214
- Васильчиков Александр Алексеевич (1832–1890), тайный советник, гофмейстер; с 1879 по 1889 г. — директор Императорского Эрмитажа; в 1882–1886 гг. — председатель Императорской Археологической комиссии 61, 158, 234–235
- Васильчиков Пётр Алексеевич (1829–1898), князь, камергер, с 1851 г. на гражданской службе, чиновник II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии затем чиновник особых поручений при министре внутренних дел 274, 276
- Веймарн (Людерс-Веймарн) Платон Александрович (1834–1893), генерал-лейтенант, чиновник для особых поручений при военном министре 116
- Вейс Николай Карлович (? — 1894), вице-адмирал; участник обороны Севастополя 1854–1855 гг., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1882–1885 гг. — керчь-еникальский градоначальник, в 1894 — городской голова г. Симферополь 107
- Вердер (Werder) Бернхард Франц (1823–1907), генерал от инфантерии прусской службы; в 1869–1886 гг. — военный атташе германского посольства в Петербурге; с 1886 г. — губернатор Берлина; в 1892–1895 гг. — посол в Петербурге 176, 178
- Верди Джузеппе (1813–1901), итальянский композитор 372
- Вержебицкие, сестры 404, 407, 408, 414–415
- Вержебицкий (?–1889), военный врач 408
- Веронезе (настоящее имя Кальяри) Паоло (1528–1588), итальянский живописец эпохи Возрождения, представитель венецианской школы 299, 301

- Вестман, первый секретарь русского посольства в Константинополе 246, 248, 250–252, 255, 394
- Виктор-Эммануил III, см. *Фердинанд Мария Януарий*, итальянский наследный принц
- Вильгельм I (1797–1888), король Прусский с 1861 г., император Германский с 1871 г. 89, 91, 124, 125, 127, 128, 133, 143, 144, 225, 226
- Вильгельм II (1859–1941), с 1888 по 1918 г. — император Германский и король Пруссии 225, 391, 393, 394
- Вильгельм, принц Прусский, см. *Вильгельм II*
- Вильер де, сестра жены адмирала И.А. Шестакова 212
- Вильер де Лиль Адам Владимир Фердинандович, надворный советник, российский вице-консул в Александрии 257, 259
- Висконти (Visconti), итальянский аристократический дом 300
- Витгентштейн (Зайн-Витгентштейн) Елизавета Павловна, княгиня, бывшая Эйлер 193, 412
- Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, третий сын императора Александра II; генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872); в 1874–1880 гг. — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 12-го армейского корпуса, с 1881 г. — командующий, с 1884 по 1905 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1876 г. — президент Академии художеств, член Государственного совета 61, 63, 193
- Владимир Святославович (? — 1015), киевский князь, принявший в 988 г. христианство и крестивший Русь 401
- Вогюэ, виконт 341
- Волков П.К. 193
- Волконский, князь, владелец виллы в Риме 356
- Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), князь, тайный советник, статс-секретарь, обер-гофмейстер, крупный землевладелец; в 1849 г. поступил на службу в Главное управление Восточной Сибири; с 1854 г. — чиновник особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири; с 1856 г. — чиновник канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов; в 1863–1864 гг. — член Комиссии для составления проектов законоположений о преобразовании судебной части; с 1876 по 1880 г. — попечитель Петербургского учебного округа; с 1882 по 1896 г. — товарищ министра народного просвещения; с 1885 г. — сенатор; с 1896 г. — член Государственного совета 57, 58
- Вонлярярский Николай Михайлович (1846–1906), полковник, с 1875 по 1883 г. — адъютант военного министра, с 1902 г. — командир 5-го армейского корпуса 49, 73, 78, 116
- Воронцов Семён Михайлович (1823–1882), светлейший князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1856); в 1863–1867 гг. — городской голова Одессы; в 1877–1878 г. — командир 10-го армейского корпуса 35, 151
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875); с 1861 г. — адъютант великого князя Александра Александровича, в 1867–1872 гг. — командир лейб-гвардии Гусарского Е. В. полка, с 1874 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник кавалерии Русшукского отряда, в 1881–1897 гг. — главноуправляющий государственным коннозаводством и министр Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. — кавказский наместник и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа; член Государственного совета 48, 55, 61, 176, 178, 424

- Воронцов-Шувалов, см. *Шувалов* Павел Андреевич, светлейший князь
- Воронцовы, русский княжеский род 390
- Воронцовы-Дашковы, семья 151
- Врангель Андрей Львович (1822 — ?), барон, с 1879 г. — городской голова Ялты 36, 232
- Всеволожская Наталья Павловна, урожденная Саломирская, жена А.Н. Всеволожского 52, 121
- Всеволожский Андрей Никитич (1840—1893), действительный статский советник (1881), камергер (1878); с 1871 г. — чиновник особых поручений при Министерстве путей сообщения, с 1873 г. — при Министерстве внутренних дел, с 1876 г. — нижегородский вице-губернатор, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в 1881—1889 гг. — таврический губернатор 35, 52, 103, 121, 209, 215
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), действительный тайный советник (1890); инженер, предприниматель; с 1862 г. — профессор механики Петербургского технологического института, с 1865 г. — профессор по практической механике Михайловской артиллерийской академии, с 1875 по 1880 г. — директор Петербургского технологического института, с 1887 г. — управляющий Министерством финансов, в 1888—1892 гг. — министр финансов; член Государственного совета 208, 241
- Вяземские 220, 224
- Вяземский Леонид Дмитриевич (1848—1909), князь, генерал от кавалерии (1906), флигель-адъютант; с 1871 г. — полковой адъютант лейб-гвардии Гусарского полка, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — командующий 2-й бригадой болгарского ополчения, в 1888—1890 гг. — астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска, в 1890—1892 гг. — управляющий Департаментом уделов Министерства императорского двора, в 1892—1899 гг. — начальник Главного управления уделов; член Государственного совета 424, 426
- Габсбург-Лотарингские, династия, правившая в Австрии до 1918 г. 223
- Гавриил-паша, с 1884 г. — генерал-губернатор Восточной Румелии 166
- Гагарин, князь 169
- Гагарин Николай Владимирович (1830—1886), князь, генерал-лейтенант; во 2-й половине 1850-х гг. — адъютант начальника Главного штаба Кавказской армии, затем чиновник для особых поручений при военном министре 116
- Гагарина Анастасия Александровна, княгиня 418, 419
- Гаевский, главный директор Русского общества пароходства и торговли на Черном море 210
- Галаган Григорий Павлович (1819—1888), тайный советник (1874); в 1859—1860 гг. — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1861—1863 гг. — член Черниговского по крестьянским делам присутствия, в 1863 г. — вице-президент Временной комиссии при киевском генерал-губернаторе по вопросу об обязательном выкупе и поземельном устройстве крестьян, в 1865—1869 гг. — полтавский и черниговский губернский гласный, в 1871—1881 г. — прилуцкий уездный предводитель дворянства, в 1881 г. участвовал в совещании по питейному и переселенческому вопросам, в 1882 г. — председатель совещания по переселенческому вопросу; с 1882 г. — член Государственного совета 25
- Галахов Александр Дмитриевич (1807—1892), историк литературы и писатель; с 1856 г. возглавлял кафедру русской словесности Николаевской академии Генерального штаба, с 1868 г. — член-корреспондент Петербургской Академии наук 48

- Гамбургер (Амбургер) Андрей Фёдорович (1821—1899), тайный советник, статс-секретарь; чиновник для особых поручений при министре иностранных дел; в 1870—1879 гг. — директор Департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, в 1879—1896 гг. — посол в Швейцарии; с 1871 г. — вице-президент Русского исторического общества 306, 309, 319
- Гарфорт (Гардфорд), в 1880-е гг. — британский консул в Севастополе, затем британский консул на Канарских островах и в Новой Каледонии 151
- Гейден Дмитрий Фёдорович (1862—1926), граф, действительный статский советник (1910), камергер, офицер Генерального штаба, с 1898 г. в отставке; в 1897—1898 гг. — предводитель дворянства Винницкого уезда; в 1-ю мировую войну дежурный генерал 8-й армии; младший сын Ф.Л. Гейдена 56, 73, 102—104, 188
- Гейден Елизавета Николаевна (1833—1894), урожденная графиня Зубова, жена графа Ф.Л. Гейдена 73, 190
- Гейден Мария Фёдоровна (1863—1939), графиня, в замужестве Шереметева, дочь графа Ф.Л. Гейдена 79, 102
- Гейден Николай Фёдорович (1856—1918), граф, генерал-лейтенант (1906); в 1878—1886 гг. — адъютант военного министра, в 1886—1897 гг. — чиновник для особых поручений военного министра, в 1897—1908 гг. — штаб-офицер для поручений при нем; сын графа Ф.Л. Гейдена 103, 116, 420
- Гейден Ольга Фёдоровна (1864—1917), графиня, дочь графа Ф.Л. Гейдена 99, 102, 103
- Гейден Фёдор Логгинович (1821—1900), граф, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1862); с 1856 г. — начальник штаба Гренадерского корпуса, с 1861 г. — дежурный генерал Главного штаба, в 1866—1881 гг. — начальник Главного штаба и председа-
- тель Военно-ученого комитета, в 1881—1897 гг. — финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа; член Государственного совета 56, 78, 79, 87, 94, 96, 99, 102, 103, 417
- Гейдены, графы 79, 87, 94, 96, 99
- Гельбих (Helbig), директор Германского археологического института в Риме 354, 355, 363
- Гельбих Надежда Дмитриевна, урожденная княгиня Шаховская, жена Гельбиха 355, 358
- Гендриков Василий Александрович (1857—1912), граф; с 1876 г. — корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка; в 1884 г. вышел в отставку в чине штаб-ротмистра; с 1889 г. — церемониймейстер; с 1896 г. — гофмейстер, состоял при императрице Александре Фёдоровне; с 1900 г. — обер-церемониймейстер 116
- Георг I (1845—1913), сын короля Дании Христиана IX, с 1867 г. муж великой княгини Ольги Константиновны, греческий король с 1863 г. 230, 392
- Георгий Александрович (1871—1899), великий князь, сын императора Александра III; лейтенант флотского полужюнкера; с 1894 по 1899 г. — наследник престола 177, 181
- Герасимов Фёдор Дмитриевич, капитан парохода «Корнилов» 285
- Герман Бернгард Георг (1825—1901), принц Саксен-Веймарский 85
- Гернгрос Николай Александрович (1825—1900), действительный тайный советник (1883), сенатор (1863); в 1859—1865 гг. — директор 1-го департамента Министерства государственных имуществ, в 1862—1865 гг. — товарищ министра государственных имуществ, с 1885 г. в отставке; вице-председатель Совета Главного общества российских железных дорог 116
- Гершельман Дмитрий Фёдорович (1881—?), внук Д.А. Милютин 190, 191, 193, 227, 229

- Гершельман Константин Иванович (1825–1898), генерал-адъютант (1876), генерал от инфантерии (1895); с 1864 г. — помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1876–1880 гг. — командир 24-й пехотной дивизии; член Главного комитета по устройству и образованию войск; отец Ф.К. Гершельмана 191, 193
- Гершельман Наталия Фёдоровна, внучка Д.А. Милютинина, в замужестве Потоцкая 190, 191, 193, 227, 229
- Гершельман Фёдор Константинович (1853–1918), генерал от кавалерии (1911); военный писатель; в 1877 г. причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб 14-го армейского корпус; в 1879–1880 гг. — помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; с 1880 г. — штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе; с 1881 г. — начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища; в 1885–1891 гг. — начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища; с 1891 г. командир 38-го драгунского Владимирского полка; с 1893 г. — начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска; в 1898–1901 гг. — кутаисский военный губернатор; с 1901 г. — начальник штаба Варшавского военного округа; в 1905–1912 гг. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; член Военного совета; с 1916 член Верховного военно-уголовного суда; с 1917 в отставке; муж Е.Д. Милютинной 23, 67, 68, 71, 190, 196, 233
- Гершельман Юлия Константиновна, сестра Ф.К. Гершельмана 227, 229
- Гершельманы, семья 73, 190
- Гильденштуббе Александр Иванович (1800–1884), генерал от инфантерии (1863), генерал-адъютант (1859); с 1855 г. — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1862 г. — командир отдельного гренадерского корпуса, с 1864 г. — командир 3-го резервного корпуса и командующий войсками Московского военного округа; член Государственного совета 135, 136
- Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), сенатор (1875); с 1875 г. — товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом; с 1882 г. — министр иностранных дел; член Государственного совета 84, 87, 89–91, 122, 126, 128–130, 133, 134, 178, 179, 181, 194, 208
- Гладстон Вильям Юарт (1809–1898), член парламента Великобритании, лидер Либеральной партии; в 1852–1855, 1859–1866 гг. — министр финансов; в 1868–1874, 1880–1885, 1892–1894 гг. — премьер-министр Великобритании 160, 161
- Глиноецкий Николай Павлович (1830–1892), генерал-лейтенант (1883), военный историк и статистик; с 1856 г. — адъюнкт-профессор, затем профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1877 г. — начальник штаба 1-го армейского корпуса, с 1883 г. — командир 23-й пехотной дивизии, с 1888 г. — 13-й пехотной дивизии; постоянный сотрудник журнала «Военный сборник» 402
- Глуховский Александр Иванович (1838–1912), генерал-лейтенант (1890); с 1866 г. — офицер Генерального штаба при штабе Оренбургского военного округа, с 1879 по 1883 г. возглавлял экспедицию по исследованию Узбоя (старого русла р. Амударья) 216
- Голенищевы-Кутузовы, графини Аглаида и Мария Васильевны 179
- Голенко, дочери К.П. Голенко 133
- Голенко Константин Петрович (1823–1884), капитан 1-го ранга (1867); с 1854 г. — командир транспорта «Буг», во время обороны Севастополя в

- 1855 г. — командир 3-го бастиона, с 1857 по 1860 г. — командир парохода «Таврида» торгового флота, с 1861 по 1866 г. — мировой посредник по Островскому уезду Псковской губернии, с 1872 г. — управляющий г. Павловск и заведующий мызой Стрельна, затем управляющий делами великого князя Константина Николаевича 36, 58, 100, 133
- Голицын Александр Николаевич (1773—1844), действительный тайный советник 1-го класса (1841), статс-секретарь (1803), действительный камергер; в 1803—1817 гг. — обер-прокурор Св. Синода, в 1817—1824 гг. — министр духовных дел и народного просвещения, с 1819 г. — главноначальствующий над Почтовым департаментом Министерства внутренних дел, с 1830 г. — канцлер российских орденов; с 1842 г. в отставке; с 1810 г. — член Государственного совета 219
- Голицын Лев Сергеевич (1845—1915), князь, владелец крупных имений в Крыму (Новый Свет, под Судак) и в Закавказье; знаменитый русский винодел; с 1889 г. — вице-председатель экспертного комитета на конкурсе вин во Франции; с 1891 г. — заведующий удельным виноделием и виноградарством 199
- Голицына, княгиня 243, 399
- Голицына Мария Сергеевна (1830—1892), княгиня, урожденная Сумарокова, жена князя Н.М. Голицына 426, 427
- Голицыны, князья 218
- Головнин Александр Васильевич (1821—1886), действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1859); с 1850 г. — личный секретарь великого князя Константина Николаевича; в 1852—1854 гг. — старший чиновник особых поручений при начальнике Главного морского штаба; в 1861 г. — управляющий Министерством народного просвещения; в 1862—1866 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 25, 26, 28, 29, 31—37, 40, 41, 46, 56, 58, 65, 75, 77, 99, 100, 102, 122, 131, 133, 134, 136, 139, 143, 159, 172, 176, 186, 190, 193, 194, 197—199, 204
- Гончарова 35
- Гончарова Мария Александровна (1849—1925), урожденная Озерова, жена А.И. Гончарова 44, 99
- Горбунов Николай Павлович, до 1882 г. — управляющий императорским именем Ливадия 48, 52, 80
- Горбуновы, семья 78, 97, 190, 196
- Горлов Александр Павлович (1830—1905), генерал-лейтенант; в 1868 г. — военный агент в США, с 1873 г. — военный агент в Лондоне, с 1873 г. — российский военный агент в Лондоне, с 1882 г. — инспектор местных арсеналов, изобретатель военного оружия; с 1886 г. в отставке 420
- Горлов Михаил Павлович, управляющий делами Кавказского комитета 420
- Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), светлейший князь (1871), канцлер иностранных дел (1867); в 1856—1882 гг. — министр иностранных дел; член Государственного совета 75, 76, 124—126, 128, 134, 135, 181, 183
- Горяинов Алексей Алексеевич (1840 — после 1914), генерал от кавалерии; в 1866—1877 гг. — флигель-адъютант императора Александра II и одновременно адъютант военного министра, с 1878 г. — в Генеральном штабе; член Совета министра внутренних дел 116, 153
- Гочкисс (Hotchkiss) Веньямин (1828—1885), американский техник и фабрикант оружия, изобретатель скорострельных пушек 340
- Граве Александр Иванович, контр-адмирал, начальник порта в Батуме 110, 112, 113
- Грибодов Александр Сергеевич (1795—1829), русский дипломат, государственный деятель, поэт, писатель 258

- Гризи Джулия (1811–1869), итальянская певица; в 1870-х гг. выступала в Петербурге 339
- Гримм Давид Иванович (1823–1898), академик, архитектор; член Военно-инженерного комитета; в 1890-х гг. — главный архитектор Высочайшего двора 277
- Грот Александра Николаевна (?–1891), урожденная Юханцова, в первом браке Мухортова, жена К.К. Грота 86
- Грот Константин Карлович (1815–1897), действительный тайный советник (1879); статс-секретарь (1863); в 1877–1879 гг. — председатель Особой комиссии при Государственном совете для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и наказаниях; в 1881–1882 гг. — председатель Совета по тюремным делам; в 1882–1884 гг. — главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам ведомства учрежденный императрицы Марии; член Государственного совета 32, 65, 86, 87, 92, 193, 243
- Губонин Пётр Ионович (1825–1894), крупный железнодорожный предприниматель; владелец дома в Урзуфе 116
- Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907), генерал от инфантерии (1906); с 1881 г. — экстраординарный, с 1890 г. — заслуженный ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1884 г. — и. д. помощника начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1891–1893 гг. — помощник управляющего Департаментом уделов, в 1893–1899 гг. — управляющий Кабинетом Е. И. В.; с 1900 г. — член Государственного совета 227
- Гудим-Левкович Сергей Николаевич, камергер, действительный статский советник, в 1881–1885 гг. — киевский губернатор 98
- Гудим-Левковичи 418
- Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал (1894), генерал-адъютант (1877); с 1869 г. — командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, с 1875 г. — командующий 2-й гвардейской кавалерийской дивизией; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командующий войсками гвардии, в 1879–1880 гг. — помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа и временный петербургский генерал-губернатор; в 1882–1883 гг. — командующий войсками Одесского военного округа и временный одесский генерал-губернатор; в 1883–1894 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, член Государственного совета 166, 227
- Давыдов Алексей Петрович (1838–1885), действительный статский советник, камергер; с 1879 г. — генеральный консул в Софии, с 1883 г. — генеральный консул в Египте 104
- Дадиан-Мингрельский Николай Давидович (1847–1889), князь, генерал-майор, флигель-адъютант; в 1853–1857 гг. — наследник мингрельского престола при регентстве матери — княгини Екатерины Дадиан; в 1868 г. отказался от прав владетельного князя Мингрелии 194
- Даниель, владелец отеля в Венеции 297, 298
- Данилевская Ольга Александровна (1838–1909), урожденная Межанова, жена Н.Я. Данилевского 172, 184, 197, 244, 419
- Данилевские, семья 172
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), естествоиспытатель, философ, публицист, идеолог панславизма 66, 106, 171, 172, 184, 197
- Данилович Григорий Григорьевич (1825–1906), генерал от инфантерии (1892), генерал-адъютант (1881); в

- 1863—1866 гг. — директор 2-го кадетского корпуса, в 1866—1877 гг. — директор 2-й петербургской военной гимназии, с 1877 г. — член Главного военно-учебного комитета, с 1881 г. — воспитатель и попечитель наследника Николая Александровича и великого князя Георгия Александровича 134, 176—178
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт 350
- Дараган, подруга баронессы Толь 412
- Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель, создатель дарвинизма 171
- Делянов Иван Давидович (1818—1897), граф, действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1867), сенатор (1865); в 1858—1861 и 1862—1866 гг. — попечитель Петербургского учебного округа, в 1861 г. — директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, в 1861—1882 гг. — директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, в 1866—1874 гг. — товарищ министра народного просвещения, в 1882—1897 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 32, 58, 65, 88, 137, 142, 146, 219
- Демидов Анатолий Николаевич (1812—1870), князь Сан-Дonato, предприниматель, владелец уральских заводов, меценат, благотворитель 348
- Демидов Николай Никитич (1773—1828), предприниматель, владелец уральских заводов, дипломат; с 1810 г. — русский посланник во Флоренции 348
- Демме Иван Иванович, капитан парохода «Царь» 255
- Денмур (Dunmow), шотландский лорд, знакомый Д.А. Милютина 390
- Депретис (Depretis) Агостино (1813—1887), итальянский государственный деятель, в 1876—1887 гг. (кроме 1879—1881 гг.) — министр-президент 353
- Деспот-Зенович Станислав Иванович (1835—1900), действительный статский советник (1873); в 1879—1894 гг. — бакинский городской голова 117
- Джотто ди Бондоне (1266 или 1267—1337), флорентийский живописец и архитектор 349
- Диан Алексей Николаевич, мировой судья в Одессе 416, 417
- Дильон Артур, граф, французский политический деятель 333
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (243 — между 313 и 316), римский император с 284 по 305 г. 353
- Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич (1838—1898), жанровый и батальный живописец 193
- Догель Иван Михайлович (1830—1916), фармаколог; с 1869 г. — профессор фармакологии Казанского университета 321
- Догель, сын И.М. Догеля 321
- Долгорукая Екатерина Михайловна (1846—1922), княжна, светлейшая княгиня Юрьевская, с 1880 г. в морганатическом браке с императором Александром II 36, 37, 40, 50, 61
- Долгорукий, князь, брат Е.М. Долгорукой 50
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, генерал-адъютант (1855), генерал от кавалерии (1867); в 1856—1891 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 73, 89
- Долгоруков Николай Сергеевич (1840—1913), князь, флигель-адъютант, генерал-адъютант (1896), генерал от инфантерии (1906); с 1876 г. — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, с 1879 по 1886 г. состоявший при германском императоре, с 1886 по 1889 г. — российский посланник в Персии 128
- Долгоруковы, граф и графиня 410
- Домонтович Константин Иванович (1820—1889), сенатор, тайный совет-

- ник; с 1842 г. — чиновник Министерства государственных имуществ, с 1859 г. — помощник статс-секретаря, в 1865—1874 гг. — директор Департамента окладных сборов Министерства финансов 87, 243
- Домонтович Михаил Алексеевич (1830—1902), генерал-лейтенант, впоследствии генерал от инфантерии (1898); с 1876 г. — правитель канцелярии заведующего гражданской частью при главнокомандующем армией, в июле-октябре 1877 г. — исполняющий должность тырновского губернатора, в 1878—1879 гг. — управляющий делами Совета управления Болгарии и директор канцелярии российского комиссара в Болгарии; с 1896 г. — член Военного совета 215, 216, 242, 243
- Донателло (Donatello) (настоящее имя Донато ди Никколо ди Бетто Барди (ок. 1386—1466), флорентийский скульптур 349
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1869); с 1869 по 1878 г. — киевский генерал-губернатор; в 1877—1878 гг. — командующий 13-го армейского корпуса; с апреля 1878 г. — императорский комиссар в Болгарии, с февраля 1879 г. — командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии; с февраля 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, с января 1881 г. — временный одесский генерал-губернатор, с 1882 по 1890 г. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа 26, 63, 144, 235, 243
- Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), генерал от инфантерии (1891); в 1863—1869 гг. — профессор Николаевской академии Генерального штаба, в 1864—1867 гг. одновременно — начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1869—1873 гг. — начальник штаба Киевского военного округа, в 1873—1877 гг. — командир 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба, в 1889—1903 гг. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1898—1903 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; с 1903 г. — член Государственного совета 209, 212
- Дрентельн Александр Романович (1820—1888), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867); с 1872 г. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1878—1880 гг. — шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — начальник военных сообщений армии, действовавшей на балканском театре военных действий, в 1880 г. — временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, с 1881 г. — киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; член Государственного совета 98, 111
- Дуброво Илья Иванович (1843—1883), московский врач 94, 97
- Дурново Иван Николаевич (1834—1903), действительный тайный советник (1890), статс-секретарь (1885), сенатор (1883); с 1870 г. — екатеринославский губернатор, с 1882 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1889—1895 гг. — министр внутренних дел, с 1895 г. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 137
- Дурново Пётр Николаевич (1844—1915), действительный тайный советник (1906), статс-секретарь (1906); с 1881 г. — управляющий судебным отделом Департамента полиции, в 1884—1893 гг. — директор Департа-

- мента полиции, в 1900–1905 гг. — товарищ министра внутренних дел, с января по апрель 1906 г. — министр внутренних дел; с 1906 г. — член Государственного совета 208
- Дюма Александр (Dumas Alexandre, риге) (1802–1870), французский писатель 338
- Евгения-Мария Монтихо (1826–1920), испанская графиня Тебо; с 1853 г. — супруга императора Наполеона III 263, 264
- Евреинов Леонид Дмитриевич (1847–?), генерал от инфантерии (1914); в 1870 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба, с 1881 г. — делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1890 г. — управляющий имением Массандра, с 1891 г. — Ливадско-Массандровским удельным управлением, с 1892 г. — имением Е. И. В. Ливадия, с 1904 по 1917 г. — почетный опекун Совета учреждений ведомства императрицы Марии по Петербургскому присутствию 424, 427
- Евреинов Николай Петрович, штабс-капитан, адъютант Д.А. Милютина 116
- Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны; с 1851 г. — замужем за герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким 79, 188, 189, 216
- Елена Георгиевна (1857–1936), герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, с 1891 г. замужем за принцем Альбертом Саксен-Альтенбургским 188
- Елена Павловна (1806–1873), великая княгиня, урожденная Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская, с 1824 г. — супруга великого князя Михаила Павловича 135, 183
- Елизавета Маврикиевна (1865–1927), великая княгиня, урожденная принцесса Елизавета Августа Мария Агнес Саксен-Альтенбургская; с 1884 г. замужем за великим князем Константином Константиновичем 185
- Елизавета Фёдоровна (1864–1918), великая княгиня, урожденная принцесса Елизавета Александра Луиза Гессен-Дармштадская; с 1884 г. замужем за великим князем Сергеем Александровичем 176, 177
- Еранцев Фёдор Николаевич, в 1880-х гг. — севастопольский городской голова 137, 184, 189
- Ермак Тимофеевич (?–1585), казачий атаман, в 1582–1585 г. — предводитель похода в Сибирь, положившего начало завоеванию Сибири 157
- Жданов Евгений Александрович (1839–1892), геодезист и картограф, генерал-лейтенант; с 1870 г. возглавлял астрономо-геодезические работы в Бессарабии, в 1886–1892 гг. — начальник кавказского военно-топографического отдела 416
- Жилинский Иосиф Ипполитович (1834–1916), генерал от инфантерии; в 1873–1903 гг. — начальник Западной экспедиции по осушению Пинских болот, с 1875 г. — начальник триангуляционных работ в Полесье, с 1877 г. — член Военно-ученого комитета, в 1894–1909 гг. — управляющий Отделом земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1895 г. — начальник экспедиции по осушению и мелиоративному и водохозяйственному обустройству Барабинской низменности 113
- Житков, инженер-капитан 58
- Жомини Александр Генрихович (1814–1888), барон, действительный тайный советник, статс-секретарь; в 1856–1888 гг. — старший советник Министерства иностранных дел, в 1875 г. в течение 7 месяцев управлял

- Министерством иностранных дел; в 1879–1880 гг. — товарищ министра иностранных дел 39, 75, 76, 90, 122, 125–131, 133, 136, 161, 184, 185, 191
- Журавлев Аркадий Аркадьевич, владелец имения в Крыму 418
- Забелин Иван Егорович (1820–1909), историк, археолог; в 1879–1888 гг. — председатель Общества истории и древностей российских; товарищ председателя, с 1904 г. — управляющий Императорским Российским историческим музеем 414
- Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфеньевич (1808–1881), экономист, статистик, писатель, действительный тайный советник (1877); в 1856–1859 гг. — директор Департамента земледелия Министерства государственных имуществ, в 1859–1860 гг. — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, с 1859 г. — член Совета министра государственных имуществ, председатель Ученого комитета того же министерства, в 1863–1867 гг. — статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета, управляющий делами Департамента государственной экономии Государственного совета, с 1875 г. — член Департамента государственной экономии Государственного совета 204, 205, 207
- Зафиропуло Илья Иванович, с 1881 г. — ялтинский исправник 36, 74
- Здекауер Николай Фёдорович (1815–1897), действительный тайный советник, лейб-медик (1860); с 1863 г. — заслуженный профессор и почетный член Петербургской медико-хирургической академии, в 1884–1889 гг. — председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел 198
- Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917), действительный тайный советник (1895); в 1876–1883 гг. — посланник России в Персии, с 1883 г. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1891 г. — посланник в Стокгольме, в 1897–1909 гг. — посланник в Константинополе; с 1909 г. — член Государственного совета 90, 96
- Зиновьевы, мать и дочь 153
- Зиссерман (Зюсерман) Арнольд Львович (1824–1897), военный историк 420, 421, 427
- Зуров Александр Елпидифорович (1837–1902), генерал от кавалерии; с 1861 г. — адъютант начальника Генерального штаба, в 1867–1870 гг. — офицер по особым поручениям при начальнике Генерального штаба, в 1870–1878 гг. — гродненский губернатор, в 1878–1880 гг. — петербургский градоначальник, с 1880 г. служил в Министерстве внутренних дел, в 1889–1899 гг. — управляющий Петербургским воспитательным домом 190
- Зыков Сергей Павлович (1830–1917), генерал-майор, военный писатель; в 1865–1868 гг. — редактор газеты «Русский инвалид», с 1878 г. — начальник штаба морской и береговой обороны Кронштадта, с 1875 г. — редактор журнала «Досуг и дело», в 1894–1897 и 1904–1907 гг. — редактор журнала «Русская старина»; член Военно-ученого комитета Главного штаба 116
- Ибрагим-паша (1789–1848), вице-король Египта, приемный сын Мегмета-Али, правителя Египта 269
- Иванов, пасынок Б.А. Милютина, офицер лейб-гвардии Финляндского полка 175
- Иванов Александр Фёдорович, коллежский регистратор, секретарь русского генерального консула в Каире 261, 262, 269
- Иванов Иван Александрович, драгоман русского посольства в Стамбуле 246, 250, 251, 253, 254, 394

- Иванов Иван Фёдорович, агент Русского общества пароходства и торговли 286, 287
- Иванов Фёдор Фёдорович, агент Русского общества пароходства и торговли в Александрии 257, 259, 285
- Иванюков Иван Иванович (1844—1912), историк 188, 189
- Игнатъев Николай Павлович (1832—1908), граф (1877), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1882); в 1861—1864 гг. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции, в 1867—1877 гг. — посол в Турции, в 1879—1880 гг. — временный (на период ярмарки) нижегородский генерал-губернатор, в марте—мае 1881 г. — министр государственных имуществ, с мая 1881 г. по май 1882 г. — министр внутренних дел; член Государственного совета 32, 35, 40, 42, 46, 48, 55, 57, 58, 127, 181, 187, 190
- Измаил-паша (1830—1895), в 1863—1879 гг. — правитель Египта, с 1867 г. — хедив 259, 261—263, 270, 272
- Илларионов Николай Александрович, статский советник, российский генеральный консул в Смирне 255
- Ильин Алексей Афиногенович (1834—1889), генерал-лейтенант (1888); старший начальник распорядительного отделения при Главном управлении Генерального штаба для особых поручений, затем чиновник особых поручений при начальнике Главного штаба; в 1864 г. основал издательство «Картографическое заведение А. Ильина» 209
- Имеретинский (Багратион-Имеретинский) Александр Константинович (1837—1900), светлейший князь (1865), генерал от инфантерии (1891), генерал-адъютант (1878); с 1873 по 1875 г. — начальник штаба Варшавского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — начальник 2-й пехотной дивизии, затем начальник штаба действующей армии, с 1879 по 1881 г. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1880 г. — член Верховной распорядительной комиссии, с 1881 по 1891 г. — начальник Главного военно-судного управления и главный военный прокурор, с 1897 г. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; с 1892 г. — член Государственного совета 31, 32
- Ина, см. *Мордвинова А.С.*
- Иностранцев Александр Александрович (1843—1919), геолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук, с 1873 г. — профессор Петербургского университета, основатель Геологического музея и геологического кабинета при Петербургском университете 429
- Иоанн Константинович (1886—1918), князь, сын великого князя Константина Константиновича 186
- Иолшин, полковник, командир Пензенского пехотного полка 121
- Ионин Александр Семёнович (1837—1900), путешественник, дипломат; с 1878 г. — министр-резидент в Черногории, в 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, с 1883 по 1892 г. — чрезвычайный посол и полномочный министр в Бразилии, с 1897 по 1900 г. — посланник в Швейцарии 104
- Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1865); в 1859—1863 гг. — попечитель Московского учебного округа, в 1863—1881 гг. — начальник Главного управления военно-учебных заведений; с 1881 г. — член Государственного совета 25, 27, 79, 424, 426, 430
- Исакова Анна Петровна (?—1910), урожденная Лопухина, жена Н.В. Исакова 424, 426

- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), юрист, философ, публицист; профессор Московского (1844–1848) и Петербургского (1857–1861) университетов, с 1882 г. — президент Вольного экономического общества 27, 28, 65, 133–136, 159, 160
- Кази Михаил Ильич (1839–1896), капитан 1-го ранга; служавший Русского общества пароходства и торговли; с 1876 по 1892 г. — директор Балтийского завода 36
- Калогераки И., российский консульский агент в Патрасе 293
- Кальноки (Kalnoky) Густав Зигмунд фон (1832–1898), граф, австро-венгерский государственный деятель, дипломат; в 1881–1895 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии 130
- Канова Антонио (1757–1822), итальянский скульптор 305
- Капгер Александр Христианович (1812–1876), генерал-лейтенант, сенатор (1860); в 1852–1857 гг. — начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории, в 1858–1860 гг. — тифлисский военный губернатор; в 1861 г. провел ревизию в Калужской губернии, в 1862–1863 гг. — Владимирской губернии 415
- Капгер Антонида Николаевна, урожденная Медем, жена А.Х. Капгера 415
- Капнист, графиня 414
- Капнист Василий Алексеевич (1838 — ?), граф, действительный статский советник, в 1893 г. — харьковский уездный предводитель дворянства 411
- Капнист Дмитрий Алексеевич (1837–1904), граф, тайный советник, сенатор, камергер; с 1881 г. — старший советник Министерства иностранных дел, в 1891–1897 гг. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел 90, 411, 415
- Капнист Пётр Иванович (1830–1898), публицист, драматург, поэт, цензор 241
- Каракалла (186–217), римский император с 211 г. 356, 357
- Карамзина Елизавета Николаевна (1821–1891), дочь Н.М. Карамзина, фрейлина 99
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель и редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887) и журнала «Русский вестник» (1856–1887) 24, 25, 32, 44, 47, 53, 55, 58, 77, 100, 102, 131, 137, 139, 146, 147, 208, 209
- Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929), барон, инженер-генерал, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, почетный член Петербургской Академии наук, исследователь Средней Азии; с 1869 г. — старший адъютант штаба войск Семиреченской области, с 1870 г. состоял для особых поручений при штабе Туркестанского военного округа, в 1872–1874 гг. — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, с 1875 г. — начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии, с 1880 г. — командир 1-й кавалерийской бригады 14-й кавалерийской дивизии, в 1882–1883 гг. — военный министр в болгарском правительстве, в 1883–1892 гг. командовал сначала кавалерийской бригадой, затем корпусом, с 1900 г. — командир 2-го Сибирского армейского корпуса, в 1904 г. — командующий войсками Одесского военного округа, в 1904–1905 гг. командовал 3-й и 2-й Маньчжурскими армиями, в 1905–1909 гг. — войсками Одесского военного округа 104
- Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882), инженер-генерал (1875), генерал-адъютант (1864); с 1861 г. — директор канцелярии Военного министерства, в 1865–1866 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1867–1882 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 34, 49

- Кауфман Михаил Петрович, фон (1821–1902), инженер-генерал (1878), генерал-адъютант (1869); с 1860 г. — начальник Николаевской инженерной академии и училища, с 1862 г. — член Особого комитета о преобразовании военно-учебных заведений, Комитета об изменении численности войск, Комитета для составления военно-судебного устава, Комитета по устройству и образованию войск, в 1866–1879 гг. — главный интендант Военного министерства и начальник Главного интендантского управления, в 1879–1882 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части и начальник Главного инженерного управления; с 1882 г. — член Государственного совета; с 1883 по 1898 г. — председатель Главного управления Российского общества Красного Креста 161, 193
- Каяндер (Кояндер), жена А.И. Каяндера 249, 250
- Каяндер (Кояндер) Александр Иванович (1847–1910), тайный советник; с 1875 по 1883 г. — секретарь российской миссии в Пекине, в 1883–1884 гг. — министр-резидент в Черногории, в 1884–1886 гг. — дипломатический агент в Болгарии, в 1886–1902 гг. — российский генеральный консул в Египте, с 1902 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Португалии 249, 261, 262, 265, 266, 269, 270
- Киндяков, офицер Крымского дивизиона, друг А.Д. Милютина 114
- Кирхер Атанасиус (1602–1680), немецкий ученый, иезуит 353
- Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, генерал от инфантерии (1834), генерал-адъютант (1823); в 1837–1856 гг. — министр государственных имуществ, в 1856–1862 гг. — посол во Франции, с 1862 г. — в отставке; член Государственного совета; дядя Д.А. Милютина 96, 135, 183, 190, 194, 199, 203–207
- Клавдий (Тиберий Клавдий Нерон Германик) (10 до н. э. — 54 н. э.), римский император в 41–54 гг. 356
- Клаусен (Клаузен) Эмилий Карлович (1836–1891), главный садовод Никитского ботанического сада в Крыму 161
- Клейнмихель, графиня 421
- Клейнмихель Екатерина Петровна (1843–1925), графиня, урожденная княжна Мещерская, жена графа В.П. Клейнмихеля, владелица имения в Кореизе 35, 44, 99, 147, 170, 399, 407
- Клейнмихель Пётр Андреевич (1793–1869), граф, генерал от инфантерии (1841), генерал-адъютант; в 1816–1842 гг. — директор Департамента военных поселений Военного министерства, в 1842–1855 гг. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями; член Государственного совета 102
- Климентьев Николай Николаевич, чиновник российского консульства в Иерусалиме 276–278, 280–282, 284
- Ковалевский Павел Иванович (1850–1923), профессор психиатрии; с 1889 г. — декан медицинского факультета Харьковского университета, с 1894 г. — ректор Варшавского университета, с 1903 по 1906 г. заведовал кафедрой психиатрии Казанского университета, затем преподавал на юридическом факультете Петербургского университета и работал старшим врачом психиатрического отделения Николаевского военного госпиталя 422, 423, 425, 427
- Коверский Эдуард Аврелиевич, генерал-майор, член Военно-ученого комитета Главного штаба, начальник Геодезического отделения Военно-топографического отдела Главного штаба 217, 430
- Козлянинов Николай Фёдорович (1818–1892), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1841–1847 гг. — командир Кабардинского пехотного

- полка, в 1857–1861 гг. — начальник штаба Отдельного резервного кавалерийского корпуса, в 1861–1864 гг. — командир 5-й кавалерийской дивизии, в 1865–1869 гг. — помощник командующего войсками Киевского военного округа; член Военного совета Главного штаба 56, 59
- Колодеев (Колодзев) Александр Николаевич**, генерал-майор; начальник Батумского артиллерийского склада и исполняющий должность воинского начальника 111, 113
- Комаров Александра Виссарионович** (1830–1904), генерал от инфантерии (1891); с 1878 г. — начальник Кавказского горского управления, в 1883–1890 гг. — начальник и командующий войсками Закаспийской области, в 1885 г. одержал победу над афганцами на р. Кушка 154, 155, 157
- Конзеровская**, тетка сестер Вержбицких 415
- Кони Анатолий Фёдорович** (1844–1927), судебный деятель, писатель, публицист; с 1885 по 1896 г. — обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената; с 1891 г. — сенатор 56, 312, 317, 318, 419, 420
- Кнопаевич**, врач в Оренбурге 72
- Константин Константинович** (1858–1915), великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича; генерал от инфантерии; поэт, переводчик, драматург (писал под псевдонимом «К.Р.»); в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. участвовал в действиях против турецкого флота на Дунае, с 1880 по 1882 г. — командир роты Гвардейского экипажа, с 1883 по 1891 г. — командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку, с 1891 по 1900 г. — командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1900 г. — главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. — генерал-инспектор военно-учебных заведений; с 1889 г. — президент Петербургской Академии наук 66
- Константин Николаевич** (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, генерал-адъютант; с февраля 1855 г. по званию генерал-адмирала на правах министра управлял флотом и Морским министерством; с 1860 г. — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862–1863 гг. — наместник Царства Польского и главнокомандующий войсками в Царстве Польском, в 1865–1881 гг. — председатель Государственного совета 35–37, 40, 43, 46, 47, 49, 53, 55–60, 62–66, 81, 95, 99, 100, 103, 106, 115, 132, 133, 136, 137, 138, 140–143, 145, 146, 154, 155, 157, 159–162, 165–169, 176, 178–180, 182–187, 189, 197–200, 203, 207–210, 212–216, 218, 220, 224, 226–233, 236, 239–242, 252, 312, 318, 333, 396, 397, 399, 412, 423
- Константин Павлович** (1779–1831), великий князь, второй сын императора Павла I 320
- Корреале (Correale)**, итальянские графы 369
- Корф София Алексеевна**, баронесса, урожденная Свистунова, жена А.Н. Корфа 121
- Корф Андрей Николаевич** (1831–1893), барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1879); с 1865 г. — командир 99-го пехотного Ивангородского полка, с 1869 по 1874 г. — командир лейб-гвардии Литовского полка, с 1874 по 1884 г. — командир 13-й пехотной дивизии, с 1884 г. — приамурский генерал-губернатор, с 1887 г. — наказной атаман Приамурских казачьих войск 36, 38, 62, 121, 190, 191
- Косич Андрей Иванович** (1833–1917), генерал-лейтенант (1884); с 1877 г. — начальник штаба 12-го армейского корпуса, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1879 г. — ко-

- мандир 7-й кавалерийской дивизии, с 1880 г. — начальник штаба Киевского военного округа, с 1884 г. в отставке 335
- Котляревский Пётр Семёнович (1782—1851), генерал от инфантерии 163
- Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), граф (1874), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант; в 1856—1859 гг. — начальник штаба 1-й армии, в 1862—1874 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, в 1874—1880 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; в октябре—ноябре 1881 г. — председатель Особой комиссии для обсуждения вопросов, касающихся устройства центрального и высшего местного строевого управления в России; член Государственного совета 30, 31, 132
- Кочубей, графы 203, 241, 243, 399, 403, 404, 407, 415, 430
- Кочубей Василий Аркадьевич (1826—1897), статский советник, камергер 199, 242, 403, 410
- Кочубей Мария Алексеевна (1848—1925), графиня, урожденная Капнист, жена В.А. Кочубея 403, 411
- Кошлаков Дмитрий Иванович, врач 48
- Криспи Франческо (1818—1901), итальянский государственный и политический деятель; в 1887—1891 и 1893—1896 гг. — премьер-министр 370, 372, 373, 377
- Крузе, часовщик в Ялте 416
- Кук Томас (1808—1892), британский предприниматель, в 1841 г. основал первое в мире туристическое агентство 370
- Кумани Михаил Николаевич (1831—1889), контр-адмирал; с 1885 г. — севастопольский градоначальник, с 1886 г. — командир севастопольского порта 190, 210, 244, 245
- Кустаревский (? — 1890), ялтинский уездный предводитель дворянства 424
- Кутузовы, см. *Голенищевы-Кутузовы*
- Кутузов Пётр Аркадьевич (Koutousow Pierre), граф 41
- Кутузова Мария Васильевна (1851—1915), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Фёдоровны 179
- Куц, садовник в имении Симеиз 161
- Лаврентьев Александр Иванович (1830—1894), генерал-майор, военный писатель, в 1872—1892 гг. — редактор журнала «Военный сборник» 56, 103, 116, 193, 217, 290, 328, 347, 353, 362, 365, 417, 419
- Лаврентьева Мальвина Егоровна, урожденная Гельдрейх, жена А.И. Лаврентьева 347, 417
- Лаврентьева Софья Ивановна (1836 — после 1912), сестра А.И. Лаврентьева; писательница 56, 103, 347, 417
- Лаврентьевы, семья 103, 163, 190, 191, 193, 214, 215, 230, 231, 347—350, 417—419
- Лаговский Алексей Ефимович, действительный статский советник, генеральный консул в Константинополе 246, 255, 394, 395
- Лазарев Пётр Михайлович (1850—1919), действительный статский советник (1891), шталмейстер (1898); с 1885 г. — курский вице-губернатор, с 1889 г. — таврический губернатор, с 1901 г. — сенатор в Департаменте герольдии; с 1905 г. — член Государственного совета 99, 413
- Лазарева Елизавета Феликсовна (1858—1940), урожденная графиня Сумарокова-Эльстон, жена П.М. Лазарева 99, 419
- Ламартин Альфонс де (1790—1869), французский поэт, политический деятель 342
- Ламздорф Владимир Николаевич (1844—1907), граф, гофмейстер (1889), действительный тайный советник (1901), статс-секретарь (1902); с 1875 г. — первый секретарь канцелярии министра иностранных дел, с 1881 г. — младший советник Министерства

- иностранных дел, с 1882 г. — директор Канцелярии, с 1886 г. — старший советник, с 1897 г. — товарищ министра иностранных дел, с 1900 по 1906 г. — министр иностранных дел, с 1906 г. — член Государственного совета 90, 178, 194
- Ланге Отто Фридрих, доктор медицины, врач Петербургской глазной больницы 198
- Лаферте (Laferté) Виктор 37, 40, 61
- Лемсден, британский полковник, служил в Афганистане 154
- Леруа-Больё (Leroy-Beaulieu) Анатоль (1842—1912), французский публицист, историк, автор нескольких трудов о России 42
- Лессепс Фердинанд Мари (1805—1894), французский инженер, предприниматель; в 1859—1869 гг. руководил строительством Суэцкого канала; член Французской Академии наук 272
- Литвинов, адъютант великого князя Константина Николаевича 46
- Липпи Фра Филиппо (ок. 1406—1469), флорентийский живописец 349
- Литке Фёдор Петрович (1797—1882), граф, генерал-адъютант, адмирал, географ; в 1845—1850, 1857—1872 гг. — вице-председатель Русского географического общества; в 1864—1881 гг. — президент Петербургской АН; член Государственного совета 26
- Лифляндцев (?—1890), смотритель в имении Мальцевых в Крыму 413
- Лифляндцева Татьяна 413
- Лихачёв Иван Фёдорович (1826—1907), адмирал; в 1858 г. — адъютант генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича; в 1860 г. — командир русской эскадры в китайских водах; с 1863 по 1867 г. — командир первой русской броненосной эскадры; в 1867—1883 гг. — морской агент во Франции и Великобритании; член Артиллерийского отделения Морского технического комитета 166
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896), князь, действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1870), сенатор (1867), камергер; в 1867—1878 гг. — товарищ министра внутренних дел, в 1878—1879 гг. — посол в Константинополе, в 1879—1882 гг. — в Лондоне, с 1882 г. — посол в Вене, с 1895 г. — министр иностранных дел 89, 90
- Лобко Павел Львович (1838—1905), генерал от инфантерии (1900); с 1867 г. — адъюнкт-профессор, с 1870 г. — профессор, с 1883 г. — заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации; с 1868 г. — делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1877 г. состоял при военном министре во время поездки Е. И. В. на театр военных действий, с 1881 г. — помощник, с 1884 по 1898 г. — начальник канцелярии военного министра, с 1881 г. — управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба; с 1898 г. — член Государственного совета 44, 216, 227, 420, 421, 428
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф (1878), генерал от кавалерии (1875), генерал-адъютант (1865); с 1855 г. — начальник Карской области, в 1859—1863 гг. — военный начальник Южного Дагестана, дербентский градоначальник, в 1863—1875 гг. — начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, в 1876—1879 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с апреля 1879 г. по февраль 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, в 1880—1881 гг. — председатель Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел; член Государст-

- венного совета 35, 37, 38, 78–80, 83, 92, 96, 109, 142, 194, 235
- Луини Бернардино (ок. 1480–1532), миланский живописец 301
- Лукашевич, с 1886 г. — управляющий Ореандой 189, 233, 399
- Любошинский Марк Николаевич (1816–1889), судебный деятель, действительный тайный советник (1879), сенатор (1863); с 1855 г. — обер-прокурор 1-го департамента Сената, с 1859 по 1860 г. — член Редакционных комиссий; член Государственного совета 87, 193, 215
- Лярский, см. *Вонлярлярский* Н.М.
- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844), в 1819–1826 гг. — попечитель Казанского учебного округа 102, 219
- Макиавелли Никколо (1469–1527), итальянский мыслитель, писатель, политический деятель 350
- Маков Лев Савич (1830–1883), действительный тайный советник (1880), статс-секретарь (1878); с 1865 г. — правитель Особенной канцелярии министра внутренних дел, с 1876 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1878–1879 гг. — управляющий Министерством внутренних дел, в 1879–1880 гг. — министр внутренних дел, в 1880–1881 гг. — министр почт и телеграфов и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий; член Государственного совета 75–77
- Максим Хайрем Стивенс (–1916), американский конструктор и промышленник, создатель автоматической винтовки, пушки и станкового пулемёта («Максим») 340
- Максимов Виктор Александрович, российский консул в Иерусалиме 274–277, 279, 280, 284
- Мальцовы (Мальцевы), семья 243
- Мальцов (Мальцев) Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, промышленник, владелец ряда крупных заводов 48, 56, 58, 148, 153, 170, 187, 215, 226, 233, 396, 413
- Манзе, см. *Манзей* К.Н.
- Манзей Константин Николаевич (1821–1905), генерал от кавалерии (1885), генерал-адъютант (1875); с 1875 г. — начальник 7-й кавалерийской дивизии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1878 г. — командир 13-го армейского корпуса, с 1889 г. — командир Гренадерского корпуса, затем командир Гвардейского корпуса 166
- Мансуров Борис Павлович (1826–1910), действительный тайный советник (1880), сенатор (1865); член Государственного совета 248
- Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат; секретарь русского посольства в Константинополе; с 1903 г. — директор Московского архива Министерства иностранных дел; сын Б.П. Мансурова 248, 394
- Мансурова Софья Васильевна (? — 1932), урожденная Безобразова, жена П.Б. Мансурова 248
- Мансуровы, семья 250
- Марианна (1810–1883), принцесса Прусская 89
- Марио, оперный певец 339
- Мария Александровна (1824–1880), урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, с 1855 г. российская императрица, жена императора Александра II 26, 39, 41, 51, 92, 152, 169, 177, 277, 390
- Мария Александровна (1853–1920), великая княгиня, дочь императора Александра II, с 1874 г. жена принца Альфреда Эдинбургского, с 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская 95, 390
- Мария Павловна (1854–1920), великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, с 1874 г. жена великого князя Владимира Александровича 95
- Мария Фёдоровна (1847–1928), с 1866 г. жена наследника престола великого князя Александра Александровича, с

- 1881 г. российская императрица 58, 61, 78–80, 84, 85, 88, 89, 91, 92, 94, 95, 99, 100, 141, 176, 178, 179, 182, 189, 191, 192, 230, 231, 233, 235
- Мария Христина (1858–1929), жена испанского короля Альфонса XII с 1879 г., регентша Испании в 1885–1902 гг. 170
- Маркович Андрей Николаевич (1830–1907), действительный тайный советник сенатор; юрист, председатель Петербургской судебной палаты; с 1881 г. — помощник председателя Русского музыкального общества 213
- Маруся, см. *Милюткина* М.Д.
- Марченко П.В. 403
- Мацнев, генерал-майор, специальный военный цензор 25
- Мегмет-Али (Магомет-Али) (1769–1849), вице-король Египта 258, 262, 267, 270
- Мезенцов (Мезенцев) Николай Владимирович (1827–1878), генерал-лейтенант (1873), генерал-адъютант (1871); с 1864 г. — управляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и начальник штаба Корпуса жандармов, в 1876–1878 гг. — шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 169
- Мейер, инженер-капитан, производитель инженерных работ в Потти 110
- Мейербер Джакомо (Якоб Либман Бер) (1791–1864), композитор 339
- Мейснер, жена В.А. Мейснера 320
- Мейснер Владимир Александрович, коллежский ассessor, первый секретарь русского посольства в Швейцарии 319, 320
- Мекленбург-Стрелицкая, см. *Елена Георгиевна*
- Мекленбург-Стрелицкий, см. *Михаил Георгиевич*
- Мержеевский Иван Павлович (1838–1908), доктор медицины, профессор Петербургской медицинской академии; директор клиники для душевных больных; с 1880 г. — председатель Петербургского общества психиатров; с 1883 г. — редактор журнала «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» 426
- Мешерский, князь, инженер путей сообщений 416
- Мешерский Владимир Петрович (1839–1914), князь, писатель-публицист; редактор газеты «Гражданин» 197
- Миаулис Андреас-Вокос (между 1768 и 1772–1835), государственный и политический деятель Греции, адмирал 286
- Микеланджело (Микель-Анджело) Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор 348–350, 357, 360
- Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846–1888), этнограф, антрополог, путешественник 180, 181
- Милан Обренович (1854–1901), сын князя Михаила Обреновича; с 1868 по 1882 г. — сербский князь, с 1882 по 1889 г. — король Сербский; в 1889 г. — отрекся от престола в пользу своего сына Александра 170
- Миллер, бывший адъютант Д.А. Милюткина 116
- Милорадович Александра Александровна (1860–1918), урожденная Васильчикова, жена Л.А. Милорадовича 234
- Милорадовичи 241, 243
- Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), сын Д.А. Милюткина; генерал-лейтенант; участник Хивинской экспедиции 1873 г., в 1877 г. командирован в распоряжение главнокомандующего, состоял при Донской казачьей бригаде, затем при 2-й бригаде 2-й Донской казачьей дивизии, в 1880–1885 гг. — командир Крымского дивизиона, с 1887 г. — исполняющий должность коменданта Императорской Главной квартиры, в 1888–1890 гг. — харьковский вице-губернатор, в 1892–1902 гг. — курский губернатор 33–35, 58, 71, 77, 78, 80, 85, 104, 114,

- 121, 140, 143, 153, 158, 163, 166–168, 175, 176, 182, 188, 190, 195, 196, 209, 215, 216, 227, 232, 233, 242, 290, 370, 413, 414, 419, 426–428
- Милютин Алексей Михайлович (1780–1846), отец Д.А. Милютина 94
- Милютин Борис Алексеевич (1830–1886), брат Д.А. Милютина; действительный статский советник, юрист; с 1859 г. — чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, с 1874 по 1882 г. — товарищ главного военного прокурора, сотрудник статс-секретаря В.Д. Философова по военно-судебной реформе 31, 33, 73, 175, 193
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), действительный тайный советник, сенатор; с 1852 г. — директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1859 г. — член и один из руководителей Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864–1866 гг. — статс-секретарь по делам Царства Польского, с 1866 г. — в отставке; член Государственного совета; брат Д.А. Милютина 48, 67, 73, 79, 105, 155, 161, 188, 189, 333, 342
- Милютин Юрий Николаевич (1856–1912), сын Н.А. Милютина 96, 106, 220, 224, 234, 235, 394, 395
- Милютин Елена Дмитриевна (1857–1882), в замужестве Гершельман, младшая дочь Д.А. Милютина 23, 66, 67, 72, 73, 79, 117, 191, 196, 199, 227
- Милютин Елена Николаевна (1868–1941), дочь Н.А. Милютина 105, 106, 161, 169, 185, 215, 218, 232, 342, 343
- Милютин Елизавета Дмитриевна (1794–1838), урожденная Киселёва, мать Д.А. Милютина 67, 73, 79, 196
- Милютин Елизавета Дмитриевна (1844–1938), в замужестве княгиня Шаховская, дочь Д.А. Милютина 23, 71, 72, 80, 85, 94, 98, 99, 158, 162–164, 166, 167, 193–195, 215, 233, 234, 300, 312, 324, 325, 359, 368, 390, 411, 413, 415, 418
- Милютин Мария Аггеевна (1834–1903), урожденная Абаза, вдова Н.А. Милютин, во втором браке Стиль 342, 343
- Милютин Мария Дмитриевна (1854–1882), дочь Д.А. Милютина 66, 67, 71–74, 79, 117, 196
- Милютин Надежда Дмитриевна (1850–1913), в замужестве Долгорукова, дочь Д.А. Милютин 66–68, 71, 72, 74, 77, 106, 117, 158, 161–163, 165–167, 170, 172, 193, 199, 203, 207, 209, 215, 217, 220, 229, 233, 242, 365, 396, 398, 399, 402, 414, 419
- Милютин Наталья Михайловна (1820–1912), урожденная Понсэ, жена Д.А. Милютин 23, 27, 65, 67, 68, 71–74, 78, 95, 103, 105, 115–117, 147, 158, 163, 165, 167, 170, 172, 180, 203, 205, 207, 209, 212, 216, 229, 230, 254, 396, 402, 403, 412, 413, 416, 417, 419, 427, 429, 430
- Милютин Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д.А. Милютин 66, 68, 71, 73, 99, 106, 121, 147, 154, 158, 163, 167, 168, 170, 171, 184, 193, 197, 209, 227, 229, 230, 232, 243, 244, 290, 297, 310, 316, 323, 324, 327, 334, 336–338, 341–343, 350, 353, 354, 369, 378, 383, 384, 399, 400, 403, 404, 407, 408, 411, 412, 415, 417–419, 428
- Милютин Прасковья Николаевна (1857–1929), дочь Н.А. Милютин 105, 106, 342, 343
- Милютин Прасковья Осиповна (? — 1895), в первом браке Иванова, жена Б.А. Милютин 175, 193
- Мингрельский, князь, см. *Дадян-Мингрельский* Н.Д.
- Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, третий сын императора Александра III 230, 231
- Михаил Георгиевич (1863–1934), герцог Мекленбург-Стрелицкий 188
- Михаил Михайлович (1861–1929), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича 58, 62–64

- Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878); в 1862–1881 гг. — наместник на Кавказе, в 1862–1865 гг. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1865–1881 гг. — главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, в 1881–1905 гг. — председатель Государственного совета; с 1892 г. — председатель Александровского комитета о раненых 26, 58–65, 94, 95, 99, 100, 103, 115, 142, 178–184, 188, 193, 208, 396–399, 423–425, 427
- Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800–1891), граф, фельдмаршал германской армии; с 1855 г. — адъютант прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма, с 1858 по 1888 г. — начальник Генерального штаба 123
- Монпансье, герцог, представитель Испании 85
- Монтолон, посланник Франции в Греции 294
- Мордвинов Дмитрий Сергеевич (1820–1894), генерал от артиллерии (1883), генерал-адъютант (1872); с 1857 г. — вице-директор, в 1865–1881 гг. — директор канцелярии Военного министерства 193, 216, 227
- Мордвинова Александра (Ина) Семёновна, дочь М.А. Милютиной сестры Д.А. Милютина, с 1886 г. в замужестве Салова 56, 59, 103, 106, 165, 172, 175, 182, 184, 191, 193
- Мордвинова Мария Алексеевна (1822–1883), урожденная Милютина, в первом браке Авдулина, сестра Д.А. Милютина 182
- Моренгейм Артур Павлович (1824–1906), барон, действительный тайный советник (1886); в 1867–1882 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Копенгагене, в 1882–1884 гг. — чрезвычайный и полномочный посол в Лондоне, в 1884–1899 гг. — посол во Франции; член Государственного совета 327, 328, 335, 341, 342
- Муральт, турист из Швейцарии 249
- Мурузи Александр Константинович (1842–?), князь, надворный советник; чиновник особых поручений в Министерстве иностранных дел; представитель России в Европейской финансовой комиссии в Египте 261–270
- Муханов Мануил Сергеевич (1842–?), действительный статский советник, гофмейстер великого князя Михаила Николаевича 412, 413
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), действительный тайный советник (1876), статс-секретарь (1866), гофмейстер (1862), сенатор (1864); в 1867–1871 гг. — управляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам Царства Польского, в 1878–1885 гг. — министр юстиции; член Государственного совета 146, 147
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), император Франции с 1804 по 1815 г. 50–51, 341
- Нарышкин Василий Львович (1841–1906), секретарь российского посольства в Париже 327
- Наталия (1859–1891), королева Сербская, урожденная Кошко; с 1875 г. жена Милана Обреновича, короля Сербского 209, 212, 236
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910), действительный статский советник, с 1874 по 1877 г. — советник посольства в Константинополе, в 1877–1878 гг. — директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии, с 1879 г. — посланник в Дрездене, с 1883 г. — посол в Константинополе, с 1897 г. — в Риме, с 1903 г. — в Париже 89, 91, 93, 185, 246, 248, 250–252, 255, 393, 394
- Нелидов Дмитрий Александрович (1863–?), старший сын А.И. Нелидова 246, 250–252
- Нелидова Елизавета Ивановна, сестра А.И. Нелидова 246, 250–252

- Нелидова Ольга Дмитриевна (1839–1918), жена А.И. Нелидова 246
- Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936), писатель 295, 296, 369, 370, 389, 391
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68), римский император с 54 г. 357
- Никандр (?–1884), иеромонах, участник обороны Севастополя 1854–1855 гг., настоятель храма Архангела Михаила в Алушке с 1859 по 1884 г. 74
- Никодим (?–1890), архиепископ Фаворский, с 1883 г. — патриарх Иерусалимский 275, 284
- Николай Александр Павлович (1821–1899), барон, действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1863), сенатор (1863); с 1861 г. — товарищ министра народного просвещения, с 1863 г. — начальник Главного управления наместника на Кавказе, с 1875 г. — член Государственного совета, с 1881 по 1882 г. — министр народного просвещения, с 1884 по 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета 26, 29, 31, 32
- Николай Чудотворец (ок. 280 — ок. 345–351), святой, архиепископ Мирликийский 295, 389
- Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. 139
- Николай Александрович (1843–1865), великий князь, старший сын императора Александра II, с 1855 г. — наследник-цесаревич 63
- Николай Александрович (1868–1918), великий князь, старший сын императора Александра III, с 1881 г. — наследник-цесаревич, с 1894 по 1917 г. — император Николай II 134, 136, 177, 191, 244
- Николай Константинович (1850–1894), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича, флигель-адъютант (1867); в 1874 г. в результате громкого скандала, связанного с совершенным им похищением драгоценных камней, был выслан в Оренбург, в 1881 г. переведен в Ташкент под надзор туркестанского генерал-губернатора 169
- Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича 58
- Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856); с 1856 г. — генерал-инспектор по инженерной части и начальник 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1859 г. — командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, в 1862–1864 гг. — командир отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий русской армии, действовавшей на балканском театре военных действий; с 1888 г. — председатель Особой комиссии по составлению проекта положения о полевом управлении войск; член Государственного совета 40, 93, 136, 190, 227, 421–423, 425–427, 429
- Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — офицер для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией, с 1878 г. — командир эскадрона, затем дивизиона, с 1884 г. — командир лейб-гвардии Гусарского полка, в 1890 г. — командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1895 г. — генерал-инспектор кавалерии; с 1905 по 1908 г. — председатель Совета государственной обороны, с 1905 по 1914 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914–

- 1915 гг. — верховный главнокомандующий русской армией, с 1915 г. — наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом 425, 426
- Николай I Петрович Негош (1841–1921), князь Черногорский с 1860 г., король Черногории с 1910 г. по 1919 г. 85, 86
- Никонов Андрей Иванович, адмирал 36, 38, 56
- Новиков Модест Дмитриевич (1829–1893), вице-адмирал (1891); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1886 г. — начальник судов практического плавания и минного отряда Черноморского флота, с 1891 г. — старший флагман Черноморского флота, с 1892 г. — член Адмиралтейств-совета 184, 212, 235, 400
- Норденфельд Торстен (1842–1920), инженер, создатель скорострельного оружия 340
- Ностиц, граф 65
- Ностиц Григорий Иванович (1862–1926), граф; с 1885 г. на военной службе, в 1893 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба, с 1896 по 1898 г. — старший адъютант штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1898 по 1900 г. — старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса, с 1901 по 1908 г. — штаб-офицер для поручений при штабе генерал-инспектора кавалерии, с 1908 по 1912 г. — военный агент во Франции, с 1912 по 1915 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1915 по 1917 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба 234, 398, 416, 427
- Нотович Иосиф Константинович (1849–1914), публицист, журналист, издатель газеты «Новости» и журнала «Петербургская жизнь» 77
- Оболенский Юрий Александрович (1825–1890), князь, действительный статский советник, брат Д.А. Оболенского 56, 74, 194
- Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848–1907), князь, гофмаршал; с 1883 г. — вице-директор, с 1886 по 1907 г. — директор канцелярии Министерства иностранных дел 90
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии (1887), генерал-адъютант (1878); с 1867 г. — главноуправляющий Военно-ученым комитетом Военного министерства; в июле-октябре 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, участвовал в планировании военных действий при Аладже и Карсе; в 1881–1897 гг. — начальник Главного штаба, председатель Военно-ученого комитета, с 1897 г. в отставке; с 1893 г. — член Государственного совета 33, 54, 55, 80, 81, 106, 129, 185, 186, 196, 216, 227, 239, 243
- Озерова Александра Сергеевна, фрейлина великой княгини Ольги Фёдоровны; с 1894 г. гофмейстерина великой княгини Ксении Александровны 176, 179, 412, 413
- Озолин, садовник в Симеизе 215
- Октавия Младшая (ок. 69–11 до н. э.), старшая сестра первого римского императора Октавиана Августа 354
- Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), граф, генерал-майор, флигель-адъютант 34, 94, 166, 334
- Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1930), граф, камергер, камышинский уездный предводитель дворянства; председатель Саратовской губернской земской управы; в 1916 г. — член Государственного совета; сын А.В. Олсуфьева 166, 190, 334–337
- Олсуфьев Михаил Адамович (1860–?), граф, камер-юнкер; председатель Дмитровской уездной земской управы; дмитровский уездный предводитель дворянства; сын А.В. Олсуфьева 166, 334, 336

- Олсуфьева Анна Михайловна (1835—1899), графиня, урожденная Оболянинова, жена А.В. Олсуфьева 34, 78, 79, 94, 165, 166, 334
- Олсуфьева Елизавета Адамовна (1857—1898), графиня, дочь А.В. Олсуфьева 34, 165, 334, 336
- Олсуфьевы, семья 34, 71, 78, 81, 86, 94, 96, 97, 166, 168, 170, 196, 209, 227, 290, 310, 323, 327, 335, 338, 342, 343
- Ольга Александровна (1882—1960), великая княжна, дочь императора Александра III 230, 231
- Ольга Константиновна (1851—1926), великая княгиня, старшая дочь великого князя Константина Николаевича; с 1867 г. королева Греческая, жена короля Георга I 95, 228—230, 233, 392
- Ольга Фёдоровна (1839—1891), великая княгиня, урожденная принцесса Цецилия Баденская; с 1857 г. супруга великого князя Михаила Николаевича 59—61, 63, 64, 92, 94, 95, 99, 100, 103, 104, 179—184, 397—400, 412, 413, 415, 423, 424, 427—429
- Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932), принц, генерал-адъютант; в 1870—1875 гг. — командир лейб-гвардии Преображенского полка, в 1885—1889 гг. — командир Гвардейского корпуса 425, 426
- Омар ибн Хаттаб Умар ибн аль-Хаттаб (581—634), второй халиф с 634 г. 277
- Ону Михаил Константинович (1835—1901), тайный советник; с 1878 г. — советник российского посольства в Турции; с 1889 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции, в 1890 был прикомандирован к наследнику престола великому князю Николаю Александровичу в его путешествии на Дальний Восток 246, 249—252, 394
- Опоцкий Дмитрий Александрович (?—1902), историк, писатель, с 1861 по 1863 г. — учитель Александро-Невского духовного училища, затем священник русской церкви в Женеве 319, 321, 322, 325, 326
- Оржевский Пётр Васильевич (1839—1897), генерал от кавалерии; с 1882 по 1887 г. — товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов; в 1893—1897 гг. — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор 147
- Орлов, топограф 425, 426, 430
- Орлов Афиноген Алексеевич, князь, генерал-майор; адъютант, затем управляющий двором великого князя Николая Николаевича (Старшего) 428, 429
- Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1861); в 1859—1869 гг. — посланник в Брюсселе, в 1869—1870 гг. — в Вене, в 1871—1884 гг. — в Париже, с 1884 г. — в Берлине 125, 153
- Орлов-Давыдов, граф 412
- Орлова-Давыдова, графиня 274, 276
- Осман-паша Осман-Нури-Гази (1837—1900), генерал турецкой армии 193
- Островский Михаил Николаевич (1827—1901), действительный тайный советник (1883), сенатор (1872), статс-секретарь (1874); с 1871 г. — товарищ государственного контролера, с 1878 г. — член Государственного совета, в 1881—1893 гг. — министр государственных имуществ; в 1893—1899 гг. — директор Департамента законов Государственного совета 57, 142, 146, 147, 215
- Павел I (1754—1801), российский император с 1796 г. 25, 382
- Павел Александрович (1860—1919), великий князь, сын императора Александра II, генерал от кавалерии; в 1890—1896 гг. — командир лейб-гвардии Конного полка, в 1898—1902 гг. — командир Гвардейского корпуса 176, 177, 193, 263
- Павлов Платон Петрович (1834—1904), генерал от инфантерии; с 1875 г. — начальник штаба Кавказского воен-

- ного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба Кавказской армии, в 1881 г. командирован в распоряжение командующего войсками Закаспийской области М.Д. Скобелева, с 1883 г. — командир 6-го армейского корпуса, с 1889 г. — командир 7-го армейского корпуса, с 1891 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; с 1894 г. — член Военного совета 63, 395, 400, 427
- Пален Константин Иванович фон-дер (1830–1912), граф, действительный тайный советник (1878), обер-камергер (1904); в 1864–1867 гг. — псковский губернатор, в 1867 г. — товарищ министра юстиции, в 1868–1878 гг. — министр юстиции; член Государственного совета 169, 219
- Пальфи, владелец дома в Париже 341
- Панина Наталья Павловна (1810–1899), графиня, урожденная Тизенгаузен, статс-дама императрицы Марии Фёдоровны 421
- Панчулидзев Павел Алексеевич (1847–?), камер-юнкер, 2-й секретарь российского посольства в Швейцарии, посланник в Любеке 319–321
- Панчулидзева, жена П.А. Панчулидзева 319–321
- Парвис (Parvis), итальянский мастер по изготовлению мебели в древнеегипетском и арабском стиле 262, 263
- Педру II де Алькантара Иоанн Карл Лепольд (1825–1891), император Бразильский с 1831 по 1889 г. 398
- Пелисье 52
- Пердикарис, российский вице-консул в г. Брусе в Турции 253, 254
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899), действительный тайный советник (1883), статс-секретарь (1872); с 1871 г. — статс-секретарь Департамента законов Государственного совета, в 1878–1883 гг. — государственный секретарь; член Государственного совета 241
- Перуджино (настоящая фамилия Вануччи) Пьетро (между 1445 и 1452–1523), итальянский живописец 349
- Перфильев Степан Степанович, в 1883 г. — директор Почтового департамента Министерства внутренних дел 76
- Петерс Александр Фёдорович, генерал-майор, воспитатель великих князей Михаила и Георгия Михайловичей 62
- Пётр I Великий (1672–1725), с 1682 г. — русский царь, с 1721 г. — российский император 92
- Петрушевский Александр Фомич (1826–1909), историк, служил в канцелярии Военного министерства 430
- Пешков Николай Николаевич (1857 — после 1917), генерал-лейтенант; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1886–1889 гг. — военный агент в Константинополе, с 1889 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба, с 1902 г. — начальник штаба 7-го армейского корпуса, с 1904 г. — начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса, с 1906 по 1908 г. — харьковский губернатор 252–255, 394, 395
- Пешковы, семья 253–255
- Пешуров Алексей Алексеевич (1834–1891), вице-адмирал (1882); с июня 1880 г. по январь 1882 г. — управляющий Морским министерством, в 1882–1890 гг. — главный командир Черноморского флота и портов и военный губернатор г. Николаев, с 1886 г. — также главный командир Балтийского флота и портов; с 1890 г. — член Государственного совета 56, 166, 210, 212
- Пиллар фон Пильхау Анна Карловна (Ивановна), баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны 99, 399, 416, 419, 424, 427
- Пиллар фон Пильхау Нина Карловна (?–1885), баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны 36, 56, 63, 65, 151, 152

- Пиллар фон Пильхау Елизавета Карловна, см. *Шувалова* Е.К.
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881), хирург, педагог, общественный деятель 102
- Плец, жена В.А. Плева 415, 416, 424
- Плец Виктор Александрович, полковник, в 1882–1890 гг. — управляющий императорским именем в Ливадии; брат жены П.С. Ванновского 52, 74, 199, 214, 224, 227, 230, 231, 240, 243, 399, 407, 410, 411, 415–417, 424–426, 430
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), действительный тайный советник (1883), статс-секретарь (1894), сенатор (1868); юрист и литератор; с 1860 г. — профессор Московского университета; с 1865 г. — член Консультации при Министерстве юстиции, в 1880–1905 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода и член Комитета министров; член Государственного совета 44, 115, 122, 142, 146, 219
- Подгорная, знакомая Д.А. Милютина 357
- Полисадов, капитан 2-го ранга, командир парохода «Пезеуапс» 249–251, 255
- Половцов Александр Александрович (1832–1909), действительный тайный советник (1885), статс-секретарь (1883), сенатор; с 1867 г. — обер-прокурор 1-го департамента Сената, в 1880 г. провел ревизию Киевской и Черниговской губерний с 1883 по 1892 г. — государственный секретарь; с 1892 г. — член Государственного совета 402, 403
- Полторацкая, жена В. Полторацкого 203
- Полторацкая Екатерина Дмитриевна, двоюродная племянница Д.А. Милютина 74, 193, 229, 242
- Полторацкая Мария Дмитриевна, двоюродная племянница Д.А. Милютина 242, 290
- Полторацкие, семья 242
- Полторацкий, сына двоюродного брата Д.А. Милютина 203
- Полторацкий Владимир, двоюродный брат Д.А. Милютина 203
- Поляков Самуил Соломонович (1837–1888), коммерции советник (1870), предприниматель в области железнодорожного дела, банкир, меценат 65
- Понсе (Понсэ) Анна Евгеньевна (1857–?), дочь Е.М. Понсе, племянница Д.А. Милютина, в замужестве Ефремова 34, 72, 74, 99, 116, 117, 154, 158, 166, 168, 189, 215, 217, 415, 416
- Понсе (Понсэ) Дарья (Дора) Михайловна, сестра жены Д.А. Милютина 72, 147, 152, 429, 430
- Понсе (Понсэ) Евгений Михайлович, шурин Д.А. Милютина 34, 99, 117, 154, 415
- Понсе (Понсэ) Михаил Евгеньевич, сын Е.М. Понсе, племянник Д.А. Милютина 415, 416
- Понтий Пилат, в 26–36 гг. — римский наместник Иудеи 277
- Попандопуло Иван Григорьевич (1842–1892), вице-адмирал (1886); в 1876 г. — заведующий обороной Севастополя на море и начальник флотилии судов в Севастополе, в 1879–1884 гг. — временно исполнял должность командира Севастопольского порта, градоначальника и коменданта 212, 402
- Попов Андрей Александрович (1821–1898), полный адмирал (1891), генерал-адъютант (1871); военно-морской деятель, кораблестроитель; с 1876 г. — член Адмиралтейств-совета; с 1880 г. — председатель Кораблестроительного отделения Морского технического комитета 36, 37, 40, 43, 44, 56, 58, 59, 143, 232, 233, 236, 239
- Постников, купец, владелец имения в Крыму 418
- Посыет Константин Николаевич (1819–1899), адмирал (1882), генерал-адъютант (1866); в 1858–1871 гг. — воспитатель великого князя Алексея Алек-

- сандровича, в 1861–1863 гг. — командовал отрядом яхт, с 1869 г. — член Комитета морских учебных заведений, в 1870 г. — руководитель экспедиции к острову Новая Земля, в 1874–1888 гг. — министр путей сообщения; член Государственного совета 166
- Потапов Александр Львович (1818–1886), генерал от кавалерии (1876), генерал-адъютант (1866); в 1861–1864 гг. — начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1864–1865 гг. — помощник виленского генерал-губернатора, в 1865–1868 гг. — наказный атаман Донского казачьего войска, в 1868–1874 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1874–1876 гг. — шеф жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 169
- Потоцкие 205
- Прахов Адриан Викторович (1846–1916), историк искусства, археолог; профессор университета Св. Владимира в Киеве, действительный член Русского и Германского археологических обществ 98, 236
- Прахова Эмилия Львовна, урожденная Лестель, жена А.В. Прахова, внебрачная дочь сестры Д.А. Милютина — М.А. Мордвиновой 98
- Праховы, семья 98, 229, 230, 417–419
- Преображенский Пётр Александрович, титулярный советник, секретарь русского генерального консула в Турции 249, 255, 394
- Протопов, полковник Генерального штаба, военный агент в Афинах 210
- Пугачёв Емельян Иванович (1740–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. 102
- Пуятин Ефим Васильевич (1803–1883), граф, генерал-адъютант (1849), адмирал (1858); в 1852–1855 гг. — руководитель экспедиции на фрегате «Паллада», в 1855 г. — начальник штаба кронштадтского военного генерал-губернатора, в 1857 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае, затем начальник эскадры Восточного океана, с 1859 г. — военно-морской агент во Франции и Великобритании, в 1861 г. — министр народного просвещения; член Государственного совета 36
- Радецкий Фёдор Фёдорович (1820–1890), генерал от инфантерии (1877), генерал-адъютант (1878); с 1855 г. — начальник штаба командующего войсками в Прикаспийском крае, с 1859 г. — командир Дагестанского пехотного полка, с 1861 г. — начальник штаба войск Терской области, с 1865 г. последовательно командовал 38-й, 21-й и 9-й дивизиями, в 1877–1878 гг. — командир 8-го армейского корпуса, с 1881 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа, в 1888–1889 гг. — командующий войсками Киевского военного округа; с 1889 г. — член Государственного совета 66, 189
- Раевский 172
- Раевский Михаил Николаевич (1841–1893), генерал-майор 177, 187
- Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), донской казак; в 1670–1671 гг. — предводитель крестьянской войны 102
- Рауш фон Траунбенберг, русский военный агент в Афинах 291–293
- Рауш фон Траунбенберг, урожденная Набокова 291–293
- Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор 301, 347, 351, 353
- Редкин Пётр Григорьевич (1808–1891), действительный тайный советник

- (1880); в 1878–1882 гг. — председатель Департамента уделов; член Государственного совета 48
- Рени Гвидо (1575–1642), живописец болонской школы 301
- Рейсс Генрих VII (1825–1906), принц, германский дипломат; с 1867 по 1876 г. — германский посол в России, с 1877 по 1878 г. — в Турции, с 1878 по 1894 г. — в Австрии 130
- Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), граф (1890), действительный тайный советник (1870), статс-секретарь (1858); в 1862–1886 гг. — министр финансов, в 1881–1886 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 147
- Ренненкампф Николай Карлович (1832–1899), юрист; в 1883–1890 гг. — ректор университета Св. Владимира в Киеве 158
- Рерберг Пётр Фёдорович (1835–1912), генерал-лейтенант, начальник Кавказской гренадерской дивизии 210
- Решитило Дионисий Фёдорович (1845–1908), доктор медицины, приват-доцент Московского университета по кафедре кожных и венерических болезней 279
- Ризниченко, капитан парохода «Цесаревич» 98
- Римский-Корсаков Николай Александрович (1852–?), контр-адмирал; в 1880-х гг. — адъютант великого князя Константина Николаевича, в 1901 г. — архангельский губернатор, с 1904 по 1906 г. — начальник Николаевской морской академии 136, 185, 186
- Ринек Александр Христианович (1837–?), доктор, хирург; профессор по кафедре оперативной хирургии университета Св. Владимира в Киеве; член Общества русских врачей в Петербурге, Общества киевских врачей 162, 163
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии (1886), гене-
рал-адъютант (1871); с 1858 г. состоял при наследнике-цесаревиче Николае Александровиче, в 1866 г. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, затем начальник штаба Петербургского военного округа, начальник 13-й пехотной дивизии, в 1881–1898 гг. — командующий Императорской Главной квартирой и начальник Военно-походной Е. И. В. канцелярии; с 1887 г. — член Государственного совета 48, 58, 75, 176, 178, 192
- Рогов 25, 27
- Роголя, капитан 1-го ранга; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 56
- Роллер Иван Карлович, капитан пароходов «Владимир», «Олег», ходивших по линии Севастополь–Константинополь 245
- Рончевский Константин Данилович (1850–1892), капитан 2-го ранга; адъютант великого князя Константина Николаевича 214
- Рооп Христофор Христофорович (1831–1918), генерал от инфантерии (1885); в октябре–ноябре 1881 г. — член Особой комиссии для обсуждения вопросов, касающихся устройства центрального и высшего местного строевого управления в России; в 1883–1890 гг. — временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа; с 1890 г. — член Государственного совета 167
- Ростовцев, бывший адъютант Д.А. Милютина 116
- Рошфор Анри (1831–1913), французский политический деятель, писатель-публицист 333
- Руденко Степан Иванович, инженер путей сообщений; с 1887 г. — руководитель строительства морского порта в Ялте 164, 412, 416, 427
- Руднев Иван Григорьевич (1820–1894), вице-адмирал; в 1874 г. — старший флагман Черноморского

- флота, в 1877 г. — начальник морской береговой обороны г. Очаков, с 1882 г. — севастопольский градоначальник 137
- Рудольф Франц Карл Иосиф (1858–1889), эрцгерцог, наследник австро-венгерского престола, единственный сын императора Франца-Иосифа I 240
- Рунич Дмитрий Павлович (1776–1860), действительный статский советник; в 1821–1826 гг. — попечитель Петербургского учебного округа 219
- Сабинина Александра 52
- Сабинина Мария 51, 52
- Сабинина Марфа Степановна, одна из создательниц Благовещенской общины сестер милосердия Красного Креста в имении Джемите в Крыму 51, 52, 412
- Сабинины 51, 52
- Сабуров Андрей Александрович (1837–1916), действительный тайный советник (1898), статс-секретарь (1880), сенатор; в 1875–1880 гг. — попечитель Дерптского учебного округа, в 1880–1881 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 143
- Сабуров Пётр Александрович (1835–1918), действительный тайный советник (1901), сенатор (1884); с 1870 по 1879 г. — русский посол в Греции, с 1879 по 1884 г. — в Германии; член Государственного совета 80, 84, 89–91, 122, 125, 126, 128, 129, 133, 134, 153, 230
- Савонарола Джироламо (1452–1498), настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции, религиозно-политический деятель 349
- Саксен-Мейнингенский, герцог 305
- Салов С. Ф., чиновник судебного ведомства, муж А. С. Мордвиновой 172, 175, 182, 184, 191
- Саломан Александр Георгиевич (Егорович), винодел-химик Магарачского училища виноделия и садоводства при Никитском ботаническом саде 213, 229, 418
- Салтыков, владелец дома в Париже 341
- Салтыков Александр Михайлович (1828–?), флигель-адъютант (1869), генерал-майор (1871), впоследствии генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1861 г. — производитель дел Военно-походной канцелярии 313
- Сальвиати Антонио (1816–1890), итальянский мозаичист, владелец мозаичной фабрики на о. Мурано 169, 213, 229, 297–299
- Сарду Викторьен (1831–1908), французский драматург 339, 340
- Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1824–1899), князь, генерал от инфантерии (1873), генерал-адъютант (1864); с 1857 г. — командир Кабардинского полка, с 1858 г. — начальник Кумыкского округа, в 1861–1863 гг. — начальник Терской области, с 1863 по 1867 г. — кутаисский генерал-губернатор, в 1867–1875 г. — помощник главнокомандующего Кавказской армией, в 1875–1880 гг. — помощник кавказского наместника, в 1881–1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа и временный харьковский генерал-губернатор; с 1880 г. — член Государственного совета 57
- Свечин Александр Николаевич, дипломат, секретарь российского посольства в Константинополе, в 1893–1897 гг. — второй секретарь российского посольства во Франции; сын Н. И. Свечина 157, 246–249, 251, 255, 394
- Свечин Николай Иванович (1816–?), дипломат, товарищ юности Д. А. Милютина 157, 246
- Свечины 158
- Сеид Абдул Ахад Бухадур-хан, в 1885–1910 гг. — эмир Бухарский 91
- Сеид Мухаммед, хивинский хан 91
- Селим (Явуз), султан Османской империи с 1512 по 1520 г. 247

- Семевский Михаил Иванович (1837—1892), помощник статс-секретаря Государственной канцелярии; член Петербургского городского управления; с 1870 по 1892 г. — издатель и редактор журнала «Русская старина» 205, 230, 231
- Семека Владимир Саввич (1816—1897), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1856 г. — начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 1861 г. — командир 6-й пехотной дивизии, в 1870—1879 гг. — командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета 166, 193
- Семёнов-Тян-Шанский Пётр Петрович (1827—1914), географ, энтомолог, путешественник, статистик, почетный член Петербургской АН; в 1859—1860 гг. — член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864—1875 гг. — директор Центрального статистического комитета, в 1875—1897 гг. — председатель Статистического совета Министерства внутренних дел, с 1873 г. — вице-президент Русского географического общества; член Государственного совета 65, 193, 204, 205
- Сервий Туллий (578—534/533 г. до н. э.), шестой царь Древнего Рима 353
- Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; в 1891—1905 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 176—178, 181, 193, 274, 281
- Сибиряков, купец, владелец дома близ Псезуан 108
- Сиверс Евгений Егорович (1817—1893), граф, обер-гофмейстер, сенатор, в 1856—1876 гг. — директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел 153
- Сизов Владимир Ильич (1840—1904), историк, археолог; с 1889 г. — ученый секретарь Императорского Российского исторического музея 96, 190
- Сикорский Иван Алексеевич (1845—?), врач-психиатр; профессор университета Св. Владимира в Киеве 214
- Скалон Дмитрий Антонович (1840—1919), генерал от кавалерии; председатель Русского военно-исторического общества; военный писатель; во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — адъютант великого князя Николая Николаевича (Старшего) 421, 422
- Скворцов Николай Николаевич (1827—1895), генерал-лейтенант, в 1879 г. — окружной интендант Петербургского военного округа 193
- Скобелев Дмитрий Иванович (1821—1880), генерал-лейтенант (1878), командир Собственного Е. И. В. конвоя 50
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1878); участник Хивинского похода 1873 г. и подавления Кокандского восстания 1873—1876 гг., с 1876 г. — военный губернатор Ферганской области; в 1877—1878 гг. — состоял при штабе главнокомандующего, затем начальник штаба Сводной казачьей дивизией, командир Кавказской казачьей бригады во время второго штурма Плевны (июль 1877 г.); командир левого фланга русских войск во время третьего штурма Плевны (август 1877 г.); командир 16-й пехотной дивизии во время зимнего перехода через Балканы и сражения при Шипке-Шейново (февраль 1878 г.); в 1878—1880 гг. — командир корпуса, в 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения 28, 41, 49—51, 55, 127
- Скобелева Ольга Николаевна, мать М.Д. Скобелева 49

- Смелов, владелец имения-пансиона в Лименской долине 404, 408
- Смирнов Алексей Александрович, секретарь русского посольства в Турции 246–249, 252, 255, 394, 395
- Смирнов, капитан 1-го ранга, командир канонерки «Черноморец» 291, 391, 392
- Снессарев (Снеissorев) Николай Аполлонович (1838–1914?), генерал-майор (1881); с 1871 г. — совещательный член Оружейного отдела Главного артиллерийского комитета Военного министерства, с 1885 г. — управляющий делами Главного артиллерийского комитета 116
- Соболев Леонид Николаевич (1844–1913), полковник Генерального штаба (1874), впоследствии генерал от инфантерии (1903); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., помощник князя В.А. Черкасского по управлению Болгарией, с ноября 1877 г. — правитель канцелярии заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии, в 1882–1883 гг. — министр-президент и министр внутренних дел Болгарии 104
- Соломон Александр Егорович, см. *Саломан А.Г.*
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф (1902), статс-секретарь (1864), действительный тайный советник (1878); в 1867–1878 гг. — государственный секретарь, в 1878–1889 гг. — государственный контролер, с 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета, с 1893 г. — председатель Департамента экономии Государственного совета и Комитета финансов, в 1905–1906 гг. — председатель Государственного совета 36, 241
- Софиано (Софияно) Леонид Петрович (1820–1908), генерал от артиллерии (1887), генерал-адъютант (1878); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1878 г. — начальник артиллерии Кавказского военного округа, с 1881 г. — товарищ генерал-фельдцейхмейстера; член Государственного совета 398
- Спиридон, православный митрополит в Вифлееме 280
- Старосельский Дмитрий Семёнович (1832–1884), генерал-лейтенант, с 1878 по 1884 г. — управляющий гражданской частью на Кавказе 111, 114, 116
- Старчевский А.В., редактор газеты «Эхо» 77
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, публицист, общественный деятель; с 1852 по 1861 г. — профессор Петербургского университета; в 1866–1909 гг. — редактор журнала «Вестник Европы»; издатель серии «Русская библиотека»; с 1881 г. — гласный Петербургской городской думы; в 1887–1899 гг. — почетный мировой судья в Петербурге 25
- Стенли (Стэнли) Генри Мортон (настоящие имя и фамилия — Джон Роллендс) (1841–1904), журналист, путешественник, исследователь Африки 428
- Стиль, второй муж М.А. Милутиной, урожденной Абаза 342
- Столыпина Елизавета Карловна, см. *Шувалова Е.К.*
- Стояновский Николай Иванович (1820–1900), действительный тайный советник (1881), статс-секретарь (1895), сенатор; в 1884–1897 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел 193
- Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Итальянский, граф Рымникский, генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1846); в 1856–1860 гг. — рижский, в 1861–1866 гг. — петербургский генерал-губернатор, с 1866 г. — генерал-инспектор всей пехоты; член Государственного совета; внук полководца А.В. Суворова 26

- Суворов Александр Васильевич (1730—1800), граф Рымникский, светлейший князь Италийский, генералиссимус 26, 51, 430
- Сумароков-Эльстон, граф 152
- Сумароковы-Эльстон, графы 136, 169, 179, 404, 412, 425
- Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1856—1928), граф, князь Юсупов; с 1883 по 1885 г. причислен к Министерству внутренних дел, в 1886 по 1904 г. — адъютант великого князя Сергея Александровича, с 1904 г. — командир Кавалергардского полка, в 1908—1911 г. — командир 2-й гв. кавалерийской дивизии, в 1914—1915 г. — московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа 398, 399, 403, 407, 412
- Сумарокова-Эльстон Александра Феликсовна, сестра Ф.Ф. Сумарокова-Эльстон, с 1891 г. жена Ю.Н. Милютина 403
- Сумарокова-Эльстон Елена Сергеевна (1829—1901), графиня, урожденная Сумарокова, жена генерал-адъютанта графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона 35, 38, 56, 58, 99, 136, 163, 193, 198, 426
- Сумарокова-Эльстон Зинаида Николаевна (1861—1939), старшая дочь князя Н.Б. Юсупова, жена графа Ф.Ф. Сумарокова-Эльстон 398, 399, 403, 412
- Тевфик-паша Мехмед (1852—1892), сын хедива Измаила-паши, египетский хедив с 1879 г. 270
- Тизенгаузен Екатерина Фёдоровна (1803—1888), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны 36, 38, 43, 47, 48, 52, 56, 59, 63, 64, 99, 105, 147, 152, 169, 193
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1859); с 1856 г. — начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собст-
- венной Е. И. В. канцелярии, в 1863—1866 гг. — и. д. казанского генерал-губернатора, в 1867—1868 гг. — министр почт и телеграфов, в 1868—1877 гг. — министр внутренних дел; член Государственного совета 77, 80, 169
- Тимофеев Владимир Николаевич, российский вице-консул в Яффе 272, 284
- Тинторетто (настоящая фамилия Робусти, Robusti) Якопо (1518—1594), венецианский живописец эпохи Позднего Возрождения 298
- Тит Флавий Веспасиан (39—81), римский император в 79—81 гг. 357
- Титов Владимир Павлович (1807—1891), действительный тайный советник (1864); с 1865 г. — член Государственного совета, в 1882—1883 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета 403
- Титова Елена Иринеевна, урожденная Хрептович, жена В.П. Титова 403, 404
- Титовы, семья 403, 404, 407, 410, 416, 430
- Тициан Вечеллио (ок. 1477 или ок. 1485—1576), живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения 298, 299, 301
- Тишлер, немецкий врач в Лейпциге 163
- Толстая Александра Андреевна, графиня 61
- Толстой Александр Феофилович (1839—1910), тайный советник, гофмейстер двора великого князя Михаила Николаевича 103
- Толстой Алексей Владимирович (1840—?), граф, полковник; адъютант великого князя Михаила Николаевича 103
- Толстой Алексей Николаевич (1830—?), дипломат, секретарь русского посольства в Париже 190, 194
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, действительный тайный советник (1872), гофмейстер (1861), сенатор (1861); в 1865—1880 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода, в

- 1866—1880 гг. — министр народного просвещения, с мая 1882 г. — министр внутренних дел; с 1882 г. — президент Петербургской Академии наук 29, 32, 44, 46, 47, 55, 57, 88, 100—102, 127, 137, 142, 146, 147, 153, 209, 219, 241, 243
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, русский писатель 153, 410
- Толь, граф 412
- Толь, графиня 167, 412
- Тон Константин Андреевич (1794—1881), русский архитектор 94
- Торвальсен Бертель (ок. 1768/1770—1844), датский скульптур 305
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), граф (1879), инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855); с 1859 г. — директор Инженерного департамента Военного министерства, в 1863—1877 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части (фактический глава военно-инженерного ведомства), в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. руководил осадой Плевны; в апреле 1878 г. — январе 1879 г. — главнокомандующий действующей армией, с 1880 г. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа; член Государственного совета 49, 79, 137, 138
- Трепов Фёдор Фёдорович (1809—1889), генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1867); в 1860—1861 г. — варшавский обер-полицмейстер, в 1863—1866 гг. — генерал-полицмейстер Царства Польского, в 1866—1873 гг. — петербургский обер-полицмейстер, в 1873—1878 гг. — петербургский градоначальник 166, 231
- Трубецкие, князя 163, 399, 404
- Трубецкой, князь 214
- Трубецкой Николай Васильевич (1837—1902), князь, генерал-майор; с 1878 г. — состоял для поручений при военном министре 116
- Туманов, князь, офицер Крымского дивизиона 58, 114, 121, 158
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), русский писатель 103
- Тутолмин Иван Фёдорович (1837—1908), генерал от инфантерии; с 1872 г. — командир лейб-гвардии Уланского Её Величества полка, с 1877 г. — командир 1-й бригады Кавказской казачьей дивизии (с зачислением в Терское казачье войско), участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1879 г. — генерал особых поручений при генерал-инспекторе кавалерии, в 1882 г. — начальник Офицерской кавалерийской школы, с 1885 г. — командир 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 1893 г. — начальник Кавказской кавалерийской дивизии, с 1895 г. — командир 5-го армейского корпуса, с 1896 г. — помощник генерал-инспектора кавалерии, с 1901 г. — член Военного совета 429
- Тюрр (Turrr) Стефан (1825—?), венгерский политический деятель, инженер 292, 293
- Убри Павел Петрович (1818—1896), граф, действительный тайный советник (1875), камергер (1859); с 1858 г. — советник посольства в Париже, в 1863—1879 гг. — посол в Берлине, с 1879 по 1882 г. — посол в Австро-Венгрии; с 1882 г. — член Государственного совета 94, 124, 125, 194
- Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884), граф, археолог; основатель Московского археологического общества и Исторического музея 96
- Унковский Иван Семёнович (1822—1886), контр-адмирал, сенатор; в 1861—1877 гг. — ярославский губернатор 116
- Урусов, князь, зять С.И. Мальцева, муж Марии Сергеевны Мальцевой 148
- Урусова Прасковья Александровна, княгиня, урожденная Абаза, жена Льва Павловича Урусова 105
- Фавр Луи (1826—1879), строитель Сен-Готардского туннеля 325

- Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), военный историк, писатель, публицист, генерал-майор; сотрудничал в газете «Московские ведомости», журналах «Весть», «Русский вестник» и «Русский мир» 55
- Фердинанд Мария Януарий (1869—1947), итальянский наследный принц, сын короля Умберто I, с 1900 г. — король Виктор-Эммануил III 414
- Филимонов Василий Семёнович, генерал-лейтенант, с 1882 г. — начальник артиллерии Одесского военного округа 62
- Филиппов, генерал-майор 210
- Филиппов Тертий Иванович (1825—1899), действительный тайный советник (1889), сенатор (1883); в 1878—1889 гг. — товарищ государственного контролера, с 1889 г. — государственный контролер; член Государственного совета 137
- Философов Владимир Дмитриевич (1820—1894), действительный тайный советник (1881), статс-секретарь (1867); с 1861 по 1881 г. — главный военный прокурор и главный начальник военно-судного ведомства; член Государственного совета 193
- Фиорентино, владелец гостиницы в Сорренто 369
- Франц-Иосиф I (1830—1916), с 1848 г. — император Австро-Венгрии, с 1867 г. — король Венгрии 130, 143, 144
- Фредерикс Владимир Александрович (1837—1892), барон, шталмейстер; с 1867 г. — чиновник для особых поручений при министре иностранных дел, с 1879 г. — директор Департамента личного состава Министерства иностранных дел, с 1884 г. — посланник в Бадене 90
- Фредерикс Лев Александрович (1839—1914), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1863 по 1876 г. — адъютант военного министра Д.А. Милютина, с 1876 по 1899 г. — военный агент в Париже 116, 306, 309, 310, 312, 327
- Фредрих Мария Петровна, баронесса 51, 52, 62, 63, 412
- Фридрих III (1831—1888), старший сын германского императора Вильгельма I; с 9 марта 1888 по 15 мая 1888 г. — император Германии и король Пруссии 91, 225, 226
- Хвошинский, генерал-майор, городской голова г. Ялты 116
- Хеопс (греческая форма имени египетского фараона Хуфу) (ок. 2694—2654 до н. э.), второй царь IV династии Древнего Египта, строитель Великой пирамиды в Гизе 263, 267
- Хитрово Михаил Александрович (1837—1896), действительный статский советник, гофмейстер; с 1871 г. — генеральный консул в Константинополе, в 1879—1880 гг. — в Солониках, с 1880 г. — дипломатический представитель России в Болгарии, затем с 1883 г. — в Египте, с 1886 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Румынии, с 1891 г. — посланник в Португалии, с 1896 г. — в Японии 104
- Христофор (1888—1940), принц Эллинский, сын Греческого короля Георга I 230
- Хрушов Дмитрий Петрович (1816—1864), сенатор, гофмейстер; в 1856—1857 гг. — товарищ министра государственных имуществ 409
- Хрушов Павел Дмитриевич (1849—1909), химик, профессор Харьковского университета, почетный член Общества физико-химических наук; сын Д.П. Хрушова 409—411
- Хрушовы 409—411
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), римский политический деятель, полководец 50
- Цион Илья Фаддеевич (1842—1912), публицист 39, 40
- Чайковский Ипполит Ильич (1843—1927), генерал-майор от адмиралтей-

- ства; капитан парохода «Михаил», брат композитора П.И. Чайковского 107, 109, 110, 112
- Чайковский Пётр Ильич (1840–1843), композитор 107
- Чарторыйский (Чарторижеский, Чарторыжский) Адам Ежи (1770–1861), князь, канцлер; мемуарист; в 1804–1806 гг. — российский министр иностранных дел; в 1830–1831 гг. — глава Польского национального правительства, с 1831 г. — в эмиграции в Париже 219
- Чевеленский (Чевелянский), капитан Корпуса топографов, начальник топографической съемки в Крыму 415, 416
- Черевин Пётр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант (1882), генерал-адъютант (1882); с 1876 по 1880 г. — командир Собственного Е. И. В. конвоя, с 1880 по 1883 г. — товарищ министра внутренних дел 176, 178
- Черкасская Екатерина Алексеевна (1825–1888), княгиня, урожденная Васильчикова, жена князя В.А. Черкасского 209, 224, 234, 235
- Черкацкий Владимир Александрович (1824–1878), князь; общественный деятель, близкий к славянофилам; в 1864–1866 гг. — главный директор Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, в 1869–1870 гг. — московский городской голова, в 1872–1874 гг. — председатель правления Московского земельного банка, в 1877–1878 гг. — заведующий гражданской частью в Болгарии 234, 235
- Чернышев Александр Иванович (1786–1857), светлейший князь (1849), генерал от кавалерии (1827), генерал-адъютант (1812); в 1832–1852 гг. — военный министр; член Государственного совета 141
- Чертков Григорий Иванович (1828–1884), генерал-лейтенант (1871), генерал-адъютант (1870); в 1874–1877 гг. — помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск, в 1877–1878 гг. — командир 2-й пехотной дивизии 135, 136
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, философ, профессор Московского университета, земский деятель; московский городской голова 102, 158, 236, 240, 243, 409, 410
- Чичерина Александра Алексеевна (1845–1920), урожденная Капнист, жена Б.Н. Чичерина 158, 411
- Чичерины 158, 199, 203, 209, 236, 240; 241, 243, 410, 411, 414, 415
- Шакир-паша, турецкий генерал, с 1879 по 1881 г. — посол Турции в России 166
- Шаховская Александра Павловна (1823–1903), княгиня, мать князя С.В. Шаховского 78, 93, 97, 196
- Шаховская Варвара Михайловна, княгиня, урожденная Каткова 418
- Шаховская Елизавета Дмитриевна, см. *Милютина* Е.Д.
- Шаховские, семья 78, 99
- Шаховской Александр Иванович (1822–1891), князь, генерал-лейтенант 407
- Шаховской Лев Владимирович (1849–1897), князь, титулярный советник, заведующий архивом и канцелярией Московской Оружейной палаты 93, 99, 103, 105
- Шаховской Николай Владимирович, князь, коллежский ассессор; чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, председатель Главного управления по делам печати 188, 197
- Шаховской Сергей Владимирович (1852–1894), князь, муж дочери Д.А. Милютина Елизаветы; с 1881 г. — черниговский, с 1885 г. — эстляндский губернатор 71, 72, 98, 99, 158, 166, 167, 194, 233, 411, 413, 415
- Шаховы, семья 427
- Шереметев Владимир Алексеевич (1847–1893), граф, флигель-адъю-

- тант, полковник, с 1887 г. — командир конвоя Е. И. В. 233
- Шереметев Александр Дмитриевич (1859–1931), граф, муж М.Ф. Гейден, сводный брат графа С.Д. Шереметева 79, 102
- Шестаков, адъютант великого князя Константина Николаевича 224
- Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888), генерал-адъютант (1882), адмирал (1888); с 1882 по 1888 г. — управляющий Морским министерством 79, 177, 178, 181, 191, 210–212, 231, 232, 235, 245, 400, 402
- Шестакова Мария, урожденная де Вильер, жена И.А. Шестакова 177, 212, 235, 245, 400, 402
- Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923), профессор зоологии Петербургского университета 255
- Шлиман Генрих (1822–1890), немецкий археолог, руководитель раскопок доисторических памятников Трои, Микен, Тиринфа, Орхомена 250, 291
- Шувалов Михаил Андреевич (?–1903), с 1886 г. светлейший князь Воронцов, брат П.А. Шувалова-Воронцова 152
- Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), граф, генерал-адъютант; с 1867 по 1874 г. — начальник штаба гвардии и войск Петербургского военного округа, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1885 г. — посол в Берлине, с 1894 г. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками округа 193, 194
- Шувалов Павел Андреевич (1846–1885), с 1882 г. Воронцов-Шувалов, светлейший князь, наследник майората князей Воронцовых 151, 152, 155
- Шувалов Пётр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1866); в 1857–1860 гг. — петербургский обер-полицеймейстер, с 1860 г. — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, в 1864–1866 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1866–1874 гг. — шеф Корпуса жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1874–1879 гг. — посол в Лондоне; член Государственного совета 125, 168, 169, 219
- Шувалова Елизавета Карловна (1841–1940), урожденная баронесса Пиллар фон Пильхау, в первом браке Столыпина 151, 152, 155
- Шумахер Александр Данилович, действительный тайный советник, сенатор 193
- Шуровский Григорий Ефимович (1803–1884), геолог, профессор Московского университета, один из основателей и первый президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 94
- Эллис Александр Вениаминович, генерал-лейтенант, состоял в лейб-гвардии Егерском полку, с 1889 г. — член Военного совета Военного министерства 234, 244
- Эвмен-паша (Эмин-паша) (Шнитцер Э.), египетский государственный деятель, австриец по происхождению; этнограф и путешественник; с 1879 г. — управляющий египетской провинцией Верхний Нил (Экватория) 428
- Эристов Николай Богданович, князь, полковник, помощник военного губернатора Батумской области; впоследствии военный начальник Батумского округа Кутаисской губернии 110
- Эрнрот Казимир Петрович, русский генерал, с 1880 по 1881 г. — военный министр Болгарии, в 1881 г. — министр-президент 249
- Эренрот (Эрнрот), сестра К.П. Эрнрота 249
- Юрьевская, княгиня, см. *Долгорукая* Е.М.
- Юрьевский Георгий Александрович (1872–1913), светлейший князь, сын императора Александра II 41

- Яковлев Александр Гаврилович**, второй драгоман русского посольства в Турции 248–250, 252, 253, 255, 394
- Baedeker**, см. *Бедекер К.*
- Bartolomeo Fra**, см. *Бартоломмео*
- Bellini**, см. *Беллини*, братья
- Bellini**, *Беллини В.*
- Bibguer**, доктор, знакомый Д.А. Милютина 390
- Canet**, французский изобретатель оружия 340
- Casenave**, французский атташе в Афинах 291, 292
- Correale**, см. *Корреале*
- Correvon М.**, директор Альпийского сада в Женеве 326
- Czartorysky Adam**, см. *Чарторыйский А.*
- Donatello**, см. *Донателло*
- Dumas Alexandre, père**, см. *Дюма А.*
- Dunmug**, см. *Денмур*
- Ferrari**, маркиза 345
- Geger**, шведский секретарь посольства в Константинополе, знакомый Д.А. Милютина 390
- Giotto**, см. *Джотто ди Бондоне*
- Hoskier**, банкир 337
- Lafertй**, см. *Лаферте В.*
- Leroy-Beaulieu**, см. *Леруа-Больё А.*
- Lippi Filippo**, см. *Липпи Ф.*
- Parvis**, см. *Парвис*
- Peruginо**, см. *Перуджино П.*
- Ragusa**, братья, владельцы отелей в г. Катана 383
- Turr**, см. *Тюрр С.*
- Vechino**, капитан итальянского парохода 380
- Welesley**, британский генерал 85

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аар (Ааре), р. в Швейцарии 319–321
Абхазия 109, 110
Австрия 80, 84, 89–91, 104, 122, 178, 218, 223
Австро-Венгрия, 10, 80, 90, 129, 130, 155, 218
Адда, р., левый приток р. По в Италии 306
Аджарский хребет (Аджаро-Имеретинский хребет, Аджаро-Ахалцихский хребет) 113
Адлер, поселок 108
Адриатическое море 296, 300
Азиатская Турция, см. *Турция*
Азия 76, 91, 154, 257; см. также: *Малая Азия, Средняя Азия*
Ай-Петри, вершина Главной гряды Крымских гор, в районе Алупки 217, 219
Ай-Тодор, мыс на Южном берегу Крыма к юго-западу от Ялты, одноименное имя великого князя Михаила Николаевича 58, 59, 62–64, 99, 100, 103, 179, 181, 183, 188, 396–399, 412, 413, 423, 425, 427, 429
Айрало (Айроло), село в швейцарском кантоне Тессин 309, 314
Албания 223, 295, 390
Албанские горы 352
Александретта (Александретта, ныне Искендерон), город и порт в Турции 257
Александрия, г. в Египте в дельте р. Нил 13, 247, 257–259, 261, 270, 271, 285
Александровская, ст. Северо-Западной ж. д. в Петербургской губ. 191
Алупка, поселок на Южном берегу Крыма 8, 29, 35, 67, 74, 103, 114, 140, 151, 163, 220, 226, 229, 235, 364, 396, 399, 402, 407, 416, 422, 423, 425, 428
Алушта, г. на Южном берегу Крыма 105, 167, 184, 203
Альма, р. в Крыму 143
Альпы (Альпийский хребет), горная система в Западной Европе 302, 306, 314, 320, 321, 343
Америка (Новый Свет) 398
Аморгос, о. в Эгейском море в группе Кикладских о-вов 286
Аму-Дарья, р. в Средней Азии 96, 216
Анапа, креп. (ныне город) на берегу Чёрного моря 108
Англия 76, 90, 153–155, 157, 158, 160, 166, 187, 210, 223, 331, 342, 390
Андермат (Андерматт или Урзен), с. в кантоне Ури в Швейцарии 309, 314, 315
Андрос, о. в Эгейском море из группы Кикладских островов 287
Анкона, г. в Средней Италии 15, 296
Апенины (Апеннины), горная система на Апеннинском п-ве 296, 302
Аполлония, оз. 254
Аральское море 96
Арва (Арв), р., левый приток р. Рона во Франции и Швейцарии 322
Аргентина (республика Аргентинская) 332
Арно, р. в Средней Италии 347
Архипелаг, группа греческих островов в Эгейском море от Балканского п-ва до берегов Малой Азии 285–287, 295
Асуан (Ассуан), г. в Египте 265
Аттика, п-ов на юго-востоке Средней Греции 287, 392
Афганистан 153, 155, 158
Афины, г. 14, 125, 181, 210, 287, 288–295, 298, 309, 390–392
Баден, «земля» в юго-западной части Германии 139, 142
Баден-Баден, г. и курорт в юго-западной Германии 61

- Байдарские ворота, перевал через гряды Крымских гор 396
- Байрам-бахчи, участок земли в Симеизе, по соседству с имением Д.А. Милютина 425, 427
- Байрёйт, г. в Баварии 139, 141
- Баку, г. 111, 224
- Балаклава, пос. на южном берегу Крыма 140, 163
- Балканский п-ов 10, 90, 104, 129, 130, 155–157, 171, 178, 208
- Бари, г. 295, 389
- Батум (Батуми), г. в Аджарии (Кавказ) 7, 43, 106, 110–115, 166, 224, 235, 236, 243
- Батумская бухта 111
- Бахчисарай, г. в Крыму 56, 105, 166, 416, 427
- Бейрут, г. в Турции (ныне столица Ливана) 257
- Белинцона (Беллинцона, Bellinzona), г. 309
- Белладжio (Bellagio), курортный город на оз. Комо в Италии 302, 304–307, 309
- Бельбек, р. в Крыму 212
- Бельфор, г. и креп. во Франции, территория департамента Бельфор на границе со Швейцарией 321
- Бендеры, г. в Бессарабии на Днестре 74, 154
- Бениген (Бёнинген), Швейцария 316
- Бергамо (Bergamo), г. в Северной Италии у подножия Альп 300
- Берлин, г. 10, 11, 41, 80, 89, 104, 122–128, 132, 133, 153, 193, 194, 230
- Берн, г. 306, 309, 310, 312, 319–321
- Бессарабия, историческая область между реками Прут и Днестр 34, 72, 74, 152, 168, 203, 207, 215, 275, 402, 414–416, 430
- Богемия, историческая область в Чехии 419
- Болгария 11, 85, 86, 90, 96, 104, 166, 191, 194, 223
- Болонья, г. 15, 295, 296, 353
- Борки, ст. и с. Змиевского у. Харьковской губ. 318
- Боромейские (Борромейские) о-ва, на Лаго-Маджоре в итальянской провинции Новара 308
- Босния, область 130, 223
- Босфор, пролив 10, 11, 13, 89, 91, 93, 129, 134, 157, 196, 210, 245, 250, 251, 394, 395
- Бриенц (Brienz), с. в швейцарском кантоне Берн 316
- Бриенцское (Brienzersee) озеро 312, 316
- Бриндизи (Brindisi), г. 15, 295, 296, 380, 383, 387–389
- Бруса и Пруса (Брусса, Бруза, Бурса), г. в Малой Азии, одна из резиденций турецких султанов 252–254, 298
- Буллах (Булак), пригород Каира 265, 269
- Бухарест (Bucuresti), г. (с 1862 г. — столица соединенных княжеств Молдавии и Валахии) 105
- Буюк-Дере (Буюкдере, т. е. большая долина), дер. в Турции, на европейском берегу Босфора, в летнее время резиденция части дипломатического корпуса 245, 248, 250, 255, 393–395
- Валлис (Вале, Le Valais), кантон в Швейцарии 323
- Вальтелин (Вальтеллина, Valtellina, Tegolino), верхняя долина р. Адды в итальянской провинции Сондрио 306
- Варшава, г. 140, 143
- Ватикан 17, 351–353, 357
- Ве́ве (Vevey), г. в швейцарском кантоне Во 322, 324
- Везувий, вулкан на берегу Неаполитанского залива 17, 359, 363, 364
- Вена, г. 10, 104, 128, 130, 141, 146, 347, 362
- Венгрия 145
- Венеция (Venezia), г. 15–17, 169, 213, 229, 295–301
- Версаль, г., летняя резиденция французских королей 342
- Ветергорн (Веттергорн), горная вершина в Швейцарских Альпах 318
- Византия 252
- Вильна (Вильнюс), г. 34, 49, 67
- Вифлеем, г. 280
- Вицнау, дер. 313
- Виши, г. 327
- Галата, главный торговый район Стамбула 247, 249, 250

- Гаспра, поселок на Южном берегу Крыма 117, 421
- Гастейн (Гаштейн, Gastein), долина и три курортных местечка в австрийском герцогстве Зальцбург 187
- Гатчина, г., императорская резиденция в окрестностях Петербурга 191, 192, 196
- Гевсиманский сад (Гефсиманский сад), местность у южной подошвы Елеонской (Масличной) горы в окрестностях Иерусалима 277
- Гезирет, Гезире, о. на р. Нил 13, 262, 268, 269
- Гелеспонт (Геллеспонт), античное название пролива *Дарданеллы*
- Гелиополис (Гелиополь), г. в Египте 265
- Генуа (Генуя, Genova), г. 16, 17, 344–346
- Геок-Тепе, станция и название трех селений в Ахалтекинском у. Закаспийской обл. 50
- Геркуланум (Герколанум), руины античного города в Италии 17, 359, 363
- Германия 50, 80, 84, 89–91, 104, 122–126, 128–130, 155, 178, 233, 415
- Герцоговина (Герцеговина), область 130, 223
- Гёшен (Гёшенен), дер. в Швейцарии 309, 313, 314
- Гисбах (Giessbach), р. в Швейцарии, впадает в Бриенцское озеро 312, 317
- Гнивань (Гневань), ст. Юго-Западной ж. д., в Винницком у. Подольской губ. 99
- Гокча, оз. (ныне Севан в Армении) 171
- Гольгофа (Голгофа), возвышенность в г. Иерусалим, первоначально — вне города 275, 277, 279
- Греция 14, 15, 244, 287, 290
- Гримзель (Grimsel), горный проход в Бернских Альпах 314
- Гринденвальд (Grindewald), дер. 318
- Гринденвальдская долина (в швейцарском кантоне Берн) 318
- Гудаута, мест. в Абхазии на берегу Чёрного моря 108, 109
- Гурзуф, см. *Урзуф*
- Дания 99, 100
- Дарданеллы (Дарданеллы), пролив 11, 13, 129, 210, 255, 392, 393
- Дармштадт, г. 104
- Джемьета (Джемит), имение в Крыму 52
- Джуба, г. на юге Судана, на левом берегу Белого Нила 108
- Дон, р. 423
- Дрезден, г. 141
- Дунай, р. 56
- Дунайские княжества (Молдавия и Валахия) 205
- Европа 6, 12, 15–17, 25, 28, 41, 42, 50, 117, 124, 126–128, 142, 171, 172, 181, 220, 223, 226, 239, 256, 258, 263, 268, 291, 296, 326, 343, 359, 378, 379, 384, 398, 419
- Египет 13, 14, 104–105, 244, 247, 249, 259, 260, 265, 394
- Елисаветград (Елизаветград), г. 230, 231
- Женева, г. 16, 17, 207, 321, 322, 324–327
- Закавказье 429
- Зиль (Sihl), р. в Швейцарии 311
- Золотой Рог, бухта 245, 247, 249–250, 250, 252, 255, 389, 393, 394
- Иерихон, г. в Палестине 282–284
- Иерусалим, г. 13, 14, 152, 272–276, 279, 280, 282–284, 287, 295
- Измаилие (Измаилия), г. на Суэцком перешейке, на северном берегу оз. Тимса 270–272
- Индия 340
- Индо-Китай (Индокитай), п-ов на юго-востоке Азии 340
- Интерлакен, г. в швейцарском кантоне Берн 315, 316, 318, 319
- Ионические о-ва, группа островов в Ионическом море у юго-западных берегов Греции 295, 390
- Ионическое море 293
- Иордан, р. в Палестине 277, 282–284, 287
- Иорданская долина 282
- Иос, о-в в Эгейском море в архипелаге Кикладских островов 286
- Иосафатова долина, одна из долин в окрестностях Иерусалима, отождествляемая с Кедронской долиной 277

- Испания 85, 171
- Италия 15, 16, 66, 80, 233, 244, 288, 293, 295, 296, 300, 341, 342, 345, 350, 352, 355, 359, 367, 370–372, 375, 376, 379, 380, 382, 384, 388, 389
- Кабулети (Кобулети), г. в Аджарии 111
- Кавказ 26, 35, 84, 100, 105, 111, 132, 161, 171, 230, 231, 233–235, 268, 391, 395, 415, 420, 421, 429
- Кавказский хребет 109, 113
- Кадькиой, селение в Турции, при впадении Босфора в Мраморное море 248
- Каир, г. 13, 15, 259, 261, 263, 265–271, 295
- Каксо, о. 257
- Калабрия, область в Италии 385
- Каламаки 293
- Камбоджа (Кхмер), государство в южной части п-ва Индокитай 341
- Кампанья-Римская (Кампанья-ди-Рома), холмистая равнина в низовьях р. Тибр 352
- Кандия (совр. Крит), о. 285
- Капри, о. в Тирренском море (Италия) 258, 359, 369, 370
- Кара-Бурну, мыс 257
- Караязская степь 390
- Каспийское море 216
- Кастро (Кастр, Castres), г. в Лангедоке (Франция) 257
- Кастропуло (Кастрополь), пос. в Крыму 167, 412
- Катана (Катания), г. и порт 378, 382–386, 388
- Кео (Keos), о. 287
- Керченский пролив 108
- Керчь, г. 107, 108, 114
- Кефиссия 292
- Киавенна 306
- Киев, г. 67, 98, 111, 162, 163, 229, 236, 402, 417
- Кикенесская, ст. 412
- Кисловодск, г. 415
- Киссинген (Бад-Киссинген), г. в Баварии 125, 187
- Китай 191, 340
- Китнос, о. в группе Кикладских островов 287
- Колико, г. в Италии 306
- Комо (Como), оз. в Италии 17, 302–305
- Константинополь (Стамбул, Царьград) 5, 10, 13, 14, 17, 89, 93, 125, 134, 157, 181, 187, 223, 230, 243–248, 252, 254, 255, 257–259, 261, 285, 298, 341, 358, 389, 390, 392–395
- Копенгаген, г. 128
- Кореис (Кореиз), пос. на Южном берегу Крыма 35, 43, 44, 47, 52, 64, 74, 99, 105, 136, 140, 152, 169, 179, 218, 396, 399, 407, 412, 425, 427
- Коринф, г. и порт на Коринфском перешейке, в Греции 293
- Коринфский залив, часть Ионического моря у западного побережья Греции 293, 294
- Коринфский канал в Греции, на Коринфском перешейке, соединяющий Эгейское и Ионическое моря 292–294
- Корниш или Ривьера (Италия) 346
- Корфу (Керкира), о. в Ионическом море 295, 390
- Кошка, гора в Южном Крыму 403
- Кременчуг, г. в Полтавской губ. 74, 203
- Крым, п-ов 6, 7, 12, 15, 17, 34, 36, 48, 56, 64, 65, 73, 79, 81, 84, 94, 95, 98–100, 105, 106, 111, 114, 122, 156, 162, 164, 166, 170, 176, 178, 183, 184, 191, 192, 205, 216, 230, 254, 266, 288, 305, 309, 319, 359, 362, 364, 368, 372, 389, 391, 396, 397, 399, 403, 411, 412, 415–420, 424–427
- Кубань 108
- Кутайя 254
- Кушка, р. на юге Туркмении 155
- Лавалет (Ла-Валлета), главный г. о. Мальта 380
- Латакия, область, г. и порт на побережье Средиземного моря (ныне в Сирии) 257
- Лаутенбургская долина (Швейцария) 318
- Лейпциг, г. 162
- Лекко, оз. 304, 305
- Леман, французское название Женевского озера 326
- Лемнос, о. в Эгейском море, в группе Фракийских островов 392

- Леонтьево, усадьба 99
- Лесбос (Митилини), о. в Эгейском море у западного побережья Малой Азии 255
- Ливадия, императорская резиденция вблизи Ялты 43, 48, 52, 74, 125, 153, 160, 176–179, 181, 182, 189, 214, 224, 227, 229–232, 240, 407, 410, 411, 417, 430
- Ливанские (Ливийские) горы 263
- Лида (Лидда), арабское селение в Палестине 273
- Лидо (Lido), береговая полоса между лагунами и берегом Адриатического моря близ Венеции 299
- Лимен (Лиман), бухта у мыса Кекенез вблизи Симеиза 402, 403, 408
- Лименская долина 187, 404
- Лименский отрог (хребет), часть гряды Крымских гор 224
- Лион, г. во Франции, департамент Рона 322
- Лозовая, с. и ст. на пересечении Лозово-Севастопольской и Юго-Восточной ж. д., в Харьковской губ. 233, 415
- Лондон, г. 169
- Луино (Luino), оз. 307–309
- Люцерн, г. 16, 309–312, 314–317, 319
- Люцернское (Фирвальдштетское) озеро 310, 315, 316
- Магарач, урочище в Ялтинском у. Таврической губ., принадлежавшее Никитскому училищу садоводства и виноделия 51, 213, 229, 418
- Македония 156
- Макона (Макон), г. 327
- Малая Азия 257
- Малиа, мыс 391
- Мальта, о. 378, 380–383
- Марафонская долина (равнина) в Аттике 288
- Масандра (Массандра), императорская резиденция вблизи Ялты 214, 410, 411, 424, 427
- Матапан (Матаран), мыс на юге п-ва Пелопонесс (Морея) 391
- Матарие (Matareih), дер., затем г. в Египетском губернаторстве Дамиетт 265, 266
- Махмудье (Mahmudieh), канал в Нижнем Египте между Розеттой и Александрией 257
- Мейринген (Meiringen), мест. в швейцарском кантоне Берн, на р. Ааре у подножия горы Гасли (Швейцария) 316
- Мелас (Милас, Мелисс), г. в Греции 171
- Мемфис, развалины столицы Древнего Египта 263
- Менаджио (Менаджо), г. в Италии 306
- Менида 291
- Ментон (Ментона, Mentone, Menton), курорт на Лазурном берегу 403
- Мерсин, п-в на Средиземноморском побережье Турции 257
- Мессина, г. и порт на о. Сицилия 16
- Мессинский пролив 387
- Мёртвое море 277, 282–284
- Милан, г. 16, 17, 300–302, 305, 309
- Минск, г. 55
- Мисена (Мессена, Месини), г. в южном Пелопонессе (Греция) 285, 385–387, 291
- Мисхор, ст. и дер. в Ялтинском у. Таврической губ., на побережье Чёрного моря, на границе с Алупкинским парком 214, 420
- Митава, г. (ныне Елгава в Латвии) 415
- Митилен 255
- Митридатова гора (гора Митридат), на восточной оконечности Крыма 107
- Могилёв, г. 50
- Монсенский (Мон-Сениский) туннель в Западных Альпах, под перевалом Фрежюс, на франко-итальянской границе 343
- Морея, средневековое название п-ва Пелопонесс 391
- Москва, г. 10, 12, 20, 34, 49, 58, 61, 66, 67, 71–73, 75, 77, 78, 81, 84, 87, 88, 92, 94–98, 106, 127, 129, 141, 170, 185, 190, 196, 209, 227, 235, 275, 290, 357, 402, 403, 414, 419
- Мраморное море 250, 252
- Мудание (Муданья), г. и порт на южном берегу Мраморного моря, в Турции 252, 254
- Мурано, пригород Венеции, о. 298, 299
- Мшатка, дер. в Крыму 106, 171, 172, 184, 197, 215, 244, 419

- Навплия, г. в Греции, на берегу Арго-лидского залива 291
- Наксос, о. в Эгейском море (Греция) 286
- Наташино, имение в Крыму 56, 103, 163, 214, 215, 230, 231, 417, 418, 419
- Неаполитанский залив 359, 368–369, 370
- Неаполь, г. на юго-востоке провинции Кампания (Италия) 16, 17, 256, 295, 345, 358–360, 364–366, 368, 370–372, 380, 386, 388
- Низиды, о. 366
- Никита, дер. вблизи Ялты 161
- Николаев, г. 177, 212, 215, 229
- Никольское, усадьба 94, 196, 209, 290
- Нил, р. 13, 15, 259–263, 265, 267–269, 271
- Нимфы Аретузы, родник 380
- Ница (Ницца), г. 130, 212, 235, 327
- Новара, г. 309
- Новая Гвинея, о. в Тихом океане 181
- Новороссийск, г. 108, 235, 415
- Нью-Йорк, штат и г. на северо-востоке США 340
- Одесса, г. 66, 67, 77, 98, 103, 152, 158, 161, 189, 207, 216, 228, 229, 233, 245, 272, 294, 394, 408, 414, 416, 417, 428
- Оренбург, г. 6, 23, 66–68, 71, 72
- Орианда (Ореанда), великокняжеская резиденция на южном берегу Крыма 19, 35, 36, 38, 40, 43, 46, 47, 49, 53, 56, 59, 66, 99, 100, 103, 106, 132, 136–138, 140, 143, 145, 146, 154, 157–162, 165–169, 176, 178–180, 182–187, 189, 197, 199, 200, 207, 209, 212–216, 218, 220, 224, 226, 228–233, 236, 240, 242, 396, 423
- Отранто (Otranto), г. в Южной Италии и пролив, соединяющий Адриатическое и Ионическое моря 295
- Очемчиры, мест. на Черноморском побережье Кавказа, южнее Сухуми 109
- Павловск, г. в С.-Петербургской губ., императорская и великокняжеская резиденция 81, 100, 165, 186, 230, 312, 399
- Пагос, гора 255
- Падуа (Падуа), г. 296, 297
- Палатинская гора 354
- Палермо, г. и порт на северном побережье о. Сицилия 370–373, 376, 377, 388
- Палестина, территория в Передней Азии у восточных берегов Средиземного моря 244
- Париж, г. 15–17, 35–37, 50, 55, 135, 153, 155, 183, 205, 244, 306, 309, 310, 312, 322, 323, 326–329, 332–334, 336, 338, 340–343, 350, 353, 354, 394, 408
- Парос, о. 286
- Патрос (Патры), г. в Греции, на берегу зал. Патраикос 293, 294, 380, 383
- Пера, европейская часть Константинополя 245, 246, 248–250, 393, 394
- Перекопский перешеек (соединяет Крымский п-ов с материком, разделяет Каркинитский залив Чёрного моря и оз. Сиваш) 107–108
- Пестум, древний город на юго-западном побережье Италии (древнегреческая Посейдония) 364, 367, 380
- Петербург (Санкт-Петербург) 5, 7, 12, 13, 23, 26–28, 33, 34, 36, 38–40, 44, 46, 48, 50, 55, 58, 64, 65, 67, 73, 74, 76, 77, 79–81, 89, 95, 99, 100, 106, 114, 116, 121, 133, 136, 137, 139, 141–143, 146, 151–153, 156, 158, 163, 165, 167, 169, 170, 172, 175, 176, 183–185, 187, 189–192, 194–197, 203, 205–209, 214, 215, 218, 224, 226, 227, 229–232, 234, 239–243, 246, 318, 347, 396–399, 401, 403, 408, 411, 412, 414, 415, 419–421, 423, 426, 427, 430
- Петергоф, уездный г. Санкт-Петербургского у. и губ., императорская резиденция 58
- Пиза, г. 16, 345, 346
- Пилат, вершина в Люцернских Передних Альпах, на Фирвальдстедском озере, напротив горы Риги 277, 311, 316
- Пирей, г. и порт 14, 180, 287, 288, 290–292, 390, 391, 392
- Пирейская гавань 288, 391
- Плевна, г. 42, 66, 193, 199, 218
- По, р. в Италии 344
- Подсолнечная, ст. в Московской губ. 196
- Позиллипо (Позиллиппо), мыс и грот в Южной Италии 366, 367

- Польша (Царство Польское) 140, 141, 144, 428
- Помпеи, руины античного города близ Неаполя у подножия Везувия 17, 359, 363, 365
- Порт-Саид, г. 267, 271, 272, 285
- Порта, см. *Турция*
- Поти, г. и порт в Кутаисской губ. 109, 110
- Преображенское, с. 92
- Принкипо (Prinkipo), о. в архипелаге Принцевых островов в Мраморном море 248
- Принцевы о-ва, архипелаг в северо-восточной части Мраморного моря (Турция) 248, 250
- Приионский край, местность в бассейне р. Риони (Грузия) 110
- Пруссия 49, 123
- Пезуап, р. на Кавказе 108
- Пуццоли (Пощуоли), сернистые источники и древнеримское поселение в Италии 366
- Пяндж, р., верхнее течение р. Аму-Дарья до впадения правого притока р. Вахш 154, 155
- Рамала (Рамла, Рамле, Рамаллах), г. в Палестине 273
- Ревель, губернский г. в Эстляндской губ. (ныне Таллинн, Эстония) 158, 163, 167, 194, 195, 197, 209, 227, 309, 312, 359, 368, 402, 408, 411, 414
- Реджо ди Калабрия (Реджо-ди-Калабрия), провинция и город на берегу Мессинского пролива 385, 387, 388
- Рейса, Рейсса (Рёйс), р., правый приток р. Аара в Швейцарии 130, 309, 313, 314
- Рига (Риги, Rigi), горная вершина в Швейцарских Альпах, к северу от Фирвальдштетского озера 310, 311, 313, 315, 316
- Рим, г. 16, 17, 350–355, 357, 358
- Римини, г. 296
- Рио-Жанейро (Рио-де-Жанейро), г. 398
- Ровиго, г. 296
- Рода (Родос, Rhodos), о. в Эгейском море (Греция) 269
- Рона, р. в Швейцарии и Франции 322, 323, 327
- Россия 6, 8, 10–13, 15, 17, 28, 32, 35, 37, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 53, 63, 67, 75, 84, 90, 92, 100, 102, 104, 117, 124, 126–130, 132, 140, 142, 144–147, 154, 156, 158, 171, 172, 178, 185, 186, 188, 218–220, 235, 239, 250, 261, 275, 280, 294, 327, 331, 333, 361, 369, 395, 398, 403, 415, 418, 419, 430
- Румелия, область на Балканском п-ве 90, 166
- Рюген (Швейцария) 316
- Савойя, Савойи (Savoie), провинция и департамент на юго-востоке Франции, на границе с Италией 322, 323, 417
- Салерно, г. 364, 367
- Салернский залив 367
- Салоники, г. 223, 390
- Сан-Стефано, г. на берегу Мраморного моря, близ Константинополя 252
- Санторин, о. в Эгейском море (Греция) 286
- Сандвичевы (Гавайские) о-ва в Тихом океане 92
- Сарненское озеро (Швейцария, полукантон Унтервальден) 316
- Сароникский залив (Саронический залив), на юго-западе Эгейского моря у берегов Греции 293
- Сассо, о. 285
- Севастополь, г. 17, 35, 36, 38, 42–43, 59, 62, 71, 73, 104, 105, 121, 137, 138, 146, 160, 164, 176, 177, 181, 182, 184, 185, 189, 190, 196, 210, 212, 215, 229, 230, 233–235, 244, 245, 248, 381, 393, 394, 396, 399–402, 408, 413–417, 426, 430
- Сент-Готард (Сен-Готард), горный массив в Лепонтийских Альпах, на юге Швейцарии 16, 309, 314, 325, 343
- Сент-Мориц (Сен-Мориц), перевал в Швейцарии 325
- Сербия 85, 223
- Сидней, г. 181
- Симеис (Симеиз), пос. в Южном Крыму 5–7, 9, 12, 19, 33–35, 38, 43, 47, 48, 52, 56, 58, 59, 61, 64, 66, 71, 73, 74, 77, 78, 98, 99, 102–105, 114, 116, 117, 121, 148, 151, 153, 158, 160, 161, 163, 164, 176, 182, 187, 191, 195, 196, 210, 212,

- 214, 216, 217, 226, 233, 234, 242, 244, 302, 335, 368, 391, 396, 400, 402, 407, 414, 418, 428, 430
- Симферополь, г. 52, 62, 71, 73, 77, 78, 105, 114, 121, 133, 143, 147, 153, 158, 166–168, 175, 176, 184, 209, 216, 227, 235, 413, 416
- Сион, гора близ Иерусалима 277
- Сира и Сирос, о. в Эгейском море, в группе Кикладских островов 285–287
- Сиракузы, г. 377–380, 383
- Сицилия, о. в Средиземном море 258, 371, 373–377, 380, 382
- Скарпанто (Карпатос и Карпато), о. в Эгейском море 257, 285
- Скерневицы, уездный город Варшавской губ. 144
- Скутари (Ускюдар), г. в Турции, на азиатском берегу Босфора, предместье (ныне в составе) Стамбула 248, 250, 394
- Смирна (древнегреческое название турецкого Измир), г. на западе Турции 13, 247, 255–257
- Смирнский залив 255, 257
- Сокольники, предместье (ныне часть) г. Москвы 93
- Сондрио (Sondrio), г. и провинция в Ломбардии 306
- Соренто (Сорренто), г. 355, 366, 368, 369, 391
- Сочи, пос. 108
- Специа (Специя), провинция и г. на севере Италии, в области Лигурия 346
- Средняя Азия 154
- Стамбул, см. *Константинополь*
- Стрельня (Стрельна), великокняжеская резиденция на берегу Финского залива 81
- Стреса (Stresa), г. в Италии 308
- Судак, пос. в Феодосийском у. Таврической губ. 107
- Судан, территория в Африке к югу от Сахары (ныне государство на северо-востоке Африки) 154, 156
- Суперга, горная вершина (Швейцария) 344
- Сухум (Сухуми), г. 109
- Суэц (Suez), г. 269
- Суэцкий (Суэзский, Суэцкий) канал 263, 270, 271, 293
- Средиземное море 342
- Таормина, в Италии 385
- Таранто, г. и провинция в Южной Италии, в области Апулия 389
- Ташкент, г. 34, 50
- Тверь, г. 190
- Тенедос (Бозджаада), о. в Эгейском море, вблизи побережья Троады 255, 392
- Тибр, р. в Италии 352–354
- Тинос, о. в Эгейском море, из группы Кикладских островов 287
- Тирент 291
- Тифлис, г. (ныне Тбилиси, Грузия) 35, 67, 111, 132, 171, 224, 243, 390, 415, 430
- Тихий океан 177, 181, 191
- Тичино, р., левый приток р. По 309
- Трабзон (Требизонд, Трапезунд), г. и порт на Черноморском побережье Турции 274
- Триполи, г. 257
- Троада, древнее название крайней северо-западной области на побережье Малой Азии 255
- Туапсе, г. 108
- Тула, г. 156
- Тун, г. в швейцарском кантоне Берн 319
- Тунское озеро (Швейцария) 319
- Турин, г. 343, 344
- Турция 10, 11, 15, 155, 185, 196, 210, 244, 394
- Урзуф (Гурзуф), пос. в Ялтинском у. Таврической губ. 19, 161, 166–168, 215, 216
- Уши (Швейцария) 324
- Фалеры, область в провинции Кампания (Италия) 292
- Феодосия, г. 107, 111, 114, 162, 163, 420
- Феррара, г. 15, 296
- Фиезоле (Фьезоле, Fiesole), г. 348
- Филиппополь (ныне Пловдив), г. в Восточной Румелии 166
- Финляндия (Великое княжество Финляндское) 417
- Флоренция, г. 16, 17, 345–350, 417

- Фостат, часть Каира 268
 Франценсбад, известный курорт в Чехии Франтишкови-Лазне 187
 Франция 10, 15, 16, 49, 80, 91, 130, 240, 330, 333, 339, 341, 355
 Фридрихсруэ 129
 Фурка, горный проход в Западных Альпах (Швейцария) 314
- Харьков, г. 51, 52, 66, 74, 203, 233, 235, 242, 302, 400, 411, 413, 414, 419, 422
 Херсонес Таврический, древнегреческий город в Крыму 400, 401
 Хивинское ханство 96
 Хиос, о. в Эгейском море, у западного побережья Малой Азии 257
 Ходынское поле (Ходынка), пригород г. Москвы, ныне в черте города 91, 93, 94
- Цареград (Царьград), см. *Константинополь*
 Царство Польское, см. *Польша*
 Цихисдзири 111
 Цюрих, г. и кантон в Швейцарии 16, 311, 319
 Цюрихское озеро 311
- Чернигов, г. 23, 27, 67, 99, 147, 154
 Черногория (Черногорское княжество) 85
 Чёрное море 10, 11, 42, 90, 106, 155, 156, 185, 210, 251, 395
 Чернь, ст. Московско-Курской ж. д., в Тульской губ. 51
 Чороха (Чорох), р. в Абхазии 113
 Чурук-су, ст. 111
- Шамбери, г. на юго-востоке Франции 343
 Шах-мамай, имение 163
 Швальбах, г. и курорт в Пруссии, в провинции Гессен-Нассау 319
 Швейцария 15, 16, 244, 249, 253, 309, 311, 313, 320, 325, 419
 Шрекгорн, гора в Швейцарских Альпах 318
 Шубра, мест. в Египте, на правом берегу р. Нил 268
- Элевзис (Элевсин), г. 289, 293
- Элеонская (Елеонская или Масличная), гора в Иерусалиме 277, 278
 Энгадин, горная долина в Швейцарских Альпах 306
 Эпир, область на северо-западе Греции 390
 Этна, вулкан на о. Сицилия 378, 384, 385
- Юнгфрау (Jungfrau), горный массив в Бернских Альпах 316
 Юра, система горных хребтов на границе между Францией и Швейцарией 327
- Яйла, самая высокая гряда Крымских гор 217, 219, 224
 Ялта, г. 35, 36, 43, 51, 52, 56, 57, 59, 64, 67, 77, 98, 99, 103, 105–107, 115, 117, 121, 122, 136, 140, 143, 146, 153, 154, 158, 160–164, 166, 167, 170, 176, 180–182, 184–186, 188, 189, 196, 199, 203, 207, 209, 212–218, 224, 226, 229–231, 233–236, 240–243, 246, 399, 403, 407, 409–412, 414–420, 424–428, 430
- Япония 340
 Яфа (Яффа), г. в Палестине, на Средиземноморском побережье 14, 257, 267, 271–273, 284, 287
- Ascona 307
- Vaverno, о. (в архипелаге Баромейских островов) 308
 Bellano 304
 Bisagno, р. в Италии 345
 Bouveret (в Швейцарии) 322–324
 Brünig, горный перевал в Альпах 316
- Cadenabia (Каденабия) 304–306
 Cannobia (Canobbia) 307
 Chebres, ст. (в Швейцарии) 321
 Clarens (в Швейцарии) 324
 Colonnaes, Sunium (Sounion), о. 287
- Dürlingen (в Швейцарии) 319
- Evian-les-bains (Эвиан-ле-Бен), город-курорт на Женевском оз. 323
 Euganli (Euganei), группа высот в Италии 296

- Gydisdorf (Gudisdorf), дер. в Швейцарии 319
- Intra, о. в архипелаге Баромейских островов (Италия) 308
- Isola Bella (Белла Изола), о. 308
- Kaldbad (в Швейцарии) 313
- Lago Maggiore (Lago Maggiore, Лаго Маджоре), оз. в Италии 307, 309
- Laveno (Лавено), мест. в Италии 309
- Legnone, гора в Италии 304
- Locarno (Локарно), г. в швейцарском кантоне Тичин 307
- Lugano, оз. в Ломбардских Альпах, на территории Швейцарии и Италии 306, 307
- Menaggio (Менаджио) 304, 307
- Mont-blanc (Монблан), вершина в Альпах на границе Италии и Франции 322
- Mont-Cenis (Мон-Сени), горный перевал через Западные Альпы, на границе Франции и Италии 343
- Monthey (в Швейцарии) 322–324
- Montreux (Монтрё), г. 324
- Morgin, мест. в Швейцарии 322–324
- Pallanza, о. в архипелаге Баромейских островов 308
- Porlezza, Porlenza (в Италии) 306, 307
- Schlidegg (Scheidegg) 313
- Sihl, см. *Зиль*
- Stuffel (Staffel) 313
- Thonon ? 323
- Tremezzo, Trezzo, Ponte Trezzo, западная оконечность оз. Лугано 304, 307
- Varenna 304
- Vevey, см. *Веве*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

П.С. Ванновский
А.Д. Милютин
Дом Д.А. Милютина в Симеизе. Современный вид
Дом Д.А. Милютина в Симеизе. Фотография начала XX в.
Великий князь Михаил Николаевич
Император Александр III
Императрица Мария Федоровна
Коронация Александра III
Исторический музей в Москве
Б.Н. Чичерин
Князь Александр Баттенбергский
Н.К. Гирс
К.Д. Кавелин
И.К. Айвазовский
Н.Х. Бунге
Князь Милан Обренович
Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна
Н.Н. Миклухо-Маклай
Великий князь Владимир Александрович
Ревель
А.В. Головнин
И.А. Вышнеградский
И.А. Шестаков
Германский император Фридрих III
Великая княгиня Ольга Константиновна
М.И. Семевский
Карта Константинополя. XVI в.
Отец Антонин (Капустин)

«Горнее», православный женский монастырь. Современный вид
Афины. Акрополь

Коринфский канал. Современный вид

Венеция. Рыночная площадь и собор Св. Марка

«Чертов мост». Гравюра 1780 г.

А.Ф. Кони

Общий вид Всемирной выставки в Париже 1889 г. Открытка

Париж. Трокадеро

Париж. Эйфелева башня. 1889 г.

Париж. Набережная Сены

Парижская всемирная выставка 1889 г. Вход во Дворец садоводства

Флоренция. Современный вид

Рим

Сицилия. Современный вид

Мальта. Современный вид

И.Е. Забелин

Алупка. Вид на Ай-Петри

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГИА — Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Захарова

Предисловие

5

От редактора

19

1882-й год

21

1883-й год

69

1884-й год

119

1885-й год

149

1886-й год

173

1887-й год

201

1888-й год

221

1889-й год

237

1890-й год

405

КОММЕНТАРИИ

431

ПРИЛОЖЕНИЯ

519

Приложение к дневнику 1883 г.

Д.А. Милютин. Разговор с Государем 10-го мая,
записанный приблизительно на память

521

УКАЗАТЕЛИ

525

Указатель имен

527

Указатель географических названий

569

Список иллюстраций

579

Список сокращений

581

*Дмитрий Алексеевич
Милютин*

ДНЕВНИК 1882—1890

Редактор *А. А. Комзолова*
Корректоры *А. А. Берсенева, Л. С. Новоселова-Чурсина*
Художественное оформление *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *В. Г. Верховзин*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.07.2010
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 36,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6384

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

1882

Д. А. Милютин ДНЕВНИК

1890